В. А. Тишков

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ 4

РОССИЙСКИЙ НАРОД

ИСТОРИЯ И СМЫСЛ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

МОСКВА НАУКА 2021

УДК 94(470+571):39
ББК 63.5(2)
Т 47

Издание осуществлено за счет личных средств автора

Рецензенты:
доктор исторических наук *И.Л. Волгин*,
доктор искусствоведения *В.Л. Глазычев*,
доктор исторических наук *Л.М. Дробижева*

Тишков В.А.

Избранные труды : в 5 т. / В.А. Тишков. – М. : Наука, 2021. – ISBN 978-5-02-040845-6

Т. 4 : Российский народ: История и смысл национального самосознания. – 2021. – 631 с. – ISBN 978-5-02-040849-4

Том 4 представляет собой 2-е издание книги автора с одноименным названием, вышедшей в издательстве «Наука» в 2013 году.

В книге рассматриваются вопросы, имеющие фундаментальное значение для российских граждан и страны в целом: почему мы один народ-нация, как мы себя ощущаем и как нас воспринимает остальной мир? Особое внимание уделяется категории «российский народ», а также процессу формирования национальной идентичности (нациестроительства). Отстаивается точка зрения о существовании исторического Российского государства (Российская империя – СССР – Российская Федерация). Акцентируется внимание на реализации целенаправленных планов и программ усилиями больших коллективов, государств и отдельных личностей в историческом процессе.

Для всех думающих и пишущих о России.

ISBN 978-5-02-040845-6
ISBN 978-5-02-040849-4 (Т. 4)

© Тишков В.А., 2021
© ФГУП Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2021

ПРОСТРАННОЕ ВВЕДЕНИЕ

Главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением.

Граф Н.И. Панин, 1783 г.

Эта книга о российском народе и его национальном самосознании (идентичности), которое делает россиян народом-нацией. Кто мы есть и почему, говоря словами президента страны В.В. Путина, «по воле судьбы, Всевышнего, в силу сложения огромного количества исторических обстоятельств на огромной территории, но на единой территории, под одним небом живут представители самых разных этносов, культур, религий – в то же время, несмотря на свою самобытность, ощущают себя единым народом и единой нацией»[1]. Столь же фундаментальное высказывание было сделано В.В. Путиным 5 февраля 2004 г. на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в Чебоксарах: «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень многое сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Используют все свое культурное богатство и многообразие в интересах всего общества и всего государства. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство»[2].

Заявление о признании российского народа гражданской нацией при всем ее этническом и религиозном разнообразии было сделано национальным лидером в период первого президентства В.В. Путина, и эта традиция восприятия страны как национального государства и ее народа, как полиэтничной гражданской нации была продолжена в период президентства Д.А. Медведева. Выступая 28 июня 2008 г. на церемонии открытия V Всемирного конгресса финно-угорских народов в Ханты-Мансийске, он отметил: «Само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды, на многовековом мирном опыте проживания в одном государстве более ста шестидесяти народов. Благодаря этому единство российской нации выдержало многие

испытания»[3]. После избрания нового Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 2 февраля 2009 г. на приеме в Кремле президент сказал: «В основе всех наших достижений и побед, представлений об уверенном развитии государства в будущем лежит нравственная сила российской нации, вера в идеалы добра, любви, справедливости»[4].

Почему мы один народ-нация, как мы себя ощущаем и как нас воспринимает остальной мир? Эти вопросы имеют фундаментальное значение для российских граждан и для страны в целом. И крайне желательно, чтобы по вопросу о национальной идентичности существовало должное понимание у школьника и студента, у преподавателя и ученого-обществоведа, у политика и журналиста. Задача моей книги – не только исследовать данный вопрос, но и представить читателю свое видение истории и содержания российского самосознания, а также свои рекомендации по части утверждения российской идентичности. Сразу же скажу, что два понятия – *самосознание* и *идентичность* – применительно к нации являются для меня синонимичными, т.е. схожими по смыслу, и мною сделан выбор в пользу первого для названия книги исключительно из соображений его более широкого хождения в литературе и в обиходном языке. Хотя по вопросам идентичности появляется все больше книг и устраивается все больше обсуждений, а само слово, будучи калькой с иностранного языка, утвердилось в русском языке в его групповом и индивидуальном смыслах и активно используется философами, этнологами, психологами, социологами, политологами[5].

Мою книгу читать будет трудно, ибо в ней много цитат и сугубо научных рассуждений. Это – не карамзинские истории в изящной литературной форме, хотя именно Н.М. Карамзин стал одним из объектов моего анализа и отчасти вдохновителем данного труда: после его «Истории государства Российского» само употребление в русском языке понятий «российский народ» и «россияне» возросло многократно[6]. Но я уверен, что прочитать этот текст будет полезно думающим и пишущим о России. Прочитавшие могут не согласиться с автором. Тогда у них должно быть желание дать свой ответ на вопрос, что есть Россия? Для меня ответ на этот вопрос сложился еще в начале 1990-х годов. В своих научных статьях и в публицистических работах я неоднократно писал, что советская теория, определившая нацию как высшую стадию развития этноса, была уязвимой и для демократического государствостроительства не подходящей, что Россия есть состоявшееся государство-нация, как и все другие страны мира, включая и те, которые появились после распада СССР[7].

Мое мнение таково, что с эпохи формирования централизованных государств на карте мира существует под разными названиями Российское государство – сначала как Российская империя, затем как Советский Союз. После распада СССР в 1991 г. новая Российская Федерация представляет собой продолжение исторического Российского государства, несмотря на утрату более трети населения и обширных территорий. Одновременно это заново самоопределившееся национальное государство, полностью легитимное и суверенное. Легитимность России придают не только историческая преемственность, Конституция, армия и охраняемые границы, но и наше национальное самосознание, в основе которого лежит представление о едином российском народе. Проживающий в нашей стране народ может с полным основанием считаться многоэтничной гражданской нацией, несмотря на то что в тексте Конституции записана несколько иная формула: «Мы – многонациональный народ…». *Утверждение представления о российском народе как о гражданской нации и есть формирование национальной идентичности или процесс, который иногда называют нациестроительством (nation-building).*

В моей позиции заключаются несколько фундаментальных новаций, которые часто оказываются трудными для восприятия политиками и обществоведами в силу инерции мышления или идеологической заангажированности. Во-первых, это представление о существовании *исторического Российского государства* (Российская империя – СССР – Российская Федерация), несмотря на радикальные трансформации в 1917 г. и в 1991 г., которые многие трактовали как «национальные катастрофы», а В.В. Путин назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Почти все российские историки и политологи разделяют эту оценку. В.А. Никонов в своем фундаментальном исследовании Февральской революции 1917 г. даже определил четыре крупнейших «крушения» в истории России (когда разрушалась государственность, возникала гражданская война и интервенция, страна несла колоссальные человеческие жертвы, теряла огромные территории, отбрасывалась на десятки лет назад в экономическом развитии). Помимо монгольского завоевания XIII в., смуты начала XVII в. и революции 1917 г. последним «крушением» автор называет 1991 г.[8]

Не будем оспаривать точность данной оценки и выяснять согласие с ней основных участников драмы, включая всех жителей бывшего СССР. Лично у меня нет сомнений, что это была историческая драма и *геополитический катаклизм*. Тем не менее отметим, что, несмотря на подобные катаклизмы, Российское государство никуда не исчезало. Моя давно почившая бабушка Тягунова

Мария Михайловна, прожившая всю жизнь в маленьком уральском городке при демидовском металлургическом заводе, не знавшая грамоты, разграничивала историческое время собственной жизни гораздо проще: «это было еще до переворота», говорила она, имея в виду до 1917 г., или же – «это было после переворота». Слова про «всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции» и про «начало новой эры в истории человечества», которые я тогда заучивал в школе, она, как и большинство россиян ее поколения, не слышала, несмотря на житейские пертурбации и кровавые события, которые захватили в те годы жителей страны, в том числе Урала. Что касается современной эпохи, то ни гражданской войны и иностранной интервенции, ни массовых жертв, ни отбрасывания условий своей жизни на десятки лет назад жители России не переживали и после 1991 г., за исключением вовлеченных во внутриполитические кризисы нескольких десятков тысяч москвичей в 1991 и 1993 гг.

Исторический миф про конец одного государства и про начало другого, как и индоктринация населения советской страны по части новой эры или «нового типа исторической общности людей», пришел в нашу жизнь через элитные конструкции и насаждался пропагандой и образованием. Разрыв 1917 г. действительно был глубоким и трагическим, ибо не только сократилась территория страны, но и погибли миллионы людей в гражданской войне, а миллионы покинули страну. По сравнению со временем до начала Первой мировой войны территория страны уменьшилась на 818 тыс. кв. км, на которых проживали 31–32 млн человек[9]. Дореволюционная Россия, включая не только ее политический строй, название страны и народа, но и религию, календарь, топонимику, культуру, – все это было отвергнуто, а многое, как, например, храмы, – даже физически разрушено. Совсем не случайно ныне живущие поколения забыли или сменили фундаментальные понятия и духовные ценности национального бытия, в том числе такие, как название народа, основы религиозной культуры, морально-поведенческие нормы и даже старую русскую грамматику и топонимику. Тем не менее государство Российское было, есть и будет. Оно никуда не уходило от нас, оно оставалось постоянным фактом истории для его жителей и для внешнего мира. Более того, оно и существовало и существует по сей день по той причине, что каждое живущее в нем поколение воспринимало его своим государством и проявляло к нему должную лояльность вплоть до защиты от внешних и внутренних угроз.

После 1991 г. Российская Федерация не просто формально объявила себя правопреемницей СССР (чтобы взять на себя внешние

долги и обеспечить контроль за зарубежной собственностью), но это был также и сущностный акт исторической преемственности Российского государства. И никто особенно этот акт не оспаривал по причине отсутствия других претендентов на роль такого преемника. В 2012 г. страна отметила примечательный юбилей – 1150 лет российской государственности, и основное мероприятие прошло 21 сентября в Великом Новгороде у памятника «Тысячелетие России», сооруженного замечательным скульптором М.О. Микешиным к 1000-летнему юбилею (призвания славянскими и финно-угорскими племенами варяжской дружины князя Рюрика на княжение в Новгородскую землю). Сами торжества в 1862 г. в связи с открытием памятника были запечатлены на картине художника Б.П. Виллевальде.

Вторая новация касается *квалификации современного Российского государства как национального государства*, несмотря на многоэтничный состав его населения и на советскую традицию словоупотребления «национальная государственность» исключительно в отношении административных форм внутреннего этнотерриториального самоопределения («национальные» республики, области и округа). По моему мнению, как национальное государство наша страна существовала со времени поздних Романовых, была таковым в период существования СССР и, без сомнения, сегодня является нацией-государством в содружестве объединенных наций, принципиально не отличаясь от остальных государств мира. Обоснованию этого положения было посвящено много моих предыдущих научных публикаций и публичных выступлений[10]. Не является исключением и новая книга.

Это трудно воспринимаемое даже отечественными юристами-конституционалистами утверждение основано на понимании *национального государства как государства с общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны*. Мы не можем точно определить исторический момент рождения национального государства из чего-то другого («донационального» или имперского образования), но мы можем говорить о национализирующемся государстве. В частности, мною высказывается и обосновывается положение, что и в империи может складываться и существовать представление о едином народе, о нации и о национальном государстве. Российская империя рассматривается мною именно в этом ключе. Что же касается современных государств, то я не считаю фактор моно- или многоэтничности населения, а также степень демократичности управления, гражданской зрелости/солидарности общества

Празднование 1150-летия российской государственности. Великий Новгород (фото автора, 2012 г.)

факторами, определяющими характер государства (национальное государство или нет).

Все известные мне крупные государства имеют сложный состав населения, но все они считают себя национальными государствами. Это также не связано с тем, что национальным государством является то государство, где одна этническая общность (народ или этнонация) является создателем и «владельцем» данной государственности, а остальные имеют хотя, возможно, и равный, но не государствообразующий статус. Собственно говоря, затвердить этническую природу государства и вытекающие из этого статусные последствия для носителей соответствующей этничности пытаются, пожалуй, только некоторые постсоветские государства, неспособные изжить «родовую травму» советского этнонационализма. В других регионах мира политики и интеллектуалы на этой химере или уже обожглись, или просто ничего не слышали про этнос-нацию. Как я покажу ниже, попытки жестко связать этничность с государственностью (например, объявление латышского или украинского языков единственными государственными языками соответственно в Латвии и Украине или смена названия государства с Республики Кыргызстан на Кыргызскую Республику) только вызывают межэтническую напряженность и осложняют процесс гражданского нациестроительства.

Третья новация заключается в утверждении в российском научном и общественно-политическом языке общепринятой в мире *категории нация как сообщества по государству* наряду с длительно господствующим пониманием этой категории как типа этнической общности. Другими словами, мною предлагается дополнить общественно-политический и научный язык понятием *российский народ-нация* при сохранении использования категории *нация* в отношении этнических общностей страны (народов или национальностей). Такова общемировая практика, и России нет смысла изобретать велосипед по части использования категории *нация.* Нациями могут называться представители всех российских национальностей, как каталонцы и баски в Испании, как шотландцы в Великобритании и квебекцы в Канаде, но также это допущение не должно подвергать сомнению существование соответственно российской, испанской, британской и канадской наций.

Детали этого понимания мною будут изложены ниже. Но хочу напомнить заключительное положение своей давней статьи «Забыть о нации: постнационалистическое понимание национализма». Тогда, 15 лет тому назад, исходя из того, что за исключительное обладание правом называться нациями состязаются две формы социальных группировок людей, а именно – наиболее политизированная часть этнических сообществ и государственные сообщества, в качестве выхода из смыслового тупика мною было предложено: или все этнические общности могут называть себя нациями, если это продолжает иметь какое-то значение в мире современной политики, или никто, но и у государственных сообществ на данную самокатегоризацию также имеется не меньше, а даже больше оснований[11]. Такая возможность двойного смысла сейчас фактически принята в российской науке и в политике (как, кстати, и в мировой политике и науке), и в этом заключен большой позитивный сдвиг в отечественном понимании этнического и национального.

* * *

Перечисленные новации давались нелегко и самому автору. Несколько десятилетий я изучал предмет, который обозначается множественным числом, – «народы мира» и «народы России». За эти занятия, а именно за две энциклопедии под подобными названиями я как главный редактор этих изданий получил в 2002 г. Государственную премию Российской Федерации в области науки и техники[12]. Но наступил момент, когда применительно к собственной стране это множественное число стало мне казаться недостаточным. Родившись на Урале[13] и прожив взрослую жизнь в

Центральной России, объехав разные края и изучая другие народы и государства, я установил одно разительное несоответствие. Во многих странах жители имеют разный цвет кожи, говорят на разных языках, исповедуют разные религии, но считают себя одним народом-нацией, а в бывшем СССР и в современной России представление о едином народе было и остается очень смутным. Оно постоянно оспаривается политиками, учеными, общественными активистами. Вместе с этим отрицается и сама Россия как некая историческая аномалия (или как неповторимая уникальность) и как незавершенный проект.

Вот один из примеров. В нашей стране признаются *национальные интересы*, существуют *национальные символы* и праздники, есть *национальные экономика*, наука, спортивные команды, осуществляются *национальные проекты*, говорится о *здоровье нации*, но нет самой нации! Спросите ученого, политика, журналиста, и многие по этому поводу впадут в смятение или затеют путанные разговоры. Простые люди и элита широко используют слово *россияне*. В то же самое время многие «производители субъективных предписаний» (так французский философ П. Бурдье называл ученых, журналистов, политиков) пытаются убедить себя и других, что такой общности нет, что ее придумал президент Б.Н. Ельцин, выговаривая это слово с особой интонацией.

Аргументом против национальной России становятся ссылки на уникальность отечественного опыта («это в других странах – нации, а у нас – много наций») или ссылаются на то, как нас называют в зарубежном мире в варианте английского языка («для всех мы – русские, значит, мы все и есть русские»). Хотя между прочим в украинском языке, наоборот, *русский* называется *россиянином*. Да и в английском варианте все чаще употребляется слово *Rossia*. Статья Станислава Говорухина «Как нам не прогалдеть Россию» в газете «Известия»[14], в которой он приводит тот самый аргумент зарубежного восприятия в пользу всеобщего употребления слова *русский*, была проиллюстрирована снимком китайских джинсов с российским гербом на заднем кармане. Автор и редактор статьи не обратили внимания, что под гербом на джинсах было вышито слово *Rossia*, а не *Russia*.

Моя давняя идея ввести новое написание нашей страны *Rossia*, более точно отражающее русское звучание и отличающееся от слова *Russians* (русские), рано или поздно все равно утвердится не только как лейбл на джинсах, но и как мидовская протокольная установка. Не может долго длиться ситуация, когда в русском языке существуют два слова – *русский* и *российский*, а, например, в английском языке одно – *Russian*, перевод которого в разных

контекстах переводчики никак не могут определить. Более опытные из них, особенно в официальной среде, чаще всего переводят его как *российский* и *россиянин*, но иногда *русский* звучит и как принадлежность и как личностно-групповое обозначение. Некоторые фразы уже стали прочными кальками. Например, широко известное в мире выражение Russian mafia на Западе воспринимается как организованная преступность, связанная с выходцами из России и даже из бывшего СССР. Но в обратном переводе на русский язык она затвердилась как «русская мафия», что имеет для большинства россиян обидную этническую окраску. Прежде всего это касается таких словосочетаний, как *русский фашизм* или *русское пьянство.* Все-таки речь идет о явлениях, свойственных людям разного этнического происхождения.

Есть мнение, что если жители России для всего мира *русские*, тогда нам лучше всего так себя называть, а про россиян лучше забыть. Однако полагать, что с упразднением слов *российский* и *россияне* и заменой их на слово *русский* и *русские* наше общее самообозначение будет соответствовать восприятию нас во внешнем мире, а заодно крайние националисты лишатся монополии на слово *русский*, значит рискованно заблуждаться. Осуществить такое невозможно без потрясений, угрожающих новым разрушением страны. Слова-символы и даже жесты, как, например, церковные троеперстие или двуперстие, могут вызывать расколы и кризис общества не только в прошлом, но и в более просвещенное время.

* * *

Вопросов у специалистов и у простых людей по поводу смысла *национального* много. Старый язык так называемой национальной политики и старые доктрины государствостроительства на основе социалистического федерализма с внутренним компонентом «национальной государственности» и на основе фестивальной формулы «дружбы народов» плохо работают во времена ответственных смыслов. Специфика России, неповторимость ее исторического опыта и особенности ее народа по сравнению с народами других стран не отменяют общих законов существования государств и апробированных принципов управления сложными обществами. Этнические и расовые различия между людьми существуют во всем мире, и *страны отличаются друг от друга не столько степенью разнообразия облика и традиций проживающих в них людей, сколько тем, какое внутреннее содержание придается этому разнообразию в обществе*.

Есть страны, где человеку достаточно иметь малую толику европеоидного облика и не очень темную кожу, и он уже считается

«белым» (например, Бразилия). Есть страны, где человек с каплей негритянской крови будет однозначно зачислен в «черные» (например, США). Президент Барак Обама является мулатом с почти европейским обликом, но американцы, а за ними и весь мир упорно воспринимают и называют его «черным» или «темнокожим», что есть одно и то же. Расовый вопрос был и остается фундаментально значимым для США в силу своей политической и эмоциональной весомости. Есть какая-то ирония в том, что именно американские ученые были первыми, кто ниспроверг старую расовую теорию и доказал социально-культурную условность расовых различий, отвергнув их исключительно биологическую природу. Но те же американские ученые не могут добиться отмены практики распределения всего населения по расовым группам, особенно при проведении переписей населения и политики поддержки расовых меньшинств, а также из-за электорально-политических соображений. В некоторых странах столь же основательную значимость и трудноустранимую практику имеют также сконструированные самими же людьми кастовые различия (например, в Индии).

В России ситуация отличается тем, что по ряду причин объективного (длительная история освоения обширных территорий с разноплеменным населением) и случайного свойства (влияние ложных теорий и пропаганды) этнический фактор (или так называемый *национальный вопрос*) обрел доминирующее значение в общественной жизни. Особенно этим отличился советский период, когда этнический фактор стал одной из основ государственного строительства, включая территориально-административное устройство государства.

В последние десятилетия научное обществознание открывает все новые стороны социального и этнокультурного бытия. Ученые, а вместе с ними и политики пытаются осмысливать и находить ответы на новые ситуации и решать проблемы, которые возникают в жизни многоэтничных стран. Одним из прорывов в гуманитарном знании стало такое видение социальной жизни и культурных форм, которое выделяет феномен *социального конструирования* действительности и обращает внимание на *дискурсивные практики* людей и коллективов. Значение *акта речи* стало не менее важным для понимания и объяснения жизни, чем жесткий социологический факт[15]. Производство субъективных предписаний со стороны элит, проектная деятельность, религиозная вера, духовные искания и эмоции, политическая мобилизация и идеологическая индоктринация оказались не менее значимыми, чем социобиологические детерминанты поведения, экономические и социальные факторы жизни. Сегодня вопросы, есть такой народ или нет, может ли он называться нацией или нет, – это вопросы из старых методо-

логий, ибо *представление о народе и степень распространенности этого убеждения не менее, а даже более важны, чем набор неких объективных или обязательных черт и характеристик.*

Данная книга написана на основе новейших научных представлений об обществе, государстве, нации, которые существуют в мировой гуманитарной науке. Часть моих теоретических подходов и разработок по проблеме государствостроительства и управления сложными обществами уже была опубликована[16]. В этой новой книге я сосредоточился на теме *российского народа* – категории до последнего времени столь игнорируемой, что ее даже не оказалось в первоначально утвержденном словнике новой «Большой российской энциклопедии».

К сожалению, в российской литературе по вопросам трактовки этничности и нации, понимания и управления полиэтничным государством, формирования национального самосознания (идентичности) интеллектуальные поиски все эти годы шли назад: к «философскому пароходу» и русскому космизму, к гумилевско-бромлеевской интерпретации этнического и национального, к неотойнбизму по части так называемых цивилизационных подходов. Или же дебаты шли в сторону, причем в разные стороны от основного направления развития этой сферы знания. Одна крайность представлена агрессивной антинаукой, сторонники которой стремятся утвердить расистское и биологическое видение этноса и расы, слив их воедино. Неорасистам и ультранационалистам этнического толка главная установка видится в том, чтобы разоблачать «врагов», «подрывников», которые не признают «кровь и почву» и «государствообразующий народ». Они считают неизбежным вымирание русских вместе со страной под натиском мигрантов и «варварской периферии» и призывают к переделке федерации в «русское государство». Для этнонационалистов из числа других этнических групп жертвами вымирания или дискриминации представляются якуты в Якутии, адыгейцы в Адыгее, башкиры в Башкирии и т.п.

Ситуация с этой когортой и с этой позицией становится даже более тревожной в последние годы. Те, кто проходил по судебным делам как расисты и как разжигатели межнациональной розни и таковыми были признаны российским научным сообществом, ныне публикуют свой бред в престижных журналах[17] или же печатают 600-страничные книги по так называемой «расологии» в надежде, что депутатская неприкосновенность или адвокатская демагогия избавят их от правовой ответственности за пропаганду расизма[18]. Обстоятельный разбор идеологии и практики нового расизма в России в мировом научном и общественно-политическом контексте был

сделан российским ученым В.А. Шнирельманом[19]. К сожалению, этот фундаментальный 2-томный труд из-за своей перегруженности научным аппаратом и большого объема не стал предметом внимания широкого читателя и даже книжных конкурсов по номинации научной и общественно-политической литературы. Но уже после этого вышли в свет еще две интересные книги того же автора, посвященные той же самой тематике[20].

Другая крайность заключается в отрицании России как якобы нового издания империи после краха царской и советской империй и краткой либерализации времен Горбачева и Ельцина. Свойственная советской доктрине абсолютизация этничности в вопросах государства и нации в странном симбиозе с поклонением фетишу гражданских прав и свобод как условия существования нации порождают неприятие российской общности. Этой категории ученых и общественных активистов российский народ представляется как что-то уже раз провалившееся (имеется в виду концепт *советского народа*) или как что-то списанное ходом истории (якобы пришло время этносов, а не наций). Концепт российской нации представляется «политтехнологической задумкой Кремля» или же высказыванием «в пылу полемики» отдельных ученых.

Что касается зарубежных ученых – специалистов по России, то они предпочитают взгляд на нашу страну как на недосамоопределившуюся многонациональную мини-империю. Иностранных публикаций на тему «новой империи» много. Причем в них обильно цитируются отечественные «империалисты», а высказывания некоторых политиков преподносятся как официальная позиция государства. Не брезгуют зарубежные и отечественные противники самоопределившейся России намеренными упрощениями и страшилками типа восстановления концепта «советской нации» (которого, кстати, никогда и не существовало!). Приведу пример с известным американским специалистом по России Полом Гоблом. После высказывания В.В. Путина о российском народе как гражданской нации он опубликовал статью в американской прессе под названием «Новая историческая общность?», в которой со ссылкой на концепт советского народа пытался показать несостоятельность трактовки россиян как одного народа. Затем им же на специальном финно-угорском портале «Финноугрия», где Гобл ведет рубрику «Окно в Евразию», был опубликован в марте 2010 г. материал в поддержку публицистических статей татарско-мордовского поэта Камила Тангалычева, направленных против проекта российской гражданской нации. Закаленный в геополитических провокациях на постсоветском пространстве (достаточно назвать «план Гобла» по Нагорному Карабаху или сотворенный им на пару с эстонцем Мар-

том Лааром миф о «геноциде финно-угорских народов» в России), Гобл сочувственно цитирует эмоциональный бред Тангалычева о том, что «принуждение людей расстаться со своими этническими идентичностями ради единственной гражданской принадлежности представляет угрозу как самой большой этнической нации – русским, так и малочисленным народам». «Россия сложилась как система, в которой многие нации живут вместе как один народ, и невозможно себе представить, чтобы людям предложили обменять их этническую нацию на гражданскую»[21],– пересказывает американец незадачливого поэта из Мордовии, неизвестно какой «этнической нации» принадлежащего. Схожей позиции придерживаются многие зарубежные специалисты по этнической проблематике. При этом они не отказывают в праве называться национальными государствами другим многоэтничным (многонациональным) странам бывшего СССР, кроме России. По поводу упорных похорон идеи гражданской нации в России нами будет сказано особо.

Мне пришлось оставить без внимания огромное число публикаций, посвященных метафизическим вопросам типа «Куда идет Россия?», «Что построили?», в том числе и с расстрельными вопросами типа «Почему реформы потерпели крах?» или «Когда Россия вымрет?». Трудно сосчитать разного рода публикации о национальной идее и о национальной стратегии, которыми отметились многие бывшие преподаватели марксизма-ленинизма, представители просвещенной журналистики, называющие иногда себя «мыслителями», известные бизнесмены, заказывающие подобные публикации, чтобы оказаться среди «патриотически думающих» о России. Появились работы с анализом опыта нациестроительства в других странах и регионах, но написанные устаревшим советским языком, зацикленным на определении этнического смысла государственных наций и не отражающим их культурную сложность.

Разочаровывающей противоречивостью и недодуманностью отличается, например, одна из наиболее серьезных научных работ по данной теме – это коллективная монография об «особенностях развития национальных идей многих стран и этносов, регионов – от Китая и Японии до России и Израиля, от Латинской Америки до арабского мира»[22]. Авторы этой книги – известные специалисты по истории Франции, Италии, Испании, Китая, Индии, Великобритании и других стран, где, кстати, безоговорочно господствуют идеи политических, гражданских наций или же переход к ним произошел в самые последние десятилетия: в Индии правящий ИНК успешно сдерживает индусский национализм в пользу формулы «единства в многообразии», в Китае ханьский шовинизм подчинился идее китайской нации (*джонхуа миндзу*),

в Соединенном Королевстве старая английскость уступила идее британской нации (*British people*), в Испании произошел переход от кастильскости к испанской нации через автономизацию регионов. И так фактически по всем странам мира признается культурная сложность современных наций, т.е. населения национальных государств. Но именно этот аспект остался за пределами интереса авторов из-за одержимости искать «государствообразующую» этническую основу в каждой стране, выявлять «национальные идеи» у этносов и пытаться втискивать мировой опыт в российскую методологическую догматику. В итоге работа заканчивается крайне путаным рассуждением, которое мало отличается от других вариантов отторжения российской идеи:

«Естественно поэтому стремление российской научной и культурной общественности рассмотреть и оценить истоки русской идеи (!? – *В.Т.*), определить ее сущность, духовной и политической жизни общества. Несомненный интерес представляет и анализ исторического бытования национальной идеи в других странах. Данная монография даст обильный материал для сравнительного анализа, который показывает: национальная идея призвана объединять общество и власть, определять место и роль страны в составе мирового сообщества, не провоцировать эксцессы национализма, и поскольку его проявления неизбежны в полиэтнических обществах, напротив, гасить их, прививать национализму цивилизованные формы участия в общественных процессах. В России этому может способствовать возрождение русской идеи, свободное от извращающего ее сущность воздействия бюрократических структур…»[23].

Подчеркивая «историческую объективность, далекую от политической ангажированности и идеологической заданности», авторы этого заключения и ответственный редактор книги Ю.С. Оганисьян повторили на радость всем этнонационалистам первичность «русской идеи», да еще очищенной от всяких государственно-бюрократических вмешательств. Короче: за Манежную площадь, но только без полиции! Ни в одном зарубежном государстве и регионе, который рассматривается в самой книге, ничего подобного не происходит.

Примерно с подобных позиций, искажающих европейский опыт государствостроительства для опровержения концепта полиэтничной гражданской нации в России, выступил незадолго до своей кончины известный европеист Дм. Фурман[24]. В его статье также европейские страны трактуются как монокультурные нации, столкнувшиеся с вызовом иноэтничной и инорелигиозной иммиграции. Хотя на самом деле в Европе существует богатейший опыт этнорегиональной и языковой автономизации, и там уже давно наступила эпоха постъякобинского понимания нации как культурно сложного сообщества. Поэтому в России невозможно «русское

демократическое государство», как невозможны демократические английское (а не британское!) или кастильское (а не испанское!) государства.

* * *

В отечественном интеллектуальном болоте, полном расистов-ненавистников, неофитов с фальшивыми званиями, манипуляторов и бойких молодежных агитаторов, рождаются проекты, порой состоящие из набора бессвязных предложений, которые почему-то называют «русскими вопросами». Обращены эти вопросы в прошлое в надежде на реставрацию нормы, которая никогда в этом прошлом не существовала. Эти проекты и не могут быть обращены в будущее, кроме как на период избирательных кампаний, ибо они не могут быть осуществлены ни во времени, ни в пространстве. В основе большинства отечественных неясностей и заблуждений лежит один из вариантов национализма, который известен как этнический национализм. Суть этой доктрины и политической практики в том, что *нациями объявляются исключительно этнические общности определенного уровня исторической зрелости, и именно они создают государства, которые только в этом случае обретают легитимность национальных государств.*

Этнонационализм – это прежде всего слова и эмоции, если не говорить о реальных узурпациях власти и собственности от имени той или иной этнонации в той или иной стране или ее отдельной части. У этнонационализма были и сохраняются сторонники в политике и почитатели из числа ученых. Однако строить государство и успешно управлять им с помощью данной доктрины никогда и никому не удавалось. Выигрывать выборы – получалось; создавать непотребные политические режимы, вызывать конфликты и хаос – тоже получалось. Но укреплять государство и развивать экономику, обеспечивать мир и согласие между людьми – такого этнонационализм никогда не добивался. Не отличался особыми успехами и официозный этнонационализм, который был в основе советской «национальной политики» (само название этой политики выдает себя целиком). Даже через «декады национальной культуры» и через «праздники дружбы народов» или через регулярные аппаратные чистки лиц не с теми фамилиями все равно прочного государства создать не получалось без помощи репрессивного аппарата.

Тем не менее этнонационалисты постсоветского толка в России пытаются громко заявлять о себе без особых на то оснований. Философ С. Королев, подвергший в свое время критике расистско-националистические публикации А. Севастьянова, считаю-

щий себя главным русским националистом, пишет, что все те, кто называют себя подобным образом, безоговорочно относятся к политическим маргиналам. Причем речь идет не о том, что кто-то из «антинациональных сил» намеренно ставит «запруды» и «заслоны» на пути русских националистов. Маргинально само сознание этих людей. «Оно, сознание политического маргинала, слишком простое, плоское, идеократичное; оно апеллирует к русской нации, но не знает истории России, ее плоти, деталей, фактуры и не понимает присущей ей логики; оно агрессивно, оно искажено постоянной психологической экзальтацией – все вызовы современного мира перекрываются бесконечно произносимыми с придыханием словами "русский", "русское" (в ряде изданий эти слова пишутся с заглавной буквы). Политическая маргинальность в данном случае скорее закономерна, чем случайна. Не в последнюю очередь она связана с тем, что у русского националиста, рванувшегося из уютного круга единомышленников в большую политику, ничего, кроме идеи и веры в эту идею, нет»[25]. Наглядным примером такого сочинителя и говорящей телеперсоны на ведущих российских каналах можно назвать Егора Холмогорова, чья пустая по содержанию книга «Русский националист»[26] была издана в престижном издательстве «Европа» и чьи горячечные заклинания «мы – русские националисты» стали по «честным понедельникам» и в другие дни звучать на многомиллионную аудиторию. Негативную роль в недавнем повороте общественного мнения в сторону примитивного этнонационализма и ксенофобии сыграли две общенациональные избирательные кампании 2011–2012 гг., по поводу чего нами был сделан отдельный анализ, выходящий за рамки этой книги[27].

В краткосрочной мобилизации (групповая организация, массовое выступление, избирательная кампания, голосование на телешоу и т.п.) этнонационализм может быть вполне эффективен, но как стратегия и как ответственная политика этнонационализм неосуществим и чудовищно деструктивен. Попробуйте ради интереса попросить татарского или осетинского националиста нарисовать «справедливые границы» татарской и осетинской наций или попросить русского националиста рассказать, как должен осуществляться лозунг «Россия – для русских!» хотя бы для начала применительно к составу российского правительства и к депутатам Государственной думы. На этом все эти проекты и закончатся. Но в *этническом национализме важны сами слова, которые говорятся в расчете на аналогичные ответные слова и действия как на некий пароль благонадежности и единомыслия*. Ну-ка, кто там посмел подвергнуть сомнению, что 13 млн русских в России вымерли в результате реформ, и кто

говорит, что в России нет демографической катастрофы, а есть демографический кризис, который можно преодолеть без всемирного вопля «Россия умирает»? «Такое могут говорить только те, кого считали в старые времена вредителями», – высказался тогдашний председатель Совета Федерации РФ С. М. Миронов в передаче «Времена» в декабре 2005 г. по поводу моего предшествовавшего выступления в той же программе. Таким образом тогдашнее «третье лицо государства» с пятью высшими образованиями осудил утверждение, что в России нет необратимых демографических изменений и ситуацию можно и нужно поправить особыми усилиями[28]. Как, кстати, и нет всеобщего обнищания народа, что также не могут принять втянувшиеся в политическую борьбу эксперты и политики.

* * *

В нашей книге обращается особое внимание на *проектную деятельность людей в историческом процессе*, т.е на реализацию целенаправленных планов и программ усилиями больших коллективов, государств и отдельных личностей. Эта одна из форм социального творчества недооценивалась поборниками онтологической природы человеческих деяний и глубоких исторических закономерностей, согласно которым большие события не могут быть результатом малых причин и субъективистских, личностных устремлений. На самом же деле это далеко не так. В частности, распад СССР стал результатом не только неких исторических закономерностей и глубинных тектонических сдвигов, но и исходом верхушечной борьбы за высшую власть в государстве и раскола элит по линиям центр – периферия.

Напомню, что так называемые большие проекты всегда были в арсенале человеческой истории[29], в том числе в России (от строительства петровского Петербурга до хрущевского плана освоения целинных земель). В последние годы мы стали лучше понимать их возрастающую и даже определяющую роль. К таким большим проектам относится конструирование наций и государственное строительство. Как отмечал в 1918 г. выдающийся российский ученый и политик, академик Российской академии наук по Отделению истории и филологии П. Б. Струве, «нация конструируется и создается национальным сознанием»[30]. Поразительно, но термин «конструирование» был использован академиком Струве в таком же смысле, как его понимает современная теория социального конструктивизма, о чем речь пойдет ниже.

Само государство есть по сути своей человеческий проект, а не объективно-онтологическая данность, как думали о нем представители мистико-религиозного направления в русской философии. Напри-

мер, Н.А. Бердяев считал, что «государство не может определяться никаким данным человеческим поколением… государство не может быть создано и не может быть разрушено никаким человеческим поколением»[31]. Какое глубокое заблуждение! Наша точка зрения сводится к тому, что существование государства требует от каждого нового поколения граждан целенаправленных усилий не только по тривиальной «защите государственности», но и коллективного повседневного референдума на лояльность этому государству и проживающему в нем сообществу людей, которые называются народом или нацией. *Государства потому и существуют, что каждое ныне живущее в нем поколение принимает это государство как свое со всеми вытекающими из этого последствиями (пользование правами, защита, уплата налогов и т.п.).*

В то же самое время мы придерживаемся точки зрения, что *государства представляют собой самую мощную и всепроникающую форму социальных коалиций людей*. На горизонте человеческой эволюции конкурирующей формы больших человеческих коллективов не просматривается. Никакой эпохи заката национальных государств не наступило, как это провозглашают некоторые ученые, представляющие, кстати, состоявшиеся и не собирающиеся уступать свой суверенитет государства. В современных национальных государствах принцип суверенитета и исторической преемственности остается актуальным. В отношении России об этом говорил один из руководителей Администрации Президента РФ В.Ю. Сурков: «Новое здание российской демократии строится на историческом фундаменте национальной государственности»[32]. Казалось бы простые слова, но произносятся они в России не так часто, особенно лишенные привычного этнического смысла два последних слова. Как отмечает известный исследователь национализма Майкл Манн, «милитаризм, инфраструктуры коммуникаций, экономическое, социальное и семейное законодательства и отчетливое ощущение принадлежности к национальной общности слились в единый жесткий институт… Сегодня и в обозримом будущем специфические объединения капитализма с национальными государствами, особенно наиболее развитыми, будут победно шагать по большей части планеты. В менее развитом мире состояние государств разнообразно. Некоторые из них находятся в кризисе, и есть несколько таких, которые уже угасают. Переживаемый ими кризис – это кризис не постсовременности, а недостаточной современности. Те страны, где нет эффективных наций-государств, многое бы отдали за то, чтобы их построить. Нация-государство сегодня не правит бал, но и не выходит из употребления ни в качестве реальности, ни в качестве идеала»[33].

Что нужно сделать, чтобы Россия «победно шагала по планете» среди зрелых и благополучных национальных государств? Террито-

рия, ресурсы, разнообразное и образованное население, культура, оборона, писаный закон и система коммуникаций – все это у России есть. Внешнее признание в качестве суверенного государства у нас есть. Более того, мы среди немногих, кто входит в мировую политическую организацию наций-государств с правом вето. Тогда чего же не хватает? Не хватает, казалось бы, простой вещи – осознания, что мы есть национальное государство и мы есть один народ. Это означает, что не хватает национальной идентичности!

Солидарность и повседневная лояльность, т.е. чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим составляют основу того, что называют национальными самосознанием или идентичностью. Без этой основополагающей для современного человека формы идентичности национальные конституции, армии и охраняемые границы мало что значат. Да и сам человек, за исключением мизерного числа «граждан мира», мало что значит без принадлежности к государственному сообществу и к той или иной национальной культуре. Конечно, религия и этничность как конкурирующие формы коллективных идентичностей остаются важными для многих людей на Земле. В некоторых ситуациях они могут быть выше всего, но *в массе своей современный человек на уровне больших коллективов связывает себя прежде всего с государством, которое не случайно называется «отечеством»*.

Сейчас нам кажутся более чем обычными слова «родина» и «отечество». Каждый нынешний россиянин, впервые придя в школу, прочитывает слова на классной доске «Моя Родина – Россия. Столица России – город Москва». Точно так же в мое школьное время учителя и учебники наставляли про «нашу родину – Советский Союз». Такие слова запоминаются на всю жизнь и, что не менее важно, они признаются на протяжении всей жизни. Исключения по части отторжения или смены родины бывают среди эмигрантов, глубоких диссидентов и внутренних сепаратистов. Но эта категория людей крайне немногочисленна.

Я, как и подавляющее большинство моих коллег и друзей, не состоял в рядах партийных активистов или диссидентов, уважал свою страну и свою культуру, студентом ездил осваивать целину в северном Казахстане, после окончания Московского государственного университета учил студентов-педагогов на Крайнем Севере в г. Магадане, во время работы в Академии наук СССР писал книги, критиковал зарубежных коллег, защищал свою страну от злобных вымыслов и стыдился за некоторые советские порядки и условия жизни людей. Все это и многое другое, включая гордость за хоккейные победы над канадскими профи в 1970-е годы, побудившие меня заняться историей Канады, и составляло мою национальную

Школьный плакат
«Моя родина – Россия»

Обложка детской книги

идентичность. Спросите меня, какой лозунг висел в те годы в общежитии МГУ на Стромынке, я не помню, но на студенческих вечеринках мы исполняли общий для многих песенный репертуар – от «Крейсер “Варяг”» до песен Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого. Какая была моя национальная идея? Стать хорошим историком и «писать как было», а еще «не терять честь смолоду», как учил меня мой учитель по аспирантуре академик А.Л. Нарочницкий.

Однако составляющие ответственного гражданина и патриотизма не даются с рождения и не являются неизменными от поколения к поколению. Даже привычные современному человеку представления о стране и о народе существовали далеко не всегда, ибо для признания чего-то в качестве *Родины* необходимо иметь саму версию страны и ее народа, а также достаточное число читающих людей, которые этой версии обучились. В.Г. Белинский написал в своей рецензии на сочинение Н.М. Карамзина «История государства Российского» следующее: «В его живом и искусном литературном рассказе вся Русь прочла историю своего отечества и в первый раз получила о ней понятие. С той только минуты сделались возможными и изучение русской истории и ученая разработка ее материалов: ибо только с той минуты русская история сделалась живым и всеобщим интересом»[34].

Далеко не все в те времена ходили в школы и не везде писали про Родину, не все считали себя россиянами, ибо многие люди просто не знали, что это значит. Знали, что есть Бог и его наместник на Земле – царь, есть барин и что «мы – тутошние». Сеньориальная и местная идентичности, т.е. первичное осознание себя как «мы – пскопские» (с такими словами крестился попавший под артобстрел русский солдат в фильме «Мы из Кронштадта»), дожили до XX в. среди простых людей. Местные, религиозные и этнокультурные самоидентификации играют важную роль и среди граждан современных государств. Они были и часто остаются конкурентами при утверждении национального (государственного) самосознания, но в большинстве случаев эти формы идентичностей сосуществуют.

Региональные и этнические идентичности обычно составляют компоненты более широкого самосознания по принадлежности к нации и государству. Эти две формы идентификации не исключают друг друга. Жанна д’Арк – символ Франции оставалась Орлеанской девой, т.е. девой из Орлеана. Человек из Ламанчи Дон Кихот – он же был и испанец. Наполеон Бонапарт – от начала и до конца корсиканец – был во главе Франции и считается творцом ее национального бытия. Сложный симбиоз национальных (государственных) и, назовем их условно, партикулярных (этнических и региональных) идентичностей, или форм самосознания, существует

Памятник Н.М. Карамзину в г. Ульяновске
(фото автора, 2003 г.)

и по сегодняшний день. Конкурентность в этом симбиозе может проявляться не только в распределении полномочий между федеральным центром и субъектами федерации, но и в стремлении активистов этногрупп прибрать в свое пользование сам термин «национальный», а государству для обозначения оставить что-то вроде «общенационального» или совсем ничего.

Так получилось, что в России после революции 1917 г. слово *национальный* было передано в исключительное владение этнических общностей, ибо само государство стало «интернациональным»: государством диктатуры пролетариата, а затем – общенародным государством. Так длилось почти 90 лет! И сегодня в некоторых российских

регионах первоклассников может встретить надпись на классной доске про Татарстан и Казань, про Грозный и Чечню, а не про Россию и Москву в качестве первичных отсылок в воспитании национальной идентичности. Под национальной школой в российских республиках обычно имеется в виду не российская, а этнонациональная школа.

В российском информационном и в научно-педагогическом пространстве до сих пор существует представление, что национальное самосознание неразрывно связано с усвоением родного языка, представлениями о культуре, традициях, образе жизни «своего народа», под которым имеется в виду не российский народ, а этнонация. Как пишут некоторые авторы, «национальное самосознание опирается на развитие эмоционально-ценностных отношений личности к самой себе как представителю определенного этноса, своему народу, его быту и истории… Национальное самосознание основывается на определенном комплексе нравственных и эстетических идеалов… Например, такие основные идеалы и ценности татарского народа, как честность, смелость, сообразительность, ловкость, имеют богатейшее воплощение в фольклоре, в правилах различных состязаний народного гулянья “Сабантуй” и др.»[35]

Если следовать этой логике, то мое национальное самосознание как русского и национальное самосознание бывших российских министра внутренних дел Р. Нургалиева и ~~министра~~ экономики Э. Набиуллиной в моем национальном(!) правительстве основываются на разных комплексах и представлениях, хотя мы говорим на одном языке, несем одну службу и платим одному адресату свои налоги. Возможно, что даже учились в одной школе и в одном вузе. Почему татарин Нургалиев в силу своей этнической принадлежности должен быть «смелый, ловкий, честный и сообразительный», а у министров Г.О. Грефа (из российских немцев), В.Б. Христенко (из украинцев), С.К. Шойгу (из тувинцев), М.Е. Фрадкова (из евреев) должен быть какой-то другой нравственно-эстетический идеал по причине их этнической принадлежности? Как видим, с понятием «национальное самосознание» в головах царит сумятица. Автору данной книги ближе вариант, что россияне – представители разных национальностей (этнической принадлежности), будь они у власти или рядовые граждане, обладают схожими базовыми историко-культурными и духовными ценностями. Иначе они не праздновали бы одни и те же праздники, не пели бы одни и те же песни, не могли бы разговаривать на одном языке – русском и не считали бы своей родиной одну и ту же страну.

Как историка и этнолога, меня интересуют корни речевых практик и меняющееся словоупотребление, за которыми скрываются смыслы и ментальности, составляющие мощную реальность наряду с привычными для нашего восприятия социальной материей и «веч-

ными» (онтологическими) сущностями. Действительно, многие считали и считают до сих пор, что нации и государства – это природные явления или творения высшего разума. Здесь мой взгляд пребывает в решительной коллизии с культурологическим мессианизмом «возвращенческой» русской философии, которая была порождена в зарубежной эмиграции первой половины XX в. и вернулась в наш интеллектуальный арсенал в начале 1990-х годов, оказав огромное влияние на современное российское обществознание. Особенно это касается представлений о государстве, нации и о той самой «национальной идее».

Как мы увидим ниже, многое из нынешних рассуждений о нации и о национальной идее, о России как государстве и ее народе оказалось заимствованным из устаревшей философии и политической публицистики русской эмиграции в лице таких действительно блестящих для своего времени имен, как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, С.Л. Франк, В.С. Соловьев, И.А. Ильин. По иронии судьбы сбылось заклинание Г.П. Федотова «О, если бы… до России могли донестись наши мысли о ней, наши усилия, наши молитвы». Религиозный мистицизм, культурологическое мессианство, либерализм и имперскость в одном замесе, элитарность и человеческая свобода, наконец, восприятие России в катастрофическом ракурсе – все эти отличительные черты русской философии отразились в постперестроечном академическом и общественно-политическом дискурсе. Принесло ли все это пользу? С точки зрения возвращения из забвения предшественников и освобождения мысли от прошлых догм, – конечно, да, но с точки зрения продвижения нового знания о новом обществе, к сожалению, нет.

* * *

В число «возвращенных имен» вошел и Л.Н. Гумилев, труды которого в позднее советское время подвергались как неоправданной цензуре, так и серьезной научной критике. В последние два десятилетия тексты этого историка и популяризатора обрели грандиозную раскрутку в части его наиболее слабых теоретических конструкций этногенеза и природы этничности[36]. Трудно поверить, но именно за трактовку придуманных им ложных *суперэтничности* и *пассионарности* казахи назвали его именем столичный университет, а татары – одну из улиц в Казани, поставив на ней памятник ученому. Образ «суперэтноса» греет души многим политикам и публицистам до сих пор в их попытках соединить этнос и нацию. Так, например, в объемистой книге Р.Г. Абдулатипова, посвященной, казалось бы, российской нации, на самом же деле больше всего места уделено гумилевским конструкциям и обоснованию на их основе статуса дагестанского народа аварцев как суперэтноса[37].

Самозваные этнологи из молодежного крыла Международного евразийского движения (младодугинцы) даже пришли с плакатами к зданию Института этнологии и антропологии РАН, чтобы заявить свою приверженность Гумилеву и осудить «американского шпиона» Тишкова, который подвергает сомнению его учение.

Поскольку творчество Л.Н. Гумилева имеет прямое отношение к теме моей книги и к дисциплинам, которые я представляю (историю и этнологию), то остановлюсь подробнее на его оценке[38]. Известные общественности и ценимые немалым числом неофитов от истории и этнологии, его труды практически не признаются специалистами по тем проблемам, которые его более всего занимали (история, археология, лингвистика, этнология). Одна из причин этого касается научной методологии, а вторая имеет общественный отзвук. Специалисты видят в сформулированной Гумилевым концепции этногенеза искусственную конструкцию, не выдерживающую научной критики и потому не имеющую научной ценности. Гумилева трудно назвать самостоятельным мыслителем, ибо многие свои идеи он почерпнул у авторов конца XIX – начала XX в. Например, идея пассионарности уходит корнями к «теории элит» итальянского социолога В. Парето, а вывод о длительности жизни этноса в 1200 лет Гумилев заимствовал у К. Леонтьева, который никогда не занимался этнологией и сам взял эту цифру у швейцарского востоковеда первой половины XIX в. Буркхарда. Но ни Леонтьев, ни Буркхард не приводили никаких аргументов в пользу таких подсчетов, и упомянутая цифра является плодом фантазии.

Л.Н. Гумилев был не в ладах с историческими фактами, искажал историческую реальность и вместо аргументированных моделей предлагал читателю необоснованные фантазии. Это касается так называемых фаз этногенеза, их продолжительности и того, что Гумилев считал закономерностями в развитии этноса. Связь возникновения этносов с первичным толчком из Космоса также является фантазией и не имеет научных обоснований. Отказываясь доверять письменным свидетельствам, Гумилев домысливал за исторических героев мотивы их поведения и характер их действий, создавая не научные произведения, а художественный вымысел. Гумилев называет себя «отцом этнологии», но он никогда не проводил полевых этнографических исследований и поэтому многое представлял себе сугубо умозрительно. Кстати, вслед за ним появятся многочисленные «философы этноса», «реалисты этноса», «исторические этнологи», которые без этнографического материала плели этносхоластику, публикуя книги, зарабатывая научные степени и порождая себе подобных.

Указывая на некоторые важные проблемы (скажем, связь культуры с экологической обстановкой, роль воспитания детей, межпо-

коленная трансмиссия культуры, этнические стереотипы поведения, межэтнические отношения и пр.), Л.Н. Гумилев не только всерьез эти проблемы не изучал, но даже не знал современной ему научной литературы. Он черпал свои знания из литературы второй половины XIX – начала XX ~~в.,~~ когда этнология еще только вставала на ноги. Многие из высказывавшихся тогда идей были впоследствии пересмотрены или отвергнуты. Но Гумилев с этим не хотел считаться, а, вероятно, попросту не знал этого. Поэтому его грандиозная и в то же время архаичная по своему духу схема, скорее, может восприниматься как наследие XIX в., чем как достижение нашего времени. Иными словами, он на сотню лет отстал от своей эпохи. Это проявлялось, в частности, в том, что, преувеличивая значение ландшафта, Гумилев фактически пытался законсервировать крестьянские культуры и игнорировал процессы модернизации и урбанизации. Вот почему он отрицательно смотрел на формирование городского общества, и его теория звала назад, а не вперед. Л.Н. Гумилев отвергал сложившиеся в науке методические подходы и прежде всего критику источников, без которой сегодняшняя гуманитарная наука не может существовать. Тем самым он попытался разрушить сами основания современной науки и открыл дорогу произволу и волюнтаризму в исторической науке. Этим сегодня пользуется масса самодеятельных авторов, компенсирующих свой непрофессионализм псевдоэрудицией или фантазиями, ориентируясь в этом именно на Гумилева. Он приводит примеры из истории разных регионов мира, при этом слабо зная эти материалы, и поэтому его работы грешат поверхностными рассуждениями и выводами, не говоря уже о фактических ошибках.

Следует помнить, что наука конца XIX – начала XX в. находилась в плену у расовой идеи, которая тогда считалась респектабельным научным знанием, и мало кто из исследователей мог избежать ее влияния. Прозрение пришло позднее, у многих – лишь после Второй мировой войны. Однако все это прошло мимо Гумилева, идейный багаж которого был связан с довоенным временем. Отсюда его стремление рассматривать этнос как «биофизическую реальность» (примерно как у С.М. Широкогорова), т.е. по сути биологическое тело, и это роднит его построения с расовой теорией. Субъектами истории для Гумилева являлись исключительно народы-этносы, и суть истории он сводил к взаимоотношениям между ними – борьбе или дружбе и взаимопомощи. Он выстроил упрощенную, далекую от действительности схему, игнорировавшую социальные и политические факторы, которые и создают устойчивые общности людей. В его работах мы не найдем ни человека, ни межличностных взаимоотношений, ни индивидуальных стратегий поведения, включая то, что сегодня ученые называют *множественной, символической этничностью*. Зато в его работах и в работах его последователей мы встречаем только

коллективности, которые, по Гумилеву, и определяют характер и поведение человека. Поведение этих коллективностей Гумилев выводил из их культурной спайности и взаимоотношений с местной природной средой. От индивида в этой парадигме ничего не зависело, ибо он являлся рабом своей культуры, к которой он был якобы жестко привязан на протяжении всей своей жизни. Место для билингвизма и поликультурности эта схема вовсе не предусматривала. Поэтому Гумилев выступал против межэтнических браков, которые будто бы приносили один лишь вред. А его стремление видеть причину гибели древних империй в межэтнических браках возвращает нас к идеям родоначальника европейского расизма середины XIX в. графа А. де Гобино. Наконец, деля этносы на «персистентные» и «динамические», Гумилев фактически лишал множество традиционных обществ каких-либо эволюционных перспектив.

Эта расовая (а по сути расистская) тенденция достигла кульминации в концепте Гумилева о *химере*, т.е. «этносе-паразите», который, оторвавшись от своего суперэтноса, внедрялся в живую ткань иного суперэтноса и, будучи с ним несовместим, способен был своей «вредоносной деятельностью» привести общество к катастрофе (положение о «несовместимости культур» является стержнем современного культурного расизма). Тем самым теория Гумилева как бы обосновывает современные антииммигрантские установки. Немаловажно и то, какой конкретный пример Гумилев выбрал для иллюстрации вредоносности такой химеры. В центре его книги «Древняя Русь и Великая Степь» находится история Хазарского каганата, который он трактует как общество, обреченное на гибель в силу столкновения с «химерой». В качестве последней выступают иудеи и принесенный ими иудаизм. Якобы именно это и погубило Хазарию. И Гумилев с упоением расписывает ужасы «иудейско-хазарского ига», о которых единодушно молчат все ранние авторы от Константина Багрянородного до создателя «Повести временных лет»[39].

Гумилев сравнивал «этносы-паразиты» с глистами, живущими в органах животных, с «бактериями, пожирающими внутренности этноса», с «раковой опухолью». Эти метафоры в точности повторяют те образы евреев, которые рисовал в своей пропаганде Мартин Лютер, а вслед за ним и Адольф Гитлер. Мысли о «вредоносной деятельности» иудеев не оставляют Гумилева и в ряде других его произведений, например в книге «От Руси к России». Фактически Гумилев развивал опасный миф, придающий наукообразие популярным этническим стереотипам и дающий индульгенцию на «месть» за грехи предков, пусть даже с тех пор минуло несколько столетий. Фактически теория этногенеза Гумилева служит псевдонаучным обоснованием этнонационалистических и расистских идей. Вот почему к ней с благодарностью обращаются радикальные политики и иные носители ксенофобии. Именно в этом, а отнюдь не в гуманизме, заключается миссия

Памятник Л.Н. Гумилеву в г. Казани (фото Л. Сагитовой. 2012 г.)

работ Гумилева в современной России. *С учетом популярности этого псевдоучения среди плохо образованных интеллектуалов и политиков мы рассматриваем его как своего рода эпистемологическое (познавательное) препятствие пониманию России*. Состоявшееся в 2012 г. празднование 100-летия со дня рождения этого ученого мало что изменило в оценке сути и качества его работ: в России (отчасти в Казахстане и нигде более) остаются многочисленные сторонники его «гениальной пассионарности», но особого признания среди профессионалов его теорий так и не произошло.

Понятно, что идеи и планы великих страдальцев за Россию и пострадавших от большевизма ученых трудно подвергать сомнению как устаревшие и неприменимые для российского народа и для современной России. Не менее трудно пересматривать теории недавних корифеев, по трудам которых выучилось современное поколение исследователей. В частности, было бы неправильно обойти молчанием наше отношение к так называемой «советской теории этноса», одним из самых известных представителей которой был мой предшественник на должности директора Института этнографии АН СССР академик Ю.В. Бромлей. Труды академика и его антагониста Л.Н. Гумилева остаются востребованными, а их понятийно-терминологический язык уже вышел за пределы академических текстов и стал частью словаря даже лидеров нашего государства и некоторых других постсоветских стран. Но есть и более существенные последствия, о которых мною уже было сказано в разборе взглядов Гумилева и которые не меньше связаны также с академическим мейнстримом, по крайней мере с некоторыми недавними научными увлечениями.

* * *

Работая над своей более ранней книгой «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии» (2003), я подготовил главу с критикой так называемой советской теории этноса, т.е. работ Ю.В. Бромлея и его единомышленников, но случай (потеря почти готового варианта в памяти осваиваемого тогда компьютера и нежелание писать текст заново!) отвел меня от исполнения трудной для того времени задачи – опровергать своего предшественника. После этого прошло десятилетие, и актуальность такой критики как будто сошла на нет. Но если бы это было так! Казалось бы, подходы социального конструктивизма в незлобивом сочетании с нарративами исторической этнографии заняли ведущие позиции в современной этнологии и социально-культурной антропологии. Более просвещенными и более осторожными стали обращения к этническому со стороны историков, социологов, психологов и политологов. Недавно вышла в свет книга В.А. Шнирельмана об идеологии и практике нового расизма, где показаны гносеологические и политические истоки отечественной традиции понимания национального как этнического и, в свою очередь, этнического как органистического на психо-социально-биологическом замесе[40]. Еще раньше критический разбор теоретических писаний советских этнографов сделал В.Р. Филиппов, правда, со странным заключительным призывом: для подлинного понимания этничности и этнической идентичности, с чем до сих пор, по его мнению, никто из ученых не справился, все-таки необходимо определить базовое понятие «этнос». «Именно этого не смогли и не смогут сделать ни конструктивисты, ни примордиалисты за неимением эмпирического опыта, соответствующего этому понятию»[41].

Наше запоздалое обращение к теории этноса связано с двумя серьезными обстоятельствами: с явлением «возвращения расы» через новейшие естественнонаучные и генетико-медицинские подходы и с оживлением политико-идеологических форм этнонационализма – самого серьезного препятствия гражданскому нациестроительству в условиях культурного разнообразия. Еще в 1990-е годы Дж. Маркус и М. Фишер в своей известной книге про антропологию как форму культурной критики отметили, что обычные категории физики и механики, которые помогали ученым-гуманитариям формулировать свои мысли, все больше начинают замещаться языком генетики и биологии[42]. Как известно, в последние десятилетия междисциплинарное научное направление генетики человека, особенно нашумевший на весь мир проект «Геном человека», обрели огромный размах. В России даже родилось некое подобие дисциплины под названием «этногеномика» – наука о генетическом облике этносов. Рост популярности идей генетической инженерии, стремление

установить связь между некоторыми наследственными болезнями, действиями лекарств и человеческими популяциями и даже обнаружить генетические факторы преступности породили большое число исследователей и публикаций, из которых зачастую рождаются или возрождаются, пользуясь медицинским языком, нежелательные для науки и общества «побочные действия». Как отмечает английский антрополог Р. Картер, используя генетику для реконструкции человеческого прошлого, ученые продолжают заниматься расиализацией человеческих общностей, ибо речь снова идет о реконструкции неких устойчивых к изменениям «этносов» и «наций», за которыми скрываются все те же «расы»[43]. Многочисленные генетические тесты, которые используются в разных сферах, огромная область медицинской генетики – все это воздействует на обыденное знание. «И хотя медики определяют "расовую принадлежность" пациента на глазок (но "раса" в данном случае является не более чем статистическим показателем), это убеждает людей в важности и надежности расовых категорий»[44], – пишет В.А. Шнирельман.

Некоторые генетики, а за ними публицисты и даже обычные люди все чаще пишут и говорят о «хороших» и «плохих» генах, «генах насилия», «генах гениальности» и т.п. В российской прессе прошло сообщение, что ученые одного из крупнейших научных центров открыли «геном» русского человека, как будто бы геном действительно может дать полный портрет человека, а тем более – целой этнической группы или нации. Генетический материал становится своего рода товаром, и даже ведется речь о сохранении некоего генофонда как «национального достояния». Так называемую «виталистскую» концепцию этноса, якобы обладающего вполне измеряемой «жизненной силой», подверг критическому разбору С.А. Ушакин[45], показав к тому же ее националистическую подоплеку. Вообще *современный этнический национализм строит свои аргументы чаще всего на биологических, генетических, мистических основаниях, которые пришли на смену политическим, социальным и культурно-языковым*. По причине подобных метаморфоз уже можно сказать постсоветских «теорий этноса» положение с этой метаконструкцией нисколько не исправилось. «Метастазы теории этноса», по поводу которых когда-то жаловался в ЦК КПСС известный советский теоретик национального вопроса Н.И. Куличенко (обидевшись на Бромлея за неизбрание его в члены-корреспонденты Академии), сегодня действительно имеют место в научном знании. Десятки, если не сотни ученых и научных групп ныне ведут этногенетические исследования в самых разных регионах страны[46]. Этногеномика и геногеография народов через случайные заборы слюны у случайных совокупностей людей становятся волнующим националистов и расистов занятием.

Малые аборигенные популяции вообще испытывают рискованный наплыв жаждущих сделать очередной забор крови и другого генетического материала. На Северном Кавказе сдача слюны на выяснение древних корней и родственников собственного этноса стала повальным увлечением. Наконец, директор Института общей генетики имени Н.И. Вавилова РАН, член-корреспондент Н.К. Янковский прочитал 18 ноября 2010 г. публичную лекцию на тему «Этногеномика» в телевизионном лектории «Academia» на телеканале «Культура». И вот уже этническая геномика объявлена «одним из самых захватывающих направлений геномики, возникшей в ходе выдающегося исследования современности, расшифровки генома человека». Далеко не признанные мировой наукой занятия в России становятся темой школьных работ на уроках биологии. Например, ученицы 10 класса Одинцовской средней школы № 3 Московской области Степанова Мария и Романова Наталья поместили свою работу «Этногеномика» в Интернете, целью которой объявили «рассмотреть зависимость генотипа от национальности и народности».

Нам в свое время не удалось исполнить в полной мере «реквием по теории этноса», и этому были как некоторые объективные, так и случайные обстоятельства. Но сейчас, кажется, ситуация с этносом поворачивается для этнологов совсем в неожиданную сторону: появились «захватывающие дисциплины», которые готовы узурпировать эту категорию (для них – это биологическая субстанция) в собственное исключительное владение (с этнологами генетики и биологи фактически не контактируют). «Этно» становится почти в ряд с «био», «гео» и «нано», покидая гуманитарное ложе. Так может быть это обстоятельство к пользе для самой этнологии, у которой остается ее этнографический метод и общемировое название дисциплины – социально-культурная антропология? По крайней мере представители нашей дисциплины могут уберечь себя от недовольств самих субъектов так называемых этногенетических исследований, которые уже звучат в общественно-политических дебатах. Известны мнения некоторых аналитиков, которые полагают социально опасными жесткие связки генетики, расы и этничности[47]. Многие группы меньшинств и аборигенные народы выступили с протестом против сбора генетической информации[48]. Видные западные мыслители предрекают наступление эпохи «пострасизма», когда сама по себе раса потеряет всякий смысл, ибо будут контролироваться человеческая селекция и наследственность[49]. В любом случае сегодня в России так называемые этногенетические исследования активно используются отечественными расистами и националистами, и это трудно не замечать.

Итак, если оказалось невозможным опровергнуть этнический примордиализм и базирующиеся на нем национализм и ксенофобию, тогда зачем нужна моя новая книга с критическим разбором

привычных понятий *народа* как этноса и *нации* как высшей стадии его развития? Нет ли в этом неоправданной личной амбиции исследователя? Все наши амбиции уже можно считать удовлетворенными, ибо на протяжении двух десятилетий и даже более, придя в этнологию из «традиционной истории», мы смогли не только донести свое критическое отношение и свои идеи, но и оказать некоторое влияние на дисциплину в целом. При этом мы ни в коей мере не преследовали цель тотального переворота в науке, который не под силу современным гуманитариям-одиночкам и который далеко не всегда на пользу самой науке. *Инновации и преемственность – два обязательных условия здорового развития научного знания*. Подсечно-огневая система, которую практикуют некоторые национальные научные школы, для отечественной традиции не подходит. При всем при этом автор уверен, что российскому читателю нужна книга, которая обосновывает до этого постыдно игнорированный *феномен российской историко-культурной и гражданско-политической общности и ее многообразное единство*. Ибо противоположные или путаные взгляды сохраняются в форме старых прописей и новых проектов, в том числе таких эзотерических, как «проект Россия» с его псевдорелигиозной риторикой о новом «православном царстве»[50]. Моя книга нужна, чтобы показать, что́ составляло национальную идентичность россиян в прошлом и что́ составляет ее сегодня. Но самое важное – это попытаться убедить сограждан, что *мы один народ: многообразный и цельный, с общими языком, ценностями, песнями, праздниками, переживаниями за победы и драмы своей страны*.

* * *

Занятость и политические пертурбации вокруг понятий «российский народ» и «нация» затрудняли работу над книгой. Положение облегчили мои коллеги, выступившие соавторами ряда глав: доктора исторических наук В.В. Трепавлов (глава 8), Т.Ю. Красовицкая (глава 11), Д.А. Аманжолова (глава 13), О.Е. Казьмина (глава 18), кандидат исторических наук В.В. Степанов (глава 16). Степанов вместе с М.В. Романовым был также координатором трех социологических опросов, результаты которых легли в основу глав 17, 19 и 20. Всем им выражаю глубокую благодарность, как и членам Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, с участием которых выполнены опросы и проанализированы их результаты. Выражаю благодарность рецензентам книги, директорам архивов С.В. Мироненко (ГАРФ) и В.Ю. Афиани (Архив РАН), а также директору МАЭ (Кунсткамера) Ю.В. Чистову, из фондов которых в книгу помещены некоторые иллюстрации. Как всегда, терпеливо и квалифицированно выполнили сложную рабо-

ту над книгой сотрудники Академиздатцентра «Наука». Всем им огромное спасибо за помощь и содействие.

[1] *Путин В.В.* Выступление в День России на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации. 12 июня 2005 г. // Вестник Российской нации. 2008. № 1. С. 11.

[2] *Путин В.В.* Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. 5 февр. 2004 г. // www.archive.kremlin.ru/appears/2004/02/05/2116_type63376type63378_60337.shtml.

[3] www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=123.

[4] *Медведев Д.А.* Выступление на приеме в честь архиереев – участников Поместного собора Русской православной церкви. 2 февраля 2009 г. // www.kremlin.ru/transcripts/3033.

[5] См.: *Гудков Л.* Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. М., 2004; Идентичность как предмет политического анализа: Сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / Под ред И.С. Семененко. М., 2011; *Филиппова Е.И.* Территории идентичности в современной Франции. М., 2010; Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / Под ред. М.Н. Губогло. М., 2011; *Федотова Н.Н.* Изучение идентичности и контексты ее формирования. М., 2012; и др.

[6] Согласно Национальному корпусу русского языка, у Н.М. Карамзина слово «россиянин» встречается более 1360 раз. Без учета Карамзина употребление этого слова было ограничено. В 1991–2010 гг. корпус фиксирует 3157 употреблений слова «россиянин».

[7] *Тишков В.А.* Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 3–15; *Он же.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 3–38; *Он же.* Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 янв. (№ 15); *Он же.* Что есть Россия?: (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17; *Он же.* О нации и национализме: Полемические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 3–38; *Он же.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; *Tishkov Valery.* What is Rossia? Prospects for Nation-Building // Security Dialogue. 1995. Vol. 26. N 1. P. 41–54.

[8] *Никонов В.А.* Крушение России. М., 2011.

[9] *Поляков Ю. А.* Историческая наука: люди и проблемы. М., 2009. С. 19.

[10] Материалы есть на моем сайте в Интернете: http://www.valerytishkov.ru

[11] *Тишков В.А.* Забыть о нации: (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26. В книге «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии» (М., 2003) глава, написанная на основе этой статьи, называлась менее эпатажно: «Постнационалистическое понимание национализма», дабы лишить критиков возможности оглупять мою позицию по части «отрицания этносов», но следует признать, что это мало помогло вразумлению упертых примордиалистов.

[12] Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994; Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1999.

[13] Я не склонен связывать свою научную и более широко – жизненную позицию с местом своего рождения, но вот какой вывод обнаружил в недавней статье А.В. Головнева по поводу свойственной мне как уральцу «свободы от магии этничности»: «За столетия, если не тысячелетия, в динамичной мультикультурной среде Урала формировались различные схемы этнодипломатии. Сегодня на основе этого многослойного фонда сложился отмечаемый многими местными

жителями и внешними наблюдателями тон взаимного уважения различных по происхождению, религии и языку сообществ – своеобразная "уральская толерантность"» (*Головнев А. В.* Оттенки этничности на Урале // Антропология социальных перемен: Сб. статей / Под ред. Э.-Б. Гучиновой и Г.А. Комаровой. М., 2011. С. 443–444).

[14] Известия. 2007. 24 апр.

[15] О теории акта речи см.: *Searle J.* Speech Acts. Cambridge, 1969.

[16] См. мои статьи «Нация», «Национализм», «Раса», «Этничность» в: Новая философская энциклопедия / Под ред. В.С. Степина и Г.Ю. Семигина. М., 2010, а также мои книги: Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; Этнология и политика. М., 2004; Единство в многообразии. Оренбург, 2008. Сокращенный вариант нынешней книги вышел в издательстве «Просвещение»: *Тишков В. А.* Российский народ: Книга для учителя. М., 2010.

[17] *Севастьянов А.* Русская идея как электоральный ресурс. Первоочередные этнополитические проблемы русского народа // Политический класс. 2007. № 28. Апрель; *Он же*. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Там же. 2008. № 4. См. также книгу этого автора, написанную совместно с В. Б. Авдеевым: Раса и этнос. М., 2007.

[18] *Савельев А.* Образ врага. Расология и политическая антропология. М., 2007. Под влиянием наставника В.Б. Авдеева и с тех же позиций написана книга ныне профессора МГИМО(У) В.Д. Соловья «Русская история: новое прочтение» (М., 2006).

[19] *Шнирельман В.А.* Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма: В 2 т. М., 2011.

[20] *Шнирельман В.А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М., 2012; *Он же.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М., 2012;

[21] *Goble P.* 'Civic Nation' Project Said Alienating All Ethnic Groups within Russia (Window on Eurasia) // www.FennoUgria: Paul Goble: 'Civic Nations' Project...

[22] Национальная идея: страны, народы, социумы / Под ред. Ю.С. Оганисьяна. М., 2007.

[23] Там же. С. 419.

[24] *Фурман Дм.* От Российской империи к русскому демократическому государству // Неприкосновенный запас. 2010. № 5(73).

[25] *Королев С.* «Мы, русские националисты…»: Заметки о политической маргинальности // Независимая газета. 2000. 6 июля.

[26] *Холмогоров Е.* Русский националист. М., 2006.

[27] *Тишков В.А.* Национализм и выборные кампании // Вестник российской нации. 2012. № 2–3.

[28] См.: *Тишков В.* Страсти по демографии // Эксперт. 2006. № 5. С. 68–71.

[29] См., например: *James Scott*. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven; London, 1999.

[30] Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1918; переизд.: М., 1990. С. 247.

[31] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Л., 1991. С. 55.

[32] *Сурков В.* Русская политическая культура. Взгляд из утопии // Вестник российской нации. 2008. № 1. С. 92; *Он же.* Национализация будущего // Эксперт. 2005. № 43. 20–26 нояб.

[33] *Манн М.* Нации-государства в Европе и на других континентах: Разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм / Пер. с англ. и нем. М., 2002. С. 385, 408–409.

[34] Карамзин: Pro et Contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей. Антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб., 2006. С. 229.

[35] Гражданское самосознание – основа мировоззрения личности: Методическое пособие для учителей / Под ред. Р. М. Роговой. М., 2000. С. 40–41.

[36] См., например, материалы конференции, проведенной Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера): Лев Николаевич Гумилев: Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: В 2 т. СПб., 2002.

[37] *Абдулатипов Р.* Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М., 2005.

[38] Критику взглядов Гумилева см.: *Клейн Л.С.* Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4. С. 228–246; *Янов А.* Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 104–116; *Маклаков К.* Теория этногенеза с точки зрения биолога // Урал. 1996. № 10. С. 164–178; *Иванов С.А.* Лев Гумилев как феномен пассионарности // Неприкосновенный запас. 1998. № 1. С. 4–10; *Шнирельман В. А., Панарин С.А.* Лев Николаевич Гумилев: отец этнологии или искусный шарлатан (заметки об учении Гумилева) // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 5–37; *Кореняко В.А.* Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов / Ред. А. Малашенко, М.Б. Олкотт. М., 2000. С. 398–444; *Шнирельман В.А.* Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8–21.

[39] Подробнее см.: *Шнирельман В.А.* Хазарский миф. М., 2012.

[40] *Шнирельман В.А.* «Порог толерантности». Идеология и практика нового расизма: В 2 т. М., 2011.

[41] *Филиппов В.Р.* Советская теория этноса: Историографический очерк. М., 2010. С. 214.

[42] *Marcus G.E., Fisher M.M. J.* Anthropology as cultural critique. Chicago, 1999. P. XXVI.

[43] *Carter R.* Genes, genomes and genealogies: the return of scientific racism? // Ethnic and racial studies. 2007. Vol. 30. № 4. P. 520–522.

[44] *Шнирельман В.А.* Порог толерантности... Т. 1. С. 78.

[45] *Ушакин С.А.* Жизненные силы русской трагедии: о постсоветских теориях этноса // Антропология социальных перемен: Сб. статей / Под ред. Э. Гучиновой, Г. Комаровой. М., 2011. С. 129–170.

[46] См. труды лидеров направления: *Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В.* Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. М., 2002; *Балановская Е.В., Балановский О.П.* Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007.

[47] *Nelkin D.* Molecular metaphor: the gene in popular discourse // Genetics Nature Reviews. 2001. Vol. 2. № 7. P. 555–559.

[48] *Macilwain C.* Tribal groups attack ethics of genome diversity project // Nature. 1996. Vol. 383. № 6597. P. 208.

[49] *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 37.

[50] См.: Проект Россия. Выбор пути. Кн. 2. М., 2007, а также другие книги проекта.

Часть I

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глава 1

КАК ПОНИМАТЬ «НАРОД» И «НАЦИЮ»

> Нация не дерево и не животное, которое в семени несет все свои возможности. Нацию лучше сравнивать с музыкальным или поэтическим произведением, в котором первые такты или строки вовсе необязательно выражают главную тему. Эта тема иногда раскрывается лишь в конце.
>
> *Русский философ Г.П. Федотов*

Несмотря на то что понятия *народ* и *нация* употребляются разными авторами в разных смыслах, мы все же будем исходить из общепринятых и наиболее употребляемых в мировой науке и в общественно-политической практике категорий. *Народ* и *нация* чаще всего рассматриваются как синонимы. Слово «народ» как территориальное сообщество и как согражданство носит более обыденный характер. Под ним, как правило, имеется в виду население страны. Британский, испанский, бразильский, канадский, австралийский, китайский народы – население соответствующих государств. Эти названия ничем не отличаются от варианта «народ Великобритании» или «народ Австралии». Тот же самый смысл носят языковые обозначения жителей страны по ее названию (политонимы): австралийцы, бразильцы, британцы, испанцы, канадцы и др. Под этой категорией понимаются все жители страны разной этнической принадлежности, включая людей иммигрантского происхождения. Условно можно назвать эту общность *государственным народом*, т.е. народом по государству. В определенных ситуациях или в политико-административных целях иммигранты (тем более, если они не граждане) не считаются частью соответствующего народа. В США, например, человек, не рожденный в этой стране, или иммигрант, не имеющий гражданства, не считаются американцами. Таких людей в США около 10–15% населения

страны. В России также в понятие российского народа не входят временные трудовые иммигранты, и россиянин – это тот, кто имеет российский паспорт, а также дети этого гражданина.

Однако понятие *народ* используется равным образом применительно к этническим общностям (в России в последние три десятилетия также стал использоваться термин *этнос*). Поэтому есть понятия: армянский, русский, татарский, чеченский, чувашский и другие народы. Под моей редакцией в 1994 г. вышла энциклопедия «Народы России», в которой содержатся сведения о населяющих страну этнических группах – народах. Синонимом понятия *народ* может быть термин *национальность*. Но это только в России и в некоторых других странах (например, в Китае) под национальностью понимаются этническая группа или так называемые национальные меньшинства. В остальном мире слово *национальность* (*nationality*) означает гражданство той или иной страны. Россияне уже научились при поездках за рубеж отвечать в визовых анкетах на вопрос о национальности словом «Россия», но внутри страны национальность по-прежнему означает этническую принадлежность.

В переписях населения 2002 и 2010 гг. задавался вопрос: «Ваша национальная принадлежность?», и опрашиваемый должен был дать единичный ответ по своему усмотрению или не давать никакого ответа. В переписи 2002 г. из 145 млн опрошенных только 1,4 млн человек (1%) не указали национальность в переписном листе. Половина из них (736 тыс.) приходится на Центральный федеральный округ, где больше всего проживает людей – выходцев из зарубежных государств или просто иностранцев, для которых национальность – это гражданство, и что-то другое им трудно указывать. Среди этих людей могли быть и те, кого переписывали по данным паспортных столов или со слов других лиц. Пользуясь случаем, поясним, что произошло с якобы большим числом «отказников» при ответе на вопрос о национальной принадлежности во время переписи 2010 г. (почти 5,6 млн человек, или 3,9%!). Принятые перед проведением этой переписи поправки к федеральному закону о переписи населения вполне легально позволяли переписным службам пользоваться административными данными в ходе опроса населения, чем не преминули воспользоваться организаторы переписи, особенно в регионах и городах, где не было одержимости зафиксировать как можно больше лиц определенной национальности. Поскольку в данных паспортных столов сведений о национальности не содержалось, то все переписанные без личной встречи с переписываемым оказались «без национальности». На самом же деле не смогли указать или отказались указывать всего 584 тыс. человек (0,4%), и это сопоставимо с данными предыдущей переписи.

Ясно одно, что в России национальная (точнее – этническая) принадлежность сохраняет свою значимость, и россияне по старой привычке воспринимают ее как выбор по родителям или по одному из родителей, если они разной национальности. Возможность указать двойную национальность ими пока не осознается, да и процедура переписи этого не позволяет. Советская наука об этносе сложную этническую идентичность не признавала и людей с таким самосознанием относила к «переходным группам» или даже к «маргиналам»!

Понятие *нация* носит более политический характер. Оно нагружено символическим и эмоциональным смыслами, но по сути своей подразумевает народ в форме государственного территориального сообщества. Нация – это категория социальной классификации, за исключительное обладание которой борются две формы человеческих общностей: этнические и государственные. Как категория и как политический инструмент *нация* мало что дает для понимания общества и управления им, но порожденные на ее основе доктрины и язык, называемые *национализмом*, являются одним из наиболее значимых явлений новой и современной истории. В настоящее время очень трудно отказаться от употребления этого слова, и поэтому *можно называть нациями как этнические общности (этнонации), так и государственные сообщества (сограждaнства)*. При этом у последних ресурсов и аргументов на признание за ними данного обозначения больше[1].

Такая формула доминирует и в мировой политической практике. Таков и современный научный взгляд на нацию. В подтверждение приведу мнение крупного американского антрополога венгерского происхождения Кэтрин Вердери, которая пишет: «Нация – это аспект политического и символического/идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувства. В течение многих веков она являлась важным элементом системы социальной классификации»[2]. Поскольку коренное значение этого слова «быть урожденным», то под нациями понимались самые разные сообщества: гильдии и корпорации, землячества в старинных университетах, феодальные сословия, массы людей и групп, имеющих явно общую культуру и историю[3]. Это понятие изначально служило инструментом отбора, тем, что сплачивает в общую массу одних людей, которых нужно отличать от других, существующих бок о бок с этими первыми. Критерии отбора менялись в зависимости от времени и контекста. «В современную эпоху, – пишет К. Вердери, – нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных государств. Ею обозначаются отношения между государствами и их подданными, а также

между одними государствами и другими; это идеологический конструкт, играющий важную роль в определении позиций субъектов как в рамках современного государства, так и в рамках международного порядка. Это значит, что нация имеет решающее значение для определения способа связи государства со своими подданными, который отличает их от подданных других государств, а также для его внешнего окружения»[4].

Связь понятий *нация* и *государство* отражена в сложной категории *нация-государство* (nation-state). Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных Наций и считающих себя государствами-нациями. Некоторые ученые пытаются разделить два понятия: *нация-государство* и *национальное государство,* имея в виду под последним некое «выкованное историей» государство с культурно-гомогенной нацией. Как писал А.М. Салмин, «идеология *государства-нации* по-настоящему органична, пожалуй, только для *национальных государств,* а эти два понятия при всей их близости в обыденной жизни – неполные синонимы». Как считал А.М. Салмин, Франция – это национальное государство, а Россия – нет, ибо во Франции все считают себя «французами», а в России, по его мнению, сохраняется непонятное различие между «русскими» и «россиянами»[5].

На самом деле таких двух категорий не существует: national state или nation-state – это одно и то же. Более того, среди всех суверенных государств – членов ООН нет таких, которые не считали бы себя национальными государствами. Даже если в их конституциях и в доктринах признается сложный характер населения и отдельные его группы также называют себя нациями. Как пишет французский социолог Доминик Кола, «нация представляет собой продукт определенных социальных условий и не является продолжением природы другими способами. Нация есть не что иное, как государство-нация: политическая форма территориального суверенитета над подданными и культурная (языковая и/или религиозная) гомогенизация группы, накладываясь друг на друга, *порождают* нацию»[6].

Это определение есть продолжение классического якобинского понимания нации как суверенного и солидарного согражданства. Однако есть и более тонкие подходы, которые лучше помогают раскрыть суть нации. Один из таких подходов можно назвать дискурсивным, конструктивистским взглядом на нацию и национализм. Этот подход близок нашим взглядам. Здесь своими союзниками я бы назвал американцев – социолога Р. Брубейкера и историка Р. Суни, английских антропологов и историков Б. Андерсона и А. Купера, французских историка Ж. Кадио, философа М. Вьевьорка и социолога Д. Кола, индийского историка П. Чаттарджи, а среди отечественных авторов – известных ученых

Здание штаб-квартиры Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке

М.Н. Губогло, Л.М. Дробижеву, В.С. Малахова, М.М. Мартынову, Ю.С. Пивоварова, В.В. Степанова, С.В. Соколовского, Е.И. Филиппову и других. В свое время работа Роджерса Брубейкера о национальном и о национализме в новой Европе оказала мне большую помощь в теоретических размышлениях о данном феномене, хотя у меня есть серьезные расхождения с этим автором[7].

* * *

Итак, действующая повсеместно категория *национальность* обозначает граждан той или иной страны. Она также имеет менее распространенный языковой вариант «национал» (national) как существительное (обычно во множественном числе). Это слово

свидетельствует о принадлежности индивида к той или иной нации. В русском языке оно почти не употребляется. «Британский национал» (British national), «канадский национал» (Canadian national), «испанский национал» (Spanish national) – это представители соответствующих наций, независимо от этнической, языковой и другой (расовой или религиозной) принадлежности. Гражданин Великобритании (этнические англичанин, ирландец, шотландец, уэльсец или выходец из иммигрантов) есть член британской нации. Канадские франкофоны (главным образом жители Квебека – квебекцы), англофоны, индейцы и эскимосы, иммигранты итальянского, украинского или русского происхождения – все они канадцы, если имеют канадское гражданство и достаточно интегрированы (обычно предоставление гражданства связано с интеграцией, если оно не куплено за деньги в виде капиталовложений в стране или не пожаловано за особые заслуги).

В испанскую нацию входят не только кастильцы, составляющие большинство населения страны, но и каталонцы, баски, галисийцы и другие граждане Испании, независимо от регионально-культурных различий и регионально-этнических идентичностей. Каталонец является одновременно представителем испанской нации. Конечно, есть радикальные элементы, например, баскские и ольстерские экстремисты или квебекские сепаратисты, которые могут отвергать принадлежность к испанской, британской или канадской нациям. Но эти крайние случаи только подтверждают норму: подавляющее большинство басков и каталонцев считают себя испанцами, а основная часть квебекцев – канадцами. Данную закономерность подтверждают как референдумы среди населения, так и общенациональные празднования спортивных побед, как, например, «испанской Барселоны» (обратите внимание: не каталонской, а испанской, хотя Барселона – это столица Каталонии!) в европейском футбольном чемпионате или канадской хоккейной команды (в ней более половины игроков – франкофоны) в мировом первенстве. Выступавшая на Ярославском Глобальном политическом форуме в сентябре 2011 г. спикер парламента Страны Басков заявила, что отстаивание автономного статуса провинции со всеми ее правами сопровождается не менее последовательными усилиями политической элиты и граждан региона утверждать себя в качестве равноправных членов испанской нации.

В Шотландии всегда были сторонники шотландского национализма, выражавшегося в историческом мифе, региональном патриотизме, особых культурных традициях, языковой отличительности. В последнее время этот национализм обрел политические формы вплоть до инициирования местной правящей партией

референдума о государственной независимости Шотландии. Однако на сегодняшний день господствующая идея государственного устройства страны заключается в идее британской нации. Мы видим, что шотландцы, включая бывшего премьер-министра Великобритании Гордона Брауна, понимаются как составляющая часть нации. И шотландский поэт Роберт Бернс – это порождение той же самой нации, а не только этнических шотландцев.

Поэтому когда известный российский историк Н.А. Нарочницкая писала, что не гражданские нации (для нее – это всего лишь носители одинаковых паспортов), а этнические нации порождают культурные и другие достижения (называя при этом Шекспира и Достоевского)[8], то напомним, что среди достижений представителей российского народа далеко не все принадлежали и принадлежат к этническим русским (назовем на выбор хотя бы имена выдающихся отечественных музыкантов новейшего времени Д. Ойстраха, Д. Шостаковича, А. Шнитке, Р. Ростроповича, В. Гергиева). И так во всех сферах наших национальных достижений и предметов национальной гордости: от культуры и науки до политики и спорта. Представлять себе гражданские нации только как сообщество носителей одинаковых паспортов, а этнические нации как подлинных производителей культуры и всего остального, включая саму государственность, это значит радикально снижать смысл и роль основной формы человеческих коллективов, которая известна нам с момента всеобщего «огосударствления» человечества, по крайней мере с эпохи возникновения современных государств.

Население государств как в прошлом, так и в настоящем (т.е. *всегда*) было многоэтничным. В каждом государстве проживают представители разных этнических групп, которые могут, кстати, также называться нациями, народами, меньшинствами в зависимости от степени самоорганизации этих групп и политики правительства той или иной страны. В Турции, например, вообще не признается существование каких-либо других групп, кроме собственно турок, хотя в стране проживают несколько миллионов курдов с отчетливым самосознанием и с организованной борьбой за свои права (лидер курдов Оджалан был приговорен в Турции к смертной казни). В Китае 55 неханьских народов общей численностью более ста миллионов человек называются этническими группами или национальными меньшинствами. В Канаде группы аборигенного населения (индейцы и эскимосы) называют себя «первыми нациями». Это обозначение стало общепризнанным даже на уровне Конституции. Хотя во время моих полевых исследований среди индейцев Канады и США в 1970-е годы индейские активисты только начинали называть себя нациями и даже

Официальный сайт организации канадских индейцев
«Ассамблея первых наций»

печатали паспорта (естественно, никем не признаваемые), например, «нация оджибвеев». Летом 2012 г. в Саранске местный авторитет мордовской этнографии профессор Н.Ф. Мокшин вручил мне «паспорт мордвина» – своего рода «сувенирный путеводитель» по самым базовым компонентам истории и культуры мордовского народа. Мордва, конечно, с полным основанием считает себя одной из российских наций, имея богатую культуру и выдающиеся достижения, но трудно найти бóльших россиян по своему самосознанию, чем жители Мордовии, не говоря уже о большей части российской мордвы, которая проживает за пределами республики.

В дореволюционной России после сложения централизованного государства существовало основное понятие *русский (российский) народ* и в отношении этнических меньшинств и неправославных использовались понятия *инородцы*, *иноверцы*, *племена*, *туземцы, народности* и другие категории. Важно отметить, что русский народ представлял собой широкую (внеэтническую) категорию. Известная и ныне переизданная книга автора XIX в. М. Забылина об обычаях, обрядах, верованиях и преданиях русского народа[9] включала сведения о татарских, чувашских, мордовских, черемисских свадьбах, о шаманизме среди тунгусов и самоедов и о других этнокультурных традициях, которые к собственно русским и даже к православным отнести было нельзя.

Напомним, что слово «нация» встречается в русском политическом лексиконе с XVIII в., но оно было употребительным уже

во второй половине XVII столетия преимущественно в дипломатической среде[10]. С момента правления Петра I этот термин укореняется в официальных текстах, а также на страницах газет, художественных произведений, мемуаров и частной переписки. Как правило, значение слова «нация» было идентично понятиям «народ», «люди». Характерно, что в тех русских официальных документах, которые должны были дойти до сведения европейских дворов и потому целенаправленно переводились на различные языки, в частности на немецкий, слово «нация» звучало как «die Nation» или «das Volk»[11]. Однако в источниках зафиксировано употребление термина «нация» и в узкосословном смысле. Например: «Государь … должен знать, что нация, жертвуя частию естественной своей вольности, вручила свое благо Его попечению … а дабы нация имела свою вольность, надлежит правлению быть так устроену, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти»[12].

Чтобы убедить читателя в давних корнях самого понятия *нация* в российском общественно-политическом пространстве, а также в достаточно глубоком понимании наиболее просвещенными людьми России сути власти в стране с огромной территорией, где есть император, имущественное сословие и многоязычный народ, приведем пространные извлечения из проекта графа Н.И. Панина о фундаментальных государственных законах. Этот проект был подготовлен не позднее 1783 г. для представления наследнику престола Павлу I, воспитателем которого он был назначен еще Елизаветой Петровной. Проект не был принят, но оказал влияние на общественную мысль и лично на царствующий двор (слово «нация» выделено в цитируемом тексте мною. – *В.Т.*).

«Правота и кротость суть лучи Божественнаго Света, возвещающие людям, что правящая ими власть поставлена от Бога и что достойна она благоговейнаго их повиновения: следственно всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от Бога, но от людей, коих нещастия времен попустили уступая силе унизить человеческое свое достоинство. В таком гибельном положении **нация**, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, есть ли разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь в праве возвратить свою свободу, или никто не был в праве отнимать у ней свободы. Кто не знает, что все человеческия общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между ГОСУДАРЕМ и подданными суть равным образом добровольныя; ибо не было еще в свете **Нации**, которая насильно принудила бы кого стать Ея ГОСУДАРЕМ; и есть ли она без ГОСУДАРЯ существовать может, а без нея ГОСУДАРЬ не может, то очевидно, что первобытная власть была в ея руках, и что при установлении ГОСУДАРЯ не

Граф Никита Ильич Панин
(гравюра А. Радига с портрета А. Рослена, 1770-е годы)

о том дело было, чем он **нацию** пожалует, а какою властию она Его облекает. Возможно ль же, чтоб **нация** добровольно постановила сама закон, разрешающий ГОСУДАРЯ делать неправосудия без отчетно»[13].

И далее в контексте понимания нации чрезвычайно интересные и даже актуальные поныне размышления о хрупкости государственного образования с малообразованным и несвободным населением, проживающим на обширном и плохо связанном пространстве:

«…Теперь представим себе государство, объемлющее пространство, каковаго ни одно на всем известном земном шаре не объемлет, и котораго по мере его обширности нет в свете малолюднее; государство, разробленное с лишком на тридцать больших областей, и состоящее можно сказать из двух только городов, из коих в одном живут люди большою

частию по нужде, в другом большою частию по прихоти; – государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное, и котораго положение таково, что потерянием одной баталии, может иногда бытие Его вовсе истребиться; – государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целаго света, и которое мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся, и ни кем не предводимый, может привести так сказать в несколько часов на самый край конечнаго разрушения и гибели; – Государство, дающее чужим землям Царей, и котораго собственный Престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян, охраняющих безопасность Царския Особы; – государство, где есть все политическия людей состояния, но где ни которое не имеет никаких преимуществ, и одно от другого пустым только именем различаются; – государство, движимое вседневными и часто друг другу противуречущими указами, но не имеющее никакого твердаго законоположения; – государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцем и судьею над человеком другого состояния, где каждый следственно может быть за всегда или тиран, или жертва; – государство, в котором почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборотом **Отечество купно с ГОСУДАРЕМ и корпусом своим представляет нацию** (здесь и далее выделено мною. – *В.Т.*), руководствуемое одною честию Дворянство уже именем только существует, и продается всякому подлецу, ограбившему Отечество; где знатность, сия единственная цель благородныя души, сие достойное возмездие заслуг, от рода в род оказываемых Отечеству, затмевается фавером, поглотившим всю пищу истиннаго любочестия; – государство не деспотическое: ибо **нация** никогда не отдавала себя ГОСУДАРЮ в самовольное Его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления; не монархическое: ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия: ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом ГОСУДАРЯ; на демократию же и походить не может земля, где народ пресмыкался во мраке глубочайшаго невежества, носит безгласно бремя жестокаго рабства.

Просвещенный и добродетельный МОНАРХ, застав Свою Империю и Свои Собственныя права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое Свое служение немедленным ограждением общия безопасности посредством законов непреложных. В сем главном деле не должен Он из глаз выпускать двух уважений: первое, что государство Его требует немедленнаго врачевания от всех зол, приключаемых Ему злоупотреблением самовластия; второе, что государство Его ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как есть ли вдруг и не приуготовя **нацию**, дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные Европейские народы. При таковом соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание. В заключение надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением»[14].

Далее мы проследим как эволюционировало представление о нации применительно к стране и ее народу, а также к составляющим его этническим общностям.

* * *

Население государств, т.е. гражданские нации, как правило, отличаются сложным религиозным и расовым составом. Для современных государств многоэтничность и поликонфессиональность народа (или нации) – это норма. Культурная сложность наций относится и к языковой ситуации, ибо одна из отличительных характеристик этнических групп – язык. Очень мало государственных народов или наций, представители которых говорили бы на одном языке. Среди мексиканцев, например, около 10% составляют индейцы-аборигены, говорящие на языках групп майя и ацтеков, а швейцарцы используют четыре языка – немецкий, французский, итальянский и ретороманский, в Италии в Южном Тироле преобладает немецкий, а в Сардинии – сардинский языки. Поэтому нации многоязычны, хотя чаще всего по причинам демографического большинства или удобства коммуникации доминирует какой-то один или два языка. Им в целях государственного управления и консолидации населения страны может придаваться официальный статус. Общепринятый правовой подход заключается в том, что *бюрократии обязаны разговаривать на языке большинства налогоплательщиков, а не налогоплательщики должны изучать язык чиновников*. Этот тезис актуален для постсоветских государств. Особенно для таких стран, как Латвия, Украина, Казахстан, Кыргызстан, где не менее половины платящих налоги жителей пользуются русским языком как основным языком знания и общения.

Имеющиеся среди населения государств различия (этнические, языковые, религиозные и даже расовые) относятся к категории культурных. Многокультурный характер населения ныне признается практически всеми государствами-нациями[15]. Однако существуют государства, идеологии и религиозные системы, не признающие культурную сложность наций и культурную свободу человека. Так, например, ислам фундаменталистского толка отвергает возможность выхода из религии и насаждает представление об исламской умме как своего рода нации-общности на основе веры, а не государства. Следует сказать, что и в христианстве этническое начало мало что значит, ибо «для Бога нет ни эллина, ни иудея».

Кстати, в России исторически было так, что все принявшие православие считались одним народом, который назывался русским или российским. Только в последнее время среди некоторых православных активистов и даже священнослужителей появились ревнители исключительно русского взгляда на Россию, для которых российскость выглядит как нечто подрывающее основы государственности. Важно понимать, что *церковь в России действительно носит название Русской православной церкви, но в этом названии*

меньше всего этнического содержания[16]. В некоторых государствах недоминирующая религия подвергается гонениям, а в иных (с коммунистическим правлением) любая религия отрицается как «опиум для народа». Есть государства-нации, которые долгое время утверждали себя как целостность на основе мифов о расовой и этнокультурной гомогенности. Например, миф о «белой Австралии», который был демонтирован только в последние два десятилетия, причем настолько радикально, что австралийская нация приветствовала мир из олимпийского Сиднея аборигенно-этническим разнообразием уже как своего рода визитной карточкой страны.

Концепты многорелигиозной, многорасовой и многоэтничной нации и единого народа с разной степенью успешности утверждаются в таких крупных странах, как Бразилия, Канада, США, Великобритания, Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Новая Зеландия, Филиппины, Танзания, Нигерия и т.д. Формула «единство в многообразии» (unity in diversity) как основа политического устройства и управления находится в арсенале большинства современных государств – от огромной Индии до маленькой Ямайки. На ямайском долларе я обнаружил надпись «Из многих – один народ» (from many one people). Наконец, есть государства, где укоренилось представление о нации как об этнической целостности, говорящей на одном языке и имеющей свой особый характер («этническую психологию») и даже этногенофонд. Эта доктринальная и политическая традиция восходит к австро-марксистам[17] и к российским большевикам. Она была на вооружении в Германии в период правления национал-социалистов и некоторое время сохранялась и после Второй мировой войны. В науке и в общественной практике она утвердилась главным образом в СССР и в регионе его идеологического и политического влияния. Родоначальником марксистского видения нации в советском варианте был «чудесный грузин», написавший в 1913 г. «превосходную брошюру» (оба определения принадлежат В.И. Ленину) под названием «Марксизм и национальный вопрос». Эта идеологическая матрица сохранялась весь советский период, и она отчасти жива до сих пор.

Сталинское определение нации имело ограничительный характер и сокращало число претендентов на звание нации. Для того чтобы какая-либо группа могла называться нацией, она должна обладать четырьмя связанными между собой чертами: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Еще Сталин добавлял пространственную однородность: «Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений,

в результате совместной жизни людей из поколения в поколение». Но и это еще не все: нацию создает также «внутренняя экономическая связь, объединяющая отдельные части нации в одно целое»[18].

В СССР этнические общности назывались по-разному: национальными меньшинствами, национальностями, нациями и народностями. Я помню, как в детстве, в 1950-е годы мои родители – школьные учителя использовали термин «нацмен» в отношении татар, которые проживали в моем родном Нижне-Сергинском районе Свердловской области. Где-то в 1970-е годы этот термин ушел из обихода по причине его уничижительного смысла. Но уже в 1930-е годы завершение плана «построения основ социализма» предполагало, что все основные этнические общности СССР стали социалистическими нациями. В стране становится все меньше «народностей», которые как бы консолидируются с большими нациями. После того как Сталин как-то определил, что в СССР около 60 наций, под эту численность стали подгонять как статистические данные, так и научные разработки. Тем не менее разумнейший С.А. Токарев в своем классическом труде «Этнография народов СССР», который вышел вскоре после XX съезда КПСС, не будучи обремененным сталинскими догмами, писал следующее:

«Весьма недостаточно разработан и вопрос о соотношении между “народностью” (народом) и “нацией”. Известны многочисленные случаи, когда современные нации образовались – в эпоху развития капитализма – из слияния нескольких народностей (народов)… Но едва ли правильно говорить, как это иногда делают, о том, что такая-то “народность” в эпоху капитализма “сформировалась в нацию”. Данный вопрос требует более серьезного изучения. В современной научной литературе встречаются иногда попытки расклассифицировать народы нашей страны, разделив их на “нации”, “народности” и “этнографические группы” (под последними понимаются либо прежние “племена”, либо обособленные части тех же “народностей” и “наций”). Такая классификация часто проводится по формальным признакам, например, по численности народа, либо по уровню экономического развития. В ней много надуманного, не вытекающего из фактов. Отсюда и нередки споры о том, является ли такой-то народ “нацией” или нет»[19].

И здесь же Токарев заявляет, что для него понятия «народа» и «народности» являются равнозначными, а понятие «нации» употребляется только применительно к новым национальным образованиям, возникшим в капиталистическую или социалистическую эпоху. Как можно судить по тексту работы, речь в данном случае идет о создании на базе союзных и автономных республик таких наций, как азербайджанцы, грузины, узбеки, украинцы, и других. В 1960–1980-е годы советская этнография и философия в лице «марксистско-ленинской теории нации» довела неясность с на-

цией до более определенных формулировок, но все они были основаны на этническом, монокультурном понимании данного явления, которое, кстати, расходилось даже со старой отечественной традицией.

* * *

В Восточной Европе, где этнонационализм и идея культурной нации господствовали с конца XIX в., в последние десятилетия и особенно после распада СССР концепт культурной нации (этнонации) стал второстепенным по отношению к концепту политической нации. Им достаточно условно обозначают этническую диаспору (все венгры или все поляки в мире как представители венгерской и польской «культурной нации»). При этом ответственные и грамотные люди понимают, что венгерскую нацию составляют граждане Венгрии (в Венгрии в силу исторических причин также сильно представление о венгерской этнонации), польская нация – это граждане Польши, а не господа Джордж Сорос, Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс. Последние – это представители американской нации, имеющие смешанное венгерско-еврейское и польско-еврейское этническое происхождение.

В силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства бывшего СССР продвигаются трудно от концепта этнонации к концепту гражданской нации. Многим постсоветским политикам, ученым и этническим активистам кажется, что признание второго означает отрицание первого. Поэтому остается в обиходе представление о нации как об этнической общности, которая образовала соответствующее государство и является его собственником, включая даже воздушное пространство (как это записано во многих постсоветских конституциях). Другими словами, в Латвии все принадлежит латышской нации, т.е. этническим латышам, а не латвийской нации, включая русских граждан и неграждан – таких же создателей современного государства и исправных налогоплательщиков. На Украине владелец государства, его недр и воздушного пространства – это украинская нация, в которую могут войти русские, поляки, крымские татары и другие нетитульные народности, если они станут украинцами. И так по всем постсоветским государствам.

Широкое, гражданское понимание нации (например, казахстанской или латвийской) пока утверждается робко, главным образом для внешнего мира, чтобы выглядеть прилично. В казахстанских паспортах для выезда за рубеж в графе «национальность» стоит «Казахстан», а для внутреннего пользования под тем же термином указывается этническая принадлежность. Состоится ли трудное прощание с этнонационализмом в постсоветском пространстве?

Рекламный щит «Кросс наций» в г. Москве
(фото автора, 2003 г.)

Рекламный щит партии «Русь» в г. Москве
(фото автора, 2003 г.)

В последние годы моя вера в это серьезно поколебалась. Оказалось, что этнический национализм можно выдавать за государственный, что можно многим пожертвовать в демократических преобразованиях, если националистические безобразия объяснять миру необходимостью деколонизации от русского имперского господства. Наконец, оказалось, что можно без особых внутренних и внешних осуждений культивировать этнонационализм, прежде всего языковой, и игнорировать введение официального двуязычия, даже если парламент и семья президента страны продолжают говорить на русском языке, а не на киргизском или казахском.

Этническая и языковая сложность постсоветских наций продолжает отвергаться, и граждане, не принадлежащие к «титульной» этничности, переведены в категорию национальных меньшинств без членства в нации. *В этом заключается радикальное отличие от мирового концепта меньшинств*. В обычном варианте меньшинства входят в состав нации и обладают всеми правами ее членов. Как носители малых культур меньшинства (точнее, их культура) пользуются особой поддержкой государства через соответствующую политику, которая может называться по-разному (этническая политика, политика в отношении меньшинств, политика аффирмативных акций и т. п.). Например, в Финляндии шведское национальное меньшинство входит в состав финляндской нации вместе с этническими финнами, саамами, местными русскими и другими. В этой стране действуют меры поддержки культуры саамов и шведов, а шведский язык имеет статус официального языка наряду с финским языком.

В Российской Федерации сохраняется понимание нации как этнической общности (этноса) с тем только отличием, что вместо формулы «нация – меньшинства» существует формула «многонациональности»: все этнические общности есть народы или нации, а вместе они составляют «многонациональный народ». В статусе «народ России» специалисты и политики считают помимо русского и других больших и малочисленных народов проживающих в стране австрийцев, албанцев, голландцев (каждые примерно по 300 человек), белуджей, грузинских и среднеазиатских евреев (каждые примерно по сто человек) и т. д. Таким образом создается впечатляющая номенклатура в более чем полторы сотни «народов России» (185 народов по переписи населения 2002 г. и 193 по переписи 2012 г., если считать вместе с «подгруппами»). Российский народ как гражданская нация и его обозначение словом «россияне» отвергаются или отрицание нации скрыто в тезисе формирования российской нации как проекта для будущего. *Это само отрицание,*

Социальная реклама Минрегиона России «Народов много, страна одна»

Продажа кваса на 1000-летие воссоединения Мордовии с народами России (г. Саранск, 2012 г., фото автора)

а не недостаток схожести и солидарности россиян, и есть основное препятствие для признания существования российской нации.

Справедливости ради следует отметить, что содержание «национального» в России заметно меняется в пользу общегражданского смысла. Достаточно сказать, что в 2012 г. всероссийский День бега уже назывался по-иному, а именно как «Кросс нации» (в единственном числе!). Лично для меня это был самый радостный день в году, ибо усилия ученых по смене привычных парадигм и общественного языка, а вместе с ним и ментальности всегда связаны с довольно большими трудностями восприятия и их результат труднопредсказуем. Однако и среди научного сообщества произошел заметный сдвиг от исключительно этнической трактовки «нации». Один из моих наиболее серьезных оппонентов в трактовке этничности Ю.И. Семенов в солидном энциклопедическом словаре уже дает следующее определение: «Нация – совокупность людей, имеющих одно общее отечество», и он справедливо относит нацию и этнос к явлениям, относящимся к разным социальным сферам[20]. Еще один отечественный этнологический словарь после многих коррективов от издания к изданию ныне дает такое определение нации: «Нация – исторически возникший тип этносоциальной, государственно-территориальной общности людей». Но далее следует оговорка, что содержание и проявления нации настолько многообразны, «что охватить ее общим, формальным определением, адекватно отражающим ее сущность, не оставляя в стороне многие определяющие характеристики и черты, невозможно»[21].

И все же важнейшим фактором меняющегося общественного сознания (в данном случае – национального самосознания) я считаю не столько академические писания, а целенаправленные усилия элиты в целом и прежде всего элиты политической, ибо культурная элита в России остается во многом еще этноцентричной. Даже скромная по масштабам программа социальной рекламы «Народов много – страна одна» дала очень многое. Аналогичные программы в пользу гражданской нации осуществлялись на уровне российских регионов, и они также дали свои результаты. И все же без академического занудства и аргументов едва ли бы были возможны вышеотмеченные перемены. Далее мы покажем, как поворот «верхов» в обратную сторону может оказывать почти мгновенное воздействие на переориентацию и пишущей публики.

[1] Впервые это положение было мною изложено в статье: *Тишков В.* Забыть о нации: (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. В английском варианте: *Tishkov V.A.* Forget the “nation”: post-nationalist understanding of nationalism // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23. N 4.

[2] *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? // *Андерсон Б., Хрох М.* и др. Нации и национализм / Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцева, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М., 2002. С. 297.

[3] См.: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.

[4] *Вердери К.* Указ. соч. С. 297–298.

[5] *Салмин А.М.* Современная демократия: Очерки становления. М., 1997. С. 366–367.

[6] *Кола Д.* Политическая социология / Пер. с фр. М., 2001. С. 351.

[7] *Brubaker R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge, 1996.

[8] Интервью с Н.А. Нарочницкой // Известия. 2007. 16 апр.

[9] *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Адаптированное издание. М., 1997 (репринтное воспроизведение издания 1880 г.).

[10] Я благодарен Е.Н. Марасиновой за предоставленные ссылки на источники (см. сноски 11–12).

[11] См., например: Katharina II. Zarin von Russland: Rehabilitation von Bestuz'ev-Rumin. St. Petersburg 31.8.1762. 2S., ungez. frz. (Dr.) u.dt. Übersetzung des russ. Originals // Aktenstücke zur Geschichte Russlands insbesondere der Throbesteigung Katharina's II. Handschriftenabteilung der Tübinger Universitätsbibliothek. Md 58e. 78.84.

[12] См.: Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е.С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 9–11.

[13] Проект Н.И. Панина о фундаментальных государственных законах (в записи Д.И. Фонвизина) // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX в. / Сост. А.Н. Медушевский. М., 2010. С. 173.

[14] Там же. С. 178–179.

[15] См.: Доклад ООН по человеческому развитию. М., 2005, а также: *Тишков В.А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

[16] К возможному удивлению многих напомню, что до 1917 г. РПЦ имела названия «Православная российская церковь» или «Православная церковь Российской империи» и под этими названиями публиковались официальные документы, включая материалы Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг., когда было восстановлено патриаршество и патриархом был избран Тихон (Беллавин) (См.: Священный Собор Православной Российской церкви. Собрание определений и постановлений: В 4 вып. М., 1918). Название Русская православная церковь, употреблявшееся и ранее, официально было закреплено только в 1943 г. Сейчас с названием «Российская» существует православная церковь вне Московского патриархата.

[17] Изложение этих взглядов см.: *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.

[18] *Сталин И.В.* Соч. Т. 2. С. 296, 294. Трактовку нации и национального государства советскими историками в 1930–1950-е годы см.: *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

[19] *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С. 14.

[20] *Семенов Ю.И.* Племя, народ, нация // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.М. Резника. М., 2012. С. 939.

[21] *Жуков В.И.*, *Тавадов Г.Т.* Большой этнологический словарь. М., 2010. С. 449–450.

Глава 2

ОБРАЗ СТРАНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Мы – итоги распада.
Наши боги распяты.
Мы – вампята.

А. Вознесенский

Я не философ, но хочу начать разговор об идентичности с корифея мировой философии Гегеля, у которого есть такой тезис: «Современное общество нашло свою разумную идентичность в суверенном конституционном государстве, и философия должна представить эту идентичность как разумную. Только государство суверенное относительно других государств может иметь самостоятельность, которая необходима, чтобы общество в нем могло сформировать свою идентичность»[1]. С тех пор, когда были сказаны эти слова, многое изменилось, и сегодня идентичность общества, а тем более отдельного человека, невозможно уместить в некой всеохватной и многофункциональной организации, какой является национальное государство, государственно-партийная машина или этническая группа. И все же, как считает другой выдающийся немецкий философ Юрген Хабермас, «государственная организация по-прежнему является тем уровнем, на котором общества формируют свою идентичность»[2].

Феномен национальной идентичности относится к числу горячо обсуждаемых и активно разрабатываемых обществоведами проблем. Достаточно сказать, что уже второе десятилетие выходит международный научный журнал «Национальные идентичности» («National Identities»), проводятся многочисленные конференции, печатаются книги и статьи. В России сам термин *идентичность* применительно к обществу и этнической группе не был распространен. Его аналогом в советском обществознании были понятия этническое (национальное) *(само)сознание*. Различие здесь не в самих словах, которые действительно схожи. Различие было в смыслах, которые им придавались. В советском и российском контекстах – этот смысл придавался и до сих пор зачастую придается этнической идентичности, т.е. соотнесению человека с определенной этнонацией и с коллективным образом этнической общности и ее культурой (чувашское национальное самосознание, мордовское национальное самосознание и т.д.). Во всех работах советских этнографов,

особенно «эпохи Бромлея», этническое и национальное самосознание трактовалось как синонимичное[3]. Вот, например, типичная цитата из работ Ю.В. Бромлея: «Нет оснований сводить этническое (национальное) самосознание лишь к осознанию этнической (национальной) принадлежности. Ведь самосознание есть осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения и т.д. Соответственно этническое самосознание включает суждения членов этноса о характере и действиях своей общности, ее свойствах и достижениях, так называемые этнические автостереотипы. Эти суждения неразрывно связаны с представлениями о других этносах, в первую очередь с соответствующими этническими стереотипами. Своеобразную результанту такого рода стереотипов представляют межэтнические (межнациональные) установки, выражающие характерное для членов каждого этноса отношение к представителям других этнических образований»[4]. Интересно, каково «характерное для членов этноса», скажем, для русских, отношение к представителям «других этнических образований», скажем, к грузинам или к украинцам (но только без учета политически заданных обоюдных фобий последних двух десятков лет)?

Вообще-то Ю.В. Бромлей не любил, когда ему задавали конкретные вопросы на проверку его теоретических конструктов, да еще просили подтвердить полевым этнографическим материалом. Частые «нестыковки» (например, как определить членство украинского этносоциального организма – ЭСО и где границы украинского *этникоса*?) он относил к исключениям из правил, и таких исключений было, пожалуй, больше, чем правил. Однако не будем придираться к формулировкам 40-летней давности, когда молодой директор Института этнографии АН СССР и еще не академик начинал осваивать новую для него дисциплину: трудности освоения и одновременно ревизии основ той или иной дисциплины мне хорошо известны. Слабостью Бромлея была его готовность вбирать (как он мне говорил лично, «люблю обобщать») в свои построения зачастую эклектичные и несовместимые подходы и выводы, сделанные в частных исследованиях другими авторами. Но именно эклектика и отсюда неизбежно широкие толкования явлений и процессов сделали популярными работы этого ученого. Кстати, эти же характеристики более чем применимы и к работам Л.Н. Гумилева.

И все же некоторые подвижки в понимании как феномена этнической, так и национальной идентичности (самосознания) в отечественной литературе последнего десятилетия проявились. Большое число ведущих российских этнологов и социологов работают уже в новой парадигматике. Два вышеупомянутых энциклопедических словаря в области социокультурной антропологии и этнологии так-

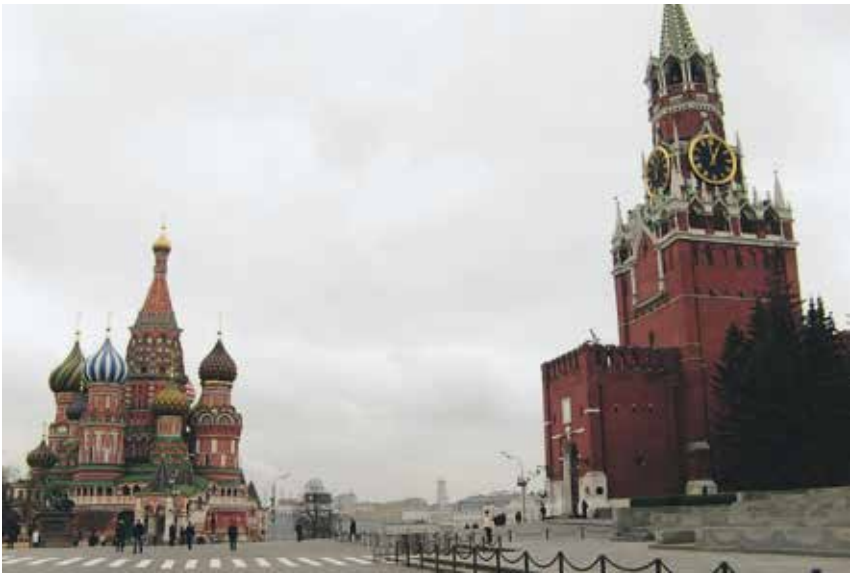
же дают существенно другие определения. Так, например, Жуков и Тавадов пишут: «Национальное самосознание – совокупность взглядов, оценок и отношений, выражающих содержание и особенности представлений членов национальной общности о своей истории, современном состоянии и перспективах своего развития, а также о месте среди аналогичных общностей и характере взаимоотношений с ними». По их мнению, национальное самосознание как «составная часть психического компонента нации(!) означает осознание этой общности ее сочленами в качестве особенного, отличного от других образования, равно как и отнесение их самих к данному национальному коллективу»[5]. Прямо скажем, что это не очень изящное по стилю определение, но оно четко отделено от понятия «этническое самосознание», о котором имеется отдельная статья в том же справочнике. И это серьезный прогресс по сравнению с упомянутой выше работой Хотинец и большим числом аналогичных публикаций этнопсихологов, педагогов, социологов и других приверженцев теории этноса.

Интересно также, что в отечественном обществознании сохраняется достаточно давняя попытка разграничить в данном контексте две категории: *сознание* и *самосознание.* В свое время это делал еще Бромлей и его последователи применительно к этничности (точнее – к этносу), и в наше время попытки такого различение имеются, распространяясь в том числе и на новое понимание *национального*. Выглядит это примерно следующим образом (цитирую тех же Жукова и Тавадова): «Национальное сознание – часть общественного сознания, отражающая национальное бытие, совокупность экономических, социальных, политических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов, представлений, характеризующих уровень и особенности духовного развития нации». Как считают авторы, национальное сознание включает отношение нации к различным ценностям его исторического, равно как и современного развития. В национальном сознании выражается весь спектр ценностных ориентаций, установок в развитии культуры, динамика национальных чувств. Поскольку бытие нации включает прошлое, настоящее и будущее, доминантными компонентами национального сознания выступают национальные память, идея и идеология, и в нем преобладают «национальные побуждения, цели, идеалы, символы, которые определяют нормы индивидуальной и коллективной человеческой деятельности в национальной жизни». По мнению авторов, национальное сознание включает «осознанное отношение нации к ее материальным и духовным ценностям, понимание необходимости ее единства ради осуществления национальных интересов, преобразования жизни

нации». И вот ключевой момент различения двух понятий: «Ядром, основной частью национального сознания является национальное самосознание. Поднявшись на уровень самооценки, национальное сознание вырастает в новое качество – самосознание. Национальное сознание и самосознание представляют собой однопорядковые, хотя и не тождественные явления»[6].

Очень сложно! Но понять можно, и я даже подумал об изменении в названии книги слова «самосознание» на «сознание», ибо о тех самых доминирующих компонентах (истории, идеях, ценностях и символах) в нашей работе и идет речь. Но опять вспомнил свою покойную бабушку Марию Михайловну: она считала себя православной, русской и «расейской» и значит обладала этническим и национальным *самосознанием*. Но вот насчет *национального сознания*, особенно по части «единства» и «преобразования» нации, у нее как-то не сложилось, как и у большинства моих родственников и знакомых по жизни. Я еще «осознавал» после окончания истфака МГУ, что «Великий Октябрь преобразовал мир», а «СССР – это оплот мира и дружбы народов» и, значит, в то время обладал национальным сознанием. Но затем, после 1991 г. опять его утратил и опустился (или поднялся!) до уровня национального самосознания, т.е. соотнесения себя со страной Россией и ее народом. А вот о «национальном сознании» уже новой России начал размышлять и даже исследовать этот вопрос и, наверное, через 20 лет усилий и самообразования помог складываться новому российскому национальному сознанию и сам стал одним из его носителей. И все-таки эти попытки осмыслить предлагаемую разницу двух «однопорядковых явлений» мне представляются излишними. В названии моей книги остается «национальное самосознание», и в лучшем случае я использую в тексте написание «(само)сознание», чтобы утвердить подлинную синонимичность двух понятий именно в данном контексте. Тем более, что для мировой науки эта наша российская терминологическая одержимость совсем непонятна, ибо национальная идентичность от Гердера и Гумбольдта до Пиаже и Барта всегда относилась к народу по стране его проживания, а не к этническим группам. Этнический, а не страновой смысл им придают недалекие или интеллектуально нечестные авторы.

В мировом контексте *национальная идентичность – это один из видов групповой идентичности по принадлежности к нации. Последняя понимается как государственно-территориальная, политико-правовая общность на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик.* Природа и содержание национальной идентичности динамичны и разнообразны, особенно в сложных по составу населения обществах,



Главные символы российской нации

но есть некоторые общие моменты. Ю. Хабермас писал в этой связи: «Общество обладает приписываемой ему идентичностью не в том тривиальном смысле, в каком, скажем, ею обладает предмет, который может быть идентифицирован различными наблюдателями как тот же самый предмет, даже если они воспринимают и описывают его различным образом. Общество известным образом порождает свою идентичность; и тем, что оно не утрачивает своей идентичности, оно обязано своим собственным усилиям»[7].

Собирательные образы страны и народа имеют огромное значение в структуре национальной идентичности граждан, а также для восприятия страны внешним миром. Эти образы трудно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем сами о себе, так и думает о нас остальной мир. Хотя, может быть, и наоборот: как внешний мир по тем или иным идеологическим, геополитическим и культурным установкам конструирует и насаждает образ той или иной страны, так и сама эта страна начинает жить в навязанном образе. Но чаще всего имеют место оба совпадающих или конкурирующих между собой процесса, в итоге которого и складывается образ со всеми его оттенками. Как правило, каждый народ имеет позитивный самообраз и не ставит себя ниже других, а тем более – соседей. Все страны стремятся создать о себе положительное представление. Оно необходимо для нормального социально-психологического

самочувствия людей, для обеспечения лояльности и сплоченности населения, для благоприятных внешних контактов и для привлечения в страну капиталов и туристов. Однако достичь этого достаточно сложно, а в ряде случаев просто невозможно. Тем не менее мы можем определить *национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним.*

Национальная идентичность не менее важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. По мнению авторитетных исследователей этого вопроса, государства не могут обеспечивать политический порядок, если в них не существует или утрачивается единый центр власти и если государства не предпринимают усилия или оказываются неудачниками в формировании «прочного сцепления между определенной конструкцией политического порядка и тем коллективным целым, что находится под ним, которое со временем будет кратко выражено посредством понятия национального государства. Кристаллизация идеи национального государства обеспечивает совпадение политической и культурной идентичности населения данной территории, провозглашает серьезные символические и эмоциональные обязательства по отношению к его центру, также замыкая на него исконные примордиальные измерения человеческого существования и социальной жизни»[8]. Здесь же можно привести высказывание еще одного зарубежного специалиста по вопросам нациестроительства, австралийской исследовательницы Хизер Рэ: «Строители государства должны утвердить свое право на правление, а также придать легитимность политическому порядку, который они стремятся установить или консолидировать. Это включает в себя две задачи: конструирование консолидированного политического сообщества внутри границ управляемой территории – сообщества с единой, связующей идентичностью – и идентификацию монарха или национального правительства как политического олицетворения или представителя данного консолидированного сообщества»[9].

И действительно, государство не представляет собой некую осязаемую субстанцию. Оно как бы невидимо до тех пор, пока не обретет персонифицированную власть и видимые атрибуты. Государство должно как бы пройти через процесс символического воображения, прежде чем оно станет фактом реальности и прежде чем появятся привязанность или сопричастность к этому государству. Идентичность (можно даже это назвать и национальной идеей или образом страны) в этом процессе обретения государством жизни занимает ключевое место. *Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере,*

а в политике – отстаивание национальных интересов страны и ее народа составляет во многом то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова. Когда российского президента В.В. Путина внешний мир называет «президентом-националистом», то это действительно близко к истине, ибо в отличие от своих предшественников М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина в этой должности он более четко формулировал и отстаивал национальные интересы государства.

Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение его жителей разделяет общее представление о государстве и признает его. Это совсем не означает, что все поголовно и одинаково должны «любить Родину», «служить народу», выполнять еще какую-либо коллективистскую миссию. Человек на Земле, в том числе и россиянин, явился в этот мир прежде всего для того, чтобы исполнить собственную социальную миссию – благоустроить свою жизнь, как можно дольше прожить, родить и воспитать детей. Морально-этические установки типа служить нации, защищать свободу, каяться или гордиться и т.п. – это, скорее, для политиков, для религиозных проповедников, для воспитателей, чтобы человеческий эгоизм и личное преуспевание не вредили другим, чтобы человек осваивал нормы поведения ответственного гражданина. Те, кто пишет в научных трудах или взывает на митингах, что «человек рожден не для себя, а для нации», и в этом видит национальную идею России, сами ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожили. Так думают и живут только подвергшиеся идеологическому воздействию экзальтированные одиночки или обработанные спецметодами и религиозными проповедями незрелые и травмированные люди, готовые или «чистить Россию от чужаков», или стать живыми бомбами. Этими же призывами пользуются ультранационалисты. Процитирую А. Савельева (Кольева): «Вернуть себе национальную гордость можно только одним способом – возвратить себе отнятое у нас государство. Когда народ вернет себя государство, он станет нацией. Идея такой трансформации заложена в национализме: нация выше государства; выше нации – только Бог. Национализм – это путь к национальной демократии, к власти демоса»[10].

Однако *первичность частной жизни не избавляет людей от общности, особенно по отношению к государству*, когда каждый живущий в нем имеет с ним взаимные обязательства, крайне важные для обоих. Можно существовать вне этнической группы и даже чувствовать себя более свободным, чем среди соплеменников, но в современном обществе нельзя обходиться без государства. Государство и его создатели, т.е. проживающий в нем народ,

должны заботиться о поддержании этого института в порядке и благополучии. Как говорил мне покойный академик Б.Н. Топорнин после научного заседания по поводу 10-летия горбачевской перестройки, «вся беда была в том, что оставили без присмотра само государство, а этого делать было нельзя». Среди разных ресурсов и механизмов государствостроительства и поддержания государства в должном виде активно используется идеология и практика национализма в его нормальном гражданско-политическом понимании[11]. Инструмент старый и новый одновременно, и он сохраняет свою ценность поныне, а в некоторых исторических ситуациях становится ключевым. Именно такая ситуация сложилась во всех постсоветских государствах после распада СССР, включая Россию. В начальный период времени для нового нациестроительства здесь повсеместно (кроме России) была взята на вооружение старая советская концепция этнического национализма в варианте: нация – это титульный этнос, остальные – это меньшинства. О гражданской нации иногда говорится вождями и некоторыми идеологами, но реальная политическая практика и общественный менталитет так и не дошли до необходимости утверждения гражданского нациестроительства. Более того, в некоторых государствах идет откат на позиции титулярного этнического национализма, что заметно, например, в Кыргызстане, когда государство было переименовано с целью подчеркнуть его этнический характер, а также сводится на нет ранее провозглашенное киргизско-русское официальное двуязычие.

* * *

Что касается России, то новое государство – правопреемник СССР также осталась на почве этнонационализма (нация – это этносы), но еще к тому же в первую статью Конституции была записана категория «мы – многонациональный народ». Страна «многих наций» сохранила этнический федерализм в форме этнотерриториальных автономий и даже укрепила его в период так называемого «парада суверенитетов». С тех пор ситуация с гражданским (надэтническим) нациестроительством изменилась достаточно серьезно как в плане социологической реальности, так и в доктринальном отношении. Нынешняя Россия пребывает в процессе активного национального самоутверждения, и обращение к национализму в его гражданско-государственном варианте состоялось и оказалось полезным. Это относится прежде всего к образу страны и ее народа и к представлению о государстве, его происхождении и его интересах. Приходит признание, что без позитивного образа страны и без общеразделяемых ценностей-представлений эффективное

Дети в г. Угличе на уроке рисования
(фото автора, 2007 г.)

правление невозможно. Общество, прежде всего в лице его интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Начиная с первого урока в школе детям читают с классной доски слова «Моя Родина – Россия», а на уроках рисования стараются запечатлеть природу и исторические памятники, среди которых они проживают.

Естественно, что формируемый образ народа – это территориальное сообщество, т.е. *демос*, а не этническая группа, которую в отечественной науке называют интригующим словом *этнос*, имея под этим в виду некое коллективное тело и даже социобиологический организм. Это утверждение отражает мировую норму устройства государств. Казалось бы, его невозможно оспаривать. Однако это далеко не так. В пространстве бывшего СССР в изобилии совсем другие точки зрения. Одну из привлекательных примитивизаций можно процитировать, ибо в ней замес из политкорректных реверансов и вульгарного этнонационализма. Это рассуждения Александра Никитина, секретаря политического совета Партии защиты Российской Конституции (ПЗРК) «Русь» в его статье, опубликованной в газете «Трибуна» от 8 марта 2007 г. под названием «Русский народ и Российское государство»:

Итак, с чего все началось? Господь Бог сотворил разные народы. Они отличаются друг от друга этнически, т.е. по внешним признакам, говорят на разных языках, создали разные культуры в самом широком смысле этого слова. У них разное мироощущение, живут они в разных частях Земли. И все народы перед Богом равны: нет народов высших, богоизбранных, и низших, предназначенных им в услужение. Любые теории, утверждающие обратное,– расистский бред. В числе прочих ОН сотворил и русский народ – не лучше и не хуже остальных, просто отличающийся от любого другого народа своим этническим архетипом, языком и культурой. На определенном этапе своего исторического развития русский народ создал специальный механизм для управления своей внутренней жизнью на занимаемой им территории и для регулирования отношений с другими народами – русское национальное государство… В многонациональном Российском государстве русскому народу принадлежит особая роль. Он не только создал это государство, он обеспечивает само его нынешнее существование как естественный носитель русского языка и русской культуры, без которых вся система обречена на стремительный распад. Русский народ является государствообразующим как исторически, так и демографически, и никакой другой народ не может заменить его в этой функции. России как государства и общества без русских быть не может…

Народ – живой организм, единое целое, которое рождается живет и умирает, как и все в живой природе. Когда такой организм перестает ощущать себя единым целым, у него исчезает иммунитет перед вредоносными внешними вмешательствами, и в конце концов он погибает. Люди теряют свои национальные корни, свою национальную самобытность, превращаются в инертную биомассу, безразличную к тому, кто и как ею управляет… Смысл существования народа – в самом этом существовании. Нет и не может быть никакой иной национальной идеи, кроме идеи самосохранения народа. Именно ощущение угрозы самому существованию пробудило сейчас инстинкт самосохранения русского народа, проявляющийся в возрождении национального самосознания. Так было всегда в критические периоды русской истории».

Из советской идеологии и науки, а также из гердеровской историософии XIX в.[12] пришли к нам эти представления, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими ложными конструкциями. Если, например, для современного россиянина слово «рынок» уже совсем не связано с понятием «колхозный», слово «свобода» совсем не означает «осознанную необходимость» и так по всему спектру ключевых общественных категорий, то со словами «народ» и «нация» и его производными особых подвижек не произошло. В Конституции о российском народе (россиянах) и о гражданской нации ничего не сказано. Значит, таковых не существует. Но не следует быть придирчивым к государственным служащим и упрекать их в игнорировании современного знания, если среди гуманитариев альтернативность концепций и разные

интерпретации самой категории «национальная идентичность» продолжают править бал. Опять же Ю. Хабермас заметил, что современная социальная и гуманитарная наука очень дифференцирована и «дистанция между историческими науками и публичным процессом передачи традиции увеличилась. Погрешимость знания и конкуренция способов толкования содействуют, скорее, проблематизации исторического сознания, чем формированию идентичности и смыслообразованию»[13]. Но даже в этом случае *ученым не следует отказываться от той силы интеллектуального проникновения и общественного воздействия, которыми они обладают*.

Источником для понимания содержания национальной идентичности, а значит, и самих понятий «народ» и «нация» могут быть не только массовые социологические исследования, но и наши повседневные практики включенного наблюдения. Автор родился в 1941 г. в маленьком городке Нижние Серги – своего рода «Уральской Швейцарии», который и сегодня приветствует сюда приезжающих въездным знаком, как и другие российские города, напоминая всем: «Здесь мы живем – сергияне». Название улицы, на которой я родился, с тех пор только меняло заржавевшие таблички, но так и осталось «улицей Ленина» – один из компонентов узнаваемости Родины, как и памятники Ленину на центральных площадях, например в современном Воронеже или Кисловодске. А еще каждое российское «местоположение» придумывает себе символический герб вплоть до главного герба государства, что также есть свидетельство и отражение национального самосознания и одновременно – важный элемент историко-культурного бренда того или иного места и региона. В этих простых смыслах есть как историческая преемственность нации, так и ее частные смыслы, без которых нет и большого понятия «Родина».

* * *

Было бы грех жаловаться на то обстоятельство, что российское гуманитарное научное сообщество не прилагало усилий к познанию проблемы идентичности в ее историческом, философско-социологическом и в политико-культурологическом аспектах. Безусловно, самым большим вызовом для ученых было исследование проблем национальной идентичности новейшего периода, так называемого постмодерна, кризиса старых и поиска новых идентичностей в российском обществе. Не меньшие трудности представлял собой и более адекватный сравнительный анализ мирового опыта и соотнесение его с опытом собственной страны. Необходимо было по-новому прочитать некоторые страницы отечественного прошлого, что также оказалось задачей не из легких.

О неадекватном видении внешнего мира и отечественного опыта по части того, что есть *национальное*, мы уже писали во введении, отметив цепкую приверженность научного сообщества его сугубо этнической коннотации и старому языку изложения. Однако нельзя не замечать и то трудное, но плодотворное прощание со старыми концептами, которое было инициировано российскими социологами (В.М. Воронков, М.К. Горшков, Л.М. Дробижева, А.Г. Здравомыслов, Н.Е. Тихонова, В.А. Ядов и др.), подхвачено политологами (О.Н. Малинова, А.М. Мигранян, Э.А. Паин, В.И. Пантин, И.С. Семененко, Д.В. Тренин и др.) и этнологами-антропологами (А.В. Головнев, М.Н. Губогло, С.В. Соколовский, В.В. Степанов, С.В. Чешко, В.А. Шнирельман, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.), цивилизационно-культурологически переформулировано философами и культурологами (А.К. Гусейнов, Г.И. Зверева, А.А. Кара-Мурза, В.С. Малахов, В.М. Межуев, С.А. Никольский, М.В. Тлостанова, Н.Н. Федотова и др.), энергично воспринято историками (Д.Г. Когатько, И.Е. Кознова, А.И. Миллер, Ю.С. Пивоваров, А.В. Полетаев, Л.П. Репина, И.М. Савельева и др.) и почти никак не воспринято правоведами и социальными психологами.

Специалисты по праву и государственности остаются на позициях «многонациональности» и «национально-государственного самоопределения» коллективных субъектов (этносов-наций), и они не относят самосознание (идентичность) к категории институтов с возможностью его правового регулирования[14]. Психологи породили из устаревшей романтики шпетовской этнопсихологии ее некий обновленный вариант в контексте более общей категории социальной идентичности. Только в самое последнее время обозначилась корректива в пользу подхода, который известен в мировой науке как кросс-культурная психология. Мы не приводим перечень публикаций, ибо даже список наиболее заметных книг по теме российской идентичности (самосознания) составляет не менее сотни.

Уже после написания этой главы вышел в свет сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции «Идентичность как предмет политического анализа», которую организовал Институт мировой экономики и международных отношений РАН. В отличие от прошлых работ российских экспертов по мировой политике и практике политологического анализа, в этой публикации содержится много интересных и современных положений о самом феномене социально-политической идентичности, который стал одним из самых популярных объектов гуманитарного знания в последние 10–15 лет. В ней рассматриваются вопросы о многообразии и трансформациях разных форм коллективной идентичности в современном мире, выбор в разных странах стратегий

Въездной знак
г. Нижние Серги
Свердловской области
(фото автора, 2008 г.)

Улица Ленина
в г. Нижние Серги
Свердловской области
(фото автора, 2008 г.)

и концептов в качестве основы нациестроительства. Но самыми важными представляются материалы о соотношении гражданской (государственной), местнорегиональной и этнокультурной идентичностей среди жителей современных государств и о тех факторах и механизмах, которые государственные сообщества задействуют в обеспечении гражданской солидарности.

Здесь же публикуются известные авторы, которые в последние годы активно изучали проблемы российской идентичности, перипетии и перспективы проекта гражданской нации. По материалам этой междисциплинарной конференции можно сделать три вывода общего характера. Во-первых, коллективная идентичность как совокупность представлений, которые, наряду с интересом и другими факторами, определяют солидарные и согласованные человеческие действия, является важным ресурсом общественного развития и одной из основ современного нациестроительства. Во-вторых, важнейшими референтными группами для социальной самоидентификации человека являются «большие сообщества», которые образуются чаще всего по национальной (государственной), региональной, религиозной, профессиональной, этнической принадлежностям. В-третьих, все формы современной идентичности находятся в постоянном дрейфе, имеют как конструктивистскую, так и примордиальную природу, пребывают в постоянном соперничестве за собственную приоритетность, но чаще всего имеют множественный и не взаимоисключающий характер.

Один из основных организаторов конференции и авторов публикации И.С. Семененко во введении пишет: «Национально-государственную (или национальную) идентичность страны и другие присутствующие в публичном дискурсе основания идентификации национально-государственного сообщества (такие, как гражданская нация) можно рассматривать как *макрополитическую идентичность*. Такая идентичность остается объектом целенаправленного воздействия государства и групп интересов, *политики формирования*, а зачастую и целеориентированного *конструирования идентичности*. В политической науке понятие "*политика идентичности*" (identity politics) принято связывать с утверждением права организованных в группы интересов меньшинств на собственную систему ценностных предпочтений и моделей поведения. Политика идентичности стала частью арсенала социальных движений и сама стимулирует их развитие»[15].

Добавим наше замечание по поводу дихотомии «меньшинство–большинство»: в отличие от XX в., который действительно можно считать «веком меньшинств», нынешнее общественное развитие в рамках национальных государств все больше обращает внима-

ние на статус и на права «большинств», которые зачастую оказываются жертвами так называемой позитивной дискриминации, но без артикуляции интересов и озабоченностей которых невозможна всеохватная (универсальная) идентичность как в рамках государственных сообществ, так и на уровне больших регионов и культурно-цивилизационных ареалов.

В интересной разработке П.В. Панова о вариантах конструирования национальной идентичности отмечается, что в эпоху модерна тема гражданственности стала основой для формирования национальной идентичности, и поэтому гражданский национализм можно рассматривать как тип картины мира того времени. В подтверждение приводится мнение известного исследователя истории национализма Лии Гринфельд: национализм представляет человеческий мир как мир, разделенный на конкретные сосуществующие сообщества, причем каждое из них составляет «народ», а каждый народ воображает себя как нечто целостное[16]. Каждая общность, называемая нацией, есть суверенный коллектив, внутри которого существуют разные формы других групповых идентификаций, «но именно национальная идентичность оказывается политической – той самой "системой координат", которая "упорядочивает" самоопределение индивида в этом мире»[17]. И здесь же приводится мнение историка А.И. Миллера: «В современном мире нация – это прежде всего способ легитимации власти и концепция, которая задает рамки политического процесса»[18].

Далее П.В. Панов отмечает ограниченность простого разделения двух типов национальных идентичностей или национализмов: гражданского и этнического. Считалось, и такой подход содержится в некоторых моих ранее опубликованных текстах, что две разные идеи нации породили две разные формы идентичности. Одна – это якобинская формула, основанная на гражданском равенстве и демократии как власти демоса (народа), которая легла в основу западных политий. Другая – восточноевропейская, постимперская и постколониальная, которая задействует аскриптивные признаки (племенные, родственные, этнические, религиозные) в определении «кто мы». На самом же деле почти каждая национальная идентичность заключает в себе как «чисто гражданские», так и аскриптивные (культурно приписанные) и даже примордиальные (извечные, врожденные) компоненты. Даже в американской национальной идентичности содержатся разные компоненты, и на протяжении значительной части истории этой нации значимыми были признаки не только гражданства, но и религии, расы и этнического происхождения. Избрание президентами страны католика Джона Кеннеди, а спустя почти полвека – афроамериканца Барака Обамы

было существенным потрясением национального самосознания, но одновременно это стало подтверждением сложного и динамичного характера самого феномена национальной идентичности[18].

Сравнительные исследования представлений о нации и соответствующих образцов (уже не типов!) национализмов показали, что правильнее говорить о «пропорциях» между гражданскими и культурными компонентами в представлении о нации и о соответствующих политических практиках по части доступа в нацию (наделение гражданством и условия членства) и взаимоотношений между членами нации (иерархия или паритетность), т.е. речь идет о степени универсализма и исключительности. Здесь можно проследить вполне существенные различия даже между такими схожими пониманиями нации, как французское (государствоцентричное и ассимиляционистское) и германское (больше ориентированное на «почву и кровь»)[20]. Не случайно в последние десятилетия Франция собирала к себе жителей бывших французских колоний независимо от расы и религии, а Германия забирала из России и Казахстана потомков давних выходцев из германских раннегосударственных образований с немецкими фамилиями и считающих себя российскими (или поволжскими) немцами.

Как отмечает П.В. Панов, «нация может коллективно осмысливаться как единый политический коллектив, но “внутренне” разделенный на иерархически выстроенные аскриптивные группы. Соответственно, в отличие от универсалистского понимания членов нации как равных и свободных граждан, место которых в политической иерархии определяется меритократически (т.е. по заслугам и достоинствам. – *В.Т.*), здесь место в политической иерархии предопределено членством в соответствующей аскриптивной группе»[21]. Вот тогда становится более понятной зафиксированная мною ситуация в современной Германии, когда переселившиеся в эту страну не говорящие по-немецки и не знающие немецкую культуру российские немцы считаются полноправными членами нации, а рожденные в Германии и говорящие только по-немецки дети бывших турецких иммигрантов таковыми чаще всего не воспринимаются.

Описанный выше более тонкий подход к пониманию нации и национальной идентичности позволяет лучше понять историческую динамику этого феномена и даже обнаружить национализм там, где нет нации, или до появления нации, а также представление о нации в имперских типах коллективного сознания и политических практиках.

[1] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 365.

[2] *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности: Философские и политические статьи / Пер. с нем. Донецк, 1999. С. 34.

[3] См. обзор отечественной литературы и попытку дальнейшего продвижения данной «теории этнического самосознания» с позиции социальной психологии: *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998; *Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание. СПб., 2000.

[4] *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 97.

[5] *Жуков В.И., Тавадов Г.Т.* Большой этнологический словарь. М., 2010. С. 416–417.

[6] Там же. С. 419–420.

[7] *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 8.

[8] *Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В.* Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2. С. 37.

[9] *Rae H.* State Identities and the Homogenization of People. Cambridge, 2002. P. 2.

[10] *Савельев А.Н.* Национальная гордость // Золотой лев. Журнал русской консервативной мысли. № 142–143 // www.zlev.ru

[11] О национализме в разные исторические эпохи и в разных странах см.: Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М., 2007.

[12] См.: *Гердер И.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

[13] *Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 73.

[14] См., например: *Хабриева Т.Я.* Правовые проблемы самоопределения и самоорганизации этносов в контексте обеспечения национальной безопасности // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Вып. 5. М., 2012. С. 152–162.

[15] *Семененко И.С.* Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / Под ред. И.С. Семененко и Л.А. Фадеева. М., 2011. С. 11.

[16] *Greenfeld L., Eastwood J.* National Identity // The Oxford Handbook of Comparative Politics / Eds. C. Boix, S. Stokes. Oxford; New York, 2007. P. 258.

[17] *Панов П.В.* Национальная идентичность: варианты социального конструирования картины мира // Идентичность как предмет политического анализа. С. 48.

[18] *Миллер А.И.* Тема нации в российской политике последних лет // Два президентских срока В.В. Путина: динамика перемен. М., 2008. С. 320.

[19] О сложном характере гражданской идентичности см.: *Yack B.* The Myth of the Civic Nation // Theorizing Nationalism. Albany, N.Y., 1999, а также: *Хантингтон С.* Кто Мы? Вызовы американской идентичности / Ed. R. Beiner / Пер. с англ. М., 2006.

[20] *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, MA, 1999.

[21] *Панов П.В.* Указ. соч. С. 50.

Глава 3

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОШЛОГО

> Нация была реальностью и безусловным авторитетом в советском дискурсе в смысле фиксированной, исторически сформировавшейся и пространственно очерченной группы, привязанной к определенной территории… Настолько тесно были спаяны политика и национальность в советской системе, что постсоветские игроки оказались в затруднении представить себе какие-либо другие формы осуществления политики.
>
> *Американский историк Р. Суни*

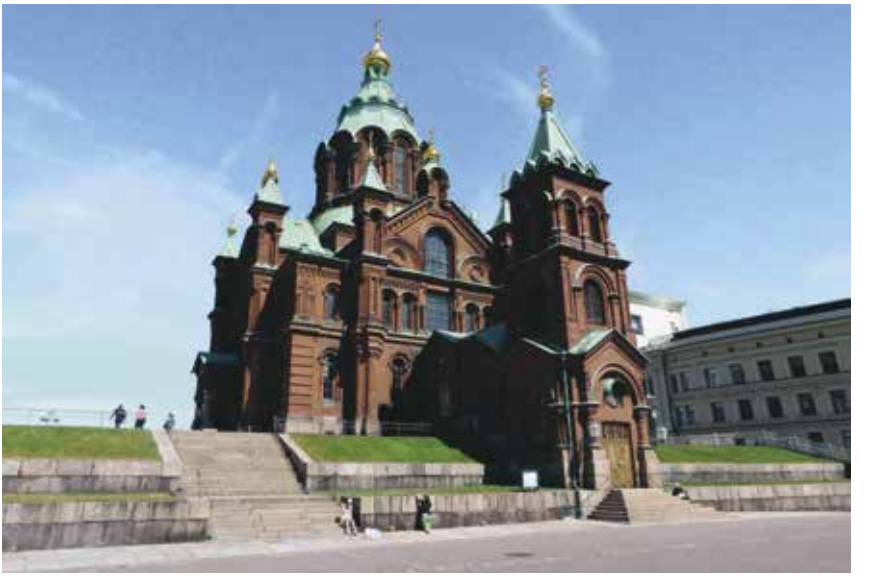
Вся отечественная и зарубежная литература по проблеме нации и идентичности в дореволюционной России обращается к проявлениям национализма среди нерусских народов в форме так называемых *национальных движений* или же к национализму крайней реакции шовинистического толка типа черносотенства. Государственный гражданский национализм с его постулатами народного суверенитета, национализм как идеология российской идентичности, да и сам феномен российского народа, частью которого на протяжении длительного времени были не только малочисленные «инородцы», но и поляки, финны, прибалты, не говоря уже о русских (великороссах, малороссах и белорусах), этот феномен пребывает вне научной проблематики. Национализм «покоренных народов» Российской империи остается одной из главных тем в области мировой историографии, а пределом теоретической новации стала концепция чешского историка М. Хроха о стадиях (пробуждения, агитации и мобилизации) в развитии национальных движений в Восточной Европе[1]. Эта позитивистская и упрощенная трактовка национализма как исторически предопределенного «движения наций» от одной фазы к другой с объективными индикаторами для каждой из фаз была некритически использована в трактовке российской истории, в том числе такими видными специалистами, как немец А. Каппелер и россиянин Б. Н. Миронов.

В фундаментальном труде последнего по социальной истории России позднеимперского периода государство рассматривается именно как “многонациональная империя”, в которой проживали

русские (20% населения в границах 1897 г.) и другие «старые» и «молодые» этносы, проходившие разные стадии самоопределения, а история «национального вопроса» сводится к истории все тех же национальных движений – русского и других этносов[2]. Авторы многих работ по «национальному вопросу в России» придерживаются именно имперского ракурса и позитивистско-примордиальной трактовки этнической субстанции как донациональной (племя или народность) или национальной общности. Следует также учитывать, что те территории, которые со временем обрели независимость, первым делом постарались усилиями новых правящих элит *отринуть общую историю в общем государстве и представить ее в культурно изолированном от России виде*. Сначала вычеркнули себя из общей истории те, кто вышел из Российской империи в революцию 1917 г. Нынешняя польская и финляндская национальные истории рассматриваются сугубо как самостоятельные континиумы, а не как часть российской истории на протяжении нескольких веков пребывания в составе общего государства, когда существовали представления о «русской Польше» и о «русской Финляндии». Поэтому стоящий ныне в Хельсинки величественный православный храм воспринимается как некая историческая случайность. Затем последовали изоляционистские и сепаратистские версии прибалтов периода межвоенной независимости. Наконец, после 1991 г. родились этнонационалистические (ставшие государственными) исторические нарративы новых государств[3].

Национальная история российского государства оказалась нещадно обворованной! На мой взгляд, даже история открытой и обжитой части Алеутских островов и Аляски, а также российской крепости Росс в северной Калифорнии до момента перехода этих территорий под контроль другого государства – США составляют часть российской истории, как и часть истории местного аборигенного населения. Недавно опубликованные архивные документы о форте Росс и российско-американских отношениях в период до продажи российского владения частному американскому гражданину в 1840-е годы показывают, что американское присутствие на Аляске и в Калифорнии было ничтожным[4]. Но если вы возьмете в руки многотомную историю Калифорнии знаменитого американского историка Бэнкрофта, то встретите только одно упоминание графа Рязанова в непонятном контексте, а также истребление калана русскими промышленниками.

Не признавали историю России как историю централизованного государства с элементами федерализма и культурной автономии и западные специалисты, которые в годы холодной войны разоблачали российский империализм как предтечу советского



Православный собор в г. Хельсинки, Финляндия
(фото автора, 2011 г.)

империализма. Они же после распада СССР стали критиковать новую «мини-империю» в лице Российской Федерации и обосновывать необходимость ее дальнейшего «досамоопределения». Из тех немногих, кто разрабатывал и поддерживал взгляд на Россию как на национальное государство, будь это Российская империя или СССР, были отдельные западные историки-эмигранты, как, например, гарвардский профессор русского происхождения Михаил Карпович[5]. Последний оказал некоторое влияние на послевоенное поколение американских историков, занимавшихся историей России. Как высказался известный историк Марк фон Хаген в адрес представителей этого направления, «никто из этих крупных историков не защищал империю как таковую; скорее, они пытались написать историю России в большей или меньшей степени как историю национального государства, или по крайней мере национального государства, находящегося в стадии формирования»[6].

К сожалению, такой взгляд на российскую историю был оттеснен на концептуальную периферию многочисленной литературой в рамках так называемой постколониалистской парадигмы, когда история страны стала писаться как история метрополии и ее колоний. До сих пор выходят в свет книги, название которых говорит само за себя. Например, обзорная книга о коренных малочисленных народах

Форт Росс в Калифорнии в дни 200-летнего юбилея
(фото автора, 2012 г.)

Поселок Уэлен – крайняя точка северо-востока России

Уэленская косторезная мастерская, 1950-е годы

Севера известного американского ученого имеет название «Северно-Азиатские колонии России»[7]. Обратите внимание на хронологические рамки исследования. Они включают и те годы моей взрослой жизни, когда я работал преподавателем истории в Магаданском педагогическом институте в 1960 – начале 1970-х годов. Я искренне полагал и остаюсь убежден в том, что участвовал в развитии своей страны и в подготовке школьных учителей из числа моих соотечественников – жителей Магаданской области, Якутии и Чукотки, а не в колонизации советских азиатских окраин. Тем более антиисторично говорить о первых советских десятилетиях как эпохе российских колоний в Северной Азии, если самые отдаленные чукотско-эскимосские поселки стали объектом социальной и культурной политики государства по части сохранения и развития малочисленных народов Севера[8].

Интеллектуальная драма состоит в том, что собственно советская и постсоветская историографии также не желают рассматривать проблему российского национализма, т.е. исторических реалий общности и сопровождающих эти реалии представлений о стране, ибо почти все исследователи последних двух-трех поколений были воспитаны как этнические националисты, хотя националистами сами себя никогда не считали. Национализм был и остается плохим словом для отечественных интеллектуалов и политиков, ибо другого

национализма, кроме как «идеологии превосходства одной нации над другой», они не знают. Полагая, что национальные государства приходят на смену империям, многие отечественные историки не признают что-либо похожее на национальное государство в дореволюционной России. Тем более, среди историков и философов действовал мощный стереотип: империя не может быть национальным государством.

Известный российский философ В.К. Кантор так сформулировал понятие империи: «Это политико-общественное структурное образование, предназначенное историей для введения в подзаконное и цивилизационное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов»[9]. Научная позиция этого автора заключается в том, что идея империи есть европейская идея. Ей в прошлом противостояли только восточные деспотии, которые по сути не были империями. Россия со времен Петра стала империей именно в европейском смысле слова на основе идеологии общего блага для всех населяющих ее народов. В этой империи была наднациональная «имперская нация», а «националистическую контрреформу» осуществил Николай I и его последователи. Именно в петровском (европейском) смысле и должна быть восстановлена идея империи в стране, где до сих пор проживает много разных этносов, которые автор воспринимает как «национальные стихии». «Россия по-прежнему находится на перекрестке культур, а значит, вбирает в себя разные национальные стихии. Поэтому имперский наднациональный пафос, терпимость к соседям, особенно внутренним (?! – *В.Т.*), остаются важнейшими задачами России, если ей уготована все же судьба европейской державы, а не азиатского ханства-деспотии»[10], – пишет В.К. Кантор.

В этих рассуждениях многое отвечает моей собственной позиции, кроме традиции словоупотребления. В.К. Кантор боится назвать становление петровского государства как рождающегося национального государства российского народа. Он называет это надэтнической империей европейского классического образца (другие постсоветские варианты, которые выросли из этой языковой ловушки, – это «либеральная империя» И. Чубайса или «евразийская империя» А. Дугина). Возврат к этой надэтнической империи и есть будущее России, по мнению Кантора. Но почему не обратиться (без всяких «возвратов» неких исторических норм) к утверждению представления о России как национальном государстве? Неужели даже столь просвещенный исследователь связывает нацию с этносом и мыслит идеальную Россию как «наднациональную» целостность? Почему отказывается в «национальной стихии» российскому народу и почему еврей Кантор и русский

Тишков должны составлять не национальную, а наднациональную общность, видимо, оставаясь в своих мифических «национальных стихиях»? Какое-то неизживаемое заблуждение по поводу того, что есть национальное и что есть этническое!

* * *

Для отечественного историософского мейнстрима и политологии длительное время оставались в силе ленинское определение России как «тюрьмы народов» и его теоретическая новация о «праве наций на самоопределение» (до этого чаще речь шла о праве народов, а не наций). Под нациями имелись в виду достигшие определенной исторической стадии этнические общности. В лучшем случае политика Российской империи описывалась в комплиментарных тонах как политика терпимости и патернализма по отношению к нерусским народам. Правда, следует признать, что доминирующая версия отечественной истории все же имела централистский характер. Она освещалась преимущественно в категориях и терминах, в которых обычно излагается история национального государства, а именно как русского/российского государства. Этническое начало здесь было минимальным, а главным был взгляд с точки зрения Москвы и Санкт-Петербурга, т.е. с позиции центра власти и доминирующей русской (русскоязычной, православной и восточнославянской) культуры. Такой подход был и остается отличительным знаком национальных исторических нарративов, хотя именно как «национальная» отечественная история не называлась и не воспринималась. Она именовалась (в разных вариантах) «историей государства Российского», «историей СССР», «Историей России». Ничего подобного с названием типа «Национальная история России» из-под пера отечественных историков не выходило. И об этом можно только сожалеть.

Исторические трансформации двух последних десятилетий, кажется, окончательно утвердили взгляд на историю России как на историю «последней многонациональной империи». История завоеваний, колонизации и угнетения дополнилась детерминистскими нотами об исторической обреченности империй на гибель, о неизбывном стремлении угнетаемых ею народов к свободе, о древних корнях их «собственной государственности» и т.п. Однако объяснительная модель «распавшейся империи», под которую когда-то охотно раздавались научные гранты и публиковались многочисленные труды, не способна дать ответы на многие вопросы прошлого[11].

Американский историк Марк фон Хаген прав, когда говорит, что в трактовке российской истории слишком грубо отождествлялись понятия «империя» и «империализм». Действительно, почему

считаются признанными исторические версии таких «национальных государств», как Великобритания, Франция и Германия, которые до первой половины XX в. были империями с внешними и внутренними колониями и с неоднородным по этноконфессиональному составу населением (не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Соединенного Королевства, Бретань и Корсику в составе Франции, а также лоскутную империю Бисмарка, названную Германией)? И почему Россия никогда не рассматривается как национальное государство? *Многие считающиеся национальными государства в прошлом и в настоящем типологически мало чем отличались и отличаются сегодня от России*. Тем не менее это радикальное отличие (Англия – уже давно национальное государство, а Россия – никогда) навязчиво утверждалось в мировой историографии при активном содействии отечественных специалистов.

«О чем обычно забывают при изучении Российской империи – это каким образом империи удалось просуществовать столь долгое время, как она эволюционировала с течением времени, как она примиряла друг с другом самые разнообразные сообщества и территории, вошедшие в ее состав, и как сами эти сообщества и территории изменялись, оказавшись частью имперской системы», – задает вопрос Марк фон Хаген и формулирует одну из назревших задач в историографии России: «Возможен ли выход из той дилеммы, когда в одних случаях игнорируют многонациональный характер Российской империи и Советского Союза и тем самым интерпретируют прошлое России как историю национального государства, а в других случаях всячески подчеркивают многонациональный характер этих двух государственных образований лишь для того, чтобы во имя ценностей национального освобождения и национализма заклеймить эти государства позором как анахроничные, приговоренные самой историей к неизбежному распаду? Существует ли промежуточная точка зрения между этими крайностями, которая не была бы апологетикой ни империализма, ни кликушествующего национального шовинизма?»[12]

Этот вопрос сформулирован фон Хагеном, и мы отвечаем на него утвердительно. Да, возможна такая точка зрения, которая дает ответ на обозначенную дилемму. Причем отмечу, что аналогичную задачу уже пробовали решить отечественные историки и философы. Ближе всего к ее разрешению, на наш взгляд, оказался П.Б. Струве. Так, например, в известной работе «Никита Муравьев и Павел Пестель. “Российская” (имперская) и “русская” (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» Струве писал: «В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собой связанные и в то же время

Исторические координаты городского пространства Москвы
(фото автора, 2010 г.)

в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различия между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства и созданием Империи (подчеркнуто мною. – *В.Т.*)»[13].

Вопросы амбивалентности, т.е. сложной природы российского государства с точки зрения дилеммы «империя или национальное государство», положены в основу наших рассуждений по поводу российского народа-нации как в историческом, так и в современном контекстах. Напоминаю, что я подхожу к историческим явлениям не только как к социологическим данностям или как проявлениям «исторических закономерностей», но и как к формам дискурсивных практик. Это позволяет говорить о степени распространенности или конкурирующей вариативности концепта национального государства. Никакой стадии или перехода от империи к нации в данном случае устанавливать нет необходимости. Конкурирующие дискурсы могли сосуществовать или присутствовать в камуфляжных

Советская топонимика г. Саранска,
(фото автора, 2010 г.)

формах без прямых обозначений. Российская идентичность, которую и можно назвать единственно надежным выражением нации, вообще существует давно и достаточно легко устанавливается даже без социологических опросов.

В итоге моя теоретическая посылка такова: *Российскую империю можно считать национализирующимся государством с «национальным ядром», так же как СССР заключал в себе имперскую и национальную ипостаси, не пользуясь ни одним из этих обозначений и провозглашая свое государство исторической уникальностью, а свой народ – новым типом исторической общности.* Я не приемлю взгляд на российский народ как на безнациональную или наднациональную общность людей и считаю этот взгляд драматическим заблуждением политиков и ученых, оказавшихся способными убедить в этом и часть простых обывателей. Напомню в этой связи оценку СССР Р. Брубейкером: «Советский Союз не рассматривался ни в плане теории и не был организован на практике как государство-нация. В то время как государство и его граждане как целое не определялись в национальных терминах, составные части государства и его отдельные согражданства определялись в национальных терминах. Именно в этом заключалась отличительность советского режима национальности – в беспрецедентном устране-

нии нации и национальности как организующих принципов социального и политического порядка с общегосударственного уровня на субгосударственный уровень. Ни одно государство не зашло так далеко в спонсировании, кодификации и институализации этнического, вплоть до конструирования в ряде случаев нации и национальности на субгосударственном уровне, и в тоже самое время ничего не делая для их институализации на общегосударственном уровне»[14].

Отсюда становится понятно, почему постсоветский отказ от терминологической национализации государства и его народа преодолевается столь трудно. В современной Российской Федерации национально-государственный дискурс утверждается при невнятности конституционно-правовых основ, слабой политической теории и путаного общественного сознания. Два последних президента ясно и последовательно говорят о российской нации как об историческом и современном феномене, а академическая социология «делает фигу в кармане» своим выводом «о достаточно высокой степени внутренней интегрированности российского общества и даже возможности в обозримой перспективе (! – *В.Т.*) формирования в России гражданской нации»[15]. Примеров отторжения, сумбурного восприятия или неверия в российскую идентичность, да еще в форме признания россиян как нации превеликое множество. Они встречаются не только в научных работах, публичных комментариях, но и в названиях, в уличной рекламе и т.д. Конечно, при таком радикальном разномыслии полезнее начать разговор о нации в России обращением к давнему прошлому, а не к обозримым перспективам.

[1] *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985.

[2] *Миронов Б.*Н. Социальная история России (XVШ – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000.

[3] На эту тему см.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999. Это коллективное исследование российских историков интересно тем, что для его авторов понятие «национальная история» объединяет в себе варианты как этнических версий истории (татарской или башкирской), так и постсоветских государственных историй (Украины, Таджикистана или Узбекистана), но исключает версии истории России, СССР и Российской Федерации именно как национальных историй, ибо эти образования авторы не относят к национальным государствам.

[4] Россия в Калифорнии: Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях 1803–1850: В 2 т. / Под ред. А.А. Истомина, Дж. Гибсона, В.А. Тишкова. Т. 1. М., 2005; Т. 2. М., 2012.

[5] О нем см.: *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

[6] *Фон Хаген М.* История России как история империи: Перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 24.

[7] *Forsyth J.* A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1992.

[8] См., например: *Тишков В.А.* Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости. М., 2008.

[9] *Кантор В.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008. С. 19.

[10] Там же. С. 537.

[11] Критику объяснительной модели «распавшейся империи» см.: *Тишков В.А.* Этнический фактор и распад СССР: Варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2005. С. 588–600.

[12] *Фон Хаген М.* Указ. соч. С. 25–26.

[13] *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 248.

[14] *Brubaker R.* Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge, 1996. P. 29.

[15] Российская идентичность в социологическом измерении. Аналит. доклад Инта социологии РАН. М., 2007. С. 32. В последующих работах М.К. Горшков и его коллеги по институту пришли к гораздо более определенным выводам о существовании в России общероссийского национального сознания (См.: *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: Опыт социологической диагностики. М., 2011).

Глава 4

РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Легко положить общие начала, но частности?
Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять.

Екатерина II – Вольтеру о России

Созданная в Киеве на рубеже XI–XII вв. «Повесть временных лет» считается начальной страницей отечественной истории. Она представляет собой рассказ о дани, которую собирали скандинавы-варяги со словенцев, кривичей, чуди и мери. Первые два племени были славянскими, вторые два – финно-угорскими, проживавшими вместе со славянами. Из-за внутренних распрей, сначала прогнав варягов за море, в 862 г. эти же данники обращаются к варягам, призывая их на правление: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Интерпретации дальнейшей фактической истории Руси, в том числе ее противоречивого начала – «сначала изгнали, потом позвали» – одно из серьезнейших занятий отечественных историков, а сегодня и историков нескольких стран, для которых это давнее прошлое составляет уже часть собственных национальных историй. Согласия между учеными не было и в давние времена, тем более нет его и сегодня. Но есть, во-первых, накопленный документально-письменный, фольклорный и археологический материал и, во-вторых, как самые тонкие, так и откровенно политизированные версии раннего прошлого Руси – России.

Ныне все более утверждающаяся среди историков точка зрения довольно радикально разводит историю Киевской Руси и историю Новгородской земли, считая год призвания варягов началом российской государственности. Эта трактовка имеет серьезные основания, за исключением того обстоятельства, что для ранней истории теперь уже независимой украинской государственности как бы не остается места. И, видимо, правильнее было бы говорить о начале древнерусской государственности. Не менее основательно разводят начало общей истории националистически настроенные украинские историки, а попытка написать общую версию истории двух стран (своего рода общий учебник[1]) была предпринята совсем недавно и также вызвала критику со стороны тех, кто придержива-

ется как радикально-националистических взглядов, так и более традиционных подходов, которые в настоящее время уничижительно обзывают «официальной советской историографией».

Мне представляется, что в трактовке культурного прошлого следует различать два миропонимания. Одна позиция – позитивистско-социологическая, опирающаяся на такие артефакты, как схожесть/несхожесть материальной культуры, свидетельства общей власти и веры, данные о языке и письменных памятниках. Именно на различиях строятся опрокинутые в прошлое наши сегодняшние представления об этнических общностях – народах-племенах или народностях. Отсюда появляется «этническая история древней Руси» и этнический компонент становится одним из доминирующих в групповых и политических классификациях. Другая субстанция – интерпретивно-конструктивистская, которая исходит из того, что представления людей и природа их коллективных связей серьезно отличались от современных. Социальные коалиции или коллективы, включая протогосударственные образования, образовывались не столько на культурной общности, сколько на сеньориальной зависимости/принадлежности, на династической солидарности и лояльности подданных, на некоторых единых правовых нормах, на одной религиозной вере и, наконец, на соотношении военно-политической силы завоевателей и данников. И уже на этой, а совсем не на этнокультурной гомогенности рождались и существовали представления об общности, об общей земле и осознании себя как некий один люд или народ.

Отсюда встает фундаментальный вопрос: «откуда пошла земля русская» в смысле общего самосознания и какова историческая динамика этого чувства коллективной идентичности, которая в те времена (как и в последующие эпохи) не могла быть одинаково выраженной, повсеместной и непрерывной. Еще в советской историографии послевоенного периода в рамках разработки теории этнических общностей ставился вопрос о национальном самосознании, но это почти всегда был вопрос об этнической идентичности как один из важных маркеров существования отличительной этнической группы (или национальности). Эта линия идет от работ П.И. Кушнера, С.А. Токарева в 1940–1950-е годы к работам Н.Н. Чебоксарова, Ю.В. Бромлея, В.И. Козлова и других в 1960–1980-е годы[2]. Однако никто из отечественных ученых, кто занимался теорией и историей национального самосознания, не уходил в глубь веков, хотя о национальном самосознании как характеристике раннефеодального общества писал академик Д.С. Лихачев, посвятив этому вопросу отдельное монографическое исследование вскоре после окончания Великой Отечественной войны[3]. Собственно говоря, это

была работа об исторической памяти народа, запечатленной в древнем былинном цикле. По замечанию Д.С. Лихачева, эпос был «той великой неписаной историей Русской земли, которая предшествовала летописанию… не случайно русский писатель XII века Кирилл Туровский различал два типа хранителей исторической памяти: летописцев и песнотворцев»[4]. В дальнейшем хранителями былинного эпоса выступили народные сказители.

Принятый ныне более тонкий анализ древних источников действительно выявил как компоненты воображаемого, так и более поздний характер элитных представлений о древнерусской общности (или об ее отсутствии!)[5]. Но в моем социально-конструктивистском методологическом арсенале воображаемое есть также реальное. Тем более, что многие высказывания (безусловно, представителями элит) хотя и могут относиться к более поздним временам, но все равно это та же самая эпоха русского средневековья. Несмотря на радикальные и разнонаправленные ревизии начальных этапов истории в современной украинской и российской историографии, сама идея государственного и национального единства Руси имеет достаточно древние корни, и здесь мои научные симпатии больше на стороне академика (российского и украинского одновременно!) П.П. Толочко, который отстаивает концепцию существования древнерусской народности как реальной, а не вымышленной[6]. П.П. Толочко завершает свою новую книгу важным для нас сюжетом о национальном (народном) самосознании в Древней Руси. Ученый ставит те же самые вопросы современных интерпретаторов: не используем ли мы понятие, которое применимо больше к современности, и что оно могло означать для древних времен, в чем оно выражалось и «на кого мы должны ориентироваться при ответе на поставленные вопросы, в целом на народ или же на его интеллектуальную элиту?»[7]

Некоторые современные исследователи высказывают сомнения, что представления летописца Нестора или автора «Слова о полку Игореве» можно воспринимать как некое выражение того самого самосознания, ибо представления смерда из глухого русского погоста и образованных летописцев были различными. Но и сегодня в сплошь грамотном российском, да и любом сообществе понимание того, что есть народ, страна и кто есть «мы», разнится не в меньшей степени. Как и в наши дни, в древнерусском прошлом выразителем коллективного сознания была элита, хотя уже в Древней Руси существовали фольклорно-былинные сказания. Но этот источник был созвучен патриотическому пафосу летописей и литературных произведений, и между ними не было того разрыва, который позволял бы считать одни источники политическим

официозом, а другие – «историей, рассказанной самим народом» (академик Б.Д. Греков). Как пишет Толочко, «вопрос не в том, кто был автором письменных произведений, содержащих патриотические идеи, а в том, выражали ли они мысли и чаяния широких народных масс. Есть достаточно оснований утверждать, что, безусловно, выражали. По существу любое произведение исторической письменности, литературы или эпической поэзии являлось ответом на социальный заказ времени и было выражением народного исторического самосознания»[8].

Ключевым компонентом этого самосознания было представление о родине. И такое чувство общности среди восточных славян присутствовало на довольно ранней стадии их политической консолидации, ибо «Повесть временных лет» отличала говорящих на славянских языках полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей и других от «тех суть иные языки». И общее родовое название «Русь», по мнению летописца, употреблялось уже в 60-е годы IX в. А самым важным стал акт крещения Руси, который имел всеобщий характер и осознавался как момент появления на Русской земле нового народа, которого возлюбил Христос, просвятивший ее крещением святым[9].

В постордынскую эпоху (XV в.) древнерусская народность была доказанной реальностью[10]. И здесь для нас особенно интересна история самих названий «Россия», «российский», «россиянин». Хотя это больше имеет значение для источниковедческих изысканий, тем не менее именование страны и народа, хотя часто с причудливой историей, напрямую относится к вопросу о национальном самосознании. О происхождении названия «Россия» давно существуют разные точки зрения, но доминирующей остается высказанная академиком М.Н. Тихомировым еще в 1953 г. позиция, что термин «Россия» (или «Росия») упоминается в письменности в конце XV в. и, постепенно распространяясь, утверждается в качестве «природно-русского понятия»[11]. Эта точка зрения утвердилась в отечественной историографии, хотя столь же давно было высказано мнение о греко-византийском происхождении и употреблении слова «Росия». Российский историк Б.М. Клосс установил, что это название внедрялось в массовое сознание достаточно рано, ибо присутствовало в богослужебном уставе 1435 г.[12] Он же проследил в официальных документах того времени эволюцию термина «Великая Русь» с начала XVI в. в название «Великая Росия» и то, как уже в XVII в. бытовало разное написание названия «Россия» (с одним и с двумя «с»). Как пишет исследователь, «мы увидели в этом не проявление какого-то хаоса, а определенную закономерность: в государственном делопроизводстве и

в титулах царя и патриарха **Росия** пишется по греческому образцу с одним “с”, а Московский Печатный двор, начиная с апреля 1654 г., последовательно придерживается написания **Россия** с двумя “с”…Подобное лингвистическое “раздвоение” в написании слова “Россия” продолжалось в течение всей второй половины XVII столетия и начала XVIII в. И лишь с 1721 г., после принятия Петром I титула императора “Всероссийского”, написание слова “Россия” с двумя “с” стало господствующим»[13]. Что касается слова «россиянин», то оно также утверждается в языке в XVIII в., и связано это с именами Феофана Прокоповича, В.Н. Татищева, Г.Р. Державина и других. Его самое широкое употребление приходится на время Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина, о чем речь пойдет в следующей главе.

* * *

Обратимся к ранним и очень ценным сведениям о дихотомии *русский–российский*, о которых писал П.Б. Струве. Они позволяют поставить вопрос о рождении национализма в России фактически до появления самого термина *нация.* Такое рассмотрение исторического феномена национализма известно в науке, как «нации до национализма». На этот счет имеется исследование одного из ведущих специалистов по национализму Джона Армстронга[14]. Действительно, если речь идет о нации как прежде всего об элитном дискурсе особого типа, то дебаты среди государственной и научной элиты России, а позднее среди националистически настроенных русской интеллегенции и политических активистов из нерусских народов восходят к более раннему времени, чем вошло в оборот само слово «нация» и возникло представление о национальном государстве. Содержание этого особого типа идей и дебатов сводится к трактовке народа как суверенного субъекта, а не как «черни» или плебса, к наличию у народа общих черт и, самое главное, собственного Отечества или Родины, а также связей народ – правитель и народ – государство. Производителями такого рода идей и представлений издавна была и остается элита, прежде всего политики и ученые. Но тогда где и когда можно искать истоки национальной идентичности в России?

Такого рода идеи и дебаты, если иметь в виду ранний российский (донациональный) национализм, появились еще в XVIII в. Речь идет о баталиях в Российской академии наук о происхождении российского народа. Мы напомним о них, чтобы показать, какое место в нашей интеллектуальной традиции занимал вопрос о происхождении российского народа и его государственности, особенно в свете долгого противостояния отечественных

Михаил Васильевич Ломоносов (художник Л.С. Миропольский, 1787 г.)

интеллектуалов по поводу роли норманнов в российской истории. Дебаты по этому вопросу восходят к временам М.В. Ломоносова, когда в Российской академии наук утверждаются понятия «российский народ» и «россияне» и когда одновременно складываются версии о решающем немецком или скандинавском (норманнском) влиянии на данный процесс. Одним из сторонников норманнской родословной Руси был историк и этнограф, академик Г.Ф. Миллер, с резкой критикой текста диссертационной речи которого на публичном собрании академии в 1749 г. выступил М.В. Ломоносов: «Господин Миллер говорит: “прадеды ваши от славных дел назывались славянами”, но по сему во всей диссертации противное показать старается, ибо на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют; гунны Кия берут с собой на войну в неволю. Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»[15].

Споры о происхождении народа и государства побудили Ломоносова помимо занятий естественными науками обратиться к изучению исторических источников и сочинений, в том числе древнерусских летописей, греческих и латинских хроник, трудов византийских историков. Потребность в написании «Российской истории» испытывала и императрица Елизавета, от которой и исходило предложение создать такой труд. В 1758 г. Ломоносов подготовил рукопись первого тома «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года». Труд был издан только в 1766 г. после смерти автора. Еще раньше было опубликовано сочинение Ломоносова «Краткий российский летописец с родословием». Свою задачу ученый видел в том, чтобы «смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа»,

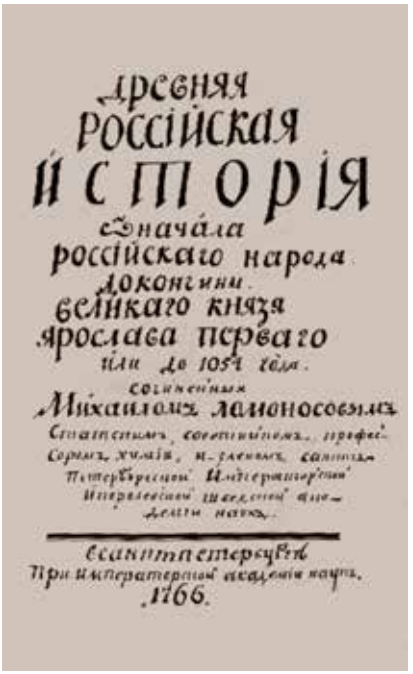
выявить «общее подобие в порядке деяний российских с римскими» и «несходство» с древним Римом, который «гражданским владением возвысился», а Россия «самодержавством как сначала усилилась, так и после с несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась»[16].

Не менее известной, хотя и подвергавшейся цензурным преследованиям, была работа Ломоносова «О сохранении и размножении Российского народа», в которой с позиций своего времени он изложил взгляды на то, как следует устраивать жизнь «природных россиян». Предлагаемые Ломоносовым меры для увеличения численности народонаселения были направлены на борьбу с «дурными обычаями» и «вредными явлениями», касались изменений в узаконениях браков, в распространении просвещения и т. д. Российская тема проходит и в работах ученого о русском (российском!) языке. Ломоносовская реформа языка во многом определила пути развития русской речи. «…Российский (!!! – *В.Т.*) наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может», – писал он.

Что касается актуального до сих пор вопроса об устройстве академических дел, то он писал: «Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сыновьями не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний». При этом желательно, чтобы академиками и адъюнктами были «природные россияне»[17].

Ломоносов был одним из немногих русских в тогдашней Российской академии наук. Этот гениальный выходец из поморов обладал обостренным чувством патриотизма. Он считал, что «российский народ был за многое время до Рурика»: «варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили из древних роксолан или россов и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною»[18]. Канцелярия Академии поддержала Ломоносова. Академик Миллер не получил слова на торжественном собрании. На следующий год среди академиков состоялась большая дискуссия по диссертации Миллера. Как пишет Ломоносов, «каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в собрании палкою и бил ею по столу конференцкому»[19]. Миллера лишили звания профессора. Академия издала указ об уничтожении диссертации, «так как она предосудительная России». «По накалу и мето-

КРАТКОЙ
РОССІЙСКОЙ
ЛѢТОПИСЕЦЪ
СЪ
РОДОСЛОВІЕМЪ.
Сочиненіе
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1760 года


Древняя
Россійская
Исторія
отъ начала
россійскаго народа
до кончины
великаго князя
Ярослава перваго
или до 1054 года.
сочиненная
Михаиломъ Ломоносовымъ
Статскимъ совѣтникомъ, профессоромъ химіи, и разныхъ славенскихъ
Петербургскія Императорскія
Императорскія шведскія академій наукъ.
Санктпетербургъ
При Императорской академіи наукъ.
1766.

РОССІЙСКАЯ
ГРАММАТИКА
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.
ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1755 года

Титулы трудов М.В. Ломоносова
по российской тематике

дам научный спор выплеснулся в русло политической мифологии, где на шахматной доске истории Ломоносов победоносно разыграл партию славян, полагая, что Миллер играет за обреченных германцев»[20], – отметил А.В. Головнев.

Таким образом, если относить корни национализма к историческим периодам, когда появляются первые представления о коллективной общности как общности судьбы и о ее членах как существах, схожих между собой по облику, языку, достоинствам или недостаткам, то можно считать временем зарождения национализма в России именно 1740–1760-е годы. Связано это явление с Российской академией наук и персонально с М.В. Ломоносовым. Примерно такой же точки зрения придерживается американская исследовательница Л. Гринфельд, описавшая пять разных вариантов становления национализма в таких странах, как Англия, Франция, Германия, Россия, США[21]. Гринфельд обращает особое внимание на решающий вклад Петра I и Екатерины II в утверждение понятий «Отечество», «Отчизна», которые стали все чаще употребляться вместе со словом «народ» как наиболее близким синонимом «нации». Тогда же вместе с этими словами появляются такие категории, как *слава, гордость, служение народу* и *Отчизне.*

Примечателен в этом отношении акт 1721 г., пожаловавший Петру I титул императора Всея Руси. Члены Сената и Священного Синода просили государя возложить на себя титул «Отец Отечества», поскольку он много сделал для него во время своего «государствования», когда государство всех россиян и российский народ стали сильными и уважаемыми. Сам по себе термин «отечество» представлял собой новацию, которая могла и не утвердиться в российском политическом языке. Но этот термин остался как аналог понятия *patrie,* от которого образовалось и даже пришло в русский язык слово *патриотизм,* без его родовой основы «патриа». Место патрии заняло слово «отечество», а «отечествизм» не получился и утвердился «патриотизм». Титул «Отец Отечества» – эквивалент латинского *pater patriae* – устанавливал новое значение роли царя как духовного отца своей паствы.

Как пишет Гринфельд, «в смысле дискурса это было, если еще не сознание всех, кого побуждали употреблять это слово, но все же продвижение под руководством Петра к идее нации. Это изменение словаря было очень значимым, и новые концепты должны были медленно проникать в умы отдельных людей, которым до этого постоянно напоминали, что они были чьими-то презренными рабами»[22]. И далее о Петре:

«Хотя Петр имел представление о существовании политий, которые были нациями, и даже имел прямой опыт нахождения среди них, он не мыслил Россию как нацию. Он не делал каких-либо различий меж-

Петр I
(художник Ж.-М. Натье, 1717 г.)

ду собой и своим государством. И это было потому, что государство для него было продолжением его собственной персоны. Не будучи сам националистом, он пытался сделать националистами своих подданных, но только до такой степени, каковая будет увеличивать эффективность и преданность тех, кто ему служил. Возможно по причине недостаточного энтузиазма и решимости, требуемых для выполнения этой задачи, успех его был достаточно скромным. Действительно, было что-то патетическое в несоответствии между настоянием Петра, чтобы его подданные служили государству, свободными и значит преданными гражданами которого они должны быть, и его твердым убеждением, что они должны были служить только ему, их милосердному отцу, верховному правителю, царю и защитнику.

Несмотря на то что Петр I не дал своим подданным чувство личного достоинства (фундаментальный элемент гражданского национализма), он дал им гордость быть подданными такого сильного и знаменитого правителя и быть членами – даже если и крепостными рабами – огромной и мощной империи. Он дал им повод для национальной гордости, которая будет использована последующими поколениями и составит основу для наиболее страстных форм национализма»[23].

Феофан Прокопович
(художник А.А. Афанасьев)

Это был «донациональный» национализм, национализм гражданского типа, ибо он обосновывал существование российского народа и впервые утверждал категорию «россиян», обозначавшую граждан единого отечества.

На мой взгляд, успехи деяний Петра как преобразователя России были гораздо больше, чем их оценивает Л. Гринфельд, а до нее и после нее многие критики Петра Великого из поборников патриархальной замкнутости и из числа противников модернизации страны. Полный титул российского государя включал в себя понятия «император» и «царь» одновременно, так как Петр был царем (ханом) для «татарских земель» – Казанского и Астраханского ханств. Петр жестоко эксплуатировал своих подданных. В то же самое время он ушел от московских пыточных казематов, перенеся столицу в новый торговый и космополитичный город. Он ввел новые принципы управления государством на основе определенных правил и закона. Он запрещал подданным падать перед ним на колени и снимать зимой шапки. Поощряя инициативу и возвращая полные имена вместо кличек, он стремился тем самым вызвать у них чувство собственного достоинства. И он преуспел в этом покорении безличностной стихии: «Русские самодержцы воспринимали себя как прямых заместителей Бога, чувствовали себя земными богами. У Петра видна постоянная опора на христианского Бога во всех делах, в том числе в утверждении европейской ценности личности. Если раньше иноземцы замечали, что московиты потому не христиане, что почитают своего царя наравне с Богом, то Петр решитель-

но меняет эту варварскую установку сознания. Вместо неразличимого хаоса безличностей он строит новую структуру общества»[24]. И совсем не случайно при погребении императора прозвучали слова Феофана Прокоповича, обращенные к соотечественникам: «До чего мы дожили, о Россиане? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем… Не весма же, Россиане, изнемогаим от печали и жалости»[25].

* * *

Подтверждением этих заключений являются исследования российского историка Е.Н. Марасиновой по проблемам властных отношений и дискурса власти, отражавшегося в использовании титулов, символов и других прошлых презентаций. По ее мнению, с первой четверти XVIII столетия начинается собственно «имперский» период развития российской государственности, когда к 1721 г. была решена проблема выхода России к незамерзающей Балтике и появилась основа заявить о себе как о европейской державе. «В царствование Петра I модернизация русского общества, то есть усвоение определенных элементов европейской культуры, приобретает особую динамику. Крепнущее российское государство вынуждено было проводить стремительную мобилизацию внутренних ресурсов для создания пространственно-географических условий развития, обеспечить «форсированную», а порой и «насильственную», европеизацию и взять на себя инициативу глубоких преобразований. После Полтавской победы Петру и его сподвижникам стало совершенно ясно, что страна имеет теперь все основания войти в европейский мир могущественной державой и, логично, что имя этой державы будет Российская империя»[26].

Как писал С.М. Соловьев, в начале XVIII в. речь шла не о возрождении поверженного Царьграда, не о «третьем Риме», а о величии России и достоинстве «императора всероссийского» среди «регулярных политизированных народов»[27]. Это понятие *политизированных народов* или *общества политических народов* означало именно европейские народы, которые в глазах россиян считались нациями, т.е. политическими объединениями граждан. Хотя на самом деле большинство европейских государств того времени были монархическими и гетерогенными образованиями с колониальными владениями и с собственными бесправными аграриями. Тем не менее в оценках современников и в многочисленных трудах историков той эпохи и вплоть до современности можно довольно часто встретить употребление термина *нация* применительно к странам и народам Европы. Но крайне редко отечественный общественно-политический дискурс и академический язык включают в себя эту категорию применительно к истории России, как будто бы кто-то наложил на нее табу.

Почему не только Гринфельд, но и другие зарубежные авторы пишут о России Петра Великого в национальных терминах? Например, американский исследователь Р. Уортман по поводу восхваления Петра в стихах, речах, спектаклях с помощью аллегорий и художественных изображений, считая его героизм и достижения реальными, пишет следующее: «…прославление государя в данном случае было не персонифицированным в нем прославлением государства и *нации*, а восхвалением личных сверхчеловеческих подвигов самого Петра, совершенных для блага *нации* (курсив мой. – *В.Т.*)»[28].

Особенность России заключалась не только в «политической регулярности», т.е в степени укорененности правовых основ организации общества и власти, но также и в смыслах словоупотребления в отношении самого государственного образования и существующих в нем титулов. Как отмечает Е.Н. Марасинова, «на протяжении всего имперского периода монарх, официально именуемый “Его (Ваше) Императорское Величество”, в повседневной речи подданных очень часто будет оставаться государем, Российская империя – Россией, если говорить о стране, и отечеством, если за эту страну нужно проливать кровь»[29].

Страна получила наименование «империя» на том основании, что самодержец был провозглашен императором, а не наоборот. В России монарх, приняв титул императора, тем самым переводил свою страну в разряд империй. Только лишь со времен наполеоновских войн изредка в частной переписке будет встречаться термин «империя» по отношению к России в контекстах, связанных с внешнеполитическими проблемами[30]. Как пишет Марасинова, «в первой же четверти XVIII века имперская идея еще только формировалась, круг ее носителей ограничивался сподвижниками Петра, которые добивались дипломатического признания измененного статуса России. И сложно сказать, какое чувство доминировало в государственном сознании этого периода – уверенность в собственных позициях или восхищение “регулярностью” “политизированных” шведов. В течение последующих десятилетий будет расширяться социальная база имперской идеи, пока при Екатерине II не утвердится в сознании всего привилегированного дворянского сословия… Однако, достигнув своего апогея в последней трети XVIII века, великодержавная доктрина сохранит в качестве важнейших ориентиров ценности, заданные в петровское правление: победоносное оружие, культурная идентификация просвещенной России с Европой и слава империи, олицетворенная в образе самодержца. Причудливое сплетение этих трех символов предопределило парадоксальность российского государственного мышления XVIII – XIX веков. Гонор мощной державы сольется

с периферийным сознанием, европоцентризмом и склонностью к интеллектуальным заимствованиям. Верноподданническое чувство, поглотившее, казалось бы, без остатка чувство патриотизма, в конечном счете обернется своей противоположностью, диаметрально разведя службу государю и службу отечеству и породив тем самым драматичные коллизии общественного сознания»[31].

Другой отечественный исследователь реформ в России в XVIII в. А.Б. Каменский, не затрагивая тему нации и национализма, тем не менее оценивает итоги правления Екатерины Великой как время, когда уже можно было говорить о существовании новой русской национальной литературы, русской национальной школы живописи, архитектуры, музыки и т.д. К концу века в основном завершается процесс складывания русского литературного языка, который чаще всего назывался *российским языком*. «Именно в это время происходят важные изменения в историческом сознании, вновь возникает интерес к допетровскому прошлому России, появляются первые образцы рефлексии по поводу выбора исторического пути, места и роли России в мире. Именно во второй половине XVIII в. на русской исторической сцене появляется такой особый социально-культурный феномен, каким была русская интеллигенция со свойственным ей чувством вины перед наром. Именно тогда наступает новый этап в формировании русского национального самосознания (подчеркнуто мною. – *В.Т.*) с характерным для него чувством национальной гордости и патриотизма»[32].

Для Екатерины II тема русского патриотизма была самым тесным образом связана с ориентацией на Запад, которую она зафиксировала в своем «Наказе», данным Комиссии о сочинении нового уложения: «Россия есть европейская держава… Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом и привнесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, введя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такия удобности, каких он и сам не ожидал»[33]. В целом Екатерина проводила свои реформы, стремясь решить задачу укрепления государственной власти на принципах самодержавия, централизма и унитаризма, пытаясь одновременно для живущих в России народов «сшить каждому приличное платье». Как писала Вольтеру императрица, путешествуя по Волге и наблюдая «здесь 20 различных народов, один на другого не похожих», «легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять»[34].

Этнонациональная политика Екатерины II, т.е. политика создания, сплочения и охраны «особого мира» из многих и разных на-

родов, была во многом успешной и остается поучительной. Манифестом 1763 г., в котором нашли отражение европейские нормы о свободе передвижения как одного из прав человека и современные тогда нормы регулирования миграционной политики, была начата масштабная кампания переселения колонистов в Россию. Только за первые два года в Россию прибыли около 30 тыс. немецких переселенцев, осевших в основном в окрестностях Саратова. В чем-то эта политика отражала популярные в то время теории о связи процветания государства с ростом народонаселения. Их в свое время ярко изложил М.В. Ломоносов в сочинении «О сохранении и размножении Российского народа». Английский историк Р. Бартлетт посвятил переселенческой политике Екатерины Великой специальное исследование и сделал такой вывод: «Ни одна другая коронованная особа современности не делала проблему народонаселения столь важной заботой правительства»[35].

Императрица Екатерина II
в русском кокошнике
(художник Торелли)

Одним из замечательных достижений XVIII в. было появление наряду с категориями «раб» или «подданный» понятия «гражданин» не только в смысле «горожанин», а также выражения «сын Отечества», вслед за которыми последует представление об «ответственном гражданине». В 1789 г. в журнале «Беседующий гражданин» была опубликована статья «Беседа о том, что есть сын Отечества» (специалисты считают, что ее автором был А.Н. Радищев), в которой обосновывался нравственный смысл понятия. Человек потребен для ношения имени сына Отечества, по мнению Радищева, если он чужд зависти, гордости, любострастия, не предается лени и пьянству и обладает такими добродетелями, как честолюбие, благонравие и благородство[36].

Российский парадокс заключался в том, что можно было одновременно быть «слугой царя» и «сыном отечества». Это означало (означает и по сегодняшний день!), что не существует дилеммы: нация – это обязательно свободные граждане, а без этого нет нации.

Нация могла и может быть и в условиях несвободы в ее европейском представлении. В современной Турции или в Китае свобод не больше, чем в России, но наличие турецкой и китайской наций никто не оспаривает. Причем об этих нациях оказывается позволительным говорить даже применительно ко времени, когда Турция была Османской империей, а Китай – империей и колониальным владением одновременно до начала XX в. Но тогда почему в имперской России не может быть нации, т.е. представления о едином народе страны? Это происходит по причине ментальной инерции, когда феномен сложного самосознания смешивается с социально-культурной однородностью населения страны как своего рода нормативной установкой, которую на самом деле не удалось реализовать ни в одной стране.

[1] Россия и Украина на перекрестках истории: Пособие для учителей истории / Под ред. А.А. Удода, А.О. Чубарьяна. М., 2012.

[2] *Кушнер П.И.* Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Вып. VII. 1945; *Он же*. Этнические территории и этнические границы // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. XV. М., 1951; *Токарев С.А*. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11; *Чебоксаров Н.Н*. Проблемы происхождения древних и современных народов. М., 1964; *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // Советская этнография. М., 1967; К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации // Вопросы истории. 1970. № 8; *Дробижева Л.М*. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5; *Буганов А.В*. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992.

[3] *Лихачев Д.С.* Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1949.

[4] *Лихачев Д.С.* Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 26, 34.

[5] См., например: *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Этнический аспект становления и развития государственности // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российской государственности / Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М., 2012. С. 9–49.

[6] *Толочко П.*П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. Киев, 2011.

[7] Там же. С. 280.

[8] Там же. С. 281.

[9] Повесть временных лет. Ч. 1. М., 1950. С. 13, 17, 82.

[10] Российское государство от истоков до XIX века: Территория и власть / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2012. Гл. 2 (автор Н.М. Рогожин).

[11] *Тихомиров М.Н.* О происхождении названия «Россия» // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 93–96.

[12] *Клосс Б.М.* О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 131.

[13] Там же. С. 135.

[14] *Armstrong J*. Nations Before Nationalism. Chapel Hill, 1982.

[15] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 21.

[16] Там же. С. 170–171.
[17] Там же. Т. 10. С. 141.
[18] Там же. С. 27–29.
[19] Там же. С. 546–549.
[20] *Головнев А.В.* Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории: Доклады международной научной конференции. Екатеринбург. М., 2004. С. 485.
[21] *Greenfeld L.* Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, MA, 1992. Русский перевод см.: Гринфельд Л. Национализм: Пять путей к современности. М., 2009.
[22] Ibid. P. 196.
[23] Ibid. P. 197.
[24] *Кантор В.К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008. С. 101.
[25] *Прокопович Феофан.* Соч. М.; Л., 1961. С. 126, 128. См. также: *Клосс Б.М.* О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 77.
[26] *Марасинова Е.Н.* Государственная идея в России первой четверти XVIII в.: (К истории формирования понятий и терминов) // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. М., 2004. С. 129–149. С. 6. См. также: *Она же.* Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века. М., 2008.
[27] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX. С. 321–322.
[28] *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I: Материалы и исследования. М., 2002. С. 77.
[29] *Марасинова Е.Н.* Государственная идея… С. 12.
[30] См., например: письма А.И. Вяземского А.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 379–380, 414, 424–425 и др.
[31] *Марасинова Е.Н.* Государственная идея… С. 15–16.
[32] *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 463.
[33] Цит. по: Там же. С. 358.
[34] Цит. по: Там же. С. 359.
[35] *Bartlett R.P.* Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia. 1762–1804. Cambridge, 1979. P. 31.
[36] *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л. 1938. Т. I. С. 215–223.

Глава 5

КАРАМЗИН И ПУШКИН О РОССИЙСКОМ НАРОДЕ

О громкий век военных споров,
Свидетель славы Россиян!

А.С. Пушкин

В истории формирования российской национальной идентичности последовавший XIX век был еще более примечателен и наполнен острыми спорами по поводу того, что есть Россия и ее народ. Здесь прежде всего следует назвать имя русского историка и писателя Н.М. Карамзина. В его эпоху благодаря сочинениям самого ученого прочно утвердилось представление о самостоятельном субъекте, который назывался *российским народом* или *россиянами* – своего рода прототипе гражданской нации. В 1811 г. Н.М. Карамзин в своей «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» писал для императора Александра I следующее: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разногласия, а спаслась мудрым самодержавием. Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременной связью с монголами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами… Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность»[1].

Н.М. Карамзин употреблял близкие по смыслу слова *русский* и *российский,* но первое было ближе к пониманию обычая и культуры, а второе – к понятию гражданского сообщества. Вот как он описывал правление Лжедмитрия: «…Дмитрий явно презирал русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился; забавлял свою невесту пляскою скоморохов в монастыре Вознесенском; хотел угощать бояр яствами, гнусными для их суеверия; окружил себя не только иноземною стражею, но шайкою иезуитов, говорил о соединении церквей и хвалил латинскую. Россияне перестали уважать его, наконец, возненавидели и, согласясь, что истинный сын Иоаннов не мог бы попирать ногами святыню своих предков, возложили руку на самозванца»[2].

В этом же сочинении мы встречаем замечания по поводу институтов и отличительных черт культуры, которые еще раз

подтверждают взгляд Карамзина на соотношение *российский – русский* как на соотношение понятий, близких, но не тождественных: «Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве …Мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Искореняя древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранное, государь России унижал россиян в собственном их сердце… Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной ступени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях»[3].

Карамзин может рассматриваться как один из столпов российского национального самосознания (идентичности). Для него быть россиянином означало прежде всего чувствовать глубокую связь с Отечеством (не только с государем!) и быть «совершеннейшем гражданином». Корни гражданства он возводил к «древним россиянам»: «Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т.е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а *Святая Русь* – первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оного!»[4]

Карамзин признавал великую роль исторической мифологии в утверждении самосознания российского гражданина и его любви к Отечеству. Российский народ становится у Карамзина главным вершителем своих судеб и даже высшим сувереном (по словам историографа, «глас народа – глас Божий»[5]). «Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной Европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами – Екатерина приучила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их,– заблуждение славное для сей великой монархини!»[6]

Николай Михайлович Карамзин
(художник В.А. Тропинин)

Карамзин, безусловно, консерватор и противник внешних заимствований, ибо «добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей», и «одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основы империй, и коих благодарность остается доселе сомнительной». Под этими нелюбимыми народом преобразованиями Карамзин видел желание монархов привнести в Россию законы революционной Франции, где появляется «национализм с нацией». «Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применимы к нашему гражданскому состоянию?» Карамзин верил в категорию гражданского состояния, но страшился революционного богоборчества французов во имя уже объявленной *насъон франсэз*.

* * *

Не следует забывать, что приведенные высказывания Н.М. Карамзина взяты из его «Записки о древней и новой России…», адресованной государю, и все это относится к началу XIX в. Уже после этого был А.С. Пушкин, назвавший труд Карамзина не только воспеванием «прелести кнута», но и «подвигом честного человека». Пушкин завершил идеологический прорыв, сделанный историографом в утверждении категории *российский народ*, хотя поэт пользовался словом «русский», возможно, даже чаще и в самых разных вариациях. При этом он не делал особых различий между двумя категориями. Здесь важно напомнить нынешним отрицателям российскости, кому на самом деле в отечественной истории принадлежат приоритеты на слово *россияне*, чтобы современные недоучки не трактовали это понятие как эвфемизм ельцинской эпохи.

Приведем несколько цитат из произведений А.С. Пушкина о российском народе и о россиянах:

Узнай, народ российской,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

«*Сказки. Noel*»

Богиня песен и рассказа…
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок.

«Кавказский пленник»

Не смелый подвиг россиян,
Не слава, дар Екатерине,
Не задунайский великан,
Меня воспламеняют ныне.

«Элегия»

И, наконец, посвящение в «Борисе Годунове»: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновленный, с благоговением и с благодарностию посвящает Александр Пушкин».

Значение Пушкина для становления национальной идентичности далеко не ограничивается использованием терминов, ибо и слово «русский» было для него не менее, а даже более воспеваемым, но воспеваемым в широком значении как «всяк сущий в ней язык». Для истинного гения сущность была всегда открыта, и она не поддается рациональному определению. Поэтому можно сказать, что и этническое русское (великорусское) самосознание также берет свои многие начала в пушкинской поэзии и прозе. Пушкин действительно «наше всё», если пользоваться определением А.А. Григорьева. Но самое важное, что Пушкин, как он сказал о себе, ударил по наковальне русского языка и тот зазвучал. «Но заставить “звучать язык” это и означает конституировать национальное сознание»[7], – делает важное заключение В.К. Кантор. Только почему после такого заключения философ Кантор выдвигает тезис об имперской «вненациональной стихии» как нормативном прошлом и даже будущем нашей страны?

Гораздо раньше о Пушкине, «его русскости, его неотделимости от России, его насыщенности Россией», о том, что поэт утвердил «наше национальное бытие»[8], писал И.А. Ильин. Утверждая русскость Пушкина как главное его качество, Ильин говорит, что историческое призвание поэта состояло в том, «чтобы принять душу русского человека во всей ее глубине, во всем ее объеме и оформить, прекрасно оформить ее, а вместе с ней – Россию»[9].

Александр Сергеевич Пушкин
(художник В.А. Тропинин)

Пушкинская открытость и ясность по поводу истории России со всеми в ней «сущими языками» была позднее востребована многими российскими мыслителями. Но самой главной в пушкинской идеологии государства была своего рода формула-триада, которую можно сформулировать как «свобода, просвещение, монархия». В отличие от будущих славянофилов, не принимавших петровские реформы, Пушкин, по словам С.Л. Франка, «ощущал *национальный* характер дела Петра Великого»[10] и связывал предназначение России с европейским просвещением.

В пушкинской поэтической картине мира можно выделить основные моменты, где определяется его особый вклад в национальное самосознание. Это тема происхождения и легитимности власти, тема места России среди других народов и тема свободы личности. В отличие от историографа Карамзина его привлекала не скрупулезная «правда истории», а точный художественный *образ* русской истории. 23 февраля 1825 г. в письме к Гнедичу появилась знаменитая фраза Пушкина: «История народа принадлежит поэту», которая обозначила его позицию о происхождении национального самосознания. Она отличалась как от взгляда Карамзина, высказанного им в посвящении к своему сочинению «История народа принадлежит царю», так и от альтернативного высказывания Николая Тургенева и Никиты Муравьева: «История народа принадлежит народу». Как пишет автор предисловия к тому о Пушкине, вышедшему в серии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века», пушкинское замечание подразумевало, что создание исторического мифа, который и составляет собственно национальное историческое сознание, не может обойтись без поэтизации истории и закрепления ее в культурных образах. «Это формирует у нации именно *чувство истории,* а не ее доскональное *знание,* которое есть удел профессионалов»[11]. «Высвеченные гением Пушкина “вечные” темы российской истории, созданные им образы исторических героев приобрели статус

национальных мифов, что делает их незаменимыми в национальном сознании. Ведь каждый народ обретает историческое сознание путем формирования собственных исторических мифов, адаптируя их в культуре и идеологии»[12].

В записке 1826 г. «О народном воспитании» напуганный или смятенный декабристским бунтом А.С. Пушкин написал следующее о роли воспитания на примерах истории: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. *История Государства Российского* есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требуют особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве»[13].

В ключевом вопросе о месте России во всемирной истории у Пушкина был также особый взгляд, который расходился с позицией, скажем, его друга Петра Чаадаева. Как известно, Чаадаев сформулировал историософский приговор России: «…мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим … ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось»[14]. Источник сделанного Чаадаевым вывода крылся, однако, в его оценке не прошлого, а настоящего России. «Для Чаадаева мысль о принципиальном и роковом отличии России от Европы – конечный вывод. Для Пушкина – лишь промежуточный тезис», – пишет Л.Г. Березовая. – «В его картине мира самым парадоксальным образом совместились две противоположные, казалось бы, ценности, названия которых он нередко писал с большой буквы: Империя и Свобода. Великие идеалы империи воплотились для Пушкина в истории России, в величественном образе Петра, в идеалах Отечества. Но они соразмерны столь же основополагающим принципам индивидуальной человеческой свободы, реализуемой в согласии с историей своего Отечества»[15].

Рассматривая вклад и роль великого поэта в развитие национального самосознания, невозможно обойтись только историческим контекстом, как это мы сделали с Ломоносовым и Карамзиным. Эти два имени-гиганта остались с нами главным образом как поводы для изысканий и для юбилейных торжеств, а Пушкин есть живая народная память. Если говорить о подлинном имени России, то это, конечно, Александр Сергеевич Пушкин. То, что Александр Невский

и Петр Столыпин оказались выше местом в телевизионном голосовании российской аудитории начала XXI в., это – не только результат манипулирования, но, возможно, и отражение тех взлетов и падений значения Пушкина в истории Отечества, которые связаны с ценностными изменениями в национальном самосознании.

Известно, что гибель Пушкина была воспринята русским обществом как национальная трагедия. Но уже спустя десятилетие после смерти и вплоть до речи Ф.М. Достоевского на пушкинском празднике 1880 г. имя поэта не было среди первых имен национальной культуры. И только Достоевский напомнил и убедил общественность России, что «Пушкин есть пророчество и указание» на возможность нового национального самосознания, которое не противополагает себя другим народам, а – напротив, обладает «всемирной отзывчивостью», «вбирая в себя все мировые культурные и нравственные ценности, а потому равноправно и равнозначно с другими составляет единую ткань мировой культуры»[16]. Затем весь Серебряный век прошел под знаком имени Пушкина, которое стало одним из объединяющих культурно-символических стержней для русских эмигрантов. Пушкин с его русским языком и православие держали целостность российского зарубежья, несмотря зачастую на глубокие расхождения среди эмигрантов.

В советской официальной трактовке Пушкин сначала был свергаемым анахронизмом, а затем изображался жертвой самодержавия и гениальным повесой. Едва ли кто в СССР мог назвать Пушкина своего рода выражением глубинных представлений народа о самом себе. А на самом деле это было именно так, и вполне справедливо составитель произведений Пушкина в цитируемой нами книжной серии заключает: «В сознании людей он сопряжен со сказочными героями, и сам охотно становится героем “историй” и анекдотов, не теряя ни своей величественности, ни философской глубины. Перед каждым человеком, как и перед нацией в сущности стоят очень простые вопросы: как сохранить человечность, на что опереться, как устоять перед натиском дьявольских, античеловеческих сил, надеяться ли на будущее? Природа “высших истин” такова, что они по сути *простые истины* – как раз те, что содержатся в гении Пушкина, в его поэтических образах. Ощущение их сложности возникает лишь потому, что следовать им *трудно*, но сами истины знают все. И если “титаны Возрождения” не обманывали, то человеческий дух перейдет от уныния, страха и уродства к олимпийской ясности и простоте, завещанной русской культуре Пушкиным»[17]. И, наконец, философ И.А. Ильин в статье 1937 г. «Пророческое призвание Пушкина» писал о его миссии: «Он дан был нам для того, чтобы создать *солнечный центр* нашей истории»[18].

* * *

Из пушкинско-карамзинской историософии возможны важные экскурсы и в современное понимание проблемы. Именно на примере Пушкина можно сделать вывод о *нецелесообразности жесткого деления наций на гражданские (политические, государственные) и культурные (этнические), а тем более представлять их казалось бы несовместимыми субстанциями*. Если с позиции определения членства такое разведение двух сообществ допустимо (например, литовские татары могут считать себя членами литовской гражданской нации и членами татарской этнонации, но не членами российской нации), то с точки зрения форм идентичности грань между двумя типами наций провести сложно и даже иногда невозможно. Различие между русским и российским, кастильским и испанским, английским и британским, ханьским и китайским трудно определить по причинам не только исторического, но также демографического и культурно-языкового характера. Напомним, что в иностранных языках русский и российский чаще всего обозначаются одним словом.

Во всех перечисленных случаях первое служит референтной культурно-исторической основой второго. Ясно, что без русского невозможно российское, как без кастильского невозможно испанское. В определенные исторические периоды эти культурно-этнические и государственно-политические субстанции разделить просто невозможно. В обыденном языке они часто тесно переплетены и взаимозаменяемы. Когда мы говорим «Англия» и «англичане», то имеем в виду чаще всего не историческую часть страны и «английскость», а Великобританию, ее народ и культуру в целом. *Исторически и ситуативно эти две формы дискурса и категории анализа обладают сложной динамикой и внутренними пересечениями*. Как может существовать в одном лице «поэт империи и свободы» (определение А.С. Пушкина, данное философом Г.П. Федотовым), так могут сосуществовать имперская и гражданско-политическая субстанции. Не говоря уже о том, что во времена Пушкина расовое и этническое начала не служили аргументами для определения русскости или иной этнической принадлежности. Этот вопрос трудно воспринимается из современности, но его необходимо разъяснять.

Есть еще одна важная тонкость в культурном багаже и в идентификации россиян. Великорусское, украинское, мордовское, татарское, чувашское и т.д. проникает в российское и при этом референтным компонентом, а не только главным словом остается *русскость*. Но русскость понимается как нечто надэтническое, ибо мощнейший и изначальный пласт этого понятия был связан с русским православием. Ныне покойный Патриарх Московский и Всея

Руси Алексий II говорил на этот счет следующее: «Само понятие “русскость” – не этническое, а сверхнациональное, культурное. Оно, может быть, и зародилось как национальное на киевских землях. Ведь, согласно древнерусским летописям, Русью в строгом смысле этого слова первоначально назывались только ближайшие к Киеву земли. Однако с течением времени это понятие стало универсальным. В русский мир вошли и другие народы, отличные по этническому признаку, однако русские по духу, по принятию православных ценностей»[19].

Об этом сложном содержании слова *русский* и о невозможности жесткого разделения *русский* и *российский* мною будет сказано в заключении. Сейчас же вспомним о «древних корнях» слова *нация* в русском языке (напомню, что в XVIII в. язык наш назывался *российским языком*). Поскольку мы придерживаемся дискурсивного подхода и для меня акт речи чрезвычайно важен, полезно проследить эволюцию гражданского российского национализма с точки зрения появления и употребления ключевого понятия «нация» и его производных.

Безусловно, *национализм – это прежде всего верхушечные идеологические дебаты вокруг категорий народа или нации как суверенов исторического действа.* Отметим, что слово «нация», встречавшееся в русском политическом лексиконе XVIII в., употреблялось преимущественно в дипломатической среде уже во второй половине XVII столетия. С правления Петра I этот термин укореняется в официальных текстах, а также на страницах публицистики, газет, художественных произведений, мемуаров и частной переписки. Как правило, значение слова «нация» было идентично значению понятия «народ».

Существование и достаточная степень укорененности представлений о едином народе, его правах и интересах есть свидетельство и даже суть раннего национализма. Если это так, тогда о чем вел речь будущий император Александр I в письме своему воспитателю и другу Лагарпу еще в 1797 г. «Мне думалось, – писал Александр, – что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ея сделаться в будущем игрушкою в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала существовать, как только конституция была бы закончена, и *нация* (курсив мой. – *В.Т.*) избрала бы своих представителей»[20]. О какой нации вел речь наследник престола? Конечно же, речь шла

Император Александр I
(художник В.Д. Боровиковский)

о российской или о русской нации, под которой понимались все граждане страны, и неважно, какое конкретное слово могло быть употреблено в данном случае – *русский* или *российский.*

Александр I не исполнил своих юношеских мечтаний государственного переустройства. Косное и сплоченное дворянство, военщина и бюрократия и общая отсталость страны не позволили это сделать. Но идея нации и понятие российского народа как общности, которая заслуживает своего представительства, нашли отражение в проектах соратников императора – М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева[21]. Как известно, Александр I после восхождения на престол делал попытки серьезных преобразований в Российской империи.

Задуманные и только частично осуществленные им реформы восходили к идеям Просвещения о справедливом государственном устройстве. Они предполагали расширение прав и свобод подданных и ограничение самодержавной власти. План нового конституционного проекта было поручено подготовить М.М. Сперанскому, человеку выдающихся способностей, выходцу из духовного сословия, которого иногда называют «Пушкиным в бюрократии». В конце своей карьеры Сперанский был избран действительным членом Российской академии наук и получил титул графа. В сравнительно молодом возрасте он оказался в высших кругах империи в качестве титулярного советника и заместителя министра юстиции. Им был подготовлен в 1809 г. «План государственных преобразований» – самый последовательный реформаторский документ раннего российского либерализма. После ссылки в Нижний Новгород, губернаторства в Пензе, генерал-губернаторства в Сибири Сперанский возвратился в Петербург и возглавил работу по составлению «Полного собрания законов Российской империи», выход которых в 1832 г. в 45 томах уже при другом правителе имел огромное значение для того, чтобы Россия воспринималась и даже становилась по своему устройству похожей на «политически регулярные» народы. И хотя Н.М. Карамзин вместе со многими другими представителями российской знати не принимали идеи и предложения «поповича» как разночинные и антидворянские, все же во многом они были созвучны общему тренду развития империи в первой трети XIX в.

Близкий к народной жизни, но с аристократическими замашками и совсем не вольтерьянец, Сперанский ставил своей целью найти формы правления, которые, как ему казалось, свойственны национальному пути развития. Он хотел усовершенствовать исторически сложившиеся в России основы правления, по его мнению, разрушенные в ходе преобразований Петра I и его последователей. В одном из своих ранних докладов он с иронией писал: «Государыня Екатерина Вторая, пленяясь понятиями философов, в то время в великой славе и во всей свежести бывших, вообразила народ российский довольно совершенным, чтоб допустить его к великому делу законодательства – хотела заставить черемис и остяков размышлять и умствовать»[22]. В другом трактате «О коренных законах государства» он писал: «Я не знаю, какие предположения имели российские государи от времен Петра Первого на счастье России, но их всегдашнее старание было дать сему царству все внешние виды монархического правления и удержать в своих руках все неограниченное самовластие… Как бы то ни было, но ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России»[23]. Сперанский имел в виду, что в стране нет единого

свода законов, что законы готовятся не теми, кто к этому специально подготовлен, что сами монархи, «не имея постоянного плана, действовали … по минутным вдохновениям», особенно не заботясь об «истинном образе правления». Признавая, что «в России государь соединяет в себе все роды сил; он есть законодатель, верховный судия и первый исполнитель своих собственных законов», Сперанский считал, что «понятия о конституциях… бесполезные, как и все теории, на грезах воображения взвращенные и никогда события своего не достигающие»[24]. Что действительно необходимо России, так это «Уложение», содержащие в себе «общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу».

Важное преимущество России перед Европой Сперанский видел в том, что русское правительство может сразу дать народу полную версию конституции, не дожидаясь, пока народ сам начнет отвоевывать свои права: «Конституции во всех почти государствах устрояемы были в разные времена, отрывками, и по большей части среди жестоких политических превращений. Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»[25]. Считая форму и упорядоченность превыше всего, Сперанский видел смысл задуманных им преобразований прежде всего в их системном характере.

Развитие представлений о государственном устройстве у Сперанского претерпело существенные трансформации сначала в сторону либерального и, скорее, европейского (прежде всего английского) варианта ограниченной монархии, а затем, уже при Николае I – в сторону осторожного охранительства и полицейщины. Нас в данный момент интересуют его ранние взгляды и деяния. То самое «Уложение», за которое готов был взяться Сперанский, по его мнению, «должно быть основано на существующих правах народа или по крайней мере должно предполагать их существующими». Устанавливая правовые отношения между гражданами, «тем самым врезывает оно во мнении народном самые права – а мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила конституции»[26]. Отсюда им формулируется одно из условий выработки и принятия «коренного закона государства», а именно, в составлении «Уложения» должно участвовать все государство. Он поясняет: «Во всех правильных монархических системах все коренные законы должны быть творением народа, ибо ни в одном из них без противоречия

Михаил Михайлович Сперанский
(репродукция фотоателье К. Буллы с литографии А.Э. Мюнстера)

предположить невозможно, чтоб народ доверил тому самому лицу определять пределы власти, для коего они полагаются»[27].

Нам важно отметить, что в политической философии Сперанского категория *народа* формулируется как самостоятельная субстанция и как «деятельная сила», которая составляет одну из основ государства. Это уже есть зачаточное представление о народе-суверене, о народе-нации. Положение о том, что «всякое правительство должно быть основано на общей воле народа», имело для тогдашней России фундаментальное значение. «Но когда государи перестали быть отцами их народов, когда народы познали, что они отделяют свои пользы от их благосостояния, и силы, им вверенные, не только обращают не для него, но часто и против его, они нашли нужным к общим условиям, на коих воля народа установила правительства и коих неопределительность подвергла их самовластию,

присоединить частные правила и точнее означить, чего именно народ желает. Сии правила названы *коренными государства законами*, и собрание их есть общее государственное положение, или конституция. Правительство, на сем основании учрежденное, есть или ограниченная монархия, или умеренная аристократия»[28].

Что есть народ для Сперанского и какими словами он его обозначает? Относя к российскому (или русскому) народу всех граждан империи и даже используя такую категорию, как «сограждане», он скептически относился к непросвещенному народу, каковыми были для него тогдашние россияне, а также к разного рода верхушечным экспериментам над народом и к навязыванию несвойственных его природе черт и нравов. В «Размышлениях о государственном устройстве империи» (1802) он писал: «Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предержащая быть ему повелит. Воссядет на престол дух сильный и предприимчивый, один из сих духов, что небо посылает на землю для преобращения судьбы царств, он пожелает народ грубый и упрямый одним махом передвинуть и поставить на той точке совершенства, к коей смежные государства веками доходили – и царство сие покроется всем блеском заимственного просвещения. Успехи войны и наружное сходство внутреннего устроения заставят возмечтать народ, что он все сделал, нарядившись в чужое платье и переменив внешний свой вид. С сего времени подражание войдет в свойство народа, и природная гордость северных обитателей обратится в тщеславие и напыщенную уверенность. Все займутся украшением поверхностей и, введя иностранные названия в образ правления, будут думать, что переменили самое существо его – позлатят цепи свои и нарекут себя свободными»[29].

В подтверждение того, что обозначения *русский* и *российский* были для него синонимичны, приведем один абзац из записки «О коренных законах государства» (1802): «Итак, вместо всех пышных разделений свободного **народа русского** (здесь и далее выделено мною. – *В.Т.*) на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и помещичьи… При таковом разделении народа в отношении к престолу, каким образом можно думать о каком-нибудь образе правления, каких-либо коренных законах – какие пределы можно положить между двумя сторонами, из коих одна имеет все роды сил, а другая не имеет ничего?.. И после сего мы думаем о грамотах **российскому народу**»[30].

Как отмечает автор вступительной статьи к тому избранных произведений М.М. Сперанского, вышедшему в серии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен

до начала XX века», В.С. Парсамов, программа Сперанского была эклектичной. «С одной стороны, она явно навеяна ему аристократическими идеями ограничения самодержавия, что является следствием его многолетнего вращения среди русской знати. С другой – она носит отчетливо либерально-демократический характер: отмена крепостного права и представление каждому способов "беспрепятственно пользоваться своими силами физическими, произведениями своего труда и своей степенью уважения в обществе"»[31].

Вступивший на престол Николай I, как и его предшественник, начал с реформ, но их главная цель заключалась в наведении порядка во всех сферах государственного управления. Законность он понимал не как систематизированное однообразие, а как юридическую категорию, регламентирующую права и обязанности. Российские императоры и правящая элита той эпохи не хотели никакого участия общества или «народа» в управлении государством, рассматривая реформы только как верхушечные инициативы. В этой ситуации М.М. Сперанский стал одной из символических фигур российского реформаторства, когда либеральные цели и проекты наиболее просвещенных умов и деятелей империи сталкивались с консервативными силами и, как правило, терпели историческое поражение. Главная причина заключалась в незрелости самого общества, в его неготовности принять реформы. И если есть в чем-то вина самого Сперанского, то только в том, что он переоценил нравственные и интеллектуальные силы народа. И все же идеями и делами М.М. Сперанского была продолжена линия «национализации» российского государства как по части утверждения представлений о суверенном и целостном народе, так и по части систематизации и распространения кодифицированных правовых норм и централизованного государственного управления.

Это дает основание сделать важный вывод относительно исторического периода от Петра I до Александра I, когда начался переход от иерархического (сословного) видения общества к понятию народа как нации. Как пишет Л. Гринфельд, «с момента "открытия народа" закончился период зарождения российского национального сознания. Когда XVIII век подошел к концу, матрица, на которой все будущие россияне строили свою идентичность, была создана, и чувство национальности родилось на свет. Это был трудный ребенок, но муки его рождения закончились, и ребенка уже нельзя было вернуть в материнское чрево. Отныне это обстоятельство будет определять ход российской истории»[32].

* * *

Первая половина XIX в. заслуживает упоминания еще одной примечательной фигуры в российской истории, также представ-

лявшей своего рода мейнстрим просвещенной части общества, но долгое время получавшей достаточно искаженную оценку в отечественной историографии. Речь идет о графе Сергее Семеновиче Уварове. Как и Карамзин, С.С. Уваров еще до занятия в 1833 г. поста министра народного просвещения имел связи с европейским консерватизмом и может быть отнесен к «просвещенным консерваторам». Однако российский историк А.И. Миллер вносит резонную поправку в эту оценку, считая более адекватным определение этого идеологического направления как «реформистский консерватизм», т.е. «не исключающий изменений и реформ, но планирующий их, опираясь на иные принципы, нежели уходящий корнями в Просвещение либерализм»[33]. С.С. Уваров ввел известную триаду «самодержавие, православие, народность», в которой именно *народность* представляет для нас особый интерес. В последнее время о нем вышел ряд полезных трудов, в том числе монография американки Ц. Виттекер, а также работы А. Зорина и А.И. Миллера[34].

На Уварова сильное влияние оказали труды историка Н.Г. Устрялова. А.И. Миллер пишет: «Можно отметить несколько главных отличительных черт концепции Устрялова, которые представляли ценность для его патрона. Во-первых, он наиболее четко сформулировал задачи истории как истории национальной – в прямой оппозиции к Н.М. Карамзину, писавшему историю государства и династии. История государства у Устрялова оказывалась меньше истории народа, поскольку в течение длительного времени государство не включало Западной Руси, т.е. территории Великого княжества Литовского. В свою очередь, этот тезис позволил Устрялову дать новое историческое обоснование претензий на земли, аннексированные в ходе разделов Речи Посполитой, как на русскую национальную территорию, что соответствовало уваровской политике в этом вопросе. С тех пор тезис о принадлежности Малой и Белой Руси не только к империи, но и к русской национальной территории станет догмой российского национализма и останется неизменным вплоть до XX в. включительно»[35]. Устрялов, как и Уваров, не были увлечены идеями славянской общности и были более сосредоточены на русской нации и ее национальной территории. В понимании Устрялова успехи России «приготовляют русское царство к занятию почетного места в системе Европейских держав»[36].

Сам Уваров понимал, что правящая династия всегда будет сопротивляться «национализации» и в этом отношении «народность» ей не к лицу, ибо Романовы всегда подчеркивали свою «иностранность»[37]. «Для абсолютной монархии удобнее утверждать свою легитимность через идею о “божьем помазании”, нежели через национализм», – справедливо пишет А.И. Миллер[38]. Поскольку идея нации изначально была связана с принципом народного предста-

Граф Сергей Семенович Уваров

вительства, то она была чужда абсолютной монархии (в отличие от английского варианта ограниченного монархизма). Уже в первой половине XIX в. конфликт этих принципов вполне осознавался, различались лишь представления о том, как и какими методами следовало этот конфликт разрешать. «Национализация» династии, постепенная консолидация нации в ядре империи, тот или иной способ разрешения возникающего при этом конфликта между принципом самодержавия и представительным принципом – все это элементы общего процесса модернизации империй. Уваров понимал необходимость изменения механизма функционирования имперской власти и модели отношений центра и окраин. «Введя “народность” в формулу “триады” и оставив широкое поле для толкований, Уваров создавал (насколько это было возможно в николаевской России) пространство для общественной дискуссии об этом понятии… Национализм Уварова так же утилитарен, как религия и самодержа-

вие. Он должен обеспечивать целостность и стабильность империи, которая была для Уварова самым важным, хотя и не заявленным элементом его формулы. Пожалуй, самое верное – определить Уварова в качестве имперского идеолога и бюрократа, осознавшего важность русского национализма для будущего империи»[39]. Он ратовал за решение вопроса об утверждении России как зрелого европейского государства, чтобы «зрелость России» проявилась в ее праве на избирательность заимствований и самостоятельный выбор стратегии развития. Зорин осуждает Уварова и самодержавную власть за попытку «заимствовать цивилизационные достижения Запада в отрыве от породившей их системы общественных ценностей»[40]. В свою очередь, Миллер справедливо пишет, что все периферийные по отношению к Западу страны в своем стремлении «догнать Запад» занимались именно усвоением западных достижений при попытке сохранить собственные системы общественных ценностей и найти рецепты развития. Разница лишь в том, что одним это удавалось лучше, другим хуже.

Уваров утверждал зрелость и самостоятельность России, чтобы консолидировать региональные элиты империи, привить лояльность центру и уважение к русскому языку и культуре. Последние были далеко не в чести среди высших кругов российского общества, не говоря уже о немецкой элите и латышско-эстонском населении Прибалтийского края, позднее присоединенного к России. Уваров подчеркивал значение европейских источников образованности и культуры. В отчете Министерства народного просвещения за 1842 г. он писал: «Министерство руководилось одной главной мыслью… сохраняя все выгоды европейского просвещения, подвигнув умственную жизнь России вровень с прочими нациями, оно желало дать ей самобытность народную, основать ее на началах собственных и привести в соответствие с потребностями народа и государства»[41].

«Идеология Уварова принадлежит к числу первых попыток решить одну из ключевых задач догоняющего развития, а именно задачу вырваться из «временно́го туннеля», в котором общества запаздывающей модернизации должны были следовать за передовыми странами, копируя их. В этом отношении первая половина XIX в. была периодом большой неопределенности… Уваров видел Россию не отчужденной от Европы, тем более не враждебной ей, но ее неотъемлемой частью, «достойной идти *...рядом* с прочими европейскими народностями[42] (курсив Уварова). *Возможно, что сам термин народность и был синонимичен понятию, которым определялись часто европейские нации.*

Программа Уварова для западных окраин империи состояла в утверждении престижа русской культуры и подрыве конкурирую-

щего польского культурного влияния. «Речь шла о борьбе двух центров культурного и цивилизационного притяжения, об утверждении не только политической принадлежности западных окраин Российской империи, но и борьбе экспансионистских проектов строительства нации – польского и русского»[43]. Нет никаких свидетельств, что Уваров пытался осуществлять ассимиляторскую программу. Его непосредственная цель – аккультурация местных элит, в том числе и польских, с целью утверждения в их среде лояльности империи. В записке 1843 г. Уваров говорит о необходимости подавить в среде польской дворянской молодежи мысль о «частной народности и пустое стремление к восстановлению утраченной самобытности». Нужно, по его мнению, постепенно знакомить польское юношество «с русскими понятиями», сближать его с «русскими нравами»[44]. Это была новаторская политика, ибо при Александре I на западных окраинах проводилась политика полонизации и система образования была целиком польской. Как тонко подмечает Миллер, «можно уверенно утверждать, что к моменту, когда Уваров занял пост министра просвещения, число подданных царя, умевших читать по-польски, превышало число тех, кто умел читать по-русских»[45].

Уваров добился существенных успехов в этой ситуации. Ему было нужно в рамках общей модернизации империи переходить к более централизованной политике, опирающейся на бюрократию, а не на автономию традиционных элит окраин. Такая политика предполагала высокую степень национальной консолидации в ядре империи. Здесь проблемой становилась не только польская шляхта, но и балтийское дворянство, которое, хотя и было предано законному государю, тем не менее «мысль, что их мнимая национальность есть национальность *Германская,* сильно укоренилась между ними», а по этой причине, будучи «преданы государям, умственное равенство едва ли соглашаются признать в русских»[46].

Уваров «одним из первых в среде высшей российской бюрократии осознал значение национализма как новой идеологии и нового политического принципа»[47], делает вывод А.И. Миллер. В этой своей деятельности министр народного просвещения и президент Российской академии наук (этот пост он занимал с 1818 по 1855 г.) встречал противодействие как со стороны либералов, так и со стороны антиевропейски настроенных ультрапатриотов. Но он располагал выдающимися союзниками в лице историков Устрялова и Грановского. Он был связан с Пушкиным и Погодиным и по своему масштабу принадлежит к числу наиболее интересных идеологов русского национализма.

[1] *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 22–23.

[2] Там же. С. 26–27.
[3] Там же. С. 31–33.
[4] Там же. С. 34.
[5] Там же. С. 55.
[6] Там же. С. 42.
[7] *Кантор В.* «…Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историософские очерки. М., 1997. С. 92.
[8] *Ильин И.А.* Одинокий художник: Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. С. 44.
[9] Там же. С. 49.
[10] *Франк С.Л.* Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике. М.; СПб., 1999. С. 492. См. также: *Сурат И.* Пушкин о назначении России // Новый мир. 2005. № 6.
[11] А*лександр Сергеевич Пушкин*. Избранное. Т. 1 / Сост., автор вступительной статьи и комментариев Л.Г. Березовая. М., 2010. С. 29.
[12] Там же. С. 36.
[13] Там же. С. 63.
[14] *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 1. М., 1994. С. 323.
[15] А*лександр Сергеевич Пушкин*. Избранное. Т. 1. С. 46.
[16] Там же. С. 50.
[17] Там же. С. 54.
[18] *Ильин И.А.* Указ. соч. М., 1993. С. 68.
[19] Русскость – понятие сверхнациональное // Родина. 2007. № 7. Июль. С. 7.
[20] Цит. по: Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 159–160.
[21] См.: *Сахаров А.Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 299–300.
[22] *Сперанский М.М.* Избранное. М., 2010. С. 183.
[23] Там же. С. 207.
[24] Там же. С. 185.
[25] Там же. С. 313.
[26] Там же. С. 186.
[27] Там же. С. 187.
[28] Там же. С. 196.
[29] Там же. С. 217.
[30] Там же. С. 208–209.
[31] Там же. С. 30.
[32] *Greenfeld L.* Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambribge, MA. 1992 (Русский перевод см.: *Гринфельд Л.* Национализм: Пять путей к современности. М., 2009).
[33] *Миллер А.И.* «Триада» графа С.С. Уварова и национализм // Исторические записки Т. 11(129). М., 2008. С. 194. По этой проблеме см. также: *Султыгов А.-Х.* К вопросу о формировании российской нации в первой половине XIX века // Вестник российской нации. 2009. № 1(3), 2(4).
[34] В*иттекер Ц.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999; *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001; *Миллер А.И.* Указ. соч.
[35] *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 185.
[36] *Устрялов Н.* О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. С. 74.
[37] По этому вопросу см.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I: Материалы и исследования. М., 2002.
[38] *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 183.
[39] Там же. С. 186.
[40] *Зорин А.* Указ. соч. С. 367.

[41] Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1842 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Ч. XXXVIII/отд.1. С. 75–76.
[42] *Уваров С.С.* Избранные труды. М., 2010. С. 107.
[43] *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 191.
[44] *Уваров С.С.* Указ. соч. С. 124.
[45] *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 192.
[46] *Уваров С.С.* Указ. соч. С. 50–51.
[47] Там же. С. 193.

Глава 6

НАЦИОНАЛИЗМ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

> Всякая нация, как и всякий человек,
> не имеет более дорогих интересов,
> как свои собственные.
>
> *Фридрих Лист*

Мы не будем подробно прослеживать эволюцию российского национализма, а тем более – историю «партикулярных» (этнических и региональных) национализмов в дореволюционной России. Отметим только некоторые важные моменты в российском общественном сознании после Карамзина и декабристского движения. Фактически вместе с реформами Петра и творчеством Карамзина рождается дихотомия *русский – российский*, которая существует более двух столетий. Негативное отношение к возвеличиванию Карамзиным именно государства Российского как основы истории и к созданию им образа «европейского русского» как идеала развития выразили сторонники славянофильско-почвеннической традиции, которые были критиками реформ Петра и европейских ориентаций.

Известный славянофил, историк, поэт и публицист К.С. Аксаков писал в 1848 г.: «Литература наша, конечно, толковала и о России, но о России другой. Русские люди для нее не существовали: речь идет только о Россах; и этого бедного Росса, без всякого, конечно, сочувствия, которое невозможно, хвалят до невероятности… Состоит интерес в том, как Русская душа, попавшая в эту холодную область отвлеченной лжи и обезьянства, смутно сознает и ищет Русской земли, Русского народа, Русской жизни; как, наконец, от Росского и Российского переходит она к Русскому»[1]. «Да. Карамзин именно писал историю Государства Российского; он не заметил безделицы в Русской истории – Земли, народа. Заслуга его истории та, что она пробудила поневоле сочувствие публики к судьбам родной земли, сочувствие, неверно высказывавшееся, но, тем не менее, уже пробужденное; ибо темное Русское чувство лежит в нас, лежит возможность возникнуть в нас Русскому человеку, отказаться от публики и перейти к народу – а без того какой бы смысл имела для нас жизнь?»[2].

Страстно желавший сделать великого историографа своим союзником, К.С. Аксаков писал с некоторой долей фантазии, что Карамзин, «начав с Западными понятиями к истории, поклонник

Константин Сергеевич Аксаков
(литография, 1861 г.)

Государства, мало-помалу преобразовался сам Русской историей, учился у нее и пришел под конец к новым убеждениям, несогласным с прежними… Ненапечатанные сочинения, в которых именно выражается образ мыслей (к какому пришел Карамзин), сходный с современным Русским образом мыслей,– эти сочинения сделались известны очень недавно, по крайне мере многим из тех, которые уже крепко стали за Русское дело, в которых пробудилось Русское чувство, Русский дух и Русское направление.– В этих ненапечатанных сочинениях Карамзин задумывается над переворотом Петра, чувствует его односторонность, замечает, что он отделил нас от народа и, наконец, заступается за Русский образ и бороду, на которую нападал прежде»[3].

Почвеннический, антизападный, своего рода этнографический вариант национализма как альтернатива карамзинскому россий-

скому проходит через всю историю отечественных интеллектуальных дебатов. При этом диалог идет не только по поводу *русского* и *российского*. Этнонационализм прямо оспаривает само понятие национального применительно к стране и ее народу, ибо для этого течения отечественной мысли *национальной* является почва, а не государство. Это был тоже национализм, а точнее – дискурс национализма в его постоянно конкурирующем, но не всегда противостоящем варианте. По мнению В.К. Кантора, петровско-петербургская империя, упорядоченная екатерининскими реформами, пробудила к жизни гражданское сознание и вместе с ним собственных врагов: от Радищева и декабристов до Чернышевского. И найти контакт с разбуженными ею же началами гражданского общества империя не смогла. «Она стала искать иное решение вопроса бытия России – стала искать национального царства вместо Петербургской Российской Империи. Славянофильский пафос Александра III и Николая II очевиден»[4]. Более или менее единодушное восприятие Карамзина как живого явления современности обозначилось, пожалуй, только в момент празднования его столетнего юбилея в 1866 г. В речах и лекциях ряда выдающихся умов мы находим концепт «национального» в смысле российского. Эта линия восприятия и выражения сохранилась и стала более отчетливой в пореформенной России, включая употребление термина «нация», которым сам Карамзин не пользовался.

Языковед и литературовед Ф.И. Буслаев в работе «Письма русского путешественника» писал: «Если русская литература, со времен Петра Великого, довершая дело преобразования, имела своею задачей внести к нам плоды западного просвещения, то Карамзин блистательно исполнил свое назначение. Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным основанием, явить в себе русского патриота»[5]. Буслаев считал, что для Карамзина «достоинство нации – в ее способности стать на путь цивилизации». Развитие промышленности, торговли, культурных взаимосвязей – вот, по Карамзину, средства прогресса, способы сближения народов. Созданный Карамзиным образ путешественника, русского европейца, – это образ именно русского человека, но в идеале, в развитии.

Академик Я.К. Грот в очерке о деятельности и личности Карамзина, прочитанном в декабре 1866 г. на торжественном собрании Императорской академии наук, сказал следующее: «Что в жизни народов, в истории их образования может быть отраднее и многозначительнее появления подобных деятелей? Они составляют венец просвещения. Нация, могущая указать в своих летописях на такие лица, имеет право не отчаиваться в своем будущем»[6]. В тот же день в Актовом зале Московского университета историк С.М. Соло-

Академик Яков Карлович Грот

вьев изложил основную мысль труда Карамзина в славянофильском духе, но оставаясь в рамках широкого (неэтнографического) понимания русского: «Мысль русского человека, мысль Славянина должна была остановиться на том явлении, что из всех славянских народов народ русский один образовал государство, не только не утратившее своей самостоятельности, как другие, но громадное, могущественное, с решительным влиянием на исторические судьбы мира. Что такое племя, что такое народ без государства?.. Только в государстве народ заявляет свое историческое существование, свою способность к исторической жизни, только в государстве становится он политическим лицом, с своим определенным характером, с своим кругом деятельности, с своими правами»[7].

* * *

Реформы середины века, Крымская война и польское восстание 1863 г. ознаменовали решающую стадию в становлении российского национализма. При этом в лингвистическом выражении и, возможно, в смысловом отношении дискурс все чаще откликается на призыв Каткова, переходя от росса к русскому. Это был период распространения образования, расцвета отечественной прессы и более интенсивных связей между разными общественными группами. Это был период, когда, по словам Б.Н. Миронова, в России общность (в смысле – общинность) становилась обществом и когда обществу к февралю 1917 г. удалось установить контроль над государством[8]. Именно тогда *российская многоэтничная элита в постоянных дебатах и конкурирующих проектах сконструировала представление о нации как об интегрированной по государству общности*.

Такое представление, например, развивал издатель М.Н. Катков на страницах редактируемой им влиятельной газеты «Московские ведомости». Используя категорию «русская народность», он требовал признания ее исторических заслуг и придания ей статуса «политической национальности», которая автоматически должна быть

обязательной для всех граждан государства. В содержательном плане Катков высказывался не за этническое, а за национальное государство с единой системой права, образования и управления и с ограничением сословных прав. Катков и ведущая газета страны никогда не выступали с пропагандой русификации других народов, ибо считали, что *политическая национальность должна иметь полиэтнический и поликонфессиональный характер*. Это была позиция интеграции всех частей государства на основе правовой и гражданской унификации, и для «Московских ведомостей» категория *нации* имела прежде всего политико-географическое содержание.

Михаил Никифорович Катков

Интегрирующим началом русскости должно быть не столько православие, сколько русский язык, и тогда «русские подданные католического исповедания» должны были считать себя «вполне русскими людьми» (это касалось особенно части католиков-белорусов)[9]. «Катков сместил акценты лояльности внутри имперского патриотизма не с помощью замены его этническим императивом, но добавлением к понятию нации триады из династии, государственных сословий и монархии. Это предъявляло неслыханные доселе требования к политическим и интеграционным силам отсталого и гетерогенного царского государства. В итоге обе действенные силы, общество и “народность”, слились неразрывно в понятии “нации”»[10], – пишет немецкий историк А. Реннер.

* * *

Россия не оказалась в стороне и от идей экономического национализма, которые одним из первых разработал теоретик «промышленного воспитания нации», немецкий экономист Фридрих Лист. Его труд «Национальная система политической экономии» вышел в свет в 1841 г. Он противостоял крайне популярным тогда идеям фритредерства и так называемой классической политэкономии Адама Смита[11]. Напомним, что понимал под нацией Ф. Лист, и именно это понимание было позднее воспринято в России, как минимум,

частью ее правящей элиты. Лист отвергал «беспочвенный космополитизм, который не признает сущности национализма и не принимает в расчет национальных интересов», а также «разрушительные партикуляризм и индивидуализм, которые… рассматривают в сущности лишь частную промышленность в том виде, в каком она развивалась бы при свободе отношений в обществе, т.е. во всем человечестве, если бы оно не было расчленено на отдельные нации».

Как бы закладывая идеологию будущего объединения и внешней экспансии Германии, Лист писал во второй половине XIX в.: «Но между отдельным человеком и человечеством стоит нация с ее особенным языком и литературой, с ее собственным происхождением и историей, с ее особенными нравами и обычаями, законами и учреждениями, с ее правами на существование, на независимость, прогресс, вечную устойчивость и с ее обособленной территорией; образовавшись в ассоциацию посредством солидарности умственных и материальных интересов, составляя одно самостоятельное целое, которое признает авторитет закона, но в то же время, как целое, владея еще естественной свободой по отношению к другим подобного рода ассоциациям, нация при существующем мировом порядке не может обеспечить свою самостоятельность и независимость иначе, как собственными силами и своими частными средствами… Значительная населенность и обширная, снабженная естественными богатствами территория – вот необходимые признаки нормальной национальности; они составляют основное условие умственного развития, равно как материального преуспеяния и политического могущества»[12].

Нация для Листа – это страна, а *национализм – это политика обеспечения экономических и других интересов страны и ее народа*. Нисколько не сомневаясь в том, что Россия – это нация, т.е. национальное государство, Лист утверждал: «Всякая нация, как и всякий человек, не имеет более дорогих интересов, как свои собственные. России нечего заботиться о благосостоянии Германии. Пусть Германия занимается Германией, а Россия – Россией. Вместо того чтобы жаловаться, надеяться и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитические системы в огонь и поучиться на примере России»[13].

Как показало время, Лист во многом был прав. Благодаря таможенному протекционизму, ликвидации разнобоя денежных систем, железнодорожному строительству и другим реформам экономика объединенной Германии процветала. Национализм утверждался в этом имперском образовании, становясь, наоборот, примером для России. Одним из видных российских националистов – последователем идей Листа (русский перевод его трактата вышел

в 1891 г.) был министр финансов С.Ю. Витте. Еще в 1889 г. он опубликовал первую в русской литературе книгу о системе Листа, а в 1912 г. она была переиздана под примечательным названием «По поводу национализма». Вот что Витте писал о национализме в предисловии к этому изданию:

Немецкий экономист Фридрих Лист

«Преклоняясь перед многими мыслями Листа, который был как бы предтечей Бисмарка, я считаю этих двух деятелей истинными националистами. Однако новейшие течения показывают, что национализм может получать разнообразные формы и объем применения в зависимости от места, времени и степени культуры. Так, например, Бисмарк, объединив Германию и создав империю с резким выражением национализма и с министерством, зависящим лишь от императора, не считал препятствием к созданию "национального" государства: конституционную поместную автономию, веротерпимость по отношению подданных негосподствующего вероисповедания, даже нехристиан, равноправность всех граждан вне зависимости от вероисповедания и происхождения, установление отношений правительства ко всем гражданам и их между собою на основании незыблемых и одинаковых для всех законов и проч. Между тем многие из указанных явлений жизни Германской империи считаются иногда несовместимыми с национальными основами»[14].

Эта цитата примечательна во многих отношениях. Во-первых, Витте использует сами термины «национализм» и «национальное государство», хотя берет в кавычки слово «национальный», поскольку это была для того времени словесная новация: так условно начинали называть государства, проводившие политику нациестроительства (этот термин также еще широко не использовался). Во-вторых, Витте скрыто полемизирует с точкой зрения, согласно которой национальные государства должны иметь один центр без какой-либо автономии регионов, одну религию и сословную иерархию. Германия к тому времени была одновременно империей и утверждающимся национальным государством. Именно такой хотел видеть Россию граф Витте.

Вера Витте в национализм отражена в следующем абзаце его предисловия к вышеназванной книге:

«Мне полагается, что есть национализм здоровый, убежденный, сильный, а потому непугливый, стремящийся к охране плодов исторической жизни государства, добытых кровью и потом народа и достигающий этой цели; и есть национализм болезненный, эгоистичный, стремящийся, по-видимому, к той же цели, но как подчиняющийся более страстям, нежели разуму, нередко приводящий к результатам противоположным. Первый национализм есть высшее проявление любви и преданности к государству, составляющему отечество данного народа; второй составляет также проявление тех же чувств, но обуреваемых местью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах, диких для XX века».

Сергей Юльевич Витте
(фотоателье К. Шапиро, 1904 г.)

Далее Витте прямо пишет, что националистом первого рода был Бисмарк и что этот тип «более желателен для нашего отечества»[15].

Здесь мы переходим к важному положению о возможности *рассматривать империю и нацию не как два исторических антипода, а как две сосуществующих субстанции в сфере общественно-политического дискурса, а значит – как две сосуществующие реальности*. Именно этот взгляд может вывести длительные дебаты о форме и сущности отечественной государственности из методологического тупика. Однако сначала заметим, что пропасть между западниками и славянофилами далеко не столь глубока, как она иногда представляется современным интерпретаторам. Сторонники обоих течений общественной жизни были людьми европейскими и в то же самое время государственниками-националистами. Отметим только высказывания П.Б. Струве об Иване Сергеевиче Аксакове: «В публицистике Ивана Аксакова был свой лад и строй. Эта духовная музыка была гармонично проникнута двумя основными мотивами-идеями: идеей свободной личности и идеей себя сознающего и утверждающего народа, т.е. идеей нации (подчеркнуто мною. – *В.Т.*), в которую не может не быть погружена даже самая свободная личность… Все, в чем выражалась сила и величие нации – ее исторические достижения, духовные и государственные, ее

историческое призвание, – находило себе красноречивового истолкователя в Иване Аксакове»[16].

Подобным образом следует научиться отзываться друг о друге и нынешним идеологическим антиподам. Особенно это касается тех авторов расистского и неофашистского толка, кто сочиняет книги с кровожадным названием «Образ врага» и старается выловить среди российских академиков и политиков разрушителей российской государственности и американских шпионов.

[1] *Карамзин Н.М.* Pro et Contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб., 2006. С. 645.
[2] Там же. С. 652.
[3] Там же. С. 652–653.
[4] *Кантор В.К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008. С. 167.
[5] Карамзин Н.М. Pro et Contra. С. 660.
[6] Там же. С. 687.
[7] Там же. С. 235–236.
[8] *Миронов Б.Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX века): В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 522–528.
[9] Цит. по: *Сталюнас Д.* Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 577.
[10] *Реннер А.* Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. С. 460–461.
[11] Одно из первых исследований о Ф. Листе было выполнено американским политологом украинского происхождения Р. Шпорлюком: *Szporluk R.* Communism and Nationalism: Karl Marx and Friedrich List. Oxford, 1988.
[12] *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 152–153.
[13] Там же. С. 97.
[14] *Граф С.Ю. Витте.* По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // *Лист Ф.* Указ. соч. С. 259.
[15] Там же.
[16] *Струве П.Б.* Аксаковы и Аксаков // Славянофильство: Pro et Contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2006. С. 820.

Глава 7

«МНОГОНАРОДНОЕ» ГОСУДАРСТВО С «НАЦИОНАЛЬНЫМ ЯДРОМ»

> Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись.
>
> *П.Б. Струве*

Эта глава посвящена взглядам на проблему нации и национальной интеграции в Российской империи начала XX в. крупных российских политиков и ученых, чья деятельность захватывает также период зарубежной эмиграции, когда уже существовал СССР. Среди них Петр Николаевич Милюков, с именем которого связаны история отечественного либерализма в лице ведущей политической партии России того времени – Конституционно-демократической (кадеты), а также история российских революций и зарубежной эмиграции. Милюков – выдающийся историк, создавший труд «Очерки по истории русской культуры», который долгое время был недоступен отечественному читателю и который по прихоти издательства «Эксмо» был опубликован в России совсем под другим названием[1]. Анализ взглядов П.Н. Милюкова был сделан В.В. Шелохаевым, О.Ю. Малиновой, Т. Эммонсом, а его публицистика была проанализирована М.Г. Вандалковской[2].

Нам интересен этот деятель прежде всего как выразитель понимания основ российского государственного устройства в переломные два десятилетия начала XX в. Особенно – как выразитель трудно рождавшегося в России либерального национализма, для части представителей которого «нация» и «национальность» были понятиями различными, а по этой причине различными представлялись и две формы самосознания – «общественное» и «национальное». Сразу скажем, что это деление было далеко не самым удачным с точки зрения современного знания, оно отражало тогдашний уровень понимания этих вопросов. На завершении жизненной карьеры, уже в 1930-е годы, готовя юбилейное издание своего основного труда «Очерки по истории русской культуры», Милюков столкнулся с методологическими трудностями в определении категории

«национальность», которая изначально была для него равнозначна некой метафизической субстанции, сочетающей культуру, биологию и «месторазвитие». «Национальность» для Милюкова была что-то сродни расе, но только она была связана больше с социально-культурными и духовными факторами (язык, религия, «идеальные ценности», «национальная душа» и т.п.). Как пишет Т. Эммонс, «по общему названию первого тома – "Земля. Население. Экономика. Сословия. Государство" – можно судить, что Милюков все-таки собирался вернуться к темам "старого" первого тома, но окончательно застрял в поисках русского "этноса"»[3]. С нацией оказалось разобраться легче, и для Милюкова эта категория обозначала «совокупность граждан одного политического тела»[4] (очень близко якобинскому и даже современному пониманию).

Прежде чем перейти к разбору идейных позиций ученого, напомним, что начиная с революции 1905 г. Милюков был занят большой политикой, сначала как лидер кадетской партии, в 1917 г. как министр иностранных дел первого Временного правительства, а с октября 1917 по 1921 г.– борьбой против большевиков. Только после окончания Гражданской войны живший в Париже Милюков вернулся к творческой работе в области истории, частично пересмотрев свою концепцию истории России, о чем речь пойдет ниже. Отвлекаясь от общественно-политического дискурса эпохи начала XX в., напомним, что свой труд Милюков начал писать еще до революции 1905 г. Его обзор «русской цивилизации» вышел отдельным трехтомным изданием под названием «Очерки по истории русской культуры». Как пишет Эммонс, эта книга была самым популярным среди интеллигенции обзором русской истории и осталась таковой вплоть до революции 1917 г. Милюков не был сторонником тезиса, что русское участие в «семье европейских народов» началось с эпохи Киевской Руси. Поэтому он начинал изложение истории страны с Московского царства. Первый том книги был посвящен эволюции экономической, политической и социальной систем в российской истории, т.е. тому «базису», на котором строилась «надстройка» русской культуры. Милюков подчеркивал *совершенное своеобразие* русского исторического развития по сравнению с развитием Запада. «Европейское общество и государство строилось, так сказать, снизу вверх… У нас же, особенно в северо-восточной Руси, общество строилось сверху вниз». В России государство было *творцом общества*[5].

Это положение надолго вошло в интеллектуальный арсенал отечественной общественной мысли. Его уязвимость заключается в том, что и все другие общества, включая европейские, строились далеко не снизу, а были результатом целенаправленных усилий элит

Павел Николаевич Милюков

и властных институтов, а иногда общество по государству творилось «огнем и мечом» и внешними завоевателями. Однако вернемся к труду Милюкова, где помимо детального изложения ранних этапов человеческой эволюции и заселения человеческими популяциями евразийского пространства (этому посвящен весь первый том) он описывает важнейшие этапы культурной эволюции российского государства. Третий раздел первого тома специально отведен проблеме «происхождения национальностей». Наиболее древним, по его мнению, является деление человечества по анатомическим и физиологическим признакам, т.е. по расам; «деление человечества на национальности есть явление сравнительно недавнего времени. Национальности продолжают складываться в историческом периоде, складываются и сегодня. За исключением непримиримых “расистов”, можно считать общепринятым в науке мнение, что национальности не есть подразделение расы, а продукт социального общения, – притом продукт очень изменчивый и подвижный,– как изменчивы и условия этого общения. Расы составляют человеческий материал, на котором слагались национальности, но в состав каждой национальности входит обыкновенно несколько рас. Границы национальностей постоянно пересекают границы распределения рас»[6].

Вместе с тем, по словам Милюкова, подвижность национальности не следует считать безграничной. Оставаясь в течение ряда поколений в одной и той же географической и исторической обстановке, она может приобрести известную устойчивость своих социально-психических переживаний и даже своего внешнего облика. В известных случаях у национальности может сохраниться преобладание того или другого расового признака, отличавшего большинство в той среде, где эта национальность сложилась. О так называемом «национальном типе» Милюков писал следующее: «Я не решаюсь также делать попытки определения психического содержания, отличающего ту или иную национальность. Такие определения вошли обязательной составной частью в германскую

науку народоведения; ими много раз злоупотребляли даже в популярных работах по психологии национальностей. Национальности в целом придавались при этом главным образом черты, отличающие тот или другой ее класс или период жизни – исторический возраст, – или просто, наконец, наделяли данную национальность интеллектуальными, эмоциональными или моральными свойствами, общими самым разнообразным человеческим обществам. Это выходило иногда очень остроумно – и даже казалось очень глубоким, но научной основы для таких национальных характеристик не имеется никакой»[7].

Из этих рассуждений вполне ясно, что для П.Н. Милюкова «национальность» была тем, что современная наука называет этнической общностью (группой) или в российской науке это также может называться *этносом* и кстати той же самой *национальностью.* Другими словами, категория сохранила свое содержание с конца XIX в. в неизменном виде, хотя в последние годы претерпевает существенные изменения.

Милюков справедливо заметил, что в более сложных формах национальное самосознание развивается в эпоху территориального объединения наций, и особенно в тот момент, когда процесс этого объединения приводит данную национальную группу в столкновение с другими, которые отличаются по культуре, языку и другим характеристикам. В таком случае, считает Милюков, основными факторами осознания несходства становятся язык, а иногда и физический тип, но не всегда национальное самосознание привязывает само свое «инстинктивное чувство контраста» (! – *В.Т.*) именно к этим двум, наиболее коренным признакам отличия. «Наиболее легкий и элементарный прием социального мышления состоит в том, что сознание несходства прикрепляется к какому-нибудь более наглядному, но и более внешнему признаку. Племенная религия, расширяющаяся в национальную по мере территориального роста, обыкновенно становится первым таким признаком, на который опирается зарождающееся сознание племенного несходства; к этому признаку, по мере дальнейшего развития социального самосознания, приурочиваются и другие. Общественный и политический строй данной группы, ее нравственный облик, наконец, даже ее территория, все это становится под защиту религии в ее местной, национальной форме: все это объявляется “святым”… Религиозная окраска национальных отличий, их интеграция в национальном сознании под покровом религии, дает устанавливаемому таким образом национальному типу огромную силу распространения: здесь вступает в свою роль бессознательное подражание, ассимилирующее выработанному типу вновь присоединяемые областные группы. Национальное самосознание само является, таким образом, фактором, реализирующим свою идею»[8].

* * *

Во время пребывания в эмиграции П.Н. Милюков существенно пересмотрел свою трактовку российской истории. Центральным был вопрос о русском «своеобразии» и об отношении к евразийству, которое как течение русской зарубежной мысли появилось в начале 1920-х годов. Дело было в том, что евразийцы в своих писаниях ссылались на него как на теоретика русского своеобразия, и именно в этом, как писал Милюков, они ошибались. Он всегда выделял наряду с элементами своеобразия «элемент общности России с более счастливыми в культурном отношении странами. Европеизм с этой точки зрения не есть начало, чуждое русской жизни,– начало, которое можно только заимствовать извне,– но собственная стихия, одно из основных начал, на которых эта жизнь развивается, – насколько в ее «месторазвитии» даны общие Европе элементы развития. К этому представлению ведет и самый термин “Евразия”, если употреблять его научно, а не тенденциозно. Евр-Азия не есть Азия, а есть Европа, осложненная Азией»[9].

Милюков подверг критике евразийское движение, отвергая утверждения об особой евразийской цивилизации (сформированной в большей степени Азией, чем Европой), порицая его за мессианизм, за симпатии евразийцев к большевизму. Он подчеркивал изначально европейский характер российского прошлого: «Российская цивилизация действительно существует и ее основа БОЛЕЕ не может быть изменена. На самом деле, эта цивилизация – европейская. Это так по причине ее параллельного развития с Европой – а не с Азией – в ранние периоды, когда обычно закладываются основы национального характера. Она европейская вследствие ее победы над азиатскими элементами степи. Она европейская даже в ее сибирской проекции, потому что она принесла варварам и кочевникам элементы европейской культуры. Она особенно европейская в ее образованном классе, который был сформирован со времени Петра Великого и который внес существенный вклад в расцвет национальной творческой силы. Российская цивилизация есть европейская цивилизация, что доказывается демократическими устремлениями элиты ее образованного класса, русской интеллигенции, которая с конца XVIII столетия успешно боролась против крепостничества и самодержавия…»[10].

В своих дальнейших работах и публичных выступлениях Милюков утверждал, что эволюция русского общества прошла через те же этапы, что были пройдены другими «культурными странами Европы», но только ее развитие было более медленным, чем в западных странах. Другими словами, под своеобразием следует скорее понимать не цивилизационную инаковость, а тривиальную

отсталость. И в этом отношении российский опыт не был уникален: «[Своеобразие] проявляется в тех же чертах в той же Европе в возрастающей прогрессии по мере того, как от Луары и Сены мы переходим к Рейну, от Рейна к Висле, от Вислы к Днепру и от Днепра к Оке и Волге: т.е. в направлении *постепенной* смены морского климата континентальным»[11].

Желая доказать европейское происхождение русского народа, Милюков детально исследовал «месторазвитие» (этот термин он заимствовал у евразийцев) русской культуры, этнических и культурных истоков славян, их ранних миграций по восточной Европе и более поздней колонизации Сибири. Результатом его стараний был совсем новый первый том «Очерков» в двух частях (вторая часть вышла посмертно в 1964 г.), базировавшийся на огромной литературе по исторической лингвистике, физической антропологии и разным расовым теориям. Последняя глава второй части носит характерное название «Русский антропологический тип»[12]. Этот поиск «русского этноса» завел выдающегося историка в тупик, и к концу жизни Милюков защищал свою работу от использования ее в поддержку неославянофильства (евразийство плюс сталинизм). В процессе этой защиты он перешел от объективистских методологических подходов к вопросам культурной идентичности и культурного синтеза, к более сложному пониманию национального и интернационального, патриотизма и национализма.

П.Н. Милюков неоднократно обращался к проблеме соотношения национального и интернационального, ибо последняя категория оказалась в активном идеологическом арсенале советской власти. В недавно вышедшей книге под редакцией российской исследовательницы публицистики этого ученого и политика М.Г. Вандалковской[13] приведены его рассуждения об употреблении столь важных для политики и общественного сознания понятий:

«Почему мы осторожны в употреблении этого слова: национальный? Да потому, что оно многозначно и что под ним слишком часто провозилась – и еще теперь провозится – политическая контрабанда. Мы, конечно, не интернационалисты – в смысле идей классовой борьбы, возведенной в международный принцип… Но современная жизнь насыщена интернационализмом – в общеупотребительном смысле. Мы дышим интернациональной атмосферой. Наука и техника, искусство, религия, промышленность и капитал – интернациональны. Интернациональна вся современная культура. Это не значит, конечно, что культура эта космополитична, лишена национальных начал. Дело идет лишь о гармоничном сочетании того и другого. Русское искусство как раз счастливо разрешило вопрос о связи национального с интернациональным; доказательство – то международное признание, то всемирное влияние, которое имеет русское творчество.

…Это нездоровое состояние национального чувства, которое цепляется за прошлое и мешает свободе живого национального творчества, которое противопоставляет себя мировой культуре как нечто исключительное, которое странно связывает закостенелость в прошлом с мессианством, мы привыкли называть “национализмом”. Мы, таким образом, различаем между национальным и националистическим, между патриотизмом и шовинизмом. Мы хотим быть патриотами без шовинизма и национальными без национализма в указанном узком смысле…

Есть еще неудобство в неосторожном употреблении этого слова. Термин “национализм” можно произвести и от слова “национальность” и от слова “нация”. В стране, как Россия, это далеко не одно и то же. Мы все должны стремиться к созданию великой российской *нации,*– по необходимости многоплеменной, как многоплеменная швейцарская, американская нация. Национализм от “нации” есть наша надежда, цель наших стремлений. Но национализм от великорусской *национальности* противопоставляет себя национализмам украинской, еврейской, татарской и т.д. национальностей. В известном смысле все эти “национализмы” законны, но с их подчеркиванием вы никогда не дойдете до великого целого. И вы не можете поставить задачей великорусского национализма восстановление “колосса на глиняных ногах”, каким была централизованная Российская империя. Освободите слово “национальный”, “национализм”, от этих политических двусмысленностей, от ассоциаций, связанных с ними старым режимом,– и возражения против их употребления в политической номенклатуре прекратятся»[14].

Кстати, Милюков проявлял интерес и к политическому процессу государственного строительства в советской стране, заявив, что он сторонник федеративной республики, «потому что мы не видим другого пути к мирному восстановлению единого Российского государства и к последнему дружному сожительству народов в его пределах, кроме добровольного соглашения частей бывшей империи»[15].

* * *

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) был известным русским общественным и политическим деятелем, ученым – академиком Российской академии наук, публицистом, философом, активистом антибольшевистского движения в эмиграции. Его взгляды эволюционировали от марксизма к либерализму и консерватизму. Он был автором «Манифеста РСДРП», а затем стал идеологом Конституционно-демократической партии. С 1907 г. Струве возглавил редакцию научного, литературного и политического журнала «Русская мысль», участвовал в создании сборников, посвященных критике русской леворадикальной интеллигенции и написанных на исходе двух русских революций – «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). После Октябрьской революции он эмигри-

ровал и остаток жизни провел за границей. Наиболее полная биография П.Б. Струве была написана американским историком Р. Пайпсом и удостоена издания на русском языке[16].

Академик Петр Бернгардович Струве

Главной темой всего написанного Струве была тема культуры, которую он понимал как совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие. Культура всегда развивается и предполагает непрерывность развития и ее индивидуальность, которую как раз и олицетворяет нация. «В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния»[17]. Культура – явление сугубо национальное, а нация есть культурный феномен. В свою очередь, нация связана и обретает силу и возможности развития в рамках определенного государства. «Своей высшей мистичности государственное начало достигает именно тогда, когда сплетается и срастается с национальным. Спаянные в нечто единое, эти начала со страстной силой захватывают человека в порывах патриотизма»[18].

Струве осознавал, что России требуется модернизация по западному образцу, поэтому он ориентировался на опыт развитых стран Запада, включая их опыт нациестроительства. На Западе наиболее эффективной оказалась национальная форма государства, т.е. когда в основу государства и источника власти была положена идея нации, понимаемой как гражданское, историческое и культурное целое. Поэтому, чтобы конкурировать с другими великими державами на равных, необходимо было принять западную модель национального развития, подразумевавшую построение нации и национального государства. В нации как таковой российские либералы находили прогрессивное и созидающее начало. Хотя Струве не отождествлял нацию с этнической общностью, связь между этими двумя формами социального бытия им осознавалась. Но самое важное – это как Струве видел суть самого государства Рос-

сия с точки зрения ее национальной (или многонациональной?) сущности. Для него Россия была «национальной Империей». Вот как он объясняет смысл этого термина в статье «Великая Россия и Святая Русь»: «Россия есть государство национальное. Она создана развитием в единую нацию русских племен, слившихся с собой, претворивших в себя множество иноплеменных элементов. Ход развития и сложения России есть весьма характерный случай тесной связи между государственным и национальным развитием. В государстве складывалась и крепла нация и нацией скреплялось и расширялось государство». Русское национальное ядро росло за счет расширения, а не уплотнения. С «иноплеменными элементами» в одних случаях устанавливалась чисто или преимущественно государственная связь, в других – государственно-культурная, ведущая к полному «обрусению» инородцев; было и множество промежуточных форм. «Таким образом, географически расширяя свое национальное ядро,– продолжал Струве,– русское государство превратилось в государство, которое, будучи многонародным, в то же время обладает национальным единством. Такого рода государственное образование мы называем Империей, когда этим словом выражаем особое понятие, имеющее свое собственное содержание»[19].

Струве был сторонником концепции «почвы»: он полагал, что принадлежность индивида к нации определяется той культурной традицией, в которой он проходит социализацию, поэтому в процессе нациеобразования особое значение имеет фактор культуры. Повышенное внимание Струве к феномену культуры можно объяснить тем, что он, воспитываясь в русской культуре, именно через нее идентифицировал себя как русский человек, несмотря на этнически немецкие корни. Приверженность Струве принципу «почвы» влияла на его видение этнических компонентов «большой русской нации». Струве допускал возможность вхождения в состав русской нации любых национальностей, пожелавших принять русскую культуру. Он был уверен в превосходстве русской культуры и в том, что большинство народов, уровень развития которых уступал уровню развития русских, захочет приобщиться к ней. В частности, поэтому он не видел поляков и финнов частью русской нации, поскольку уровень их культуры не уступал и даже в чем-то превосходил русскую. Русская культура для них не была настолько притягательна, чтобы ради приобщения к ней забыть о собственной. Струве полагал, что эти народы добровольно никогда не захотят стать частью русской нации, поэтому не желал их насильно принуждать к этому.

Поскольку, по мнению Струве, общей культуры достаточно для интеграции разных народов империи в одно национальное целое,

главной задачей в процессе национальной интеграции являлось приобщение этих народов к русской культуре, которая и станет главным скрепляющим механизмом нации и государства. Для достижения этой цели он не требовал от нерусских народов отказа от своей национальной самобытности и переплавления в новую этническую сущность. Наличия крепкой культурной связи, полученной путем процесса аккультурации различных этнических компонентов, с его точки зрения, будет достаточно для обеспечения единства нации и прочной связи периферии с ядром. Струве не отрицал, что рано или поздно, постепенно и безболезненно все равно произойдет ассимиляция как следствие аккультурации, но отнюдь не считал ассимиляцию первостепенной задачей.

Из всех работ Струве наиболее фундаментальным является его незавершенный труд, получивший название при его первой публикации в 1952 г. в Париже (уже после смерти автора) «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности». Во второй части книги в главе третьей «Первая русская республика и первая русская империя» автор рассматривает историю раннегосударственных образований на Руси (Пскова как города-государства, так и оставшегося республикой, и Новгорода как «города-государства, развернувшегося в колониальную империю»). Именно в этой части текста Струве обратился к понятию и проблеме империи и сделал ряд достаточно важных замечаний. «Империя есть всегда в каком-то существенном смысле единое и в то же время многонародное (многоэтническое и многонациональное) государство». Оно может родиться и в порядке завоевания и присоединения многих более слабых этнических групп и национальных государств, и в порядке относительно свободного развития национальных особенностей многих национальных (этнических) групп внутри данного государственного целого. Может в истории обнаруживаться и тенденция к имперскому единству многих государственных образований, существующих на единой этнической (национальной) основе. Этот случай имперского бытия, единонационального и многогосударственного, часто наблюдается в истории и как тенденция развития, и как осуществленный факт. «История “Империи” в этом случае сливается с национально-государственным объединением, и понятие империи тут естественно поглощается понятием национально-государственного объединения»[20].

Примером такого национального объединения Струве называет Италию и несколько более сложный случай объединения Германии. Что касается Древней Руси, то, по его мнению «сущест-

вовало во многих русских государствах некое этническое (национальное) и именно русское единство, делавшее возможной тенденцию к некому имперскому бытию и в то же время исключавшее какое-либо юридическое оформление этого имперского бытия. Существовало, кроме русского национального единства, единство княжеского рода – чуждого неславянского происхождения,– но быстро и окончательно ославяненного, это род и его представители, т.е. династия как-то тоже национально объединяла многие русские государства и тем самым являлась носительницей и фактором стихии и силы национального объединения. Как это ни покажется парадоксальным, мы скажем, что в так называемый удельно-вечевой период Русь была более национально единой, чем в эпоху так называемого "собирания Руси" под единой властью московских государей и под властью литовско-польских князей-королей, ибо это собирание сопровождалось, как мы покажем, для одной части России покорением этнически чужой государственности (литовской) и подчинением чужой национальной стихии (польской)»[21].

Это неожиданное опрокидывание в казалось бы доимперское и донациональное прошлое представлений об империи и о национальном нам представляется очень интересным. Прежде всего потому, что понятие империи в данном случае отрывается от сложившегося представления об этом историческом феномене на опыте Британской империи, а также допускается возможность исторического сосуществования имперского и национального, подвергая тем самым сомнению признанную стадиальную трактовку этих явлений. Как показывают работы академика П.П. Толочко о княжеской династии Рюриковичей в эпоху древнерусской государственности, это было действительно что-то наподобие «национально целого», когда по 20–30 князей совершали многонедельные поездки, чтобы собраться в одной из княжеских столиц и вместе погулять на чьей-то свадьбе или почтить своим присутствием возведение в княжеский статус нового правителя одной из культурно-родственных земель-государств[22].

* * *

Однако вернемся к вопросу об основах национальной интеграции в Российской империи в последние два десятилетия ее существования. Что должно было стать основой нации в этой огромной и разноязычной империи и какими методами можно было достичь этой интеграции. Интересно, что в этом вопросе позиция российских либералов сближалась с взглядами консервативных деятелей, которые видели в основе нации не только этногра-

фическую «почву», но и биологическую «кровь». Эту схожесь отметила в своем сравнительном анализе взглядов П.Б. Струве и М.О. Меньшикова – автор интересной статьи в журнале «Вестник российской нации» Анна Толстенко[23]. Напомним, что Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) был видным русским публицистом начала XX в. С 1901 по 1917 г. он печатал свои статьи на страницах суворинской газеты «Новое время». Меньшиков был одним из идеологов Всероссийского национального союза – первой русской националистической организации. Он был расстрелян большевиками по обвинению в монархическом заговоре и издании подпольной черносотенной газеты, призывающей к свержению советской власти.

При всей противоположности взглядов оба деятеля, в частности, считали частью процесса смены инородцами своей идентичности на русскую приобщение нетитульных народностей к русской культуре. «И иностранцы, и инородцы могут жить в земле нашей, но лишь под двумя условиями: или они должны быть временными гостями, не стесняющими хозяев ни количеством своим, ни качеством, или они должны усваивать нашу народную душу через язык, обычаи, законы и культуру нашу»[24], – писал Меньшиков. По словам Толстенко, «здравый смысл вынуждает Меньшикова забыть об объективной “русскости” в пользу субъективного желания стать русским, приняв русскую этническую идентичность. Если в теории он утверждал, что русским можно только родиться, то на практике признавал совершенно обратное – русским человеком может быть тот, кто хочет стать таковым, что не сильно отличается от позиции Струве по данному вопросу»[25].

Для интеграции разрозненных частей будущей русской нации Струве и Меньшиков признавали необходимость как аккультурации, так и ассимиляции. Для Струве первоочередной представлялась аккультурация, для консерваторов приобщение к русской культуре будущих элементов русской нации не представляло самостоятельной ценности, а была важна сама смена этнической идентичности. Справедливости ради следует сказать, что многие консерваторы и тот же Меньшиков были против насильственной русификации. Несмотря на то что только Струве признавал культуру в качестве фундамента нации, в конечном итоге оба деятеля придавали большое значение приобщению народностей империи к русской культуре и признавали необходимость культурной гомогенизации в стране.

Но у Струве были и принципиальные расхождения с взглядами того же Меньшикова, который выступал против культивирования на территории русского государства нерусских культур: «Если

Михаил Осипович Меньшиков
(художник И.С. Куликов, 1914 г.)

чужеземцы принимают огромную славянскую империю за питательный бульон для своих особых национальных культур, если они заводят особые, враждебные нам колонии, особые племенные сообщества, чуждаясь языка и духа русского, мы обязаны всемерно этому препятствовать»[26]. Кстати, и Струве стоял на великорусской и великодержавной позиции и был уверен, что русская культура должна быть единственной национальной культурой на всем пространстве национального государства; нерусские культуры хотя и могут развиваться, но только на уровне местных, областных[27].

Главную роль в процессе приобщения к русской культуре в ходе строительства «всерусской» нации и либералы, и консерваторы отводили русскому языку. Русский язык должен был обладать статусом единственного государственного языка. В начальной школе на русском языке должны обучаться дети всех национальностей. Струве писал об этом так: «Чем больше я размышляю на эту тему, тем яснее мне становится та роль, которую – при всеобщем обучении – может в культурно-национальном сплочении всех племен русского народа сыграть обучение в начальной школе на общерусском языке»[28]. Струве видел русский язык главным символом общерусской культуры, языком сплочения разных народов: «По своему культурно-историческому значению есть общий русский язык, есть “койнэ” всех русских народностей, входящих в состав Российской Империи»[29]. Он высоко оценивал ассимилирующий потенциал русского народа и считал русских достаточно сильными, чтобы ассимилировать разные народы безболезненно как для себя, так и для них. В основе этого лежала его уверенность в культурном превосходстве русских по сравнению с другими народами империи, за исключением поляков и финнов.

* * *

Струве, как и многие другие российские деятели, осознавал, что судьба нации зависит от государственных рамок, в которых она будет

развиваться. Поэтому следует обратить внимание на само государство, его институты, а также проводимую им политику обеспечения прав и свобод. Одной из особенностей видения Струве будущего российского государства была его жесткая приверженность принципу территориальной целостности, что отражает точку зрения правых кадетов, для которых единство и неделимость России были священным и незыблемым принципом. Пространство империи было для него столь же важно, как тело нации: уступка территорий равнозначна предательству национальных интересов и отщеплению части тела национального организма. Примером отношения либерала-националиста Струве и консерватора-националиста Меньшикова к принципу территориальной целостности может быть их отношение к Польше. Струве осознавал, что эта территория не приносит стране материальной выгоды, а поляки никогда не захотят стать частью русской нации, но он не мог допустить предоставления ей независимости. Меньшиков же считал бессмысленным удержание убыточных и к тому же опасных революционной заразой территорий, агрессивно нежелающих становиться русскими, поэтому ратовал за отделение Польши. С точки зрения типа государственного устройства, Струве и Меньшиков были противниками федерализма и выступали за унитарное централизованное государство, так как федерализм считали препятствием национальной интеграции, ключом к сепаратизму и государственному распаду. На примере Австро-Венгрии Струве доказывал неэффективность ее устройства и нежелательность применения подобного опыта в России[30].

В начале века фактически все основные политические силы страны выступали за ограничение самодержавной власти представительными органами по примеру европейских государств. Однако характер выборных институтов лидеры кадетов и консервативные силы видели по-разному. Струве не обращал внимания на вопрос этнического состава избираемых в общероссийский парламент. Зато Меньшиков уделял этому особое внимание. По его мнению, власть в государстве должна принадлежать только русским. В представлении Меньшикова «национальный» парламент был тождествен «русскому». Это мнение у него сложилось при наблюдении работы Государственной думы с национальными куриями. Он отмечал, что надежды на объединение различных племен страны путем участия в общем законодательстве не оправдались: «Общий парламент действительно объединяет инородцев – только не с господствующим народом. Они объединяются между собою»[31]. К сожалению, в этом заключении была своя правда: блокировка представителей меньшинств с целью отстоять свои права и даже иногда с целью переголосовать представителей этнического большинства имеет место

во все времена и во многих странах, что, однако, не есть аргумент в пользу этнически чистого парламента.

Как считает А.К. Толстенко, Меньшиков рассматривал парламент в качестве механизма национальной интеграции великороссов, тогда как для Струве он был механизмом интеграции великороссов с другими народами России. Струве полагал, что государство станет механизмом национальной интеграции в случае его демократичности, соответствия западным нормам, и ставил перед государственными институтами задачу интеграции русских со всеми остальными народами империи, которые войдут в нацию[32].

Важнейшим каналом влияния государства на процесс национальной интеграции должна была стать его правовая система. Струве видел правовое поле будущего национального государства единым. Он не делал различия между гражданами и подданными, считая гражданами всех подданных империи. По мнению Струве, способствовать интеграции всех народов России вокруг русского ядра призваны права и законность: «По отношению к нерусским народностям нам нужна не националистическая политика “Малой” России, отбивающейся от “инородцев” исключительными законами, а империалистическая политика “Великой” России, свободной и культурной, правами и законностью стягивающей все племена империи вокруг ее русского ядра»[33]. Свобода для Струве являлась одним из условий развития нации. Его национализм был не просто связан с либерализмом, они были тождественны, что раскрывается в его статье «В чем же истинный национализм?»[34]. Поэтому для него принципиально важным был принцип равноправия всех подданных империи. Неравноправие по какому-либо принципу, тем более этническому, Струве считал недопустимым и вредным. Распространение русской культуры на всей территории *национальной империи* должно было, по его мнению, происходить ненасильственно, без дискриминации людей, не принадлежащих к ней. Изучавшая эту проблему российская исследовательница О.Ю. Малинова пишет: «Нерусское население “национальных окраин” России должно иметь равные с этническими русскими права, ибо только отказ от насильственного национализма может обеспечить то, что казалось Струве главным для расцвета русской нации и государства, – свободную и органичную гегемонию русской культуры»[35].

Признавая необходимость равноправия для всех народов империи и недопустимость дискриминации по этническому признаку, он отвергал равноправие в сфере культуры. Он признавал право любых народов на свободное развитие собственной культуры, но считал, что культуры нерусских народов должны интегрироваться в рождающуюся русскую нацию. Всем нерусским культурам,

кроме польской и финской, он отказывал в статусе национальных, оставляя за ними лишь право считаться местными, областными. В результате такого подхода он выступил против самостоятельности украинской и белорусской культур. Как пишет О.Ю. Малинова, «он полагал, что этот процесс еще не завершен, что русская нация еще находится в процессе создания, и потому он особенно болезненно относился к попыткам подвергнуть сомнению факт наличия общерусской культуры. Отсюда – его яростное сопротивление украинскому партикуляризму, вызванное не столько политическими, сколько культурными соображениями. Струве решительно отказывал "малорусской" и "белорусской" культурам в статусе национальных»[36]. Итак, если во всех сферах Струве не считал нужным указывать на превосходство русского народа, то в сфере культуры он его всячески подчеркивал. Однако, несмотря на то что превосходство русской культуры подразумевалось им как данность, Струве не предлагал закрепить этот особый статус законодательно.

Важно отметить, что Струве и Меньшиков выступали за введение автономии, за широкое самоуправление окраин, но их мотивы были разными. Струве исходил из необходимости обеспечения прав и свобод для всего населения империи, независимо от их конфессиональной, социальной или этнической принадлежности. Меньшиков считал, что это выгодно прежде всего русскому народу: «Я лично убежден, что не инородцы нуждаются в автономии окраин, а Россия в ней нуждается»[37]. Кстати, и российские либералы не выступали за всю полноту политических прав и политическое самоопределение для нерусских народов. «Тезис правых либералов о державной государственной нации снимал с повестки дня вопрос о праве других народностей на политическое самоопределение. По их мнению, в рамках "единой и неделимой империи" между национальностями должно сохраняться и соперничество, и состязание, что позволит предохранить нацию от застоя и отвечает требованиям "национальной гигиены"»[38].

Струве не допускал абсолютного равноправия народов империи и не все права готов был предоставить нерусским народностям. О.Ю. Малинова утверждает: «Струве настаивал на необходимости признания равных прав нерусского населения империи, но, поскольку "Великая Россия" мыслилась им как государство с доминирующей русской культурой, он пытался, выдавая желаемое за действительное, отрицать развитие культур других народов в качестве *национальных,* объективно оказываясь "по одну сторону баррикад" с правыми националистами, настаивавшими на культурной дискриминации»[39].

Таким образом, несмотря на разные представления о процессе национальной интеграции, его реализация виделась видными рос-

сийскими политиками схожим образом. *Либерал Струве и русский националист Меньшиков признавали, что для создания национального целого необходимо крепкое государство, которое проводило бы политику приобщения инородцев к русской культуре и языку, что в итоге должно было привести к их постепенной ассимиляции с русским народом.* Национальная интеграция виделась Струве и Меньшиковым под главенством русской культуры и русского народа. У Меньшикова это главенство закреплялось за счет законодательного закрепления особого статуса русского народа. Он предлагал идти по пути принуждения, насилия, политического неравноправия. Струве также подразумевал господство русских в новом государстве, но он не предлагал закреплять это правовыми нормами.

Однако в целом, озабоченный проблемой национального и либерального возрождения русской, «имперской» нации, Струве главный акцент делал на культурной, а не на политической составляющей понятия «нация». Единство России, с его точки зрения, определяется доминирующим положением русской культуры, и угрозы гегемонии этой культуры представлялись ему более опасными, чем возможная федерализация государственного устройства. «Русская культура, конечно, неразрывно связана с государством и его историей, – писал он в 1911 г., – но она есть факт в настоящее время даже более важный и основной, чем самое государство… Россия потому не может не быть национально-русским государством, что единой русской нации историческим ходом вещей предуготована не только политическая, но и культурная гегемония в России»[40]. О.Ю. Малинова, которая выполнила сравнительный анализ взглядов Струве и Милюкова, сделала следующий вывод о судьбе «национального» в поздней империи Романовых: «В начале XX в., как и в его конце, Россия переживала очень ответственный этап “национального строительства”. Либеральная мысль в яростных спорах пыталась найти решение непростых проблем, поставленных ростом национального самосознания народов, входивших в состав России, развитием народного представительства, обострением вечной проблемы “цивилизационной принадлежности” на новом витке модернизации, усложнением международной обстановки. Русские либералы, поддерживая принцип самоопределения наций, не трактовали его в смысле государственного отделения. Все они стояли на позициях либерального империализма; они считали непреложным сохранение территориальной целостности России, однако вместе с тем они предлагали национальную политику, опирающуюся на принципы равноправия граждан и культурного самоопределения национальностей[41].

Изложенные выше теории и проекты выдающихся россиян либерального и консервативного толков, несмотря на принципиальные

разногласия их авторов, представляли собой альтернативу политике самодержавия, но в ту эпоху эта альтернатива не была реализована.

[1] *Милюков П.Н.* История русской нации. М, 2008.
[2] *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; *Малинова О.Н.* Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). М., 2000; П.Н. Милюков: «Русский европеец». Публицистика 20–30-х годов XX века / Отв. ред. и сост. М.Г. Вандалковская. М., 2012; *Эммонс Т.* Проблема «Россия и Запад» у М.И. Ростовцева и П.Н. Милюкова после 1917 года (рукопись). См. его же статью: *Emmons T.* The Problem of «Russia and the West» in Russian Historiography (with special reference to M.I. Rostovtsev and P.N. Miliukov) // The Cultural Gradient: the Transmission of Ideas in Europe, 1789–1991 / Ed.C. Evtukhov and S. Kotkin. N.Y., 2003. P. 95–108.
[3] *Эммонс Т.* Указ. соч. С. 9.
[4] *Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 121.
[5] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1: Население, экономический, государственный и сословный строй. Введение: общие понятия. М., 1918. С. 138–139, 148–149.
[6] *Милюков П.Н.* История русской нации. С. 39.
[7] Там же. С. 41.
[8] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Юбилейное издание. Т. 3: Национализм и европеизм. Париж, 1930. С. 17–18.
[9] *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры. Юбилейное издание. Т. 3. С. 5–6.
[10] *Miliukov P.* Eurasianism and Europeanism in Russian History // Festschrift Th.G. Masaryk zum 80. Geburtstage: Erster Teil mit einem Bild. Bonn, 1930. S. 225–236.
[11] Цит. по: *Эммонс Т.* Указ. соч. С. 7.
[12] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. I. Ч. 1: Введение, месторазвитие, начало культуры, происхождение национальностей. Paris, 1937. Ч. 2: От предыстории к истории / Под ред. Н.Е. Андреева. The Hague, 1964.
[13] П.Н. Милюков: «Русский европеец». Публицистика 20–30-х годов XX в. / Сост. М.Г. Вандалковская. М., 2012.
[14] Там же. С. 32–33.
[15] Там же. С. 33.
[16] *Пайпс Р.* Струве. Биография: В 2 т. М., 2001.
[17] *Струве П.Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 67.
[18] Там же. С. 68.
[19] *Струве П.Б.* Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 176–177.
[20] *Струве П.Б.* Избранные труды. М., 2010. С. 244.
[21] Там же. С. 244–245.
[22] См.: *Толочко П.П.* Древнерусская народность. Воображаемая или реальная. Киев, 2010.
[23] *Толстенко А.К.* Национальная интеграция российского государства глазами П.Б. Струве и М.О. Меньшикова // Вестник российской нации. 2012. № 1(21). С. 116–134.
[24] *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. М., 1999. С. 391.
[25] *Толстенко А.К.* Указ. соч. С. 121.
[26] *Меньшиков М.О.* Указ. соч. С. 391.

[27] *Струве П.Б.* Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. № 1. С. 66.
[28] *Струве П.Б.* Несколько слов по украинскому вопросу // Русская мысль. 1913. № 1. С. 11.
[29] *Струве П.Б.* Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. № 1. С. 66.
[30] Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 236.
[31] Там же. С. 22.
[32] *Толстенко А.К.* Указ. соч. С. 126–127.
[33] *Струве П.Б.* Балканский кризис и исторические задачи России // Русская мысль. 1912. № 12. С. 159.
[34] *Струве П.Б.* Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 21–22.
[35] *Малинова О.Ю.* Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). М., 2000. С. 135–136.
[36] Там же. С. 139.
[37] *Меньшиков М.О.* Русское пробуждение. М., 2007. С. 188.
[38] Модели общественного переустройства России. М., 2004. С. 260.
[39] *Малинова О.Ю.* Указ. соч. С. 145.
[40] *Струве П.Б.* На разные темы… Что же такое Россия? // *Струве П.Б.* Patriotica… С. 286, 287.
[41] *Малинова О.Ю.* Указ. соч. С. 179.

Глава 8

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ*

> Мы все должны стремиться к созданию великой российской нации по необходимости многоплеменной, как многоплеменная швейцарская, американская нация.
>
> *П.Н. Милюков*

Период XV–XVIII вв. – время формирования огромного по территории и сложному по составу населения Российского государства. Важный вопрос для науки – это трактовка присоединения народов и территорий к России, характера отношений центрального правительства с этнической периферией и взаимодействия разных групп населения. В современной историографии можно отметить отказ от прежних подходов, воплощенных в концептах «тюрьмы народов» и «добровольного вхождения». Историки больше учитывают и различают добровольные и насильственные формы присоединения как две вполне легитимные и распространенные формы поведения государств той исторической эпохи. Хотя рецидивы старых взглядов встречаются и в наши дни, но, скорее, как инерция политической целесообразности, а не как академическая версия[1].

Важную роль в появлении самой возможности для формулировки новых интерпретаций в отношении раннего периода взаимоотношений Русского/Российского государства с аборигенным населением Сибири сыграло обращение к богатым федеральным и областным государственным архивам. На региональных материалах глубоко анализировали события XVII–XIX вв. такие исследователи, как Л.П. Потапов, Н.П. Егунов, А.П. Уманский[2]. Постепенно накапливался материал для более широкого рассмотрения политических, социальных, культурных взаимоотношений аборигенов с пришлым населением, с центральной властью. Это позволило в конечном итоге предложить периодизацию эволюции правового статуса и административного положения инородцев с учетом постоянно трансформировавшейся государственной политики.

---

* Глава написана в соавторстве с В.В. Трепавловым.

Несмотря на некоторые различия, в целом все авторы едины в выделении трех крупных этапов: 1. Конец XVI – начало XVIII в. – прямое колониальное управление, при котором взаимоотношения аборигенов с центральной властью характеризовался одним понятием – ясак; 2. 1720–1820-е годы, когда происходит активное вмешательство государства в область общественных отношений, усиливается духовно-идеологическое влияние и можно говорить об установлении правовых методов в практике взаимоотношений государства и аборигенов; 3. 1822–1917 гг., когда унификация в области правового плюрализма привела в итоге к возобладанию русификаторских тенденций, к окончательной ликвидации особых инородческих «прав состояния»[3].

Более радикально писал о поглощении народов Северо-Западной Сибири государством известный историк-этнолог А.В. Головнев. А именно такое поглощение шло путем военного (XV–XVI вв.), ясачно-административного (XVII в.), конфессионального (XVIII в.) и правового (XIX в.) захвата их нормативной структуры, результатом чего стала стагнация и последующая деградация традиционной культуры в целом[4]. В последние годы появились работы, в которых авторы пытаются рассматривать социально-административное устройство народов Сибири как систему с разнонаправленными векторами действий. По мнению А.Ю. Конева, в результате осуществления государственной политики в отношении аборигенных народов последним постепенно удалось занять свою, вполне определенную нишу в системе административно-экономических и социальных связей Российского государства[5]. Не только анализ официальной стороны взаимоотношения власти и аборигенов привлекает исследователей. Они все чаще начинают обращаться и к осмыслению общественной мысли того периода[6]. Можно ожидать появления новых работ, поскольку последнее десятилетие обогатило нас, в частности, знаменитой «Историей Сибири» Г.М. Миллера (были не только переизданы первые два тома, но и впервые увидел свет третий том этого уникального труда[7]), а также серией публикаций источников из российских архивов по истории Сибири и Аляски[8].

Меняется и общественно-политический контекст исследуемой темы. Юбилеи «добровольных вхождений» после некоторого перерыва в 1990-е годы вновь стали отмечаться в российских республиках в начале XXI в. Так, на 2007 г. пришлась целая череда подобных празднеств. 450-летие «добровольного вхождения в состав России» отмечали в Адыгее, Башкирии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, 300-летие – в Хакасии; в 2008 г. отмечалась соответствующая годовщина в Удмуртии (450 лет), затем – Калмыкии (400 лет); в 2001 и 2002 гг. – в Чувашии и Марий Эл. Послед-

ние празднества – 1000-летие воссоединения Мордовии с народами России было концептуально оформлено наиболее корректно.

Отметим также, что вопрос о трактовке событий, связанных с вхождением в состав России, претерпел радикальные ревизии в современных историографиях стран СНГ, Грузии и Прибалтики, где местные национализмы основываются на обосновании исторической автохтонности, культурной самобытности и исторической значимости титульных народов-наций. Это достигается в том числе и с помощью конструирования негативного образа России, «поработившей» и затем «угнетавшей» присоединенные страны. Россия – это колониальное государство, агрессивная и эгоистичная империя, которая постоянно подавляла и подчиняла более слабых соседей, навязывала им свое устройство и образ жизни. Период «русского владычества» преподносится как время оккупации или колониального угнетения.

Напомним, что в ранней советской идеологии и историографии культивировалось представление о Российской империи как о самодержавно-крепостнической деспотии, обители тирании и реакции, тюрьме народов и т.п. Порождением такого подхода была концепция «наименьшего зла», по которой вхождение в состав России имело для народов менее негативные последствия, чем пребывание в составе других держав (имелись в виду Турция, Персия, Китай, Польша и проч.). В некоторых постсоветских государствах эта теория сейчас получила вторую жизнь, но с обратным знаком: вхождение в состав России было как раз бóльшим злом. В частности, это характерно для украинской и грузинской историографии.

Ситуация в историографии российских республик не столь острая. Обвинения «России-завоевательницы» высказывались националистически настроенными публицистами и общественными активистами, но не действующими политиками или профессиональными историками. И все же время от времени поднимается вопрос о жестоком штурме Казани Иваном IV в 1552 г. (с 1990 г. в Татарстане 15 октября отмечается День памяти), культивируется чувство обиды и несправедливости из-за утраты татарами своей государственности, колонизации русскими Поволжья, христианизации части населения и преследования ислама.

* * *

Каковы наиболее объективные трактовки истории российской колонизации в ее восточном направлении в соврменной отечественной науке?

Монгольское завоевание в первой половине XIII в. привело к значительным переменам на этнической карте Восточной Европы.

В этой части Евразии образовалось удельное ханство Монгольской империи – Улус Джучи (Золотая Орда), которое с конца 1260-х годов превратилось в самостоятельное государство. Нашествие монголов привело к массовым миграциям и перемешиванию тюркского и славянского населения. Однако еще с домонгольских времен сложилось полиэтничное население русских земель. Во владимиро-суздальских пределах проживали группы мордвы и мещеры, в новгородских – широко расселившиеся по тайге и тундре пермяки, лопь, корела, часть самоедов. Продолжалась постепенная славянизация населения внутренних областей региона, в частности, славяно-финское этническое взаимодействие. Еще в XVI в. в окрестностях Москвы существовали двуязычные деревни.

Со второй половины XIV в., с началом в Орде междоусобных войн, «Русский улус» стал восприниматься не только как источник дани, но и как ордынское владение, в котором можно осесть вдалеке от политических потрясений. Именно с конца XIV, на протяжении XV и XVI столетий происходило переселение высокородных выходцев из ханств и орд в русские земли. По мере ослабления Золотой Орды и усиления Московской Руси некоторая часть татарской знати (в том числе высшая – потомки Чингисхана) предпочитала сменить сюзерена – хана на великого князя. Со своей стороны и русское правительство использовало тюркских мигрантов для своих политических комбинаций в борьбе за ордынское наследство.

Между татарскими и русскими княжескими и боярскими родами заключались брачные союзы, а происхождение Рюриковичей, Гедиминовичей и Чингисидов признавалось равноценным. Не гнушались такими браками и в великокняжеских семьях: дочь Ивана III Евдокия вышла замуж за крещеного царевича Петра Ибрагимовича (выходца из Казани Худайкула), а Василий III женился на правнучке знаменитого Мамая Елене Глинской. К XVIII в. насчитывалось уже более ста двадцати дворянских родов, возводивших свои корни к ордынцам. Некоторые из них приобретали на Руси высокое положение благодаря происхождению от татарских ханов или ногайских беков (Глинские, Тенишевы, Урусовы, Юсуповы и др.); другие возвышались в результате придворной или военной службы (Апраксины, Нарышкины, Ртищевы, Языковы и др.).

Татары (их называли служилыми – подобно русским удельным князьям) были преданным орудием в руках московских великих князей и царей. Их подвижная, маневренная конница была в сущности постоянным конным войском, которое не требовало долгой мобилизации, в отличие от русского дворянского ополчения. Желательным условием для успешной карьеры в России выходцев из

татарских ханств и Ногайской Орды было принятие христианства. Переход в православную веру и сотрудничество с русской аристократией позволило тюркской служилой знати влиться в ряды высшей российской элиты.

Среди историков существует мнение, что переселенцы из татарских ханств искали на Руси убежища и защиты, сытой и безопасной жизни. Однако отношения между русской и ордынской сторонами были сложнее, чем простая смена подданства. Ведь великие князья московские до конца XV в. продолжали числиться ханскими вассалами-данниками. Установленная в XIII в. система ордынского подчинения сохранялась до рубежа XV–XVI вв. Любой Чингисид, отъехавший на Русь для поселения и прокормления, уже в силу своей принадлежности к царствующей династии Золотой Орды имел право требовать – и получал – соответствующую часть дани, а иногда и территорию, с которой собиралась эта часть в его пользу. Ордынская аристократия продолжала на Руси считаться правящей. В средневековых перечнях знати служилые ханы (цари) всегда назывались следом за московским царем и его детьми и впереди всей прочей русской аристократии.

2 октября 1552 г. столица Казанского ханства была взята войсками Ивана IV. По приказу царя были разрушены мечети, а уцелевшие татары покинули город. Но уже в декабре того же года население разгромленного ханства выступило против новых властей, началось истребление отрядов и гарнизонов «неверных». К 1557 г. вооруженное сопротивление в Среднем Поволжье было подавлено. Но еще десятки лет тлело недовольство. В движениях на территории бывшего ханства активное участие принимали марийцы-черемисы. Не случайно три антироссийских восстания второй половины XVI в. получили название Черемисских войн. Завоевание Иваном IV Казанского ханства оказало сильное влияние на народы Поволжья. Из покоренной волжской столицы царь направил в окрестные владения обращение с призывом, «чтобы шли к государю, не бояся ничего… а государь их пожалует, и они будут платить ясак (подать, дань. – *В.Т.*), как и прежним казанским царям»[9].

В присоединенных землях устанавливалась власть русских наместников-воевод, вводилась присущая Московскому царству административная система. В тех землях, что входили в состав государства добровольно, оставляли прежнее племенное устройство, но под верховенством царя и воевод. Отношения между Москвой и новыми подданными оформлялись особыми договорами-*шертями*. Чтобы утвердиться на Волге, правительство развернуло христианизацию края. Началось строительство церквей, и в Казани

возникла епархия (с 1589 г. – митрополия). Перешедшие в православие пользовались податными льготами. Это приводило к значительному росту прослойки «новокрещенов». Аристократия волжских народов была оттеснена от власти. Лишь на низшем уровне, в волостях, правительство сохранило татарских мурз, чувашских, марийских и удмуртских сотенных князей.

У башкир, которые, в отличие от казанских татар, вошли в состав России добровольно, местная верхушка поначалу оставалась в неприкосновенности. Этот народ занимал особое положение в Российском государстве. Башкирская знать получала от царей грамоты с подтверждением прав на наследственное владение своими землями в обмен на военную службу и уплату ясака. Подданство царю башкиры рассматривали как свой свободный выбор, как результат взаимного согласия с Москвой. Но во второй половине XVII в. стало ясно, что правительство и местные власти вовсе не рассматривают их как равноправных политических партнеров и союзников. На башкирских пастбищах и охотничьих угодьях появлялись русские деревни, произвольно менялись нормы налогообложения. Эти нарушения, вместе со злоупотреблениями воевод, вызвали череду восстаний в 1660-е годы. Народные движения удалось подавить, но недовольство тлело, и в следующем столетии вновь вылилось в мятежи.

Положение калмыков в России было сходно со статусом башкир. Они платили небольшой ясачный налог и отправлялись на войну по приказу из столицы. В 1664 г. правительство официально признало существование Калмыцкого ханства. Царь удостоил его лидера Мончака булавой и знаменем – символами государственной власти. Это вассальное государство располагалось по обеим сторонам Волги от Астрахани до Самары и Царицына, охватывая донские и уральские степи. В 1771 г. большинство калмыков откочевало на восток на когда-то оставленную родину в Центральной Азии («торгоутский побег»). Значительная часть их погибла в пути от болезней и стычек с казахами. Остальные были расселены китайской администрацией в провинции Синьцзян, на месте бывшей Джунгарии. Остатки населения Калмыцкого ханства на Волге занимали гораздо меньшую территорию на правобережье. Само ханство было ликвидировано, а его земли вошли в Астраханскую губернию. Теперь калмыки перешли под управление русских чиновников, хотя на низшем уровне сохранили самоуправление и традиционное деление на улусы, аймаки и хотоны. В XIX в. эти рудименты самостоятельности жизни сошли на нет.

В XVI в. на огромном пространстве между Уральским горами и Тихим океаном проживало множество разноязычных племенных

групп и образований. В основном это были малочисленные группы, селившиеся очень рассеянно. На площади 11 млн кв. км насчитывалось приблизительно 200–220 тыс. человек. Постепенно в Приуралье появлялись русские городки, селились крестьяне. Изобиловавшая пушниной Сибирь привлекала внимание политиков в Кремле. Между вогульской (мансийской) знатью и московским правительством начались переговоры о налаживании взаимоотношений. Русские воеводы совершили несколько походов в Северо-Западную Сибирь. К концу XVII в. в Сибири образовалось четыре воеводства с двадцатью уездами. Разряды и уезды управлялись воеводами, назначавшимися из столицы. Воеводы поддерживали мирные отношения с аборигенным населением на подведомственных землях, обеспечивали выплату ими ясака, пресекали злоупотребления низовой администрации, накладывали ясак на новые племена.

В самом начале проникновения в Сибирь государственная администрация игнорировала традиционное деление местных народов, за исключением нескольких княжеств бассейна Оби. Когда вновь построенные города, остроги и зимовья становились центрами уездов, то в одном уезде могло оказаться несколько родов, а один род мог быть расчленен между несколькими уездами. Но столкнувшись с проблемой рациональной организации ясачных выплат, правительство решило оставлять в неприкосновенности старые родоплеменные единицы. Они стали теперь ясачными волостями, т.е. административными округами; их границы совпадали с расселением родов и племен.

Населяя родовые земли в тайге и кочуя по тундре, занимаясь охотой и разведением оленей, ведя полностью независимое существование, народы более северных и восточных районов Сибири долго и тяжело встраивались в систему российской государственности. Сама организация их социальной жизни не предусматривала какого-либо подчинения верховному правителю. Невозможно было понять, почему род должен платить ясак далекому и неведомому «белому царю», посылать русским начальникам заложников. Здесь радикальное отличие от других регионов. Народы Поволжья (а также Южной Сибири и Центральной Азии) ко времени вхождения в состав России уже имели исторический опыт государственности. Следовательно, для них принцип подчинения вышестоящей вне- и надродовой административной структуре был не нов. Такого опыта не имела значительная часть населения Северо-Западной и все население Восточной Сибири (вплоть до Тихого океана), которое в XVI–XVII вв. находилось на догосударственной стадии социального развития.

Что касается коренного населения Западной Сибири, то здесь опыт собственной государственности позволял татарам и обским

уграм более адекватно воспринимать свой статус подданных. Зачисление представителей этих народов в сословие служилых политизировало их сознание. У них складывалось неоднозначное представление о своем положении в составе царства, затем – империи. С одной стороны, они уже идентифицировали себя как россиян, обязанных подчиняться царю. Уже в 1600 г. в ответ на обвинения в грабежах башкир тюменские служилые татары отвечали так, как и надлежало, чтобы отмести подозрения: «А нам… как сделать, что башкирцев воевать: все… мы люди государевы»[10]. С другой стороны, элита этих мест пристально следила за политическим состоянием государства и оценивала свои перспективы в соответствии с изменениями в этом состоянии. Мятежные антироссийские настроения проявились в Зауралье во время Смуты начала XVII в. Здесь, на территории бывшего Сибирского юрта, на протяжении десятилетий тлела идея альтернативного подданства Кучумовичам.

Межэтнические, межкультурные контакты в Сибири были довольно ограниченными и не повсеместными. Среди исследователей не сложилось единого мнения относительно развития этих процессов к востоку от Урала. Одни авторы считают, что в целом тесные контакты не были характерны для Сибири, другие видят предпосылки к широкой ассимиляции в XVIII в., когда с почти повсеместным окончанием активных военных действий «русское население выходит из-за стен острогов и широко расселяется рядом с коренными жителями». Основания для последней точки зрения имеются. С.П. Крашенинников побывал на Камчатке в 1737–1741 гг., т.е. всего через несколько десятилетий после присоединения полуострова к России, и характеризовал ительменов следующим образом: «…Ныне во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все… стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию»[11].

Контакты русского населения с местным в целом были мирными, исключая начальный период объясачивания и редкие выступления против засилья уездного мздоимствующего чиновничества. Близкое соседство и чересполосное расположение русских и аборигенных селений складывалось прежде всего вдоль крупных дорог и по берегам рек. В большинстве своем русские не вели себя как победители по отношению к «покоренным». Взаимные интерес и нужда во взаимной помощи позволяли устанавливать доброжелательные связи. В церковном послании 1622 г. отмечалось, что многие представители сибирской православной паствы «в постные дни едят мясо и всякие скверны с бусорманы, с татары и с остяки,

и с вогуличи вместе; и которые люди ходят к колмакам и в иние земли для государевых дел, и те пьют и едят и всякие скаредные дела делают с поганскими за один…»[12].

Но не следует представлять отношения пришельцев с аборигенами как постоянное дружелюбное сотрудничество. Если обратиться не к официальным русским документам XVII в. (донесениям воевод и казацких начальников), а к исторической памяти сибирских народов, отраженной в фольклоре, то картина получится менее благостной. Многие русские, особенно служилые, чиновники и купцы, относились к аборигенам как к людям низшего порядка. Их обманывали, обсчитывали, грабили. Не имея над собой полноценного государственного контроля, местные власти нарушали законы против дискриминации ясачных. Массовый характер приобрела практика «второго ясака» – сбора шкурок в пользу сибирской администрации и, разумеется, самих сборщиков. Росту злоупотреблений способствовало и то, что аборигены привлекали приказчиков и иногда воевод к разрешению конфликтов в своей среде, не довольствуясь нормами своих обычаев. Дополнительную напряженность вносили споры из-за земельных участков и промысловых угодий. В некоторых местностях добавлялись специфические проблемы – например, *бугрование*, т.е. целый промысел по расхищению древних погребений, что воспринималось, например, автохтонными жителями Кузнецкого края как кощунственное деяние. И все же пренебрежение, высокомерие не были присущи основной массе славянского населения края. *Мирное соседство обеспечивали многоукладность хозяйства пришельцев, охранительная политика правительства по отношению к ясачным, отсутствие социального барьера между последними и крестьянским большинством переселенцев.* Межэтнические контакты легче устанавливались в отдаленных местностях, где русские не могли рассчитывать на помощь администрации и больше зависели от сотрудничества с аборигенами.

* * *

На протяжении XVI–XIX вв. русские широко расселились по евразийскому пространству. Академик М.К. Любавский даже расценивал эту «территориальную экспансию» как смысл и содержание всей русской истории[13]. Первоначально пути миграций тянулись в восточном направлении: Поволжье, Приуралье, затем Урал и Сибирь. Западное направление пока было закрыто из-за тяжелых конфликтов с порубежными соседями в ходе Ливонской войны и Смуты. Позже переселенческие потоки устремились на юг (Кавказ, Малороссия, Новороссия), юго-восток (Казахстан, Центральная Азия) и запад (Прибалтика).

Объективно возникла необходимость контактов с местными народами. При этом сами русские не составляли гомогенную этническую структуру с общей для всех них идентичностью. Существовали специфические общности «внутри» русского населения на российском Севере (поморы) и Юге (казаки), а впоследствии также в определенном смысле в Сибири. Однако различия между ними являлись локальными вариантами одного цивилизационного, социально-культурного комплекса. Поэтому русская культура при всем своем региональном своеобразии приходила к нерусским народам приблизительно в одинаковых формах. Унификации ее при внедрении в среду «инородцев» способствовали, во-первых, значительная роль государства при заселении окраин; во-вторых, единство доминирующей православной церкви и христианского культа «греческого закона», в котором не допускались местные вариации; в-третьих, господство единого литературного русского языка, применявшегося в официальных документах и прочих произведениях письменной культуры. На вновь осваиваемые земли были перенесены начала корпоративности (включая крестьянские «миры», посадские и казацкие общины, купеческие сотни, государственную бюрократию).

В «Казанском царстве» второй половины XVI–XVII в. русские составили сплошной этнический массив вокруг Свияжска, позднее также около Тетюшей и по узкой береговой полосе вдоль Волги. На остальной территории они проживали чересполосно с местными народами. Не удалялись от Волги русские и в Астраханском крае. Они обживали речные берега, острова, протоки и рукава, а окрестные степи, неудобные для земледелия, оставались за кочевниками. В Приуралье их привлекали местности, пригодные для сельскохозяйственной обработки. Поэтому первые русские селения появились здесь в виде изолированных очагов земледельческой оседлости, особенно в среднем и нижнем течении р. Чусовой. Впоследствии зона расселения расширилась. Вообще при освоении Уральского региона пришлое славянское население, привлеченное почвами и лугами речных долин, тяготело к озерам и крупным рекам.

Размещение селений происходило с расчетом, чтобы не вызывать претензий со стороны иноэтничных соседей. Путешественник XVIII в. И.П. Фальк, описывая Поволжье и Прикамье, отмечал: «Деревни разных народов стояли рассеянно, вероятно, так, как они мало-помалу появились… Согласие этих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие-либо дела, и каждый класс (здесь: народ. – *В.Т.*) имеет чаще вражду между собою, чем с другими»[14]. Чем дальше

на восток, тем все большие просторы открывали для себя переселенцы при выборе места жительства и хозяйствования. Правительство указывало на это обстоятельство, призывая не ссориться из-за земли: «…порожних земель и всяких угодий много, мочно и не на спорных местех слободы и пашенных крестьян строить, только бы было радение»[15].

Случалось, что привлеченные богатством угодий русские селились в непосредственном соседстве с коренными жителями, а иногда и в их деревнях – или вперемешку, или отдельно (существовали, например, мордовские и мансийские деревни с русскими «концами»). Проявлением переплетения исторических, культурных, хозяйственных традиций служило размещение новоселов на старых заброшенных городищах, т.е. в местах, уже облюбованных давними насельниками. Многие русские города были поставлены на месте древних укрепленных центров или рядом с ними, иногда с сохранением их названий (Кергедан, Чердынь и др.). Так, например, на развалинах татарской крепостцы появилась Царева слобода – будущий город Курган: пришельцев с запада привлекла хорошая пахотная земля в окрестностях. Это явление было традиционным для славянской колонизации, поскольку на Восточно-Европейской равнине точно так же соседствовали или «наслаивались» славянские и финские населенные пункты.

Приход русских на земли неславянских народов вызвал плотные межэтнические контакты (в том числе конфликтные) и межкультурное взаимодействие. Степень интенсивности контактов определялась характером хозяйственной деятельности коренного населения и пришельцев. С оседлыми земледельцами Среднего Поволжья налаживалась более тесная связь, чем со степными кочевниками Южного Урала и нижней Волги или таежными охотниками на севере. В конце XVI в. казанский митрополит Гермоген доносил царю, что многие русские «живут у татар и у черемисы и у чуваш и пьют с ними и едят с одного и женятся у них, да многие же русские люди христианская веры отпали и превратились у татар в татарскую веру…»[16]. А через полтора столетия, во время очередного башкирского восстания, местная администрация при подготовке карательной экспедиции запрещала русским крестьянам ездить в башкирские селения и башкирам – в русские, опасаясь, чтобы крестьяне «по прежнему дружелюбию» не сообщили башкирам о намеченном походе[17]. *В целом русские в Поволжье и Приуралье успешно адаптировались к природно-климатическим условиям и инокультурному этническому окружению. Этому способствовало сходство условий жизни и хозяйствования на новых местах с районами исхода – прежде всего с Русским Севером.* Там

уже были выработаны механизмы приспособления к существованию в соседстве и взаимодействии с неславянскими народами.

* * *

Продвижение русских за Урал началось с таежной полосы Сибири. Причинами этого послужили географическая близость и сходство природных условий с давно освоенным севером Восточно-Европейской равнины, а также задача получения пушнины в виде охотничьей добычи и ясака. Поэтому именно в тайге и лесотундре Западной Сибири появились первые российские административные и торгово-промысловые центры. Средством сообщения в этом краю служили лодки, и пути передвижения и сообщения повсюду были привязаны к рекам. Поселения основывались в местах пересечения водных маршрутов, обычно в устьях притоков крупных рек.

На юге Западной Сибири и особенно за Енисеем и вплоть до Тихого океана распростерлась страна горной тайги, а также лесотундры, пересеченная труднопроходимыми хребтами. Реки тоже служили главными магистралями, но здесь они быстрые и порожистые. Между речными системами вместо волоков русские использовали перевалы, на которых и ставили населенные укрепления. На суровом океанском побережье немногочисленные опорные пункты возникали в губах (речных устьях) или в защищенных бухтах. С падением власти Алтын-ханов в XVIII в. и основанием Минусинска (1707) возобновляется продвижение в Южную Сибирь, опирающееся на ресурсы и администрацию Красноярска, Томска, Кузнецка. Это направление теперь становится главным. Большей частью сюда шел народ из Западной Сибири, в которой исход восполнялся притоком мигрантов из Европейской России. Заселению края способствовало также строительство оборонительных линий и урегулирование отношений с Цинской империей, открытие очагов горнорудной промышленности (Нерчинск), прокладка трактов, в том числе крупнейшего – Сибирского, от Тюмени до Кяхты. Именно вдоль этих трактов, а не по рекам (как на севере), заселялись теперь Ишимская и Барабинская степи, Прибайкалье и Забайкалье. Начинает расти население административных округов Российского государства и за счет переселения в их границы бывших подданых крупных улусных объединений (княжеств), как, например, Телеутской землицы, а после разгрома Цинскими войсками Джунгарии – множества родов и родовых/племенных объединений Южного Алтая и современной Хакасии[18].

Что касается Дальнего Востока, то слухи о его богатых землях после похода Ерофея Хабарова вызвали стремление русских

переселенцев обосноваться на Амуре. Но начался тяжелый пограничный конфликт с Китаем, и по Нерчинскому договору 1689 г. приблизительно двум тысячам казаков и крестьян пришлось оставить эти места; русский городок Албазин был снесен. Хотя русское население («албазинцы») здесь осталось, и давние потомки его, сильно китаезированные, до сих пор проживают в Китае[19].

Подобно всем регионам за пределами центральной части Восточно-Европейской равнины, русские в Сибири столкнулись с различными народами и племенами. Между пришельцами и аборигенами установился постоянный контакт. Переселенцы принесли с запада устойчивую традиционную культуру, которая в новых условиях менялась, приспосабливалась, обретала новые признаки. Лишь старообрядцы стремились сохранить свои жизненные устои в неприкосновенности и поэтому избегали общения с «иноверцами» и – по возможности – с «никонианами». Земельные участки под строительство поселений в Сибири приобретались разными способами: отводом, «приисканием», прямым захватом или покупкой у ясачных или русских. Справедливо утверждение, что Сибирь осваивалась сначала городами, а уже потом деревней. В первую очередь силы и ресурсы направлялись на строительство именно городских поселений как центров и форпостов российской власти на востоке. С самого начала XVII в. основным видом населенных пунктов здесь становятся военные крепости-остроги, из которых позднее развились города (Томский, Кузнецкий, Енисейский, Красноярский, Иркутский и др.). И так вплоть до крепости Росс на тихоокеанском побережье северной Калифорнии – самой дальней восточной точки российской колонизации.

Удаляясь все дальше и дальше от крупных центров, русские села распространялись по Сибири. Формировались своеобразные оазисы земледельческого освоения. Первым в этом ряду сложился Верхотурско-Тобольский район, затем Тарский. Стихийной народной колонизации принадлежала ведущая роль в первой половине XVII–XVIII в., хотя в XVIII в. миграции уже не были такими массовыми. Переселенцы из центральных районов предпочитали держаться поблизости от больших городов, рек и трактов. За счет внутренней миграции заселялась, в частности, Южная Сибирь. Это помогло России закрепиться здесь и начать развитие рудных недр Алтая. Русское население Сибири неуклонно увеличивалось вследствие переселений с запада, ссылки и естественного прироста. При этом довольно быстро его численность превзошла численность местных народов. В начале XVIII в. русские составляли 60% сибиряков (в Западной Сибири – 80%), в конце XVIII в. – почти 70%[20].

Контакты русского, а фактически, если говорить об этническом составе переселенцев, не только русского, и аборигенного населения становились все интенсивнее и в XIX в. стали обширными и многогранными на всей территории Сибири. Это был процесс культурного взаимовлияния. Если в сфере промысловой охоты, отчасти рыболовства, охоты на морского зверя преобладающим было влияние технических навыков, включая использование промысловой одежды, со стороны аборигенного населения, то в сфере материальной части жизнеобеспечения (жилище, пища, повседневная одежда), образования, православной культуры, в целом социальных норм – со стороны пришлого населения. Не везде и не всегда эти процессы были бесконфликтными. Хотя время порой меняло знак этих отношений с минуса на плюс. Так было во взаимоотношениях телеутов с православной Алтайской духовной миссией, когда открытое противодействие христианизации постепенно трансформировалось в освоение элементов православия, ставшего в XX в. частью телеутской культуры[21].

Важной частью взаимодействия пришлого и аборигенного населения стало освоение последним русского языка. В последние годы, хотя и не без оснований, все чаще принято говорить и писать лишь о катастрофическом положении языков аборигенного населения Сибири, о ситуации языкового сдвига[22]. Но при этом не следует забывать и той прогрессивной роли русского языка, которую он сыграл в развитии всех областей культуры сибирских народов. В ситуциях же практически стопроцентного национально-русского двуязычия, как мы это сейчас имеем в условиях республик Саха (Якутия), Тыва, Алтай, во многом и в Бурятии, такой феномен является, безусловно, положительным явлением, увеличивающим конкурентоспособность местного населения в современных социально-экономических условиях.

* * *

Территориальное разрастание Российского государства, включение в его состав новых подданных влекли за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов. Они сталкивались с новыми политической системой и экономическим строем, поступали в подчинение русской администрации, обнаруживали на своих землях множество пришельцев-русских, которые селились в основанных ими городах и деревнях. Как бы историки ни оценивали ход и последствия вхождения каждого отдельного народа в состав России, в любом случае это событие оказывалось стрессовым, переломным в его судьбе. Привычные жизненные модели и ориентиры переставали работать, а новые модели только

еще формировались и к тому же зачастую вступали в противоречие со старыми. Однако *при всех сложностях во внутриполитических и межэтнических отношениях Россия в глазах ее подданных чаще выглядела носительницей более свободного и справедливого правления (режима), чем окрестные владения*. Даже башкиры, известные своими многократными антиправительственными выступлениями в течение этих двух столетий, расценили монархию Ивана IV как менее жесткую политическую систему по сравнению с прежним ногайским наместничеством на своих землях.

Еще больший контраст являла Россия по сравнению с Цинской империей. Этот контраст отразился в сведениях источников о народах Дальнего Востока и Центральной Азии. Племена Приамурья в XVII в. не желали мириться с порядками, устанавливаемыми маньчжурскими правителями: непосильными поборами и принудительными переселениями. Жители областей, прилегавших к северо-восточным пределам Маньчжурии, спасались бегством в русские владения и, получив там царское подданство, дорожили им, не желая возвращаться на родину. Столь же негативно относились к власти цинского богдыхана переселенцы из Монголии в русскую Сибирь: «Наш хан провинившимся отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдемте отсюда в подданство к русскому белому царю»[23]. Причем такие переселенцы, соглашаясь на выплату ясака в русскую казну, надеялись, что им суждено «впредь паки быть свободным», уйдя из-под власти прежних властителей. Впрочем, сравнения иногда бывали и не в пользу России. Известны «непригожие речи» украинских казаков, критически сравнивавших московского самодержца с польским королем во второй половине XVII в.

Но не только «всенародные» миграции отмечены в документах. Элита «иноверцев» стремилась обрести повышенный статус на государевой службе, щедрые пожалования и привилегии, а простонародье бежало от собственной знати – от ее налогового гнета и прочих притеснений, а также в поисках более сытой и безопасной жизни. В середине – второй половине XVII в. наблюдалось бегство зависимых калмыков в соседние русские селения и города. Там они оказывались вне досягаемости своих ханов, нойонов и тайшей, которые начинали забрасывать русские власти требованиями вернуть беглецов. Иногда добиться этого удавалось, но если переселенцы принимали православие, следовал категорический отказ. По этой причине желание принять крещение охватило такое количество калмыков, что в XVIII в. правительство стало отводить специальные участки для поселения «новокрещенов»,

а для контроля над ними постановило основать специальную крепость – Ставрополь-на-Волге (совр. Тольятти).

Еще более наглядно подобная ситуация проявилась на Северном Кавказе. В XVII в. с постройкой казачьих станиц и Терского городка, а в XVIII в. – с основанием крепостей Кизляр и Моздок в них устремились представители местных народов, которые желали найти укрытие у русских. Резоны были самые разные: кровная месть соплеменников, тяжелые налоги и повинности, разорительные набеги абреков – горских воинов. Существенное значение имел и религиозный фактор. Во-первых, начало активной и массовой исламизации в Чечне в XVIII в. вызвало поначалу резкое неприятие у местного населения – даже не в силу каких-то богословских возражений, а из-за предстоящего отказа от привычного обычного права (адата) в пользу шариата. Чтобы не доводить дело до кровопролитного конфликта с адептами ислама и не платить дань кумыкскому шамхалу как мусульманскому правителю, многие чеченцы перебирались на жительство в казачьи станицы.

Во-вторых, массовый характер приобрело бегство крестьян от кабардинских владельцев «в пределы России», где они переходили в православие. Князья, требуя их выдачи, указывали, что принятие христианства крестьянами происходило отнюдь не по причинам религиозного характера, а лишь для избавления от неволи или чтобы избежать наказаний за проступки на родине. Да и русская администрация это понимала. Дабы не портить отношения с теми князьями, которые изъявляли желание принять российское подданство, предписывалось запретить давать приют их «холопям» и возвращать их владельцам, но придавать этой акции вид особой милости за преданность империи. Для упрочения покорности кабардинских аристократов астраханский губернатор И.В. Якоби в 1779 г. внес в текст их присяги пункт, по которому «черный народ» отныне имел право отходить от владельцев и селиться в пограничных районах лишь в том случае, если налоги и повинности вырастут сверх меры.

Ясно, что в этих условиях *Россия представлялась горцам как государство с более льготными условиями существования, чем те, что были в кавказских княжествах.* Это проявлялось не только в Кабарде. Объезжая подвластные России территории Кавказа, присоединенные в ходе Персидского похода Петра I, генерал В.В. Долгорукий докладывал Екатерине I: «…Весь здешний народ желает в.и.в. протекции с великою охотою, видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтобы отнюдь нимало им обиды не было и крепкими узами во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом»[24].

Религиозный фактор в межэтнических отношениях был очень заметен. Принимавшие православие включались в сферу действия русской культуры: вслед за сменой имени часто происходила перемена языка, одежды, поведения. Нередко рвались связи с родичами – особенно если новокрещен перебирался на жительство в русское селение или город. Естественно, многие соплеменники считали таких людей отщепенцами и во время антирусских мятежей расправлялись с ними с особенной яростью. В целом религия доминирующего русского народа вместе с тем служила интегратором в общении поликонфессиональной, разноязычной массы российских подданных. Особенно это проявлялось в регионе Поволжья и Приуралья среди марийцев, мордвы, коми, удмуртов[25].

Очевидно, переходить в христианство язычникам было проще, чем приверженцам монотеистических религий. Но административный гнет и раздоры с русским населением могли сказываться и на отношении язычников к вере русских. Легендарный народ чудь, по версии сказителей коми, зарылся в землю, спасаясь от святителя Стефана Пермского и его намерений окрестить лесных жителей.

Что касается мусульман, то хотя их число в Российском государстве было немалым (на Востоке считалось, что под властью царя их пребывает «двенадцать раз по сто тысяч»[26]), в целом их отношение к господствующей конфессии было лояльным. Сказывалась объективная необходимость сосуществования в единой державе, осознание факта православного вероисповедания правящей элитой. Хотя в кругах исламского духовенства и наблюдалась отчужденность к «неверным», но все-таки межрелигиозные конфликты в чистом виде российской истории не известны. Как правило, вопросы веры выступали лишь в качестве идеологического оформления политических и социальных движений.

В целом отношение правительственных кругов к исламу неоднократно менялось от активного неприятия к вынужденному нейтралитету. Официальной основой религиозной политики на присоединенных территориях все время оставалась христианизация «иноверцев» – магометан и язычников. Вводились определенные ограничения для неправославных подданных в различных сферах: возможность занимать определенные должности, свобода передвижения, ведение предпринимательства и др. Соответственно «новокрещены» пользовались существенными привилегиями в виде временного освобождения от выплаты податей и выполнения повинностей, наказания за уголовные преступления, а в XVIII в. – еще и освобождения от рекрутчины. Вводился законодательный запрет на строительство мечетей, местным властям предписывалось уничтожать мечети в подведомственных регионах. Соборное уложение

1649 г. устанавливало жестокую кару для мусульман, ведущих религиозную пропаганду среди православных: «А буде кого басурман какими-нибудь мерами, насильством или обманом русского человека к своей басурманской вере принудит… и того басурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия[27]». При Елизавете Петровне на татар, исповедовавших ислам, были переложены все повинности поголовно крестившихся черемисов, чувашей и мордвы. Вместе с тем стремление сохранить лояльность подданных, избежать массового возмущения и конфликтов на религиозной почве побуждало центральные и местные власти мириться с существованием многочисленного мусульманского населения. Следует признать, что, за исключением нескольких вспышек официального православного фанатизма, в целом массы российских мусульман не подвергались долговременным репрессиям по религиозным мотивам.

Проблема отношения народов к России – это одновременно и проблема формирования российской идентичности, т.е. насколько правомерно вести речь об осознании принадлежности не только к своему роду, племени, но и в целом к Московскому царству или Российской империи. Применительно к простому народу для периода XV–XVIII вв. ставить такой вопрос преждевременно. Подданные многонациональной России в то время были пока слишком разобщены и отделены друг от друга, обладали слишком малой информацией о внешнем мире (да и о собственном государстве), перенесли не так много общих испытаний, чтобы у них могло вызреть осознание общей исторической судьбы и – как следствие – идея общего для всех них Отечества.

Лишь немусульманское население Поволжья (мордва, чуваши, черемисы) теснее интегрировалось в сферу русской государственности и православной культуры, отчего признаки российской идентичности начинают просматриваться у него довольно рано. Существенным стимулом к этому послужил льготный управленческий и налоговый режим. Дж. Горсей, описывая Смуту начала XVII в., отмечал, что польские интервенты столкнулись с противодействием нерусских народностей: «Эти инородцы долго находились под властью русских царей, которые обходились с ними лучше, нежели со всеми другими нациями; и теперь, лишенные привычного хорошего обращения и притесняемые поляками, они возненавидели их, что и послужило им и русским на пользу. Они поднялись в огромном числе, вооружились, напали на поляков… расхищали их имущество и убивали»[28]. Известно, что во втором Ополчении участвовали марийцы, чуваши и татары.

Через несколько десятилетий, во время Разинщины, беглая монахиня Алена возглавила крестьянский повстанческий отряд. Она

была известна своими заклинаниями, мистическими обращениями к народу, отложившимися в преданиях. Например: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, за правое дело, за русскую землю, на извергов, на недругов, кровопийцев, на дворян, на бояр, на всех сатанинских детей!..»[29]. Замечательно то, что данный текст бытует в *мордовском* фольклоре. Как видим, в середине XVII столетия борьба за освобождение от «сатанинских» сил воспринималась поволжскими «иноверцами» в контексте солидарности с русскими: ведь сражалась-то Алена за Русскую землю!

Образ России был в глазах ее подданных в общем положительным, но все же при этом неоднозначным. Наблюдалось явное изменение его по мере ужесточения управленческих порядков на местах. Пока связь с правительством и «белым царем» ограничивалась положениями первоначальных соглашений о присоединении, т.е. взаимными необременительными обязательствами (выплата ясака, вольная служба и др.), пребывание в пределах государства рассматривалось как благо, поскольку наибольшую ценность имела гарантия прав на земли и защита от внешних нападений. А когда народы стали включаться в общеимперскую административную систему, подвергаться христианизации, оказались охваченными подушной податью и рекрутским наборами, когда на их угодьях стали во множестве строиться русские деревни и города, заводы и рудники, отношение стало меняться. Положение усугублялось злоупотреблениями местных чиновников. Под воздействием новых условий у башкир, например, в первой половине XVIII в. созрело убеждение, будто «на их башкирской народ от России доброго не имеется»[30]. Приамурские племена, столкнувшись с жестокостью Ерофея Хабарова, были вынуждены искать помощи у своих бывших врагов-маньчжур, от которых первоначально укрывались в русских владениях. Даже в среде такого мирного народа, как чуваши, в начале XVII в. зрело намерение истребить русских дворян. А для части населения Северного Кавказа (главным образом горного Дагестана, Чечни и Адыгеи) под влиянием исламизации Россия в конце концов превратилась в главную враждебную силу. Правда, образ врага в лице империи окончательно оформился только в XIX в., в ходе прямого противостояния в Кавказской войне.

В истории России на протяжении XV–XVIII вв. заметны некоторые характерные особенности в сочетании, с одной стороны, правительственной административной практики и, с другой, – политики в отношении нерусских народов. Эти особенности были порождены рядом факторов, главнейшим из которых, очевидно, является *этатизм*. То есть этническая политика была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обе-

спечения государственной безопасности. Кроме того, сказывалось и такое объективное обстоятельство, как чрезвычайно быстрый по историческим меркам территориальный рост Российской державы. Довольно скоро стало очевидным, что для полноценного управления колоссальным евразийским пространством по какому-то одному общему алгоритму у правительства не хватает ни опыта, ни средств, ни кадров. Правящей бюрократии приходилось приспосабливаться к разнообразным местным условиям, чтобы удержать под своей властью присоединенные народы и территории.

При слабости коммуникативных средств, удаленности от столицы, огромных расстояниях, слабой заселенности обширных пространств (особенно на востоке) адаптация присоединенных территорий к общегосударственным стандартам подданства и управления происходила медленно и растянулась на полтора–два столетия. Правительство первоначально не форсировало этот процесс, довольствуясь формальными признаками подчинения и лояльности. Политика по отношению к народам на окраинах диктовалась почти исключительно необходимостью обеспечить исправные налоговые платежи и лояльность к властям. На протяжении примерно полутора столетий в наказах воеводам и прочим местным управленцам содержались рекомендации действовать по отношению к подвластным «иноверцам» «ласкою и приветом», «ласкою, а не жесточью» и т.п. Очевидно, не следует идеализировать политику в отношении инородцев и приписывать правительству образцовую толерантность, уважение к этническим особенностям присоединенных народов. На окраинах процветал воеводский произвол, и нередко «лаской и приветом» служилые люди требовали смириться с неправедными поборами и всевозможными насилиями. Однако вскоре поняли и другое: невозможно превышать административный и налоговый гнет, так как население может или перебраться в недоступную глухомань, или сменить подданство (если дело происходило на границе), или поднять вооруженный мятеж. Отсюда формула «лаской а не жесточью» исполнялась местными управленцами не из-за терпимости и корректности, а в силу вынужденной необходимости – заботы об интересах казны.

Начало радикальных перемен в этнической политике историки справедливо связывают с петровскими реформами, когда необходимость в мобилизации ресурсов для победы в Северной войне, административное и экономическое освоение окраин начало обретать более интенсивные формы. Империя в ходе модернизации стала утрачивать средневековые, патриархальные нормы отношений между царем и «иноверными» подданными. Происходило это не

только в результате целенаправленной политики, но и объективно, в ходе совершенствования административного механизма, расселения русских по окраинам, социального и культурного межэтнического взаимодействия, постепенного формирования новых идентичностей у присоединенных народов. Проявившись в XVIII в. на уровне тенденции, эти процессы становились все более заметными в следующем столетии.

На протяжении рассматриваемого периода народы однозначно выступали в качестве не субъектов, а объектов государственной политики. И здесь опять же не следует видеть проявление подчеркнутого пренебрежения властей к нерусскому населению. Во-первых, абсолютное большинство существующих сегодня этических общностей в те времена еще только формировалось. Во-вторых, одним из главных принципов имперской государственности была надэтничность, предполагавшая верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания. Все это, однако, не означало игнорирования полиэтничности населения. Этнокультурное и этнополитическое разнообразие невозможно было не учитывать в силу исторических условий складывания многонационального государства.

Учет этот заключался во включении локальных юридических норм в общий корпус государственного законодательства – как правило, в масштабе отдельных регионов (установления обычного права, шариата и др.). В этом же ряду находилось и районирование по этническому принципу. Кроме того, власть при организации управления опиралась и полагалась не на абстрактные «народы», а на местные элиты, традиционные привилегированные слои – аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство. В отношении данной категории подданных со времен средневековья действовала практика сохранения некоторых старых социальных привилегий и предоставления новых льгот.

Вопрос о сотрудничестве с этническими элитами был одним из краеугольных камней не просто этнической политики, но вообще государственного управления Российского государства. Можно по-разному оценивать и определять эту практику – как социальную комплиментарность, как классовую солидарность. Но мы сталкиваемся с неоспоримым фактом: русские элитные страты традиционно кооперировались со своими иноэтничными «коллегами». Собственно, сам процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию. Алгоритм интегрирования предполагал относительную открытость, возможность для

вступления в ряды дворянского сословия. На протяжении XVI–XVII вв. наиболее заметным был приток в ряды правящей элиты аристократии тюркского происхождения, в XVIII в. – остзейских немцев. Таким образом, *российское дворянство оказывалось этнически открытым сословием, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты.* Разумеется, существовали определенные критерии и ограничения, но в целом социальная и культурная русификация (прежде всего переход в православие) облегчала выходцу из местной знати рекрутирование в дворянский корпус, а следовательно и успешную карьеру.

[1] См. новейшие исследования по этой проблеме: Российская империя: от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории / Ред. А.И. Аксенов и др. М., 2011; Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2012; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М., 2012.

[2] *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М, 1953; *Егунов Н.П.* Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ, 1962; *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980.

[3] См., например: *Федоров М.М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 11; *Конев А.В.* Предисловие // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.): Сборник правовых актов и документов / Ред.-сост. А.В. Конев. Тюмень, 1999. С. 14–15.

[4] *Головнев А.В.* Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVIII – XIX веках // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992.

[5] *Конев А.Ю.* Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX века). М, 1995.

[6] Из недавних исследований см.: *Коваляшкина Е.П.* «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005.

[7] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М. Т. 1. 1999; Т. 2. 2000; Т. 3. 2005.

[8] Указатель всех восьми томов см. в кн.: *Müller G.F.* Ethnographische Schriften. I. Verlag der Frankeschen Stiftungen zu Halle, Harrassowitz Verlag in Komission. 2010, LXXI, 817 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. VIII).

[9] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII. Ч. 1. С. 221.

[10] *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 187.

[11] Цит. по: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л., 1968. С. 292.

[12] *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 323.

[13] *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века М., 1996. С. 73.

[14] Цит. по: Очерки истории Удмуртской АССР. Т.I. Ижевск, 1958. С. 83.

[15] *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 576.

[16] История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С. 149.

[17] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1. С. 206.
[18] Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 177–180, 385–387 и др.
[19] *Курто О.И.* История российско-китайских отношений (1600–1689 гг.) // Энциклопедия Китая «Абирус». 02.2009//www.abirus.ru/
[20] *Кабузан В.М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795–1917) // История СССР. 1979. № 3. С. 38, 41, 42; *Он же.* Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 161, 162.
[21] Телеуты // Тюркские народы Сибири. М., 2006. С. 232–233.
[22] В*ахтин Н.Б.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001; Языки народов России. Красная книга. М., 2002.
[23] Бурятское предание. Цит. по: *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. С. 148. Известна более афористичная формулировка: «Белый царь сечет спину, а желтый царь – голову».
[24] История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004. С. 429.
[25] См.: Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000.
[26] *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в). Вып. 1. М., 1961. С. 193.
[27] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. 1. № 1. С. 3.
[28] *Горсей Дж.* Сокращенный рассказ, или Мемориал путешествий // Россия XV–XVII веков глазами иностранцев. Л., 1986. С. 224.
[29] Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10. Саранск, 1983. С. 217.
[30] Цит. по: *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1737–1739 годов. М.; Л., 1950. С. 132.

Глава 9

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ НАЦИЯ И РОССИЙСКИЕ ОКРАИНЫ

> Обстоятельства сделали меня русским, и я горжусь этим именем, однако нисколько не гнушаясь именем чувашина и не забывая своего происхождения. Будучи христианином, любя Россию и веруя в ее великую будущность, я от души желал бы, чтобы чуваши, мои единоплеменники, были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом.
>
> *Чувашский просветитель И.Я. Яковлев*

Как мы уже выяснили, понятия *империя* и *нация* достаточно прочно вошли в общественно-политический язык еще при Петре I, который, как и затем Екатерина II, мечтал сделать Россию похожей на «регулярные политические нации» Европы. Слово *нация* тогда означало прежде всего самостоятельное политическое образование или государство. Как пишет А.И. Миллер, «между понятиями нация и империя не было конфликта, они скорее были взаимозаменяемыми»[1]. Однако Российская империя была не только огромным пространственным образованием, не позволявшим осуществлять единообразное, т.е. «регулярное», управление. Но это был религиозный и этнический конгломерат большого числа автохтонных жителей империи, некоторые из которых имели собственную историю государственности и отличительные культурно-языковые системы.

К середине XIX в. этническая и религиозная гетерогенность империи резко возросла, и доля великоруссов (т.е. русских в их нынешнем понимании) составляла около 46%. Уже только одно это обстоятельство, наряду с воздействием Французской революции и европейского опыта в целом, заставляло имперскую власть и элиту искать оптимальные системы государственного устройства, включая и такие, как конституция и представительная власть. И одновременно нужно было контролировать окраины, сдерживать периферийные элиты в их политических амбициях. Так, например, императрица Екатерина II проводила в духе просвещенного абсолютизма политику ограничения автономии окраинных элит. В отли-

чие от Екатерины Александр I проводил политику сохранения и расширения местной автономии вновь присоединяемых территорий в опоре на местные элиты. Александр рассматривал эту политику в отношении вновь присоединенных областей как часть проекта преобразований в масштабе всей империи. По его приказу Н.Н. Новосильцев в Варшаве в 1818–1819 гг. готовил Уставную грамоту Российской империи, т.е. вариант конституции. Однако революционные события в Европе и проблемы с Царством Польским в 1820-е годы заставили царя отложить реформаторские планы.

Николай Николаевич Новосильцев (художник С.С. Щукин, 1808 г.)

Зато с конституционными проектами переустройства страны и ее этнических окраин выступили декабристы. Идеология этого известнейшего движения в истории России была предметом долгих споров историков, но можно согласиться с автором вступительной статьи к тому «Декабристы», вышедшему в серии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века», что она была ближе к просветительской, нежели к либеральной[2]. Задачей декабристов, как и многих тогдашних деятелей (В.Ф. Раевский, И.С. Тургенев и другие) было отменить крепостное право, ограничить российский деспотизм, сделать жизнь собственных граждан более достойной, а самое главное – принести в Россию юридическое равенство граждан перед законом. В данной главе обратимся к главному идеологическому документу движения декабристов – «Русской Правде» Павла Ивановича Пестеля – вождя Южного общества. Свой проект Пестель писал с 1820 по 1825 г., и его проект был наполнен глубокими для своего времени и для молодого автора мыслями и конкретными положениями о народе, государстве, власти и преобразовании империи на жесткой ассимиляторской и централизаторской основе.

Для Пестеля «нация» и «народ» – это одно и то же, хотя первым понятием он не пользовался, несмотря на свое знание европейской действительности и идей Французской революции. «Государство

состоит из Правительства и Народа. Народ есть совокупность всех тех людей, которые, принадлежа к одному и тому же государству, составляют гражданское общество, имеющее целью своего существования возможное благоденствие всех и каждого… А по сему Народ Российский не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства»[3].

Трактат Пестеля состоял из десяти разделов, второй из которых целиком посвящен политике в отношении разных групп российского населения и формированию единого народа. Но сначала Пестель вводит важное понятие *народности* и ее права. Как будет видно из следующей цитаты, это понятие принципиально отличается от более поздней уваровской «народности». Скорее, это – этнические общности или национальности, если говорить более современным языком:

«Если бы каждое государство из одного племени или народа состояло, то границы его сами собою определялись бы пространством, на котором бы тот народ был поселен; но так как все почти большие государства, а тем паче Россия, содержат в своем составе много различных племен, то определение границ соделывается труднейшим. От двух противоположных желаний происходит затруднительность. Народы, подвластные большому государству и происходящие не от господствующем в оном, но от других племен, желают всегда себе независимости и отдельного политического существования: утверждаясь на праве составлять особые государства и называя оное правом народности. С другой же стороны, стремится всякое большое государство к установлению границ, крепких местным положением и сильных естественными оплотами, а вместе с тем стремится и к тому, чтобы силы маленьких народов, его окружающих, умножали силы собственные его, а не силы какого-либо другого соседственного большого государства»[4].

Пестель определенно считает, что господствующие в том или ином государстве и способные к самостоятельному политическому управлению народы имеют право на независимость и их задача вобрать в себя и сделать подобными малые народы, которые к такой самостоятельности неспособны и правом народности воспользоваться не могут и не должны. А должны реализовывать свое «право благоудобства», т.е. находить себе место и сохранять себя в составе большого государства. Глава вторая трактата «о племенах, Россию населяющих» имеет один из разделов с названием «Все племена должны слиты быть в один Народ», и в нем говорилось:

«Один Народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целаго пространства Российскаго Государства все были Русские… Средства общия состоят главнейше в том, чтобы во-первых на целом пространстве Российскаго Государства господствовал один только язык российский. Все сношения тем самим чрезвычайным образом об-

легчатся. Понятия и образ мыслей сделаются однородные… чтобы одни и те же Законы, один и тот же образ Управления по всем частям России существовали и тем самым в Политическом и Гражданском отношениях вся Россия на своем пространстве бы являла вид Единородства, Единообразия и Единомыслия»[5].

Павел Иванович Пестель

У Пестеля была концепция *общерусской нации*, объединяющей всех восточных славян империи:

«…племя Славянское, Коренной Народ Русский составляющее, имеет пять оттенков: 1) Собственно так называемые Россияне, населяющие Губернии Великороссийские; 2) Малороссияне, населяющие Черниговскую и Полтавскую Губернии; 3) Украинцы, населяющие Харьковскую и Курскую Губернии; 4) Жители Киевской, Подольской и Волынской Губерний, называющие себя Русснаками и 5) Белорусцы, населяющие Витебскую и Могилевскую Губернии…

1) Язык везде один и тот же: различны одни только наречия, а сии даже и в самых Великороссийских губерниях не везде одинаковы, да и нету того большого народа, коего бы язык не имел различных наречий; 2) вера одна и та же, православная во всех губерниях, как в великороссийских, и хотя в некоторых местах униатство еще исповедуется, но оно ничто иное есть, как слабый остаток соблазна, Флорентийским собором предложенный, иноземным насилием в несчастные те времена введенный и ежедневно более и более искореняющийся… 3) Гражданское состояние в сих губерниях совершенно одинаково с таковым в Великороссийских губерниях, ибо те же сословия с теми же правами существуют».

Из этого Пестель заключал: «Никакаго истиннаго различия не существует между разрядами, Коренной Народ Русский составляющими… малыя оттенки замеченныя должны быть слиты в одну общую форму. А по сему постановляется правилом чтобы всех жителей, населяющих Губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую, истинными Россиянами почитать и от сих последних никакими особыми Названиями не отделять»[6].

Особенно жестко Пестель предлагал обойтись с «инородцами», т.е. с неславянами, включая магометан, а именно: «силою пересе-

лить во внутренность России» «буйные» кавказские народы, выселить два миллиона российских (в том числе и польских) евреев в Малую Азию, изгнать из России цыган, не желающих принимать христианство, истребить магометанские обычаи многоженства и содержания гаремов и т.д. Все это было продиктовано не столько жестокостью автора программы, сколько представлением, что этнические различия мешают осуществить полное равенство людей в составе единого народа, а именно – русского народа.

* * *

«Русская Правда» оказала большое влияние на бюрократическую элиту империи, хотя автор проекта был ею же повешен. Министр народного просвещения граф С.С. Уваров пытался утвердить идею общерусской нации, и этот концепт будет доминировать в русской мысли вплоть до краха империи[7]. Известный историк того времени Н.Г. Устрялов создал версию национальной истории с центральным в ней понятием «русская народность»[8]. За ним последовали многие, кто стал исповедовать идею общерусской нации и считать великороссов, малороссов и белорусов ветвями одной нации с едиными историческими корнями. С точки зрения истории древнерусской государственности и последующей ее эволюции эта версия была вполне убедительной, и она сохраняет своих последователей вплоть до сегодняшнего дня. Как считает А.И. Миллер, «введение понятия *народность* в краткую формулу официальной идеологии сигнализировало о начале длительного и противоречивого процесса национализации династии и империи»[9]. «Слово *народность* создавало определенный понятийный зазор с термином *нация* и было полезно Уварову именно как не вполне точный перевод, позволявший размыть связь понятия *нация* с Французской революцией и политическим суверенитетом нации, которая в первые десятилетия XIX в. была устойчивой и для всех очевидной»[10].

Уваров постарался связать народность с консервативным принципом самодержавия. Тем не менее царь Николай I не пошел по пути своего министра, и в годы его царствования русификаторская политика затрагивала только элитные слои на окраинах. В конце XIX в. в царствование Николая II крайне правые русские националисты выступили за всеобщую русификацию и начали трактовать русскую нацию в сугубо этническом смысле, отрицая право даже ассимилированных «инородцев» претендовать на членство в русской нации. Но эти сторонники тождества понятий *русский* и *великорусский* оставались в меньшинстве вплоть до развала империи. *В стране на протяжении почти столетия доминирова-*

ла идея общерусской нации, объединяющей всех восточных славян и не только их. Неизменно положительным было отношение к ассимиляции финно-угорских групп. Значительное число обрусевших и христианизированных татар было и среди крестьян, и среди дворян.

* * *

Миграции и колонизация играли огромную роль в жизни Российской империи, в том числе и потому, что в этой континентальной империи более, чем в других империях, формирование имперской нации вплоть до Первой мировой войны связано с пространственным расширением национальной территории. Сельскохозяйственная миграция преобладала на всем протяжении имперской истории России. Ее развитие можно грубо разделить на две фазы. До отмены крепостного права миграции были в основном либо нелегальными, т.е. бегством от крепостничества, либо принудительными, когда казаков по решению властей переселяли на новые места на окраинах, или крепостных переводили на новые земли по решению владельцев, как это описано, например, у Гоголя в «Мертвых душах». Государство предоставляло определенную помощь добровольным переселенцам, но они были по преимуществу иммигрантами (немцы, сербы, болгары и др.).

После 1861 г. миграции становятся главным образом добровольными, движимыми надеждой крестьян получить землю и основать новое хозяйство на окраинах. До середины 1890-х годов государство не поощряло такую миграцию, к тому же она сдерживалась сохранением общины. Однако с конца XIX в. государство становится активным организатором сельскохозяйственной миграции, что было особенно характерно для периода премьерства П.А. Столыпина (1906–1911). После отмены крепостного права направление миграций существенно изменилось. С 1782 по 1858 г. главными направлениями были Новороссия, Поволжье и Урал. За ними следовали Северный Кавказ, Сибирь и Степной край. На Северный Кавказ, где длительная война с местными горцами в 1860-е годы, наконец, завершилась, за последнюю треть века переселились более 1,5 млн человек. В 1860 г., после того как Терская и Кубанская области были выведены из состава Ставропольской губернии, последняя превратилась, за счет иммиграции сюда русского населения и эмиграции мусульман, в территорию с преобладанием русских.

В начале XX в., особенно после 1906 г., когда государство стало активно поддерживать сельскохозяйственных переселенцев[11], произошла настоящая революция в направлении миграционных потоков.

Петр Аркадьевич Столыпин
(фотограф К. Булла)

Почти прекратилась миграция в Поволжье, резко сократилось число переселенцев в Новороссию и на Кавказ. Главным направлением стала зауральская часть империи, куда в этот период переселились 3,5 млн человек[12]. Эти миграции существенно меняли этнический баланс в местах назначения, а также представления о характере этих территорий. В Поволжье, где русские составили более 50% населения во второй половине XIX в., численно преобладая во всех без исключения городах, это стало основой для ассимиляторской политики в отношении местных этнических групп с помощью обращения в православие, распространения русского языка и русских сельскохозяйственных практик.

В мусульманских татарских элитах, которые воспринимались властями в XVIII в. как посредник в контактах с населением Поволжья и Степного края, теперь стали видеть главную преграду русификации, а со времени Крымской войны носителей пантюркистской идеологии и агента исламизации. После отхода от православия крящен (в 1860-е годы) и обращения в ислам некоторых язычников из местных финно-угорских народностей мусульманский прозелитизм был идентифицирован как главный вызов. Тогда педагог и миссионер Н.И. Ильминский предложил идею христианизации местных жителей через использование молитвенников и других религиозных книг, переведенных на местные языки. Он полагал, что наиболее срочной задачей в сложившихся условиях является предотвращение распространения ислама среди язычников и ранее крещеных татар, а языковая русификация может подождать. Таким образом, Ильминский создал письменные языки для многих народов Поволжья[13]. Хотя система Ильминского, предусматривавшая начальное обучение народов Поволжья на родном языке, не раз критиковалась сторонниками более энергичной языковой русификации, она имела поддержку властей вплоть до Первой мировой войны. Отношения властей и мусульман Поволжья строились без открытых конфликтов. Именно в этом регионе вырабатывается российская модель мирного сосуществования христиан и мусульман[14].

Николай Иванович Ильминский

В отношении финно-угорских народов Поволжья постепенно сложился взгляд, подчеркивавший комплиментарность между ними и русским народом. Браки между русскими и финно-угорскими группами поощрялись, подчеркивалась вековая история кровного смешения русских и угро-финнов. «Мне кажется, что обрусение или слияние чуваш с русским народом может быть достигнуто только трояким путем: первый, и самый главный, это через усвоение ими православия, конечно, не безызвестно всякому, какое значение имеет в глазах наших простолюдинов различие веры; второе, путем брачных союзов, и третье, через усвоение русского языка чувашами», – пишет в 1870 г. студент Казанского университета чуваш И.Я. Яковлев в докладной записке попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову. У Яковлева не было сомнения в том, что не только усвоение языка и веры, но и брачные союзы чувашей с русскими не могут вызывать никаких возражений[15]. Хотя результаты христианизации и русификации местного населения не раз ставились под вопрос[16], восприятие этого региона как русской национальной территории укоренилось уже в 1870-е годы, а Волга приобрела статус важнейшего национального символа[17].

К концу XIX в. особое значение приобретают миграции за Урал, прежде всего в Сибирь и Дальний Восток. Только в годы действия столыпинской переселенческой программы, начатой в 1906 г., число переселенцев за Урал перевалило за 3,5 млн. Среди переселенцев было много украинских крестьян – к 1917 г. за Уралом проживали почти 2 млн переселенцев-малороссов[18]. В новых условиях в их среде заметно ускорялись процессы обрусения. Имперские власти относились настороженно к любым признакам сибирского сепаратизма. Еще в 1860-е годы группа молодых людей во главе с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым, сформулировавших требование предоставления Сибири статуса переселенческой колонии на британский манер, была приговорена к тюремному заключению

Петр Петрович
Семенов-Тян-Шанский

с длительным сроком. Особенно беспокоили власти идеи о том, что русские в Сибири приобрели уже так много специфических черт, что вполне могут считаться особой нацией. В 1882 г. власти использовали 300-летний юбилей вхождения Сибири в состав России для пропаганды единства Сибири и России, подчеркивая связь переселенцев на Восток с русским государством и формулу «неотъемлемая часть» применительно к Сибири. Тогда же было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство, и на регион распространилась административная система внутренних губерний.

Конец XIX в. – поворотный период в русском дискурсе о Сибири – из «чужой земли», азиатской колонии она превращается в «русскую землю», неотрывную часть русской нации. Представление о Сибири как жизненном пространстве для будущих поколений и о евразийской русской нации все более утверждалось в общественном сознании. П.П. Семенов-Тян-Шанский писал тогда об особом «культурно-экономическом целом» – «Русской Евразии», от Волги до Енисея и от Арктики до Каспия, которое следовало воспринимать как «родную и вполне равную русскую землю»[19].

* * *

В течение XVII–XIX вв. территориальная экспансия империи привела к включению в ее состав ряда областей с многочисленным мусульманским населением. В XVIII в. к ней были присоединены Крым и часть Северного Кавказа, а также часть Дагестана и Восточного Закавказья. Уже во второй половине XIX в. под власть империи перешли после Кавказской войны горные районы Кавказа, а в Средней Азии – обширные территории Кокандского, Хивинского и Бухарского ханств. К концу XIX в. мусульманское население составляло около 14 млн человек, или 10% от общего числа подданных империи.

Вплоть до царствования Екатерины II никакой определенной политики в отношении мусульман у властей не было, терпимое отношение к исламу сменялось приступами миссионерской активности. В 1773 г. был принят закон о веротерпимости, который давал исламу легальный статус признанной религии. Было разрешено строительство мечетей по всей России. Первое издание Корана осуществлено в 1789 г., пять последующих изданий были напечатаны до конца XVIII в. В Петербурге открылась государственная исламская типография, которую затем перевели в Казань. В 1788 г. указом императрицы было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание, базировавшееся в Уфе. Собрание выполняло функцию верховного суда для мусульман, его члены выбирались, а муфтии назначались уфимскими губернаторами. Так было положено начало созданию подконтрольной государству иерархии мусульманского духовенства. Эта политика должна была обеспечить лояльность мусульманских подданных империи и прочное включение вновь аннексированных территорий с мусульманским населением в ее состав.

В первой трети XIX в. конфессиональная политика развивалась в просвещенческом духе упорядоченного полицейского государства. Бюрократизация религиозной сферы, начатая созданием еще при Сперанском департамента духовных дел, в 1832 г. в основном завершена учреждением Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий в составе ключевого Министерства внутренних дел. Николай I утвердил обязательный план для постройки всех новых мечетей, были введены специальные правила, регулировавшие размещение мечетей в населенных пунктах. Власти разработали Устав духовных дел иностранных вероисповеданий, который существенно ограничил применение исламских правовых норм, в том числе отменил телесные наказания за употребление алкоголя, кражу и прелюбодеяние. В 1831 г. введено Таврическое магометанское духовное правление. Новый орган должен был контролировать мусульман Крыма, Черноморского побережья и земель бывшей Речи Посполитой. В 1872 г. два новых муфтията созданы в Тифлисе – отдельные шиитское и суннитское закавказские магометанские духовные управления.

На протяжении всего XIX в. официальная духовная иерархия сталкивалась с оппозицией в мусульманской среде, отказывавшейся признавать ее легитимность. Как следствие, муфтии нуждались в поддержке властей, а последние получали дополнительные инструменты обеспечения лояльности включенных в официальную иерархию духовных лиц. Создав формальную иерархию мусульманского духовенства, лояльного государству, власти открыли та-

ким образом и возможность для простых мусульман жаловаться в государственные органы на злоупотребления духовенства, т.е. появились новые механизмы формирования лояльности государству среди мусульманского населения[20]. По данным 1911 г. Оренбургскому собранию подчинялись более шести тысяч мечетей, а Таврическому 845. На тот момент статистика насчитывала более 46 тыс. мусульманских духовных лиц, из которых около 20 тыс. имели официальный статус. В их число входили и полковые муллы, появившиеся в армии во второй половине XIX в. Мусульмане Кавказа и Средней Азии были свободны от обязательной службы, однако многие служили волонтерами в нерегулярных частях. Существовали мусульманские казачьи части.

Также под руководством М.М. Сперанского в 1822 г. был разработан *Устав об управлении инородцев,* проживавших вокруг Сибирской линии, за которым вскоре последовали *Устав о сибирских киргизах* для пограничного кочевого и оседлого населения Казахской степи, в 1824 г. – *Устав об оренбургских киргизах,* а в 1827 г. – *Учреждение для управления Кавказской областью.* Понятие *инородец*, относившееся не только к мусульманам, но и ряду других нехристианских групп населения, обозначало с тех пор особую правовую категорию подданных Российской империи, проживавших в Кавказской области, Степном крае, позднее также Туркестане – не вполне чужих, но и не вполне своих, «цивилизованных». До середины XIX в. оно определяло прежде всего сословное положение и фискальные обязательства, а не этничность. По мнению американского историка Юрия Слезкина, разные категории *инородцев* были определены как открытые законодательные категории[21].

В Уставах были разработаны нормы непрямого управления инородцами, в том числе и мусульманским населением. Они были воплощены в жизнь в мусульманских районах Кавказа и Туркестана, в основном во второй половине XIX в., и получили название военно-народного управления. Империя не вмешивалась во внутренние дела мусульманских общин, оставляя местным исламским авторитетам регулировать их жизнь на основе обычного права и отчасти шариата. В то же время местные должностные лица (муллы, кади) должны были отчитываться перед уполномоченными офицерами имперской армии, а также передавать на их рассмотрение судебные дела по самым тяжким преступлениям. Похожие системы существовали во Французской и Британской империях, поскольку позволяли контролировать огромные массы населения, в том числе местных нотаблей, с помощью немногочисленного военного персонала. В 1860-е годы, отменив на Кавказе рабство и выведя из общины местную знать, власти способствовали превращению местных общин в социально однородные структуры.

По мере утверждения в пореформенный период идеи гражданства как равенства прав и обязанностей понятие *инородец* постепенно вытеснялось применительно к населению окраин понятием *туземец*. В то же время в языке русских националистов и части бюрократии *инородец* все чаще стал обозначать любого нерусского подданного империи. Столыпинское законодательство говорило о поземельном устройстве «крестьян и инородцев» на казенных землях Сибири. Особые совещания обсуждали контроль над школьным образованием *инородцев*[22]. Прежнее нейтральное значение понятия сменилось уничижительным, как неразвитых, отсталых нерусских подданных империи.

Во второй половине XIX в. происходила переоценка ислама со стороны властей. Во-первых, возникло представление об угрозе исламского прозелитизма, что было актуально для Волжско-Уральского региона и Степного края. Во-вторых, усиливались опасения в отношении панисламских и пантюркистских идей. Действительно, едва ли не половина идеологов пантюркизма происходила из Российской империи[23]. Наконец, власти с настороженностью относились к джадидам, сторонникам реформ и выборочного усвоения европейских влияний, которые появились в 1880-е годы. Одним из главных идеологов джадидизма в России был Исмаил Бей Гаспринский, издававший с 1883 г. еженедельник «Теркуман» («Переводчик»). Власти, а затем многие историки преувеличивали влияние джадидов. Однако с открытием возможностей для политической деятельности после революции 1905 г. именно джадиды выступали лидерами политической активности мусульман и пытались координировать политическую деятельность мусульман в империи, а также разрабатывать единый для всех российских мусульман язык. Джадидизм был особенно силен в Поволжье и Крыму, в то время как многие районы Закавказья почти не были затронуты его влиянием.

Распад Российской империи в 1917–1918 гг. не был предопределен до мировой войны. Именно тяготы войны привели к краху прежних режимов во всех континентальных империях Европы, а приход к власти большевиков резко усилил центробежные тенденции на имперских окраинах. Но *самая главная причина краха Российской империи заключалась в недостаточной степени развития общегражданской российской идентичности среди жителей огромной страны.* Схожий процесс поражения недостаточно сильного гражданского национализма от периферийных этнонационализмов имел место спустя столетие, когда распадался СССР. Современные исследователи сходятся в том, что националистические движения оказали существенное влияние на развал царской импе-

рии и Советского Союза. «Но это явилось все-таки только вторым шагом после того, как правящий центр развалился или был существенно ослаблен изнутри. События в центре, Февральская и Октябрьская революции, горбачевская перестройка и августовский путч 1991 г., а не возмущение наций стали толчком к дезинтеграции обеих многонациональных империй"[24], – заключает А. Каппелер. Вывод о том, что не этнический фактор был первопричиной кризиса обеих государственных систем, сделан рядом других специалистов в данной области, в частности американским историком Рональдом Суни и немецким историком Манфредом Хильдермайером[25].

[1] *Миллер А.И.* История понятия *нация* в России // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / Под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М., 2012. Т. 2. С. 7–49.

[2] *Киянская О.И.* Декабристы // Декабристы: Избранные труды / Сост. О.И. Киянская. М., 2010. С. 23.

[3] Русская Правда или заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления // Там же. С. 63–64.

[4] Там же. С. 70.

[5] Там же. С. 109.

[6] Там же. С. 94–95.

[7] *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. 2-е изд. Гл. 6.

[8] *Устрялов Н.* О системе прагматической русской истории. СПб., 1836.

[9] *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 155.

[10] Там же. С. 156.

[11] См.: *Treadgold D.W.* The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, N.J., 1957.

[12] *Миронов Б.Н.* Социальная история Российской империи (XVIII – начало XX века). Т. 1. СПб., 1999. С. 22–25.

[13] *Ильминский Н.И.* Из переписки по поводу дел о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883. См. также*: Миллер А.И.* Российская империя, национализм и процессы формирования наций в Поволжье // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 393–406; *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: Misson, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga–Kama Region, 1827–1905. Ithaca, 2001.

[14] *Crews R.D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, 2006; *Taimasov L.*A. From «Kazan's Newly Converted» to «Orthodox Inorodtsy»: The Historical Stages of the Affirmation of Christianity in the Middle Volga Region // Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire (Slavic Eurasian studies. Nr. 13) / Ed.K. Matsuzato. Sapporo, 2007. P. 111–138; Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Eds. D.R. Brower, E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997.

[15] Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX века: Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. М.; Л., 1936. С. 333.

[16] *Geraci R.P.* Ethnic Minorities, Anthropology, and Russian National Identity on Trial: The Multan Case, 1892–1896 // The Russian Review. 59 (October 2000). P. 530–554.

[17] См.: *Пыпин А.Н.* Волга и Киев // Вестник Европы. Июль. 1885. С. 188–215.

[18] *Брук С.И., Кабузан В.М.* Численность и расселение украинского этноса в XVIII – начале XX века // Советская этнография. 1981. № 5. С. 20–21.

[19] *Семенов-Тян-Шанский П.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России // Арабески истории. М., 1996. Вып. 7 (Рождение нации). С. 603–604, 608–609.

[20] См.: *Crews R.D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, 2006; *Idem*. Emprie and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // American Historical Review. Vol. 108 (2003). № 1. P. 50–83; *Campbell E.* The Autocracy and the Muslim Clergy in the Russian Empire (1850–1917) // Russian Studies in History. 2005. Vol. 44. P. 8–29.

[21] *Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 104–105.

[22] Программа реформ П.А. Столыпина: Документы и материалы. Т. 2. М., 2002.

[23] *Karpat K.*H. The Politicization of Islam. Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. Oxford, 2001.

[24] *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 397.

[25] *Suny R.* The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States. N.Y., 1998; *Hildermeier M.* Verhinderte Nationen: Zu einigen Merkmalen und Besonderheiten nationaler Bewegungenin Russland und der Sowjetunion // Archiv für Socialgeschichte. 1994. Vol. 34. S. 1–17.

Часть II

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

Глава 10

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, АВТОНОМИЗМ И ОБЛАСТНИЧЕСТВО

В начале XX в. в империи Романовых, несмотря на усиление централизаторских тенденций, государственная управляемость ослабевала, и на этнической периферии началась активизация местных национализмов. Важной страницей отечественной истории была деятельность Временного правительства в области так называемого национального вопроса. 20 марта 1917 г. оно приняло постановление об отмене «вероисповедных и национальных ограничений». Отменялись ограничения по принципу вероисповедания и этнической принадлежности на права проживания и передвижения, владения собственностью на движимое и недвижимое имущество, занятия торговлей и промышленностью, поступление в учебные заведения. Употребление нерусских языков было разрешено в делопроизводстве частных учреждений и в частных школах. Окончательное решение вопросов, затрагивающих интересы многоэтничного населения России, откладывалось до Учредительного собрания.

На местном уровне после свержения самодержавия повсеместно стали создаваться органы самоуправления. Как правило, это были комитеты и советы. Их формирование происходило как по социальному, так и по этническому принципу. Лидирующую роль в них играла местная элита. Так, на территории Казахстана весной 1917 г. действовали Перовский казахский уездный исполком, Иргизский уездный исполком, Уральский областной казахский комитет, Баян-Аульский райком в Павлодарском уезде Семипалатинской области. Был образован казахский отдел Омского коалиционного комитета[1]. Создавая местные органы, краевые учреждения (Туркестанский комитет, Особый Закавказский комитет), Временное правительство стремилось провести административные преобразования, чтобы предотвратить появление автономий. Со своей стороны, этнополитические движения воспринимали подобные меры как

Члены Временного сибирского правительства, 1918 г.

временные, переходные к этническому самоуправлению, и потому свои комитеты рассматривали как прообразы будущего политического самоопределения. При этом *национальные комитеты*[2] действовали как самостоятельные, что приводило к конфликтам с органами власти.

Идею самоуправления на местах в начале XX в. большинство региональных, в том числе этнических активистов, стремилось реализовать посредством создания *волостных земств*, а там, где их не было вообще, – также уездных и губернских. По инициативе калмыков Астраханского края Временное правительство в июле 1917 г. приняло решение ввести положения о земствах, в том числе волостных, для калмыцкого населения. К октябрю улусные земские управления были созданы в пяти улусах. В то же время калмыки, принятые в Астраханское казачье войско, преобразовали улусные управы в войсковые управления и образовали войсковое правительство во главе с атаманом Тундутовым. Советская автономная область в Калмыкии была провозглашена в июне 1920 г.[3]

Одновременно происходило образование Советов рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов, большинство которых к лету 1917 г. возглавляли эсеры. В силу преимущественно русскоязычного состава они зачастую воспринимались коренным населением как чужеродное явление, ассоциировались с прежними

властными структурами. Отчужденности этнонациональных движений от Советов способствовало и то, что социалисты в них основное внимание уделяли социально-политическим вопросам, отводя решению этнонациональных проблем подчиненное место. Например, немногочисленные Советы казахских депутатов часто присоединялись к крестьянским и казачьим, например, в Кустанайском, Усть-Каменогорском, Актюбинском уездах. Нельзя не учитывать, что культурные границы между русскоязычным и коренным населением сохранялись прежде всего из-за языкового барьера.

Взаимоотношения органов Временного правительства, национальных комитетов и Советов складывались трудно. В случае, когда новые органы местной власти шли навстречу требованиям этнополитических структур, налаживалось сотрудничество. Эту тенденцию проследила на примере Казахстана российский историк Д.А. Аманжолова. 5 марта 1917 г. Семипалатинский исполком объединенных общественных организаций избрал президиум во главе с председателем союза кооперативов К.П. Ляшкевичем и отстранил от должности прокурора и губернатора. Была расформирована и упразднена полиция. Власть в области перешла к исполкому. 8 июня на основании Положения о временном областном казахском суде и постановления областного Совдепа начал работу «национальный суд» области[4]. В июне в Семипалатинске прошел I областной крестьянский и казачий съезд. Съезд высказался за демократический мир, поддержку правительства, созыв Учредительного собрания и демократическую республику, введение земства. Делегаты приняли резолюцию, с которой согласились члены казахского комитета. В ней указывалось: конфликты между русскими и казахами по вопросам захвата земель, рубки лесов, потравы полей, невыполнения договоров должны улаживаться примирительными комиссиями на местах из равного числа участников обеих сторон. Было предложено через казахский комитет привлечь коренное население к работам в трудовых дружинах, оказанию помощи нуждающимся семьям, прежде всего лишившимся призванных на фронт кормильцев, а также за определенную плату на уборку урожая и на покосах. Съезд просил правительство распространить на казахов воинскую повинность на общих основаниях, так как «все граждане свободной России равны… и все должны защищать свою родину»[5]. Это решение было одним из проявлений общероссийского патриотизма, хотя по мере углубления общего кризиса в стране позиции органов власти, казахских комитетов и Советов все больше расходились.

Важную роль в истории самоуправления в Сибири играло движение областников, для которого главным было требование регио-

нальной автономии. По их программе коренные национальности в рамках автономии должны были получить государственную поддержку в социально-экономическом и культурном развитии. Незадолго до взятия власти большевиками I областной сибирский съезд, на котором представители национальных организаций объединились в отдельную группу, принял постановление по областному устройству Сибири. Границы сибирской автономии предлагалось определять в соответствии с положением страны «по водоразделу на восток от Урала», а права наций обеспечивать путем «образования экстерриториальных персонально-автономных союзов»[6]. Между тем активные представители российских народностей, имея разный опыт политической жизни и разную степень культурно-языкового обрусения, в большинстве своем добивались федерализации страны и обеспечения культурной или территориальной автономии в рамках единой демократической России. Именно *стремление к легитимации территориальных и культурно-национальных автономий составляло суть взаимоотношений областнических организаций и партий с центральной властью и во многом определяло смысл и содержание межэтнических отношений в огромном регионе Сибири*.

Сами регионалистские и этнонациональные движения не были едины, они были малочисленны, распадались на непрочные партийно-политические структуры. Они не стали самостоятельной политической силой, не имели для этого достаточных социальных и этнокультурных предпосылок. Проблема осложнялась неустойчивым состоянием самого центра, представленного в условиях гражданской войны, с одной стороны, большевиками и руководимыми ими Советами, а с другой стороны, противостоявшими им многочисленными партийно-государственными образованиями. Временное сибирское правительство, созданное усилиями областников после Октября 1917 г. как орган областной автономии, откладывало окончательное решение вопроса о территориальной автономии до Всероссийского Учредительного собрания, отказываясь признавать национальные автономные правительства. Оно было готово идти лишь на предоставление культурно-национальной автономии автохтонным народам Сибири.

В июле 1918 г. были опубликованы «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири». В соответствии с основной политической установкой специально образованное Министерство туземных дел во главе с областником М.Б. Шатиловым определило цели и планы деятельности этого ведомства:

1) Все, обитаемые преимущественно туземцами, части Сибири, которые имеют редкое и малокультурное население, экономически

лишены возможности организовать самоуправление, выделяются из состава существующих губерний и передаются в ведение Министерства туземных дел.

2) Безусловно и немедленно переходит в ведение Министерства туземных дел та территория Сибири, которая лежит на севере за 60 градусом северной широты.

3) Условно переходят в ведение Министерства туземных дел районы, обитаемые преимущественно туземцами, лежащие южнее северной широты, причем министерство принимает все меры к немедленному определению границ этих районов для представления на утверждение Сибирской областной думы.

4) Все мероприятия, осуществление которых входит в компетенцию специальных министерств, передаются Министерством туземных дел для исполнения в соответствующие министерства[7].

Выработанный министерством проект отличался прагматизмом и хорошим знанием этнокультурного своеобразия сибирских народностей, в большинстве своем объективно не готовых к самостоятельному государственному развитию. Однако сами этнонациональные движения, испытавшие разочарования от неудачных попыток реализовать свои планы в рамках советской модели и переживающие тяжелые результаты от потери управления в центре и на местах, разрухи, социально-политической и межэтнической напряженности, уже не удовлетворялись достигнутым. Развитие событий в стране подстегивало амбиции периферийных этнонационалистов. Переменчивость военно-политической обстановки и временное отсутствие сильного центра использовались ими для укрепления собственной власти. С этой целью этнополитические структуры пытались установить отношения с антибольшевистскими центрами и оговорить гарантии самоуправления, принципы взаимодействия в совместной борьбе уже против советской власти. Возникали разные варианты федеративного устройства отдельных регионов России, например, федерации из объединения таких весьма разнородных территорий, как автономная Сибирь, казахская автономия Алаш, Башкирия и Туркестан.

В самом Временном сибирском правительстве многие все больше склонялись к ограничению амбиций аборигенных этноэлит. Рассматривая их инициативы, правительственные чиновники высказывали опасения, что юридически и политически нецелесообразно помогать реальному образованию «новых государственных единиц». В печати эта мысль высказывалась более резко: «Только государство, решившееся на самоуничтожение, могло бы добровольно согласиться на … инородческий сепаратизм»,

Киргизы (казахи) Средней Азии
(фото Н.Н. Богоявленского, 1901 г. Архив ИЭА РАН)

а сторонники автономии «куют металл, мало нагретый в огне всестороннего обозрения». В то же время культурно-национальная автономия оценивалась как путь совершенно правильный и заслуживающий всемерной поддержки[8]. Кстати, именно этот ранний советский опыт культурно-национальной автономии, помимо современного зарубежного опыта, послужил для автора книги полезной опорой в формулировании необходимости введения в первой половине 1990-х годов в современной Российской Федерации института национально-культурной автономии.

Взаимоотношения Временного сибирского правительства с достаточно крупными этнонациональными организациями (прежде всего казахской Алаш и башкирской З. Валидова) носили весьма напряженный характер. Это выражалось в конфликтах по поводу полномочий и обязанностей органов власти, формирования национальных и сибирских вооруженных сил, организации сбора налогов с населения, представительства и пр. Однако это не означало, что националисты стремились к полной самостоятельности. Казахские деятели, сотрудничавшие с сибирскими областниками еще до революции, признавали низкий уровень политической консолидации казахов и вплоть до конца 1917 г. допускали возможность включения территории их традиционного проживания в состав Сибирской автономии.

Когда в сентябре 1918 г. в Уфе антибольшевистские силы предприняли попытку объединения, делегаты совещания – представители этнонациональных и областных автономий отнеслись к сепаратизму отрицательно. В то же время они признали закономерный характер возникновения многочисленных региональных «государств» как реакцию на распад общероссийского целого. В выступлении лидера казахских автономистов А.Н. Букейханова прозвучала мысль о приверженности националов – участников совещания идеалам демократической части России и Учредительного собрания. Он призывал отказаться «от прежнего представления о том, что инородцы – рабы, а представители Великороссии – это рабовладельцы, потому что Россия федеративная, демократическая, единая, и мы пойдем с русским народом, чтобы создать великую и счастливую Россию». За национальными автономиями предлагалось оставить определенные функции областного управления. На совещании в Уфе националы под давлением большинства были вынуждены отказаться от представительства в коалиционной власти и выдвижения самостоятельного списка в нее, что отражало укрепление в антибольшевистском лагере тенденции к централизации власти и к отказу от демократических способов решения политических проблем[9].

Вскоре после образования единого центра антибольшевизма на востоке страны в лице Директории (Всероссийского Временного правительства) в сентябре 1918 г. все областные правительства были упразднены. Это был шаг, продиктованный требованиями централизации власти и управления, ресурсов и сил в масштабной вооруженной борьбе. Некоторое время автономии сохраняли прежние права, но общая тенденция обозначилась вполне отчетливо. Решение национального вопроса, прежде всего предоставление государственного статуса тем или иным образованиям, откладывалось до окончания войны, а пока создавались комиссии по подготовке положений о национальных представительных органах[10].

Легитимность ликвидации «самочинных» правительств Директория надеялась придать на основе обещания созыва Учредительного собрания. Однако «центральная» власть в лице Директории постепенно отступала от заявленных намерений. Этапным стало установление военной диктатуры во главе с адмиралом А.В. Колчаком в Сибири в ноябре 1918 г. В обращении к населению верховный правитель утверждал: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и порядка». Правительство обещало, что «все, без

Адмирал Александр Васильевич Колчак

различия религий и национальностей, получат защиту государства и закона». Говорить об Учредительном собрании Колчак намеревался только после окончательного разгрома большевиков. Он отрицательно относился к идее представительства национальностей в исполнительных и законодательных органах власти[11].

Доктрина «целокупной России» носила великодержавный характер, и хотя это нельзя приравнивать к провозглашению курса на шовинизм и русский национализм, тем не менее лозунг единства и неделимости страны в ее прежних границах этнополитическими движениями и организациями воспринимался именно как возвращение к дореволюционной политике. Проблема статуса народов Сибири и других регионов России не рассматривалась как приоритетная, хотя с учетом реальной сферы влияния колчаковского правительства вопрос о его роли в судьбе Польши, при-

балтийских территорий, Кавказа и Средней Азии носил, скорее, теоретический характер.

Приоритет общенациональных интересов определял этнополитику антисоветских режимов. Так, 14 мая 1919 г. в ответ на приветствие еврейской делегации на одном из приемов верховный правитель заявил: «Я против национальной фракции, не имею оснований менять свое отношение к этому вопросу. Объясняю шероховатости, наблюдающиеся в национальных отношениях, нервным состоянием страны, особенно в прифронтовой полосе… с общим успокоением страны исчезнет и острота национального вопроса»[12].

* * *

Сибирские областники еще до роспуска своей думы подготовили схему организации сибирского автономного областного управления, которую пытались втиснуть в рамки новых проектов власти. Их предложения относились к «управлению туземными племенами». Занятые ими территории должны были выделяться в самостоятельные земские единицы, имеющие все полномочия в сфере управления и хозяйства аналогично общероссийским земствам. Кроме того, создавались советы туземных дел из представителей разных групп и членов Сибирского областного совета, избранных от них, а также специалистов по делам народов региона. Ни одна из народностей Сибирской автономии не должна была оставаться без представительства в совете туземных дел[13].

Большой удельный вес отличающихся по происхождению, культуре, опыту государственности народов не мог быть проигнорирован никем из участников Гражданской войны в России. Наиболее дальновидные деятели понимали непривлекательность для широких «инородческих» масс и их организаций проводившегося белыми курса на унификацию управления, подчинение национального вопроса военным и политическим задачам. *Патриотизм и русское национальное чувство, опиравшиеся на идею великого государства, были стержнем идеологии белого дела, хотя это не привело к какому-либо улучшению положения русского населения региона.* Денационализация средств производства, налоговый гнет, принудительная мобилизация в армию, насилие и террор не могли обеспечить белым армиям поддержку широких масс независимо от этнической принадлежности. Это признавали сами военачальники: «…кроме врага на фронте, создавали себе врага в тылу»[14].

Восстановление прежней системы управления на местах, утверждение единообразного и основанного на дореволюционной практике порядка судопроизводства у коренных народов, в том числе в Сибири, вызвали недоверие к власти, сохранили межэтни-

ческую напряженность и конфликты. Как писал один из участников событий, «вопрос о создании центральной государственной власти, которая, будучи действительной властью, вместе с тем сумела бы учесть все местные особенности и наладить свои отношения с группами, отличающимися центробежными тенденциями, такой вопрос являлся тогда кардинальнейшим… Правительство Колчака не сумело разрешить его и погибло»[15].

В то же время организационная, военная, экономическая слабость многих этнонациональных структур заставляла их идти на уступки белым, лавировать в сложной военно-политической обстановке, поступаться программными установками. К примеру, уже в 1917 г. в бурятских районах Иркутской губернии и Забайкальской области были созданы аналогичные земствам органы этнонационального самоуправления во главе с Бурятским национальным комитетом. Но в ноябре 1918 г. он был объединен с бурятским отделом «Правительства Забайкальской области» атамана Г.М. Семенова. Созданные при этом аймачные отряды «Улан-Цагда», которые должны были защищать национальные земства, на деле же стали карательными. К тому же бурятские лидеры были вынуждены согласиться на сотрудничество со сторонниками идеи панмонголизма, которую поддерживали атаман Семенов и японские военные круги[16].

Попытки организации этнонационального самоуправления и его полномочия вызывали дискуссии в правительственных учреждениях белой Сибири. Так, управляющий Иркутской губернией эсер П.Д. Яковлев сам участвовал в создании бурятских аймаков и последовательно поддерживал их. Еще в апреле 1917 г. бурятский съезд в Чите разработал «Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии», но он не был одобрен Временным правительством. Решение о введении аймаков как «национальных земств» обсуждалось вплоть до конца 1917 г. Его введение явочным порядком в ноябре и декабре 1917 г. одобрили губернский бурятский съезд в Иркутске, а затем общебурятский съезд в Верхнеудинске. Бурятский национальный комитет возглавил их организацию, но соединение хошунов (волостей) в аймаки проводилось принудительно. При этом аймачное земство приравнивалось к уездному, а за основу до издания особых положений было взято Временное положение о земствах Архангельской губернии и Сибири, принятое Временным правительством.

Показательно, что Иркутская губернская земская комиссия во главе с Яковлевым в своей деятельности руководствовалась целью погасить сепаратизм бурят и их стремление выделиться в особую

губернию, а потом и в автономию. Она считала необходимым предотвратить возникновение двух параллельных организаций – «русско-земской во главе с губернской земской управой и бурятско-земской с национальным комитетом», а также чересполосицу уездов и аймаков и неработоспособность аймачных земств, не имеющих ни опыта, ни работников. Этот параллелизм был устранен путем соглашения управы и Бурнацкома, а чересполосица нейтрализовалась соглашениями аймачных управ о переходе с натуральных повинностей на денежные. Те же проблемы пришлось решать чуть позже уже советским властям.

С государственной точки зрения как белые, так и советы считали необходимым поддерживать численное преобладание русских. «*Если сохранить* обособляющие бурят от русских аймаки и хошуны путем правительственного указания – *тогда* для культивировки бациллы сепаратизма и создастся благоприятная среда». Параллелизм органов управления вреден, а система соглашений – нечто столь зыбкое и ненадежное, что допускать на ее основе такой параллелизм невозможно, указывал один из лидеров местной власти. Власти беспокоило и то, что искусственное создание руками губернского или иного органа управления политически самоопределяющейся этнографической ячейки уменьшает число плательщиков земских налогов и увеличивает их расходы на содержание данных ячеек. Факты сепаратизма усматривались и в создании I законодательной народной думы бурят-монголов Восточной Сибири в Чите, решения которой стал выполнять Иркутский национальный комитет. Многие чиновники призывали правительство стоять на государственно-объединительной позиции и при административном делении Иркутской губернии руководствоваться топографическими данными, естественными географическими границами, а не лозунгом самоопределения.

В соответствии с этим Министерство внутренних дел все административно-территориальные изменения намечало на основе естественно-географических границ без учета притязаний на самоопределение бурятских и иных этнонациональных организаций. Сами же этнонациональные земства сохранялись до решения вопроса в законодательном порядке. Между собственно бурятскими деятелями (как и в других этнических движениях) не было единства по поводу целесообразности такой формы самоуправления. Например, представитель умеренного крыла Ханхасаев в августе 1919 г. подал прошение в МВД об упразднении аймаков, сообщая об отрицательном отношении к ним бурят[17].

В целом именно земства, избранные на основе пропорционального представительства народностей, большинство националов

рассматривали как наиболее приемлемый путь решения проблем самоопределения на местах. *В рамках единого государства, без предоставления автономии, через земства инородцы вовлекались в непосредственное участие в социально-политической жизни, решение хозяйственных задач, здесь концентрировались средства на нужды образования и просвещения, здравоохранения, развития путей сообщения и т. д.* Однако самодеятельность их была, конечно, ограничена. Несмотря на сохранение аймачных земств, например, буряты не смогли добиться от правительства Колчака разрешения на самостоятельное утверждение должностей управляющих, судей, в земских советах и милиции. Перманентными были конфликты между сторонниками жесткой унификации, упразднения аймаков и национальных комитетов и автономистами, призывавшими: «Пора бы отказаться русской власти от применения к нам, бурятам, т. н. "окраинной политики", политики игнорирования своеобразных интересов и нужд окраинных народностей».

В Забайкальской области в национальных районах допускалось лишь назначение помощников управляющих из бурят, подобранных и утвержденных самим управляющим и работающих под контролем управляющих уездами из числа русских. Сам управляющий областью утверждал, что недопустимо «образование государственных учреждений с каким-либо национальным, кроме русского, характером». В частности, гласные Эхирит-Булагатского земства с одобрения Яковлева, считавшегося ими «поборником и защитником истинного народоправства и национальных земских самоуправлений», в августе 1918 г. ввели в действие народный суд. Были также признаны законными браки, зарегистрированные в хошунных управах без согласия родителей, отменялся калым и вводилось наказание за него. Земство запретило карточные игры, штраф за участие в них направлялся на культурно-просветительные цели. Национальный суд был введен и в Ангарском аймаке. Когда Иркутский окружной суд распорядился изъять все уголовные дела из ведения национальных судов, Эхирит-Булагатское земство решило ходатайствовать перед Народной думой бурят-монголов Восточной Сибири, а заодно и перед губернскими властями. К тому же было решено не платить губернский земский сбор[18]. *Так растущие властные амбиции этнических элит наталкивались на противодействие правительственных структур, видевших в росте полномочий органов самоуправления опасность усиления центробежных тенденций.*

Не менее напряженными были отношения с властью и у других этнонациональных организаций. Например, съезды, собрания и иные мероприятия горных алтайцев разрешалось проводить толь-

ко с санкции гражданских и военных властей, а сами лидеры движения были репрессированы. Вместе с тем исследователи отмечают, что определяющую роль в отношениях населения и с красными, и с белыми в Горном Алтае играли межэтнические отношения[19].

* * *

Чиновники колчаковского правительства испытывали определенное влияние идей сибирского областничества. В частности, в качестве проекта они рассматривали упоминавшиеся выше «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири». В проекте говорилось, что предоставление отдельным национальностям Сибири территориально-политической автономии затрагивает сущность политического устройства Сибири и может быть решено только Всероссийским Учредительным собранием. Поэтому самопровозглашенные национальные автономии не признавались. В то же время до созыва регионального Учредительного собрания народам Сибири предоставлялась культурная автономия, «гарантирующая свободное развитие каждой отдельной национальности». Она включала в себя организацию всех звеньев учебных заведений с преподаванием на «местном языке» и изучением русского языка. Предусматривалось их субсидирование из средств государственного бюджета, если не доставало «местных национальных средств». Создавались местные суды, в которых разрешалось применять местные обычаи, если они не противоречили «основным правовым принципам цивилизованных народов» (например, не допускались пытки и т.п.).

В органах земского и городского управления местностей, где не менее 50% населения говорило на местном языке, он использовался наравне с русским в деятельности этих органов и в делопроизводстве. Переписка с государственными учреждениями проводилась на русском языке. Вопросы государственного управления, в том числе железные дороги, почта, телеграф, телефон, военное дело, регулирование внешней торговли, таможенное дело, налоговое обложение и денежное обращение, образование государственных монополий и эксплуатация природных богатств оставались в руках «центрального» Сибирского правительства. Предусматривалось назначение части должностных лиц и служащих государственных учреждений из лиц, владеющих национальными языками, в местностях, где коренные народы составляли не менее 50% населения.

Все этнонациональные организации, «если они пользуются признанием своего народа», рассматривались «как правомерные представительные органы соответствующих национальностей по вопросам культурной автономии и местного самоуправления», при

одновременном назначении правительственных комиссаров по делам национальностей. К тому же оговаривались условия защиты прав национальных меньшинств в рамках «национально-культурного самоуправления». Все меньшинства, составляющие не менее 10% местного населения, могли «организоваться для защиты своих национально-культурных интересов и обращаться за поддержкой к Сибирскому Временному правительству». Однако статус самого Министерства туземных дел постоянно понижался, а предложенные им проекты оставались по большей части на бумаге. Вскоре министерство было реорганизовано в туземный отдел Министерства внутренних дел, который сразу превратился в бесправный подотдел отдела сельского управления того же ведомства. Его работа ограничивалась изучением дел на местах и составлением докладов по вопросам положения национальностей, деятельности их структур в губерниях и областях и т.д.

В этот период в регионе в противовес большевистским национальным секциям и отделам при советах были созданы региональные Сибирский литовский национальный совет (Омск), Сибирский латышский национальный совет и Эстонский национальный совет (Томск), которые имели свои подразделения и филиалы во всех губернских и большинстве уездных центров. Всесибирский комитет эстонских колоний создал отделения в пяти районах. В конце 1919 г., когда военная ситуация изменилась в пользу красных, Эстонский национальный совет выступил за экстерриториальность сибирских эстонцев как иностранных граждан и взял на себя консультативные функции. После утверждения советской власти эти организации в начале 1920 г. были ликвидированы[20].

Итак, *решение этнонациональных проблем, в том числе вопрос о государственном статусе российских национальностей, подчинялось общей цели борьбы за власть. При этом в белом лагере политическое самоопределение народов не предусматривалось, а реализация культурно-национальной автономии была крайне затруднена.* Для всех антибольшевистских сил было характерно сочетание неспособности поддерживать порядок и безопасность, гарантировать гражданские и политические свободы, провести экономические и социальные реформы с бурной законотворческой деятельностью большого числа органов, ведомств и других бюрократических структур на всех уровнях администрации. Военное поражение белого лагеря, невостребованность идеологических доктрин и политической программы его участников в конкретно-исторических обстоятельствах 1918–1920 гг. сделали бессмысленной деятельность многочисленных чиновничьих организаций и обесценили немало интересных предложений

работавших в них знатоков права, этнографии, экономики, истории и культуры России и ее регионов. *Однако кратковременный опыт сибирского областничества как одной из демократических моделей системы управления и государственного устройства России, ориентированной на консенсус политических, региональных и этнонациональных сил, приобрел новое звучание в формирующемся гражданском обществе.*

Новейшие исследования положения и динамики этнополитического развития национальных меньшинств Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны, в том числе таких групп, как сибирские татары, евреи, поляки, корейцы, украинцы, латыши, эстонцы, литовцы, немцы, позволили сделать ряд других важных выводов. В частности, томский историк И.В. Нам обратила внимание на то, что Конституция Дальневосточной Республики (1920–1922), утвержденная Учредительным собранием, предоставляла национальным меньшинствам на территории республики право на культурную автономию, а Министерство по национальным делам разработало проект закона «Об автономии национальных меньшинств, населяющих ДВР». По нему нацменьшинства получали возможность объединения в автономные союзы с представительными и исполнительными органами, самостоятельными в своей деятельности. Еще до принятия закона министерство возложило на этнонациональные организации функции и права культурной автономии. Однако из-за противодействия Дальбюро ЦК РКП (б) и коммунистической фракции правительства закон об автономии меньшинств в ДВР так и не был принят[21].

Обе силы антисоветского лагеря – общероссийское белое движение, цементировавшееся военными и общероссийскими политическими партиями, и этнополитические группировки – дополняли друг друга в войне. Первое подпитывалось за счет ресурсов, территории, политической поддержки местных элит. Вторые в компромиссе с более сильным партнером надеялись реализовать проекты местного самоуправления и автономизации. Однако перспективы государственного устройства России входившие в антибольшевистский лагерь силы видели по-разному.

В борьбе за власть и за народные массы большевики выиграли, в частности, потому, что более решительно принимали меры, отвечавшие требованиям демократизации взаимоотношений центра с окраинами и этническим национализмом. Они, как правило, более чутко реагировали на динамику политических настроений и симпатий масс, сумели склонить к признанию советской власти лидеров этнонациональных движений и партий, несмотря на всю неоднозначность результатов и последствий проводимой ими этнополи-

тики и ее последующего развития. Большое значение имели сохраняющаяся гипертрофия роли всех институтов власти и зачаточное состояние гражданского общества в России, что оказало значительное влияние на весь процесс модернизации страны в XX в. Вообще осторожное отношение к пределам политического самоопределения этнических сообществ было характерно для российской власти независимо от того, в чьих руках она находилась. Лозунг самоопределения наций, обеспечивший большевикам победу в полиэтничной России, реализовать оказалось непросто. Однако он быстро распространялся на те народы, которые к этому времени имели сколько-нибудь развитую культуру, свои организации и проявили стремление к самоуправлению, даже если это не вполне соответствовало уровню этнополитической самоидентификации и гораздо больше было вызвано давлением общеполитической ситуации и ведущих тенденций общероссийского революционного процесса.

Между тем практическая реализация самоопределения, встраивание советского самоуправления в повседневную жизнь сложноорганизованного и мозаичного по составу (этническому, конфессиональному, социальному и т.д.) населения огромной страны происходили не одномоментно. Линия власти на политизацию этничности и обеспечение социального равноправия народов получала воплощение в позиции, лексике и действиях ее представителей на отдельных уровнях администрирования. В то же время она удивительным образом модифицировалась в разных и динамичных групповых идентичностях, в различающихся социокультурных пространствах с множественными конфигурациями и результатами.

[1] См.: *Аманжолова Д.*А. Казахский автономизм и Россия: История движения Алаш. М., 1994. Здесь и далее в главе текст основывается также на работе И.В. Нам, важной для данной темы: *Нам И.В*. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны (1917–1922): Томск, 2008.

[2] Нам не удалось выяснить, когда именно возникает само обозначение этнических организаций именно как *национальных*, притом что термин *этнический* в языке того времени фактически отсутствовал.

[3] *Борисов Т.* Революция в Калмыцкой степи // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49). С. 115, 117–118, 124.

[4] 1917 год в Казахстане: Документы и материалы. Алма-Ата, 1977. С. 34–36, 122–124; Семипалатинские областные ведомости. № 27. 1918. 29 дек.; Государственный архив Российской Федерации (Далее: ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 172. Л. 6–12.

[5] 1917 год в Казахстане. С. 34–36, 122–124.

[6] См.: *В.К*. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 108; Сибирская жизнь (Томск). 1917. 21 окт.

[7] *Гинс Г.К*. Сибирь, союзники и Колчак. Ч. 1. Пекин, 1921. С. 116.

[8] Сибирская речь. 1918. 5 авг.; Усть-Каменогорская жизнь. 1918. № 36, 43.

[9] ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1а. Л. 66, 66об.; *Гинс Г.К*. Указ. соч. С. 208; *Болдырев В.Г*. Директория, Колчак, интервенты: Воспоминания. Новониколаевск,

1925. С. 35,37,43; *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 227.

[10] ГАРФ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 10; Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 16 нояб.

[11] Правительственный вестник. 1918. 20 нояб.; 1 дек.; Заря. 1918. 31 дек.; Русская речь. 1919. 3 июня.

[12] Правительственный вестник. 1918. 24 нояб.; Сибирская речь. 1918. 19 дек.

[13] ГАРФ. Ф. 4707. Оп. 1. Д. 5. Л. 14, 12; Сибирская жизнь. 1917. 11, 17, 18, 21 окт.

[14] *Филатьев Д.В*. Катастрофа Белого движения в Сибири: Впечатления очевидца. 1918–1919. Париж, 1985. С. 64.

[15] *Колосов Е.Е*. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923. С. 50.

[16] Правда Бурятии. 1922. 5 авг.; *Ринчино Э.-Д*. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 12.

[17] ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 7. Д. 1. Л. 66об.–67. См. также: *Елаев А.А*. Бурятия. Путь к автономии и государственности. М., 1994. С. 45–47.

[18] См.: *Аманжолова Д.А*. «…населению каждого клочка свое самоопределение» – «чтобы создать великую и счастливую Россию»? (из истории автономизма в Сибири) // Cibirica. Journal of Siberian Studies. 2004. N 1.

[19] См., напр.: *Мамет Л.П*. Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930. С. 91; *Красовицкая Т.Ю*. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925 годы. М., 1992. С. 111–112.

[20] См.: *Лоткин И.В*. Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920–1930-е годы): Аспекты этносоциальной истории. Омск, 2006. С. 34–35, 46; *Нам И.*В. Указ. соч.

[21] *Нам И.В*. Указ. соч. С. 35.

Глава 11

«СОВЕТСКИЙ» ВМЕСТО «РОССИЙСКИЙ»*

Принятая в самые первые дни октябрьского переворота Декларация прав народов России уже своим названием и содержанием утверждала ставшую наиболее живучей категорию «народы России». Именно эти субъекты истории должны были быть «освобождены и раскрепощены» «решительно и бесповоротно». Все четыре пункта декларации заключали в себе новаторские формулировки и революционное содержание: равенство и суверенность народов, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена национальных и национально-религиозных ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп России. До этого ни одна высшая государственная власть не отваживалась так решительно сдавать полномочия центра и отказываться от представления о целостности страны не только как территории, но и как территориального сообщества людей. Сам термин «народ» применительно к стране стал как-то затушевываться в совдепии, кроме выражений типа: «трудящийся народ», «низы» и даже «наинизшие низы», которые В.И. Ленин считал необходимым «поднять к историческому творчеству»[1].

Понятие «нации» в Декларации прав народов России не использовалось, но провозглашалось самоопределение народов для создания «национальных государств» (читай – этнических), национальные ограничения мыслились как этническая дискриминация, а термин «национальные меньшинства» применительно к этническим сообществам вообще был для того времени одним из пионерских. В официальном языке он использовался только в документах международной социал-демократии и в 14 пунктах президента США Вудро Вильсона после окончании Первой мировой войны. Неожиданным и свежим было понятие «этнографические группы». В дальнейшем эта категория в советском политическом языке фактически не употреблялась. Она возродилась только в поздней «советской теории этноса» с довольно неясной дефиницией.

С самого начала в советской этнической политике наметились две тенденции. Одна стремилась учесть сложную этническую структуру населения, интересы этногрупп и их элит, определить

---

* Глава написана в соавторстве с Т.Ю. Красовицкой.

подходы к федерализации государства и его аппарата, другая – найти механизмы концентрации в центре функций контроля и унификации культурной сферы для реализации стратегических целей новой власти. В конечном итоге все решали основанная на грубой силе и пропаганде политическая импровизация и соотношение сил участников политической и вооруженной борьбы.

Известно, что федерализм не пользовался успехом у Ленина. Но к весне 1919 г. противоборство в гражданской войне достигло такого накала, что вопрос о том, на чью сторону встанут политически организованные представители нерусских народов, их элиты, стал важнейшим не только для определения узловых моментов этнонациональной политики, но и для сохранения власти большевиков в целом. Именно в этот исторический момент Ленин увидел в федерации автономных национальных республик реальный шанс спасения режима. Ее же можно было противопоставить бюрократическому централизму, корни которого в советских структурах власти уже дали свои побеги.

На заседании национальной секции VIII съезда РКП(б) Ленин выступил против защитников централизаторской линии в ЦК. Он обратил внимание на башкир, получивших весной 1919 г. автономию в обмен на помощь в борьбе с Колчаком, подчеркнув необходимость дать автономию и другим народам. «Я хочу признавать только право трудящихся классов на самоопределение»,– настаивал Н.И. Бухарин. «Это смешно … не признавать того, что есть, нельзя: оно само заставит себя признать», – парировал Ленин и назвал прежнюю свою формулу «принципиально неприемлемой». Он осудил и позицию Наркомпроса, отметив: «У нас есть, например, в Комиссариате просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист, это – великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться»[2]. Ленин сумел на съезде добиться того, что вторая программа РКП(б) закрепила признание федерации как типа советского государства. Своеобразным федеративным договором стал декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. о военно-хозяйственном союзе РСФСР, Украины, Литвы, Латвии и Белоруссии.

В решениях VIII Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1919 г. вновь было записано о праве наций на самоопределение. Ленин доказывал, что образование национальных государств не противоречит принципу федерализации страны. Но во главе угла должен был сохраняться приоритет классовых интересов над национальными (имелись в виду этнические интересы).

В первое десятилетие советская этническая политика носила эклектичный и импровизационный характер. Исторически

Первое правительство большевиков, 1917 г.

существовавшие разнородные религиозные и этнокультурные системы, опиравшиеся на традицию и на повседневный контекст, соперничали с собственно большевистской, абстрактной доктриной самоопределения и с эсхатологической настроенностью на мировую революцию. В эти годы содержание национально-культурной политики во многом зависело от соотношения основных действующих лиц и сил в данной сфере, от идеологических установок и от реализующих эту политику организационно-правовых механизмов. Центром столкновения стали два ведомства – Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) и Наркомпрос. Первый в большей степени представлял программы периферийных этнонационалистов, которые предполагали наделение государственным статусом своих народов. Требования эти были зачастую громкими и настойчивыми (как в телеграмме Нариманова из Баку в Москву: «не будет Карабах азербайджанским, не будем отгружать керосин»). Но при этом нет оснований считать, что *идеи политико-государственного самоопределения в массовом сознании народов России получили ясное понимание*. Этноэлиты прежде всего хотели упрочить собственную власть на территории преимущественного проживания соплеменников, и они принимали участие на той или другой стороне с учетом собственных интересов и почти никогда не были едины.

Проблема осложнялась неустойчивым положением центра, дискуссиями по основам государственного устройства. Большевики, изначально противники федерализации России, теоретически признавали право наций на самоопределение, но увязывали его с идеологией интернационализма, развертыванием мировой революции на Западе. В целом они признали целесообразность федеративного

устройства Российской советской республики. III Всероссийский съезд советов в январе 1918 г. принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Классовая доктрина доминировала в определении формы правления «свободного союза свободных наций как федерации советских нацио-нальных республик»[3]. Привлекательный лозунг права наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельного государства расширял социальную базу большевиков. Другое дело, что этот же самый лозунг обладал не только мобилизующей, но и потенциально разрушительной для российского государства силой, поощряя сепаратистские взгляды и проекты. Декларации большевиков почти всегда имели двойственное содержание. Их первые декреты преследовали агитационно-пропагандистские цели.

С осени 1917 до весны 1919 г. шла острая борьба центробежных и центростремительных сил. Она отразилась на содержании этнической политики и на ее организационно-правовых основах. Отсутствие единого мнения, нестабильность государственных границ, трудность «состыковки» реальной этнокультурной ситуации с умозрительным идеалом нового общества, низкая политическая культура, диктаторские методы руководства дополнялись и умножались соперничеством и изоляционизмом центральных ведомств.

Как известно, на периферийных территориях в Прибалтике, в Закавказье, на Северном Кавказе, Украине, в Белоруссии, Средней Азии, Сибири были созданы государственные образования с собственными структурами управления, в том числе в культурной сфере. К августу 1918 г. насчитывалось до 20 «центральных» и областных антибольшевистских правительств. Но все самопровозглашенные этнотерриториальные структуры не имели реальной власти, эти образования не были устойчивы. Большевики добивались раскола этнических элит, выделяя левацки настроенных активистов. Их лидеры, примыкая к побеждающей стороне, стремились вырвать уступки. В ходе переговоров налицо был прагматизм сторон, хитрость и осторожность, готовность идти на уступки, лишь бы получить право на официальное признание. Играло свою роль в пользу большевиков и высокомерие белого движения, по сути ничем не отличающееся от «грубости рабоче-крестьянского правительства»[4]. В конечном итоге большевики ставили условием признания этнонациональных автономий лояльность своей власти, и эта тактика принесла им успех.

* * *

Тем временем в Наркомнаце шло строительство нового аппарата управления. Внимание В.И. Ленина как председателя СНК и Сталина как наркома сосредоточилось на территориях, на кото-

рых наиболее интенсивно развивались сепаратистские процессы. Политические декларации и обращения (Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде, Декрет о Турецкой Армении и др.) были направлены на удержание страны от распада. Этим объясняется создание в Наркомнаце первых национальных комиссариатов для западных народов: поляков, литовцев, армян, белорусов, евреев, латышей, немцев. Это было сделано для народов с развитыми культурными ресурсами (школой, прессой). В феврале 1918 г. открылся мусульманский комиссариат как орган политического сотрудничества с мусульманскими массами, который возглавил М.Х. Султан-Галиев. К лету 1918 г. уже работали отдел горцев Кавказа, чувашский, удмуртский, мари и другие национальные отделы. К осени их было 18[5].

В структурах национальных комиссариатов и отделов большое значение имели отделы культуры и просвещения, которые состояли из внешкольного, театрального, изобразительных искусств, литературно-художественного, библиотечного и других подотделов и секций[6]. Ими руководили образованные люди и даже яркие личности. В белорусском комиссариате школьным отделом руководил Б. Тарашкевич, ученик академика А. Шахматова, в армянском – выпускник Лазаревского института, публицист и литературный критик П.М. Макинциан, в калмыцком – выпускник восточного факультета Петербургского университета, вместе с академиком В.Л. Котвичем занимавшийся работой над калмыцким эпосом «Джангар» Н. Очиров. В мордовском культурно-просветительном отделе работал известный этнограф М.Е. Евсевьев.

Руководящие должности в Наркомнаце занимали представители около полусотни национальностей. Самыми крупными группами были евреи – 48 ответственных сотрудников, поляки – 31 сотрудник, татары – 25, латыши – 19, осетины – 18, литовцы – 16, марийцы – 14, армяне – 13, немцы и белорусы – по 11, коми – 10, киргизы – 9, башкиры – 8, эстонцы, украинцы, мордва, калмыки – по 7, удмурты, чуваши, азербайджанцы, якуты – по 6 и другие[7]. Впечатляет число людей (64 человека) с высшим образованием, полученным в Московском, Петербургском, Казанском, Киевском, Томском, Донском (Варшавском) университетах, а также в заграничных – Берлинском, Женевском, Венском, Цюрихском, Сорбоннском, Бейрутском, Каирском университетах. Имелись девять выпускников факультетов восточных языков Лазаревского института, восточного отделения Военной академии, Академии Генерального штаба. Работали 78 выпускников других вузов. 104 человека были с педагогическим образованием или с опытом учительства, 31 журналист, 21 юрист, 20 специалистов в историко-филологи-

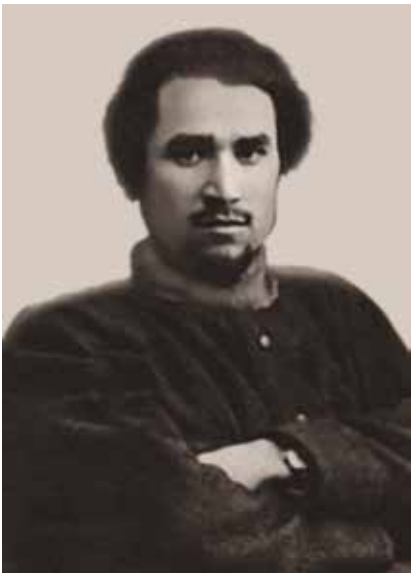
ческой области, 5 профессоров Петербургского и Казанского университетов, 4 специалиста-этнографа.

На владение двумя языками (русским и родным) указали 126 человек, тремя – 92, четырьмя – 78, пятью – 38, шестью – 19 (руководитель культурно-просветительного отдела мусульманского комиссариата крымский татарин И. Фирдевс владел французским, турецким, немецким, итальянским, татарским, русским языками; руководитель такого же отдела армянского комиссариата П.М. Макинциан – французским, немецким, латинским, татарским, армянским, русским), семью – 8 (белорус Ф.Ф. Турук – латинским, греческим, древнееврейским, немецким, французским, русским, белорусским), восемью – 2, девятью – 2 (латыш Ф.А. Розин-Азис – латышским, немецким, русским, английским, голландским, французским, итальянским, латинским, греческим языками), двенадцатью – один работник.

Национальные комиссариаты начали формировать свои структуры, ориентируясь на культурный уровень населения, наличие интеллектуальных и кадровых ресурсов. Географически отдел культуры и просвещения мусульманского комиссариата, например, охватывал территории проживания татар, башкир, горцев Кавказа, крымских татар, туркестанцев, казахов[8]. В Казани отдел сотрудничал с местной научной коллегией. Она состояла из отделов по составлению программ и учебников для школы, по организации народного университета, музея и библиотек, отделов литературы, языка, истории театра, музыки, искусства и печати. Отдел литературы, языка и истории состоял из подотделов по составлению словаря татарского языка и энциклопедии, по разработке вопросов, связанных с орфографией и письмом, по собиранию памятников литературы тюрко-татар[9].

М. Султан-Галиев позже выделял первостепенное значение работы этих структур в первые месяцы революции: «Вначале мусульманские комиссариаты играли роль революционных штаб-квартир татарского движения… Будучи одновременно политическими и административными органами, они выполняли колоссальную работу, в особенности в области пропаганды и агитации, а также культурного развития». По сути каждый национальный комиссариат создавал свой наркомпрос. 10 июля 1918 г. Наркомнац сообщал НКВД о том, что они развернут революционные преобразования вскоре даже среди нивхов, орочей, нанайцев, манси, бурят, алеутов, долган, камчадалов, коряков, эвенков, эскимосов, юкагиров и других народностей[10]. Таким образом, в Наркомнаце тенденция развивалась в сторону создания «своих» органов управления, по сути национально-культурной автономии на федеральном уровне.

Складывание проавтономистских структур в Наркомнаце выбивалось из общей политики Наркомпроса во главе с А.В. Луначарским по централизации всех отраслей культуры и просвещения (школы, высшей школы, театров, музеев, архивов, научных учреждений, библиотек и др.). С апреля 1918 и до начала 1920 г. Сталин не появлялся на заседаниях коллегии Наркомнаца. В его отсутствие 26 апреля 1918 г. коллегия постановила «одной из основных задач считать культурно-просветительную деятельность различных национальностей, входящих в Российскую Федерацию», а «участие свое в культурном строительстве … крайне необходимым»[11].



Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев

За школу как важнейший ресурс культуры, за то, в чьей компетенции она будет находиться и каким будет ее реформирование, началась острая борьба между наркоматами. Наркомпрос, готовя перевод системы народного образования в свое ведение, не мог не реагировать на развертывание «национальных наркомпросов» в Наркомнаце. Наркомнац, в свою очередь, обратился с просьбой предоставить национальным комиссариатам право делегировать по одному представителю в Госкомиссию по просвещению. В декрете СНК о передаче всех школьных учебных заведений Наркомпросу от 5 июня 1918 г. речь шла не только о государственных и частных учебных заведениях[12]. Мектебе и медресе мусульман (11 тыс.), хедеры и иешивы иудеев (9,5 тыс.), ламские школы буддистов должны были прекратить обучение детей. Об этом гласил декрет СНК еще от 23 января 1918 г.[13], встреченный населением неодобрительно[14]. Но даже попытки уяснить численность, например, религиозных школ хотя бы у дагестанских горцев (есть сведения, что их было около 800) потерпели крах. В мае 1918 г. представители польского, белорусского, мусульманского, литовского и еврейского комиссариатов постановили создать по сути аналог Госкомиссии для нерусских народов – общую культурно-просветительную комиссию Наркомнаца. В Госкомиссии предусматри-

валось ее постоянное представительство с «решающим голосом» «в вопросах, касающихся дела национального просвещения»[15].

В Наркомпросе, наоборот, преобладало мнение о необходимости препятствовать «распылению сил», «распоряжаться всеми силами и средствами», стремиться к «одному целому, одной крепкой руководящей воле, одному сознанию». Оно подкреплялось некоторыми аргументами и в Наркомнаце, где также были настроенные на радикальную ломку деятели[16]. Часть этнических элит, захваченная левыми идеями, надеялась трансформировать коммунистическую модель преобразований в соответствии с собственными представлениями о путях модернизации. В мае 1918 г. в Наркомнаце удалось достигнуть компромисса: дело народного образования должно быть централизовано в Наркомпросе, но с учетом национальных особенностей каждого народа. Будучи более осведомлены о ситуации на местах, члены культурно-просветительной комиссии Наркомнаца предложили вариант вхождения в Госкомиссию: «в полном составе» образовать в ней «межнациональную секцию»[17]. Но преодолеть сопротивление Наркомпроса не удалось. 18 июня 1918 г. СНК РСФСР утвердил «Положение об организации дела народного образования в РСФСР». Руководство возлагалось на Госкомиссию Наркомпроса. В нее Наркомнац мог делегировать лишь одного представителя.

22 июня Госкомиссия созвала совещание, на котором замнаркома просвещения историк М.Н. Покровский жестко заявил: «Создание национальной культуры на средства центра – фактор культурного раздробления России»[18]. Он предложил создать в Наркомпросе специальный отдел национальных школ с представителями его в местных советах народного образования. Игнорируя реальную структуру населения, он ограничил участие в них «не более трех от самых крупных» народов, а компетенцию планируемого отдела Наркомпроса – только школой. На совещании 26 июня Покровский еще резче подчеркнул, что «в Большой Государственной комиссии решено не поддерживать национальную культуру – это дело самой нации, а наша задача – общегосударственная». Поскольку вопрос «имеет политическое значение», «то он, конечно, останется за центром»[19]. М.Н. Покровский в Наркомпросе играл роль партийного комиссара. Он был известен нигилистическим отношением не только к нерусским, но и к русской исторической традициям. Именно он предлагал убирать слово «русский» даже из названий музеев.

Военно-коммунистические методы управления, пренебрежение большевиков этнической спецификой (чаще всего она была им незнакома или казалась несущественной мелочью) вызывали разные

формы недовольства: от глухого раздражения до игнорирования новой власти и открытого сопротивления. В Наркомнаце продолжались бурные дебаты, но 29 июня коллегия утвердила комиссара по литовским делам В.С. Мицкявичюса-Капсукаса и секретаря коллегии Наркомнаца И.П. Товстуху представителями в Госкомиссию по просвещению[20].

Академик
Михаил Николаевич Покровский

Конфликт в Наркомнаце обострили манипуляции находившегося на фронте Сталина в вопросах формирования коллегии наркомата. От принципа этнического представительства Сталин стремился перейти к партийному принципу, в чем ему удалось убедить ЦК партии, принявшего его сторону. Коллегия Наркомнаца стала первым органом, состав которой утвердил ЦК, а не СНК РСФСР, как это было ранее принято. Отношение к такой конфигурации структуры власти на местах было негативным. В июне 1918 г. I Общечувашский рабоче-крестьянский съезд высказался за «культурную автономию»[21]. Всего в 1918 г. было проведено 22 национальных съезда просвещенцев. Лейтмотивом их требований была культурная автономия[22]. Съезды опирались на постановление III Всероссийского съезда советов «О федеральных учреждениях», которое предоставляло «рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они, и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве»[23].

Эсеровский мятеж в июле 1918 г. в ходе принятия Конституции РСФСР усилил тенденцию к централизации. На заседаниях Госкомиссии умножились голоса о том, что «школа должна отказаться от узконационалистического воспитания – она интернациональна». Новое предложение Наркомнаца о вхождении его представителей теперь уже в состав коллегии Наркомпроса было также отвергнуто. Дискуссии в стенах Наркомпроса обсуждали разные варианты «врастания» культурно-просветительных структур Наркомнаца в Наркомпрос. В итоге культурно-просветительная комиссия Нар-

комнаца с соответствующими отделами национальных комиссариатов решила перейти в Наркомпрос.

На I Всероссийском съезде по просвещению в августе 1918 г. рассматривалось «Положение о единой трудовой школе». Наркомнац, разрабатывая свое положение о национальной школе, с представлением документа на съезд опоздал. Выяснилось разное толкование того, что есть национальная школа. Часть стояла за то, что это всего лишь школа на родном языке обучения, другая – за то, что школа – это народообразующий фактор и потому в ней должна быть отражена специфика этнического воспитания. За последней формулировкой усматривалась попытка сохранить религиозные школы, численно преобладавшие у мусульман, иудеев, буддистов над светскими школами. Отсутствие регламентированного статуса национальных школ в правоустанавливающем документе в реальных политических условиях не умножало лояльность нерусского населения к советской власти. Но съезд, хотя и отметил отсутствие внимания к учету национальных особенностей, «Положение» одобрил. 30 сентября 1918 г. ВЦИК его утвердил.

28 сентября Госкомиссия, наконец, вынесла эту проблему на обсуждение представителей коллегии трех наркоматов – Наркомпроса, Наркомнаца, Наркомюста и Конституционной комиссии. Разногласий о необходимости централизовать руководство просвещением нерусских народов в Наркомпросе уже не было. Отделу школьной политики поручалось создать отдел школ нерусских народов. *Произошел отказ от термина «национальная школа»*. Было решено считать их школами национальных меньшинств. Конкретизировалось право получения образования на родном языке, подразумеваемое статьей 17 Конституции, гарантирующей предоставление «рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование»[24]. 31 октября постановление «О школах национальных меньшинств» подписал М.Н. Покровский.

В национальных комиссариатах пункт постановления, ограничивавший правомочия отдела школьными проблемами, по-прежнему отвергался. Самая резкая реакция последовала со стороны мусульманского комиссариата.

Реальная ситуация, с которой лучше были знакомы сотрудники национальных комиссариатов, заставляла признавать «необходимость культурной автономии вследствие неспособности государства удовлетворить культурные потребности разных народов». С этим, писал член коллегии Наркомнаца С.М. Диманштейн, нужно «пока согласиться, ибо … аппарат Наркомпроса не в состоянии преодолеть такой трудной задачи»[25]. Сложность согласования позиций, прав и компетенций усугублялась тем, что

национальные комиссариаты сосредоточили в себе силы крепких организаторов. Они «приберегались» «как зачатки будущих государственных единиц разных федеративных советских республик». Сами структуры виделись школой «подготовки работников для этих республик»[26].

* * *

К моменту революции 1917 г. наименее интегрированным в российское социально-культурное пространство было население Средней Азии, где помимо Туркестанского края имелись два государства под протекторатом России – Бухарский эмират и Хивинское ханство, в которых ислам и местные общинные традиции доминировали в социальной жизни. Русское или «европейское» присутствие было главным образом в городах, где рабочие и служащие состояли из пришлого населения. Но в Средней Азии и Казахстане уже была многочисленная прослойка сельских поселенцев-аграриев, которые переехали сюда из безземельных районов России, и многие из них стали вполне успешными фермерами или владельцами земельных угодий. Их отношение к советской власти было далеко не всегда позитивным. Местные бедные декхане отбирали землю не только у баев, но и у русских поселенцев. Начальный советский период был периодом огромной ломки самосознания жителей этого сложного региона. Все это происходило на фоне упорного сопротивления новой власти со стороны так называемого басмачества[27], а также в условиях «национально-территориального размежевания» Средней Азии.

До сих пор жители Средней Азии воспринимались в России как «мусульмане», а большевики добавили к этому определению слово «товарищи». В обращении Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в Фергане, созданной ТуркЦИК в феврале 1919 г., говорилось: нельзя допускать «никакого насилия и обид к таким же товарищам, бедным мусульманам, как и мы, европейцы. Наоборот, должна быть оказана всесторонняя как материальная, так и нравственная поддержка мусульманину»[28]. Вот это «как и мы, европейцы», говорило о многом. Власть не использовала этнические категории как в отношении среднеазиатов, так и в отношении россиян в целом.

Весной 1920 г., когда в Фергане действовали около 30 тыс. басмачей и ситуация была особенно напряженной, за подписью М.В. Фрунзе было опубликовано воззвание «К мусульманскому населению Ферганской области»: «Товарищи мусульмане! К вам, жителям городов и аулов разоренной, залитой кровью Ферганы, обращаемся мы, представители Советской власти, с нашим сло-

Туркмены – жители Средней Азии
(фото Н.Н. Богоявленского, 1901 г. Архив ИЭА РАН)

вом… Вы должны прийти как один человека на помощь власти по искоренению басмачества… Скорее собирайтесь в дружную братскую семью под красным знаменем Советской власти»[29]. Советская власть сделала ставку на классовую солидарность, и в этом выборе оказалась в выигрыше. Как пишут одни из первых исследователи басмачества, «большинство трудящихся коренных национальностей не пошло за басмачами. В этом крылась главная причина поражения басмачества, и это было одним из важнейших условий победы Советской власти над объединенными силами интервентов и внутренней контрреволюции в Средней Азии»[30].

Для большевиков конструирование наций имело самодовлеющее значение. Это стало своего рода новой религией, тем более, что, как только власть немного окрепла, в отношении религии и религиозных институтов повелась беспощадная борьба. В апреле 1926 г. ЦК ВКП(б) созвал первое совещание по антирелигиозной работе. Специальная резолюция о работе среди национальностей информировала местные власти о специфике антирелигиозной пропаганды среди верующих разных конфессий. В этой связи резолюция выделяла формы работы среди мусульман, «ламаистов» и иудеев. Применительно к мусульманам подчеркивалось, что и шариат, и адат, и Коран «должны быть подвергнуты критике в равной

Подписание договора об образовании СССР 30 декабря 1922 г.
(художник С. Дудник)

мере», не расходясь, правда, «с возможностями советского строительства в данной области». Далее говорилось: «Не отказываясь от критики Корана как источника божественной мудрости, не следует, однако, сосредоточивать центр тяжести критики и антирелигиозной пропаганды на нем»[31]. В целом линия формулировалась как борьба с «неправильными тенденциями»: одна из них – «соглашательское отношение к реформационным течениям в мусульманском духовенстве», другая – «крикливое и голое муллоедство»[32].

Рекомендация, относящаяся к работе среди евреев, сводилась к распространению «политических и естественнонаучных антирелигиозных знаний», которые послужат «хорошим средством» в «разрушении авторитета Торы, Талмуда и других сборников “житейской мудрости” раввината». При использовании советских школ рекомендовалось «не перегибать палки», это вредно отражалось на посещаемости школ. Относительно работы в буддий-ской среде отмечалось, что ламские школы, «выпуская за последние годы прогрессивных и образованных лам, пытаются связать с буддизмом все последние достижения науки, выдавая их за свои». Рекомендовалось учесть это обстоятельство и вести «разоблачительную пропаганду»[33].

Принципиально важным стало появление в документе нового мотива о том, что «духовенство в своей повседневной агитации

закрепляет смешение понятий национальности и религии и прилагает все усилия к отождествлению этих понятий»[34]. Ставилась «новая задача»: «разъяснение различия между понятиями национальности и религии»[35]. Немногим позже (январь – март 1929 г.) состоялась переписка слушателя Института красной профессуры В.Я. Касаткина с И.В. Сталиным. Касаткин просил Сталина уточнить «неясный пункт – это вопрос об определении понятия "нация"». «Вы, – писал Касаткин, – не связываете вопроса о нации и государстве, делаете одно от другого *независимым*. Правильно ли это?»[36]. Сталин, повторив свою прежнюю формулировку нации, указал, что «государство пролетарской диктатуры ведет… в отношении национальных культур политику поддержки и покровительства»[37].

* * *

В СССР «национальный вопрос» был возведен в ранг большой теории и фундаментальной политики. Ни одно национальное обществоведение в своей научной номенклатуре не отвело так называемой теории нации и национального вопроса того особого места, которое она заняла в советском обществоведении. Эта сфера теоретизирования была изъята из обычных гуманитарных предметов (истории, этнографии, социологии) и определена в комплекс «марксистско-ленинских дисциплин», куда входили помимо диалектического и исторического материализма, политической экономии и истории КПСС также марксистско-ленинские эстетика и теория национального вопроса. Во всех вузах существовали соответствующие кафедры, для которых в огромном количестве готовились специалисты преимущественно в Академии общественных наук и в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Преподавание названных дисциплин было обязательным для всех факультетов всех вузов.

В Библиотеке имени В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) под рубрикой «Национальная политика КПСС в…» (далее следовало название очередной пятилетки, республики или области) стоял целый каталожный шкаф с названиями книг, брошюр и авторефератов диссертаций. В стране была группа известных теоретиков (некоторые из них здравствуют и работают поныне), которые создавали не только фундаментальные сочинения на данную тему, но и разработки для очередных партийных съездов и документов. Этот раздел всегда присутствовал в отчетных докладах и в программах партии и отражал определенную динамику государствостроительства. Ученые, в том числе и академические, с энтузиазмом комментировали решения и высказывания руководи-

телей государства и КПСС по развитию национальных отношений, хотя зачастую сами были их авторами[38].

Советская теория официально отвергала национализм как «идеологию порабощения и превосходства одной нации над другой». Национализм мог быть только буржуазным и только со знаком минус. Его нужно было искоренять, что и делалось начиная с 1920-х годов. Борьба с буржуазными националистами служила главным аргументом для репрессий в республиках и в отношении как русского казачества, так и этнических меньшинств страны. В то же самое время этнонационализм стал исключительной соб-ственностью государства, правящей партии и доминантой социальной теории. Этничность не только спонсировалась, она всячески «национализировалась» (лингвистически и институционально): все хотели быть нациями и только нациями, а не народностями или нацменьшинствами. Последние понятия скоро ушли из академического и политического языка по причине жалоб и протестов субъектов этих категорий. Но при этом существенным шагом в сторону неназываемого гражданского национализма были новые словосочетания – *советский народ, советский патриотизм, советская культура,* не говоря уже о фундаментальных понятиях «Отчизна» и «Родина», которые формулировались с первой страницы букваря.

Если бывший российский народ стал называться советским народом, в этом ничего особо драматического не было. Подобных случаев переназывания история знает немало, в том числе вполне успешных. Что было сомнительным, излишне идеологизированным и научно несостоятельным, так это определение уже брежневскими идеологами советского народа еще и как «нового типа исторической общности людей», хотя ничего принципиально нового в этой общности по государству не было. Советский народ имел свои объединяющие символы, ценности, представления, культурный арсенал, общие пережитые драмы и достижения, но именовать его типологически невиданной в истории «интернациональной общностью» – это уже была псевдоакадемическая глупость. Таким образом, советский народ был, как и был советский гражданский национализм без самого слова «нация», причем в очень выраженной форме и во многих сферах: социальной однородности и солидарности многоэтничного населения, широком распространении и использовании русского языка, территориальной привязанности к большой и малой родине, национальной идентичности в форме советского патриотизма, культурно-спортивных манифестаций, литературного и театрального процесса и во многих других сферах и формах. Нынешняя категория *российский народ* может вызывать некоторую настороженность, отчасти по причине испуга от

быстрого политического распада советского народа, который ныне некоторым кажется вредным советским мифом. Но это напрасные страхи. *Советский народ распался не потому, что его не было или он был некой аномалией, а по причине раскола элит и краха государственности.*

Вторая причина – это господство в российской аналитике и в историософских дебатах устаревших советских заблуждений о том, что есть народ, нация и национальное государство. Эти три категории на протяжении многих десятилетий трактовались в этническом смысле, и все, что определялось как «национальное», на самом деле обозначало этническое. СССР и Российская Федерация воспринимались исключительно в категории «семьи народов» и их дружбы или «многонационального народа». Соответственно, под этот шаблон понимания мы подгоняли и внешний мир: в Англии живут англичане как нация, в Китае – китайская, в Испании – испанская, в Индии – индийская нация, а в России – 128 наций и народностей.

Отечественные юристы даже международно-правовые документы и декларации о самоопределении народов и т.п. умудрились изложить на языке этнического национализма, хотя международное право понимает под категорией *народ* территориальное сообщество и не признает этнический партикуляризм в качестве государство-организующего принципа. Под воздействием этнонационализма и по причине экспертной слабости на протяжении ряда лет в России существовали смутные представления и установки по части национальной государственности и национальной идентичности. С трудом, но все-таки появились понятия национальных интересов, бюджета, обороны, безопасности, здоровья нации, лидера нации и т.п. Все равно для этнонационалистов от науки и политики Россия не существует как национальное государство, ибо сам субъект нации до сих пор спущен на уровень этнических общностей, а их территориальная автономия в виде субъектов федерации, культура, наука, образование – это и есть субстанции, к которым прилагается «национальное». А если у русской нации нет «своей республики», то нужно ее создать, как считали некоторые политики начала 1990-х годов, или же объявить Российскую Федерацию национальным государством русских, как полагают нынешние русские этнонационалисты. Или же в качестве некоего компромисса объявить всех жителей страны русскими, если они того пожелают, как заявляют сторонники более просвещенного варианта этнонационализма, а точнее, возвращения былого широкого понимания русскости[39].

Как видим, вплоть до сегодняшнего дня национальное государство мыслится только как государство, находящееся в пользовании одной этнонации и одной этнокультуры. А раз так, то и никакого разговора о России как национальном государстве быть не может. Так многие думают в Москве и в Казани, а для западных экспертов по России саморазрушительная формула «многонациональности» – это вообще спасительная надежда на возможное досамоопределение страны в границах «собственно России».

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 189.
[2] Там же. Т. 38. С. 183–184.
[3] Там же. Т. 35. С. 223.
[4] А*манжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 36.
[5] *Макарова Г.П.* Народный комиссариат по делам национальностей. 1917–1923. М., 1987. С. 38.
[6] Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности с 1 ноября 1917 по 20 июня 1918 года. М., 1918. С. 31.
[7] *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917–1924. М., 2006. С. 406.
[8] В январе 1919 г. на территории страны действовали 69 таких отделов разного уровня. См.: *Ульянинский.* Через год // Жизнь национальностей. 1919. 27 апр.
[9] *Тутаев М.З.* Октябрь и просвещение. Казань. 1970. С. 405.
[10] Государственный архив Российской Федерации (Далее: ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 11–14.
[11] Там же. Д. 496. Л. 6.
[12] Декрет СНК о передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений // Народное образование в СССР, 1917–1973: Сб. документов. М., 1974. С. 13.
[13] Декрет СНК от 20 января 1918 г. о свободе совести, церковных и религиозных обществах // СУ. 1918. № 18. Ст. 263; Правда. 1918. 21 янв.
[14] 17 декабря 1925 г. ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР приняли новое постановление № 221 о проведении в жизнь этого декрета. См.: *Терентьев А.А.* Буддийская церковь в 1917–1942 годах. Буддизм в России //http://www.buddhismofrussia.ru/sangha.
[15] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 102. Л. 76 об.
[16] Там же. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 497. Л. 10–11.
[17] Там же. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 35. Л. 210–210 об.
[18] Там же.
[19] Там же. Оп. 2. Д. 194. Л. 33–34.
[20] Там же. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 42 об.; Д. 2. Л. 30 об.
[21] Там же. Д. 130. Л. 18.
[22] *Красовицкая Т.Ю.* Национальные съезды по просвещению (1917–1922) // Советские архивы. 1980. № 2. С. 54.
[23] Известия ВЦИК. 1918. 17 янв.
[24] Конституция РСФСР. М., 1918. Ст. 17.
[25] Жизнь национальностей. 1918. 7 дек.
[26] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 128.
[27] См.: *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.* Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981.
[28] Там же. С. 55.

[29] Там же. С. 70.
[30] Там же. С. 186.
[31] *Кобецкий М.* К 10-летию союза воинствующих безбожников // Революция и национальности. 1935. № 5. С. 73.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 200. Л. 45–53.
[35] Там же.
[36] Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 72–73об.
[37] Там же; Национальные образования в России: Концепции, взгляды, мнения. 1905–1938: Сб. документов. Ч. 2. 1917–1938. М., 2002. С. 167–172.
[38] См., например: *Куличенко М.И.* Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1982; Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС / Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 1982.
[39] *Глазьев С.* Выбор будущего. М., 2005.

Глава 12

ТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ

Когда речь заходит о советском периоде отечественной истории, то здесь расхождения в оценках, что есть *национальное самосознание*, становятся еще более резкими, а ситуация с понятиями *народ–нация–государство* еще более смутной. Термин *идентичность* в советском общественно-политическом дискурсе, включая научное обществознание, отсутствовал вообще. Эта и следующая главы посвящены анализу национального самосознания в СССР – феномену, который с 1917 по 1991 г. обозначался самыми разными словами: коммунистическое сознание, советский патриотизм, любовь к Родине, долг перед Отечеством и т.д. Суть этих слов заключалась в выражении на коллективном и на личностном уровнях чувства сопричастности (лояльной или нелояльной) к стране и принадлежности к советскому народу. Трудность анализа применительно к советскому периоду заключается в том, что в эти годы утвердилось понимание *национального*, в том числе и *национального (само)сознания* в его этническом варианте. Таковым оно во многом сохраняется и в постсоветский период, и переход на более адекватный язык происходит только в работах отдельных ученых, особенно когда необходим перевод русского текста на иностранные языки. Только в последнем случае появляется что-то похожее на этническое самосознание или этническую идентичность. Поэтому то, о чем я пытаюсь написать сейчас, тогда в науке и в обществе называлось другими словами. Однако сам феномен советской идентичности безусловно существовал на протяжении длительного исторического времени, хотя родился и утвердился не сразу. Но сначала в ходе революционных перемен последовало разрушение российскости во многих ее ипостасях и уже на ее развалинах началось конструирование этнографической советскости.

Если не брать идентичность русской эмиграции, где сохранялись дореволюционные лояльности, вплоть до стойкой приверженности России и российской короне и, конечно, русскому православию, то после переворота в 1917 году в головах людей произошел колоссальный сдвиг. Не сразу и не у всех, но он произошел и был, пожалуй, самым радикальным за всю нашу отечественную историю. Существует своего рода историософский уровень оценки эволюции России как цивилизационно-культурной целостности. Здесь многие авторы из числа философов и историков склонны видеть

в большевистской диктатуре и в тирании сталинизма радикальный разрыв с некогда существовавшей петровско-пушкинской европейской имперскостью, а тем более с предреволюционной Россией, где реакция сосуществовала с либеральным национализмом. Как считают некоторые авторы, эту российскую европейскость уже почти разрушила николаевская реакция, а окончательно ее добили большевики. Так, например, В. К. Кантор пишет: «Петровско-пушкинская цивилизация была снесена волной стихии, антиевропейской и антихристианской по своей глубинной сути. Парадокс заключался в том, что разбудившая и будоражившая эту стихию интеллигенция не понимала исторического смысла своих усилий: полагая обогнать Запад, большевики обрушили Россию и еще не закрывшуюся черную дыру первого сбоя России на пути к цивилизации в бездну бесправной жизни, восстановив принципы монгольской тирании. Не случайно, в первые же годы большевизма родилось евразийство, утверждавшее, что России заказан европейский тип жизни и цивилизации, что ее судьба – пространство, а не история»[1].

С точки зрения этнографического метода и с точки зрения более приземленной науки – социально-культурной антропологии такие большие категории, как *цивилизация*, *исторический смысл*, *стихия*, *бездна* или *судьба* не являются категориями научного анализа. Мне представляется, что полезнее взглянуть на Россию пусть не сугубо фактологически, но все же более рационалистично. Действительно, не только страна с ее территорией и политическим строем, но и ситуация с периферийными национализмами и с общенациональной идентичностью существенно поменялись после Октября 1917 г. Война, новая власть и ее идеология, внутригражданские коллизии, дезинтеграция и экономическая разруха стояли у истоков нового государственного образования, появившегося на теле старой России. Это государство хотя и сохранило (точнее – отстояло в вооруженной борьбе) почти всю прежнюю территорию под своим контролем, но оно обрело новое название, новую столицу, новую топонимику, символику и календарь, новую идеологию. Последнее особенно важно для анализа меняющегося содержания категорий *народ* и *нация*, а тем более для изучения российской идентичности. С последним случилась настоящая драма, ибо высказывания тогдашних противников большевиков о гибели России не были пустым звуком: речь шла не просто о разрушении старого властного порядка и об изменении общественных устоев, но об исчезновении обозначения самой страны и ее народа. Длительно существовавшие и достойнейшие категории «российский народ» и «россияне» ушли из политического лексикона после 1917 г. по той причине, что из названия государства ушли слова «Россия» и «Российская».

В изданном недавно эпистолярном наследии российского ученого Густава Шпета есть датированное 1926 г. письмо Е.Н. Коншиной (1882–1973), литератора, сотрудницы отдела рукописей Российской государственной библиотеки, ученицы и друга Г.Г. Шпета. В этом письме есть важные рассуждения в связи со смертью Сергея Есенина: «Если не нужны в нашей стране ни Есенин, ни его поэзия, то ведь, пожалуй, потому, что самая страна перестает быть *Россией*, она становится, действительно, Союзом ССР. Что же тут страшного? Для меня – все. Я готова уважать этот Союз, я готова признать целый ряд его преимуществ, но я любила и люблю Россию, с ее нелепостями объединения народностей, с ее нелепостями психологическими. Я не знаю, может быть, Вам неясна моя мысль и мои чувства, может быть все это химерично, но все равно, милый мой шеф, я прихожу к заключению, что **переименование повлекло за собою перерождение** (выделено мною. – *В.Т.*), что уже теперь не пустая случайность отсутствие слова "Россия". Это переименование неравносильно "Симбирск" – "Ульяновск" или еще какому-нибудь, т.е. простому изменению названия без затрагивания сущности. В замене "России" – "Союзом ССР" громадное историческое явление. Пока оно только свершается. Когда-нибудь свершится»[2]. Сравнивая исчезновение из истории «Рима» и приход на его место «Италии», Е.Н. Коншина пишет: «Я не умею быть только гражданкой С.С.С.Р. и только великоросской. Я как-то привыкла и Волгу, и Днепр любить. Кстати сказать, как называемся теперь мы – прежняя средняя часть России? Великороссия? Такого официального слова нет, в противовес Украине или Белоруссии или Татреспублике. Кто же мы? И вот, видите ли, смерть Есенина показалась мне точкой в констатировании исторического исчезновения России»[3].

Это было написано в 1926 г. и звучит как искреннее и глубокое переживание. Спустя шесть десятилетий мы встречаем другие не менее казалось бы естественные чувства, но уже по поводу исчезновения советскости. Приведу пример из выступления известного украинского писателя Б.И. Олейника на XIX всесоюзной конференции КПСС 1 июля 1988 г.: «Но я хочу сказать, что в последнее время, справедливо побивая культ, мы, в своем не всегда благородном гневе, бросаем камни на весь народ, подвергая сомнению чуть ли не все содеянное им. Перед моим внутренним взором еще с детских военных лет – бескрайнее поле с глубоко вывороченными серыми глыбами. Присмотритесь: да ведь это же не глыбы, а серые фуфайки на плечах наших женщин, матерей, сестер, жен, любимых, согбенных в тяжком труде, да не за Сталина, а за своих мужей, сражавшихся с фашизмом, во имя победы отдавали они и красоту свою, безвременно угасшую, и последние силы. Во

имя родной страны, по поводу которой кое-кто начал сомневаться: а была ли и есть ли эта страна? Не знаю, как у кого, а у меня и пославших меня на конференцию есть Родина – Советская Украина. И есть страна – Союз Советских Социалистических Республик. И я испытываю естественную гордость за свое социалистическое Отечество»[4]. Между двумя обозначенными чувствами – «историческим исчезновением России» и «естественной гордостью за социалистическое Отечество» вместилась вся советская эпоха существования большой страны и ее народа. Казалось бы, многое нам известно, но история коллективных ментальностей пока остается не до конца понятой и объясненной.

Спустя 20 лет после этих слов, когда казалось бы уже пришла новая эпоха и среди моих студентов те, кто родился и вырос уже после 1991 г., советская идентичность сохранилась в сильной степени как среди старших, так и уже среди тех, кто только поет о «совке», называя именно так свою группу. В интервью «МК» под названием «Театр одного коммуниста» Николай Губенко по случаю 20-летней годовщины августовского путча сказал что-то такое, что напоминает сказанное выше Коншиной: «Я родился в Советском Союзе, мой отец погиб в СССР, моя мать погибла в СССР, они были преданы идее ВКП(б). Я впитал с кровью эту веру в человеческое братство, взаимопомощь. Меня поставило на ноги государство, у которого в 45-м году было 19 миллионов осиротевших детей. И оно напоило их, накормило, дало образование, профессию, сделало меня качественным профессионалом. И что, вы хотите, чтобы я плюнул в могилу своего отца и своей матери? Никогда до конца моей жизни этого не будет!»[5].

Первые два десятилетия до образования СССР в 1936 г.– это сложные для понимания годы по причине сумбурности радикальных перемен, чрезвычайно высокой роли политических и идеологических начал и доминирования больших идеологических проектов коллективной человеческой деятельности, которые были предписаны кучкой узурпаторов-правителей. Такого «котлована» насилия и страданий, идей и страстей, убеждений и лозунгов, творческих порывов и жертвенного служения отечественная история, пожалуй, до этого не знала. Оставим в стороне проблемы экономики, социальной и военной политики и посмотрим, как обстояла ситуация с так называемым национальным вопросом. Тем более, что по этой теме в последние годы изданы важные исследования российских и зарубежных историков, а также документальные публикации. Среди последних отмечу вышедшие в серии «Документы советской истории» в двух книгах партийные документов по вопросам национальной политики[6], а также целую библиотеку книг по истории сталинизма, опубликованных издательством «Росспэн».

* * *

Захват в октябре 1917 г. власти поставил большевиков перед необходимостью реализовать обещания в сфере устранения дискриминации и неравноправия, развития культуры и образования для «ранее отсталых» и «ранее угнетаемых» наций и народностей. Не менее актуальными задачами были сохранение целостности страны и ее управляемости, обеспечение жизнедеятельности населения, правопорядка и безопасности граждан. Напомним, что согласно Всероссийской переписи населения 1897 г. в стране насчитывалось более сотни крупных, средних и малых по численности этнических групп. При этом само понятие «народы» или «национальности» как категория учета населения в Российской империи отсутствовало. Жителей страны во время переписи спрашивали о родном языке и о религиозной принадлежности. Именно по ним уже позднейшие интерпретаторы вычисляли этнический состав, т.е. число и численность народов. Эта методика имеет ряд изъянов. Один из них заключается в том, что перешедшие на русский язык представители многих нерусских национальностей могли оказаться зачисленными в категорию русских (великороссов). Так, например, случилось с московскими татарами – старожильческим населением города, которое в большинстве своем перешло на русский язык. У некоторых современных историков-демографов численность татар в столице в дореволюционное время оказалась явно заниженной.

Как мы уже установили в предыдущей главе, в начале XX в. россияне разной этнической принадлежности, особенно деловые и служилые люди, интеллигенция, имели общероссийские интересы, были связаны общностью исторических судеб в рамках Российской империи и имели общее российское самосознание. К этому времени уже масштабным явлением была языковая русификация, когда русский язык был в том самом статусе, о котором когда-то мечтал Н.А. Некрасов: в почти неграмотной стране народ в большинстве своем мог говорить по-русски, хотя собственно великороссы составляли около половины населения страны. В то же самое время россияне принадлежали к разным религиозным, языковым и регионально-территориальным сообществам (точнее – культурам и традициям). Далеко неодинаков был уровень общественного развития. Под последним обычно понимают степень модернизации (например, у европеизированных горожан, полукочевников калмыцких и казахских степей, горцев Кавказа и кочевых сообществ сибирских аборигенов), а также принадлежность населения к большим религиозным системам (христианско-православной, мусульманской, будийской). По всем этим параметрам страна представляла собой мозаику культур и религиозных традиций.

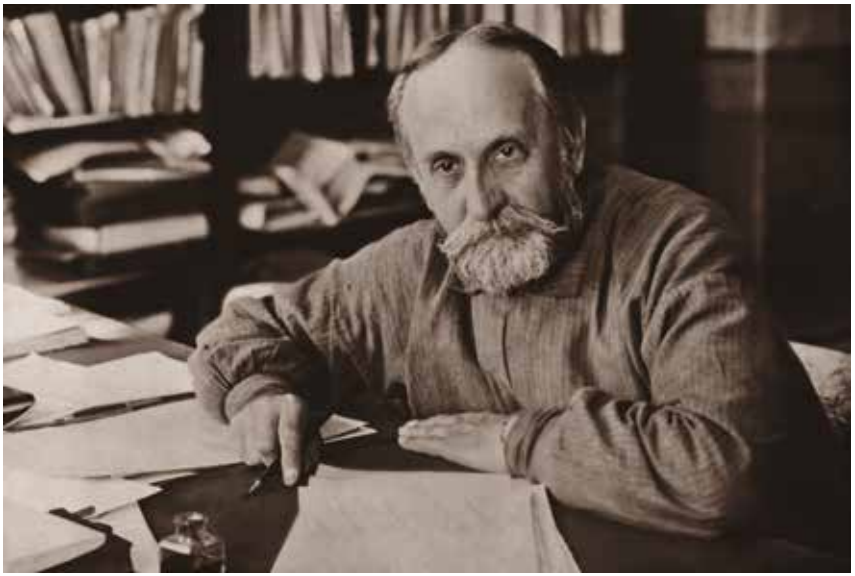
Дореволюционная Россия была одной из самых многоэтничных стран того времени, но этничность не была институализирована, т.е. она не признавалась как основа для определения группового статуса, а само государство не было организовано по этнотерриториальному принципу. *Страна была национализирующейся империей при всей обширности ее территории и этноконфессиональном многообразии населения*. Этничность была далеко на заднем плане, и жители страны до 1920-х годов даже и не знали, что означает само слово «национальность». Что касается личностной и групповой самоидентификации (кем себя считали и как себя называли жители страны), то в этой сфере имелся конгломерат подвижных названий и самоназваний, включавший религиозные, языковые, этнические, регионально-местнические и даже династические отсылки. Конечно, не все из арсенала этнических категорий и понятий было сконструировано в советское время. Местные самоназвания, в том числе и названия аборигенных групп населения, еще в дореволюционной России могли служить основой не только для топонимики, но и для названий российских регионов и губерний.

Многие ныне известные нам этнические категории представляются давними и неизменными, но на самом деле это не так. Например, в дореволюционные времена к грузинам не относили *мингрелов* и *сванов*, а в основном *картлийцев* (собственно грузин, если так можно выразиться). Татарами в России называли всех представителей тюркских народов, включая азербайджанцев и ногайцев. Казахов называли киргизами, а киргизов – *кара-киргизами* (черными киргизами). Были туркменские племена, включая самое многочисленное – *йомудов*, но не существовало общего понятия *туркмены* как народа. То же относится к узбекам и таджикам, как их стали называть в итоге «социалистического национального строительства», а тем более – как их понимают сейчас в новых национальных государствах. Зато были *туркестанцы*, *сарты*, *ташкентцы*, *ферганцы* и многие другие. Сартами называли чаще всего любое оседлое население Средней Азии[7].

Грандиозная задача выявить и классифицировать «племенной состав населения» была поставлена властью еще до большевистского переворота. Более того, с инициативой осмыслить и представить этнический фактор в политико-государственном измерении выступила сама Российская академия наук. Для этой цели была создана Комиссия по изучению племенного состава населения (КИПС) с решающей в ней ролью этнографов и географов[8]. В 1916–1917 гг. столичная научная общественность была обеспокоена организацией немцами этнографических исследований западных территорий (прежде называвшихся «Западно-Русским краем»): Литвы,

Галиции, Буковины, Бессарабии, Польши. По этому поводу было обращение в государственные органы с предложением начать подробное изучение племенного состава приграничных частей Европейской и Азиатской России. 4 февраля 1917 г. на Общем собрании Академии наук было оглашено заявление непременного секретаря Академии академика С.Ф. Ольденбурга: «…Громадное значение будет иметь ясное представление о племенном составе особенно тех частей страны, которые лежат по обе стороны наших границ европейских и азиатских, там, где они соприкасаются с землями наших противников. Известно, что уже теперь правительство и, в частности, Министерство иностранных дел, заинтересовалось изучением упомянутых стран, но, к сожалению, наше правительство не прониклось еще достаточным сознанием необходимости использовать надлежащим образом научные силы России… Наша обязанность в данном случае не ждать призыва, который может и не произойти, а пойти самим навстречу необходимости, организовывая научные силы страны». Академик Ольденбург предложил поручить комиссии из историков-этнографов и филологов представить срочно предположения Общему собранию относительно скорейшего этнографического исследования областей, прилегающих к обеим сторонам российских границ в Европе и Азии для выяснения этнографического состава населения этих областей[9].

На Общем собрании Академии наук 14 февраля 1917 г. была организована Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России. Задача комиссии состояла в выяснении границ расселения разных этнических групп в Литве, Польше, Галиции, Буковине, а затем – в пограничной части Малой Азии, Азербайджане и Северной Персии[10]. В комиссию под председательством С.Ф. Ольденбурга вошли по три представителя отделений Русского языка и словесности, Исторических наук и Филологии: академики А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, В.Н. Перетц и Е.Ф. Карский. 21 февраля 1917 г. С.Ф. Ольденбург обратился к министру иностранных дел со своего рода «встречным политическим заказом» – с запиской, в которой отмечалось: «…вопрос о необходимости выяснить с возможной точностью племенной состав областей, прилегающих к обеим сторонам границы России… имеет в настоящее время исключительное значение, так как мировая война ведется в значительной мере в связи с национальным вопросом. Выяснение основательности притязаний той или другой национальности на ту или другую территорию, где она является преобладающей, будет особенно важно в момент приближения мирных переговоров, так как, если новые границы и будут проводиться в соответствии с определен-



Академик Сергей Федорович Ольденбург

ными стратегическими и политическими соображениями, национальный фактор будет все же играть по отношению к ним значительную роль. Можно несомненно утверждать, что от правильного учета этого фактора будет постоянно в каждом отдельном случае зависеть успех той или другой спорящей стороны… Что наши враги, особенно Германия, уже в полной мере отдали себе отчет в важности выяснения племенного состава пограничных территорий, нам хорошо известно; научные силы Германии использованы ее правительством в широкой мере… Оставаясь на строго научной почве, Академия поставила бы себе срочную практическую цель: немедленно собрать и проверить большой, но весьма разнородный и частью противоречивый материал, который уже имеется в нашей и иностранных литературах относительно Литвы, Польши, Галиции, Буковины и вообще всей нашей западной границы; сделать то же самое для Малой Азии в пределах примерно шести вилайетов и ближайших к нашей границе частей Азербайджана и Северной Персии»[11]. Академия обещала выполнить работу в пределах ближайших шести месяцев и в итоге составить этнографические карты с объяснительными записками.

Однако в эти же дни произошла Февральская революция, и работа комиссии приостановилась. Но уже 1 апреля 1917 г. Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России

была преобразована в Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС). Члены комиссии решили внести на Общее собрание Академии наук предложение обратиться к Временному правительству с заявлением, в котором говорилось: «Принимая во внимание, что для созыва Учредительного собрания и выборов в него, а также для решения в самом Учредительном собрании целого ряда могущих возникнуть там вопросов, связанных с национальным, племенным составом населения государства Российского, будут необходимы строго объективные научные данные по определению племенного состава и границ племенных групп, населяющих Россию народов, Российская академия наук заявляет Временному правительству о своей готовности взять на себя спешную разработку данных по племенному составу и границам всех народов, населяющих Россию, и считает полезным, чтобы, если Временному правительству будет угодно поручить Академии наук эту работу, все данные, касающиеся этих вопросов, сосредоточивались в Академии наук, которая образует для этой цели особую Комиссию из академиков и других специалистов»[12]. Так, комиссия по собственной инициативе поставила перед собой задачи: «определение и картографирование районов распространения народностей, населяющих Российское государство, главным образом на основании данных языка и отчасти религии, бытовых особенностей и объективного самосознания или самоопределения отдельных народностей, а также особенностей их физического типа (данных антропологических)»[13]. 15 апреля 1917 г. Общее собрание Академии наук утвердило положение о Комиссии по изучению племенного состава России.

В сентябре 1917 г. прошло несколько заседаний КИПС и было решено приступить к составлению племенных карт России с объяснительными к ним записками, а второй задачей ставилось написание очерков обо всех живущих в стране народах. Особой подкомиссии, в которую вошли выдающиеся ученые С.К. Патканов, С.И. Руденко, А.А. Шахматов, Д.А. Золотарев и Л.Я. Штернберг, поручалась разработка проекта инструкции к созданию карт и описанию народностей, которые и были утверждены КИПС. С октября 1917 г. комиссия приступила к осуществлению своей программы. В 1919 г. в составе КИПС были образованы Европейский, Кавказский, Сибирский и Среднеазиатский отделы.

* * *

Важным шагом в развитии этнической картографии с ее явной политической направленностью стала сама «Инструкция к составлению племенных карт, издаваемых Комиссией по изучению племенного состава населения России»[14]. На заседании комиссии

в декабре 1917 г. об «Инструкции» доложил секретарь КИПС С.И. Руденко. Одна из главных трудностей при осуществлении этой задачи заключалась в том, что население в стране было полиэтнично, расселено смешанно, и подготовить этническую карту по одному или нескольким народам было очень сложно. Поэтому КИПС решила, что целесообразно подразделить всю территорию России на ряд областей, состоящих из губерний и уездов, «только до известной степени считаясь с однородностью племенного состава выделенных областей»[15]. Но чтобы достичь успеха, необходимо было привлечь к совместной работе этнографов и картографов. Об этом в «Инструкции» имелось пояснение: «…работы по областям производятся под руководством специалистов-этнографов, при содействии помощников и сотрудников, при личном участии, наблюдении и под ответственностью руководителя, на обязанности которого лежит также и составление объяснительных записок к картам»[16]. На основе этой «Инструкции» и других разработок КИПС и был выполнен ряд этнических карт на отдельные области государства вплоть до конца 1930-х годов XX в.

Отметим еще один аспект раннего советского эксперимента с этничностью, а именно разработку шкалы цветных обозначений этнических групп, которая сохранилась до сегодняшнего дня![17] В 1919 г. для решения вопроса создании такой шкалы была образована особая подкомиссия, в которую вошли академик А.А. Шахматов (председатель), Н.Г. Адонц, Л.С. Берг, Д.А. Золотарев (секретарь), А.А. Макаренко и Л.Я. Штернберг. Шкала была подготовлена в 1925 г. Авторы отмечали, что установленные условные обозначения, облегчающие чтение карт, являются необходимыми при всякой крупной картографической работе. Для карт геологических, например, имеется общеупотребительная шкала цветных обозначений для различных геологических эпох. Для карт этнологических таких общепринятых условных обозначений пока нет. Последнее обстоятельство затрудняло чтение этнологических карт, в особенности областей со сложным этническим составом. При разработке такой шкалы главная трудность заключалась в многочисленности народов, населяющих страну, а также в недостаточной изученности связей между различными этническими группами. Поэтому, «не задаваясь целью установления классификации народов СССР, что является делом последующей работы Комиссии, в данном случае имелось в виду разрешение практической задачи – подобрать такие цвета для родственных групп народностей, чтобы оттенками данного цвета можно было нанести на карту все народности данной группы. В первую очередь были выделены те племенные группы, объединенные общим племенным названи-

Академик
Алексей Александрович Шахматов

ем, которые настолько многочисленны, или занимают настолько значительную территорию, что могут быть картографированы. Таких племенных единиц оказалось 191»[18].

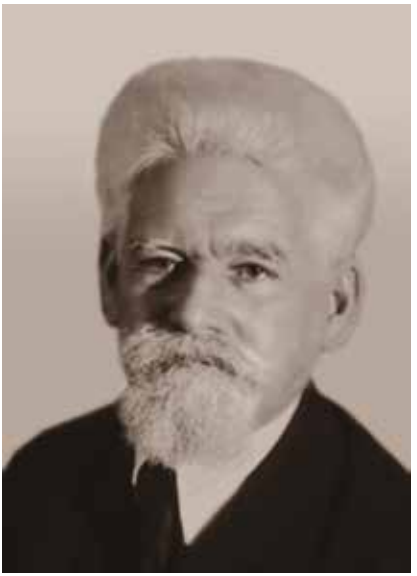
Сложность в выработке шкалы цветных обозначений заключалась и в том, что необходимо было определить, какие этнические образования являются отдельной (самостоятельной) народностью, а какие – этническими группами (племенами) в составе народности. Вот как в «Инструкции» говорится об этой проблеме: «Далее надлежало установить, какие племена могут рассматриваться как самостоятельные народности и какие являются только составной частью одной народности и должны получить то цветное обозначение на карте, которое принято для данной народности. Наконец

родственные народности были соединены в группы, обозначены особым оттенком краски, а родственные группы особым цветом. Затем для каждой племенной единицы кроме цвета установлен свой номер»[19]. Здесь же была перечислена полностью 191 племенная единица в алфавитном порядке. Как отмечает А.В. Псянчин, «подготовка и издание “шкалы цветных обозначений народностей на картах, издаваемых Комиссией” облегчило дальнейшую работу по составлению этнических карт. Ее введение в научную и практическую сферы вело к консолидации работ по этническому картографированию отдельных территорий. Хотя позже, когда этнические карты составлялись другими советскими и хозяйственными организациями, они также использовали эту шкалу цветных обозначений. И надо отметить, что она успешно использовалась практически на протяжении всего XX столетия»[20].

Первой изданной КИПС картой стала «Этнографическая карта белорусского племени» Е.Ф. Карского[21]. На ней автор методом ареалов показал расселение белорусского населения. Она была фактически переизданием его же более ранней карты расселения белорусов[22] и составлена на основе данных о языке, о чем сам Карский писал, что базой для ее создания послужил «материнский язык»[23]. При изготовлении карты не были использованы данные Всероссийской переписи населения 1897 г., т.е. автор использовал сведения, полученные только от корреспондентов, и литературные источники. Поэтому оказалось, что границы расселения белорусов на карте не соответствуют действительности. Такому искажению реальности, видимо, способствовала позиция Карского, считавшего, что, «когда отдельные члены ее (народности. – *В.Т.*) по тем или другим причинам утрачивают материнский язык, они перестают сознавать свою принадлежность к данному племени»[24]. Восточная граница расселения белорусов отодвинута им дальше на восток, не показаны и территории смешанного проживания.

Следующей картой стала «Этнографическая карта сельского населения Бессарабии» академика Л.С. Берга, опубликованная в 1923 г.[25] Для ее создания автор использовал материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., а также другие сведения[26]. Л.С. Берг применил *метод этнических территорий* и попытался отразить на карте практически все население. На ней были «обозначены все национальности, составляющие не менее 10% населения данного пункта. Площади, занятые окраской, приблизительно соответствуют процентному соотношению народностей в данном месте»[27]. По идее каждая выделенная на карте тем или иным цветом территория должна была означать, что данная местность заселена только одним народом. Но на самом деле это не совсем соответство-

вало истинному положению вещей, так как в источниковых материалах указывалось наличие множества сел со смешанным населением. В таких селах совместно проживали русские, молдаване, украинцы, евреи и другие. Л.С. Берг выделил для каждой народности свою отдельную территорию в соответствии с количеством жителей той или иной национальности. Например, если в селе проживало 20% русских, 30% украинцев и 50% молдаван, то, исходя из данной пропорции (2 : 3 : 5), вся территория, принадлежащая крестьянам этого села, расчленялась на три участка, каждый из которых закрашивался соответствующим цветом. Такой способ составления карты не признавал существование самого понятия смешанных этнических территорий. Создавалось представление, что каждая народность в данном селе живет обособленно и занимает отдельную территорию, тогда как население здесь на самом деле проживает смешанно.



Академик
Лев Семенович Берг

Новым словом в создании этнических карт стала «Этнографическая карта Самаркандской области в границах 1917 г.» известного этнографа И.И. Зарубина. Она была приложена к его исследованию о населении Самаркандской области[28]. Как пояснял автор, «при составлении были приложены все усилия для ее максимальной точности. В основу карты были положены подлинные межевые карты земельных дач и угодий, хранившиеся в Самарканде, а также копии, имевшиеся в Ташкенте; с них были перенесены на десятиверстную карту, изд. Штаба Туркест. воен. округа, административные границы: волостные, а в случаях разноплеменности населения волости, и сельские. Раскраска десятиверстки производилась везде, где было возможно, в соответствии с земельными владениями, находящимися в пользовании отдельных сельских обществ. Это было невозможно, при разноплеменном составе населения, для земель общего пользования и для кочевых угодий. В таких случаях приходилось руководиться естественными границами»[29].

И.И. Зарубин показал на карте не только однородные в этническом плане пространства, а, самое главное, отразил *смешанные*

этнические территории. Нашли отражение на карте узбеки (в том числе каракалпаки, туркмены нуратинские, отуреченные иранцы), казахи, киргизы, курама, таджики (в том числе ягнобцы), ирани, арабы, русские. Составитель выделил территории смешанного населения: узбеков и киргизов (вместе с отуреченными иранцами); таджиков и узбеков; таджиков, узбеков, русских и среднеазиатских евреев. Этнографическая карта Самаркандской области И.И. Зарубина имела большое значение для этнического картографирования территории страны членами Комиссии по изучению племенного состава населения России (СССР). А позднее эти работы этнографов стали инструментом так называемого «национально-территориального размежевания» в советской Средней Азии при создании «национальных республик».

В 1926 г. была опубликована работа члена Комиссии академика Ф.А. Фиельструпа по этническому составу населения Приуралья с приложенной к ней картой[30], а также «Картой племенного состава населения Башкирского края»[31]. Сам автор отмечал: «Как необычайно пестро население этого края… Нет, кажется, такой народности в Европейской России, которая не имела бы своих представителей здесь. Сложная мозаика цветных пятен разной величины и формы, и площади, заполненные полосами разных цветов, указывают, где каждая народность живет самостоятельной, бóльших или меньших размеров, группой селений, и где несколько народностей живут смешанно»[32]. На карте народности были выделены в условных обозначениях, согласно шкале цветных обозначений и нумерации: великорусы (1), украинцы (2), немцы (11), вотяки (107), черемисы (109), мордва (110), зыряне (111), бессермяне (112), вогулы (114), чуваши (119), татары, мещеряки (120–121), башкиры, тептяри (123–124), киргизы (137), леса и горнозаводские земли остались незакрашенными. Таким образом, карта Ф.А. Фиельструпа достаточно подробно и адекватно отражала этнический состав населения региона.

Большой вклад в этническое картографирование территории Северо-Запада России внес член КИПС, выдающийся этнограф Д.А. Золотарев. В 1927 г. увидела свет его работа «Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР»[33]. К ней были приложены этнографические карты Мурманской губернии, Автономной Карельской Социалистической Советской Республики и южной части Северо-Западной области. На этих трех картах этнические группы показаны согласно шкале цветных обозначений народностей. Так, на этнографической карте Мурманской губернии были выделены способом этнических территорий великорусы, норвежцы, карелы, финны, лопари, зыряне и коми, самоеды. На двух других картах этим же способом отражено расселение на-

родов Южной части Северо-Западной области и Карельской АССР. При обозначении лопарей, ижемцев и самоедов автор закрасил всю территорию их кочевий и пастбищ, хотя постоянных поселений и жилищ здесь было мало.

Большой работой КИПС явилась подготовка «Этнографической карты Сибири»[34]. При ее составлении были использованы материалы переписи 1897 г., а также более поздних местных переписей. Хотя она и называлась картой Сибири, на самом деле охватывала почти все пространство СССР, включая большую часть Европейской территории страны. Этнографическая карта Сибири имела пространную легенду. Она была составлена в соответствии со «Шкалой цветных обозначений народностей на картах, издаваемых КИПС», на ней была показана 191 народность, сгруппированная по этнической близости, со своей нумерацией и цветом. Новой была попытка выделить на карте незаселенные пространства. Однако территории Крайнего севера и пустынных областей Средней Азии были показаны как места сплошных кочевий, хотя фактически огромные территории в этих районах не были освоены еще человеком. Следует отметить, что территории кочевий на карте занимали больше пространства, чем это было в действительности. «Этнографическая карта Сибири» стала первой этнической картой, охватившей такое большое пространство.

Деятелями КИПС создавались наглядные схематические карты. Такой, например, была подготовленная Д.А. Золотаревым «Карта расселения финно-угорских народностей СССР»[35], к которой прилагалась этническая карта – «Схематическая карта расселения финно-угров в СССР»[36]. Автор карты дает представление о расселении финно-угорского населения страны. Сам Д.А. Золотарев отмечал: «…схематическая карта дает представление о том месте, какое финно-угорская семья занимает среди народов СССР. Населяя в отдаленном прошлом территорию северной и центральной европейской части СССР, финны в настоящее время сохранились лишь местами, будучи вкраплены среди русского населения и занимая на окраинах значительные и сплошные пространства. Различаясь по физическому типу, языку и быту, разрозненные финские племена объединяются главным образом на основании лингвистических особенностей в несколько географических групп»[37]. На карте Д.А. Золотарев выделил 17 финно-угорских групп: карелы, тавасты[38], эсты, вепсы, ижорцы, водь, суоми, квены[39], лопари, вотяки, пермяки, черемисы, мордва, зыряне, бесермяне, остяки, вогулы.

Если в начальный период своей деятельности Комиссия по изучению племенного состава населения России сосредоточила свое внимание на составлении этнических карт, то со временем КИПС

Этнографическая карта Сибири

стала привлекаться для решения проблем малочисленных народов Севера, языкового строительства в национальных республиках, областях и губерниях и др. В 1925 г., в связи с предстоящей переписью населения СССР, в КИПС была образована подкомиссия по подготовке к всеобщей переписи. Эта подкомиссия начала заниматься проблемами проведения демографической, сельскохозяйственной, промысловой переписей. Был разработан вопрос об учете племенного состава населения СССР и составлен список народностей СССР. Такое расширение задач превратило КИПС в уникальное учреждение, занятое не только подготовкой этнических карт. В 1928 г. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР приступила к изданию научного журнала «Человек», где должны были публиковаться материалы о всей полноте изучения человека, начиная с вопросов эмбриологии, физиологии, генетики, этнической антропологии и кончая языкознанием, материальной и духовной культурой, демографией и географией человека. В 1930 г. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР была преобразована в Институт по изучению народов СССР (ИПИН). Как пишет А.В. Псянчин, «деятельность Комиссии по изучению племенного состава населения России (а затем – СССР) как ведущего академического центра в системе Академии наук сыграла важнейшую роль в развитии советской этнографии, а также **этнической картографии** (как тематического вида картографии)

в первой половине XX века. Работа КИПС в области составления этнических карт поистине явилась беспрецедентным событием не только в истории отечественной, но и мировой науки. Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (затем и СССР) внесла выдающийся вклад в развитие теории и методики составления этнических карт как на отдельные области, так и на территорию всего государства»[40].

К первой советской переписи населения 1926 г. эта задача была во многом решена, и именно тогда страна обрела наиболее полную номенклатуру народов России общим числом примерно 126 народов и народностей. Именно тогда появился своего рода списочный состав этнических идентичностей как «список народов». Как и ряд моих ученых коллег в России и за рубежом (Д.А. Аманжолова, Т.Ю. Красовицкая, Ромальд Суни, Терри Мартин, Катрин Гусеф, Джульет Кадио), я много думал над противоречивыми последствиями советского этнического проекта, включая его академическую составляющую. Фундаментальный вопрос заключается в том, в какой мере сама многоэтничность огромного государства обусловила его развитие «мимо» идеи национального государства, или же политика и наука возвели этнический фактор на уровень «национального вопроса» и тем самым стали препятствием своего рода нормативному подходу к государствостроительству? Изложив выше историю КИПС, можно сделать вывод, что наука и прежде всего академическая этнология с первых лет советской власти оказались вовлеченными в большой идеологический проект «решения национального вопроса» на основе национального (читай – этнического) самоопределения и дружбы народов и во многом создали эмпирическую и теоретическую базу для «социалистического нациестроительства» не на гражданской, а на этнической основе.

Как мы видим, образованная еще во время Первой мировой войны для выяснения границ расселения различных этнических общностей в Латвии, Польше, Галиции, Буковине и в пограничной части Азиатской России и составления этнических карт этих регионов, КИПС осуществила важнейшее не только для этнологической науки, но и для политики государства и даже для его устройства «интеллектуальное предприятие», а именно – она положила на карту сложную этническую мозаику населения Российского государства, а затем СССР. Отныне этническая картография стала одним из любимых занятий советских этнографов и оставалась таковой на протяжении почти всего XX в. У этого академического проекта были как реально-историческая подоплека, так и политико-идеологические последствия. *Теория и методика привязывания этничности к территории, казалось бы, представляла и до сих пор*

представляется более чем интересным и вполне нейтральным занятием. Однако сколько по этому поводу в истории нашей страны осуществлено не только полезных, но и бессмысленных и даже разрушительных для государства практических дел, идеологических кампаний, не говоря уже о бесчисленных общественных дебатах и открытых конфликтах.

[1] *Кантор В.К.* «…Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историософские очерки. М., 1997. С. 8.
[2] Письмо Е.Н. Коншиной к Г.Г. Шпету от 1–2 января 1926 г. // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 374.
[3] Там же. С. 375.
[4] XIX Всероссийская конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 года: Стенографический отчет: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 29–30.
[5] Московский комсомолец. 2011. 17 авг. С. 6.
[6] ЦК РКП(б) и национальный вопрос: В 2 кн. 1918–1945 / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М., 2005, 2009.
[7] См.: *Абашин С.Н.* Национализмы Средней Азии в поисках идентичности. СПб., 2007.
[8] Здесь и далее в главе используется исследование: *Псянчин А.В.* Деятельность комиссии по изучению племенного состава населения России в области этнической картографии (1917–1930). Препринт. Уфа, 2005.
[9] Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России // Известия КИПС. № 1. Петроград, 1917. С. 3–4.
[10] Постоянная Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран // Академия наук СССР. 1725–1925. Л., 1925. С. 1.
[11] Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России // Известия КИПС. 1917. № 1. С. 7–8; См. также: *Золотарев Д.* Десятилетие Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран Академии наук СССР (КИПС) (1917–1927) // Человек. 1928. № 1. С. 73–74.
[12] Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России. С. 9–10.
[13] Там же. С. 10.
[14] Инструкция к составлению племенных карт, издаваемых Комиссией по изучению племенного состава населения России // Труды КИПС. 1917. № 1.
[15] Там же. С. 2.
[16] Там же. С. 2.
[17] Шкала цветных обозначений народностей на картах, издаваемых Комиссией // Труды КИПС. 1924. № 8.
[18] Там же. С. 3–4.
[19] Там же. С. 4.
[20] *Псянчин А.В.* Указ. соч. С. 22.
[21] *Карский Е.Ф.* Этнографическая карта белорусского племени // Труды КИПС. № 2. Петроград., 1917.
[22] *Карский Е.* Белорусы. Т.I. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильно, 1904. С. 20–21.
[23] *Карский Е.Ф.* Этнографическая карта белорусского племени. С. 1–2.
[24] Там же. С. 1.

[25] *Берг Л.С.* Население Бессарабии. Этнографический состав и численность // Труды КИПС. № . 6, 1920; Этнографическая карта сельского населения Бессарабии. М = 1: 420000 / Сост. Л.С. Берг. Петроград, 1920.
[26] *Бутович В.Н.* Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916.
[27] *Берг Л.С.* Указ. соч. С. 5.
[28] *Зарубин И.И.* Население Самаркандской области, его численность, этнографический состав и территориальное распределение // Труды КИПС. Л., 1926. № 10.
[29] Там же. С. 5.
[30] *Фиельструп Ф.А.* Этнический состав Приуралья // Труды КИПС. Л., 1926. № 11.
[31] Карта племенного состава населения Башкирского края. М-б 1: 2520 000 / Сост. Ф.А. Фиельструп. Л., 1926.
[32] *Фиельструп Ф.А.* Указ. соч. С. 1.
[33] *Золотарев Д.А.* Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР // Труды КИПС. Л., 1927. № 12.
[34] Этнографическая карта Сибири (карта распределения племен и народов СССР и сопредельных стран). М-б 1: 4200 000 (на 8 листах). Л., 1927.
[35] *Золотарев Д.А.* Карта расселения финно-угорских народностей СССР // Финно-угорский сборник // Труды КИПС. № 15. С. 330–335.
[36] Схематическая карта расселения финно-угров в СССР. М-б 1 : 12 000 000 / Сост. Д.А. Золотарев. Л., 1928.
[37] *Золотарев Д.А.* Карта расселения… С. 330.
[38] Тавасты (тавастландцы) – западная ветвь финнов, отличающаяся от восточной по языку.
[39] Квены – норвежские финны.
[40] *Псянчин А.В.* Указ. соч. С. 34.

Глава 13

НАЧАЛО СОВЕТСКОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА*

Преобразования в советской России проводились в условиях, когда революция и гражданская война взломали традиционные социальные системы, политические институты и отношения. Страна лишилась не только сплачивающей имперской короны, преданного ей служивого слоя и части интеллигенции, но и других скреп: от церкви до армии и полиции. Российское общество переживало состояние аномии, т.е. частичной утраты способности к саморегуляции. Однако это нельзя назвать хаосом как мифологической субстанции исторического бытия, когда некие первичные инстинкты «этносов» выходят на передний план социальной жизни, и в результате возникают межгрупповые насилия, изобретаются враги и уничтожаются слабые[1]. Несмотря на противоречивость, непредвиденность по части человеческих действий, происходившее в России того времени явилось наиболее грандиозным событием отечественной истории, порожденным человеческой проектной деятельностью, политикой, идеями и эмоциями. На сегодняшний день это все отчеливее понимают и объясняют историки. Для примера достаточно назвать историка и политолога В.А. Никонова, сравнительно недавно издавшего монографию о Февральской революции 1917 г.[2]

Действительно, не только сама суровая реальность войны и разрухи, но революционные представления о миропорядке и коренная переделка основ общественной жизни: от форм собственности до семейных отношений – стали мощнейшим вызовом национальным (общероссийским), этническим и религиозным ценностям народов бывшей империи. В данном случае нас интересует то, как формирующаяся в российском государстве многонародная нация реагировала и участвовала в революции, как складывались взаимоотношения центра и этнической периферии на властном уровне и какими были собственно межэтнические отношения в новом государстве. В центре всех этих социальных перемен был собственно сам советский модернизационный проект, который, на наш взгляд, осуществился и был реальностью со всеми его деформациями и противоречивыми последствиями.

---

* Глава написана в соавторстве с Д.А. Аманжоловой.

В.П. Булдаков считает, что «большинство этнических конфликтов, связанных с распадом СССР, легко было предсказать, опираясь на опыт 1917–1920 гг. Этого не произошло, ибо люди, бездумно устремляясь вперед, обрекают себя на блуждание по кругу. Причина – в игнорировании или упрощенном толковании истории. Немалую роль играют и “самообольщения прогресса”»[3]. Но тогда в чем же заключено это всеобщее игнорирование и упрощение применительно к рассматриваемой нами истории? В.П. Булдаков отвечает так:

«Возможно, архаике этнизированного мировосприятия суждено до бесконечности прорываться сквозь покров любых цивилизаций – в условиях как их победоносного напора, так и кризисов. Поэтому лучше принять за аксиому внутреннее “коварство” любого этноса по отношению к тому миропорядку, в лоне которого он набрал силы. Сколь умудренными не казались бы реформаторы, какие бы “высокие” цели не провозглашали революционеры, вожакам упрямого людского стада удается только одно: пробудить в человеке старую как мир иллюзию, что во всех его бесконечных бедах виноват злокозненный “чужой”, а потому по отношению к нему допустима любая жестокость. Так было в незапамятные времена, то же самое происходит в войнах и революциях. Именно тогда призрачные архетипы сознания, подхлестнутые “новыми” идеями, получают грубое силовое наполнение, векторы привычных поведенческих практик приобретают агрессивную целеустремленность, а возбужденный ум начинает рыскать в поисках врага, чей образ наиболее впечатляюще вырисовывается в тумане исторической памяти»[4].

Опираясь главным образом на собранные в «Книге погромов» факты и другие исторические сведения о насилии в отношении евреев в годы Гражданской войны и революции, а также на некоторые данные о межэтнических напряженности и конфликтах, автор пытается обосновать глобальный исторический феномен *народофобии*, который, по его мнению, и лежал в основе так называемой «красной смуты»[5].

В данной главе рассматривается период, который я называю «большим советским проектом». Это главным образом проблемы «политики коренизации», «социалистического национально-государственного строительства» и формирования советского народа как «нового типа исторической общности людей». Напомним, что модернизация российского общества, начатая в последний период имперской истории, осуществлялась одновременно с преодолением последствий тяжелой военной разрухи и гражданских противостояний. Реформирование всех сфер жизни общества затронуло интересы людей самого разного вероисповедания и этнической принадлежности.

* * *

После победы советской власти в Гражданской войне и ее «триумфального шествия» на первое место в государственной (национальной) политике вышли вопросы землеустройства и восстановления экономики, социальной помощи населению, образования и культуры. Этнокультурный ее аспект включал в себя помощь разоренным окраинам, подготовку «национальных кадров» для всех областей хозяйственной и общественной жизни, создание органов власти, совмещающих централизованное начало и этнонациональное представительство. Созданный в 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) занимался культурно-языковыми запросами населения и его общим просвещением. Преодолевая трудности, связанные с новизной большевистских преобразований, дефицитом специалистов, управлением огромной территорией, на которой проживали различные по уровню развития этнические общности, Наркомнац проводил большую и полезную работу[6]. Именно эта структура в начале 1920-х годов стала центром общения центральной власти с региональными местными этноэлитами, добивавшимися разной степени политического самоопределения, зачастую в его сепаратистском варианте. Сотрудники наркомата, в свою очередь, нащупывали и применяли разные способы и инструменты этнополитики, во многом ставшие затем общим достоянием институтов власти.

Одновременно проводилась работа по насыщению партийных организаций, органов советской власти, учреждений и ведомств, общественных структур представителями автохтонных народов республик и автономий. До конца 1918 г. при советах 20 губерний, кроме Кавказа, Сибири и Туркестана, были организованы около 100 местных *национальных отделов*. В 1919 г. такие отделы были созданы в 25 центральных и поволжских губерниях. В августе 1919 г. ВЦИК принял постановление «Об организации гражданского управления в Сибири», по которому создавался национальный отдел и совет национальностей при нем (Сибнац), имевший подотделы: татарский, эстонский, еврейский, финский, польский, литовский, латышский, немецкий, бурятский, якутский и общемонгольский с аналогичными подразделениями на местах. За 1919–1920 гг. прошло 36 национальных съездов по вопросам просвещения разных народов[7].

Переход от войны к миру ознаменовался упорядочением в проведении этнической политики. В апреле 1921 г. декретом ВЦИК в Наркомнаце открывается Отдел по делам нацменьшинств и создается Коммунистический университет трудящихся Востока – КУТВ, в котором обучались и представители европейских народов. В марте

1922 г. при этом Отделе организован «Подотдел по охране и управлению первобытными племенами северной России». В его задачи входили «организация и управление, согласно культурным особенностям, охрана туземцев от эксплуатации и т.д.». Национальные отделы Наркомнаца совместно с аналогичными подразделениями на местах занимались организацией образования и просвещения, культурно- и политико-просветительной работой, сбором статистических сведений об этнических группах. К примеру, чувашский отдел сообщал, что к 1920 г. впервые для чувашских детей были открыты детские сады и ясли – всего 164, создано 80 народных домов и 113 клубов, 300 культпросветкружков, один центральный и три провинциальных народных театра, 81 драматический кружок. Число студентов вузов – чувашей с 1917 г. выросло с 8 до 840 человек. В Вятской губернии к 3-й годовщине Октября половина детей из групп меньшинств посещали школы 1-й ступени, были открыты 45 марийских, 98 татарских и 55 удмуртских школ. 13 национальных школ 2-й ступени охватывали около 1500 учащихся из меньшинств. При уездных исполкомах открывались отделы, проводились съезды меньшинств – марийцев, татар, вотяков и т.д.[8]

Наряду с Наркоматом по делам национальностей этими вопросами занимался Отдел национальностей при ВЦИК РСФСР. Национальные секции и бюро создавались и при партийных организациях. В 1920-е годы проводилось также много совещаний и конференций по национальному вопросу. Он обсуждался на съездах РКП(б), особое место среди которых заняли X (1921) и XII съезды (1923)[9]. Во второй программе партии и в резолюциях X съезда отмечалась возможность в рамках федерации охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния наций и народностей. На практике федеративные отношения складывались между отдельными республиками уже в 1918–1922 гг., да и само советское государство изначально возникло как федеративное – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. В то же время в руководстве партии, прежде всего в лице народного комиссара И.В. Сталина проявлялось стремление к централизации. Вхождение республик в состав РСФСР на правах автономий представлялось ему наиболее приемлемой формой объединения.

Зачастую большевики были вынуждены решать те же проблемы, что и их недавние противники. Опасения, в частности, вызывала способность местных руководителей на деле контролировать ситуацию. Так, в записке о положении в Сибири, направленной из Сиббюро ЦК РКП (б) в Наркомнац в 1921 г., говорилось: бюро «против автономии ойратского народа, так как узкая полоса без

Первые советские школьные и просветительские учреждения

железных дорог и трактов никем управляться не будет»[10]. Не менее проблематичным в 1920-е годы было положение дел в Бурятии. Разделение бурятского ареала в 1922 г. в связи с образованием Бурятской автономной области в составе ДВР и автономной Бурят-Монгольской области в составе РСФСР заставило правительства ДВР и РСФСР в марте и мае того же года утвердить Центральный совет по культурным делам бурят-монгол обеих республик. Это можно расценивать как фактическое признание института культурно-национальной автономии, столь резко отвергавшейся большевиками. В то же время руководство Народного комиссариата иностранных дел, понимая необходимость объединения двух областей, предлагало Наркомнацу «воздержаться от окончательного решения о предоставлении бурятам республики» и внимательно разобраться с территориально-земельным вопросом. Он создавал «политически опасные национальные трения между русским крестьянским и бурятским населением[11].

Отметим, что идеи самоопределения в массовом сознании аборигенного населения региона вряд ли получили ясное толкование, и выступления против власти (белой и красной) были вызваны более прозаическими причинами – насилие, непомерные налоги, разрушение традиционных основ жизнедеятельности. К ним добавлялись и межэтнические конфликты, которые также часто персо-

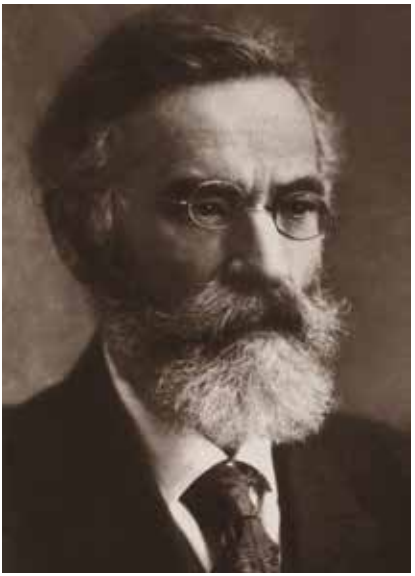
нифицировала власть. Организационные структуры региональных и национально-территориальных автономий, институтов самоуправления были вынуждены считаться с ожиданиями установления порядка и усиливавшимся недоверием к центру. Они стремились к упрочению собственной власти на автохтонной территории и неохотно вступали в борьбу «центральных» властей между собой во время войны, хотя за это лидерам меньшинств, как правило, давалось обещание предоставлять автономию и определенные права. Чаще всего власть шла на компромисс: колчаковские чиновники, например, предлагали признать национальные земства в волостях и уездах при условии, что они будут учитывать интересы русского населения и согласовывать все свои проекты в центре.

После 1917 г. в регионах, населенных этническими меньшинствами, происходили глубокие изменения, определявшиеся общими революционными преобразованиями в России. Новое государственное строительство стало одной из наиболее примечательных особенностей времени, и политическое самоопределение российских национальностей было важной частью этого процесса. Национально-территориальная, культурная или административная автономия для них рассматривались как наиболее адекватный ответ на модернизационный вызов эпохи. Реальные рычаги власти этнонациональные элиты получали в ходе образования автономий, а отношения с Центром и упрочение позиций на местах стали доминантой государственного строительства и сопровождались глубокими трансформациями собственно этнической жизни.

Национальные советы были дополнительным рычагом политики административного регулирования этнических процессов и межэтнических отношений. На деле речь шла о способах осуществления модернизации регионов, включении окраин в общероссийскую хозяйственную, административно-территориальную, политическую и социокультурную организацию, которая сама в это время радикально перестраивалась.

Иерархизация этнополитической структуры общества потребовала более четкого определения статуса меньшинств и их места в административно-территориальной системе СССР. Типология этнических общностей была достаточно сложной, и к меньшинствам могли быть отнесены как малочисленные коренные народы разных регионов, прежде всего Сибири, Севера и Дальнего Востока, так и этнические группы, не получившие свои областные автономии или автономные округа или дисперсно расселенные в Поволжье, на Кавказе, казачество в Казахстане и т.д.

Не менее сложной была и терминологическая проблема. Как известно, в Российской империи в XIX в. благодаря М.М. Спе-



Лев Яковлевич Штернберг
(Архив МАЭ (Кунсткамера))

ранскому юридически закрепился термин «инородцы», обращенный тогда прежде всего к народам Сибири. К началу XX в. инородцами могли называться все нерусские, как это имел в виду, в частности, В.И. Ленин[12]. Известный этнограф Л.Я. Штернберг в 1910 г. отметил различия в понимании и использовании термина властью и националистическими группами:

«Термин *инородец* понимается на языке правительства и националистической прессы в двояком смысле – политическом и технико-юридическом. В политическом и главнейшем значении этого слова основным признаком инородчества является *язык*. Только население, говорящее на великорусском наречии, имеет привилегию на звание русского народа. Ни раса, ни даже религия, ни политическая лояльность не играют существенной роли. Поляки, будучи славянской крови, говоря на славянском диалекте, все же считаются инородцами. Грузины, хотя и православные, все же остаются инородцами. Даже украинцы, родные братья по крови с великороссами, такие же православные, как последние, но имеющие дерзость говорить на собственном малорусском наречии, хотя и столь близком великорусскому, не перестают во многих отношениях считаться на положении инородцев. Остзейские немцы, славящиеся своей лояльностью, остаются такими же инородцами, как и “бунтовщики” поляки. Но русские сектанты, даже самые яростные враги православия, даже самые подозрительные в глазах правительства по своим социальным учениям, но сохранившие великорусский говор, остаются неизменно в списках настоящего русского народа. И всем хорошо известно, что за этой классификацией кроется серьезная политическая сущность, целый комплекс политических отношений огромной важности»[13].

Не было согласия в дифференциации этнических групп и у советских работников. К меньшинствам, требующим национального самоуправления, относились и группы переселенцев из мест происхождения и традиционного проживания, независимо от того, получила ли основная часть данного народа в составе СССР или вне его некую государственно-административную единицу. В частности, по данным переписи 1897 г., в Московской губернии

проживали 21437 лютеран, из них 73% немецкоязычных, 2% финноязычных, 4% латышскоязычных, 15% русскоязычных, насчитывалось 293 финна. В начале XX в. в Московском консисториальном округе числилось 459 верующих-лютеран. По этническому составу (данные 1904 г.) все российские лютеране делились следующим образом (из них количество проживавших в Московском регионе неизвестно): немцев – 411 тыс., финнов – 3 тыс., эстонцев – 21 тыс., латышей – 22 тыс., шведов – 600 человек, прочих – одна тысяча[14]. Центрами сосредоточения эстонцев вне Эстонии к 1920 г. были Петроградская, Псковская, Новгородская, Омская, Томская, Енисейская губернии, значительная часть эстонцев проживали в южных губерниях России, на Кавказе и в Крыму. Уже в мае 1918 г. Комиссариат по делам национальностей Северной области в Петрограде объединял 9 отделов по соответствующим группам, в том числе трех прибалтийских народов, польский, мусульманский, еврейский и др. Некоторые из них были упразднены после отъезда беженцев в места проживания, но в 1920 г. оставались эстонский, польский, латышский, еврейский, мусульманский, финский отделы, открылся карельский. Для эстонцев, латышей, финнов, мусульман в Петрограде и карел в Петрозаводске издавались газеты. В Костроме, Муроме, Ямбурге, Новгородской губернии работали предприятия и сельхозколонии с преобладанием финнов, эстонцев, латышей.

В Крыму на начало 1922 г. было 3158 эстонцев. Здесь проживали также 4460 немцев, 17340 армян, 47600 евреев, 17742 грека, 2020 поляков, 4748 караимов, столько же крымчаков, 775 чехов. Кроме того, на полуострове жили турки, латыши, литовцы и т.д.[15] В РСФСР в конце 1921 г. насчитывалось 489123 эстонца. По данным переписи 1926 г., в СССР было 154666 эстонцев, 151410 латышей и латгальцев, 41 463 литовца[16]. Только в Сибири для эстонцев были открыты четыре политклуба, 10 изб-читален, создано шесть сельхозартелей, проведено четыре губернских и одна областная конференции. В Уфимской губернии работали эстонский подотдел, политклуб и четыре избы-читальни для эстонцев.

Латыши, привлеченные в Россию свободными землями, которые они приобретали на льготных условиях, находили применение своего труда в качестве мастеров-маслоделов и сыроваров, селились главным образом в волостях с развитым животноводством и в районах промышленного маслоделия. Большая часть латышей-крестьян, приезжавших в города, становились рабочими. Так, в конце XIX в. викариат Московской губернии обслуживал 1000 верующих-лютеран, в том числе 30 латышей[17]. Например, в с. Ермолово, ныне Чеховского района, купленном после отмены крепостного права врачом А.Ф. Шнейдером, некоторое время возглав-

Усадьба Горки Московской области

лявшим Серпуховскую земскую управу, работали латышские крестьяне. Вместе с русскими крестьянами в 1918 г. они организовали здесь коммуну «Заря». Латыши-лютеране показали себя хорошими сельскими хозяевами, принесли новые агрокультурные навыки, отличались грамотностью и стремлением к образованию, получая его в церковно-приходских школах, сохраняли привязанность к своим национальным традициям и ценностям. Однако при дисперсном расселении и небольшой численности, как в Московской губернии, они, особенно молодое поколение, подвергались быстрой ассимиляции. С историей латышей в Московской губернии связано развитие знаменитой усадьбы Горки[18]. З.Г. Морозова-Рейнбот приобрела Горки в 1909 г. Ей удалось превратить старую усадьбу в современное поместье, где были учтены новейшие достижения. Работали в хозяйстве латыши.

Конфискация усадьбы и передача ее в распоряжение Сухановского волостного совета Подольского уезда произошла 10 марта 1918 г. На базе хозяйства была создана сельскохозяйственная ферма. В усадьбе было организовано советское хозяйство «Горки», рабочие и служащие которого кроме жалованья ежемесячно с фермы имения по льготным ценам могли получать мясо, муку, яйца и молоко. В хозяйстве трудились около 40 человек, большинство из которых работали здесь еще при З.Г. Морозовой. Она не

пользовалась услугами местных крестьян, в ее хозяйстве трудились наемные рабочие. Их основу составили латыши, партия которых прибыла в имение на заработки из Прибалтики в 1910-е годы. Каждый год для полевых работ набирались сезонные рабочие из Московской и соседних губерний России. Условия труда и проживания были столь привлекательны, что многие из них привезли в Горки свои семьи.

К осени 1918 г. хозяйственный комплекс усадьбы пришел в упадок, рабочие перестали получать зарплату, что привело к отъезду из имения трети работников. Следуя тогдашней линии в аграрном строительстве, в Горках была создана Коммуна имени Ленина. Но к весне 1919 г. стали ясно, что усилия коммунаров по налаживанию производства оказались безрезультатны. Большинство рабочих стали выходить из коммуны и собираться к отъезду. Проходивший лечение в Горках В.И. Ленин переживал эту неудачу. Однако даже ему не удалось убедить рабочих Горок в преимуществах коллективного хозяйствования. Н.К. Крупская вспоминала: «Я помню, как на совещании, проходившем в Большом доме, Ильич убеждал их, очень волновался. Но не вышло ничего из его стараний… Горкинские рабочие, как и все латышские рабочие, ненавидели помещиков, но к коллективной работе, к организации управления совхозом они были еще весьма мало приспособлены в то время… Дело свелось к дележу … имущества… Белье, находящееся в доме, где лечился тов. Ленин, коммуна между собой распределила, часть мебели из дома забрали и распределили, коммуна обставила свои квартиры. Ковры, драпировки, посуду, серебро, мельхиор тоже распределили и несколько возов… вывезли в Прибалтику. Так кончила свое существование “коммуна” Горок»[19]. К лету 1919 г. коммуна имени Ленина была ликвидирована, а большинство рабочих уехали из усадьбы.

В советский период в отношении народов, проживавших главным образом в Поволжье, на Урале и Севере, стали использовать термин «отсталые народы». В их состав входили не только очевидные меньшинства, но и крупные этнические общности, получившие политическое самоопределение в виде автономий разного уровня и ставшие объектом политики «выравнивания» в социально-экономическом и культурном отношениях. Административно-территориальные преобразования должны были обеспечить выделение компактно проживавших этнических групп. На практике это порождало массу противоречий и проблем.

Созданные автономные единицы стремились укрепить свое положение прежде всего путем включения в свой состав максимально большего числа представителей «титульной» национальности. Так, руководство автономной области Коми в 1923 г. обратилось

во ВЦИК и ЦК РКП (б) с просьбой перевести в ее подчинение территории бывшей Пермской и несколько волостей Вятской губерний, населенные коми-пермяками. Обоснованием служило их дисперсное расселение в ряде губерний и областей, причем если в Северо-Двинской, Архангельской, Пермской и Вятской губерниях они жили компактно, то в Верхне-Печорском районе и в Сибири были разделены огромными пространствами или «вкраплены в другие национальности». К тому же межэтнические отношения коми и русских в Северо-Двинской и Архангельской губерниях не вызывали опасений, поскольку социальное положение обеих групп было примерно одинаковым до и после революции. Между тем, в отличие от них, в Пермяцком районе Вятской губернии сельские коми-пермяки до 1917 г. находились в зависимости от русских помещиков, использовались как «черная сила» на уральских заводах, имели более низкий экономический и культурный уровень в сравнении с русским населением. Лидеры автономной области предлагали включить этот район в свой состав, поскольку, по их мнению, он в экономическом и культурном отношении для Урала никакой особой ценности не представлял.

На IV совещании по национальному вопросу с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.) была принята программа по развитию экономики и культуры в национальных республиках, по расширению участия нерусских народов в политической жизни и т.п. Особую роль в этом отношении играла *политика коренизации*, направленная на расширение образования и подготовку кадров управленцев, хозяйственников, интеллигенции среди получивших автономию национальностей. С помощью этого слоя людей, воспитанных на новых идеологических принципах, не связанных с дореволюционной этноэлитой, карьера которых теперь зависела от верности партии и реализации ее указаний, власть проводила свою политику в жизнь[20].

Создание новых кадров было грандиозной по масштабам и весьма важной для каждого народа задачей. Отчеты и материалы отделов по делам национальностей констатировали острейший дефицит не только специалистов, но и просто грамотных людей среди многочисленных этнических групп. В Пензенской губернии, в частности, меньшинства (мордва, татары и др.) насчитывали до 500 тыс. человек, и только 15% детей школьного возраста из этих групп учились. Не хватало работников данных отделов и представителей меньшинств в учреждениях и ведомствах образования, здравоохранения, юстиции, издательствах и пр. На местах в этих условиях приходили к идее отказаться от специального аппарата для нацменьшинств, дабы создать соответствующие советы

в каждой организации – государственной, кооперативной, профсоюзной, советской.

В то же время Томский губотдел по делам национальностей жаловался в Наркомнац, что хозорганы и даже губком партии «всеми силами стараются …игнорировать национальную политику». Отделу пришлось вступить в борьбу «с кабальными сделками» хозяйственников и кооперативов с инородцами, регулировать их конфликты с русским населением. Туземцы не симпатизировали кооперации не только из-за высоких цен, но и поскольку в ней не было их представителей. Решение о роспуске Наркомнаца особенно настораживало места: пензенские и томские работники считали, что для защиты экономических и правовых интересов меньшинств требуется какой-либо авторитетный аппарат.

На 2-м съезде национальных меньшинств Вятской губернии в марте 1920 г. доклад об административно-политических организациях по делам национальностей при исполкомах завершился выводом, что «самой жизнью эти отделы будут уничтожены». Эти отделы работали без определенного плана, подотделы просвещения меньшинств при органах народного образования дублировали их, враждовали между собой. Марийцы отстаивали пропорциональное этническое представительство во всех учреждениях. Сами отделы не имели судебно-административных прав для урегулирования межэтнических конфликтов. Многие выступали за их реорганизацию в секции при парткомах и за сохранение специальных структур для групп населения, не владеющего русским языком. В итоге работа губернского отдела по делам национальностей была признана неудовлетворительной. Национальные отделы передавались в соответствующие партийные секции.

В 1921 г. недоброжелательное отношение губисполкомов к национальным отделам отмечалось в Вятской, Гомельской, Пермской, Самарской, Симбирской, Челябинской губерниях. Со своей стороны, губисполкомы Архангельский, Брянский, Вологодский, Рязанский предлагали упразднить такие отделы, что уже сделал Воронежский губисполком в связи с практически однородным составом населения. «За полное упразднение работы среди нацменьшинств» из-за разрухи, низкой квалификации, политической и организационной незрелости работников-националов, необходимости сокращения штатов и их обрусения выступали енисейские чиновники. В Курской и Пензенской губерниях отделы считали нужным сохранить. В Самарской не справлялись с межэтническими конфликтами по поводу разверстки продналога, перевыборов волостных и сельских советов, распределения земельных участков, но выполнить решение о выделении чувашского населения в отдельную

Академик В.Г. Тан-Богораз среди учащихся –
представителей народов Севера
(архив МАЭ (Кунсткамера)

административно-территориальную единицу не спешили. Уфимский губернский нацотдел видел свое место в составе губполитпросвета, поскольку главной задачей для меньшинств было просвещение и образование. В частности, среди башкир грамотных было 9%, татар – 14%, чувашей – 16%, марийцев – 7%, мордвы – 16%, вотяков – 5%. При этом школ для малочисленных групп было всего 62[21].

Обследования показывали, что органы советского самоуправления различных этнических общностей уже формировались снизу. Так, в Кубано-Черноморской области по решению областного съезда трудящихся горцев (март 1921 г.) был создан Горский исполком, имевший права уездного исполкома с соответствующими отделами и распространявший свои полномочия на аулы Краснодарского и Майкопского отделов и Туапсинского округа. Несмотря на недостаток средств, создавались лечебницы, летом – противохолерные отряды, работали 70 русских и черкесских смешанных школ (154 учителя и более 2500 учащихся), развивались кустарные промыслы в сыроварении, производстве шерсти и кож, кооперативы. В то же время среди горцев было большое стремление к выделению в автономную единицу (административную) с непосредственным подчинением центру. Эта мера рассматривалась горцами как возможность решить земельный вопрос в своих интересах, лучше учитывать особенности их экономической структуры и быта[22].

* * *

С роспуском Наркомнаца национальная политика перешла в ведение партии как составная часть ее общей работы. Прежде всего она заключалась в реализации решений XII съезда РКП(б) и дальнейшей интеграции регионов и национальностей в недавно образованном СССР. Это, в частности, учреждение второй палаты ЦИК СССР – Совета национальностей и организация союзных наркоматов, а также вовлечение трудящихся этнической периферии в советское строительство, идейно-политическое и кадровое обеспечение политики партии на местах. По решению 2-й сессии ВЦИК от 7 июля 1923 г. был создан Отдел национальностей ВЦИК. Отдел национальностей ВЦИК и Совет национальностей ЦИК СССР стали частью общегосударственной структуры власти, имея меньшие полномочия, чем Наркомнац. Однако их прерогативы и содержание работы встраивались в общегосударственную систему управления и преобразования экономики и общественных отношений. Решением Президиума ВЦИК от 15 декабря 1924 г. вводились *инструкторы по делам нацменьшинств* в Отделе национальностей и *уполномоченные на местах*. В 1929 г. в журнале «Советское строительство» отмечалось, что основную задачу по подготовке объединения республик и народов в СССР Наркомнац выполнил через губернские национальные отделы и своих уполномоченных. С одной стороны, они были необходимы из-за наследия прошлого, мешавшего равноправному вовлечению масс в советское строительство. К 1924 г. задача защиты прав меньшинств в основном была решена, и появилась новая – «расширить участие всего советского аппарата в реализации нашей национальной политики». Ее принципы определялись решениями VIII, X и XII съездов РКП(б) и 3-го Всесоюзного съезда советов, а права и обязанности уполномоченных – планом работы Отдела национальностей ВЦИК[23].

Создание сельских советов для этнических меньшинств власть рассматривала как один из главных результатов решения национального вопроса в СССР. Их массовое формирование началось в 1923–1924 гг. Совещание при Президиуме ЦИК СССР по вопросам советского строительства пришло к выводу о неэффективности укрупнения сельсоветов и предложило создавать их в каждом селе при наличии более 300 жителей, при этом расстояние от центра расположения совета до других сел в данной единице самоуправления не должно было превышать 305 верст. Для малонаселенных Астраханской, Архангельской, Енисейской губерний и Якутии допускалось большее расстояние.

1925 год ознаменовал начало масштабного этнотерриториального структурирования регионов. На III съезде советов СССР

20 мая 1925 г. в постановлении «О советском строительстве» констатировалось, что национальная политика «вполне оправдала себя и оказала огромное влияние в деле укрепления Советского Союза». ЦИК СССР обязывался обеспечить «введение во все выборные советские органы представителей национальных меньшинств, в случаях значительной численности национальных меньшинств образование отдельных Советов с употреблением этих языков меньшинств, организацию школ и судов на родном языке и т.п.». 23 сентября 1925 г. было принято постановление Президиума ВЦИК о выделении административно-территориальных единиц с преобладающим составом населения из одной этнической группы. Через месяц последовал декрет ВЦИК «О плане работ уполномоченных ЦИКов автономных республик, областных исполкомов автономных областей, краевых, областных и губернских исполнительных комитетов по делам национальных меньшинств» и циркуляр, определявший их компетенцию, в том числе в развитии экономики, подготовке национальных кадров и т.д. В 1926 и 1927 гг. выпускались циркуляры ВЦИК по вопросам национальных советов. Одновременно был выпущен циркуляр ВЦИК об усилении вовлечения нацменьшинств в избирательную кампанию и перевыборы советов в 1925/26 г., а также об обеспечении их представительства в советах, на съездах советов и в исполкомах. По специальному плану Отдел национальностей проводил обследования состояния работы с нацменьшинствами в разных регионах. Более 10% обсуждавшихся в Президиуме ВЦИК вопросов касались организационного и советского строительства, 83% – вопросов национальной политики[24].

В 1920–1930-е годы происходили многократные административно-территориальные изменения: вместо губерний и округов создавались области и их районирование, шел обмен территориями между субъектами федерации, создавались новые этнотерриториальные образования, менялся их статус. Решения съездов советов СССР по этим вопросам рассматривались как исполнение основной задачи национальной политики: «прежде всего осуществление права на национальное самоуправление даже за самой незначительной по численности национальностью». Сама организация учета меньшинств представлялась серьезным достижением. Между тем чиновник ВЦИК в 1926 г. признавал: «Очень слабо, и то в очень немногих губерниях и областях ведется работа по созданию национальных советов – сельских, поселковых (местечковых), волостных, районных. В момент районирования и укрупнения очень немного губерний учли национальный момент», несмотря на директивы центра. Группы меньшинств были слабо вовлечены и в общие советы на местах. Например, в Псковской губернии национальных

советов не было, а в общих советах меньшинства были представлены непропорционально их численности. Если белорусы составляли 7,8% сельского населения, то среди депутатов сельсоветов их было 0,3%. Еврейское население в городах определялось в 15,9%, а в горсоветах от него было 6,1% депутатов. В Сарапульском округе насчитывалось 30 тыс. башкир, 2 тыс. татар и тептярей и около 6 тыс. русских, но башкирско-татарский район не создавался. В Астраханской губернии меньшинства составляли 25% населения, работали 33 казахских и 25 татарских сельсоветов, но лишь в 6 из них в качестве эксперимента делопроизводство велось на соответствующих языках.

В Ленинградской губернии одно из крупных меньшинств составляли финны (более 150 тыс.), работали 23 финских клуба, 53 красных уголка, 250 школ 1-й ступени, три – 2-й ступени, один детдом. Но перевод делопроизводства советов на финский язык в местах их проживания только начинался. «Финнизация советов отняла бы почву из-под антисоветской пропаганды в Финляндии»,– указывал в докладной записке для Отдела национальностей ВЦИК заведующий финским отделом Совета нацменьшинств Наркомпроса Яло Кохонен. Предлагалось создать отдельные финские районы с делопроизводством на родном языке. В то же время в Карельской АССР в Ухтинском уезде и трех волостях Паданского дела и переписка с ЦИК республики велись на финском языке. Другие крупные группы меньшинств составляли поляки (41 338 человек) и эстонцы (около 40 тыс.). В Кингиссепском районе, в частности, половина ингерманландских, эстонских и финских женщин не владели и до 20% мужчин из этих же групп плохо владели русским языком. Много детей из меньшинств не посещали школы из-за их небольшого числа и нежелания родителей обучать детей. Все политико-просветительные организации меньшинств содержались «самоснабжением» местными кооперативами. После выборов 1925 г. председателями сельсоветов в губернии стали 84 финна, четыре латыша, 22 эстонца, семь немцев, два ижорца, один ингерманландец и один представитель чуди[25].

В Мурманской губернии меньшинства составляли 28,4% населения: финны – 7,9% (1427 человек), лопари – 8,6 (1554), карелы – 1,2 (212), ижемцы – 3 (557), самоеды – 0,6 (106), татары – 1,9 (357), китайцы – 0,7 (127), норвежцы 0,8 (152), прочие – 3,7%, или 684 человека. Были созданы 10 финских сельсоветов – по четыре для лопарей, ижемцев и самоедов, по одному для норвежцев и карелов. Организация образования и хозяйственной деятельности была лучше у финнов – половина детей обучались в школах, работали две избы-читальни и библиотеки в пяти деревнях, около 700 человек

входили в три промысловых кооператива. Для карельских детей работала школа на русском языке обучения, у самой многочисленной группы – кочующих лопарей – на побережье в летнее время открывалась школа 1-й ступени[26].

В Нижегородской губернии меньшинства объединяли примерно 8% населения (204382 человека). Главными видами деятельности были земледелие (мордва, чуваши, черемисы, татары, белорусы), торговля (евреи, поляки), работа в различных учреждениях (латыши, евреи, поляки). Из 389 цыган 203 проживали в Арзамасском уезде и занимались земледелием (33%), торговлей лошадьми (36,3%), сезонными работами (2,8%), нищенствовали или гадали (25%). К 1927 г. от представителей меньшинств губернии народных судей был один, милиционеров – три, инструкторов уездных исполкомов, отделов образования, райсоюза, начальников отделений почты и секретарей волисполкомов – по одному. Довольно активно работали уполномоченные нацменьшинств в волостях, на местах делопроизводство велось на татарском и мордовском языках. В 1927 г. в перевыборах советов участвовали 45,2% меньшинств. Росло их представительство в сельских и волостных советах.

Недостатки оставались типичными: редкие заседания пленумов советов в национальных районах, слабый деревенский актив, плохо налаженная отчетность советов перед населением из групп меньшинств, отсутствие строго разграниченного местного бюджета. На состоявшемся в феврале 1926 г. губернском совещании работников по делам нацменьшинств звучали характерные замечания: «отрицательный взгляд на национальный язык идет не от самих масс, а от работников»; «материальная бедность допускает темноту мордвы. Предрассудки окружили мордву». Далее: «Есть из мордвы судьи, милиционеры и пр., но они используются на работу среди русского населения»; «кооперация среди мордвы слаба»; «признаков оживления татарских масс в советском строительстве нет». Причинами назывались бедность, высокий процент безлошадных крестьян, уходящих на заработки, пассивное отношение к сходам, отсутствие организаций бедноты и различных добровольных обществ, работы с женщинами и детьми, сильное влияние духовенства. В то же время перевыборы советов подтверждали, что выступления и отчеты на национальных языках вызывали «огромный интерес и пробуждали активность масс»[27].

В сложных по этническому составу регионах административные преобразования вызывали особые трудности. Например, в 14 округах Дагестана в 1925 г. 184 сельсовета работали на аварском языке, 55 на даргинском, 50 на кумыкском, 33 на лакском, 37 на тюркском, 40 на русском, 13 на ногайском, 108 на лезгинском

и 8 на чеченском. В республике действовали 63 религиозные организации: 34 православных, по 2 старообрядческих и лютеранских, 3 баптистских, 10 иудейских, 7 мусульманских, 4 прочих (католических не было). Вседагестанский съезд советов в 1925 г. принял решение упразднить участки, аналогичные волостям. Республика делилась на 4 района и 10 округов, подчиненных ЦИК. 40 участков соответственно подчинялись окружным исполкомам. 74 из 533 сельсоветов входили в районы, остальные – в округа. На середину 1927 г. в Дагестане было 14 округов и 2 района, 2 участка, подчиненных округам, 590 сельсоветов, из которых 577 подчинялись окружным и районным исполкомам. Округа по своим правам приравнивались к уездам, а участки – к волостям. Для проведения запланированного районирования республики предлагалось в качестве критериев учитывать горные рубежи и водоразделы, а также этнографический признак. Таким образом, предстояло создать 25–26 районов по 30 тыс. населения с площадью около 2 тыс. кв. верст в каждом. Для объединения кумыкского населения Дербентский район расширялся. Но топография многих населенных пунктов и дорог была неизвестной. К тому же, в отличие от центральной России, где сельсоветы объединяли по 3–4 тыс. жителей и имели на своей территории какую-то инфраструктуру (школы, больницы и пр.), здесь возникала опасность возникновения «рахитичных» сельсоветов, охватывающих – по 400–500 жителей, и нужно было увеличить это число как минимум вдвое.

На заседании комиссии по районированию при ДагЦИК 12 июля 1927 г. также отмечалось: «В Дагестане много племен, и многие из них в силу своей экономической и культурной изолированности вырождаются и вымирают, и в то время, когда у нас при проведении районирования имеется возможность устранить недостатки, допущенные историей и царизмом в отношении этих племен, дать возможность этим племенам посредством районирования улучшить свое положение,– этим проектом они ставятся в еще более тяжелые условия, чем были поставлены прежним административным районированием Дагестана» (член комиссии Хан-Магомедов). Например, в Кайтаго-Табасаранском районе насчитывалось 44 тыс. табасаранцев при плотности населения 32 человека на кв. версту. Из-за преобладания гор и малоземелья они батрачили на плоскости в крупных аулах Дербентского района, некоторые занимались скотоводством. Но их пастбища передавались в экономически самый крупный Дербентский район (нефть, виноградарство и садоводство), что ухудшало положение дел. Ряд сел табасаранцев был присоединен к другому району, что разрывало единую этническую группу.

Занятия по ликвидации неграмотности
(фото С. Манизера, 1925 г.)

Таким образом, районирование в республике требовало «ювелирного» мастерства. Участник заседания Темирханов предложил начать снизу, создавая сельсоветы, которые затем объединятся в районы и далее – в округа, и только сами местные люди должны проводить эту работу. В итоге решили обследовать положение в районах и округах, доработав затем окончательный вариант. Административная комиссия при Президиуме ВЦИК, в свою очередь, в августе 1927 г., «учитывая чрезвычайную пестроту административного деления Даг. АССР», просила Президиум ВЦИК обязать власти Дагестана в 6-месячный срок выработать проект нового деления республики «с устранением существующей пестроты». Представленный в сентябре проект не был утвержден[28].

В Кабардино-Балкарской автономной области в 1928 г. имелось 7 национальных административно-территориальных единиц: сельсовет Брунеталь Нагорного округа был создан летом 1925 г. и объединял полностью немецкое население, сельсовет с. Азрек Урванского округа (создан в начале 1927 г.) – 100% осетин. Для 48,2% болгар Мало-Кабардинского округа действовал открытый в начале 1927 г. болгарский сельсовет в с. Молгабек (5 его членов – болгары, 5 – кабардинцы, 3 – осетины). В этом же округе с лета 1925 г. 100% кумыков обслуживал Кизлярский сельсовет, 97% немцев

приходилось на станицу Александровскую Нальчикского округа, 95% горских евреев – на Горско-еврейскую колонию. Делопроизводство повсюду велось на русском языке[29].

В Калмыцкой АО только Мало-Дербетовский народный суд проводил процессы на калмыцком языке, тогда как повсеместно суд, агрономические и медицинские заведения работали на русском. В Адыгее лишь 6% составляли грамотные, национальных кадров в сельсоветах и других структурах не было, а использование в делопроизводстве различных организаций преимущественно русского языка укрепляло его позиции. В то же время в Чеченской АО из 6458 членов сельсоветов чеченцы составляли 6312, в райсоветах – 231 из 258. В Черкесском автономном округе в 1925 г. курсы учителей национальных языков окончили 18 человек, политпросвета – 3[30].

III Всесоюзный съезд советов принял также решение об организации школ и судов для обслуживания меньшинств. Так, в 1927 г. в Астраханской губернии работали две судебные камеры на татарском и казахском языках, в Воронежской две переводились на украинский, в Нижегородской на национальных языках была одна камера, в Саратовской – две (на татарском и мордовском языках), в Псковской на идиш – одна, в Уральской области – 8[31]. В Смоленской губернии намечалось создать 12 пунктов юридической помощи (10 на еврейском и 2 на латышском языках).

На Украине, где меньшинства составляли 20% населения, по сравнению с началом создания национальных советов в 1923 г., с 1 апреля 1925 по 1 января 1926 г. их число выросло более чем втрое: в республике насчитывалось 593 таких совета – 90 русских, 185 немецких, 111 польских, 100 еврейских, 57 болгарских, 9 молдавских, 27 греческих, 13 чешских, 1 белорусский. К тому же выделялось 8 районов: 5 немецких, 2 болгарских, 1 польский. В итоге особыми административно-территориальными образованиями были объединены 95,5% греков, 74,9% болгар, 58,5% немцев, 49,8% поляков, 31,8% русских, 25% евреев, 18,3% молдаван, 69,6% чехов. В 1927 г. в республике действовали 872 национальных совета, 49 русских и 69 еврейских поселковых советов, 9 русских, 7 немецких, 3 болгарских и по одному еврейскому и польскому району.

К началу 1926 г. на Украине работали 31 судебная камера на еврейском, 14 на немецком, 32 на русском, по 4 на болгарском и греческом языках. Для обслуживания других этнических групп был выделен специальный штат в 50 переводчиков. Создавались следственные камеры с производством на языках меньшинств, в окружные суды и в помощники прокуроров вводились представители малочисленных народов. Винницкий окрисполком включил в свой аппарат людей со знанием языков малых групп. В райисполкомах,

Религиозная школа для горских евреев в Дагестане

финансовых отделах и среди участковых милиции также выделялись работники, способные вести делопроизводство и выдавать документы, окрисполком принял решение о публикации обязательных постановлений на языках меньшинств. В Киевском, Проскуровском, Тульчинском, Бердичевском и других округах проводились аналогичные мероприятия. Постановление президиума ЦИК республики обязало окружные и верховный суды давать ответы на родном языке всем обратившимся[32].

Основная работа по выделению этнотерриториальных образований и организации работы советов, их исполкомов, отделов, секций и комиссий, а также суда на родных языках меньшинств была проведена на Украине к 1927 г. *Наиболее актуальной оставалась в этом плане задача выделения административно-территориальных единиц для русских, насчитывавших свыше 2 млн человек.* Она связывалась с политикой украинизации, реализация которой могла затронуть интересы русских, для чего и предлагалось выделить русские советы и районы[33].

В Белоруссии уже в 1924 г. было создано 7 еврейских и 2 латышских совета, в 1925 г. были созданы еще 11 еврейских, 5 латышских, 2 польских, по 1 немецкому и русскому. В 1926 г. 18 еврейских советов охватывали 25513 человек (76% еврейского населения), 13 польских – 17498 (81,1%), 4 латышских – 1936 (87,4%), 2 немецких – 2167 (84,4%), 1 русский – 2846 (98,4%).

В еврейских советах наряду с основной этнической группой было больше всего представителей других национальностей, тем же отличались польские. По одной дополнительной группе (белорусской) было представлено в латышских, русском и немецких советах. В 1928 г. в республике было 67 национальных советов. Они создавались по этническому и территориальному принципам в местах компактного проживания меньшинств: 21 еврейский, 23 польских, 2 немецких, 5 латышских, 2 великорусских, 2 белорусско-еврейских. ЦИК БССР пришел к выводу, что организация таких советов оправдала себя. Как считал секретарь ЦИК республики А. Хацкевич, создание национальных советов снизило меж-этнические конфликты по поводу распределения сенокосов, лесов, при распределении налогов и пр. К тому же немецкие, польские, латышские сельсоветы организовали различные кооперативы, связанные с основными направлениями сельского хозяйства. Выросло представительство малочисленных групп в средних и высших учебных заведениях республики, использование родных языков в делопроизводстве на местах. В 1926/27 учебном году в Белоруссии имелись следующие национальные школы (общее число и удельный вес):

Школы	Белорусские	Еврейские	Польские	Великорусские	Прочие
4-летки	4190 (85,3%)	147 (3,01%)	122 (2,6%)	407 (8,4%)	31 (0,7%)
7-летки	197 (66,6%)	53 (18,2%)	11 (3,8%)	32 (11%)	1 (0,4%)

При этом 63,2% белорусов, 30,8% евреев, 50,5% русских, 50% поляков были еще неграмотны.

Столь массовая этнизация органов самоуправления порождала коллизии: пытаясь следовать директивам центра, местные руководители искусственно распределяли те или иные этнические группы по разным советам, даже если они проживали вдали от назначенных и в непосредственной близости от других, но уже имевших «прикрепленные» меньшинства. Это давало столь необходимую для отчетов динамику роста, но почти не учитывало сложившееся «лоскутное» территориальное размещение и связанные с этим исторические и повседневные взаимодействия людей[34].

В соответствии с выдвинутым в середине 1920-х годов лозунгом «Лицом к деревне!» на перевыборах советов в 1925–1926 гг. особое внимание уделялось этническому представительству и органам самоуправления среди компактно проживавших меньшинств. В Северо-Западной области в 1925 г. в сельсоветы были избраны 493 эстонца, в 1927 г.– 690. В 1927 г., например, председателями

сельсоветов в Ленинградской губернии стали 22 эстонца, 8 вошли в состав волисполкомов, 4 – в состав уездных исполкомов. В Сибири в органах местной власти в 1926 г. было 416 эстонцев[35]. Для председателей национальных сельсоветов на местах создавались специальные курсы. В Самарском губисполкоме, в частности, на таких курсах в мае–июне 1926 г. обучились 44 представителя мордвы, татар и чувашей «из захолустных сел и деревень, большинство из них никогда не были в губернском городе». Программа обучения включала вопросы советского строительства, изучение конституции, национальной политики и революционной законности, а также таких тем, как кооперация и сельхозкредит, финансово-налоговая политика, сельское и коммунальное хозяйство, страховое дело, здравоохранение, образование, делопроизводство, счетоводство. Предусматривались и практические занятия[36].

В Пензенской и Ульяновской губерниях по поручению Президиума ВЦИК разрабатывались проекты организации мордовских национальных административно-территориальных единиц. Аналогичное поручение было дано в отношении меньшинств Саратовской и Воронежской губерний, где также намечалось образование соответствующих камер народных судов, кооперативов, усиление агрономической и медицинской помощи и пр. Автономным республикам и областям предстояло организовать на своей территории национальные советы, детальное изучение земельных отношений и землеустройства, провести переселение в регионах с пестрым этническим составом населения[37].

В условиях нэпа сохранялась экономическая самостоятельность переселенческих групп, что противоречило общей установке на внедрение коллективных принципов социальной организации. Так, хуторские хозяйства прибалтийских переселенцев после окончания Гражданской войны быстро восстановили свою эффективность, поскольку «фактически частное хозяйство в национальной деревне до 1928 г. не было ничем ограничено», земли не были урезаны, а «хутора латышей и эстонцев сохранились»[38]. Это относилось к Сибири и другим районам компактного проживания данных групп. В 1926 г. в Сибири было 103 латышских и латгальских поселения (4206 хозяйств), на 1929 г. числились 5582 литовца и 29 461 эстонец. Создаваемые в районах компактного проживания национальные советы работали, как правило, на родных языках меньшинств, которые использовались и в избирательных кампаниях. При этом попадали в советы, как правило, середняки. У латгальцев (в шести округах Сибири в 1929 г. было 19 латгальских сельсоветов) ситуация была хуже: знающих язык секретарей советов было лишь пять, делопроизводство и судопроизводство велись на

русском языке. Особенно высокой была неграмотность среди народа сету (всего 1891 человек на 1925 г. в Красноярском округе)[39].

В Новгородской губернии, например, в 1926 г. насчитывалось 9389 латышей, 6623 эстонца, 3953 немца, 3839 евреев, всего же меньшинства составляли до 30 тыс. человек. При этом латыши, эстонцы и немцы создали 80 колоний с 2286 хозяйствами (60 из них латышские) и 3 эстонские сельхозкоммуны. Хуторской тип организации хозяйства, замкнутый образ жизни и незнание русского языка препятствовали развитию советов и других общественных организаций: в губернии действовали 3 латышских, 4 эстонских и 2 немецких сельсовета. На одном из заседаний президиума губисполком поставил задачу кооперирования и объединения меньшинств в коммуны и артели, а также дополнительного создания национальных советов. В губернии были открыты 7 латышских, 6 эстонских и 2 немецкие избы-читальни, 22 библиотеки, 6 пунктов по ликвидации неграмотности, 6 школ для взрослых и на средства крестьян 18 красных уголков (12 латышских и 6 эстонских). В 30 школах 3- и 4-летнего обучения занимались 35% детей школьного возраста, что было в 2 раза меньше, чем среди русских, для которых школы работали еще с дореволюционных времен; открылась латышская школа-семилетка. Карелы Валдайского и Демянского уездов, в том числе переселившиеся сюда сравнительно недавно, довольно долго воспринимались властями «настолько обрусевшими, что [они] организовывали в их деревнях школы и другие культурно-просветительные учреждения на русском языке, задерживая этим культурное развитие карельского населения». С 1926 г. началась работа по созданию национальных школ и для этой группы[40].

В рамках принятого в августе 1925 г. решения ВЦИК и СНК РСФСР о введении в республике всеобщего начального обучения организовывалась работа и среди национальных меньшинств. План начального всеобуча среди этнических меньшинств был принят 18 июня 1926 г. СНК РСФСР. В 1925/26 учебном году в вузах России для представителей меньшинств было забронировано 500 стипендий, в 1926/27 – 600. В вузах РСФСР в 1925/26 учебном году учились 360 представителей коми и один «самоед». Из Ойратской автономной области в вузах и на краевых курсах обучались 15 школьных работников, 47 хозяйственников, 29 административных служащих и 7 представителей политпросвета[41].

В УССР уровень грамотности среди меньшинств был различным: на 1000 украинцев приходилось 283 грамотных, среди русских – 454, поляков – 601, евреев – 651, немцев – 623. Наименее грамотными оставались молдаване и цыгане. На середину 1926 г. здесь работали 480 еврейских (85 тыс. человек), 183 поль-

ские (9891), 609 немецких (33 168) и 74 болгарские (7184 человека) школы; 400 еврейских, 88 немецких и 35 болгарских пунктов ликбеза; 80 еврейских, 153 немецкие и 26 болгарских изб-читален; 10 еврейских, 26 немецких и 19 болгарских сельских театров; 60 еврейских и 30 болгарских библиотек. В 1927 г. в республике действовали уже 354 польские, 620 немецких, 74 болгарские, 16 чешских, 20 татарских и 7 молдавских школ[42]. В то же время охват детей меньшинств школами социального воспитания (1500 заведений, почти 4 тыс. преподавателей и 140 тыс. учащихся) был неравномерным: среди немцев – 63%, болгар – 6%, поляков – 31,7%, чехов – 50%, татар – 40%, евреев – 26%, среди остальных – незначителен[43].

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 21 ноября 1925 г. «О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка» педагогические техникумы проводили подготовку учителей для национальных школ 1-й ступени, вузы – для школ 2-й ступени. В педвузах и на педагогических факультетах университетов вводилось преподавание родного языка, создавались лингвистические национальные отделения. По данным Наркомпроса, к началу 1925/26 учебного года в РСФСР работали 3720 школ национального воспитания 1-й ступени, 74–2-й, 151 дет. дом, детсад и детская колония. Охват детей меньшинств этими учреждениями составлял 30%, среди русских – 62,5%. Все 3945 национальных учреждений социалистического воспитания имели 6 тыс. учителей. В 1924/25 учебном году было издано 120 наименований учебников и методической литературы для 44 национальностей[44].

На Украине к июню 1926 г. действовали педагогические курсы – 4 на еврейском, 1 на польском, 2 на немецком языке, а также болгарский, еврейский и немецкий институты народного образования. На начало 1926 г. в республике издавались 26 газет на еврейском, польском, немецком, болгарском и китайском языках, в 1927 г. работали 7 национальных совпартшкол, выпускались 147 газет и 188 журналов на разных языках общим тиражом более 1 млн экз.[45]

Особая коллизия сложилась с политикой в отношении русских, ставших «теперь в УССР национальным меньшинством». В рамках политики «коренизации» перед правительством республики ставилась задача «не в том, чтобы обеспечить русское национальное меньшинство культурно-просветительными учреждениями», поскольку они в основном были «русифицированными», «а в том, чтобы эти учреждения – с одной стороны – украинизировать, а с другой – приблизить их к другим национальным меньшинствам». Секретарь Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе подме-

тил: «Крайне интересно, что на Украине, в процессе украинизации, появилось течение среди некоторых товарищей, которые при проведении украинизации требуют ориентации не на Москву, не на “Россию”, а на Запад, на “Европу”. Украинские товарищи правы, когда борются с этим течением, как с некоммунистическим»[46].

Если к апрелю 1925 г. национальные советы на Украине составляли 2,2% от общего числа сельсоветов, то к перевыборам 1926/27 г. – 8,2%, или 985. Они охватывали 31,7% всех компактно проживающих меньшинств. Один шведский совет объединял 90% шведов республики, 228 немецких – 73%, 44 болгарских – 92%. Кроме того, имелись 329 русских, 138 польских, 186 еврейских, 30 греческих, 14 молдавских, 13 чешских, 2 белорусских совета, а также 7 немецких, 3 болгарских, 1 польский и 1 еврейский национальный район (еврейский был единственным в СССР). Работали 65 национальных камер народных судей и народных заседателей (в 1925 г.– 9)[47]. Первое Всеукраинское совещание работников нац-меньшинств в 1927 г. зафиксировало типичные проблемы политики коренизации для малочисленных групп: языковые противоречия в отношениях местных национальных органов управления с вышестоящими; организационные и кадровые сложности работы сельсоветов при смешанном составе населения. Среди прочих назывались также трудности, связанные с переходом на территориальный принцип создания судебных органов, использующих языки меньшинств, с применением этих языков в практике прокуратуры, в следственных и кассационных структурах; сохранение монокультурных районов при землеустройстве для сокращения межэтнических конфликтов на этой почве; расширение сети национальных школ и т.п. В том же ключе обсудил положение меньшинств на Украине и Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР. В частности, он рекомендовал правительству республики *по мере развития и укрепления украинизации осуществлять более полное обслуживание русских как национального меньшинства*[48].

Еще в 1926 г. Президиум ВЦИК принял решение *о выделении в особые административно-территориальные единицы казачества*, а также присоединении к нему проживающего с ним русского населения. В Казахстане казачество проживало компактно в Джетысуйской (семиреченское), Семипалатинской (сибирское) и Уральской (уральское) губерниях. Президиум ВЦИК в мае 1927 г. обязал ЦИК республики в 3-месячный срок в ходе общего районирования закончить выделение казачьего и смежного с ним русского населения в самостоятельные административные единицы. Эта работа была завершена к октябрю 1928 г. и предусматривала предотвращение межэтнических конфликтов, связанных с тяжелым насле-

дием восстания 1916 г., революции и Гражданской войны, а также противоречиями в землепользовании, распределении других угодий. В Семипалатинской губернии в 1927 г. были выделены 7 казачьих станиц и один поселковый совет, в Джетысуйской появилась казачья волость с центром в Талгаре, в Уральской проводилась аналогичная работа. В то же время «выделение самостоятельных русско-казачьих округов или уездов» не предусматривалось[49].

Помимо союзных и автономных республик в стране были созданы тысячи национальных советов. К концу 1933 г. в стране функционировали 250 национальных районов и 5300 национальных сельсоветов. Со временем они были упразднены в силу своей избыточности для обычного гражданского управления и осуществления политико-идеологического контроля, а также из-за невозможности сохранять желаемый этнодемографический профиль местных сообществ. В целом *СССР при внешних формулах «дружбы народов» и интернационализма становился мощным национальным государством, где народ с его формирующимися социальной и идеологической однородностью и советским патриотизмом представлял собой нацию,* к сожалению, не признаваемую в данном словообозначении внутри страны и в значительной части внешнего мира.

[1] На такой историсофской концепции с использованием биосоциальных трактовок этнического и имперского построил свое фундаментальное исследование российский историк В.П. Булдаков, создав впечатляющую хронику политических, социальных, военных, гражданских коллизий в России в 1917–1918 гг., выдав их за этнические конфликты и приписав им примордиальную (изначально запрограммированную) природу, якобы до сих пор никак непонятую историками и по этой причине обрекающую общество на повтор невыученных ошибок прошлого: *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918: Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.

[2] *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. М., 2011.

[3] *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 1072.

[4] Там же.

[5] *Булдаков В.П.* Феномен народофобии. XX век: Материалы научной конференции. Казань, 1994; *Он же.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2005.

[6] Историю Наркомнаца см.: *Песикина Е.И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 годах. М., 1950; *Макарова Г.П.* Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. 1917–1923: Исторический очерк. М., 1987; *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики. 1917–1924. М., 2003.

[7] Государственный архив Российской Федерации (Далее: ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 150. Л. 41; Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 200.

[8] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 424. Л. 16–18; Д. 429. Л. 2, 4; Д. 429. Л. 17–18, 38, 358, 285; *Аманжолова Д.А.* Форматирование советскости. М., 2010. С. 34–35.

[9] О них см.: Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М., 1992; *Ненароков А.П.* 70 лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП (б) // Отечественная история. 1993. № 6; 1994. № 1; Национальная политика России:

история и современность. М., 1997; *Красовицкая Т.Ю*. Модернизация России. Национально-культурная политика 20-х годов. М., 1998; *Аманжолова Д.А., Кулешов С.В*. Исторические судьбы «национального нэпа» // Россия нэповская. М., 2002. С. 58–93, и др.

[10] Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ). Ф. Наркомнаца. П. 2. Д. 35. Сибирь. Л. 12.

[11] Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269. Л. 1–2.

[12] См.: *Ленин В.И*. К вопросу о национальностях или об «автономизации». 30 декабря 1922 г. // *Ленин В.И*. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 357.

[13] *Штернберг Л*. Инородцы: Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 531.

[14] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1899–1905; *Курило О*. Лютеране в России (XVI–XX вв.). Минск, 2002. С. 60.

[15] *Маамяги В.А*. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940). Таллин, 1976. С. 47; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 407. Л. 205; Д. 435. Л. 57–58.

[16] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XVII. М., 1929. С. 809; Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 36.

[17] *Курило О*. Указ. соч. С. 161.

[18] *Шубина Т.В*. Об усадьбе Горки: Усадьба Горки и судьба ее коллекции // Музей-усадьба Горки и его коллекция. М., 2005.

[19] Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. М., 1984. С. 551.

[20] См.: Тайны национальной политики ЦК РКП: Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. М., 1992; *Дахшлейгер Г.Ф*. Социально-экономические преобразования в ауле и в деревне Казахстана (1921–1929). Алма-Ата, 1965; *Якубовская С.И*. Образование и развитие советского многонационального государства. М., 1966.

[21] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 435. Л. 9, 13–14, 19об, 28об, 91–92, 216, 147–150, 261, 293об, 161.

[22] А*манжолова Д.А*. Указ. соч. С. 48–50.

[23] *Балабан Н*. Новый закон о работе уполномоченных по делам национальных меньшинств в РСФСР // Советское строительство. 1929. № 8. С. 124–125.

[24] Съезды Советов в документах. Т. III. М., 1960. С. 82; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 366. Л. 2; Оп. 122. Д. 47. Л. 156; Оп. 120. Д. 39. Л. 2–3; Оп. 122. Д. 40. Л. 126, 162.

[25] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 39. Л. 5–9; Д. 45. Л. 1–13об, 14, 33об.; Д. 102. Л. 5.

[26] Там же. Д. 47. Л. 2–6.

[27] Там же. Д. 48. Л. 257–260, 282; Оп. 122. Д. 40. Л. 6.

[28] Там же. Оп. 121. Д. 299. Л. 82–107, 118, 125.

[29] Там же. Оп. 122. Д. 47. Л. 14об.

[30] Там же. Оп. 120. Д. 102. Л. 18, 22, 24; Д. 103. Л. 3.

[31] Там же. Оп. 122. Д. 40. Л. 7.

[32] *Зайцев П*. Работа среди национальных меньшинств // Власть Советов. 1926. № 44–45. С. 14–15; *Енукидзе А*. К вопросу о национальных языках // Советское строительство. 1926. № 1. С. 39–53; Советское строительство. 1927. № 7. С. 123–124.

[33] *Буценко А*. Работа среди нацменьшинств на Украине // Советское строительство. 1927. № 1. С. 79–80.

[34] Советское строительство. 1927. № 10–11. С. 232; *Хацкевич А*. Общие итоги проведения белоруссизации к 10-й годовщине Октябрьской революции // Советское строительство. 1927. № 12 (17). С. 50, 48–49, 143; *Он же*. Строительство Советов Белоруссии к ее десятилетию // Там же. 1929. № 1. С. 135; *Он же*. Работа

национальных советов в БССР (По материалам местного обследования нацсоветов) // Там же. 1927. № 7. С. 84–87.

[35] *Маамяги В.А*. Указ. соч. С. 137–138.

[36] Власть Советов. 1926. № 41. С. 11.

[37] Советское строительство. 1926. № 3–4. С. 189; № 1. С. 154; № 2. С. 174–175.

[38] *Малиновский Л.В*. Сельское хозяйство национальных меньшинств в Сибири // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 211.

[39] *Лоткин И.В*. Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920–1930-е годы). Омск, 2006. С. 80–81, 187–188, 208–213.

[40] *Пантелеев И*. Хозяйственная и культурно-просветительная работа среди национальных меньшинств Новгородской губернии // Власть Советов. 1926. № 49. С. 15–16.

[41] Советское строительство. 1927. № 7. С. 143; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 39. Л. 18об.; Д. 103. Л. 1, 6.

[42] *Зайцев П*. Работа среди национальных меньшинств // Власть Советов. 1926. № 44–45. С. 16; Советское строительство. 1927. № 7. С. 123–124.

[43] *Буценко А*. Указ. соч. С. 81.

[44] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 39. Л. 5.

[45] Там же; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1925. № 69. Ст. 543; № 81. Ст. 617; Советское строительство. 1927. № 7. С. 124.

[46] *Енукидзе А*. Указ. соч. С. 51.

[47] В*ласенко С*. О X всеукраинском съезде Советов // Советское строительство. 1927. № 5–6. С. 103.

[48] *Буценко А*. Указ. соч. С. 82–85; Советское строительство. 1927. № 7. С. 125.

[49] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 102. Л. 4.

Глава 14

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Одним из очевидных и драматических проявлений национального самосознания народов Советского Союза был их патриотизм в годы Великой Отечественной войны[1]. В данном случае можно вести речь о массовом героизме, т.е. о коллективном жертвенном поведении во имя потребностей фронта и во имя военных побед. Конечно, речь идет о чрезвычайной ситуации внешнего вторжения агрессора на территорию страны, имевшего целью расчленение государства, низведение славянского и другого населения на низшие социальные позиции, физическое уничтожение представителей некоторых национальностей (евреев, цыган). В военное время в СССР еще более ужесточился тоталитарный политический режим партии большевиков во главе с И.В. Сталиным, а точнее – существовала безграничная власть одной личности и всевластие безжалостных специальных служб. И все же есть основания говорить о свободном проявлении лояльности и любви к собственной Родине, чувстве советской общности среди граждан СССР.

Здесь мы берем период войны как время, сильно выпадающее из нормы существования той или иной нации, когда сама нация подвергается особому испытанию. Известно, что оккупация гитлеровской Германией некоторых европейских стран, например, Австрии и Норвегии, фактически привели к глубокому кризису национальной идентичности этих государственных образований. Послевоенное воспевание австрийского патриотизма через голливудский фильм «Звуки музыки» было больше послевоенным искуплением, чем историческим отражением степени австрийского национального патриотизма. Норвегия также могла похвалиться только стойкостью представителей королевской короны, сохранившей власть в эмиграции, но особых проявлений национальной солидарности нам неизвестно, ибо норвежская нация как таковая консолидировалась только в послевоенное время, став из крестьянской страны одной из богатых стран Европы. Эти примеры подтверждают, что *процесс национальной консолидации и складывания наций имеет к этническому облику общности далеко не самое прямое отношение*. Население довоенной Норвегии было этнически достаточно гомогенным (если не брать в расчет саамское меньшинство), но чувство норвежскости было в нем развито слабо.

В Советском Союзе патриотизм как чувство сопричастности к своей Родине во многом был наследован от дореволюционного времени, но идеология коммунистической революции добавила в этот комплекс новые характеристики. С одной стороны, прошлое было проклято как «тюрьма народов» и как «мир насилия», но, с другой стороны, революция и советская страна представлялись как «авангард человечества» и как «надежда мира». И все же исторический опыт контактов и сотрудничества, в целом толерантных по отношению друг к другу народов СССР, служил отправным моментом при формировании нового гражданского самосознания. Но после образования «союза республик» появляются две новые компоненты советского официоза: это интернационализм, понимаемый как солидарность «трудящихся» (людей труда) в стране и во всем мире, а также «дружба народов» как уважение и солидарность представителей разных национальностей. Однако не менее важными для формирования советской солидарности и патриотизма были разнообразные социальные и культурные практики повседневности. Совместные труд и творчество, служба в армии, профессиональные занятия и увлечения, художественная литература и изобразительное искусство, обмен хозяйственным и культурным опытом, этика коллективизма, семейно-родственные связи и привязанности – все это создавало фундаментальную основу для чувства принадлежности к «советской Родине», что отразилось в самых неожиданных и убедительных формах в годы войны.

Слишком мало времени прошло с момента ухода с исторической сцены старой России и слишком много страданий и травм уже успел нанести гражданам и целым народам советский режим, чтобы можно было рассчитывать на отсутствие в СССР антисоветских и антикоммунистических настроений, на якобы полное «искоренение» идеологии национализма и межнациональных проблем. Но отторжение советской власти и идеологии большевизма частью населения далеко не всегда имели этнонациональную окраску. Конечно, наиболее критические и сепаратистские настроения, как и следовало ожидать, были среди населения присоединенных территорий накануне войны, а также среди мусульманской части населения и тех социальных и этнических групп, которые подверглись большевистско-сталинским репрессиям в 1920–1930-е годы.

Война стала самым сильным индикатором испытания гражданской идентичности и политической ориентации советских людей, их ценностных ориентиров. Здесь можно сказать, что представители всех народов общей для них Родины встали на ее защиту и внесли вклад в победу над нацизмом. Тема народа и патриотизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была

многократно освещена в исторических исследованиях[2]. Но только в последние годы получили более объективные оценки как природа и мотивы массового героизма, так и проявления дезертирства и коллаборационизма. Предметом острых дискуссий стали ревизии истории войны в историографиях новых постсоветских государств, особенно стран Балтии, Украины, Молдовы, Беларуси.

В то же время этнокультурный компонент составлял важную часть политики государства, проводившего курс на формирование общесоветского единства на основе большевистской идеологии и социально-экономического, политического и культурного развития всех народов, обеспечение их социального равенства. Переход к советской общегражданской идентичности сопровождался изменением элементов этнонационального самосознания, социальной структуры народов, их быта и ценностных ориентаций. Советский народ накануне войны отличался не только этническим, но социальным разнообразием, и такие недавно пережитые явления, как репрессии, насильственный характер коллективизации и скоропалительная культурная революция, не могли не вызвать среди части представителей российских национальностей неприятие власти, советского государственного устройства и всего, что его воплощало. Это кстати учитывал противник, надеясь на отсут-ствие консолидированного согражданства народов СССР[3]. Однако расистская доктрина и чудовищные преступления фашизма против населения в ходе военных действий и на оккупированной территории не могли не вызывать у массы населения страны стойкого и категоричного отторжения.

Великая Отечественная война со всей очевидностью подтвердила приверженность подавляющего большинства советских людей, независимо от их этнической, конфессиональной и социальной принадлежности, ценностям духовно-нравственного свойства, центральное место среди которых занял патриотизм. За ратные подвиги орденами и медалями были награждены более 7 млн человек. Свыше 11 500 воинов удостоились звания Героя Советского Союза, и в их составе были представители всех советских национальностей. В начале 1942 г. в действующей армии находились 1,2 млн азербайджанцев, армян, башкир, грузин, казахов, киргизов и узбеков. В годы войны из республиканских призывов было укомплектовано свыше 80 национальных (этнических) дивизий и бригад. С призывом к мусульманскому населению СССР о вступлении в ряды защитников Родины в первые дни войны выступило Центральное мусульманское духовное управление страны. Муллы поволжских народов, Кавказа и Средней Азии обратились к единоверцам с призывом о вступлении в Красную армию и к борьбе

с неверными. Нацисты при подходе к районам СССР с мусульманским населением пытались выдавать себя за сторонников ислама, а СССР – за его поработителя. Но эти попытки были отвергнуты съездами мусульманского духовенства в Уфе (1943) и Ташкенте (1944).

Вооруженная борьба на фронте, работа в тылу по обеспечению фронта всем необходимым, сопротивление врагу на оккупированной территории – все стороны общественной жизни в СССР касались каждого человека, объединяя народы общей задачей, общей бедой и общими радостями. Между тем военные условия актуализировали межэтнические контакты, особенно в воинских частях, в эвакуации, на производстве и на оккупированной территории. При этом интернационализация состава разных коллективов, организаций, мест проживания и структур управления не воспринималась как что-то экстраординарное. По воспоминаниям старшего поколения членов Российской академии наук, эвакуация институтов академии вместе с сотрудниками и членами их семей в Ташкент и в Казань не вызвала никаких проблем с точки зрения взаимодействия с республиканскими властями и контактов с местным населением. Везде эвакуированные встречали радушие и поддержку, в том числе делились жильем и продуктами. Всего на восток были эвакуированы только к ноябрю 1941 г. свыше 10 млн человек и более 1360 крупных предприятий. На родине автора книги – на Урале к концу 1942 г. были размещены 830 предприятий и переселены более 2 млн человек, т.е. четверть всего эвакуированного на территории СССР населения[4].

* * *

В годы войны в республиках СССР происходила мобилизация всех человеческих, финансовых и материальных ресурсов во имя победы. Приведем только пример одного Казахстана. Карагандинские шахтеры добыли угля, которым снабжались Магнитка, предприятия Урала, Поволжья и центра России, больше, чем за все предшествующие 86 лет существования бассейна. Казахстан сохранил за собой ведущую роль в СССР по производству меди и свинца, дополнительно выдал 60% молибдена, 65% висмута, 79% полиметаллических руд, необходимых для оборонной промышленности. 8 пуль из 10 направлялись на фронт из Казахстана. Всего за 1941–1945 гг. для нужд обороны СССР в Казахстане было оборудовано около 469 заводов, фабрик, рудников, шахт и отдельных производств, среди них 107 предприятий, эвакуированных из прифронтовой полосы. На их базе появилась оборонная индустрия, освоившая выпуск торпед и бомб, снарядов и мин, огнеме-

тов, радиостанций и других видов оружия и военной техники. Почти две трети ушедших в армию составили колхозники, работники машинно-тракторных станций и совхозов. Их заменили старики, подростки, а главной трудовой силой сельского хозяйства стали женщины – до 70–80% из общего числа работавших в этой сфере. Сельское хозяйство Казахстана за годы войны дало фронту и стране 6 млн т хлеба, 734 тыс. т мяса и много других продуктов питания и сырья для промышленности. Казахстанцы – от учащихся школ до людей преклонного возраста – активно участвовали в добровольном финансировании военных расходов государства. Общественность Казахстана организовала доставку фронтовикам 1600 вагонов с индивидуальными и коллективными подарками. Жители республики помогали при возвращении в освобожденные от врага районы тысячам тружеников разных специальностей, обеспечивая их техникой, продовольствием, школьными учебниками и многим другим для возрождения жизни в разрушенных городах и селах[5].

В восточные районы страны с временно оккупированных территорий переместилось свыше 10 млн человек. Для многих из них, как и для жителей принимающих регионов, эвакуация стала новым испытанием на межнациональную совместимость. Из Эстонии, например, в течение июля–августа 1941 г. в тыл эвакуировано около 25 тыс. человека, всего за годы войны – около 60 тыс. человек, которые размещались главным образом в приуральских и приволжских областях, в автономных республиках РСФСР, на Урале и частично в Западной Сибири. Особое внимание уделялось детям. Летом 1942 г. только в Челябинской области детские сады посещали 600 эвакуированных из Эстонии детей, для оставшихся без родителей были открыты детские дома. Уже в 1941–1942 гг. функционировали эстонские школы и отдельные классы при местных школах. В начале 1942/43 учебного года в 8 областях и автономных республиках РСФСР работали 44 эстонских класса, где обучались 550 детей или $^{2}/_{3}$ эвакуированных детей школьного возраста[6].

Военные части, как известно, были интернациональными по составу, и радость побед, и горечь поражений разделяли все участники боевых действий. Например, среди героев, повторивших на фронте подвиг А. Матросова, были русские, украинцы, белорусы, казахи, армяне, узбеки, эстонцы, абхазцы, азербайджанцы, евреи, башкиры, буряты, киргизы, марийцы, татары. Преимущественно как добровольцы попадали на фронт аборигены из малочисленных народов Севера. В Ямало-Ненецком автономном округе в первые дни войны подали заявление с просьбой о направлении в действующую армию 140 человек, а из коренных народов Дальнего Востока ушли на фронт свыше 600 добровольцев. Только из нанайского

колхоза «Новый путь» воевали 97 человек, из одного кетского колхоза Таймырского округа более 20, из колхоза имени Кирова – 10 энцев. Из Тонкинского района сражались с врагом более 50 эвенков, 23 из них погибли. Героями Советского Союза стали нанаец А. Пассар, эвенк-разведчик И. Увачан. Орденами Ленина награждены нанайцы Захар и Иван Киле, эвенк В.Н. Каплин. Кавалером пяти боевых орденов стал эвенк из Якутии старшина И.Н. Кульбертинов, который обучил 35 снайперов. У одного убитого немецкого офицера было найдено неотправленное письмо, в котором он писал: «Огромные потери мы несем от русских снайперов. Они преследуют нас в любых местах и не дают поднять головы… Из числа убитых в моем батальоне большая часть пала от выстрелов какого-то азиата». Этим азиатом был Иван Кульбертинов[7].

Учитывая, что часть воинов нерусской национальности слабо владела русским языком, на фронте печатались газеты на языках тех или иных народов. В частности, газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» издавалась, кроме русского, на казахском, татарском, узбекском и украинском языках; 3-го Украинского «Советский воин» – на армянском, азербайджанском, грузинском, казахском, татарском, узбекском и молдавском языках; 4-го Украинского фронта – на азербайджанском, казахском, татарском и узбекском языках. Газета Воронежского фронта в сентябре 1943 г. печатала подборки материалов под рубрикой «Народ – своим сыновьям-воинам», где содержались выдержки из писем воинам разных национальностей – узбекам, казахам, татарам. Единственная в стране газета-письмо, предназначенная специально для фронта, «Дагестан – своим фронтовикам», выходила с августа 1943 по 16 мая 1945 г.[8]

В сражениях Великой Отечественной войны участвовали 1370 тыс. казахстанцев, или более 20% довоенного населения республики. В числе мобилизованных было 15 тыс. офицеров запаса, на пополнение офицерского корпуса республика направила в военные училища и школы 42439 человек, среди них 8146 казахов. Часть из них училась в 30 военных учебных заведениях, работавших в Казахстане. Республика сформировала 12 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, 7 стрелковых бригад и около 50 отдельных полков и батальонов различных родов войск. Джамбульская 81-я кавдивизия сыграла видную роль в срыве планов противника по деблокаде окруженной под Сталинградом армии Паулюса. 405-я Алма-Атинская стрелковая дивизия после Сталинградской битвы была преобразована в 69-ю гвардейскую. Почетное звание гвардейской первой заслужила 316-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И.В. Панфилова, прославившаяся

в Московской битве. 24 мая 1942 г. 30-й гвардейской стала Семипалатинская 238-я стрелковая дивизия, а за освобождение западной части латышской столицы она получила наименование «Рижской». Более 3,5 тыс. партизан и 300 участников Сопротивления в зарубежных странах были казахстанцы[9].

Трудовой вклад в победу внесли и незаконно репрессированные граждане всех национальностей. Существовала так называемая *трудармия*, в которую входили главным образом российские немцы-мужчины, направленные на тяжелые лесоповальные и другие работы на Урале и в Сибири. Лишь в 1960-е годы после смерти Сталина многие из них получили статус тружеников тыла и даже были награждены орденами и медалями. Интернациональный состав имели и многочисленные партизанские формирования на временно оккупированной территории. За время войны были зарегистрированы свыше 6 тыс. партизанских отрядов, в которых сражалось более миллиона человек. 184 тыс. партизан были награждены орденами и медалями СССР, 249 удостоены звания Героя Советского Союза.

Примером патриотизма народов СССР в годы войны служит история борьбы с нацизмом в Белоруссии. С первых дней оккупации захватчики столкнулись здесь с разными формами сопротивления населения – партизанским движением, подпольной борьбой, саботажем мероприятий оккупационных органов, которые являлись как следствием организационной деятельности советских и партийных структур, так и реакцией населения на оккупационную политику захватчиков. Ко времени полной оккупации Беларуси на ее территории были оставлены более 420 отрядов и диверсионных групп. Многие их участники погибли в результате боевых действий, в боях с карателями. Тем не менее к концу 1941 г. в республике действовали около 100 партизанских отрядов и примерно такое же количество групп. К концу 1942 г. в партизанских отрядах Белоруссии сражались более 50 тыс. человек. За 1943 г. в партизаны ушли еще более 96 тыс. человек, 85% из них являлись местными жителями. В 1943 г. партизаны фактически удерживали под своим контролем около 60% оккупированной территории республики. Всего в годы войны в Беларуси действовали 1255 советских партизанских отрядов, из них 997 входили в состав 213 партизанских бригад, а 258 сражались самостоятельно. Эти формирования насчитывали более 374 тыс. вооруженных бойцов. С учетом 70 тыс. человек, состоявших в боевом подполье, армия сопротивления гитлеровским оккупантам насчитывала в республике свыше 840 тыс. человек. Среди активных борцов советского сопротивления были представители 70 национальностей и народ-

ностей СССР. Абсолютное большинство – 71,2% составляли белорусы, 19,3% – русские, 3,9% – украинцы. Свыше одной тысячи бойцов и командиров разных национальностей в ходе боев за освобождение Белоруссии удостоены звания Героя Советского Союза[10].

В освобождении Украины участвовали представители всех народов СССР. Среди бойцов и офицеров 1-го Украинского фронта на 1 января 1944 г. против гитлеровских захватчиков сражались представители 89 национальностей, среди личного состава частей и соединений 2-го Украинского фронта – 83 национальностей. На земле Украины громили врага также соединения, сформированные во многих республиках. В боях за Украину прославились воины дивизий, сформированных из ополченцев Москвы, танкисты 10-го гвардейского Уральского танкового корпуса, 150-й Сибирской добровольческой стрелковой дивизии, 416-й дивизии, сформированной в Азербайджане, 344-й – в Грузии, 387-й – в Казахстане, 399-й – в Узбекистане и т.д. Значительную прослойку в частях и соединениях Украинских фронтов составляли воины-украинцы, численность которых в войсках вырастала по мере освобождения Украины и мобилизации в армию мужского населения освобожденных районов. В 1944 г. немало частей и подразделений на 50–70% состояли из украинцев. Среди 700 воинов 1-го Украинского фронта, удостоенных звания Героя Советского Союза в битве за Днепр и Киев, представители 33 национальностей. За героические подвиги почти 4 тыс. освободителям Украины присвоено звание Героя Советского Союза, в том числе 2598 русским, 668 украинцам, 69 белорусам, 62 грузинам, 35 армянам, 33 узбекам, 30 казахам, 17 азербайджанцам, а всего представителям 43 национальностей[11].

* * *

Уже в ходе войны началось восстановление экономики освобожденных регионов, и здесь вновь проявились патриотизм и солидарность представителей разных национальностей страны. Народы всего Советского Союза помогали возрождать разрушенное народное хозяйство Украины. Из Москвы и Ленинграда, с Урала и из Сибири, Казахстана и Узбекистана, Грузии и Башкирии на Украину шли эшелоны с заводским оборудованием, инструментом, материалами, строительным лесом, тракторами, лабораторным оборудованием. На Ленинградском заводе «Электросила», находившемся тогда в 5 км от линии фронта, уже строились турбогенераторы для электростанций Донбасса и Днепропетровска. Специалисты Уралмаша помогли составить план реконструкции заводов Донбасса. Уралмаш направил в Донбасс станки, оборудо-

вание для лабораторий, техническую литературу. В период Великой Отечественной войны темпы восстановительных работ в Донбассе значительно превзошли темпы, которыми они шли после Гражданской войны. Довоенный уровень добычи угля был достигнут за пять лет. К концу 1945 г. мощность электростанций достигла довоенной. Снова начали работать крупные энергосистемы: Донецкая, Харьковская, Киевская, Одесская и др. Восстанавливались и сооружались новые машиностроительные заводы. В целом на Украине в промышленности к концу 1945 г. было введено в действие около 30% производственных мощностей довоенного периода, а в сельском хозяйстве свыше 63 тыс. тракторов – больше половины довоенного парка[12].

Художественная интеллигенция страны активно участвовала в духовно-нравственной поддержке правого дела. Безусловно, всякая творческая деятельность находилась под пристальным контролем власти, но это отнюдь не исключало искреннего гражданского чувства и солидарных действий представителей разных республик и народов страны. В самом начале войны на страницах газет Башкирии, например, появились агитационно-публицистические стихотворения Р. Нигмати, С. Кудаша, Х. Карима, Б. Бикбая, М. Карима и других. Союз писателей республики выпустил сборник под названием «Родина зовет», привлекая исторические примеры для укрепления стойкости духа, героизма и патриотизма людей. Союз писателей Украины, в 1941–1943 гг. работавший в Башкирии, выпустил в Уфе десятки книг, в том числе серию «Фронт и тыл», где были опубликованы художественные и публицистические произведения П. Тычины, М. Рыльского, А. Корнейчука и других украинских литераторов. Писатели и поэты Украины и Башкортостана делали взаимные переводы произведений. Переводы сыграли большую роль в укреплении единства народов в борьбе с врагом. Героизм борющегося народа стал основной темой новых музыкальных произведений. Художники создавали картины на исторические темы. Музыкально-литературный лекторий Башгосфилармонии за 1942–1945 гг. провел более 500 концертов, бригады артистов театров и филармонии более тысячи раз выступили перед фронтовиками[13].

* * *

В войне принимали участие и перешедшие на сторону врага граждане СССР. Созданные из них нацистами воинские формирования включали тех, кто попал в плен, кто не принимал советскую власть, кто пережил репрессии, был лишен собственности и крова, осужден за уголовные преступления. Они использовались

германским командованием для полевой, охранной, полицейской, строительной, ремонтно-восстановительной и хозяйственной служб. К формированиям коллаборационистов относят те, которые были созданы гитлеровцами на новых (присоединенных) территориях СССР и которые вели боевые действия против советской администрации, войск НКВД и Красной армии в ходе всей войны. Это были также формирования, учрежденные местными националистами на территории некоторых автономных республик, выступающие против войск НКВД и воинских частей. Наиболее внушительными были сформированные на оккупированных территориях или за их пределами так называемые национальные полевые части, предназначенные для службы в составе вермахта. К этой категории относится и созданная из военнопленных за пределами СССР для действий в составе вермахта Русская освободительная армия (РОА). При формировании частей из граждан СССР привлекались добровольцы, которые пострадали от советской власти во время коллективизации и сталинских репрессий и хотели отомстить режиму. И хотя таких добровольцев было относительно немного, они составляли ядро восточных формирований вермахта и служили опорой немецкого командования. Из их числа готовились младшие командиры для формирования частей, а особо надежные направлялись в распоряжение спецслужб (абвера и СД) для обучения и подготовки к выполнению разведывательных заданий и диверсионных акций в советском тылу. К этому следует добавить объявление правительством СССР советских военнопленных «изменниками Родины», отказ в помощи этим людям и репрессии по отношению к членам семей военнослужащих, попавших в плен. Немцы использовали этот факт, и поэтому многие военнопленные считали, что им нечего терять, и вступали в подразделения вермахта.

Следует иметь в виду, что зачастую в условиях плена для советских воинов речь шла о выборе между жизнью и смертью в немецком лагере или советском ГУЛАГе. Вступая в создаваемые немцами формирования, некоторые советские военнопленные надеялись, что до прямого участия в боях против своих соотечественников дело не дойдет, но зато по прибытии на фронт у них будет возможность вырваться из рук немцев и перейти на сторону Красной армии и партизан. Других подкупало их положение в качестве солдат вермахта и связанное с этим улучшение питания и жизненных условий. Были и такие, кто выбирал службу у немцев из карьерных побуждений или ради материальной выгоды, стремился завоевать доверие новых хозяев и связать с ними свою судьбу. Таким образом, значительная часть попавших в плен оказалась по принуждению или доброволь-

но в рядах «восточных войск» вермахта и принимала участие в боях против Красной армии, партизан или союзников СССР по антигитлеровской коалиции. По некоторым подсчетам, среди надевших немецкую униформу русские составили свыше 300 тыс., украинцы – 250 тыс., белорусы – 70 тыс., казаки – 70 тыс., латыши – 150 тыс., эстонцы – 90 тыс., литовцы – 50 тыс., азербайджанцы – до 40 тыс., северокавказцы – до 30 тыс., грузины – 25 тыс., армяне – 20 тыс., волжские татары – 12,5 тыс., крымские татары – 10 тыс., калмыки – 7 тыс. человек. Число казахов, узбеков, туркмен и других народов Средней Азии – около 70 тыс. человек[14]. *Несмотря на то что сотрудничество с врагом в годы войны было широко распространено, масштабы этого явления не были столь велики по сравнению с готовностью основной части советского населения защищать свою Родину от немецко-фашистского нашествия.* Не удивительно поэтому, что население страны видело в примкнувших к вражеской армии предателей, пособников оккупантов, а те, кому удавалось чудом вырваться из плена, подвергались унизительным проверкам, направлению в штрафные батальоны или попадали в советские лагеря.

Одной из мрачных страниц истории многонационального Советского государства стала депортация ряда народов, необоснованно обвиненных в предательстве. Политику репрессий против целых народов не могут оправдать факты коллаборационизма, имевшие место на оккупированной фашистами территории. Однако нельзя игнорировать и факты, помогающие переосмыслить столь чувствительную сегодня тему. Мощному движению сопротивления в Белоруссии, например, оккупанты попытались противопоставить белорусский национализм. Генеральный комиссар В. Кубе, видя его слабость, основной упор в своей политике сделал на его поддержку, пропаганду белорусской культуры, исторического прошлого белорусского народа, на отличие белорусов от русских, поляков, евреев и т. д. Наиболее показательным примером служит деятельность Белорусской народной самопомощи (БНС) – общественной организации с функциями социальной благотворительности, культуры и здоровья. Всякая политическая деятельность была запрещена, хотя руководство БНС надеялось на создание с помощью Германии белорусской государственности. Однако это входило в противоречие с планами нацистов. Отсутствие политической перспективы, недомолвки относительно перспектив будущего устройства Беларуси фактически свели на нет попытки создания Белорусской центральной рады и Белорусской Краевой Обороны, которые большинство населения рассматривало как творение оккупантов. Часть коллаборационистов стремилась участвовать в их деятель-

ности, надеясь заслужить авторитет и возможность выступать от имени белорусского народа перед западными странами.

В северокавказском регионе центром нестабильности в военные годы, вплоть до переселения ряда его народов в 1944 г., была Чечено-Ингушетия. Ее «повстанцы» имели свои отряды в республиках региона с общим числом около 350 человек. В период наступления немецких войск «повстанцы» поддерживали контакты с разведывательно-диверсионными группами абвера, имевшими задачу создания фронта «антисоветской борьбы» на Северном Кавказе. Но их надежды не оправдались. К июлю 1943 г. в результате «чекистско-войсковых» операций только в Чечне и прилегающих к ней районах с июля 1941 г. были разгромлены 19 отрядов повстанцев (119 человек). Насколько эти данные достоверны, судить сложно. Возможно, спецслужбы выдавали за свои успехи захват скрывавшихся в лесах жителей, а иногда просто попавших под подозрение граждан без особого на то основания. Методы работы НКВД того времени были не просто жестокими, но и зачастую преступными.

В феврале 1944 г. на основании постановления ГКО СССР от 31 января в ЧИАССР была начата операция по выселению чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию. К ее проведению, помимо войск НКВД, составлявших основу задействованных сил, были привлечены некоторые воинские части и военные училища. В их задачу входило оцепление сел в горных районах республики. Аналогичные мероприятия проводились в Северной Осетии, Дагестане, Грузии, Кабарде, Черкессии, Крыму и Калмыкии. Фактически тотальное выселение в годы войны целых народов (чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар и других) было преступлением тогдашнего сталинского режима, и эта нанесенная им травма оставила тяжелый след в коллективной памяти репрессированных народов.

С 1943–1944 гг., с начала освобождения западных районов территории СССР от фашистских войск, берет свое начало повстанческое движение в Прибалтике и западных белорусских и украинских областях. Из него в Прибалтике выделяется литовское сопротивление как самое ожесточенное и организованное. Использование советскими властями и военными жестоких репрессивных мер – взятие заложников, аресты родственников, уничтожение домов и имущества – вынуждали часть населения уходить в леса к повстанцам, зачастую целыми семьями. Значительных масштабов достигло уклонение от призыва в Красную армию. По данным комиссариата Литовской ССР, по состоянию на 1 декабря 1944 г. от призыва уклонились более 45 тыс. человек. Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ) и его ударная сила – Литов-

ская освободительная армия (ЛЛА) возникли в годы присоединения республики к Советскому Союзу и действовали в подполье. С приходом немцев они легализовались, надеясь на восстановление независимости. Но в 1943 г. оккупационные власти Германии запретили все политические партии в Литве, что вынудило ВКОЛ перейти на нелегальную работу. Тем не менее около 40 тыс. литовцев поступили на службу в германскую армию, что позволило немецкому командованию сформировать 23 «вспомогательных немецких батальона», действовавших не только на территории собственно Литвы, но и в Италии, Югославии и Польше. Однако немцам не удалось сформировать из литовцев соединения и части СС, как это было в Эстонии и Латвии. С приходом Красной армии ЛЛА переориентировалась на борьбу против органов советской власти. Повстанцев поддерживало местное католическое духовенство. Настоящим «партизанским» краем была южная Литва, где проживали более бедные слои крестьянства. В составе формирований находились как бывшие военнослужащие литовской армии, рабочие, служащие, крестьяне, студенты и учащиеся, так и священнослужители (капелланы) и бывшие полицейские, служившие в немецких войсках. По данным советских органов, католическое духовенство около 10 лет вело «подрывную антисоветскую» пропаганду среди местного населения и «лесных братьев», которых с 1944 г. поддерживали немецкие спецслужбы, забрасывая в тыл Красной армии диверсионно-подрывные группы, оружие и боеприпасы.

Главной целью сопротивления руководство ЛЛА определило «борьбу за имущество и жизнь своего народа». Весной 1945 г. общая численность повстанцев достигла 30 тыс. человек. Движение продолжало носить в основном разрозненный характер, сопротивление выражалось в форме террористических актов по отношению к партийным и советским работникам на местах, пропагандистам и агитаторам, рядовым литовцам, заподозренным в сотрудничестве с новыми властями. В результате оперативно-боевой деятельности войск, дислоцированных в Литве, только за декабрь 1944 – январь 1945 гг. ими были проведены более 800 чекистско-войсковых операций, в ходе которых были убиты 28 тыс. литовских повстанцев, много захвачено в плен и несколько тысяч арестовано. Число задержанных «уклонистов» от призыва составило 15 тыс. человек. Было изъято большое количество оружия, боеприпасов и «нелегальной литературы». Это было внесудебное и своего рода массовое наказание населения с депортацией его части в районы Сибири. Неслучайно в период Горбачева именно Литва в лице ее политической и интеллектуальной элиты стала одним из инициаторов борьбы за роспуск СССР.

Наиболее мощной и непримиримой была военно-политическая организация украинских националистов, созданная еще в конце 1920-х годов. Репрессии против них давали повод для роста сопротивления. В итоге с территорий Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. и в 1941–1951 гг. было выселено в отдаленные районы СССР более 10% местного населения. В первые дни Великой Отечественной войны органы НКВД расстреляли несколько тысяч местных жителей (в тюрьмах Львова – всех заключенных, в Дрогобыче – 540 человек, в Станиславе (нынешнем Ивано-Франковске) – более 500 человек, десятки – в Тернополе и т.д.). В начальный период оккупации немецкое командование попыталось обратить националистический потенциал Организации украинских националистов (ОУН) против советской власти и Красной армии. С помощью немцев в 1942 г. ОУН создала военную структуру, сформировав Украинскую повстанческую армию (УПА) и Украинскую народно-революционную армию (УНРА). 30 июня 1941 г. во Львове было создано украинское правительство во главе со Стецько, которое вскоре разогнали оккупационные власти, так как воссоздание государственности Украины не входило в планы Германии. Примерно с весны 1942 г. начался отход ОУН от сотрудничества с немцами. Организация развернула борьбу против двух противников – Советского Союза и Германии.

В апреле 1943 г. в Силезии из украинских националистов была сформирована 14-я дивизия войск СС «Галичина» (около 20 тыс. человек). Весной 1944 г. она воевала в Карпатах, затем была включена в состав германского 13-го армейского корпуса, в июле 1944 г. в окружении в районе Западного Буга из 18 тыс. человек в живых остались 3 тыс. В августе 1944 г. отдельные части дивизии участвовали в подавлении словацкого национального движения, а зимой–весной 1945 г. на их базе была сформирована 1-я дивизия УПА под командованием П. Шандрука. До конца войны она действовала в Югославии против партизан И. Броз Тито. 10 тыс. украинцев с 1943 г. находились в составе частей СС «Мертвая голова», охранявших концлагеря, в том числе Бухенвальд и Освенцим. После изгнания фашистов остатки оуновцев развернули диверсионно-боевую деятельность против советских войск и органов власти. Националистическое движение, которое возглавил С. Бандера, охватило Львовскую, Ивано-Франковскую, Тернопольскую и Волынскую области. С февраля 1944 по декабрь 1945 г. повстанцы совершили более 6 тыс. диверсионно-террористических актов. Только на территории Львовского военного округа с октября 1944 г. по март 1945 г. войска НКВД при поддержке армейских подразделений провели

свыше 150 противоповстанческих операций. Были уничтожены и взяты в плен 3,5 тыс. повстанцев[15].

Завершающий этап войны проходил на территории стран Восточной Европы и Германии, и это было время так называемого «победоносного шествия» или «освободительной миссии» Красной армии. Несмотря на большие людские потери уже за рубежами своей Родины, война воспринималась как справедливое возмездие врагу, как конечная цель «добивания врага в его собственном логове». Безотносительно к геополитическим расчетам, которые были у советского руководства, советские люди в массе своей воспринимали с энтузиазмом победы советских войск. Водружение знамени Победы над рейхстагом стало общенациональным триумфом, которое затем было воплощено во многих художественных формах, включая знаменитый патриотический фильм «Падение Берлина». Сам факт победного окончания войны затмил вопрос о цене этой победы и о неизбежных для народа послевоенных тяготах жизни. Советский народ потерял в войне более 27 млн человеческих жизней, из которых почти 8,7 млн были военнослужащие[16].

* * *

Послевоенный период в истории советского народа до смерти Сталина и затем XX съезда КПСС – время сложных и противоречивых процессов, которые до сих пор были на периферии внимания профессиональных исследователей. Но это время заслуживает своего анализа, в том числе и с точки зрения процессов в сфере общественного сознания. Мы имеем в виду в данном случае верхушечную идеологию, которая в тоталитарном обществе того времени была важна для формирования устремлений и настроения людей, их ценностных ориентиров. Следует отметить, что в послевоенные годы режим не претерпел принципиальных изменений, и культ личности Сталина обрел трудно вообразимые масштабы, но что-то существенное изменилось в советском обществе. Во-первых, среди части населения сохранялась и переживалась огромная коллективная травма, связанная с насильственными переселениями больших масс людей, включая целые этнические общности. Напомним, что к концу войны на спецпоселении находилось более 1 млн российских немцев (1,5 млн немецких военнопленных – это был совсем другой контингент, также требовавший особого режима и охраны), около 600 тыс. представителей народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы), 91 тыс. калмыков, 183 тыс. крымских татар, 94 тыс. турок-месхетинцев, курдов). К этому следует добавить принудительно пересе-

ленных с присоединенных перед войной территорий (Прибалтика, Западная Украина, Молдова). Только с территории Украины было переселено около полумиллиона так называемых «неблагонадежных» лиц. На «освободившиеся» места проживания и на некоторые освобожденные/присоединенные территории (например, территории упраздненных республик Северного Кавказа и Калининградская область) также по принудительной разнарядке переселялось население из центральных районов России, главным образом русское население. Огромная страна представляла собой гигантский мигрирующий котел при ужасном состоянии путей сообщения и условий переезда. Не следует забывать, что после окончания войны с Германией значительная часть войск была переброшена на Дальний Восток для войны с Японией, а часть освобожденных военнопленных содержалась в фильтрационных пунктах и освобождалась или отправлялась в заключение после проверок спецорганами.

Во-вторых, тяготы послевоенного времени носили всеобщий характер. Они касались не только жителей территорий, бывших под оккупацией или на линии боев, но и населения территорий, не затронутых военными действиями, не говоря уже о тех, кто был на спецпоселении, в трудармии, а тем более в лагерях. Все это не ослабило, а только усиливало среди жителей страны ожидание улучшений жизни, в том числе и послабления репрессий, включая возможное возвращение из ссылок. Как пишет Е.Ю. Зубкова, «это ожидание было буквально разлито в обществе: победа породила иллюзии, что жизнь в стране будет меняться к лучшему, и эти надежды часто связывали с возможностью либерализации»[17]. Но в ответ последовала некая новая идеология, рождение которой наметилось еще во время войны. Речь идет о концепте советского народа и советского патриотизма в неоимперском контексте, который был своего рода заменой некоему общему слову-символу, которым можно было бы обозначать население государства.

Выполнивший обстоятельное историографическое исследование советской полиэтничности екатеринбургский историк Н.Н. Константинов отметил, что стремление утвердить объединяющий разнородное население СССР «имя-символ» относится еще к 1920–1930-м годам[18]. Именно тогда идею «советской нации» сформулировал историк Н.И. Устрялов, считавший ее аналогичной «евразийской нации» Н.С. Трубецкого, также использовавшего термин «советская нация»[19]. Однако до войны такого объединяющего термина не было создано, хотя выражение «советский народ» уже существовало. В годы войны потребность общегражданской (внеклассовой и внеэтнической) мобилизации стала намного актуальней, и на совещании историков в ЦК КПСС летом 1944 г., когда

обсуждалась изданная под редакцией академика А.М. Панкратовой «История Казахской ССР», вдруг прозвучало мнение, что не всякое национально-освободительное движение на периферии Российской империи было прогрессивным и что присоединение к хотя и слаборазвитой России было меньшим злом, чем подчинение другим капиталистическим и феодальным государствам. Именно тогда участниками обсуждения было сформулировано весьма любопытное, хотя стилистически неуклюжее обобщение (слова участника обсуждения Х.Г. Аджемяна): «Октябрь в самом деле не был выражением воли одного лишь рабочего класса, который был лишь его авангардом, а воли общенациональных интересов обновляющейся России – СССР… На костре классовой борьбы приносятся жертвы-гагатомбы наших общенациональных народных интересов советского народа»[20]. В этих, не всеми принятых словах на самом деле прозвучала идея «общенациональных интересов советского народа», т.е. советский народ понимался как аналог другим нациям мира. Известный историк М.В. Нечкина в своем выступлении подняла вопрос об интеграционных процессах в советском народе в еще более «инновационном» плане, предложив считать советский народ некой общностью более высокого уровня, чем нация. Н.Н. Константинов приводит по стенограмме совещания историков 1944 г. следующее интересное высказывание Нечкиной: «Мы совсем не занимаемся одной очень важной темой, еще не поставленной в науке проблемой – проблемой формирования советского народа. Я думаю, что это вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно встать в порядок дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию»[21].

Это высказывание чрезвычайно интересно, ибо мы имеем дело с первым известным рассуждением о советском народе как некой целостности нового типа. Через пару десятилетий высказывание облачится в теоретическую формулу «нового типа исторической общности людей». Но то, что оно впервые прозвучало в годы войны и на совещании историков на Старой площади и в выступлении известного историка, это настоящее маленькое открытие! Нам представляется более чем вероятным, что именно после этого

совещания (известно, что Сталин и Жданов консультировались с участниками совещания) через несколько месяцев в свой доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1944 г. Сталин включил раздел «Великий подвиг советского народа в Отечественной войне». Именно в этой речи он изложил содержание советского патриотизма, который имеет в своей основе преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны и т.д. Как заключает Н.Н. Константинов, «идея советского патриотизма оказалась компромиссной между различными позициями в вопросах описания советской общности в той мере, в какой она выступала аналогичной обществам других государств»[22]. Компромисс выражался в том, что эта идея могла выступать в качестве символа, с которым мог отождествлять себя любой житель страны, а само выражение было привычным продолжением советской риторики любви к отечеству. Наконец, советский патриотизм не отменял формулу «дружбы народов» и включал в себя признание этнического многообразия СССР, т.е. «социалистических наций».

Одновременно с новым концептом под коммунистической фразеологией привносились в общественный дискурс неоимперские ценности, идеи великодержавия. Вместе с погонами и суворовскими, нахимовскими училищами (по подобию кадетских корпусов) наука и культура стали прославлять имена полководцев и правителей страны, включая «строгих, но справедливых» Ивана Грозного и Петра I. При этом идеология советского патриотизма, несмотря на попытку Сталина разыграть «русскую карту» своим знаменитым тостом на приеме в Кремле – «За здоровье великого русского народа», имела не этнический, а государственно-патерналистский характер. Она имела целью не столько борьбу против национализма внутри страны, сколько противодействие западному влиянию. Неслучайно, в стране вскоре началась кампания против «пресмыкательства перед заграницей», против низкопоклон-ства и раболепия перед иностранщиной и западной буржуазной культурой. Но скоро логика ужесточения политического режима распространилась и на «буржуазных космополитов» и «местных националистов». Партийные чистки и репрессии особо затронули такие республики, как Грузия и Эстония. Националисты стали чем-то наподобие троцкистов – как главные враги партии и народа. Но чтобы волна репрессий не ограничивалась отдельными регионами, Сталин и его окружение затеяли грандиозное дело против советского еврейства, которое тянулось с 1948 по 1952 г. и закончилось расстрелами и тюремными заключениями 110 человек, включая убийство в 1948 г. председателя Еврейского антифашистского комитета С.М. Михоэлса. Осуществлению следующей провокации против

советских евреев в форме так называемого «дела врачей» помешала смерть Сталина.

В условиях массовой истерии и антисемитизма, которые далеко не украшали диктаторский режим Сталина, в стране одновременно развернулась идеологическая кампания по утверждению среди граждан советского патриотизма. Партийные идеологи, а также часть ученых-обществоведов стала активно разрабатывать тему патриотизма. В это дело включились ведущие историки страны. Академик Е.В. Тарле написал биографию Наполеона, в которой показал величие Бородинской битвы и русского оружия, кстати, не отступив от высоких научных стандартов. Неслучайно, книга Тарле была переведена на десятки языков, и она пользуется спросом до сих пор. А.М. Панкратова (тогда еще член-корреспондент АН СССР) опубликовала историческую работу на тему патриотизма[23], и за ней последовали многие другие. В тогдашней идеологии патриотизма были заложены некоторые компоненты национальной идентичности советских людей, которые служили делу гражданской солидарности почти полвека вплоть до распада СССР, а некоторые сохранились и до сих пор в формате общероссийского патриотизма. Это прежде всего идентификация граждан СССР как советских людей, т.е. членов одной единой общности: «К какой бы национальности не принадлежал гражданин СССР, он прежде всего – советский человек, сын социалистического отечества, творец новой, социалистической жизни»[24]. Это – возвеличивание победы в Великой Отечественной войне как подтверждения верного курса партии во главе со Сталиным. Только со временем, уже в конце 1960-х годов героический миф о Великой Победе станет олицетворять подвиг народа и его способность защищать Родину от внешних врагов. Это – восприятие пространства страны как великой ценности и гордости: СССР представлялся советским людям как «одна шестая мира» «от Балтики до Курильских островов, от северных льдов до песков Средней Азии»[25]. Как справедливо отметил Н.Н. Константинов, «в общем идея советского патриотизма была прагматичной… В ней содержался символ для обозначения тождественности гражданина СССР со своей страной, но окончательного шага на пути к формулированию идеи “советской нации” сделано не было. В тех случаях, когда было необходимо рассматривать население СССР как политическое целое, использовалось выражение “советский народ”. В то же время по своей структуре идея советского патриотизма соответствовала критериям национальной лояльности»[26].

Более того, именно в этот достаточно «глухой период» с точки зрения развития общественной мысли и состояния массового сознания мы обнаруживаем, что идея советского патриотизма дополняется идеей «советской национальной гордости», которая не

подменяла «национальную гордость» каждого из советских народов, а была общей для всех жителей СССР. Приведем примечательную цитату из установочной книги о советском патриотизме, в которой речь идет о «советском как национальном»: «Источник советской национальной гордости – в глубоком понимании советскими людьми превосходства социалистического общественного строя над буржуазным строем, нашей плановой экономики – над капиталистической экономикой, советской культуры – над буржуазной культурой, морали социалистического общества – над звериной моралью капитализма, превосходство советского человека – над любым, даже самым высокопоставленным чинушей в капиталистических странах. Это не обычная национальная гордость, которая свойственна всем народам и которая была присуща и нашему народу до Октябрьской социалистической революции. Советская национальная гордость – это гордость высшего порядка»[27].

Быстрое восстановление разрушенной войной страны и заметное улучшение жизни советских людей, включая и население союзных республик, конец тоталитаризма в его наиболее открытой форме создали в СССР ситуацию, которая требовала сплочения народа уже не «вокруг вождя», а вокруг нового интеграционного концепта для разнородного населения. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была изложена идея формирования «советского народа», которая через несколько лет обрела более «изящное», но научно несостоятельное добавление «как нового типа исторической общности людей». Нужно сказать, что расшифровать тогдашние интеллектуальные поиски советских политиков-теоретиков не очень просто, но ясно, что сталинское определение нации довлело над мышлением при самоописании «кто есть мы». Пропаганда и даже статистика утверждали, что в СССР произошла социальная интеграция пространства и сложилась единая хозяйственно-экономическая система, но оставались различия в языке и в культурных традициях разных групп населения. Н.Н. Константинов приводит интересные выдержки из стенограммы заседания Президиума ЦК КПСС от 14 декабря 1959 г. при обсуждении проекта программы КПСС:

«Пономарев Б.Н.: Возникают сложные вопросы и по национальной проблеме. Правда, уже кое-что собрано и есть. Но возникает такой вопрос – раньше было так: слияние наций в конечном счете и даже отмирание наций. Теперь мы находимся на таком этапе, когда надо конкретно сказать, что было бы правильно без забегания вперед и без отставания, какая система на 15–20 лет. Для определения наций, для всемерного сближения наций недостаточно сказать – дружба народов. Дружба народов завоевана. И можно дальше определить, что нужно взять национальный вопрос с учетом всех положений, которые способствовали бы укреплению всемерной дружбы народов и в области языка, и в области национальной культуры.

Кириченко А.И.: И в области определения нации.

Пономарев Б.Н.: Потому что ряд предпосылок, который существовал ранее, уже отпадает, многие нации настолько переплелись, что принципов для определения нации не существует»[28].

Из этих и других рассуждений кремлевских вождей и идеологов мы видим, что для советского понимания нации, которое сохраняется и поныне, было очень трудно воспринять идею сложного и соподчиненного существования данного феномена, а точнее – обозначения двух разных сообществ одним словом и вытекающим из этого «комбинированным национализмом» (выражение Н.С. Трубецкого). Чтобы обозвать советский народ нацией, по ограниченному мнению тогдашних «социальных конструкторов», нужно было упразднить (через слияние или отмирание!) другие нации, которые имели совсем другую природу, но в своем самоописании также использовали слово нация и даже «социалистическая нация». Один из партийных идеологов – М.А. Суслов при подготовке к XXII съезду КПСС предложил включить в новую программу партии положение о том, что в СССР происходит слияние наций и языков, образование одной нации с одним языком, с единой общей культурой. Это предложение использовать понятие «нация» для обозначения советского общества не было принято в силу своей неоднозначности, и вместо этого было вписано, что «в СССР образовалась новая историческая общность – советский народ»[29].

Эта ситуация методологического тупика в использовании категории национального сохранилась на протяжении всего позднесоветского времени, а нынешние дебаты в чем-то даже напоминают труднорассуждающих обитателей кремлевских кабинетов полувековой давности.

[1] Подробнее см.: *Аманжолова Д.А*. Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941–1945 гг.: Общее и особенное // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 2010; *Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю*. Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е годы) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М., 2012.

[2] См.: Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1985; Война и общество. 1941–1945. Кн. 2 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004; Народ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2010; см. также портал Министерства обороны России: «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

[3] См., например: *Гилязов И*. Национал-социалисты и тюркские народы СССР: развитие представлений и планов (конец 30-х – начало 40-х годов) // Панорама-форум. 1997. № 16.

[4] *Хисамутдинова Р.Р.* Вклад Урала в победу над фашистской Германией // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Национальная и этноконфессиональная политика. Оренбург, 2010. С. 3–12.

[5] *Мансуров Т.А., Умбетбаев Т.А*. Казахстан в контексте истории Великой Отечественной войны советского народа // Героическое и трагическое лихолетье. Смоленск, 2000. С. 39–41.
[6] *Шварц Я.Т*. Эвакуация – важнейшая народнохозяйственная и военная проблема // Там же. С. 318.
[7] *Горохов С.Н*. Народы Севера на фронтах Великой Отечественной войны // Там же. С. 149–151.
[8] *Бутаев М.Д*. Об открытых письмах-газетах «Дагестан – своим фронтовикам» // Там же. С. 119–122, 214.
[9] *Мансуров Т.А., Умбетбаев Т.А*. Указ. соч. С. 41–45.
[10] *Григорьев В.В., Берибулов С.В*. Вклад Республики Беларусь в общую победу // Героическое и трагическое лихолетье. С. 35; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 390–391.
[11] *Мингазутдинов А.Ф*. Боевое содружество воинов – представителей народов СССР в боях за освобождение Украины (1943–1944 гг.) // Героическое и трагическое лихолетье. С. 212–214; *Поночевный М.И*. Украина в планах фашистского рейха: история, реальность, факты и современность (1939–1945) // Там же. С. 236.
[12] *Картавый С.М*. Вклад народов Советского Союза в освобождение Украины от немецко-фашистских оккупантов и восстановление народного хозяйства // Там же. С. 180–182.
[13] *Конюков Т.С*. Интеллигенция Башкортостана в агитационно-пропагандистском обеспечении великой Победы // Там же. С. 187–188.
[14] *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И*. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.
[15] *Яременко В*. Повстанческое движение в СССР. Что говорят архивы // Polit.ru. 2005. 29 марта; *Он же*. Взрыв самостийности // Политжурнал. 2005. № 12 (63). См. также: *Бугай Н.Ф*. Л. Берия – И. Сталину: «согласно вашему указанию». М., 1995; *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И*. Указ. соч. С. 60–75; *Скороход Ю.В*. Что мы знаем и чего мы не знаем о Великой Отечественной войне // http://mrk-kprf-spb.narod.ru/skorohod.htm#11; *Балашов А., Рудаков Г*. История Великой Отечественной войны. СПб., 2006; *Окороков А*. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007.
[16] Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 386–389.
[17] Этнический и религиозный фактор в формировании и эволюции российского государства. С. 289.
[18] *Константинов Н.Н*. Советский Союз 1944–1991 годов в историографии. Репрезентация полиэтнического политического сообщества. Екатеринбург, 2012. С. 110.
[19] Там же. См. также: *Трубецкой Н.С*. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 493–505.
[20] *Юрганов А.Л*. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 292–293.
[21] Цит. по: *Константинов Н.Н*. Указ. соч. С. 113.
[22] Там же. С. 114.
[23] *Панкратова А.М*. Великое прошлое советского народа. М., 1949.
[24] О советском патриотизме. М., 1950. С. 308.
[25] Там же. С. 309.
[26] *Константинов Н.Н*. Указ. соч. С. 114–115.
[27] О советском патриотизме. С. 416.
[28] Цит. по: *Константинов Н.Н*. Указ соч. С. 116.
[29] *Мухитдинов Н.А*. Река времени. От Сталина до Горбачева. Воспоминания. М., 1995. С. 509–511.

Часть III

СОЦИОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Глава 15

«РОССИЙСКИЙ» ВМЕСТО «СОВЕТСКИЙ»

Президент В.В. Путин вернулся к объединяющей и единственно точной дефиниции главного субъекта власти, политики и управления – понятий *российский народ* и *российская нация*, что является по своей сути синонимами. Выступая в Кремле 12 июня 2003 г. на празднике, посвященном Дню России, он сказал: «Где бы мы ни родились, где бы ни выросли – все это наше родное Отечество. А вместе мы – один, единый, могучий российский народ». На совещании в Чебоксарах 5 февраля 2004 г. президент произнес следующие слова: «Мы в свое время – еще в советские времена – говорили о единой общности – советском народе. И были под этим определенные основания. Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень много сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и сегодняшняя реальность». Не менее определенно и даже на двух языках (татарском и русском) президент сказал аналогичные слова в августе 2005 г. на праздновании 1000-летия Казани: «Без Казани, без татар и татарской культуры не было бы российского народа и исторического российского государства в том виде, как оно существует последние века, включая день сегодняшний. Казань и Республика Татарстан – это и есть Россия».

Эти фундаментальные утверждения нуждаются в осмысленной поддержке со стороны просвещенной части общества, ибо представляют собой не просто доктринальную новацию, но и серьезный вызов для научного сообщества, политической бюрократии и всех, кто формулирует и формирует представления граждан. Противники понятий *российский народ* и *национальное единство* обнаружились сразу, причем там же в Казани. В те же юбилейные дни Р. Хакимов опубликовал книгу, в которой обосновывается невозможность существования российской нации, а одним из аргументов против

гражданской нации стало утверждение, что время наций-государств прошло, а пришло время этносов, из которых и состоит современный мир:

«Прощание с нациями-государствами требует изменения многих привычных представлений. Россия как нация-государство в свое время не сложилась. Она держалась как империя и рухнула под напором наций, образовавших ряд государств на постсоветском пространстве. Попытка сегодня создать россиян как нацию – дело бесполезное, ибо невозможно вернуть политические процессы индустриальной эпохи… В Российской Федерации этническую дифференциацию невозможно нивелировать, наступила эпоха, стимулирующая культурное многообразие. В этих условиях пытаться конструировать нацию-государство «россиян» все равно, что пытаться плыть против течения в то время, когда в баке кончился бензин»[1].

Помимо этнонационализма представителей российских меньшинств не менее существенным разрушителем российскости выступает национализм шовинистического толка, для которого «россияне» – это некий эвфемизм, а Россия есть потому, что есть русские, хотя хорошо известно, что в разные исторические времена русскими называли или всех православных, или всех восточных славян (великороссов, малороссов и белорусов). Узкоэтническое содержание понятие *русские* обрело только в период строительства «социалистических наций». Тем не менее утопическая мечта вернуть широкое и надэтническое смыслопонимание *русского,* как это было до советского нациестроительства, остается. Необходимы серьезные разъяснительные усилия и моральные принуждения, чтобы в публичном пространстве было меньше заявлений, подобных сделанному бывшим депутатом Госдумы от ЛДПР Н. Курьяновичем: «Давно пора переломить узость и сектантство в правом русском патриотическом движении. Мы должны сбросить с себя ярмо россиянина и показать, что мы русские, что нас много, что с нами придется считаться»[2].

Если же говорить не о политиках-неофитах, а о профессиональном экспертном сообществе, то здесь сторонников русского *versus* российского проекта более чем достаточно. Одним из авторов рождения новой русской нации является В.Д. Соловей[3], для которого выступления сторонников КПРФ или недовольных реформой монетизации, а особенно активизация деятельности экстремистских групп ксенофобского и неофашистского толка представляется рождением новой общности – новой русской нации. Это же, с его точки зрения, означает крах проекта создания гражданской нации.

Еще один вариант похорон гражданской нации поступил на рынок идей со стороны противников «путинизма» из числа леволиберальной интеллигенции. Прежде всего это книга «Между империей

и нацией» и эссе «От Третьего Рима к гражданской нации?» Эмиля Паина. В последнем содержится критическая ссылка на мою позицию. Хотел бы подтвердить, что действительно считаю, что после распада СССР в России самоопределился российский народ как многоэтничная гражданская нация, и это есть свершившийся факт. В данной позиции нет «пыла полемики или каких-то иных причин», как считает Э. Паин. Есть многократно выраженная научная позиция, разработанная на основе собственного анализа российских и мировых реалий. Сразу скажу, что не согласен с негативными оценками политической эволюции и современной ситуации в России, особенно с тем, что «страна наша – империя, в которой есть привилегированный Центр и бедные окраины, если не колонии», что Москва, «как огромный насос, высасывает финансовые, материальные и интеллектуальные ресурсы из провинции», что жители России «только называются гражданами», в реальности же они «подданные», «объект политических манипуляций». Поскольку в «империи не может быть гражданских наций» (выше мы уже опровергли этот тезис), то Эмиль Паин не признает наличие российской нации. Попытки утверждать российскую идентичность (прежде всего через изначальное признание существования такой нации) называются им «имитационной политикой». «Переназывание вещей» обречено, по его мнению, на провал, ибо представляет собой верхушечную инженерию «власти над народами без их на то согласия»[4].

Это больше, чем приглашение читателя к размышлению. Это одна из позиций многочисленных противников российской нации, высказанная ведущим в стране экспертом. Здесь требуется ответ, а точнее – разъяснения и аргументы, к которым мой уважаемый коллега Э. Паин и разделяющие аналогичные взгляды обязаны прислушаться. Во-первых, никак нельзя согласиться с такой оценкой глубоких перемен в области либерализации российского общества, которую дают им нынешние недовольные «вертикальной страной». Так же невозможно согласиться с определением Москвы как Третьего Рима, которая возвышается над бедными окраинами. Ранний отрыв Москвы по части обустройства и богатения уже преодолен, и нужно презирать или не замечать преобразившиеся крупные города страны от Санкт-Петербурга до Казани, Уфы, Владикавказа, Нальчика, Саранска, Хабаровска и Анадыря, чтобы называть их «бедными окраинами, если не колониями!».

Во-вторых, никак нельзя согласиться с категоризацией нынешнего поколения россиян как «подданных» и не более. У нас есть и граждане и гражданское общество с его институтами, включая Общественную палату. Кстати, одним из самых мощных институ-

тов является Российская академия наук с ее свободным и компетентным отрядом ученых-обществоведов. Неужели в Институте социологии РАН работают «подданные» и сам Эмиль Паин себя и своих коллег по институту к свободным и ответственным гражданам не относит? Что-то здесь не так. Не может столь знающий человек полагать, что в Йемене, Китае, Индии, Пакистане, Индонезии, Колумбии, Мексике и прочих странах есть нации потому, что там есть свободные граждане, а не подданные, а в России нет граждан и, значит, нет и нации. В Китае десятки миллионов людей вообще не имеют никаких прав, а запачкавшие краской портрет Мао сидят в тюрьме второй десяток лет, в Индии не меньшее число людей – это кастовые изгои «неприкасаемые», в Пакистане половина населения не умеет читать, Йемен является наследственной монархией, и женщины там не имеют права голоса, но нации в этих и других не менее «проблемных» странах есть, а вот в России почему-то нет и все!

Такая позиция – не более чем политизированная эмоция. На самом деле наличие нации в стране не связано со степенью демократизации, «вертикализации», «гигантской социальной поляризацией», которые якобы не позволяют считать россиян нацией. Фактически все государства, входящие в состав Организации Объединенных Наций, имеют в своем арсенале понимание населения как нации, а своего государства как национального государства. В Индии, Колумбии, Бразилии, Мексике и в десятках других стран мира социальной поляризации и политического манипулирования не меньше, чем в России, но они почему-то могут считаться нациями. А вот Россия не может, ибо в ней «сконструированная аппаратом Общественная палата», Федеральное собрание зависят от исполнительной власти и имеются прочие «отступления от демократии». Разногласия Паина с Путиным и его претензии по части «развития гражданского общества» есть ничтожный повод для утверждения, что гражданская нация в современной России невозможна.

Есть в России нация! Есть и гражданское общество! Именно по этой причине я выступаю против позиции «формирования» того и другого как неких проектов или идей будущего. Перевод российской нации в проект для XXI в. есть отрицание настоящей России, ибо если нет граждан, нет гражданского общества, нет гражданской нации, тогда что же остается – «народы, управляемые без согласия», как полагает Эмиль Паин? Возражаю категорически. Самое печальное то, к чему призывают ведущие московские публицисты, как это делает некто О. Григорьев: «..не гнаться за химерой национального государства, для создания которого отсут-

ствуют какие-либо условия… Давайте исходить из реальностей. Россия никогда не была национальным государством. И не существует такой – российской нации… Мы говорим о русской нации, о русском (российском) национальном государстве (а некоторые вопреки всем правилам логики и здравому смыслу даже говорят о России как о нации), но, поскольку на самом деле ничего этого не было и нет, мы вынуждены делать разного рода оговорки… Россия была и есть то, что можно назвать территориальной империей. Территориальная империя как форма государственного устройства господствовала в мире и в Европе на протяжении столетий, причем Россия – единственная европейская территориальная империя, сохранившаяся до наших дней»[5]. Такого рода рассуждений в большом количестве можно найти на страницах редактируемого Михаилом Леонтьевым журнала «Главная тема», ибо для него имперская Россия и есть главная тема. Кстати, яркие и многолетние «Однако» этого журналиста сделали больше в плане формирования изоляционистского, антизападнического массового сознания, чем все вместе взятые академические штудии наших европеистов, международников по части интеграции России в мир современных наций.

И, наконец, еще одна форма непризнания российского народа и его национальной государственности проявилась среди энтузиастов «формирования» российской нации как проекта для XXI в. Бывшие ярые противники единого согражданства ныне выступили с поспешно написанными книгами о «теории политической нации, цель которой – формирование государственного единства на условиях выявления потенциала многонациональности, а не только самоутверждения государства как инструмента в руках доминирующей нации»[6]. Для Р. Абдулатипова «этносы, этнонации создаются и развиваются только в человеческом сообществе, поэтому это один из родовых признаков человеческого индивида, результат их общности», а первичное значение «ощущения принадлежности к единому демократическому Российскому государству и российской гражданской политической нации» – «это старое фразерство, прицепленное к новым лозунгам»[7]. Надежды, что процитированные выше авторы окажутся среди тех, кто будет осознанно утверждать российскую идентичность, достаточно мизерные. Однако ирония в том, что политики и эксперты типа Абдулатипова в своей публичной жизни служат именно российской национальной государственности и российскому народу, а недавнее назначение политика на должность руководителя Республики Дагестан поставило перед ним сложную задачу удержать регион в российском пространстве и среди его многоэтничного населения

укрепить общероссийское самосознание. Кстати, и в своей частной жизни Рамазан Гаджимурадович в союзе с русской супругой произвел сына с «родовым признаком» россиянина русско-аварского этнического происхождения. Эти трое россиян и есть один народ, а не «дружба народов».

* * *

Население нашей страны обладает высокой степенью национального единства в смысле общих ценностей, культурной гомогенности и активного межэтнического взаимодействия, которым могли бы позавидовать многие крупные государства, утверждающие с разной долей успеха идею единой нации среди своего населения. Причем население этих стран, в отличие от России, часто даже не может разговаривать между собой на одном языке, и его части воюют друг с другом десятилетиями. Достаточно назвать Индию, Испанию, Китай, Индонезию, Мексику, Нигерию, ЮАР и десятки других стран, где этнического и языкового однообразия нет, а концепция единой нации есть и реально сплачивает страну. В России – наоборот: *есть реальное единство при сохранении этнокультурного разнообразия среди россиян, но нет представления об едином народе, его национальных интересах и национальной*

Уличный плакат о «национальном достоинстве России» в Самаре (фото автора, 2001 г.)

Строящийся Центр финно-угорской культуры
в г. Саранске, 2012 г.

культуре. У нас «национальные интересы народа» – это партикулярные запросы граждан татарского, осетинского, кабардинского, якутского, бурятского и иного этнического происхождения. «Национальная культура», «национальное образование» в России – это не российские культура и образование, а аварские, даргинские, марийские, мордовские и прочие культуры и школы. А далее сразу следует «выход в мировую культуру», как бы минуя российскую.

Идеологи этнонационализма проводят линию, что татарский, башкирский, марийский, мордовский и другие культурные компоненты не являются частью российского культурного арсенала, а это часть полумифических и политизированных «тюркского мира», «финно-угорского мира» и прочих «татарских миров». Один из последовательных идеологов татарского национализма пишет: «Россия изначально сущностно содержит в себе два мира, два разных мироощущения, два культурных ареала: русско-православный и тюрко-исламский, которые мало взаимодействуют друг с другом,

умудряясь жить при этом в непосредственной близости, в одном пространстве… Татары должны работать в тюркском мире, как это было и сто и двести лет назад. Это наша экономическая и культурная ниша, в этом наше преимущество… Российское государство все народы загнало в тупик, включая и русских. Сегодня выбираться из этой трясины можно только собственными усилиями, отстаивая демократию и федерализм, противодействуя имперским инстинктам, произволу и духу наживы. Надо громко сказать: "Я – татарин", не стесняясь сложившихся стереотипов»[8].

Получается парадокс: люди живут веками в России, бок о бок с русскими, украинцами, немцами, коми и прочими, работают вместе, женятся и растят детей, общаются между собой на одном языке, а ученые и политики убеждают их в существовании каких-то других миров, помимо *российского мира* – действительно древнего, реального, повседневного, жизненно важного для каждого.

Следом за националистической риторикой и паранаучными писаниями принимаются государственные программы поддержки избранной категории россиян, родные языки которых лингвисты поместили в одну языковую семью, в данном случае в финно-угорскую. А уже за ними следом, только с противоположным смыслом, эстонские политики вносят в ПАСЕ проект резолюции о «вымирании» и нарушении прав финно-угорских народов в России. Хотя в демографическом отношении численность эстонцев, финнов и венгров росла медленнее, чем в целом среди российских финно-угров. При этом действительно заметное снижение численности среди карел, мордвы, марийцев и удмуртов на протяжении XX в. было вызвано свободным выбором в пользу русской культуры и идентичности. *Позиции спонсирования этнического партикуляризма в геополитических раскладах есть по сути отрицание российского народа, а значит, и России.*

Для нашей страны и для ее населения становится все более разрушительным и неадекватным назойливо употребляемое множественное число «народы России», и пока мы не начнем, наряду с этим, утверждать понятие *российский народ,* ничего не получится. Не нужно ничего «формировать» и делать из татар или бурят россиян, а тем более – русских. Задача ответственных экспертов – терпеливо и настойчиво (пока не дойдет хотя бы до журналистов) объяснять, что *российскостъ как идентичность и российский народ-нация – не результат внутренней унификации, а естественное наложение на множество внутренних этнокультурных различий, которое существует среди населения страны.* Россияне – это свершившийся факт, и только малая просвещенность, узколобый национализм или политические амбиции стоят за утверждением о провале проекта гражданской российской нации.

Итак, сохраняющееся восприятие российского народа исключительно в формуле «дружбы народов», а не сложного единства представляет собой провал отечественной и зарубежной экспертизы. Это есть догматические и националистические заблуждения, намеренно поддерживаемые внешними противниками России. Национальную идентичность россиян нужно утверждать более последовательно, и не только редкими высказываниями президента. Необходимо признать, что национальная идентичность, а значит, российская нация существует, а не есть просто мечта или задача для очередного «строительства». Дальше отрицать и разрушать российскость недопустимо. *Нам нужно утверждать российский гражданский национализм как осознание и отстаивание национального суверенитета и интересов страны, укрепление национальной идентичности российского народа, утверждение приоритета самого понятия «российский народ».* Всякие другие варианты национализма на основе этнических крайностей – от имени одного государствообразующего народа или от имени «дружбы народов» – несостоятельны и исторически нереальны.

* * *

Итак, что есть гражданский национализм и как возможно его осмыслить и утверждать в России? Еще раз повторим, что *гражданский национализм – это разделяемые населением государства ценности, правовые и другие нормы, а также политические и культурные символы, которые оформляют представление о стране как национальном государстве и о народе как нации.* Гражданский национализм многолик в своих проявлениях, но в то же самое время в нем есть общие черты и принципы, которые позволяют говорить именно о национализме, а не о каком-то другом явлении, как, например, патриотизм. Разделение национализма и патриотизма – далеко не простое дело, да и не всегда выполнимая задача по той простой причине, что в своих проявлениях на уровне государственной общности они фактически совпадают. Другими словами, гражданский национализм от имени политической нации не может существовать без выражения лояльности государству или того, что называют «любовь к Родине». По крайней мере доктринальное содержание этого вида национализма обязано включать патриотические призывы, декларации, пропаганду и конкретные чувства желательно как можно большего числа граждан той или иной страны. В свою очередь, национальный гражданский патриотизм (существуют также разного рода гражданские патриотизмы регионального и местного характера) немыслим без общеразделяемого образа страны и выражения в отношении страны и ее народа чувств

и эмоций позитивного характера. Но тогда имеется ли различие между национализмом и патриотизмом, или они обозначают один и тот же феномен?

В своей книге о современном американском национализме британский журналист и историк Анатоль Ливен, ссылаясь на работы одного из отцов неоконсерватизма в США Ирвинга Кристола[9], объясняет, почему слова «гражданский национализм», а не «патриотизм» более адекватно характеризуют господствующий компонент в американской политической культуре. «Патриотизм проистекает из любви к прошлому нации; национализм вырастает из веры в будущее нации, в ее величие. Цели американской внешней политики простираются дальше узкого определения национальной безопасности. Это есть национальный интерес мировой державы, определенный ее национальным предначертанием»[10], – отмечает Ливен.

Подобное различение между национализмом и патриотизмом делают и другие крупные историки национализма. Кеннет Миног, например, определял патриотизм как по сути своей консервативное явление, как желание защищать свою страну, часто усиленное верой в более широкую национальную миссию для человечества[11]. В американской политической культуре начала XXI в., безусловно, есть сильный элемент патриотизма, приверженности американским прошлому и политическим институтам и к современной Америке как к своего рода эталонной стране. Но в американском национализме есть склонность к мессианистскому видению своей нации. Именно поэтому А. Ливен делает вывод: «Скорее национализм, чем патриотизм, является более корректным словом, которым следует описывать наиболее характерное национальное чувство американцев. Эта особенность современного американского национализма более схожа с исторически неудовлетворенными и догоняющими национализмами Германии, Италии и России, чем с удовлетворенным и приверженным статус-кво патриотизмом британцев»[12].

Но если одна грань американского национализма носит мессианистский характер, ибо она как бы устремлена в будущее нации и в якобы предначертанное ей величие, то его другая грань не менее радикальна, ибо она постоянно обращается к идеализированному национальному прошлому. Воплощением этой стороны американского национализма является идеология правых республиканцев, «правых христиан», которые озабочены восстановлением во всей его чистоте старого американского общества, в основе которого лежало доминирование белых протестантов англосаксов и ирландских католиков. Среди многих американцев сохраняется консервативная религиозность, и она служит одним из столпов радикального консерватизма до сих пор. Это связано с целым комплексом

озабоченностей и страхов социального, экономического и этнорасового характера, включая враждебность жителей малых городов и сельского населения по отношению к городам, заселенным новыми иммигрантами, а также с неудовлетворенностью снижающимся статусом традиционного «белого рабочего класса».

А. Ливен отмечает, что «в результате экономических, культурных и демографических изменений в Америке – этой победоносной нации современной эпохи – большое число американцев переживает чувство поражения. Внутренние озабоченности и страхи, которые порождают это чувство поражения, распространяются и на отношение американцев к внешнему миру». В 2002 г. 64% опрошенных американцев считали, что их «образ жизни нуждается в защите от иностранного влияния» (по сравнению с 51% среди британцев и 53% среди французов). Американские данные расположились между результатами опросов в Западной Европе и в странах развивающегося мира, таких, как Индия (76%). Но пикантность заключается в том, что «иностранное влияние», которого опасаются больше всего представители развивающихся стран, это именно влияние Соединенных Штатов Америки[13]. Получается феномен взаимных страхов, который можно наблюдать и в случае с Россией. Но, может быть, страх (точнее – внушение страха) является одним из механизмов консолидации в более широком комплексе утверждения национальной идентичности?

При всех различиях двух стран – России и США, особенно по социальным условиям жизни и по культуре, некоторые базовые схожести национализмов налицо, а именно: обращенность в мифологизированное прошлое как источнику патриотизма свойственно обеим национализмам. Насчет видения будущего есть существенное различие: российский национализм (национализм без признанной категории нации, но с националистами) с недавних времен (после распада СССР) лишился мессианской и революционизирующей одержимости, хотя вера в лучшее будущее и даже в некое предначертание России как моральной спасительницы мира появляется в современном общественно-религиозном дискурсе. *Идеальный образ далекого прошлого* (почти мифический Александр Невский – первое имя России!) *составляет важный компонент идеологии российского национализма главным образом как форма отторжения современности.* Именно это составляет радикальное различие между российским национализмом и национализмами в США, Франции, Германии или Индии и Китая. Хотя социальные и этнорасовые страхи также и даже больше (в связи с периодом реформ и массовой иммиграцией) присущи российскому человеку, нигде не наблюдается столь шизофреническая смесь обращенного назад и вперед российского национализма с целью отрицания современной российскости.

Видимо, если говорить о стилевых отличиях, то *гражданский национализм в России – это больше патриотизм, обращенный в прошлое (ностальгический национализм), чем национализм, устремленный в будущее (мессианский национализм)*. Но обсуждение всех этих тонкостей не имеет особого смысла, ибо, для того чтобы в новой России патриотизм, ослабевший после обрушения его советского варианта, обрел хоть какую-то стилистику гражданского национализма, необходимо признать наличие самой нации. Национализм без такого признания может существовать, но с признанием своего рода референтной категории его возможности становятся более широкими и более естественными. Другими словами, если есть российская нация, то, безусловно, флаг, гимн, олимпийская команда, объединяющие общество идеи или проекты должны быть национальными, а не «общенациональными», как стараются стыдливо переназывать эти вещи противники гражданской нации, скрыто вкладывая в смысл слова «общенациональный» что-то «общее для всех наций». Маленькая, едва заметная словесная уловка, но за ней кроется достаточно серьезный смысл!

Теперь о национальной идентичности, ее смысле и соотношении с другими формами идентификационных характеристик человека. Идентичность – этническая, религиозная, национальная или государственная – определяется как прошлым опытом, так и доступными настоящими и будущими возможностями. *Национальная идентичность – это особая форма идентификации, которая не является естественной, заданной, а должна вырабатываться и распространяться главным образом через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов, которые делают связь с нацией основополагающим источником эмоциональных. и интеллектуальных обязательств и приверженности.* В отличие от этнической идентичности, которая имеет подвижный и часто сложный характер (особенно в смешанных семьях), национальная идентичность является более жесткой и более значимой. Она даже подкрепляется правовыми и уставными нормами (разного рода присяги и клятвы в армии, при получении гражданства, занятии высоких должностей) и официальными документами (национальные паспорта). Хотя национальная идентичность, как правило, определяется элитой, гораздо большее число людей использует свою национальную идентичность в эмоционально-идеологических целях: в современном мире человеку крайне важно иметь чувство принадлежности к народу – стране – государству. Люди без гражданства и без национальной идентичности (это две близкие, но не всегда совпадающие категории) считаются редкой аномалией, и от нее стараются избавиться. Возникновение огромного числа

Иерархия названий речных судов в новой России
(фото автора, 2004 г., 2009 г.)

«апатридов» – людей без гражданства в Латвии произошло только при поощрении этой акции со стороны международного сообщества и при пассивности России и самих лишенных гражданства. В других случаях «мировое сообщество» такого не позволяет: все люди на Земле должны быть «оприходованы» существующими национальными государствами.

Национальная идентичность – это не справка из ЖЭКа; она используется человеком в инструменталистских целях, т. е. для собственных интересов. Так было с давних пор и так остается поныне. Например, инструменталистское использование национальной идентичности издавна практиковалось гражданами испано-фран-

цузского пограничья: преследуя собственные локальные интересы, люди пребывали в поиске «национальности», которая лучше всего им подходила. В ходе этого процесса они меняли государственную принадлежность в ту или иную сторону и не только на уровне отдельных людей, но и местных сообществ[14].

Массовая «игра в паспортизацию» не только властями, но и самими жителями постсоветских государств говорит о том, что идентификация по государству хотя и осуществляется правовыми актами самого государства, но индивиды не автоматически обретают национальную идентичность вместе с гражданством. Сейчас многие люди из ближнего и дальнего зарубежья получают паспорта российского государства, чтобы проще пересекать его границу и выгоднее вести бизнес, или же чувствовать себя в большей безопасности в случае определенных угроз в местах проживания. Но это совсем не означает, что они идентифицируют себя с Россией как «их страной».

Некоторые люди могут иметь не российские, а паспорта других государств, но их национальная идентичность связана с Россией или же она носит характер двойной лояльности – стране предков или молодости и стране нового проживания. Такая категория людей, безотносительно их этнической принадлежности, существовала и продолжает существовать в странах бывшего СССР, но по причинам политизированного этнонационализма и академической догматики эти люди, точнее, такая форма идентичности не признавалась в России политиками и специалистами. Как рассуждали принимавшие закон 1999 г. о российских соотечественниках за рубежом думские депутаты, у украинца есть «свое государство» Украина, у еврея – Израиль, у армянина – Армения, Россия – это для русских и для тех других, у кого нет «своей государственности за пределами России». Другого варианта, как если бы украинец или армянин сочли Россию своей Родиной, а себя – российским соотечественником, такого варианта быть не может. Только в последнем федеральном законе 2006 г. «О государственной поддержке российских соотечественников, добровольно переселяющихся в Российскую Федерацию» сделала невиданная для российской ментальности запись-определение: «соотечественник – это лицо, имеющее связь с Россией, владеющее русским языком» и т.п. Таким образом, была признана форма национальной идентичности безотносительно формального гражданства.

И все же национальная идентичность без гражданства – это, скорее, отклонение от нормы, в частности, вызванное распадом исторического российского государства в 1991 г. Норма – это паспортизированное (т.е. установившее свою правовую связь с госу-

дарством) население, которое уже самим этим фактом (если паспортизация не была насильственной) продемонстрировало свою национальную идентичность. Но этого недостаточно. Необходим своего рода как разработанный, так и постоянно конструируемый под воздействием жизни репертуар национальной идентичности или гражданского национализма. Если нация представляет собой политическую общность людей, которые имеют общие исторический опыт, язык, территорию, символы и верят в общие ценности, тогда необходимо эти характеристики воспроизводить и поддерживать. Именно это дает общности право на самоопределение и возможность контролировать часть территории Земли (их родину), иметь государство и вытекающие из этого преимущества.

Российская политическая элита и общественное мнение оказались глубоко разделенными по вопросу о том, кто образовал наше государство, что делает наше государство легитимным и что составляет российскую нацию. В советской системе этничность и национальность были настолько тесно спаяны, что постсоветские игроки оказались в затруднении представить себе другие формы осуществления политики в многоэтничном сообществе, кроме как продолжать сдавать национальное в пользу этнического и обеспечивать консолидацию через «дружбу народов» и «интернационализм», а не через смысловую и политико-правовую «национализацию» многоэтнического (в более привычном варианте – многонационального) российского народа. Только совсем недавно о «национализации будущего»[15] (но только почему-то не настоящего!) высказался один из бывших руководителей президентской администрации В.Ю. Сурков. Для меня это было важное приглашение к размышлению, ибо для Суркова нация также есть надтническая совокупность всех граждан страны, т.е «многонациональный народ», как эту совокупность определяет Конституция. Сосредоточившись на задаче обеспечения свободы для нации через суверенную демократию, Сурков так определяет последнюю: «Допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благополучия, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими».

Неужели нужны еще какие-то свидетельства со стороны политической элиты, кроме только что приведенного и ранее цитированного высказывания президента страны, чтобы их заметить и попытаться осмыслить? Неужели есть надежда, что придет скоро время и президент забудет якобы внешние подсказки о граждан-

Советская символика на продажу, Воробьевы (Ленинские) горы
(фото автора, 2005 г.)

ской нации, забудет, что он президент всех россиян, и выскажется о русской нации? Цитируют же энтузиасты русского проекта одно из высказываний Суркова по поводу русского народа и тщательно подсчитывают, сколько раз слово *русский* использовал президент в своих посланиях и выступлениях. В выборном цикле такой вариант возможен, но только как эпизод, а не как стратегия.

Предпринятый мною исторический экскурс в минувшие века свидетельствует, что этнические границы в прошлом были гораздо более проницаемы, а политика более нейтральна к этническому фактору[16]. Процессы миграции, смешения и взаимодействия на обширной территории Евразии создали уникальную многоэтничную и многоязычную российскую и позднее – советскую культуру, основу которой составляла русскоязычная культурная традиция. В поликонфессиональном и многоэтничном Поволжье и на Северном Кавказе сформировался сложный, но цельный культурный симбиоз. Только в XIX в. и особенно в советский период интеллектуалы и политики стали разрабатывать «этногенетические» и «цивилизационные» несхожести между россиянами и принижать сходство, несмотря на официальную советскую идеологию сближения и развития социалистических наций. Подобная увлеченность политиков и ученых различиями вплоть до биологии и психологии имеет

место и в настоящее время. Собственно национальной идентичностью мало кто занимается и не знает, как заниматься.

С самого начала образования Российской Федерации возникли эти сложные и плохо осознаваемые политической элитой и учеными проблемы формирования новой национальной российской идентичности, которая, как и во всех других государствах, включает в себя некоторые неотъемлемые компоненты. Процесс этот инициируется и направляется государством в лице его органов власти и других институтов воздействия и гражданского обучения. Но что-то рождается снизу, особенно в периоды бурных социальных катаклизмов, включая рождение самого государства. Так, например, с 1991 по 1993 г. в России явно и фантастически быстро сложился один из новых национальных символов – «парламент» или «Белый дом» – здание, в котором заседал Верховный совет Российской Федерации и вокруг которого произошли драматические события. Также быстро менялись герб, государственный флаг и гимн. Активисты социального пространства с энтузиазмом отвергали советскую идентичность, и новации входили в жизнь быстрее, чем их осмысление. Со временем «первый парламент» себя погубил конфликтом с президентом, точнее, президент погубил парламент и отдал уже почти ставшее национальным символом здание на Краснопресненской набережной для расстрела танками, а затем – для нужд правительственной бюрократии. Как видим, символ ушел из жизни так же быстро, как и пришел, что говорит о подвижной и конструируемой природе национальной символики.

Крайне любопытные коллизии произошли с национальным гимном, причем не столько по части музыки (здесь автор не считает себя специалистом), сколько по части слов. Их переделывал на новый лад человек из советской эпохи, воспитанный на «дружбе народов» и по-другому нашу страну не представлявший. Слова, казалось бы, не должны были иметь особого значения, ибо цель состояла в том, чтобы восстановить музыку советского гимна и убрать из текста одиозные слова про партию и вождей. Однако именно в словах оказалась не сформулированной суть нового государства как государства российского народа. И получилась настоящая концептуальная каша, наблюдаемая во время некоторых торжественных церемоний. Приведу пример из процедуры принятия президентской присяги во время вступления В.В. Путина в должность в 2004 г. Звучит гимн: «священная держава и любимая страна», «могучая воля и великая слава на все времена». Далее про Отечество утверждается, что – это «братских народов союз вековой». После гимна президент произносит присягу: «Клянусь многонациональному народу Российской Федерации», а на приеме провозгла-

Ностальгия и национализм
на книжных прилавках России, Кисловодск
(фото автора, 2010 г.)

шает тост «За российский народ!». Амбивалентный язык приводит к амбивалентной политике, и в России это налицо.

Среди компонентов национальной идентичности важную часть составляет символика и национальный календарь. Старые праздники уходят с трудом. В ноябре 2004 г. Госдума обсуждала законопроект о новом календаре (статья 112 Трудового кодекса). Исключались 7 ноября, День Конституции и майские праздники. Вводились 4 ноября и новогодние каникулы с 1 по 5 января. Споры вызвала отмена празднования 7 ноября. «От имени фракции “Родина” я предлагаю не трогать этот праздник, это святой праздник, и пусть каждый вкладывает в него свое содержание», – заклинал депутат Валентин Варенников. «Все праздники выстраданы историей,

поэтому нельзя их просто так отменить»[17], – говорил Г.А. Зюганов. Хотя именно большевики в 1917 г. отменили 4 ноября как день победы над польскими интервентами.

Празднование Дня народного согласия высветило еще более ярко разные подходы и отношение к российскости и к проблеме утверждения национальной идентичности. Ярыми противниками выступили представители русского националистического движения. Накануне праздника провели пресс-конференцию лидеры двух одиозных организаций: Евразийский союз молодежи и Движение против нелегальной иммиграции. Представитель ЕСМ В. Коровин объяснил, что союз приветствует рост национализмов, т.е. этнического самосознания народов России, поскольку «народы – это мысли Бога». «Но нас беспокоит, что такой же процесс не происходит с русским народом. Мы не видим роста русского национализма»[18]. Через пару лет этот вид национализма был проспонсирован в России уже по полной программе: от безобразий спортивных болельщиков под лозунгом «Русские–вперед!» до каждодневных теледебатов со штатными «националистами». Но только к национальному единству все это не имело никакого отношения, кроме разрушительной индоктринации части населения в пользу решения «русского национального вопроса».

Этнонационализм действительно активизируется в стране, но не он определяет ситуацию и перспективу. О новом празднике разумно выразился Лео Бокерия, директор Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева: «Отношение к этому празднику у меня очень хорошее. Мне довелось два года назад в этот день быть на Красной площади. Увиденное там произвело на меня огромное впечатление. Я снова был среди граждан великой страны, сплоченных общей идеей и достижениями. Можно ведь просто декларировать свою независимость и сидеть, сложа руки, а можно наполнить ее истинным содержанием, чтобы каждый понял, в какой великой стране он родился и вырос. У такого народа и такой России есть, чем гордиться!»[19].

[1] *Хакимов Р.* Метаморфозы духа: К вопросу о тюркско-татарской цивилизации. Казань, 2005. С. 63–64.

[2] Известия. 2005. 3 нояб. 2003.

[3] *Соловей В.* Рождение нации: Исторический смысл нового русского национализма // Свободная мысль – XXI. 2005. № 6; *Он же.* Русская нация: Новое прочтение. М., 2005. Уже в период новой избирательной кампании 2011–2012 гг. были написаны публицистические статьи М. Ремизова против проекта российской нации в многотиражных изданиях «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Эксперт» и сделаны бесчисленные комментарии по разным телеканалам.

[4] Независимая газета. 2006. 14 февр.; *Паин Э.А.* От Третьего Рима к гражданской нации? М., 2004.

[5] *Григорьев О.* Россия никогда не была национальным государством // Главная тема. 2005. Июль–август. С. 54–57.
[6] *Абдулатипов Р.Г.* Создание российской нации – проект XXI века // Российская газета. 2002. 27 авг.; *Он же.* Российская нация: Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М., 2005. С. 126.
[7] *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация. С. 468–469.
[8] *Хакимов Р.* Указ. соч. С. 284–293.
[9] *Kristol I.* Reflections on Neo-Conservative. N.Y., 1983; *Idem.* Neo-Conservatism. Autobiography of an Idea. N.Y., 1994.
[10] *Lieven A.* America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism. Oxford, 2004. P. 6.
[11] *Minogue K.* Nationalism. N.Y., 1997.
[12] *Lieven A.* Op. cit. P. 6.
[13] Ibid. P. 7.
[14] См.: *Sahlins P.* Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkerley, 1989.
[15] *Сурков В.* Национализация будущего. Параграфы pro суверенную демократию // Эксперт. 2006. № 43. 20–26 нояб.
[16] *Тишков В.А.* Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Этнокультурные взаимодействия в Евразии // Под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина, В.А. Тишкова. М., 2005. Т. 2. С. 318–332.
[17] Известия. 2004. 24 нояб.
[18] Известия. 2005. 3 нояб.
[19] Трибуна. 2006. 9 июня.

Глава 16

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК РОССИЯН*

Россия – одно из крупных государств мира и его население имеет сложный этнический, расовый и религиозный состав. В отличие от других многоэтничных стран мира в России этническому фактору придается особое значение, так же как, например, в Индии – делению общества на касты, в США – на расовые категории и в Швейцарии – на языковые группы. Со времен СССР в нашей стране почти все этнические группы имели статус «народа» или «нации» и через принцип национальности (т.е. этнической принадлежности) все граждане страны делятся на народы, а существующие сложные этнические идентичности среди потомков смешанных браков фактически не признаются ни наукой, ни политической практикой. Более того, достаточно нескольким сотням человек мигрировать в нашу страну по политическим или семейным причинам (например, чилийцы или кубинцы), как они по итогам переписи населения получают своего рода групповое оформление, а вслед за ним – статус одного из народов страны. Эти группы, или условные этнические сообщества, в России называют самыми разными категориями: этносами, этнографическими группами, нациями, национальностями, меньшинствами и т.д. Есть еще выделенная законом отдельная категория коренных малочисленных народов, куда относятся главным образом аборигенные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые в сложных природных условиях ведут традиционный образ жизни и в этой связи могут иметь некоторые особые коллективные права и преференции.

В зависимости от процедуры подсчета и политической установки общее число «наций и народностей» в нашей стране менялось с тех пор, как в переписи населения был включен вопрос о национальности (не в смысле гражданства, а в смысле этнической принадлежности). Советская перепись 1926 г. зафиксировала 198 наций и этнографических групп. После эпохи «построения социализма» это число было резко сокращено, и в переписи 1939 г. были указаны 94 нации и народности СССР. В переписи 1959 г. это число увеличилось до 102, а в 1979 составило 98. В период горбачевской либерализации перепись 1989 г. зафиксировала в СССР 128 национальностей. В первой постсоветской переписи населения Российской Федерации 2002 г. значатся 182 этнические категории (140 «основных» и 42 как «подгруппы»).

---

* Глава написана в соавторстве с В.В. Степановым.

По последней переписи 2010 г. список «народов России» (именно так воспринимается список категорий этнического состава населения) достиг 193 единиц. Безусловно, что перепись населения – это самый полный и наиболее адекватный источник об этническом составе российского народа. Однако сам по себе феномен списка и его параметры заслуживают отдельного анализа, ибо элемент «конструирования наций» в результате такой важной государственной процедуры, как перепись, имеет место всегда и везде, но только далеко не всеми осознается.

Изначальный вопрос в том, как воспринимать этнокультурное разнообразие той или иной *полиэтнической нации* и какие использовать методики его фиксации, т.е. как группировать и показывать в публикуемых итогах переписи населения встретившиеся среди жителей страны в ходе опроса формы этнической самоидентификации. Еще с советских времен существует практика составления предварительного «списка национального состава населения» в качестве справочного материала и как вспомогательного пособия при проведении переписей. В 1958 г. Институт этнографии АН СССР издал такой краткий справочник «для практического использования при работах в области этнической статистики, этнической картографии, при ознакомлении с картами национального состава СССР, а также в каче-стве пособия при производстве переписи населения»[1]. Суть этого пособия состояла в том, что в реальной жизни существует много разных вариантов этнических названий (самоназваний), которые зачастую отличаются только языком их бытования или местнолокальной традицией, но в смысле самосознания, культуры и т.п. эти варианты подразумевают одну общность. В данном случае ученые только помогают избежать ненужной дробности при подсчете полученных от населения ответов. Но есть и другие ситуации, когда отличия все же имеют значение и носители тех или иных самоназваний решительно возражают против предлагаемого «родства»: «Мы – не татары, а кряшены, татары – мусульмане, а мы – православные»,– могут заявить некоторые представители кряшен, особенно те, кто проживает за пределами Татарстана. Для большинства кряшен в самом Татарстане наиболее предпочтительным является признание их как группы кряшен с самостоятельным обозначением в переписи, вместе с тем им также желательно оставаться в составе татар как более крупного народа, культуру и язык которого они во многом разделяют.

Есть и другие сложные варианты, когда простая роспись всех полученных ответов по разным группам и название их «народами» невозможны или просто абсурдны. Чтобы облегчить работу статистиков и отразить более или менее адекватную картину этнического состава населения страны ученые-этнографы на протяжении мно-

гих десятилетий составляли список возможных вариантов самоназваний, которые могут встретиться в той или иной местности при проведении опроса или каких-то других процедур (при получении паспортов, других актов гражданского состояния или при заполнении анкет, когда это требовалось). Так, например, в упомянутом кратком справочнике 1958 г. так называемых *этнонимов*, т.е. этнических обозначений, значится 471, из них 119 выделены как основные, остальные – как варианты. Например, среди *русских* (великорусов) назывались *поморы*, *казаки*, *кержаки*, *камчадалы*, *русские устьинцы*, *марковцы* и другие; среди украинцев – *русины*, *верховинцы*, *гуцулы*, *лемки*, *бойки*, *буковинцы*[2], и так почти по всем группам. Но в итоговых материалах переписи все эти варианты указывались как русские и украинцы. Для переписи 1989 г. в СССР был разработан список из 800 возможных этнических самоназваний, которые могли встретиться в переписи. После опроса все ответы 250-миллионного населения были сгруппированы в 128 категорий. Поэтому именно столько получилось «народов СССР».

В целом позитивный советский опыт государственной фиксации этнического состава населения (нам он представляется более демократичным, чем заранее определенные в само́м опросном листе расовые или кастовые категории, по которым расписывались жители США и Индии во время переписей), тем не менее не решал ряд важных вопросов, связанных с более тонким подходом к самому феномену этничности и с теми демократическими преобразованиями, которые стали происходить в стране с конца 1980-х годов. Во-первых, сама теория национального вопроса и теория этноса не предполагали возможность иметь человеку сложную идентификацию, трактуя это как состояние «переходной группы» или как маргинальную ситуацию. Советские граждане должны были выбирать только одну национальность и только по одному из родителей, и родители в смешанных семьях должны были выбирать своим детям также только какой-то один вариант. Во-вторых, сама общественная ситуация была постоянно заполнена своего рода поисками и манипуляциями вокруг групповых идентификаций: одних указали, другим отказали, третьих переписали в другие и т.д. Республиканские власти всегда пытались преувеличить численность так называемых «коренных наций» и преуменьшить другие группы населения, что вызывало напряженность и жалобы, в том числе обращения в профильный академический институт за научным признанием той или иной группы.

«Кто есть мы?» – это далеко не простой вопрос для многих жителей страны. Во многих случаях люди следуют за официальными предписаниями. «При Петлюре были хохлами, при большевиках

стали русскими, а на самом деле мы – тутошние»,– говорили жители русско-украинского пограничья. А в условиях общественного подъема и этнополитических мобилизаций, особенно в эпоху позднего Горбачева и раннего Ельцина, среди многих этнических активистов и симпатизирующих им этнографов и лингвистов появилось стремление вернуть некогда существовавший статус той или иной группе или обрести статус отдельного народа (этноса) без привязки к какой-либо другой общности. В условиях более открытого общества своего рода силовое переписывание из одной национальности в другую уже было невозможно: крымские татары хотели быть именно крымскими татарами, а не быть переписанными в татары. Этого же захотели кряшены и сибирские татары, а также нагайбаки. Бессермяне, считавшиеся до этого группой удмуртов, пожелали быть отдельным народом. За двадцать последующих лет появилось почти полтора десятка новых групп в категории коренных малочисленных народов Российской Федерации, особенно после принятия закона о государственной поддержке этой части населения, а в моем директорском досье появилась пухлая папка писем-обращений, которую я шутливо назвал «ходатайства от этносов».

Поэтому для первой постсоветской переписи населения 2002 г. в Институте этнологии и антропологии РАН был подготовлен более полный список «основных национальностей», а также около 800 вариантов возможных самоназваний, которые могли встретиться во время переписи (переписчикам было запрещено корректировать получаемые ответы). К этому времени в результате общественно-политических кампаний от имени ряда малых этнических групп уже получили признание в качестве «самостоятельных народов» бессермяне, шапсуги (группа адыгов в Краснодарском крае) и ряд групп из состава алтайцев. С требованиями отдельного статуса и против принудительного переписывания в состав других групп выступили активисты из числа кряшен, сибирских татар, ряда малочисленных народов Дагестана. Власти Татарстана и Дагестана выступили решительно против «раздробления наций» из опасений представителей титульных групп утратить доминирующее положение в республиках[3].

В переписи 2002 г. впервые по нашему предложению была произведена ступенчатая группировка ответов, включившая 140 этнических наименований (в таблицах представлены в виде первого уровня) и 42 названия, объединяемых с первыми в качестве «подгрупп» (представлены вторым уровнем). Таким образом, *была сделана попытка отразить не только многообразие населения России, но и показать реалии культурно-интегративных и ассимиляционных процессов, а также сам феномен слож-*

ной идентификации. Только таким образом житель Дагестана мог обозначить себя андийцем и одновременно числиться в составе аварцев, ибо и в самом деле он чаще всего обладал двойным самосознанием и владел двумя местными языками. Именно поэтому, избегая возможной межэтнической напряженности в вопросах распределения власти и пойдя навстречу требованию руководства Дагестана, некоторые малочисленные дагестанские народы были показаны как подгруппы, а их численность приплюсована к общей численности аварцев и даргинцев. По сходным причинам в переписи 2002 г. *кряшены* и *сибирские татары* указаны как подгруппы татар. В тех случаях, когда заметного политического давления из республик не было, новые этнические категории появлялись как самостоятельные. Речь идет, к примеру, о *бесермянах*, численностью 3,2 тыс. человек, то же – в отношении *кумандинцев*, *теленгитов*, *телеутов* и других, учтенных независимо от алтайцев. Кстати, по настоянию властей Республики Алтай в 2010 г. три группы (*теленгиты*, *тубалары*, *челканцы*) были «возвращены» в категорию подгрупп алтайцев с целью сохранить целостность и численность собственно алтайцев. Переписью 2002 г. были выделены отдельно от адыгейцев *шапсуги*, от украинцев – *русины*, от тувинцев и бурят – *сойоты*. Перепись показала несостоятельность разговоров об «этноциде», «вымирании», а также о радикальных изменениях в этническом составе населения России. Данные по 23 самым многочисленным категориям (96% населения страны) представлены в табл. 1.

Та же перепись показала безосновательность страхов о катастрофическом сокращении численности русских. Накануне переписи ученые и журналисты публиковали прогнозы, согласно которым, она якобы упала на 15–19 млн человек, т.е. чуть ли не на 15% по сравнению с последней советской переписью. Сокращение действительно имело место, но на гораздо меньшую величину: на 3,3%, а доля в составе населения страны – на 1,7% (см. график 1). В 2010 г. динамика начала меняться на позитивную – доля русских в составе населения несколько увеличилась, хотя общая численность продолжала сокращаться из-за отрицательного естественного прироста и отчасти из-за большого недоучета среди горожан, ныне часто живущих за железными дверями своих квартир или на дачах.

Основная причина сокращения – низкая рождаемость и высокая смертность. Второстепенным фактором сокращения служил миграционный отток. В целом же иммиграция играла позитивную роль, компенсируя падение численности русского населения. Дополнительным источником пополнения является ассимиляция в пользу русского языка и этнической идентичности среди иных групп. Ос-

Таблица 1

Этнический состав населения Российской Федерации по данным переписей

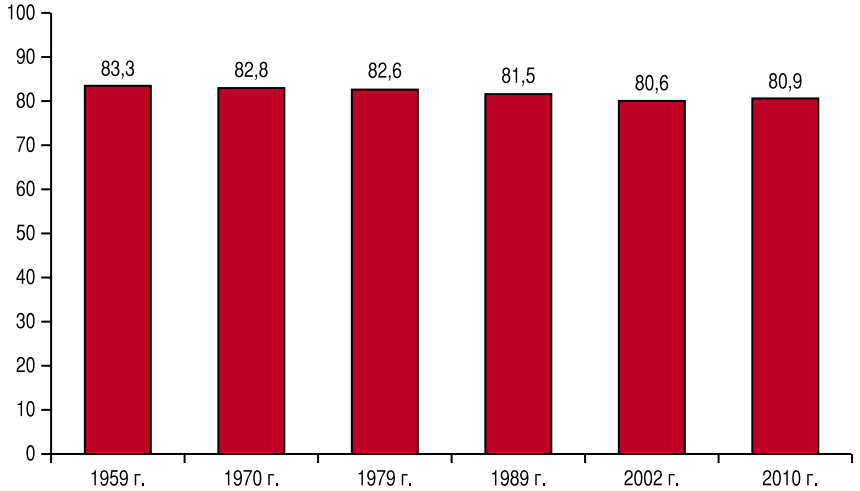
Национальность	2002 г.		1989 г.		2002 г. в % к 1989 г.
	тыс. человек	% к итогу	тыс. человек	% к итогу	
Все население	145 166,7	100,00	147 021,9	100,00	98,74
в том числе:					
Русские	115 889,1	79,83	119 865,9	81,53	96,68
Татары	5554,6	3,83	5522,1	3,76	100,59
Украинцы	2943,0	2,03	4362,9	2,97	67,45
Башкиры	1673,4	1,15	1345,3	0,92	124,39
Чуваши	1637,1	1,13	1773,6	1,21	92,30
Чеченцы	1360,3	0,94	899,0	0,61	151,31
Армяне	1130,5	0,78	532,4	0,36	212,34
Мордва	843,4	0,58	1072,9	0,73	78,60
Аварцы	814,5*	0,56	544,0**	0,37	149,71
Белорусы	808,0	0,56	1206,2	0,82	66,98
Казахи	654,0	0,45	635,9	0,43	102,85
Удмурты	636,9	0,44	714,8	0,49	89,10
Азербайджанцы	621,8	0,43	335,9	0,23	185,13
Марийцы	604,3	0,42	643,7	0,44	93,88
Немцы	597,2	0,41	842,3	0,57	70,90
Кабардинцы	520,0	0,36	386,1	0,26	134,68
Осетины	514,9	0,35	402,3	0,27	127,99
Даргинцы	510,2*	0,35	353,3**	0,24	144,38
Буряты	445,2	0,31	417,4	0,28	106,65
Якуты	443,9	0,31	380,2	0,26	116,73
Кумыки	422,4	0,29	277,2	0,19	152,40
Ингуши	413,0	0,28	215,1	0,15	192,04
Лезгины	411,5	0,28	257,3	0,17	159,96
Другие и не указавшие	4257,1	2,93	4036,1	2,78	105,48

* Для категории «аварцы» приводится цифра с учетом численности андо-цезских групп и арчинцев, а для категории «даргинцы» – с учетом кайтагцев и кубачинцев.

** В 1989 г. в составе аварцев учтены андо-цезы и арчинцы, в составе даргинцев – кайтагцы и кубачинцы.

График 1

Доля русских в населении России по данным переписей населения, %



новными источниками перехода в русские исторически являются другие славянские группы и христианизированные народы Поволжья и Европейского Севера. Однако в ассимиляционных процессах также есть своя динамика. Так, например, по нашим наблюдениям, в последние годы быстрое развитие Мордовии и внимание руководства республики к поддержке мордовского языка и культуры приостановили давний процесс сокращения численности мордвы за счет ассимиляции в пользу русских. По переписи 2010 г. мордва в Мордовии даже увеличила свою численность, но большинство мордвы проживает за пределами республики, и там ситуация не изменилась.

Незначительное сокращение зафиксировано было также среди марийцев, удмуртов, чувашей, хакасов, коми и других. Некоторые категории, наоборот, численно выросли (аварцы, азербайджанцы, армяне, башкиры, буряты, даргинцы, кабардинцы, кумыки, лезгины, осетины, чеченцы, ингуши, якуты). Однако это не вызвало радикальных изменений в этническом составе населения страны, если не считать сильное уменьшение численности украинцев, евреев и немцев: украинцев – в результате перехода в русские, евреев и немцев – в результате эмиграции.

Среди самых крупных этнических категорий (свыше миллиона человек) имеются народы, численный состав которых в 1990-е годы сильно возрос. Это прежде всего армяне (212% по отношению к численности в России в 1989 г.: 532 тыс. и 1,13 млн человек). Причины роста – интенсивная миграция с конца 1980-х го-

дов из Армении (землетрясение) и Азербайджана (Карабахский конфликт). Вторая причина – положительный демографический рост, особенно в среде выходцев из сельской местности. На втором месте по уровню прироста – чеченцы: было 899 тыс., стало 1,36 млн человек (миллион приходится на саму Чечню фактически сразу после завершения двух стадий вооруженного конфликта). О завышенном переписью количестве чеченцев немало говорилось в СМИ. Однако расчеты показывают, что при сохранившемся довольно высоком уровне естественного воспроизводства заметный прирост численности дей-ствительно должен был иметь место. Рост численности чеченцев был возможен и при условии, если признать, что смертность из-за военных действий была значительно меньшей, чем принято считать (вероятно, 40–50 тыс. человек с обеих сторон, включая военнослужащих, боевиков, гражданское население), но никак не 100–200 тыс., как об этом пишут и говорят некоторые специалисты и политики.

Перепись показала численный рост башкир, который объясняется не только демографическими причинами, но и факторами политического характера, т.е. административным давлением в Башкортостане в пользу перезаписи части населения из татар в башкир. Численность татар практически не изменилась: было 5,52 млн стало 5,55 млн. Демографические процессы – не единственная причина замедления роста. Отчасти проблема связана с процессами ассимиляции, отчасти – с неточностями переписного учета. В отношении татар, проживающих в Башкирии, можно говорить о намеренном искажении переписных данных. Теперь ясно, что если бы Госкомстат (ныне – Росстат) не включил в состав татар *кряшен* и *сибирских татар*, тогда не было бы и этого минимального прироста*, который и без того был «съеден» записыванием татар в башкиры. Кроме того, в переписи 2002 г. Госкомстат правомерно посчитал отдельно этническую группу *нагайбаков*, которая раньше учитывалась в составе татар**. Все эти исключения не являются статистически значимыми на фоне более пяти миллионов человек, определивших себя как татары. Речь на самом деле должна идти не о демографическом сокращении численности татар, а о достоверности произведенного учета населения в Башкортостане, где, как показала последняя

---

* В сумме эти две группы составили, по данным переписи, более 36 тыс. человек.

** В Челябинской области и других уральских регионах проживает небольшая группа – 9,6 тыс. человек, называющая себя «нагайбаки» («нагайбэклэр»). Исследователи полагают, что нагайбаки – потомки либо крещеных ногайцев, либо крещеных казанских татар.

советская перепись 1989 г., татар насчитывалось больше, нежели башкир*. Теперь соотношение получилось в обратной пропорции**.

Опережающий рост башкир по сравнению с татарами – это не только результат «демографических игр» политиков Башкирии. Если сравнить результаты нескольких переписей, получается такая картина: в 1989 г. численность тех, кто назвался татарами, возросла по отношению к численности 1979 г. на 110,3%, а количество назвавшихся башкирами увеличилось лишь на 104,2%. Если не учитывать феномен смены идентичности (но едва ли в республике башкиры совершали переход в татары), результаты кажутся странными. Ведь известно, что среди башкир больше сельских жителей и более значительна рождаемость. В переписи 2002 г. был взят своеобразный реванш: у татар прирост мизерный – всего 100,6%, а у башкир – заметный – 124,4%. Истинное положение дел находится где-то посередине[4].

Незначительно сократилась численность чувашей: было 1,77 млн стало 1,64 млн. Неблагоприятные демографические тенденции в данном случае имеют место, но основной фактор – смена этнической идентичности. Эта же причина характерна и для сокращения численности украинцев. Известно, что в первые годы после распада СССР значительное количество украинцев, особенно из дальневосточного региона, переехали на Украину. Но очень скоро наметилось миграционное стремление в Россию, особенно во второй половине 1990-х годов. До начала 2000-х годов Украина была основным источником российского миграционного прироста. Накануне публикации первых итогов переписи СМИ давали прогнозы, по которым численность украинцев в России должна была возрасти. Тем не менее перепись зафиксировала никем не прогнозируемое сильное снижение – с 4,36 млн до 2,94 млн, т.е. почти на треть! Наличие фактора смены идентичности в таком колебании представляется очевидным.

Среди народов численностью менее миллиона, но не менее 500 тыс. человек увеличение было характерно только для кавказских групп. Наиболее заметны азербайджанцы: 622 тыс. против 336 тыс. в 1989 г., т.е. произошло 85-процентное увеличение. По темпам азербайджанцы лишь немногим отстали от прироста в России армян. Факторы быстрого увеличения численности в основном миграционного свойства. При этом перепись развеяла миф

---

* По переписи населения 1989 г. в Башкортостане русские составляли 39,3% населения, татары – 28,4%, башкиры – 21,8%, и республиканской власти очень бы хотелось изменить это соотношение.

** Перепись 2002 г. показала, что в Башкортостане русские составляют 36,3% населения, башкиры – 29,8%, татары – 24,1%.

об огромных масштабах переселения азербайджанцев в Россию, хотя и после переписи появилось немало публикаций о том, что их численность в переписи сильно занижена. Возможно, занижение действительно имело место, но оно, скорее всего, незначительно. Конечно, численность азербайджанцев на момент переписи была большей, но это за счет временных трудовых мигрантов, которые не учитываются в этническом составе населения. Но и в этом случае речь не идет о миллионах человек. По разным причинам государственная миграционная служба завышает численность иммигрантов из-за двойного-тройного статистического учета в течение года, что и вызывает многие несоответствия в цифрах.

Полуторное увеличение численности было зафиксировано среди даргинцев и аварцев, что соответствует представлениям о значительном естественном приросте в Дагестане. Увеличение стало даже более высоким, нежели можно было предполагать. С учетом существовавших на рубеже 1980–1990-х годов тенденций увеличение числа аварцев должно было составить порядка 120–150 тыс. человек, а перепись показала более чем 270-тысячное увеличение. Предполагаемый рост даргинцев не должен был превысить 90 тыс., а он составил 157 тыс. Удивление вызывает опережающий, по сравнению с расчетным уровнем, рост числа кабардинцев. Можно было полагать, что увеличение составит порядка 80 тыс., тогда как перепись дала более чем 130-тысячный прирост. Следует учесть, что перечисленные кавказские группы не могут расти за счет миграции, а также за счет интегративно-ассимиляционных процессов. Естественный прирост – это единственный источник в данном случае, за исключением осетин (прирост 28%), принявших несколько десятков тысяч переселенцев из Грузии. Поэтому результаты 2002 г. требуют дополнительного анализа. Возможно, имело место намеренное завышение статистических данных. Перепись 2010 г. подтверждает это предположение в отношении северокавказских народов[5].

Остальные крупные российские национальности – белорусы, марийцы, мордва, немцы, удмурты – сократились по численному составу (хотя сокращение марийцев не было значительным, их численность можно охарактеризовать как стабильную). Главные причины – снижение рождаемости и смена этнической идентичности. Количество белорусов и немцев снизилось также за счет эмиграции. На протяжении 1990-х годов Россия была своеобразным перевалочным пунктом для миграционных потоков в Германию. Хотя приезжало немалое количество немцев из Казахстана и Средней Азии, ежегодно страну покидали по 30–50 тыс. российских немцев. Но с конца 1990-х годов миграция была скорее фактором роста

числа немцев в России, нежели причиной его сокращения. Итоговый баланс оказался все же отрицательным – снижение произошло почти на треть.

К категории от полумиллиона до 100 тыс. относится довольно много этнических групп. Среди них евреи, которые составили 230 тыс. человек. Почти двойное уменьшение произошло за счет эмиграции в страны дальнего зарубежья и демографического постарения членов этой наиболее урбанизированной группы. Как и все этнические активисты, пекущиеся о приумножении собственной группы, лидеры еврейских организаций выразили разочарование итогами переписи, а раввин Берл Лазар обратился к президенту Путину с предложением провести повторную перепись отдельно для евреев. Видимо, у каких-то групп нужно будет забрать, а евреям добавить.

По причинам ассимиляции в пользу русских сократилась численность коми и коми-пермяков. Фактически осталась неизменной численность бурят, калмыков, адыгейцев. Выросла численность якутов и тувинцев. Перепись показала 20-процентное увеличение цыган. Их было учтено 183 тыс. против 153 тыс. в переписи 1989 г. Среди иммигрантов таджики – первые в России по скорости прироста среди крупных по численности групп. Их количество увеличилось с неполных 40 тыс. до 120 тыс., т.е. в три с лишним раза. В отношении таджиков, как и азербайджанцев, через СМИ распространены мифы об их невероятно большой численности, чуть ли не о тотальном переселении в Россию. Реальные масштабы иные, хотя, если считать вместе с трудовыми мигрантами, численность таджиков представляется большей, нежели показала перепись. Кстати, в 2010 г. число таджиков в России достигло 200 тыс. человек.

Очень заметно возросло количество ингушей, лезгин, корейцев, кумыков, табасаранцев, лакцев, балкарцев, карачаевцев, грузин. Количество лезгин увеличилось почти на 60%, что объясняется не только значительным естественным приростом, но и притоком из Казахстана и Азербайджана. 40-процентный рост корейцев и 50-процентное увеличение численности грузин объяснимы теми же причинами. Что касается ингушей, то высокий естественный прирост (самый высокий в России, если не считать Дагестан) едва ли мог дать рост в 192%. Источников миграционного пополнения ингушей почти нет. Здесь очень вероятны приписки в ходе переписи, ибо смена самосознания в пользу ингушей за счет какой-либо другой национальности маловероятна*. Желание властей Ингушетии сохранить численность населения на уровне предыду-

---

* Ингушами мог назваться кто-то из чеченских беженцев, живущих у родственников в Ингушетии. Ингушскую идентичность могли указать малочисленные орстхойцы, живущие на стыке двух республик. Эту группу раньше причисляли к чеченцам.

щих лет понятно, ведь с уменьшением в республике количества чеченских беженцев сокращались и дотации из федерального бюджета. О намеренном увеличении численности или же ошибочности подсчетов можно сказать и в отношении балкарцев.

Действительно, численное соотношение между разными этническими общностями, а также ареалы их расселения меняются со временем, вызывая порой напряженность и даже конфликты. Однако, как показывают переписи населения, в масштабах страны эти процессы не происходят быстро. *Массовое переселение мигрантов в ходе распада СССР и либерализация режима проживания с формирующимся рынком жилья привели к существенным изменениям этнического состава в ряде крупных городов и мест.* Однако облик регионов меняется очень медленно. Просто некоторые группы становятся более заметными, сосредоточиваясь в сферах общественных контактов (рынки, стройки, ЖКХ). Есть отдельные районы, где состав населения действительно заметно меняется (например, восточные районы Ставропольского края). Новожители приносят огромную пользу местам переселения, хотя они неизбежно меняют привычный уклад местной жизни. Реакция населения на эти изменения может быть негативной, особенно если политики и местная интеллигенция пишут и говорят только об угрозах и ничего – о пользе от переселенцев.

Исходя из того что российский гражданин имеет право свободного выбора места проживания в своей стране, а иммиграция будет продолжаться, такие перемены будут происходить и в будущем. Вопрос в том, как реагировать и как управлять пространственным расселением разноэтничного населения. Имеется достаточно позитивный опыт Москвы и Подмосковья, которые приняли за последнее десятилетие не менее одного миллиона новожителей. При некоторых напряженностях и случаях насилия на этнической и расовой почве, огромный столичный мегаполис стал местом активной деятельности многочисленных этнокультурных общин и организаций. Облик Москвы стал намного богаче за счет этнического и религиозного разнообразия населения. В то же самое время имеется явно негативный опыт Краснодарского края, где несколько тысяч месхетинских турок подверглись третированию и в конечном итоге переселились в США к позору для России. Более организованная и исторически укорененная армянская община смогла противостоять ксенофобии местной администрации и отстоять свои права и свой статус.

По вопросу этнических пространственных изменений одно можно сказать с определенностью: *власти не должны создавать условия, порождающие территориальную сегрегацию по этническому или религиозному признаку*. *Лучше поощрять смешанное проживание людей разной культуры и веры.* Но и не стоит же-

лезной хваткой держаться и навязывать часто мифический «местный образ жизни». Часто этот образ сложился всего несколько десятилетий назад в результате переселения жителей, не имеющих квалификации, из села или других демографических и социально-культурных процессов. *Интеграция российского народа должна означать не только принятие новожителями доминирующей местной культуры, но и включение в местные уклады полезных нововведений.* Что же касается этнической идентичности россиян, то здесь подход должен быть следующим: *выбор этнической идентичности (национальности) человека – это его частное дело, так же как и выражением культурной свободы является не только право на пребывание в группе и сохранение ее культуры, но и право на выход из группы и переход в другую группу и культуру*. Именно в сторону этой более свободной динамики и более сложного характера этнокультурного облика российского народа направлена историческая тенденция, а вслед за ней – наука и политика.

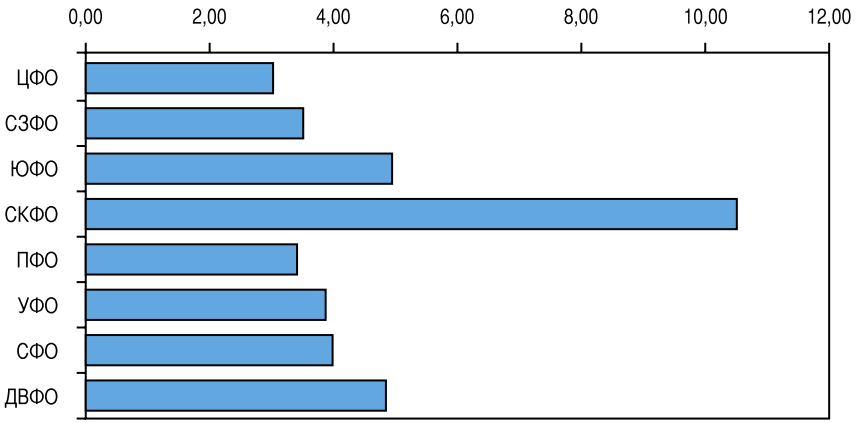
* * *

Перед самым завершением нашей книги стали доступны итоги переписи населения 2010 г. по этническому составу и по родному языку. Они позволяют сделать еще ряд важных выводов и наблюдений об этнической демографии российского народа помимо тех проблем, которые уже анализировались в нашей литературе[6]. Коснемся проблемы, казалось бы более чем ясной, которая выражена в категории *многонациональность* (или полиэтничность). Она явно требует анализа с позиции современного знания. До сих пор исследователи и политики ограничивались повторяемыми с советских времен шаблонами о «100 нациях и народностях», проживающих в том или ином регионе или городе. После Всероссийской переписи населения 2002 г. распространился обновленный штамп о «более чем 180 народах». Последняя перепись добавила еще с десяток к этой цифре, которая уже приближается к двумстам. Откуда берется эта растущая номенклатура этнических названий и где ей конец? Думаю, что если использовать российский подход, то только в одном Лондоне будет «500 народов и наций», включая не менее 100 тыс. русских, но только их за «народ Великобритании» никто не считает, а в России несколько сот назвавшихся англичанами (британцами) включаются в официальный список российских национальностей!

В данном случае нас интересует *российская региональная динамика*: какие регионы имеют более или менее многоэтничное население и куда движется ситуация? Списки национальностей, пу-

График 2

Показатели степени полиэтничности населения по федеральным округам России, 2002 год



бликуемые в официальных источниках применительно к разным регионам, как правило, содержат сходное количество единиц (при разных этнических наименованиях). Применительно к большим регионам, таким, как субъект федерации и тем более федеральные округа, количество национальностей повторяет их количество по стране в целом. Для понимания меры разнообразия этнического состава населения крупных регионов данные переписей были пересчитаны по предложенному В.В. Степановым *показателю полиэтничности** (см. график 2). По этому показателю мера этнического разнообразия населения федеральных округов не имеет сильных различий, за исключением Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). С одной стороны, это развенчивает миф об «этнической однородности» центральных российских регионов, с другой – отражает не такое уж драматически большое по сравнению с другими российскими регионами этническое разнообразие населения Юга России. В целом по России *уровень полиэтничности* составляет довольно значительную величину 7,40. Однако по федеральным округам, в каждом из которых этнический состав обладает своеобразием, данный показатель везде ниже, исключая СКФО с уровнем полиэтничности 10,50. Среди других федеральных округов

* Этот показатель означает подсчет количества условных этнических групп доминирующего численного состава, т.е. доля и абсолютная численность которых не ниже определенного порога. Другими словами: мы считаем только наиболее многочисленные национальности не ниже определенного порога.

наиболее заметный уровень полиэтничности характерен для Южного и Дальневосточного федеральных округов, в каждом из которых показатель немного ниже 5. Значения уровня полиэтничности в остальных округах находятся в узком диапазоне 3–4. Таким образом, пространственная характеристика этносостава россиян следующая: *этническое разнообразие населения возрастает при движении к востоку, а также в южных регионах России, где достигает максимума на Кавказе.* Некоторое увеличение этнического разнообразия характерно также для европейского севера страны.

Что касается роста или снижения этнического разнообразия, то, учитывая данные переписей 1989 г. и 2002 г., показатели полиэтничности менее всего менялись в СКФО. Однако на прилегающих территориях – в ЮФО этническое разнообразие населения росло наиболее быстрыми темпами в стране. На втором месте по увеличению разнообразия этнического состава – Центральный федеральный округ (ЦФО). В прочих округах увеличение этнического разнообразия является незначительным, а в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) оно даже сократилось. Рост и убыль показателей полиэтничности статистически связаны с показателями миграционной подвижности населения* и не имеют очевидной связи с показателями естественного движения населения**. Вместе с тем неверно расхожее мнение о «миграционном притоке кавказцев» как основной причине усиления этнической мозаичности. Вклад в повышение этнического разнообразия вносят не только кавказские, но и многие другие этнические группы. Имеется и другой распространенный миф об особенно заметной роли иностранных мигрантов в изменениях этнического состава населения российских регионов. Подсчет корреляционных зависимостей не подтверждает этого, так как зависимость прироста полиэтничности от средних многолетних показателей внутрироссийской миграции намного выше***, чем от показателей трансграничной миграции****.

* * *

Рассмотрим ситуацию со списком национального состава. При переписи 2002 г. в России было зафиксировано 182 национальности. При переписи 2010 г. именно из этого списка выпала только

---

* Коэффициент корреляции Пирсона между показателями прироста полиэтничности по субъектам федерации и показателями миграционного прироста по тем же регионам составляет 0,51.

** Коэффициент корреляции Пирсона между показателями прироста полиэтничности и данными о естественном приросте за указанный период составляет 0,13.

*** Коэффициент корреляции Пирсона 0,52.

**** Коэффициент корреляции Пирсона 0,25.

одна единица из-за ее нулевого значения: *арабы среднеазиатские*. Видимо, это была излишняя (перекочевавшая из старого советского списка) категория для современного российского населения. Новая перепись не зафиксировала ни одного *алюторца*, которых не было в итоговом списке национального состава населения России и в предыдущей переписи*. Вместе с тем список национального состава в 2010 г. увеличился до 193: кроме *сербов* были учтены национальности, ставшие суверенными нациями после распада Югославии (*словенцы*, *хорваты*, *черногорцы*, *боснийцы*). Вопрос такого включения, конечно, спорный, а именно – есть ли достаточно оснований считать этих жителей нашей страны собирательной категорией «народ России»? На мой взгляд, для этого нет оснований, и все эти условные «группы» по 200–300 человек могут быть перемещены в категорию «другие национальности», где уже находятся не меньшие по численности жители России африканского происхождения. Иначе получается какая-то расово мотивированная избирательность!

В 2010 г. по нашему предложению была учтена как совокупная группа *памирцы*: проживающие в горном Таджикистане национальности, представители которых активно приезжали в Россию после 1991 г. Но перепись зафиксировала их совсем немного (363 человека). Ранее в советских переписях учитывались *белуджи*, ныне они вместе с некоторыми другими группами населения** были учтены под собирательным наименованием *пакистанцы* (507 человек). В силу своей немногочисленности и неукорененности эти группы также могут не включаться в основной перечень, а присутствовать в категории «другие национальности». Зато более 23 тыс. курдов, давно проживающих на территории России, правомерно присутствуют в перечне российских национальностей. Перепись 2010 г. зафиксировала среди курдов небольшую группу *курманч* (42 человека), а среди татар – группу *мишарей* (786). На мой взгляд, выделения этих подгрупп, как и подгруппы *астраханские татары* (7 человек), являются спорными, ибо никакой особой культурной отличительности и общественной самоорганизации они не имеют. Так же как не являются «народами России» ни кубинцы (676), ни

---

* В итоге политического лоббизма и без научной экспертизы *алюторцы* в 1990-е годы постановлением Правительства были наделены статусом коренного малочисленного народа в Российской Федерации. В итогах переписи 2002 г. алюторцы значились как одно из наименований коряков. В 2002 г. были учтены только 3 человека (в Корякском автономном округе), в 2010 г. – ни одного человека! По нашему мнению, алюторцы из правительственного списка должны быть исключены, в том числе и в назидание политическим лоббистам.

** Панджабцы и синдхи.

словаки (324), ни испанцы (1162 человека) и еще два-три десятка этнических наименований, из которых сама перепись как бы сделала группу, а уже общественно-политическая инерция называет сконструированную группу «народом России». Поэтому я считаю, что *отечественная одержимость этническим группизмом приводит к неоправданно завышенной «многонациональности» российского народа. Реальная численность исторически проживающих и обладающих культурной отличительностью тех, кого можно назвать именно этнической общностью (российской национальностью или этнонацией), существенно меньше*. Хотя не следует забывать и то, что в России живет один народ – россияне. Как и все другие народы (австралийцы, американцы, бразильцы, британцы, испанцы, индонезийцы, индусы, китайцы и т.д.), наш народ имеет сложный этнический состав.

Заметим также, что в 2002 г. 43 тыс. ответов населения о национальной принадлежности оставались не подсчитанными из-за технических ограничений (далеко не все возможные ответы имели присвоенный им код, предназначенный для машинной обработки). Поэтому статистиками была сформирована сводная категория «другие национальности», состав которой был неизвестен, пока специалисты не посчитали эти ответы «вручную». В 2010 г. эти трудности удалось преодолеть за счет более полного кодирования всех возможных ответов, которые могли встретиться во время переписи (около 1,5 тыс.), и получить данные о том, кто входит в «другие национальности». К ним были отнесены ответы 68 тыс. человек. Среди них около сотни названий африканского (*нигерийцы*, *эфиопы*), азиатского (*бангладешцы*, *малайцы*), латиноамериканского (*бразильцы*, *перуанцы*), западноевропейского (*голландцы*, *австрийцы*) происхождения. Есть также *булгары*, *кистины*, *айны* – их численность перепись учла впервые. Назвавшие себя при переписи *россиянами* (13 тыс.), *дагестанцами* (20 тыс.), *кавказцами*, *метисами* также были отнесены к группе «другие национальности». Следует заметить, что ответы типа *рокеры*, *панки*, *эльфы* не были многочисленными, и они не были учтены как ответы о национальной принадлежности. Таким образом, *новая перепись дала гораздо больше информации об этническом составе населения страны, но это не означает, что само по себе этническое разнообразие увеличилось – просто повысились возможности статистической фиксации идентичности.*

* * *

Последняя перепись населения 2010 г. интересна прежде всего не только общим числом проживающих в России народов, но и внутренней динамикой крупных национальностей, на которые прихо-

дится более 96% всего населения. И конечно, наиболее актуальный вопрос – это численность этнических русских как доминирующего не только демографически, но и в культурно-языковом отношении народа. При фиксации численности крупных народов в ходе проведения переписи населения произошла драматическая ошибка, заложенная поправками к закону о переписи населения, которые были приняты незадолго до проведения переписи. Чтобы облегчить работу переписчиков, удешевить проведение опроса, подготовить и провести перепись в год, который заканчивается нулем (такова рекомендация ООН для облегчения глобальных демографических обзоров), подправленный закон официально позволял получать данные не только в результате прямого опроса, но и с использованием данных из административных источников. Эта поблажка снизила стремление организаторов переписи «дойти до каждого», произвести предварительные и контрольные обходы населения, что всегда делалось в предыдущие переписи (хотя по данным паспортных столов негласно кое-кого из труднодоступных жителей и переписывали). В результате 5,6 млн человек (по сравнению с 1,5 млн в 2002 г.) переписали по данным паспортных столов и другим источникам без обхода населения. Но административные данные ныне не содержат сведений о национальной принадлежности и о родном языке. Разница между двумя переписями о числе лиц без указания национальности составила почти 4 млн а это около 3% от всего переписанного населения. Из этих 4 млн 80% составляют русские, т.е. число неподсчитанных русских составляет не менее 3 млн человек. В этом случае общая численность русских будет не 111 млн а 114 млн т.е. убыль по сравнению с прошлой переписью составит менее 2 млн человек за 8-летний межпереписной период. Точно так же небольшие, но существенные для динамики численности прибавки могут быть сделаны к другим крупным народам, где данная погрешность при проведении переписи выражается в значимых цифрах. Но только нужно учесть, что готовность и мобилизация на участие в переписи и на запись своей национальности среди нерусских народов (пожалуй, кроме украинцев и евреев) заметно выше, и предложенная нами операция «прибавки» по отношению к этим группам является, скорее всего, излишней. Ее справедливо сделать, кроме русских, лишь для урбанизированных групп, проживающих вне республик (например, украинцев и татар).

Итак, перепись 2010 г. показала, что первая «двадцатка» самых многочисленных российских национальностей почти не изменилась (см. табл. 2). По-прежнему 80% населения составляют русские, и нет особых оснований утверждать, что в России идет некий (а тем более спланированный властью) процесс замещения русских

Таблица 2

Изменение численности населения по наиболее многочисленным этническим группам

Национальность	Год			
	2002	2010	2002	2010
	млн человек		% к указавшим национальную принадлежность	
Все население	145,17	142,86		
в том числе с указанием национальности	143,71	137,23	100,0	100,0
Русские	115,89	111,02	80,64	80,90
Татары	5,55	5,31	3,87	3,87
Украинцы	2,94	1,93	2,05	1,41
Башкиры	1,67	1,58	1,16	1,15
Чуваши	1,64	1,44	1,14	1,05
Чеченцы	1,36	1,43	0,95	1,04
Армяне	1,13	1,18	0,79	0,86
Аварцы	0,81	0,91	0,57	0,66
Мордва	0,84	0,74	0,59	0,54
Казахи	0,65	0,65	0,46	0,47
Азербайджанцы	0,62	0,60	0,43	0,44
Даргинцы	0,51	0,59	0,35	0,43
Удмурты	0,64	0,55	0,44	0,40
Марийцы	0,60	0,55	0,42	0,40
Осетины	0,51	0,53	0,36	0,39
Белорусы	0,81	0,52	0,56	0,38
Кабардинцы	0,52	0,52	0,36	0,38
Кумыки	0,42	0,50	0,29	0,37
Якуты	0,44	0,48	0,31	0,35
Лезгины	0,41	0,47	0,29	0,35
Буряты	0,45	0,46	0,31	0,34
Ингуши	0,41	0,44	0,29	0,32
Другие национальности	4,85	4,81	3,40	3,51
Учтены без национальной принадлежности по сведениям из административных источников	1,46	5,63	–	–

представителями других национальностей. Это распространенное среди русских националистов утверждение опирается или на бытовую мифологию, или на оценки демографической ситуации первой половины 1990-х годов, когда имело место сильное сокращение населения по разным причинам (снижение рождаемости в период «шоковой терапии», двойная смертность алкоголиков после отмены антиалкогольной кампании и госмонополии на производство и продажу алкоголя, эмиграция русских за рубеж, снижение масштабов русификации из-за роста этнического самосознания среди нерусского населения). В 2000-е годы часть этих факторов снизила свое воздействие, но сохранились проблемы алкоголизации, мужской сверхсмертности, низкой рождаемости, а также добавился фактор сниженной иммиграции русских в Россию (программа переселения соотечественников пока не может обеспечить тот приток русских, который был в предыдущий межпереписной период). Таким образом, *мы оцениваем демографическую ситуацию среди русских как кризисную (но не катастрофическую!) с умеренно оптимистичной перспективой.* На наш взгляд, снижение сверхсмертности от алкоголизации, наркотиков, табакокурения, ДТП и пренебрежения здоровьем вполне возможно и в достаточно короткие сроки. Пополнение русского населения за счет других вышеупомянутых источников также возможно: а именно – увеличение рождаемости, поощрение переселения в Россию желающих переехать и не поощрение эмиграции, добровольная ассимиляция, как правило, через выбор русской национальности потомками смешанных браков.

В следующей за русскими первой десятке первые пять народов сохранили свой порядок, несмотря на то что российские украинцы сократились почти на один миллион человек(!) без какого-либо заметного переселения в Украину. А следующая пятерка изменилась: аварцы поменялись местами с мордвой в свою пользу, казахи поднялись с последней позиции, потеснив белорусов, белорусы выбыли из десятки, уступив место азербайджанцам. *Общая тенденция среди основной части нерусского населения такова: возрастает численность и доля тех, кто относится к, условно говоря, тюркско-исламской культурной традиции, и сокращается численность и доля тех, кто принадлежит к славянско-финно-угорской, христианской культурной традиции.*

* * *

Несмотря на то что мы отнесли столицу страны и Московскую область к позитивным примерам интеграции многоэтничного населения, тем не менее этот случай заслуживает отдельного анализа. На фоне России Москва выделяется тем, что за последние годы

Таблица 3

Изменение численности представителей наиболее многочисленных национальностей г. Москвы

Национальность	Год			
	2002	2010	2002	2010
	млн человек		% к указавшим национальную принадлежность	
Все население	10 382 754	11 503 501	100	100
В том числе с указанием национальной принадлежности	9 965 628	10 835 092	100	100
из них:				
Русские	8 808 009	9 930 410	88,38	91,65
Украинцы	253 644	154 104	2,55	1,47
Татары	166 083	149 043	1,67	1,38
Армяне	124 425	106 466	1,25	0,98
Азербайджанцы	95 563	57 123	0,96	0,53
Евреи	79 359	53 145	0,80	0,49
Белорусы	59 353	39 225	0,60	0,36
Грузины	54 387	38 934	0,55	0,36
Узбеки	24 312	35 595	0,24	0,33
Таджики	35 385	27 280	0,36	0,25
Молдаване	36 570	21 699	0,37	0,20
Киргизы	4102	18 736	0,04	0,17
Мордва	23 387	17 095	0,23	0,16

численное и удельное доминирование русских в столице возросло. Если в 2002 г. русские жители Москвы насчитывали 8,8 млн и их доля среди москвичей составляла 88,4%, то в 2010 г. численность русских увеличилась на 1,1 млн и доля среди столичных жителей также возросла до 91,7%. В остальной России, как и прежде, пятая часть населения состоит из большого количества национальностей, а в Москве на нерусское население приходится около 10% жителей. В Москве кроме численно доминирующего русского населения имеются еще только 3 сравнительно крупные национальности с численностью, превышающей 100 тыс. человек – татары, украинцы, армяне (см. табл. 3).

В Москве помимо названных четырех крупных национальностей насчитывается еще 12 с относительно заметной численно-

стью – менее 100 тыс. человек, но более 10 тыс.: азербайджанцы, евреи, белорусы, грузины, узбеки, таджики, молдаване, киргизы, мордва, чеченцы, чуваши, осетины. В Москве специфика заключается в том, что перепись не зафиксировала повышения удельного веса «кавказцев»: чеченцев, ингушей, армян, азербайджанцев. По учетным данным доля этих национальностей даже несколько сократились. Перепись отметила в Москве незначительное увеличение доли киргизов и узбеков. Как и в целом по России, в Москве произошло сокращение среди населения удельного веса украинцев, белорусов и евреев. Диссонансом с общероссийской тенденцией выглядит сокращение удельного веса в Москве татар, армян, азербайджанцев, таджиков, китайцев. Особенно заметны отличия в отношении таджиков, численность которых в России возросла на две трети, тогда как в столице учтенная переписью численность таджиков сократилась. Численность армян в России несколько возросла, а в Москве сократилась. Как и в целом по стране, в Москве увеличилась численность узбеков. По России учтенная переписью численность китайцев сократилась гораздо меньше (на 16%), чем по Москве (на 75%). Похожая картина в отношении вьетнамцев, молдаван. Учтенная численность азербайджанцев в России заметно уменьшилась (3%), нежели в Москве (40%). Все это является признаками того, что в Москве перепись не смогла учесть некоторые этнические категории населения во всей полноте. Или столица уже меньше привлекает гастарбайтеров и российских мигрантов из других регионов, или жесткие установки не регистрировать и не признавать за ее жителей эту категорию населения привели к таким разительным контрастам между обыденным восприятием ситуации и итогами переписных данных.

[1] Народы СССР: Краткий справочник / Под ред. С.П. Толстова. М.; Л., 1958. С. 4.
[2] Там же. С. 5–7.
[3] О ситуации перед переписью населения 2002 г. см.: На пути к переписи / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2003.
[4] См.: *Gorenburg Dm*. Identity Change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back // Ethnic and Rocial Studies. 1999. Vol. 22. N 3. P. 554–580.
[5] О том, как проходила перепись населения 2002 г. см.: Этнография переписи – 2002 / Под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М., 2003.
[6] Этнологический мониторинг переписи населения / Под ред. В.В. Степанова. М., 2011.

Глава 17

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ИДЕНТИЧНОСТИ

За последние годы в России был выполнен большой объем научных исследований по проблемам российской идентичности и формированию российского самосознания. Назову только ведущих авторов и несколько важных публикаций[1]. По заказу Министерства регионального развития Российской Федерации в 2008 г. экспертными организациями «Этноконсалтинг» и «Лима-Консалтинг» с участием Института этнологии и антропологии РАН и общественной организации Сеть этнологического мониторинга был выполнен исследовательский проект «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации». Цель исследования состояла в том, чтобы выявить отношение россиян к политике консолидации российского общества и утверждения российской гражданской идентичности. В 14 регионах (по два в федеральном округе) был проведен опрос взрослого городского населения (в возрасте 18 лет и старше), охвативший более 7 тыс. человек. Было также изучено региональное и местное законодательство, реализуемые проекты и программы, отражающие региональные варианты общественного управления. Наконец, были разработаны методы оценки и рекомендации по использованию этнокультурного потенциала российских регионов. Полученные новые знания будут способствовать эффективному осуществлению государственной национальной (этнической) политики[2].

Почему важно знать мнение россиян о самих себе как о народе и как нации? Как известно, высшим руководством страны и частью научного сообщества формулируется новое понимание российского народа как гражданской нации, а значит, и России – как национального государства. В этом случае помимо встраивания в мировой научный и политико-правовой язык в России наконец-то встают на место и обретают свои точные смыслы такие категории и понятия, как национальная экономика, национальная безопасность, национальные интересы, национальные проекты, национальные системы образования и здравоохранения, национальная олимпийская команда и т.п.

Как мы уже отмечали, политический класс позитивно воспринял государственно-идеологическую новацию о гражданской нации, осознавая, что без этого невозможна легитимность государственного управления, да и самого государства. Но возник

ряд проблем с осознанием и реализацией этих программных установок. В нашем исследовании мы раскрываем понятие гражданской нации как формы идентичности граждан страны – россиян. Общероссийское исследование показало, что гражданская нация не противоречит существованию этнических наций. Более того, мы делаем фундаментальный вывод: *поддержка и укрепление региональных и этнических сообществ россиян есть одно из важных условий формирования российского народа – исторической и социально-политической общности, которая представляет собой «единство в многообразии»*.

Среди оппонентов идеи российского народа как гражданской нации находятся те, кто считает, что в России недостаточно гражданских прав, существует своего рода авторитарный режим власти и в этой ситуации речи о гражданской нации быть не может, если в стране нет свободных граждан. Исследование показало, что это неверное утверждение. Наконец, есть своего рода культурные фундаменталисты, которые полагают, что в России существуют цивилизационно-генетически настолько разные этнонации с разными культурами и мировидением, что категория «россияне» – это всего лишь эвфемизм для обозначения носителей одинаковых паспортов. Эта точка зрения также опровергается нашим исследованием. При всем этнокультурном и религиозном многообразии население России представляет собой в гражданском и в историко-культурном смысле единое целое.

Наше исследование охватывало все категории населения. Оно показало, что нынешние россияне в большинстве своем воспринимают более сложное понимание слова «нация» и «национальность», чем это предусматривала прошлая советская идеология. Уже миллионы россиян, выезжая за рубеж и заполняя консульские анкеты, не впадают в смятение и пишут в графе «национальность» слово «Россия», «россиянин», а не свою этническую принадлежность. Такова общемировая практика, и нет смысла ее отвергать. Противники сложного понимания нации встречаются больше среди политиков, интеллигенции, медийного сообщества и некоторых религиозных деятелей, которые были обучены по старым советским прописям или же забыли постулаты мировых религий о единстве последователей одной веры и о веротерпимости. Среди множества идей и проектов по поводу того, что есть Россия, наиболее актуальной и адекватной является *стратегия утверждения российской идентичности среди граждан страны, прежде всего в форме воспитания патриотизма, обретения знания о стране, ее истории и культуры*. В этом состоят главные предпосылки формирования российской нации.

Исходные гипотезы об этнокультурном потенциале регионов и становлении российской нации формировались на основе наших авторских разработок и данных Сети этнологического мониторинга ИЭА РАН. При сохранении единого подхода исследовательская концепция должна была учесть специфику регионов опроса. Концепция исследования базировалась на представлении об этнокультурном потенциале российских регионов как динамической ситуации, которая формируется под воздействием государственного управления в правовой, социально-экономической, информационной и культурно-образовательной сферах.

Всего были опрошены 7344 респондента, в каждом регионе – не менее 515 респондентов. Выборка квотировалась по полу и возрасту в соответствии с половозрастной структурой населения городов. Опрос проводился в мае – июне 2008 г. В целом это была ответственная работа по законам строгой социологии и этнологических наблюдений. Общероссийские итоги социологического опроса представлены ниже в кратком изложении.

* * *

Начиная опрос, респондента просили перечислить географические территории, которые составляли Российскую Федерацию до распада Советского Союза. Разработчики анкеты менее всего стремились выяснить, насколько хороши знания россиян по географии. Как в каждом социологическом обследовании, получаемые от респондентов ответы показывают не объем каких-либо знаний, но более всего отражают общественные настроения. Мы предполагали, что наряду с теми, кто даст правильный ответ, часть респондентов в своих географических ошибках отразят, какие регионы им интуитивно ближе, какие считают «своими», а какие – «чужими». Респондентам был предложен десяток возможных ответов, в которых значились некоторые регионы России, ряд республик бывшего СССР, а также Вьетнам и Китай. «Школьный» вариант ответа предполагал стопроцентное подтверждение списка российских регионов. Однако правильные ответы дали только две трети опрошенных. Лучше всего известно россиянам, что Дагестан ранее был частью нашей страны – об этом сказали не все, но наибольшее количество респондентов (71%). Не так хорошо люди осведомлены о том, что в составе государства находилась Тува (65%). Еще большее количество респондентов сомневается по поводу принадлежности Северной Осетии (правильные ответы составили 62%). Если бы опрос был проведен на месяц позднее, т.е. в период военного конфликта в Южной Осетии, ошибочных ответов в отношении принадлежности Северной Осетии было

бы меньше. Однако следует иметь в виду, что подобные критические обстоятельства, усиливая общественную осведомленность, не оказывают длительного воздействия на массовое сознание.

Мы предполагали, что, указывая в вопросе аббревиатуру «РСФСР», получим часть ответов об СССР. Представлялось, что особенно молодежь будет делать такую ошибку. Однако не только те, кому 18 лет, а также люди зрелого возраста «забыли» о том, что РСФСР и СССР – не одно и то же. Почти половина россиян заявили, что еще не так давно частью нынешней России были: Армения (45% ответов), Казахстан, (45%), Азербайджан (44%), Киргизия (42%), Таджикистан (41%). Среди такой большой массы ответивших есть те, кто перепутал прежнее наименование Российской Федерации с названием Советского Союза, а также те, кто полагает, что указанные государства были частью России. Так или иначе, *для значительной доли россиян постсоветское пространство по-прежнему предстает как относительно единая территория, и это является предпосылкой для распространения толерантных отношений.* С этой целью был задан вопрос, есть ли среди друзей и близких опрашиваемого люди разных национальностей.

Было важно выяснить, насколько этническая принадлежность человека является актуальной (замечаемой) в повседневной жизни. Если в ближайшем окружении респондент подмечает «этнические различия», то тем более они кажутся ему естественными в общественных взаимоотношениях. Мы посчитали нецелесообразным задавать прямой вопрос, например, о том, имеет ли для респондента значение национальная принадлежность близких и друзей. Подобные вопросы заранее предопределяют позитивный ответ типа «для меня национальность родственников и друзей не важна». Гипотеза состояла в том, что вариант ответа «среди моих близких и друзей – люди одной национальности» как раз и свидетельствует о склонности к особым этническим предпочтениям. В одних случаях такой ответ может быть продиктован преднамеренным выбором друзей и родственников с учетом их национальности, в других – убежденностью респондента, что в силу объективных причин его окружают люди одной национальности. Оба случая мы расцениваем как свидетельство достаточно пристального «внимания к национальности». По итогам опроса 11% респондентов придерживаются мнения, что их родственники и друзья принадлежат одной национальности. Гораздо больше тех, кто ответил, что в их ближайшем окружении есть люди разных национальностей (76%). Такие ответы свидетельствуют, что в повседневной жизни люди придают некоторое значение «национальности». Остальные респонденты – их 13% – это те, кто о своем ближайшем окружении сказал «не знаю,

какой они национальности». Если учесть, что кто-то из этой группы, отвечая таким способом, на самом деле уклонился от ответа, тогда следует признать: *россиян, для которых этнические различия не имеют значения, довольно мало*.

Современная наука не трактует эти особенности как некие прирожденные качества людей, а как прежде всего результат непосредственного социального опыта, «порядка жизни» в том или ином местном или государственном сообществе, а также воздействия политики и идеологической индоктринации – своего рода натаскивания людей с малых лет на предмет собственной и других людей этнической принадлежности. В том же Дагестане, когда сегодня почти каждый знает национальность своих коллег и знакомых лучше, чем их имя и фамилию, еще 50 лет тому назад не придавали значения национальной принадлежности. Это говорит о том, что *процесс демонтажа гиперэтничности возможен без ущерба для этнонациональной идентичности людей и их партикулярной культуры*.

Насколько сохраняется индоктринированная в советские времена идея о том, что индивидуальность персоны связана помимо прочего с национальностью? Для выяснения этого респондентов спрашивали, помнят ли они, что национальность указывалась в советских паспортах. Следует учесть, что после обмена паспортов образца 1977 г. прошло довольно много времени (7–10 лет). Выяснилось, что лишь 13% не помнят, что было указано в паспорте. Таким образом, из общественного сознания пока не исчезла советская доктрина о том, что национальность является важным атрибутом человека (почти как имя и фамилия). Более того, некоторые этнонационалистически настроенные политики и эксперты ведут агитацию в пользу восстановления данной графы в российском паспорте, и этот момент присутствует в наборе ностальгических «утраченных ценностей». Внимательный анализ показывает, что молодое поколение более спокойно воспринимает общемировую практику отказа от фиксации государством этнической принадлежности граждан в индивидуальных официальных документах.

Является ли принадлежность человека к той или иной национальности изначально присущим ему свойством? Если общественное мнение говорит «да», тогда значимость этнической атрибуции приобретает фатальные черты: «человек рождается с национальностью», и, как выясняется, «национальность в жизни имеет значение». На вопрос, как вы понимаете слово «национальность», две трети респондентов ответили, что это – происхождение по родителям и предкам. Многие из них сказали также, что для них национальность – это язык и культура (см. график 1).

График 1

Как вы понимаете слово «национальность»?
(Возможны несколько ответов)

Результаты опроса тех, кто считает национальность по предкам, свидетельствуют, что этнические различия часто воспринимаются как непреложные и неизменные. Вторая категория респондентов, кто говорит о национальности в терминах языка и культуры, занимает менее жесткую позицию (язык можно выучить, к культуре можно приобщиться). Но все же в обоих случаях налицо стереотипы об «этнической предопределенности» человека.

Другие варианты ответов отражают мнение о меньшей зависимости национальности от «генетического» происхождения персоны или того, из какой культурно-языковой среды вышел индивид. Правда, таких ответов меньшее количество. Так, 23% заявили, что с их точки зрения национальность связана с местом рождения, 17% – гражданством, 16% считают, что национальность – это запись в личных документах. Интересно и важно, что *подавляющее большинство респондентов полагают, что национальность у человека может быть только одна, хотя среди опрошенных была значительная часть людей со смешанным этническим происхождением* (т.е. потомки этнически смешанных браков). Россияне пока о таком варианте самоидентификации просто не знают, и они следуют общепризнанной в стране идеологии и общественной практике. В простом общении слова «во мне столько всего намешано» далеко не являются исключением.

Для общественного сознания тема «национальности» имеет большую актуальность. На вопрос, как часто вы думаете о своей национальности или национальности других людей, вариант ответа «я никогда не задумываюсь о собственной национальности или национальности другого человека» выбрали менее трети респондентов (29%). Остальные заявили, что на «эту» тему они думают

часто (17%) или редко (55%). Другими словами, более половины участников опроса демонстрируют вполне рациональное поведение в отношении этнического фактора, а именно «думают о нем редко», ибо другие жизненные вопросы и проблемы гораздо важнее для человека (здоровье, работа, семья, коллектив, увлечения и т.п.), не говоря уже о первичной значимости общероссийских проблем (цены, погода, спорт, война и прочее).

В практике социологических обследований используются так называемые проективные вопросы, которые помогают выявить установки респондентов, их потенциальное отношение к гипотетической ситуации. Проблема заключается в том, что многие проективные вопросы об этнических отношениях в достаточной степени прямолинейны и автоматически влекут за собой позитивные ответы. Даже использованная в нашей анкете завуалированная формулировка «чем окружающие вас люди не похожи друг на друга» после беседы на «этническую тему» легко распознается респондентами как продолжение поднятой темы. К тому же среди вариантов ответа предусматривалось два подсказа: люди различаются личными особенностями, а также тем, что принадлежат к различным группам, общинам, народам.

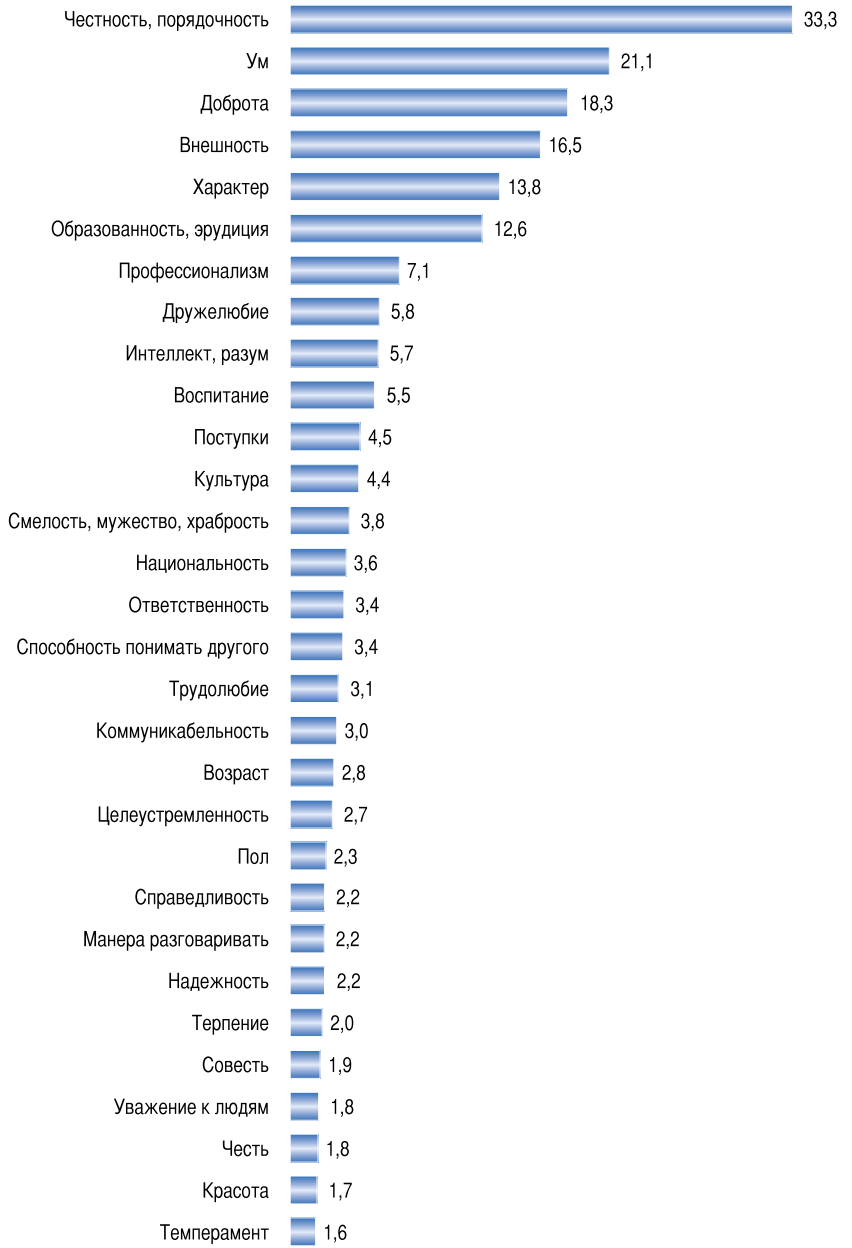
Хотя ответы на другие вопросы анкеты показали, что в обыденном сознании россиян большое значение в повседневной жизни придается этническим различиям, но в данном случае респонденты отвечали на редкость единодушно: люди различаются между собой по индивидуальным, а не групповым качествам (79%). Интерпретация этого результата становится понятной из анализа ответов на следующий вопрос. Этот вывод заслуживает самой внимательной оценки и поддержки, ибо означает, что *россияне оценивают и «делят» людей больше всего по личным качествам, недостаткам и достоинствам*.

Был задан проективный открытый вопрос о качествах, которые более всего характеризуют личность. Опрашиваемые могли давать несколько ответов. Суммирование итогов позволило составить своеобразный рейтинг ответов, включивший три десятка позиций (см. график 2). В результате выяснилось, что более всего в человеке респонденты ценят именно индивидуальные, а не групповые качества – честность и порядочность (33%), ум (21%), доброта (18%), внешность (17%), характер (14%), далее по нисходящей следуют образованность, профессионализм, дружелюбие и т.д.

Возможно, специальное исследование могло бы выявить, что наиболее распространенные стереотипы, по которым оценивается человек, содержат и групповые характеристики (в частности, параметр «внешность»), но на нынешнем этапе анализа следует

График 2

Назовите качества (не более трех), которые ярче всего описывают человека*



* Открытый вопрос. На диаграмме представлены только первые 30 вариантов ответа.

признать, что указанные стереотипы в основном обращены к индивидуальным человеческим качествам. Такой характеризующий человека признак, как его «культура», указали только 4,4% опрошенных. О «национальности» вспомнили лишь 3,6%, о «языке» – сотые доли процента. В рейтинге персональных качеств человека «национальности» отводится [illegible] место. Иными словами, назвавших национальность важным отличительным признаком личности намного меньше тех, кто вообще не упомянул об этом. Еще реже респонденты вспоминали о религиозной принадлежности.

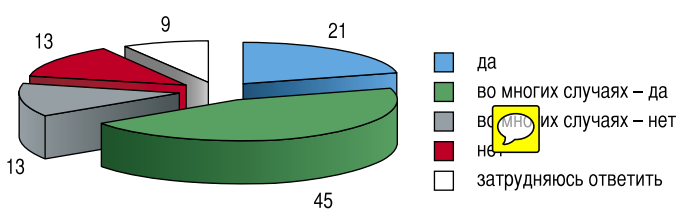
Опираясь на эти данные, а также на результаты, полученные по другим вопросам анкеты, очевиден вывод о противоречивости общественного сознания. *Массовые стереотипы основываются на идее обязательности этнической идентичности и одновременно отводят этому феномену малозначимую роль*.

Вопрос анкеты о том, чего у россиян больше – сходств или различий, относится к разряду контекстных. В анкете его очередность предусматривалась после вопросов об этнических различиях людей, а также непосредственно вслед за свободным (неформализованным) суждением респондента о важнейших качествах человека. Цель состояла в том, чтобы выяснить, насколько этнические различия (которые широко признаются респондентами) могут служить препятствием для осознания единства россиян.

В результате с мнением, что у россиян больше сходств, чем различий, согласились две трети респондентов (21% – однозначно «да», 45% – во многих случаях «да») (см. график 3). Поскольку данный вопрос предварялся целенаправленной беседой об этнических различиях, полученные данные свидетельствуют о хороших перспективах гражданского единения. Но и категория тех, кого можно причислить к потенциально несогласным с идеей российской нации, оказалась довольно многочисленной. Для них идея гражданской нации, видимо, вступает в противоречие

График 3

Согласны ли вы с утверждением:
у жителей России больше сходств, чем различий



с идеей этнических различий. *Если первая, наиболее многочисленная категория россиян в принципе готова воспринять российское единство наряду с этническим разнообразием, то вторая категория рассматривает обе формы идентичности как взаимоисключения («если я россиянин, значит, уже не русский, не татарин и т.д.).* Заметим, что однозначное мнение о различиях высказало меньшинство (13%), а прочие не убеждены в своей точке зрения. Это также свидетельствует о значительном потенциале политики единства российской нации.

Прямолинейный вопрос, по каким группам у нас в стране более всего различаются люди, представляет собой своеобразную параллель к вопросу о качествах человека. Предполагалось, что на фоне предыдущих вопросов респонденты учтут, что беседа имеет отношение к «этнической теме». Более того, мы намеренно сформулировали вопрос так, что факт групповых различий является как бы непреложным. Опрашиваемым оставалось указать, какие именно групповые различия наиболее характерны. Респондент мог выбрать несколько вариантов ответов, а также дать ответ в произвольной форме.

Выяснилось, что для значительной доли опрашиваемых (около 40%) важной характеристикой россиян являются этнические различия (см. график 4). Но гораздо большее количество заявило, что в нашей стране люди различаются прежде всего по имущественному положению (71%), возрасту (50%), а также и по критерию местный/приезжий (44%). Таким образом, *для россиян стереотипными являются представления о том, что жители страны различаются*

График 4

По каким группам в нашей стране более всего различаются люди?

(Возможны несколько ответов)

по таким параметрам, как социальный достаток, возраст, принадлежность к коренному населению, этнические особенности. Прочие атрибуты оказались менее значимыми.

То, что языковое разнообразие в России не рассматривается большинством респондентов как разъединительный фактор, согласуется с данными Всероссийской переписи населения 2002 г. Эта перепись показала, что только 2% населения страны не владеет русским языком[3]. *Для большинства участников опроса очевидным является факт, что знание русского языка объединяет миллионы россиян, пользующихся и другими языками*. Такой подход и должен лежать в основе идеологии российской нации.

Следует обратить внимание на то, что в России люди не придают существенного значения религиозным различиям. При существующем несходстве религиозных доктрин такой результат свидетельствует о достаточно высоком уровне общественной толерантности в конфессиональной сфере. Очевидно, что *для России фактор религиозного многообразия не является препятствием для формирования гражданского единства*.

В общественном сознании нет жесткой увязки между языком, религией и национальностью (хотя о такой связи, как о непреложной истине, говорят многие ученые, политические и религиозные деятели). Это означает, что общественное сознание во многом готово воспринимать идеи культурного разнообразия и преодолевать стереотипы всеобщей разделенности на этносы-народы со «своим языком», «своей религией», «своей культурой», «своей территорией». Такая готовность – важнейшая предпосылка утверждения ценностей гражданского единства.

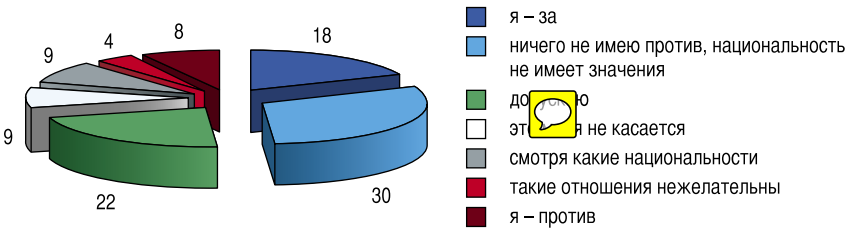
* * *

В стране широко распространено мнение, что этнические различия «существуют» и «играют важную роль в жизни». Это, в частности, показывают ответы на вопрос об отношении к смешанным бракам. Те респонденты, кто высказался против межэтнических браков, а также те, кто активно «за» такие браки, в совокупности составляют подавляющее большинство опрошенных (см. график 5). Следует иметь в виду, что среди прочих проективных вопросов, тема семьи и брака по-прежнему является эффективным средством выявления укорененных этнических (и иных «культурных») стереотипов. О том, что такие стереотипы живучи, свидетельствует сравнительно небольшая доля тех, кто считает, что национальность отношения к браку не имеет (30%). Напомним, что в общероссийском опросе приняли участие жители в основном крупных городов с высоким уровнем этнической мозаичности.

График 5

Ваше отношение к тому, что люди разных национальностей заключают браки, образуют семьи

(Дайте один ответ)



Изучение восприятия этнических различий через призму семейно-брачных отношений позволяет строить предположения о мере межгрупповой отчужденности и о способности населения регионов и страны ощущать гражданское единство. Опрос показал, что в целом среди россиян позицию неприятия смешанных браков высказывает сравнительно небольшая доля – менее четверти населения, причем среди них лишь часть составляют те, кто категорически не приемлет идею смешения (8% от всей численности опрошенных). Заметим, что непосредственно те, кто вступает в брак, т.е. преимущественно *молодые люди, в своих личностных стратегиях выбора брачного партнера отодвигают этничность на задний план в сравнении с такими факторами, как личные достоинства, внешность, происхождение, интеллект и жизненные достижения*. Даже религия в этом вопросе может быть гораздо более значимой, чем этническая принадлежность.

Далее следовал вопрос: в вашем регионе живут люди, приехавшие из разных регионов России и других государств; можете ли назвать тех, кого раньше здесь было мало или не было совсем?

Логика вопроса была спланирована таким образом, чтобы, не называя напрямую какие-то национальности, попытаться выяснить, как сами респонденты группируют (и группируют ли) окружающих людей. Здесь следует отметить, что сами по себе житейские представления о разделении на группы, в том числе по национальностям, не являются с нашей точки зрения препятствием в распространении идей гражданского единства и российской нации. Однако важно понять, насколько такое различение является жестким. Исследование показало, что наиболее жесткие стереотипы о разделении существуют в отношении приезжих, в особенности тех, кто, по представлениям респондентов, принадлежит к определенным национальностям.

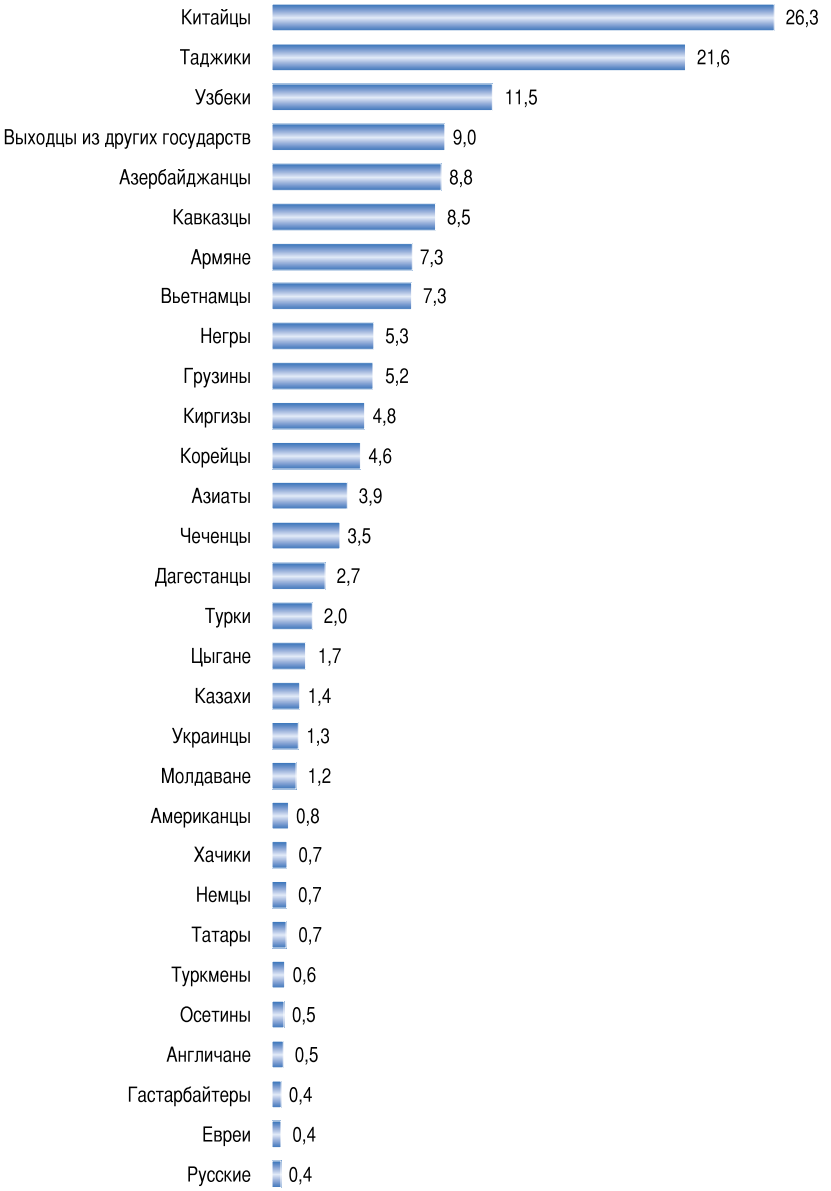
Поскольку вопрос не содержал подсказок, можно было дать ответы в произвольной форме. Тем не менее среди опрошенных практически никто не вспомнил, что в их местности стало больше «студентов», «строителей», «сезонных рабочих», «молодежи». Не было также ответов «уборщики улиц» или «рыночные торговцы», что казалось бы очевидно для многих мест, где проводился опрос. В общественном восприятии не отпечатался тот факт, что, например, в Москве за последние годы обосновалось множество выходцев из районов Московской области, Тулы, Смоленска, Калуги, уральских областей, регионов Западной Сибири. А при опросе в Сыктывкаре как бы незамеченным остался тот факт, что за недавний период в этот город переселилось большое количество коми из сельских районов. В целом по России никто из опрошенных не вспомнил часто тиражируемое СМИ словосочетание «трудовые мигранты», крайне редкой была ссылка на гастарбайтеров.

Зато почти все респонденты указали на национальность приезжих (или на принадлежность к стране исхода). Наиболее «заметными» оказались такие приезжие, которые более всего выделяются фенотипически и в этнокультурном отношении. Что же касается данных статистики и иных исследований, то они показывают, что эти отличительные группы в действительности составляют меньшинство (см. график 6). Среди «заметных» чаще всего упоминают о китайцах (26% опрошенных), таджиках (22%), узбеках (12%) и вообще выходцах из Средней Азии (9%). Следует учесть, что указанные этнические названия условны, поскольку местное население зачастую не знает, из каких мест действительно люди прибыли. Нередко выходцев из Вьетнама принимают за граждан Китая. Выходцев из Киргизии путают с приезжими из Таджикистана. Среди других заметных для общественного восприятия групп названы азербайджанцы (9%), кавказцы (9%), армяне (7%). Разнообразие ответов с этническим «наполнением» составляет несколько десятков. Среди них следует также упомянуть такие категории, как «негры», «грузины», «киргизы», «азиаты», «чеченцы», «дагестанцы», «турки». Таким образом, *общественное сознание воспринимает «некоренную» часть населения не по каким-то социальным, профессиональным или возрастным параметрам, но исключительно по «этническим» признакам*.

Был задан вопрос об отношении респондента к «некоренной» части населения. Поскольку приезжие определяются общественным мнением именно по «этническим» признакам, ответы в какой-то мере показывают отношение вообще к любым культурно-отличительным сообществам. Не случайно, например, в обыденном сознании не делается различий между мигрантами и цыганами.

График 6

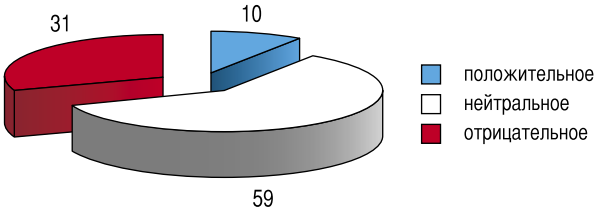
В вашем регионе живут выходцы из разных регионов России и других государств. Можете ли назвать тех, кого раньше здесь было мало или не было совсем?*



* Открытый вопрос. На диаграмме представлены только первые 30 вариантов ответа.

График 7

Ваше отношение к приезжей части населения



Ситуация в данной связи не может быть названа благоприятной – положительно высказалась лишь десятая часть опрошенных, отрицательно – почти треть (31%). Подавляющее большинство (около 60%) ответили, что их отношение – нейтральное, и этот факт требует дальнейших исследований (см. график 7). Пока неясно, какие мотивации и установки характерны для последней категории. Если какая-то заметная ее доля восприимчива к негативным стереотипам в адрес «этнических приезжих», тогда радикально настроенная часть населения может считаться очень большой, и это следует рассматривать не только как препятствие в распространении принципов гражданского единства, но и как потенциальный источник социальной напряженности и конфликтов. Наша теоретическая посылка состоит в том, что *население негативно воспринимает не сам факт многоэтничности местного сообщества, а слишком резкие перемены в привычном составе и связанные с этим перемены в образе жизни*. Сказывается отсутствие практики объяснения и анализа не только рисков, но и пользы миграции для принимающего населения, а также опыта установления контактов и общения между мигрантами и старожильческим населением. Такой опыт был в годы Великой Отечественной войны, освоения целины и организованных переселений 1960–1970-х годов.

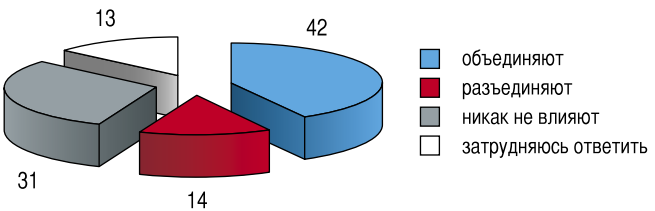
В рамках исследования изучалась проблема поиска эффективных средств распространения идей гражданского единства. Вопрос о роли праздников рассматривался нами как один из важных источников объединительного потенциала. То, что праздники – фактор объединения гражданского общества, воспринимается региональными властями как само собой разумеющийся факт. Именно «фольклорно-этнографическое» направление является сегодня квинтэссенцией этнической политики. Однако специалисты нередко высказывают мнение по поводу ограниченности такого подхода в государственном управлении. После массовых столкновений в этнически бесконфликтной Карелии (г. Кондопога) СМИ

и общественные деятели также стали критиковать «фестивальную» политику. Проблема, однако, заключается не только в том, насколько государственная поддержка этнических и религиозных мероприятий обеспечивает повышение толерантности. Важно учесть, что такая поддержка, нередко осуществляемая избирательно (из бюрократических и иных соображений), не всегда приносит положительный результат. В ряде случаев она сказывается негативно на общественном восприятии.

Данные опроса показали, что менее половины респондентов (42%) считают, что религиозные праздники способствуют гражданскому единению (см. график 8). Но примерно треть заявила, что указанные мероприятия не оказывают никакого воздействия на чувства гражданского единства (31%). Заметная доля респондентов вообще не смогла высказать мнение по данному поводу (13%). Немало и тех, кто полагает, что религиозные и этнические мероприятия способствуют разъединению людей (14%).

График 8

Праздники представителей разных национальностей и религий объединяют или разъединяют людей?

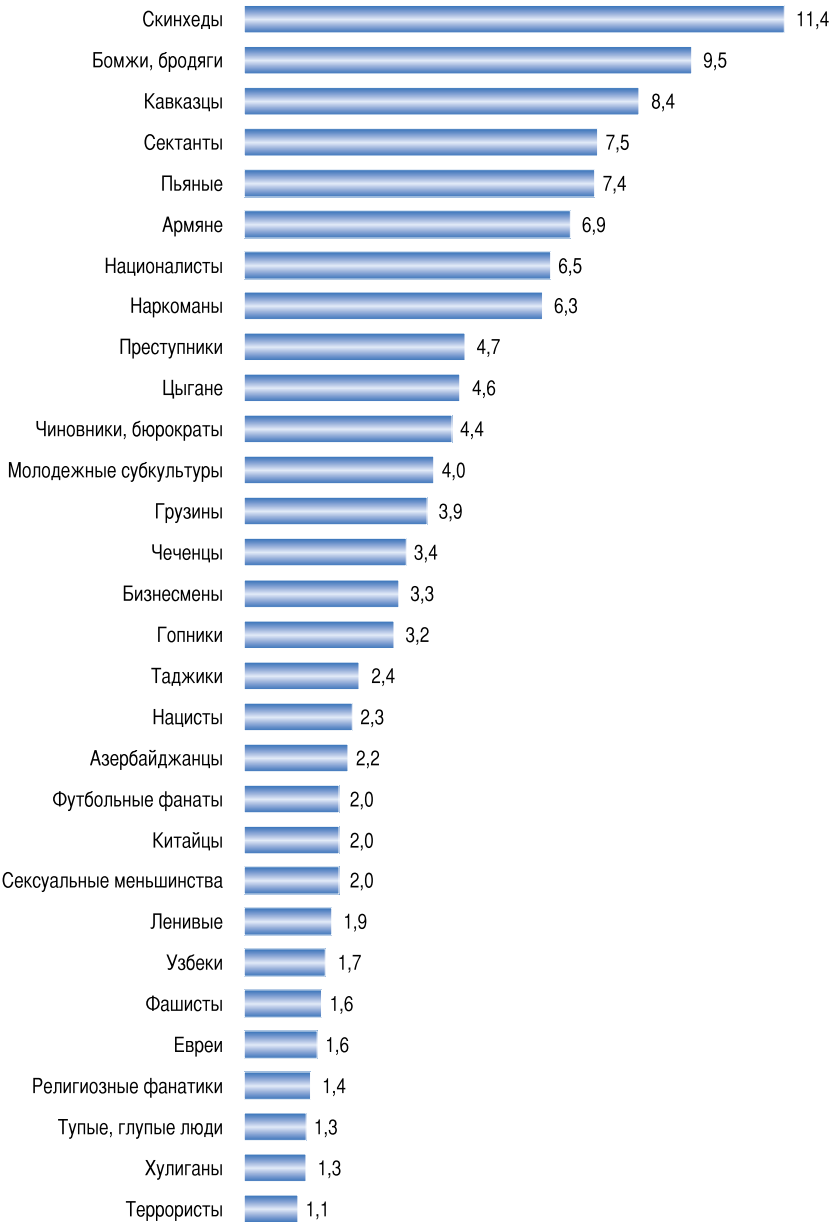


Полученные данные свидетельствуют, что, с одной стороны, обеспечение массового участия в этнокультурных мероприятиях далеко не всегда приводит к желаемому результату, как о том думают чиновники, хотя на такие мероприятия, как правило, затрачивается значительное количество бюджетных средств. С другой стороны, *государству нельзя прекращать поддержку этнокультурного развития, хотя очевидно, что данное направление требует существенного реформирования*. Татаро-башкирский Сабантуй – это праздник для всех жителей, как и русская Пасха – именно подобной практики придерживаются в других многоэтничных странах. В России эта идеология общей площадки только утверждается и нуждается в поддержке.

Ключевое место в исследовании занял вопрос о группах людей, которые вызывают у респондента отрицательное чувство. После-

График 9

Назовите группы людей, которые вызывают у вас отрицательные чувства*



* Открытый вопрос. На диаграмме представлены только первые 30 вариантов ответа.

довательность вопросов была спланирована так, чтобы опрашиваемый имел возможность перечислить эти группы после обсуждения проблем дискриминации, а ранее – темы групповых различий. При этом соответствующий вопрос не имел подсказок, и отвечать можно было в произвольной форме (см. график 9).

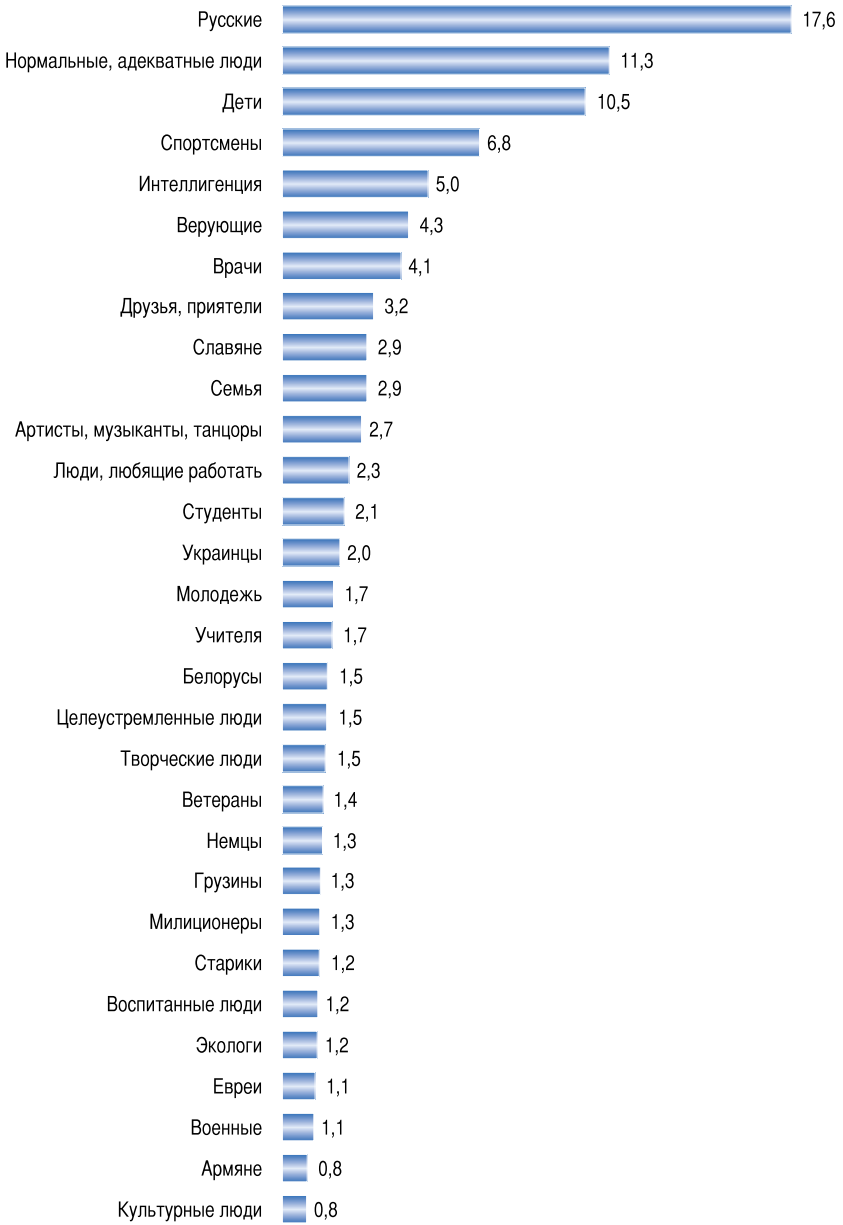
Разнообразие ответов оказалось большим как по общероссийской выборке (более 100 вариантов ответов), так и по регионам. Отсутствие коллективных представлений о двух-трех «врагах» уже само по себе свидетельствует о позитивной предпосылке распространения идей толерантности и гражданского согласия. Заслуживает внимание факт, что, хотя ответ можно было дать в произвольной форме, о своем отрицании каких-либо групп людей не стали заявлять около трети респондентов.

В первой десятке среди тех, кто вызывает отрицательные чувства, – скинхеды (11,4% ответов), националисты (6,5%), лица без определенного места жительства (9,5%), религиозные сектанты (7,5%), алкоголики (7,4%), наркоманы (6,3%), представители уголовного мира (4,7%). В списке значатся также этнические наименования: кавказцы (8,4), армяне (8,9%), цыгане (4,6%). За пределами первой десятки находим также упоминания о грузинах, чеченцах, таджиках, азербайджанцах, китайцах, узбеках, евреях. Главный вывод – *подавляющее большинство опрошенных не выразили отрицательного отношения к каким-либо группам людей и к представителям определенной национальности или вероисповедания*. Это важный показатель реального (по крайней мере на уровне представлений) существования общероссийской общности.

Вопрос о группах людей, которые вызывают у опрашиваемого положительные чувства, организован аналогично предыдущему – о негативном восприятии. Ответы показали, что только чуть более половины респондентов склонны давать позитивную оценку людям лишь на том основании, что они принадлежат к какой-либо группе (см. график 10). Симптоматично, что на первом месте по частоте положительных упоминаний значатся русские (17,6%). Среди прочих ответов фактически не встречаются этнически ориентированные (можно назвать еще сравнительно редкие ответы: славяне – 3%, украинцы – 2%, белорусы – 1,5%, немцы – 1,3%). После «русских» по частоте упоминания значатся такие категории, как «адекватные/нормальные люди» (11,3%), «дети» (10,5%). Возможно, что этот вопрос был излишним, ибо положительные чувства, как и позитивные примеры нашей жизни, реже присутствуют среди обсуждаемых тем и проблем и не считаются «новостью» как таковой и не столь провокационны в смысле человеческих реакций.

График 10

Назовите группы людей, которые вызывают у вас положительные чувства*



* Открытый вопрос. На диаграмме представлены только первые 30 вариантов ответа.

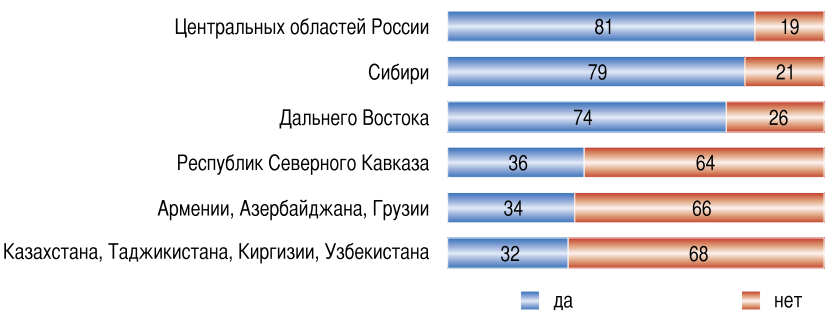
Не стремясь задавать прямые вопросы об отношении местного населения к приезжим, более того, к приезжим определенных национальностей, мы пытались использовать косвенные показатели такого отношения. Одним из них является вопрос, можно ли считать человека «своим» (в анкете сказано – «местным»), если известно, откуда он родом (таким образом косвенно затрагиваются стереотипы об отношениях к национальностям). Респондента также ставят в известность, что жители его города или региона, о которых идет речь, обосновались здесь давно – более десятка лет назад.

Ответы показали устойчивость мнений: вне зависимости от того, как долго на «новом» месте проживают люди, их можно считать «своими» только в том случае, если они – выходцы из центральных областей России (81% ответов), Сибири (79%) или Дальнего Востока (74%). Что же касается тех, кто родом из северокавказских республик, то даже более чем десятилетний срок проживания на «новом» месте не гарантирует признания в качестве «своих» и «местных». За такое признание высказались чуть более трети опрошенных, а две трети считают выходцев из республик Северного Кавказа чужаками, сколько бы лет они ни проживали на новом месте (см. график 11).

Две трети респондентов заявили, что нельзя назвать своими тех, кто приехал из закавказских государств – Армении, Грузии, Азербайджана. Свыше двух третей респондентов (68%) считают, что выходцам из среднеазиатских государств вообще не суждено стать местными в России. Можно предполагать, что и родившихся в нашей стране детей приезжих общественное мнение также склонно рассматривать как «чужаков».

График 11

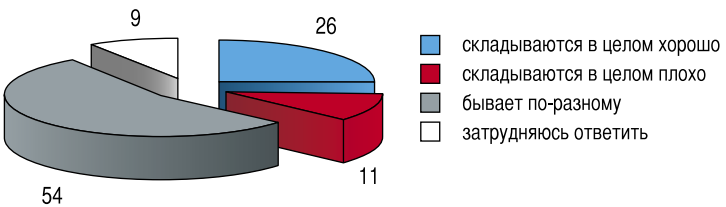
Можно ли назвать местным человека, который переехал в регион более 10 лет назад из:



Приведенные ответы свидетельствуют о достаточно низком потенциале толерантности, слабой подготовленности гражданского сознания к восприятию этнокультурного многообразия в лице так называемых визуальных меньшинств, т.е. имеющих «лицо национальности». Если не будет специальной государственной политики и общественных усилий по демонтажу визуального образа «чужака», в перспективе в российском обществе сформируются новые культурные барьеры и различные формы этнического и религиозного противостояния.

График 12

Каковы в вашем регионе отношения между людьми разных национальностей?

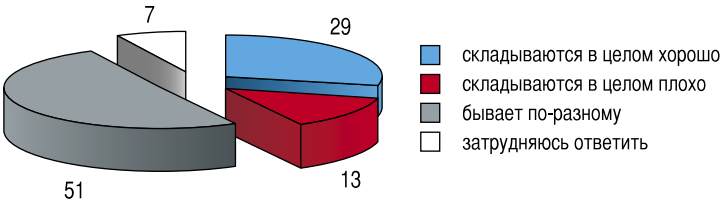


В контексте предыдущего вопроса респондентам было предложено дать прямой ответ на вопрос об отношениях между людьми разных национальностей в регионе проживания опрашиваемого. В вопросе не было сказано, о каких национальностях идет речь – традиционных или новых для данного региона. По результатам ответов оказалось, что чуть более четверти респондентов назвали эти отношения хорошими (26%). Менее десяти процентов не смогли дать определенный ответ. И почти две трети заявили о проблематичности таких отношений. Причем 11% полагают, что отношения складываются негативно, 54% дали уклончивый ответ («бывает по-разному») (см. график 12). Вполне вероятно, что *российское общество и государство должны быть готовы к тому, что беспроблемные регионы и ситуации в большом многоэтничном государстве – это роскошь, которая не всегда бывает. Здесь необходимо то самое оперативное управление, чтобы адекватно реагировать на возникающие напряженности и кризисы и уметь предотвращать недовольство и конфликты*.

В какой плоскости следует рассматривать проблему этнических отношений в современной России? Видимо, речь прежде всего должна идти о взаимоотношениях местного и пришлого населения, особенно в случаях, когда те, кого считают «пришлыми»,

График 13

Каковы в вашем регионе отношения между местными жителями и приезжими?



составляют отличительную часть населения. В пользу такого вывода говорит факт почти полного соответствия ответов на вопрос об отношениях между местными жителями и приезжими с ответами на вопрос о мэжэтнических отношениях (см. график 13).

О том, что отношения с приезжими складываются хорошо, сказали менее трети респондентов (29%), и незначительная часть затруднилась ответить. Подавляющее большинство заявило, что во взаимоотношениях с приезжими существуют проблемы, в том числе 13% заявили, что эти отношения плохие, и 51% полагают, что они складываются по-разному. Важно выяснить, кто высказывает такие оценки. Вероятно, что это могут быть люди, которые сами 2–3 десятилетия назад переехали в данную местность или город. В таком случае необходимы напоминания и разъяснения по адресу как старожил, так и приезжих.

* * *

После обсуждения вопросов, касающихся этнических отношений и миграции, респондентам был задан открытый вопрос, что именно вызывает у них наибольшее беспокойство (можно было указать три причины). Было получено 114 вариантов ответов. Оказалось, что этнические отношения и миграция для большинства респондентов не являются причинами беспокойства. Если судить о градации ответов по частоте упоминаний, то лишь 25 позицию заняла миграционная тема (о ней упомянули всего 2,3% опрошенных). Еще меньшее количество людей «вспомнило» о межнациональной розни (1,3%), о «засилье кавказцев» (1,1%), об «этнической экспансии» (1,1%). Ближе к 50 позиции (менее 1%) в этом рейтинге оказались ответы, указавшие на наличие религиозных проблем, ущемление прав и вымирание русских, русофобию, деятельность сект, неонацизм. Последние позиции заняли ответы, содержащие такие темы, как межнациональные браки, утрата родного языка и традиций.

А каковы при этом главные причины беспокойства? Почти треть респондентов заявили о проблеме материального благополучия (29%). На второй позиции рейтинга – проблемы здоровья и здравоохранения (13%). Далее следуют: экология (12%), жилищные трудности (12%), вопросы образования (10,6%), преступность (10%). Также в числе серьезных причин беспокойства названы проблемы занятости и бедности, политика властей, рост цен и непредсказуемость ближайшего будущего, алкоголизм, наркомания, коррупция.

Но, быть может, ответы имели региональные особенности? На то, что их волнует проблема мигрантов, указали только 3% опрошенных в Москве, 2,3% – в Пятигорске, 2,1% – в Хабаровске. Это – максимальные среди прочих регионов показатели. О межнациональной розни заявили лишь 1,1% респондентов-москвичей, в Грозном – 1%. Наибольшее количество упоминаний о межнациональной розни – в Пятигорске (7%) и Оренбурге (5%). Выше средних по стране оказались показатели в Сургуте, Сыктывкаре и Екатеринбурге. Наименьшие показатели – в Архангельске, Якутске, Хабаровске.

Тема «засилья кавказцев» затронута очень малым количеством респондентов, относительно чаще о ней говорили в Сыктывкаре (1,5%) и Сургуте (1,5%), а также в Москве (1,3%) и Пятигорске (1,3%). Об «этнической экспансии» вопрос был поднят только в Москве (1,6%) и Сыктывкаре (1,5%). О религиозных проблемах как причине беспокойства упоминали жители Тулы, Пятигорска, Горно-Алтайска и Сыктывкара. Об ущемлении прав русских напомнили в Туле (1,1%) и Москве (1,3%). Проблема неофашизма затронута респондентами в Пятигорске (3,1%), Туле (1,9%), Горно-Алтайске (1%), Москве (0,9%), Сургуте (0,8%).

Хотя региональная картина ответов обладает особенностями, общая закономерность остается неизменной: *этнические и миграционные сюжеты не являются главным общественным раздражителем. Напротив, они, скорее, – часть этнокультурного потенциала развития регионов.*

Важно выяснить, насколько россияне считают для себя важной поддержку со стороны этнических и религиозных сообществ. Вопрос, на чью поддержку вы более всего рассчитываете, показал, что роль этнической общины, как правило, воспринимается косвенно благодаря высокой значимости в повседневной жизни родственников, друзей, соседей (см. график 14). На кого можно опереться в трудную минуту? Почти все опрошенные заявили, что это – семья и родственники (91%). Около половины полагают, что в затруднительных обстоятельствах они рассчитывают на помощь друзей, соседей и земляков (45%). Заметное количество респондентов

График 14

На чью поддержку вы более всего рассчитываете в трудных жизненных обстоятельствах?

убеждено, что необходимое внимание можно получить и от сослуживцев по работе или учебе (18%).

Но коль скоро родственники, друзья и соседи могут быть разными по национальности, то и «факт» их этнической принадлежности оказывается для большинства респондентов малозначимым. Те опрошенные, кто непосредственно указал на «людей своей национальности» как на источник помощи в трудную минуту, составляют только 5% респондентов. Следует также учесть, что среди ответивших те, кто в трудную минуту рассчитывает только на себя, составляют даже бóльшую долю (7%).

В списке названных потенциальных источников помощи ответ «люди моей национальности» занял лишь четвертое место, причем с большим отставанием по частоте упоминаний от предыдущих ответов. Примечательно, что четвертое место «этническая община» делит с такими ответами респондентов, как «федеральная власть» и «начальство». Что касается иных источников, то они не столь примечательны. Незначительная доля респондентов рассчитывает на поддержку со стороны духовенства или религиозных общин (4%). Также мало ответов в пользу региональных и местных властей (4%). Еще меньшая надежда высказана по поводу общественных организаций (3%).

Полученные данные позволяют сделать вывод, что *в обыденной жизни национальная принадлежность, как таковая, не играет*

особой роли для большинства респондентов при выборе источника помощи. В то же время ее влияние проявляется опосредованно, через осознание важности в судьбе человека семьи, родственников и ближайшего окружения.

Осознание человеком его национальной принадлежности через призму взаимоотношений с близкими ему людьми свидетельствует о том, что и чувство принадлежности к России, российской нации формируется также опосредованно. Не случайно, практически на одном уровне респонденты оценили значимость этнической общины и значимость федеральной власти. Следует также обратить внимание, что для общественного восприятия крайне незначительными представляются общественные организации (религиозные и другие). *Низкая в глазах респондентов роль государственных структур в повседневной жизни при исключительно высокой роли семьи, родственников и друзей свидетельствует о недостатках социальной политики со стороны государства, а еще более низкая значимость общественных структур – о неразвитости гражданского сектора.*

Не следует строить иллюзий по поводу того, что государство и гражданские структуры способны в какой-то момент сравняться по своему значению с такой ценностью для человека, как семья. Однако резкую диспропорцию необходимо ослаблять, и не за счет «подрыва» семейных ценностей, а посредством действенной заботы о гражданах, а также путем стимулирования общественной инициативы. Исправление этих диспропорций будет укреплять чувства российского единства и принадлежности к российской нации.

* * *

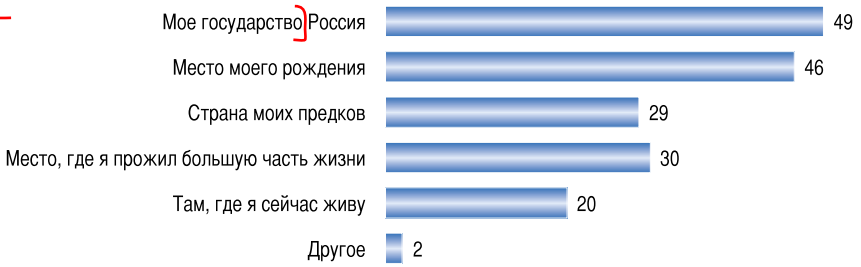
Ответ на вопрос, что для вас понятие «Родина», во многом отражает, насколько близким может быть для респондента чувство принадлежности к российской нации. Результаты оказались далеко не однозначными (см. график 15). На этот пункт анкеты можно было одновременно дать несколько вариантов ответов. Наиболее часто встречались ответы «Родина – это страна Россия» (49%) и «Родина – это место моего рождения» (46%). В них проявилась полярность мнений и дополняющие друг друга суждения. Оба ответа одновременно дали только около 18% респондентов. Те, кто считают родиной конкретную местность, а не страну, составляют почти треть опрошенных.

По регионам картина выглядит еще менее однозначно. Выделяются регионы, где опрошенные считают родиной именно место своего рождения. Об этом заявили почти половина респондентов в Грозном (48%) и похожая доля опрошенных в Якутске (43%).

График 15

Что для вас значит понятие «Родина»?

(Возможны несколько ответов)



В этих городах учтено наименьшее количество тех, кто считает, что его родина – Россия: в Грозном – 14,3%, в Якутске – 17,1%. Более детальный анализ ответов респондентов – жителей Грозного показывает, что считают своей родиной Россию в основном местные русские и часть ингушей, тогда как среди чеченцев таковых только 11%. Такое распределение ответов в значительной мере объясняется произошедшим в республике военным конфликтом. Примечательна ситуация в Якутске. В этом городе лишь 23% русских и 15% якутов назвали Россию своей родиной, тогда как для большинства родина – это прежде всего место, где они родились. Здесь следует учесть, что для якутян, как и для магаданцев и дальневосточников, понятия «Россия», «материк» часто означают всего лишь центральные районы страны, которые расположены далеко и которые живут по-другому и в других условиях. Кстати, аналогичные видения «Америки» имеются среди аляскинцев, гавайцев и даже жителей Калифорнии.

Вторая группа регионов характерна тем, что примерно треть опрошенных считают своей родиной место рождения, а не Россию, и менее половины респондентов назвали своей родиной всю страну. Это города Горно-Алтайск, Балаково, Омск, Сыктывкар, Сургут, Екатеринбург, Архангельск. Причем, если показатель ответов «Родина – Россия» в данной группе превышает 40%, то по Сургуту он отличается еще и своей заметно пониженной величиной (32%).

Третью группу составляют регионы, в которых доля респондентов, не признающих в качестве родины государство, не превышает четверти, а тех, кто считает своей родиной Россию – больше половины. Такие результаты были получены при опросе жителей Оренбурга, Тулы, Пятигорска, Москвы. Промежуточное положение между второй и третьей группами занимает Хабаровск, в кото-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о понятии «Родина»

Место опроса	Ответ, %		Место опроса	Ответ, %	
	Родина – только местность рождения	Родина – Россия (вместе с другими возможными ответами)		Родина – только местность рождения	Родина – Россия (вместе с другими возможными ответами)
Москва	24,3	51,9	Балаково	35,1	41,6
Тула	23,3	52,8	Екатеринбург	30,8	47,4
Архангельск	30,4	49,9	Сургут	30,9	32,2
Сыктывкар	31,9	44,3	Омск	34,8	44,1
Пятигорск	22,3	52,6	Горно-Алтайск	35,3	46,4
Грозный	48,4	14,3	Якутск	43,4	17,1
Оренбург	25,9	56,5	Хабаровск	26,2	49,5

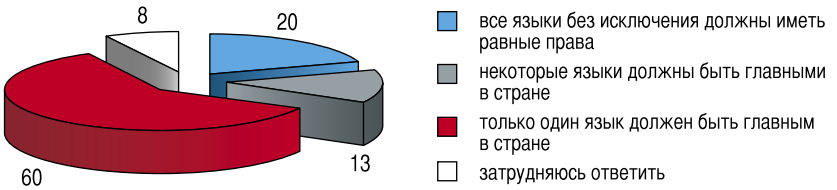
ром невысока доля тех, кто считает родиной исключительно место рождения (26%), а те, кто назвал родиной Россию, не превышают половины опрошенных (49,5%) (см. табл. 1).

Таким образом, *в некоторых регионах у населения преобладают чувства регионализма над чувствами принадлежности к государству*. Но таких регионов, судя по всему, меньшинство. Вместе с тем распространена ситуация, когда наряду с доминированием идеи о принадлежности к России большое количество людей в регионе с этой идеей не согласны (треть опрошенных). В этой ситуации необходима стратегия, которая исходит из того, что *местная (региональная) идентичность не противоречит и не ослабляет российскую идентичность, что любовь к малой Родине не отрицает наличие любви к большой Родине. Наоборот, местный патриотизм и идентичность сопровождают и даже усиливают российскую идентичность*.

В ходе опроса респонденты выразили свою точку зрения по поводу языковой политики в России. Более половины (60%) заявили, что только один язык в стране должен занимать главенствующее положение. Незначительная часть не определилась во мнении (8%). Остальные – таковых одна треть поддерживают идею языкового разнообразия. При этом меньшая часть (13% опрошенных) полагает, что главными в стране должны быть некоторые языки, но распространено мнение и о том, что все языки должны иметь равные права (см. график 16).

График 16

В России помимо русского языка говорят на других языках. С какими суждениями вы согласны?



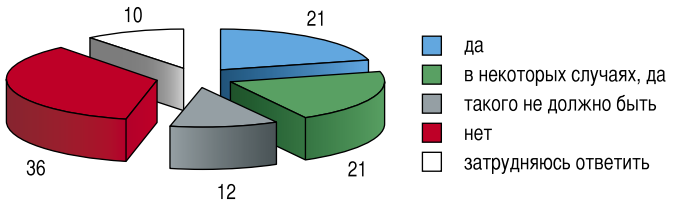
Хотя требование полного равенства в стране для всех языков вряд ли является продуманным (многие респонденты не представляют, насколько велико количество бытующих в России языков), данные опроса показывают, что количество людей, поддерживающих идею языкового плюрализма, в стране достаточно большое, и с таким мнением следует считаться. Очевидно также, что *государственные усилия по укреплению чувства гражданского единства и причастности к российской нации должны реализовываться не только через языковую универсализацию, но и через поддержку языкового разнообразия*.

Казалось бы, что на преимуществе избранных языков должны настаивать респонденты в Якутии. Итоги опроса показали, что среди русских жителей этого города только 15% желали бы главенства одного языка в России. А среди тех русских, кто говорит о равенстве прав в отношении многих языков, мнения разделились: 38% русских Якутска заявили, что избранные языки должны быть главными, и 39% – что все языки должны быть равноправными. Еще интересней оказались ответы якутов: 8% – за один язык в стране, 41% – за избранные языки, 46% – за равные права для всех языков. Возьмем в качестве примера ответы жителей Грозного. Половина русских респондентов – жителей Грозного считают, что в государстве должен быть один язык, а другая половина – за равные права для всех языков. Самый невероятный спектр ответов у чеченцев: за один язык в стране – 17%, за избранные языки (т.е. в том числе чеченский) – только 7%, а за полное языковое равноправие – 72%.

В современных условиях России осознание гражданской принадлежности и принадлежности к российской нации лежит через готовность общественного мнения позитивно воспринимать этнокультурное разнообразие. Ключевой является тема признания множественной идентичности человека. Речь идет о допустимости с точки зрения общественных воззрений идеи, что этниче-

График 17

Может ли человек иметь две или более национальностей?



ская принадлежность человека может иметь сложный характер и подвергаться изменениям.

Как и следовало ожидать, по вопросу, может ли человек иметь две или более национальности, были высказаны противоположные точки зрения (см. график 17). Почти половина респондентов заявили, что у человека не может быть две или несколько национальностей: ответ «нет» – 36%, ответ «такого не должно быть» – 12%. Другая половина дала утвердительный ответ: однозначно «да» – 21%, «в некоторых случаях да» – 21%. Десятая часть опрошенных не дала никакого ответа. Примерно равное соотношение тех, кто приемлет, и тех, кто не признает множественную этническую идентичность, естественно, проявляется не повсеместно. В одних регионах преобладают те, кто считает, что этническая принадлежность у человека может быть только одна. Особенно много высказываний на сей счет в Грозном (78%, причем русские – 57%, чеченцы 79%), Якутске (русские – 64%, якуты – 68%), Сургуте (русские – 58%, татары – 61%, украинцы – 52%). По этому параметру указанные города сильно отличаются от остальных российских городов, попавших в выборку опроса. Также заметна доля таких ответов в Горно-Алтайске (53%), Туле (50%) и Балаково (49%).

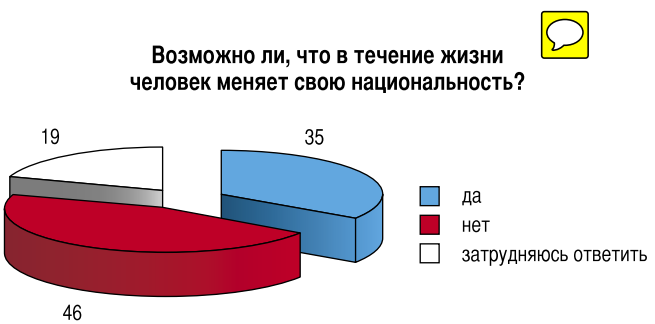
В иных регионах, наоборот, больше тех, кто считает, что этническая принадлежность у человека не является однозначной. Особенно заметна доля таких ответов в Сыктывкаре (49%, при 40% тех, кто «против») и в Омске (48% при 41% тех, кто «против»). А в таких городах, как Москва, Оренбург, Пятигорск, Екатеринбург, Хабаровск, распределение мнений примерно равное и соответствует общероссийской картине.

Несмотря на различия мнений, полученный результат представляется более позитивным, нежели можно было ожидать. Во-первых, в целом по регионам опроса совокупная доля тех, кто настаивает на однозначной этнической принадлежности (48%), оказалась ниже, чем представлялось специалистам. Даже, если к этой

категории причислить и ответы тех, кто указал, что неоднозначная этническая идентичность возможна «в некоторых случаях», то и в этом случае общая доля составит 69%.

Заметим, что тема множественной этнической идентичности не обсуждалась в предыдущих вопросах анкеты, и респонденты были свободны в оценках. Во-вторых, сама категория позитивных ответов может быть потенциально расширена, в частности, за счет той группы респондентов, кто полагает, что двойной этнической принадлежности «не должно быть» (но все же признает, что подобное имеет место), а также и за счет тех, кто пока не определился с ответом. *Важно объяснить, что множественная идентичность (двойная национальность) – это достаточно значимое исключение, и те 15% населения, кто ощущают себя подобным образом, должны иметь возможность это выразить при тех же переписных или социологических опросах*. До этого им нигде места не было. Для отечественных этнологов, социологов, психологов всегда были только русские, украинцы, татары, евреи и никого «между ними», а для статорганов и паспортных столов двойная национальность вообще казалась абсурдом. В этом отношении ситуация меняется мало, но перемены неизбежны.

Готовность к еще более радикальной идее тоже оказалась на удивление высокой. Хотя на поставленный вопрос, возможно ли, что в течение жизни человек меняет свою национальность, почти пятая часть опрошенных затруднилась дать ответ, все же большинство смогло высказать определенное мнение (см. график 18). Это мнение опять-таки выразилось в противоположных точках зрения. Чуть менее половины респондентов (46%) сказали, что человек не может менять свою этническую принадлежность. Часть ответивших (35%) допускает, что этническая принадлежность может меняться с течением жизни человека. Такой результат превосходит самые смелые ожидания экспертов. Он показывает, что современному российскому обществу присущи плюралистические позиции гораздо в большей степени, нежели считалось ранее.



Любопытны региональные различия. Наиболее консервативны по поводу смены этнической идентичности респонденты Якутска, среди которых только 9% согласны с тем, что этническая принадлежность у человека изменчива, в то время как подавляющее большинство такую мысль не допуска[illegible] (68%). На втором месте по консервативности – жители Грозн[illegible], однако доля тех, кто приемлет идею о смене этнической идентичности, там заметно выше – 23%, а противоположной точки зрения придерживаются две трети. Практически такие же оказались ответы у жителей Горно-Алтайска (24% и 65%). В большинстве других регионов мнение об изменчивости этнической принадлежности разделяют от четверти до трети респондентов, а мнение о том, что подобная изменчивость невозможна,– до половины респондентов. Некоторые города выделяются высоким уровнем плюрализма. В Москве доля тех, кто считает этническую принадлежность изменчивым атрибутом персоны, составляет 36%, а в Омске таковых даже 41%.

* * *

Предыдущее обсуждение темы этнокультурного многообразия, множественности этнической принадлежности индивида, понятий «Родина» позволяет перейти к прямому вопросу о приверженности респондентов к своему государству. На вопрос, в какой мере вы ощущаете принадлежность к России, 45% заявили, что ощущают ее в сильной степени. Но 12% ответили, что такого чувства у них вообще нет, 13% не дали определенного ответа, а у прочих (30%) оно возникает «только в некоторых ситуациях». Три последние категории в совокупности составляют более половины респондентов, что свидетельствует о довольно низком уровне гражданского самосознания (см. табл. 2).

Сравним региональные данные. Наибольшее количество респондентов, заявивших, что испытывают чувство принадлежности к России в сильной степени, зафиксировано в Пятигорске (53%) и Оренбурге (51%), там же отмечена наименьшая доля тех, кто не ощущает такой принадлежности. Существенно отличается ситуация в Якутске и Грозном. В этих городах менее четверти опрошенных заявили, что ощущают принадлежность к России в сильной степени, и чуть меньшая доля – что подобного чувства не испытывают.

Интерес представляют данные по Москве, в которой лишь немногим выше среднероссийского уровня оказалась доля респондентов, заявивших об устойчивом ощущении принадлежности к России. Ниже среднего выявилась доля тех, кто указал на ситуативное чувство принадлежности к стране, и выше среднего доля тех, кто не

Таблица 2

Ответы на вопрос об ощущении принадлежности к России, %

Место опроса	В сильной степени	В некоторых ситуациях	Не ощущаю принадлежности	Затрудняюсь ответить
Пятигорск	53	32	6	9
Оренбург	51	32	5	12
Тула	48	34	6	12
Архангельск	47	37	6	10
Сыктывкар	47	29	9	15
Москва	46	27	14	12
Екатеринбург	45	36	6	13
Сургут	45	37	8	11
Хабаровск	44	29	8	18
Горно-Алтайск	44	32	10	15
Омск	42	34	7	17
Балаково	40	32	13	15
Якутск	24	40	20	16
Грозный	21	39	17	24
В целом	45	30	12	13

ощущает принадлежности к России. При этом среди опрошенных москвичей очень маленькая доля лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации. Полученное распределение ответов по Москве, видимо, отчасти объясняется мотивами социального протеста. Среди тех москвичей, кто сказал, что не ощущает принадлежности к своему государству, много людей пожилого возраста.

Предваряя возможное неверное истолкование, заметим, что полученные результаты не отражают картину лояльности или нелояльности граждан к своему государству. Однако приведенные ответы дают представление о готовности населения вести общественную дискуссию по поводу принадлежности к российской нации. Если принять во внимание, что 75% опрошенных считают себя в той или иной степени причастными к России, то это означает, что они готовы участвовать в упомянутой дискуссии. Здесь миллионные аудитории российских спортивных болельщиков могут продемонстрировать свои ощущения принадлежности к России лучше и ярче, чем любые социологические опросы. Это необходимо учитывать в исследованиях идентичности.

График 19

Если вы ощущаете принадлежность к России, то почему?

(Дайте один ответ)

Устойчивое чувство гражданской принадлежности в значительной мере связано с мотивацией гражданского сопереживания. Поэтому на вопрос, что именно может поддерживать ощущение принадлежности к России, предусмотрены помимо прочих и такие варианты ответа: «горжусь Россией», «чувствую ответственность за страну». По условиям анкеты можно было указать только один ответ.

Оказалось, что мотивация гражданского сопереживания пока выражена слабо. Те, кто заявили, что гордятся своей страной и потому чувствуют принадлежность к ней, составляют лишь 10% опрошенных. А сказавших о чувстве ответственности за страну и того меньше – 6%. Логично предположить, что обе категории как раз и составляют основу той части общества, которая более восприимчива к принятию концепта российской нации. Многие же респонденты сказали, что чувствуют принадлежность к стране потому, что родились здесь (42%). У других это чувство возникает, когда они находятся за рубежом. Для небольшой части Россия предстает как наследница Советского Союза (см. график 19).

Из ответов на предыдущие вопросы следует, что значительная часть респондентов не пожелала назвать своей родиной Россию, заявив, что для них родина – это место рождения. Поэтому на текущий вопрос такие респонденты зачастую отвечали, что ощущают принадлежность к стране на том основании, что регион, где они живут, является частью России (19%), либо потому, что люди их национальности живут в России (10%). Например, так ответили половина чеченцев и более половины русских – жителей Грозного

и треть москвичей. Подобные ответы в какой-то мере объясняются тем, что *значительная часть населения ощущает себя выключенной из общественно-политического пространства и не считает для себя возможным участвовать в делах региона и страны.*

В ходе исследования был задан один из ключевых вопросов проекта: составляют ли граждане страны российскую нацию. Ожидая ответ на этот вопрос, следует принять во внимание, что респондент, уже ответивший на большое количество предыдущих вопросов, имеющих прямое отношение к теме, оказывается достаточно подготовленным, чтобы продумать свой ответ. Поэтому полученные результаты представляются значимыми.

На основе оптимистичных ответов, полученных по предыдущему вопросу о признании самого термина «российская нация», мы вправе ожидать столь же положительные ответы. Но вместе с тем действуют и другие предпосылки. Предыдущие ответы респондентов обнаружили, что в массовом сознании чувство принадлежности к стране развито на довольно низком уровне. Значительная часть респондентов не пожелала назвать своей родиной Россию. Что же касается общественного мнения об этнической идентичности, то по-прежнему распространены убеждения, что такая идентичность неделима и неизменна. Следовательно, *невзирая на готовность воспринять и обсуждать идею российской нации, далеко не каждый россиянин может признать, что такая нация уже имеет право на существование.*

Полученные ответы согласуются с этим выводом. 38% респондентов заявили, что в условиях России единая нация возникнуть не может; 15% считают, что нация возможна, но для этого требуются десятилетия; 17% воздержались от ответа; 8% полагают, что нация может возникнуть через несколько лет; 23% сказали однозначное «да» российской нации (см. график 20). Те, кто высказался против именования российских граждан нацией, составляют в разных регионах, видимо, устойчивую категорию. Их доля колеблется в ди-

График 20

Согласны ли вы с тем, что граждане Российской Федерации – это российская нация?

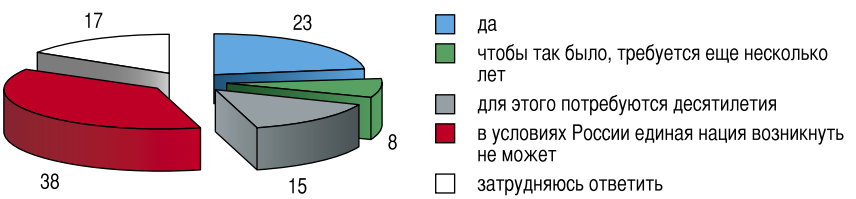


Таблица 3

Ответы на вопрос
«Граждане Российской Федерации – это российская нация?», %

Место опроса	Да	Чтобы так было, требуется несколько лет	Для этого потребуются десятилетия	В России единая нация возникнуть не может	Затрудняюсь ответить
Сыктывкар	31	7	8	36	19
Екатеринбург	29	6	12	40	13
Оренбург	26	8	13	39	14
Балаково	26	5	11	36	22
Тула	26	5	16	40	14
Горно-Алтайск	25	4	9	45	17
Архангельск	24	17	15	30	13
Сургут	23	6	12	32	27
Омск	23	6	12	40	18
Москва	22	9	16	38	16
Хабаровск	22	6	14	34	24
Пятигорск	16	11	17	41	15
Якутск	11	9	25	37	18
Грозный	10	9	13	41	26
В целом	23	8	15	38	17

апазоне 5–7%, хотя имеются своеобразные «максимумы» и «минимумы». В Горно-Алтайске 45% респондентов высказались против обобщения граждан в российскую нацию – максимальная величина среди всех регионов, а в Архангельске 30% – минимальный показатель.

Те респонденты, которые согласны назвать россиян нацией, составляют в разных регионах 22–26%. Но варианты отклонений от средней величины в данном случае встречаются чаще: максимальная доля тех, кто признает россиян нацией, зафиксирована опросом в Сыктывкаре (31%) и Екатеринбурге (29%), а минимальная – в Грозном (10%), Якутске (11%) и Пятигорске (16%). Москва имеет показатель (22%) чуть ниже среднероссийского (см. табл. 3).

Следует также оценить совокупность вариантов ответов, в той или иной мере признающих россиян в качестве нации. Руководствуясь этим показателем, можно сделать вывод, что в некоторых регионах население в наибольшей степени склонно видеть в согражданах представителей одной российской нации. К числу таких регионов

прежде всего относятся Архангельск и Тула, а также Оренбург, Москва и Екатеринбург. Простым объяснением повышенной «российскости» в этих регионах могло бы быть указание на преимущественно «русский» состав населения. Такое объяснение отчасти соответствует ситуации в Архангельске, но не в других регионах. Вот более подробные данные: в Москве рассматриваемый показатель составил 46,2%, а среди москвичей-русских – 44,8%, москвичей-украинцев – 57,1%, москвичей-чувашей – 100%. Возьмем Тулу: все респонденты – 46,8%, русские – 46,6%, местные украинцы – 50%, местные молдаване – 100%.

По рассматриваемому показателю некоторые регионы оказались на последнем месте. Наименьшая доля респондентов, согласных с тезисом «россияне – это нация или будущая нация», зафиксирована в Грозном и Горно-Алтайске. Отметим, однако, что, учитывая специфику ситуации в Чеченской Республике, довольно большое количество – треть респондентов – жителей Грозного заявили о том, что россияне – это нация. Причем, как показывают ответы на последующие вопросы анкеты, грозненские чеченцы причисляли к россиянам и себя. Примечательны в Грозном различия по группам ответивших: чеченцы – 32,9%, русские – 28,6%. В Горно-Алтайске ситуация представляется как раз менее позитивной. Там о россиянах как о нации заявили 34,4% алтайцев – это ниже, чем в среднем по этому городу, и 43,3% местных русских, что заметно выше среднего показателя.

Полученный результат, таким образом, отразил разнообразие мнений респондентов, и это подтверждает его адекватность. Было бы странно, если респонденты – бывшие граждане СССР, пережившие трудный распад государства, период сепаратизма и «парад региональных суверенитетов», относящиеся с недоверием к мигрантам, заявили бы все как один о гражданской нации как о свершившимся факте. Важно, что четверть россиян такую нацию признают однозначно и столько же говорят о возможности национального единения. Отсюда главная задача – это убеждение граждан, что Россия – это нация наций. Российская гражданская нация состоит из русской, чеченской, татарской, чувашской, якутской и других этнонаций. Это снимет опасения на пути признания россиян как нации.

Следует учитывать, что, отвечая на предыдущий вопрос, уместно ли россиян называть нацией, многие респонденты были вынуждены преодолевать внутренний психологический барьер. До настоящего времени этот барьер мешает примирить в человеке его культурную идентичность и идентичность гражданскую. Многие по укоренившейся привычке убеждены, что эти формы исклю-

Таблица 4

Ответы на вопрос «Моя национальность – россиянин»

Место опроса	Да	Да, если нахожусь в другой стране	Нет	Затрудняюсь ответить
Тула	74,4	9,4	10,0	6,3
Балаково	67,4	11,5	10,5	10,5
Хабаровск	62,9	16,3	12,5	8,3
Сыктывкар	61,9	18,3	11,5	8,3
Москва	59,4	15,1	17,1	8,3
Оренбург	58,7	32,8	8,5	–
Пятигорск	56,1	19,6	16,7	7,6
Архангельск	52,9	20,8	16,9	9,4
Омск	51,7	14,9	23,6	9,7
Екатеринбург	51,0	24,1	18,3	6,6
Сургут	48,9	17,3	16,2	17,5
Горно-Алтайск	48,8	22,8	18,3	10,1
Якутск	41,4	25,8	11,1	21,7
Грозный	23,5	36,4	28,9	11,2
В целом	57,7	17,0	16,9	8,4

чают друг друга. *Обществу пока недостает знания о том, что понятие «культурная сложность» относится не только к стране или региону, но и к самому человеку.* Не будь предубеждения, гораздо большее количество респондентов признали бы, что россияне представляют собой нацию.

Был задан вопрос: не отрицая своей национальной принадлежности, могли бы вы также сказать о себе: «Моя национальность – россиянин». Этот вопрос дает возможность респонденту взглянуть на тему гражданской идентичности с более широких позиций. При такой постановке вопроса уже не четверть, как ранее, а 58% заявили однозначное «да» и еще 17% указали, что, выезжая за рубеж, могут считать себя по национальности россиянами. А вот данные по чеченцам в Грозном: «моя национальность – россиянин» – 23,5%, «когда я за рубежом – моя национальность россиянин» – 36,4%, т.е. в целом почти две трети! (см. табл. 4). Совокупная доля среди алтайцев, ответивших теми же вариантами в Горно-Алтайске, – 71,6%. Совокупная доля якутов в Якутске – 67,2%, это даже выше, чем в среднем по стране.

Такие впечатляющие результаты не отражают абсолютно точно действительное положение вещей, поскольку они получены в ходе

«просветительского диалога», каковыми чаще всего и бывают социологические опросы. Но они показывают, как велика готовность большого количества жителей страны признать российское согражданство. Результаты исследования приводят к тому очевидному выводу, что *государственная политика вправе способствовать утверждению национальной российской идентичности. Это единственный вариант государственной формулы для Российской Федерации. Все другие заключают в себе огромные риски или просто нереализуемы.*

[1] *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформаций. Мифы и реальность (социологический аспект). 1992–2002. М., 2003; *Он же.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011; *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003; *Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В.* Южно-российская идентичность: факторы и риски. М., 2011; Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2004; Проблема идентичности в трансформирующемся российском обществе и школа / Под ред. М.Н. Кузьминова. М., 2008; Российская идентичность в Москве и регионах / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2009; Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2005; *Ядов В.А.* Проблемы российских трансформаций. СПб., 2006.

[2] По итогам проекта опубликована книга: Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2008.

[3] *Степанов В.В., Тишков В.А.* Этническое измерение России // Этнокультурный облик России. М., 2007.

Глава 18

РЕЛИГИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАРОДА*

Перед человечеством всегда вставали вопросы о смысле жизни, о смерти и бессмертии, о предназначении человека. В определенный период своей жизни люди задумываются над вопросами: «кто я?», «зачем я живу?», «что будет после меня?» Ответы на эти вечные вопросы они нередко находили и находят в религии. Для верующего человека религия дает критерии добра и зла, определяет мировоззрение человека, создает целостный взгляд на мир. Этот взгляд включает в себя понимание истоков и смысла существования мира и каждого отдельного человека. Религия формирует убеждения многих людей, их взгляды на самих себя, свое место в мире, отношение к происходящему. *Религия присуща человеческому обществу на протяжении всей его истории и охватывает до настоящего времени подавляющую часть населения земного шара. Всеобщность религии – один из самых впечатляющих феноменов всемирной истории.* С внешней стороны религия представляет собой определенное мировоззрение, включающее утверждения о Боге и его отношениях с человеком. Истины религии иногда называют догматами. Они объясняют многообразные составляющие религии. Другим внешним выражением религии является ее культ, т.е. совокупность всех богослужебных и обрядовых норм; люди, которые являются служителями культа – это священнослужители, а также храмы, которые в разных религиях имеют разные конструкции и содержание и называются по-разному: у христиан – часовни, церкви и соборы, у мусульман – мечети, у иудаистов – синагоги, у буддистов – дацаны, у последователей разных религиозных сект – молельные дома.

Каждая религия несет в себе такой тип знания, который не может быть проверен или опровергнут с позиции другой религии, а также с позиций научного (нерелигиозного) знания или «здравого смысла». *Религия – это мощный фактор мотивации в поведении человека и человеческих коллективов, она обладает огромной креативной силой.* Креативный потенциал религии проявляется во многих сферах духовной жизни, в интеллектуальном труде, художественном творчестве, социально-экономических и полити-

* Глава написана в соавторстве с О.Е. Казьминой.

ческих преобразованиях реальности. Однако религия может обладать и деструктивным потенциалом, если религиозная активность направлена против основ общественной жизни, принятого порядка и норм, а также против физического и психического здоровья человека. Таким образом, религия – это одновременно социальный институт, область духовной жизни и часть культуры.

Существует понятие «религиозность», которое отражает состояние сознания верующих у отдельного человека и у того или иного коллектива и группы. Религиозность – это степень влияния религии на отдельного человека и группы, а также процессы и тенденции, которые происходят в религиозных представлениях и в деятельности. В России исторически религиозность населения была высокой. Только в Москве до революции 1917 г. было «сорок сороков» церквей, т.е. 40 раз по 40. На протяжении всей истории религия играла важную роль в жизни российского народа. Даже семь десятилетий насаждения атеизма и подавления религиозного мировоззрения не привели к исчезновению религии. Это стало очевидно на рубеже 1980–1990-х годов, когда религиозная ситуация коренным образом изменилась, и у людей появилась возможность свободно исповедовать свою веру и совершать религиозные обряды. Религия начала восстанавливать утраченные в советское время позиции в обществе[1].

Обратимся к ранним этапам отечественной истории. Согласно существующему преданию, еще в I в. христианской эры на землях, на которых позже возникло Древнерусское государство, проповедовал один из двенадцати апостолов – св. Андрей Первозванный. Массовое принятие христианства на Руси началось с 988 г., когда великий князь Владимир Святославич (Владимир Святой) сам принял новую веру и приказал крестить в Днепре жителей Киева. С этого момента христианство становится официальной религией Древнерусского государства и начинает распространяться по территории страны. В дальнейшем по мере расширения границ Русского государства в христианство обращаются жители все новых территорий. С 988 по 1447 г. Русская церковь находилась под юрисдикцией Вселенского (Константинопольского) патриархата, с 990 г. составляя отдельную митрополию. В 1448 г. Архиерейский собор Русской церкви самостоятельно избрал митрополитом епископа Рязанского Иону, который получил титул митрополита Московского и всея Руси, что означало независимость Русской церкви. Официально Русская православная церковь получила автокефалию в 1589 г., когда Вселенский патриарх дал митрополиту Московскому Иову сан патриарха и произвел возвышение и увеличение чинов иерархии Русской церкви.

Заметный след в ее истории оставил патриарх Никон, с деятельностью которого связан церковный раскол. В соответствии с концепцией «Москва – Третий Рим» патриарх Никон стремился сделать Русскую церковь центром Вселенского православия. Действуя в этом направлении, Никон считал необходимым унифицировать богослужение по образцу греческой церкви. С этой целью во второй половине XVII в. под его руководством были проведены реформы, касавшиеся прежде всего некоторых изменений в обрядности и исправлений в богослужебных книгах для приведения их в полное соответствие с греческими. Реформы вызвали неприятие у части духовенства и верующих. Некоторые из противников Никона считали, что исправления надо проводить не по греческим книгам, а по древнерусским образцам. У многих вызывало подозрение и то, что за основу для исправлений были взяты не ранние греческие тексты, а современные греческие книги, изданные на территории Италии (в находившейся под Османским правлением Греции православная литература не издавалась). Некоторые представители Русской церкви опасались, что напечатанные в итальянских городах книги испорчены сторонниками унии с Римом. В результате произошел раскол, и возникло *старообрядчество* – особая ветвь в православии.

Между тем, пока сторонники и противники реформ боролись между собой, в стране окрепли светские силы, что в начале XVIII в. сделало возможным церковные преобразования Петра I, который ввел в церковно-государственные отношения в России элементы немецкой лютеранской модели. Для Русской церкви это означало отмену патриаршества в 1721 г. и введение синодальной системы. Церковное управление стало осуществляться от имени государя особой Духовной коллегией, вскоре переименованной в Святейший Правительствующий Синод. Надзор за деятельностью этого учреждения возлагался на государственного чиновника – обер-прокурора Святейшего Синода. Через него же Синод осуществлял контакты с министрами и другими светскими чиновниками. Таким образом церковь фактически стала одним из государственных институтов, а Синод получил статус высшего государственного учреждения.

Церковь стала крупнейшей и самой влиятельной деноминацией страны. Она также была самой многочисленной православной поместной церковью, самой многочисленной национальной церковью и второй по численности христианской деноминацией после Римско-католической церкви. Как государственная церковь она пользовалась многими привилегиями, которых не имели другие религиозные организации, хотя и находилась под сильным контролем со стороны государства. В начале XX в. православная

церковь занимала верхнюю ступень в сложившейся в Россий-ской империи иерархии религиозных организаций. Место разных религиозных организаций в этой иерархии зависело от соотношения их прав и привилегий, с одной стороны, и ограничений, с другой. Русская православная церковь, имевшая статус государственной, была господствовавшей. Вслед за ней шли так называемые признанные религии. Из признанных религий в наилучшем положении находились лютеранская церковь, реформатская, армяно-григорианская и Римско-католическая, а из нехристианских конфессий – караимы, мусульмане (сунниты и шииты) и иудаисты. Замыкали список признанных религий буддисты-ламаисты. Следующую иерархическую ступень занимали так называемые терпимые конфессии. К этой группе относились, в частности, старообрядцы, меннониты, баптисты, сибирские шаманисты и ненцы-язычники. Наконец, непризнанными и нетерпимыми были общины молокан, духоборцев, субботников, хлыстов, скопцов и пр.

В начале XX в. принадлежность к православию оберегалась государством. Возможность смены религии имела четкую направленность. Обращение в православие было не просто открыто для всех российских подданных, но и поощрялось. Переход же из православия в другое христианское, а тем более нехристианское исповедание был запрещен законом. Нелегальным считалось и обращение из любой другой христианской конфессии в нехристианскую. Переход из одной инославной христианской конфессии в другую был затруднен, хотя и не исключался. Присоединение иноверцев к признанным государством неправославным христианским деноминациям детально регламентировалось. Православная церковь имела исключительное право проповедовать свое вероучение. Православное миссионерство распространялось только на нехристианские группы.

* * *

Религиозная ситуация существенным образом изменилась после издания в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости». Он сделал менее жесткой существовавшую иерархию религиозных организаций. Указ 1905 г. позволил переход из православной церкви в другие христианские организации и улучшил положение инославных конфессий. Вместе с тем в новой ситуации православная церковь фактически оказалась самой контролируемой со стороны государства и имела меньше самостоятельности, чем другие деноминации. В церкви начинает активно обсуждаться необходимость восстановления патриаршества и соборного начала.

Многие инославные христианские конфессии имеют давнюю историю в России. Так, католики появились на территории России достаточно рано, хотя и были весьма малочисленны. Небольшие их группы жили на Руси еще в XI–XII вв. В тот период особого антагонизма между западной и восточной христианскими церквами не было. Отношения между ними начали портиться после падения Константинополя под натиском крестоносцев в 1204 г. и последующих вторжений немецких, шведских и датских рыцарей на русские земли. События Смутного времени XVII в., и особенно захват Москвы поляками, которых активно поддерживали иезуиты, вызвали еще большее отторжение католицизма, тем более, что борьба с завоевателями велась под лозунгами защиты православного царства от католиков. Отношения с католической церковью стали улучшаться при Петре I. Одновременно выросло число живших в стране католиков. Петр I ввел принцип терпимости по отношению к католикам со стороны властей взамен на их лояльность к Российскому государству. Фактически этот принцип действовал до установления советской власти. Большое число католиков-немцев мигрировали в страну по приглашению Екатерины II. Кроме того, в ее правление после разделов Речи Посполитой Российская империя получила польские земли, населенные в основном приверженцами Римско-католической церкви. Эти изменения привели к постепенному формированию восприятия католицизма как религии определенных расселенных в России этнических групп, прежде всего поляков.

Первая лютеранская община была образована в Москве в 1559 г. Пятьюдесятью годами позже лютеранская община появилась в Нижнем Новгороде. На земли Ингрии (южное побережье Финского залива и часть Карельского перешейка) лютеранство было принесено в XVII в., когда эта территория отошла к Швеции, и сохранилось там после возвращения Петром I этих земель России. При Петре I число лютеран в России заметно выросло и за счет приглашенных им немецких специалистов. Новый приток произошел при Екатерине II, когда в Россию переселилось значительное число немецких крестьян-лютеран. Часть переселившихся в Россию немцев были приверженцами более радикального течения протестантизма – кальвинизма (в форме реформатства). Положение лютеранской церкви в дореволюционной России было достаточно прочным. Во второй половине XVIII в. в России по приглашению Екатерины II поселились и меннониты, получив здесь значительные льготы, включая освобождение от воинской службы (что для них с их пацифистским учением было особенно важно). После же принятия в 1870 г. в Российской империи закона о воинской повинности большое число меннонитов эмигрировали в США.

Молельный дом христиан-баптистов в г. Нижние Серги Свердловской области (фото автора, 2010 г.)

Баптисты появились в России в середине XIX в. Первоначально баптизм распространился среди части немцев, однако вскоре баптисты появились и среди представителей других народов. Адвентизм стал распространяться в России с 1883 г. Подавляющее большинство адвентистов в России составляют адвентисты седьмого дня.

Еще одна протестантская конфессия – пятидесятничество – появилось в России незадолго до Первой мировой войны. Первые российские пятидесятнические проповедники вышли из среды евангельских христиан и были обращены в пятидесятничество американскими миссионерами. Поначалу пятидесятники вели проповедническую деятельность среди баптистов и евангельских христиан, но затем распространили ее и на сторонников других деноминаций. Первая российская пятидесятническая община сформировалась в Санкт-Петербурге в 1913 г.

Мусульмане появились на землях, которые позже стали частью России, в VII в. в результате арабского завоевания Дагестана. И хотя арабам не удалось надолго закрепиться на этой территории, началась исламизация региона, растянувшаяся на несколько столетий. Распространение ислама в Дагестане возобновилось в X–XIII в., когда в эту религию перешли многие этнические группы Южного Дагестана, а вслед за ними – в XIV в. – аварцы, крупнейший даге-

станский народ. В XV и XVI вв. ислам проник на территорию Чечни, а к XVII в. – в западные районы Северного Кавказа. Характерным для Северного Кавказа было переплетение ислама с местными доисламскими верованиями. Более стремительным было укоренение ислама в Поволжье. В 922 г. ислам стал государственной религией Волжской Булгарии. И даже после того как Волжская Булгария была разгромлена монголо-татарами, ее города оставались мусульманскими религиозными и культурными центрами Поволжья. А поскольку правители Золотой Орды, хотя сами придерживались шаманизма, терпимо относились к различным религиям, ислам постепенно распространялся по ее территории. Уже при хане Узбеке в XIV в. ислам стал государственной религией Золотой Орды. После ее распада в XV в. местным центром ислама стало Казанское ханство, просуществовавшее как самостоятельное государство до 1552 г., когда Казань была взята войсками Ивана Грозного. В 1556 г. в состав Российского государства было инкорпорировано и Астраханское ханство, где также преобладал ислам.

После присоединения этих земель к России там были предприняты попытки христианизации мусульманского населения с целью интеграции присоединенных земель в Российское государство в политическом и культурном отношении. Мусульманам было запрещено возводить новые мечети, а старые могли быть сохранены лишь там, где не было христианского населения. Бывшие мусульмане, перешедшие в православие, наоборот, получали различные привилегии и легче продвигались по государственной службе. Вместе с тем по отношению к мусульманам, преданно служившим русскому царю, проявлялась бóльшая религиозная терпимость. Положение российских мусульман улучшилось при Екатерине II. Одним из элементов ее религиозной политики стало введение веротерпимости, что было направлено на достижение большего социального спокойствия в стране. В рамках этой политики в 1773 г. Екатерина II издала указ «О терпимости всех вероисповеданий…», в соответствии с которым ислам стал религией, официально признанной в Российской империи. В 1783 г., после присоединения к России еще одного мусульманского региона – Крымского ханства, – Екатерина II специальным манифестом подтвердила право российских мусульман исповедовать свою веру. Мусульманам было также разрешено строить новые мечети. Годом раньше – в 1782 г. – в Уфе был основан муфтият. Мусульманские священнослужители таким образом были выделены в особое духовное сословие. А в 1784 г. татарская и башкирская знать получила права российского дворянства. В 1788 г. было создано Магометанское духовное собрание с местопребыванием в Уфе. Ему подчинились все мусульманские общины страны,

Мечеть Куль-Шариф в Казанском кремле
(фото автора, 2002 г.)

за исключением расположенных в Крыму. Введенные Екатериной II принципы определяли положение мусульман в стране вплоть до 1917 г.

Весьма давнюю историю в России имеет и буддизм. В стране имеется три традиционно буддийских региона: Бурятия, Калмыкия и Тува. Здесь исповедуют буддизм направления ваджраяна (которое называют также ламаизмом), школы гелуг. Формирование буддийской сангхи (общины буддийских монахов) и распространение буддизма в Забайкалье и Калмыкии исторически были тесно связаны с политикой Российского государства. Буддизм в России считался официально признанной религией. Одновременно государство старалось воспрепятствовать слишком тесным связям буддистов Бурятии и Калмыкии с Тибетом и Монголией и поэтому способствовало созданию самостоятельных бурятской и калмыцкой сангх. Вместе с тем, хотя политические и экономические интересы подталкивали государство к признанию буддизма, правительство одновременно стремилось ограничить влияние этой религии и оставить возможности для христианизации буддийских регионов.

Включение в состав Российской империи заселенной бурятами территории Забайкалья и массовое обращение бурят из шаманизма в буддизм происходили в XVII в. А в 1741 г. императрица

Елизавета подписала указ, регулировавший религиозную жизнь бурятских буддистов. В частности, по этому указу буддийские ламы получили статус особого сословия. Таким образом, буддизм становился признанной религией Российской империи. Обращение в православие при этом всячески поощрялось. Принявшие православие, например, на несколько лет освобождались от уплаты налогов. Тем не менее число лам в Забайкалье быстро росло, и буддизм распространялся на соседние территории. В связи с этим в 1853 г. Сенат утвердил «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири», ограничивавшее число лам в этом регионе. Более того, высшее духовное лицо – Бандидо-хамбо-лама – должно было утверждаться Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Это правило действовало вплоть до 1920-х годов.

Буддийская сангха Калмыкии формировалась в XVII в., и связано это было с миграцией предков калмыков на территорию России из северо-западной Монголии и Джунгарии (северо-запад Китая). В 1660–1670-е годы было образовано Калмыцкое ханство – государственное образование внутри России. Как само ханство, так и калмыцкая буддийская сангха пользовались значительной автономией. Калмыцкие ханы назначались Далай-ламой. В XVIII в. российское правительство стремилось ограничить автономию ханства и обратить калмыков в православие. Новообращенные получали различные привилегии. По указу 1744 г. калмыки были превращены в крепостных крестьян. Это привело к массовому исходу калмыков. Большинство из них в 1771 г. покинули волжские степи и намеревались вернуться в Джунгарию (добраться до исторической родины удалось лишь меньшей части калмыков, остальные погибли в пути). В том же 1771 г. ханство потеряло свою автономию и было приравнено к российским губерниям. Однако несмотря на все произошедшие изменения, буддизм в Калмыкии остался религией, признанной Российским государством. Буддисты Бурятии и Калмыкии, как и другие религиозные меньшинства, получили бóльшую религиозную свободу после принятия в 1905 г. «Акта о веротерпимости». Проникновение буддизма на территорию Тувы началось в XIII в., и местные буддисты входили в монгольскую буддийскую сангху.

Что касается иудаизма, то последователи этой религии жили на территории, впоследствии вошедшей в состав России, еще в I в.н.э. Это были греческие колонии на побережье Черного моря. В VIII–X вв. иудаизм имел статус официальной религии в Хазарском каганате. Иудейские общины существовали и в Киеве в период Киевской Руси. В Московском княжестве иудаистов почти не

было. Сильное увеличение численности последователей иудаизма в Российском государстве произошло в конце XVIII в., когда Россия после разделов Польши получила земли, на которых жило много последователей иудаизма. В Российской империи права иудаистов были строго регламентированы и ограничены законом. Изначально после присоединения восточных польских земель евреи были записаны в купеческое сословие, что позволяло им (в отличие от крестьян) свободно передвигаться по стране. Вскоре они расселились во многих городах и стали заниматься торговлей. Недовольные неожиданно возникшей конкуренцией русские купцы обратились с жалобой в Государственный совет. В результате в 1791 г. появилась известная «черта оседлости», определившая территории расселения иудаистов. В соответствии с этой чертой приверженцам иудаизма запрещалось жить во внутренних областях России. Кроме того, иудаисты должны были платить больше налогов, чем последователи других религий. На евреев, перешедших из иудаизма в православие, эти нормы и ограничения не распространялись.

Положение иудаистов в Российской империи несколько улучшилось в начале XIX в., в правление Александра I. В 1804 г. российское правительство официально признало иудаизм как одну из религий страны. При этом были признаны как ортодоксальное направление иудаизма, так и его хасидская разновидность. Одновременно было подтверждено кагальное (общинное) самоуправление. Вместе с тем раввины и кагальные старосты стали утверждаться губернаторами. Была также расширена «черта оседлости», иудаисты получили возможность совершать краткосрочные поездки по стране. Детям из иудейских семей было разрешено учиться в частных школах и университетах, находившихся в пределах «черты оседлости».

Однако уже при Николае I положение иудаистов вновь ухудшилось. В 1827 г. на них распространилась воинская повинность, причем даже на условиях, более жестких, чем для других групп (до этого иудейские общины платили специальный налог, освобождавший их членов от обязанности служить в армии). Целью государственной политики по отношению к иудаистам в этот период было стремление обратить их в христианство и интегрировать в русскую культуру. В рамках этой политики в 1835 г. было запрещено строительство синагог поблизости от православных храмов.

В середине XIX в. происходят новые изменения правил, касавшихся «черты оседлости». Так, купцам первой гильдии, промышленникам, лицам с высшим образованием и некоторым другим категориям было разрешено жить за пределами черты. В результате иудейские общины стали постепенно образовываться во внутрен-

них областях европейской части России и в Сибири. Во многих крупных российских городах были построены синагоги. Указ о веротерпимости 1905 г. улучшил положение иудаистов (как и последователей других конфессий). Однако после 1905 г. в стране усилились антисемитские настроения и участились еврейские погромы. В результате многие иудаисты эмигрировали из России.

* * *

Религиозная ситуация в России коренным образом изменилась после Февральской революции и отречения Николая II от престола. Изменение церковного управления оказалось уже насущной необходимостью, поскольку, по коронационному манифесту, главой церкви считался император. В этих условиях в августе 1917 г. в Москве собрался Поместный собор Русской православной церкви. Главным его итогом стало восстановление патриаршества. В ноябре 1917 г. патриархом был избран митрополит Московский Тихон (Белавин). К этому времени государственная власть уже находилась в руках большевиков. Собор все же продолжал свою работу до сентября 1918 г. После Февральской революции 1917 г. были отменены все юридические ограничения, касавшиеся последователей иудаизма. Вообще Временное правительство стремилось проводить политику, направленную на создание внеконфессионального государства. В русле этой политики в июле 1917 г. было издано постановление «О свободе совести» и упразднен пост обер-прокурора. Вместо Синода было создано Министерство вероисповеданий, ведавшее отношениями государства как с православной церковью, так и с другими религиозными организациями.

Свободное религиозное развитие, начавшееся после Февральской революции, было прервано с установлением советской власти. И если поначалу некоторые неправославные конфессии почувствовали улучшение своего положения и расширение возможностей для проповеди, то уже с конца 1920-х годов ни у каких религиозных организаций не осталось возможностей для свободного функционирования. В первое десятилетие советской власти государство было сосредоточено на борьбе с РПЦ. Некоторые инославные деноминации в этот период оказались относительно свободными в своей деятельности. Уже вскоре после Октябрьской революции появился документ, обозначивший политику государства в области религии. 23 января (5 февраля) 1918 г. советское правительство приняло декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Этот декрет лишал религиозные организации права юридического лица и запрещал им владеть собственностью. Все имущество религиозных организаций объявлялось

народным достоянием. В 1920-е годы против Русской православной церкви был начат настоящий террор (на другие религиозные организации репрессии обрушились несколько позже). Миллионы православных людей, как из числа духовенства, так и мирян, были расстреляны, посажены в тюрьмы или высланы. Тысячи священнослужителей и монахов подверглись жестоким издевательствам. Многие храмы были уничтожены или закрыты, большое количество икон и церковных книг сожжено.

В 1925 г. после кончины патриарха Тихона государственные власти не позволили церкви созвать Собор для избрания нового патриарха. Местоблюстителем патриаршего престола стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский). В декабре 1925 г. митрополит Петр был арестован, а в 1937 г. расстрелян. Перед арестом он успел распорядиться о назначении заместителем местоблюстителя патриаршего престола митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), которому, однако, власти запретили переехать из Нижнего Новгорода в Москву. В 1926 г. он тоже был арестован по обвинению в проведении нелегальных выборов патриарха («нелегальность» заключалась в том, что из-за невозможности созыва собора было решено избрать патриарха путем сбора подписей от архиереев) и связях с эмиграцией. В 1927 г. митрополит Сергий был освобожден, и ему, наконец, разрешили переехать в Москву. В мае 1927 г. на созванном им совещании епископов был образован Временный патриарший священный синод, который в том же году был официально зарегистрирован в НКВД. В 1927 г. митрополит Сергий выступил с известным «Посланием к пастырям и пастве», получившим впоследствии название «Декларация 1927 года». В этом документе, в частности, говорилось, что церковные деятели не с врагами советского государства, а с народом и правительством. В документе заявлялось о желании православных верующих сознавать Советский Союз своей гражданской родиной и делить с ней радости, успехи и неудачи. Послание соответствовало общей политической линии, проводимой митрополитом Сергием, направленной на сохранение легально действовавшей церкви. Однако часть духовенства и мирян отвергли положения Послания, сочтя невозможным для себя лояльное отношение к безбожной власти. По этой причине произошел разрыв между Русской православной церковью и Русской православной церковью за границей (образованной из духовенства и мирян, находившихся в эмиграции), появилась катакомбная церковь, вынужденная действовать подпольно.

В конце 1920-х годов репрессии распространились на все религиозные организации. Ужесточение отношения ко всем религи-

озным организациям было закреплено в принятом в 1929 г. постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Оно ставило религию под жесткий контроль государства и практически не оставляло ей места в советском обществе. Деятельность религиозных организаций фактически ограничивалась лишь богослужебной практикой. В 1920–1930-е годы были закрыты почти все католические приходы. К 1940 г. в РСФСР продолжали действовать только два католических храма (в Москве и Ленинграде), официально зарегистрированные как институты Французского посольства. В 1930-е годы лютеранская церковь прекратила свое официальное существование в РСФСР.

Большинство российских мусульман установление советской власти встретили с энтузиазмом, надеясь на улучшение своего положения при новом режиме. И в самом деле, в начале 1920-х годов положение мусульман было весьма прочным. Продолжали работать мусульманские начальные школы, в ряде мест по-прежнему действовали шариатские суды, мечети были в праве владеть собственностью. Представители мусульманского духовенства могли даже состоять в большевистской партии. Это продолжалось до середины 1920-х годов, когда советское государство изменило свое отношение к исламу, и мусульманская религиозная жизнь стала подавляться. В частности, в 1920–1930-е годы были закрыты многие мечети.

Первые годы советской власти были относительно благоприятными и для религиозной жизни буддистов, хотя многие представители калмыцкого духовенства все же покинули Россию в годы гражданской войны. Видя, как драматично развиваются отношения между новыми властями и Русской православной церковью, представители реформаторского крыла буддийской сангхи поспешили заявить о своей лояльности советской власти. Это давало им шанс на сохранение легального существования, но спровоцировало внутренние конфликты между «традиционалистами» и «обновленцами». В 1927 г. в Москве прошел Всесоюзный съезд буддистов, который избрал Представительство буддийского духовенства в СССР (переименованное затем во Всесоюзное духовное управление буддистов). Оно расположилось в буддийском храме в Ленинграде, построенном в 1915 г. (это был первый буддийский храм за пределами традиционно буддийских регионов). Положение буддистов в СССР резко ухудшилось в 1929 г., когда ламы были объявлены «капиталистическим элементом» и в соответствии с постановлением «О религиозных организациях» были лишены гражданских прав. Религиозные буддийские школы были закрыты. Тува в 1921 г. провозгласила независимость. Однако с приходом к власти в 1929 г. коммунистов,

которых вскоре возглавил Салчак Тока, получивший образование в Москве, Тува оказалась под сильным влиянием Советского Союза. А в 1944 г. Тува официально вошла в СССР. Салчак Тока проводил жесткую политику по отношению к буддийской религиозной жизни, целенаправленно закрывая буддийские храмы и монастыри.

Ограничения иудаизма в советский период начались в 1919 г., когда было запрещено преподавать иврит. Вместе с тем в 1925 г. в Москве были открыты две новые синагоги. Серьезные репрессии против иудаистов начались с конца 1920-х годов, когда многие синагоги были закрыты, раввины подверглись арестам, а религиозные школы прекратили свое существование.

* * *

В годы войны несколько изменилось отношение государства к Русской православной церкви. С первого же дня войны она заняла активную патриотическую позицию. Сотни священнослужителей, в том числе и отбывшие до войны сроки в лагерях и тюрьмах, ушли на фронт и сражались в армии, защищая Родину. Советское правительство, видя однозначно патриотические устремления церкви, имея сведения о возросшей религиозности населения и стремясь использовать ее для поднятия морального духа народа, пошло ей навстречу. В сентябре 1943 г. состоялась встреча И. В. Сталина с митрополитами РПЦ, в результате которой было разрешено открытие храмов, монастырей, духовных учебных заведений, мастерских по производству церковной утвари и т.д. Были освобождены некоторые из находившихся в заключении священников и архиереев. Церковь получила разрешение на избрание патриарха, и в сентябре 1943 г. прошел Архиерейский собор, избравший патриаршего местоблюстителя Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Был также избран Священный синод Русской православной церкви. Таким образом, РПЦ была официально признана советским государством.

В 1940-е годы произошли и другие изменения в религиозной сфере, связанные с появлением бóльших возможностей для деятельности религиозных организаций. В 1944 г. баптисты и евангельские христиане России объединились, образовав Союз евангельских христиан-баптистов. В 1945–1947 гг. в него вошла часть пятидесятников, а в 1965 г. – часть меннонитов. В 1961 г. от Союза откололся Совет церквей евангельских христиан-баптистов, критиковавший Союз евангельских христиан-баптистов за слишком лояльное отношение к власти. В отличие от Союза Совет вплоть до 1988 г. действовал нелегально.

В годы Великой Отечественной войны произошло некоторое улучшение положения российских мусульман. В частности, им

Разрушенная в советское время церковь в Подмосковье
(фото автора, 1990-е годы)

было разрешено вновь открыть некоторые мечети, закрытые в конце 1920-х – 1930-е годы. В годы Великой Отечественной войны почувствовали некоторое улучшение своего положения и буддисты Бурятии. А уже после войны – в 1946 г. им позволили восстановить два монастыря – один в Бурятии и один в Агинском бурят-монгольском национальном районе (ныне Агинский бурятский автономный округ). Была также возобновлена деятельность Центрального духовного управления буддистов СССР (бывшего Всесоюзного духовного управления буддистов), которое теперь размещалось в Бурятии. Калмыцкая же сангха после депортации калмыков в 1943 г. прекратила свое существование. К концу 1940-х годов в Туве также не осталось ни одного буддийского храма или монастыря.

С приходом к власти Н.С. Хрущева государственная политика по отношению к религиозным организациям вновь ужесточилась, и определенное потепление в государственно-церковных отношениях сменилось новым наступлением на религию. Оно включало усиленную атеистическую пропаганду, дискредитацию духовен-ства и другие антирелигиозные действия. В этот период произошло массовое закрытие церквей, монастырей и семинарий Русской православной церкви. До ближайшего храма верующим нередко надо было ехать несколько часов, а то и несколько дней, во многих рай-

Мечеть советского времени в обычном доме г. Казани
(фото автора, 2001 г.)

онах не осталось ни одной действующей церкви. Церквей, естественно, не было и в новых, построенных уже при советской власти, городах. В брежневский период массовых закрытий церквей не производилось, но урон предыдущих лет восполнен не был, более того, к нему добавились новые потери. В частности, процедура открытия нового храма стала бюрократически более сложной.

Во время антирелигиозной кампании 1960-х годов были также опять закрыты многие из открытых в годы войны мечетей и синагог. В начале 1970-х годов среди верующих евреев Советского Союза развернулось движение, требовавшее от советских властей разрешения для евреев на выезд в Израиль. Первоначальным ответом на это требование было усиление репрессий по отношению к иудаистам. Однако под нажимом международных организаций и правительств западных государств евреям стали позволять эмигрировать из Советского Союза.

Положение религии в России начинает постепенно улучшаться лишь во второй половине 1980-х годов, в ходе реформ М.С. Горбачева. В конце апреля 1988 г. состоялась его встреча с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и постоянными членами Священного Синода, на которой обсуждались различные вопросы, связанные с обеспечением нормальной деятельности Русской православной

церкви. В июне 1988 г. было отпраздновано на государственном уровне тысячелетие крещения Руси. По существу это было изменение советской политики по отношению к религии. Церкви стали повсеместно возвращаться отнятые у нее ранее и разоренные храмы. Ее деятельность стала постепенно выходить за богослужебные рамки: делались первые шаги на ниве благотворительности, создавались первые воскресные школы. В 1991 г. государство объявило Рождество Христово выходным днем, т.е. праздник стал официально признанным. При М. С. Горбачеве, особенно после его встречи на Мальте в 1989 г. с Папой Римским Иоанном Павлом II началось восстановление католических приходов. Были также установлены дипломатические отношения между СССР и Ватиканом.

В период горбачевских реформ резко возросла мусульманская активность. С конца 1980-х годов стали строить новые мечети и открывать медресе, верующие получили возможность совершать хадж. В 1989 г. в Татарстане и Башкортостане торжественно отпраздновали 1100-ю годовщину принятия ислама в Волжской Булгарии и 200-ю годовщину основания Мусульманского духовного собрания. В конце 1980-х годов происходит также активизация буддийской религиозной жизни в Бурятии и ее официальное возрождение в Калмыкии и Туве.

В период перестройки еще более усилилась еврейская эмиграция. Однако особенностью этого периода стала возвратная миграция, что позволило иудаистам Советского Союза совершать поездки в Израиль, посещать религиозные центры и поклоняться религиозным святыням. Все это способствовало усилению религиозности традиционно иудаистского населения. В 1990 г. был также создан Всесоюзный совет иудейских религиозных общин. До этого времени действовавшие в Советском Союзе синагоги не имели никакой координирующей структуры.

Подводя итог всего советского периода, следует отметить, что положение религии коренным образом изменилось. Религию стремились вытеснить не только из общественной сферы, но и из частной жизни. В принципе ей не отводилось места в социали-стическом обществе, она рассматривалась как чуждая идеология и вредный пережиток. Но коль скоро этот «пережиток» все-таки сохранялся, государство стремилось поставить религию под свой контроль, убрать из жизни религиозную практику и обрядность, с тем чтобы стерлась религиозная идентичность, особенно в ее привязке к национальной идентичности. Религиозные отличия разных групп населения игнорировались. Однако эта задача провалилась, поскольку религиозная практика была частью культурной традиции. Тем не менее, хотя определенная религиозность в советский период сохранялась, в результате советской антирелигиозной поли-

тики не мог не измениться ее характер. К концу советского периода у большинства людей был опыт антирелигиозной социализации, а религиозного образования не было никакого. Религиозность часто была латентной. Она не опиралась на знание религиозной догматики и обрядности, а брала свои истоки из традиционной культуры и исторической памяти. Эта скрытая религиозность, тем не менее, способствовала религиозному возрождению конца 1980-х – начала 1990-х годов, одновременно недостаточность религиозных знаний и опыта делала религиозную структуру очень подвижной: новообращенные нередко переходили из одной деноминации в другую, не очень себе представляя различия между ними (религиозная структура стала достаточно стабильной только к середине 1990-х годов).

* * *

В 1990-е годы религия постепенно восстанавливала свои позиции в обществе. Религиозная мысль, практика и институты приобретали социальную значимость. Люди в массе своей радовались восстановлению церквей и монастырей, возрождению религиозных праздников и традиций. Значительная часть населения одобряла передачу религиозным организациям исторически им принадлежавшей собственности. Типичное для тех лет разочарование, вызванное неспособностью государственного руководства разрешить многочисленные острые социальные проблемы, порождало надежду на негосударственные институты. Наибольшее доверие из них вызывали религиозные организации, как исторически существовавшие, так и недавно появившиеся. Самой большой популярностью у населения пользовалась Русская православная церковь. В конце 1990-х годов по уровню доверия населения церковь иногда уступала первое место армии, в 2000-е годы – президенту.

Среди особенностей конфессиональной ситуации в 1990-е годы было увеличение активности всех деноминаций. В тот период, по имеющимся оценкам, 67% населения страны считали себя верующими и 33% неверующими. В стране возросла численность последователей всех уже существовавших религиозных организаций, возобновилась деятельность некоторых конфессий. Появилось также много новых, прежде не распространенных в России деноминаций. Среди них были так называемые харизматические церкви (как и пятидесятники, верящие в говорение на иноязыках, чудесные исцеления и другие дары Святого Духа), корейские протестантские церкви (в основном пресвитерианские), некоторые деноминации маргинального протестантизма: мормоны (Церковь Иисуса Христа святых последних дней), муниты (Церковь объединения), а также метабуддийские секты, особенно АУМ Синрике, неоиндуистские

секты, прежде всего «Общество сознания Кришны», ранее не характерная для России мусульманская секта ваххабитов и др.

Правовой фон в начале 1990-х годов также способствовал религиозному плюрализму. Перед государством тогда встала задача принятия нового религиозного законодательства. Общество хотело полной религиозной свободы, ассоциировавшейся с демократическими завоеваниями и преодолением наследия советских времен. Принятый в РСФСР в 1990 г. очень либеральный Закон «О свободе вероисповеданий» (во многом сходный с принятым также в 1990 г. законом СССР «О свободе совести и о религиозных организациях») предоставил весьма широкие возможности для деятельности религиозных организаций. Церковно-государственные отношения были приведены в соответствие с основными принципами светской концепции прав и свобод человека. Были отменены все ограничения, касавшиеся деятельности религиозных организаций, гарантированы равные права всем деноминациям, разрешено обучение религии в негосударственных школах, запрещено вмешательство властей в дела религиозных организаций. Закон 1990 г. демонстрировал уважение государства к религиозным чувствам населения. Однако этот закон не только сформулировал новые концептуальные идеи, но также спровоцировал развернувшиеся несколькими годами позже жаркие дебаты о разделении всех деноминаций на традиционные и нетрадиционные. К середине 1990-х годов все более популярными становились идеи о наделении исторических конфессий особой ролью в поддержании национальной идентичности и сохранении национальной культуры. Закон 1990 г. открыл широкую дорогу зарубежным миссионерам. Он не делал различий между гражданами России и иностранцами не только в области личных религиозных прав, но и в плане возможности создания религиозной организации. В первую половину 1990-х годов число религиозных организаций резко возросло, увеличившись за семь лет действия закона вдвое и достигнув более 16 тыс.

В этот период Русская православная церковь оказалась не единственным субъектом в деле рехристианизации исторически православного населения. На канонической территории РПЦ конкурировали многие христианские деноминации. Ситуация осложнялась еще и тем, что РПЦ и конкурировавшие с ней деноминации по-разному видели границы допустимой миссионерской деятельности. Так возникла проблема прозелитизма. Уже вскоре после своего возникновения она перестала быть только религиозной. К середине 1990-х годов религиозная сфера сильно политизировалась. Население при этом было против политизации религиозных организаций. На парламентских выборах 1995 г. религиозно-политические движения «Христианско-демократический союз»

и мусульманское движение «Нур» получили очень малое количество голосов.

Еще одной вехой в формировании нового религиозного законодательства стало принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации, содержащей целый ряд положений, касающихся религиозной сферы. Конституция определяет Российскую Федерацию как светское государство (в современном российском контексте понятие «светское государство» близко к понятию «нейтральное по отношению к религии государство, не вмешивающееся в дела религиозных организаций»). Основной Закон подчеркивает, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государст-венной или обязательной. По Конституции религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, государст-во гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии. По Конституции каждому гарантируется свобода совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Конституция запрещает агитацию, возбуждающую религиозную ненависть и вражду, и пропаганду религиозного превосходства. Она также провозгласила право граждан на замену по религиозным убеждениям военной службы альтернативной гражданской.

С середины 1990-х годов православие и другие традиционные конфессии все больше становились источником культурных ценностей даже для невоцерковленной части населения. Для второй половины 1990-х годов было характерно изменение настроения населения в сторону повышения интереса к традиционному и привычному, в том числе и в религиозной сфере. Широко распространенными становятся представления о разделении всех конфессий на традиционные и нетрадиционные. Под традиционными понимались религиозные объединения, издавна существующие на определенной территории и среди определенных этнических групп. В 1997 г. был принят новый закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». По сравнению с предыдущим законом он содержал несколько иную концепцию отношений между религией, обществом и государством и отражал другие настроения, распространенные в обществе. Закон 1997 г., подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, увязывал религиозную жизнь с историческим и культурным контекстом. Неслучайно поэтому большинство так называемых традиционных конфессий (Русская православная церковь, наиболее многочисленные мусульманские организации, буддисты, иудаисты, евангелическо-люте-

ранская церковь России) приветствовали принятие данного закона, в то время как деноминации, развернувшие миссионерскую деятельность в 1990-е годы, отнеслись к нему критически. Базовые принципы религиозной свободы в Законе 1997 г. были сохранены. Более того, они излагаются подробнее и детальнее и сведены воедино. Закон 1997 г. вводил критерии, на основе которых объединение признавалось религиозным, т.е. теперь группе лиц недостаточно было просто объявить себя религиозным объединением. Возможность создания религиозной организации увязывалась с гражданством учредителей. Закон вводил иерархию религиозных объединений: религиозные организации, действовавшие до 1982 г., т.е. более пятнадцати лет, оказались в более выгодном положении по сравнению с созданными позже. Возможность миссионерской работы была значительно ограничена. Кроме того, по закону 1997 г. религиозные организации испытывали более серьезный контроль со стороны государственных органов.

Учитывая интересы традиционных конфессий, закон 1997 г. предусматривал, что по просьбам религиозных организаций соответствующие органы государственной власти могут объявлять религиозные праздники нерабочими днями на определенных территориях. Право органов власти субъектов федерации объявлять религиозные праздники нерабочими днями в соответствующем субъекте или даже на части его территории было нововведением закона 1997 г. и отражало стремление учитывать этническую и религиозную специфику населения конкретной территории.

Закон 1997 г. никогда не применялся в полной мере. Уже вскоре после его вступления в силу были приняты поправки, смягчившие или фактически изменившие статьи, вызвавшие наибольшую критику. Так, признавая принцип, что закон не имеет обратной силы, Конституционный суд в 1999 г. принял решение, по которому положение о пятнадцатилетнем стаже для обретения полноценного статуса может применяться лишь к тем религиозным объединениям, которые были созданы после вступления закона в силу, и не относится к тем религиозным организациям, которые на момент принятия закона уже официально существовали. Закон 1997 г. способствовал формированию модели государственно-конфессиональных отношений, которая предполагает приоритетное партнерство государства с традиционными для России конфессиями при соблюдении конституционных принципов свободы совести и свободы вероисповедания для всех религиозных объединений[2].

* * *

Во вторую половину 1990-х – 2000-е годы Русская православная церковь и другие традиционные конфессии упрочили свои позиции.

Этому способствовало и новое законодательство, поставившее РПЦ в более благоприятные условия в конкуренции с инославными деноминациями, и изменившееся настроение в обществе. Усилилась взаимосвязь между религией и этнокультурной идентичностью. Во второй половине 1990-х годов принципиальной позицией Русской православной церкви в межконфессиональных отношениях становится поддержание отношений и сотрудничество в первую очередь с традиционными конфессиями страны (так в это время стали обычно называть ислам, буддизм и иудаизм, т.е. религии, исторически исповедовавшиеся рядом народов России). В декабре 1998 г. по инициативе Русской православной церкви главы и представители четырех конфессий – РПЦ, ислама, буддизма и иудаизма – создали Межрелигиозный совет России, орган для работы в области межрелигиозного сотрудничества. Представители традиционных российских религий совместно проводили различные общественные мероприятия, например, по борьбе с распространением наркотиков среди молодежи. *Для современной религиозной ситуации характерно то, что, причисляя себя к Русской православной церкви и другим традиционным для России конфессиям, люди выражают не только свою мировоззренческую позицию, но и национальное самосознание*. На протяжении почти всего постсоветского периода число приверженцев традиционных для России конфессий оказывалось больше, чем число верующих. Человек может не считать себя верующим, но относить себя к той или иной конфессии в силу историко-культурной традиции. Таким образом, традиционные конфессии воспринимаются не только как собственно религиозные (мировоззренческие) системы, но и как культурная среда и образ жизни.

По данным социологических исследований середины 1990-х годов, до половины неверующих отмечали религиозные праздники, некоторые посещали храм или участвовали в религиозных обрядах. Тем не менее в постсоветский период увеличилось число и тех, кто принимает религиозную веру на уровне мировоззренческого выбора, и тех, кто приобщен к религии прежде всего через обрядовую сторону, и тех, кто ассоциирует себя с определенной конфессией в силу этнокультурных причин. Религиозный фактор важен для этнической самоидентификации многих россиян. Поэтому на вопрос «Какой религии Вы придерживаетесь?» довольно распространены ответы «Я русский, значит, православный», «Я татарин, значит, мусульманин» и т.п. *Традиционные конфессии воспринимаются как историческая вера соответствующих этнических групп, как часть их культуры, традиций и исторической памяти. Религия часто воспринимается не только как мировоззрение, но и как часть культурного наследия*. Культурная составляю-

щая религии наиболее понятна людям, выросшим в сильно секуляризованном обществе.

Еще одной особенностью религиозной ситуации на протяжении всего постсоветского периода было то, что, хотя практическая религиозность населения оставалась относительно невысокой, религия становилась все более существенным фактором российской жизни. Ее роль оказалась гораздо важнее, чем можно было бы судить, основываясь лишь на данных социологических опросов о посещаемости богослужений или выполнении религиозных предписаний. Практическая религиозность, впрочем, также растет. Особенно многолюдными становятся праздничные богослужения, крестные ходы, а крещение, венчание и отпевание стало всеобщей практикой. Все же разрыв между числом тех, кто считает себя принадлежащим к той или иной конфессии, и тех, кого можно считать практикующими верующими (т.е. посещающими богослужения и молитвенные собрания, соблюдающими религиозные предписания и т.п.), по-прежнему сохраняется. В активную религиозную жизнь вовлечено относительно небольшое число верующих. Это типично не только для России, но и для многих других, особенно урбанизированных стран.

Официальная статистика численности последователей той или иной конфессии в современной России отсутствует. Поэтому, оценивая численность приверженцев разных конфессий, приходится основываться лишь на данных социологических опросов. В 2008 г., по данным Фонда общественного мнения, 59% населения страны считали себя православными[3] (по данным Аналитического центра Юрия Левады на тот же год, православными себя идентифицировал 71% населения[4]), 2% населения, по данным Фонда общественного мнения, заявляли о своей принадлежности к другим христианским конфессиям (по данным Аналитического центра Юрия Левады, 1% населения составляли католики и 1% – протестанты), 6%, по данным Фонда общественного мнения, и 5%, по данным Аналитического центра Юрия Левады, относили себя к исламу, 2%, по данным Фонда общественного мнения,– к иным религиям (по данным Аналитического центра Юрия Левады, 1% – к иудаизму и 1% – к буддизму). Что касается людей, не связавших себя ни с одной конфессией, то Фонд общественного мнения выделил 5% затруднившихся определить свою конфессиональную принадлежность и 26% неверующих. Аналитический центр Юрия Левады отметил 5% атеистов среди населения России.

Таким образом, абсолютное большинство россиян по-прежнему связывает себя с православием – прежде всего с Русской православной церковью. Православия в России придерживаются

большинство русских, карел, вепсов, води, ижорцев, саамов, коми, коми-пермяков, мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, кряшен, нагайбаков, осетин. Православие исповедуют и многие живущие в России украинцы, белорусы, а также молдаване, грузины, гагаузы, греки, цыгане; ряд христианизированных в достаточно сильной степени народов Сибири: якуты, хакасы, телеуты, шорцы, кумандинцы, тубалары, челканцы, чулымцы, тофалары, манси, ханты, селькупы, кеты, юги, эвенки, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, ороки, орочи, алеуты, ительмены, камчадалы, юкагиры, чуванцы. Все они, впрочем, зачастую сочетают православие со своими традиционными верованиями. И хотя в прошлом многие из сибирских и дальневосточных народов были почти поголовно крещены, практически для всех из них весьма характерно своеобразное двоеверие, когда выполнение православных ритуалов сочетается с совершением традиционных обрядов. Наличие заметных групп приверженцев языческих верований характерно и для народов Поволжья, прежде всего марийцев, а также удмуртов, чувашей и кряшен. Православие в России исповедует и часть евреев, западных бурят, алтайцев, небольшая группа калмыков и кабардинцев.

Российские католики живут как в европейской, так и в азиатской частях страны. Католицизм в России традиционно ассоциируется прежде всего с поляками, хотя среди российских католиков немало представителей и других этнических групп. Это часть живущих в России немцев и белорусов, литовцы и др. В последние десятилетия среди российских католиков появилось немало этнических русских. Протестантизм в современной России представлен различными своими течениями, включая лютеранство, баптизм, пятидесятничество, меннонитство, адвентизм и др. В 1990-е годы в структуре российского протестантизма произошли существенные изменения. Если до 1990-х годов крупнейшей протестантской конфессией в России был баптизм, то теперь пятидесятники (вместе с харизматами), хотя и немного, но превзошли баптистов по численности. Лютеранства в России придерживаются финны, часть немцев и некоторые другие небольшие группы. Часть немцев исповедуют реформатство и меннонитство. Если для лютеранства, реформатства и меннонитства характерна определенная «этническая избирательность», то среди других протестантских групп встречаются представители самых разных народов. Много среди них русских. Наиболее успешными протестантские миссионеры оказались в Сибири и на Дальнем Востоке. Инфраструктура Русской православной церкви в этом регионе была слабее, чем в европейской части России, и по числу религиозных организаций (но не по численности последователей) протестанты там даже пре-

Шаманское камлание

взошли РПЦ. Больший успех протестантов в этом регионе связан и с тем, что распространенные здесь корейские протестантские миссии в отличие от многих миссионеров в других регионах России адаптировали свое учение к социокультурным характеристикам коренных сибирских народов.

Ислам по-прежнему остается второй по численности последователей религией России. Подавляющее большинство российских мусульман – сунниты, преимущественно ханафитского и шафиитского мазхабов, хотя в последние десятилетия в России появились и приверженцы ваххабитской секты ханбалитского мазхаба, традиционно не типичного для российских мусульман. Есть среди российских мусульман и шииты, например, большинство живущих в стране азербайджанцев. Ислама в России придерживаются татары, башкиры, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, чеченцы, ингуши, аварцы, андо-цезские народы (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, ахвахцы, багулалы, чамалалы, тиндалы, цезы, гинухцы, хваршины, бежтинцы, гунзибцы), арчинцы, лакцы, даргинцы, близкие к ним кайтагцы и кубачинцы, лезгины, табасараны, агулы, рутульцы, цахуры, кабардинцы (за исключением исповедующих православие моздокских кабардинцев), черкесы, адыгейцы, шапсуги, абазины, хемшилы, а также живущие в Российской Федерации казахи, каракалпаки, крымские

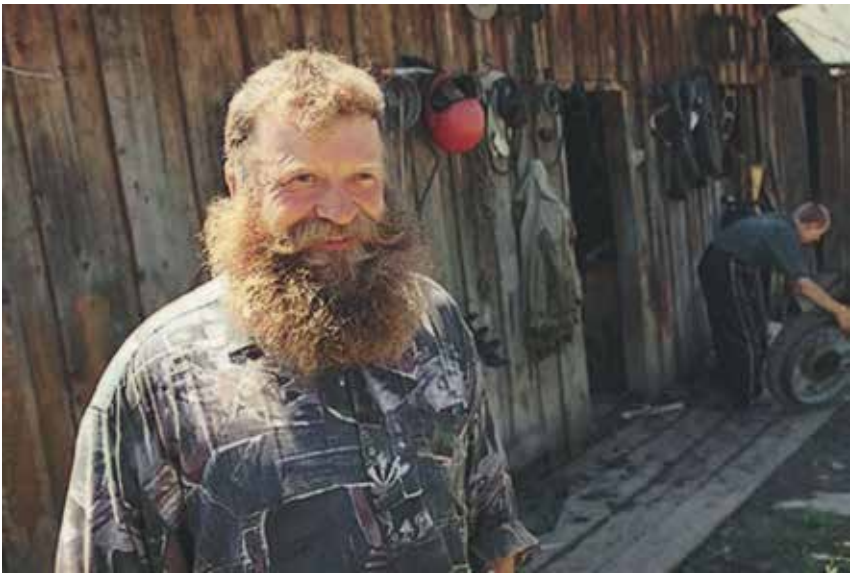
татары, киргизы, узбеки, уйгуры, туркмены, азербайджанцы, турки, таджики, персы, таты, талыши, курды, и некоторые другие. В 1990-е годы наблюдался рост роли ислама в мусульманских российских регионах. Это, в частности, проявилось во включении религиозных положений в программы многочисленных культурных и политических организаций соответствующих регионов. Для постсоветского периода была также характерна «этнизация» и раздробление исламского сообщества России – создание самостоятельных мусульманских религиозных структур по этническому либо по территориальному признаку.

Буддизм в России по-прежнему преимущественно распространен среди бурят, тувинцев и калмыков, придерживаются этого направления ваджраяны (или ламаизма). Однако в последние десятилетия во многих крупных российских городах (Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Екатеринбурге, Новосибирске и других) появились общины так называемых неэтнических буддистов (среди них русские и др.), относящихся к разным буддийским направлениям и школам.

Численность последователей иудаизма в России в постсоветский период заметно сократилась в результате эмиграции. Вместе с тем появление в стране религиозной свободы и увеличение роли религии привели к тому, что часть в прошлом неверующих евреев вернулась в иудаизм. В 1993 г. был создан Конгресс еврейских общин России (с 1996 г. – Российский еврейский конгресс). В него вошли ортодоксальные и реформированные общины, позже присоединились и консервативные общины. В 1999 г. хасидские общины образовали Федерацию еврейских общин России.

Среди нетипичных для России действующих в стране религиозных организаций следует назвать кришнаитов, бахаистов, свидетелей Иеговы, мунитов, мормонов. В последние годы население страны стало более негативно относиться к нетрадиционным для России религиозным направлениям. В России живут и представители других религий. Так, часть алтайцев придерживается бурханизма – возникшей в 1904 г. синкретической религии, сочетающей элементы шаманизма и буддизма.

В стране также по-прежнему существуют традиционные культы. Особенно они распространены у народов Севера и Сибири, не затронутых или очень слабо затронутых христианизацией. Это чукчи, коряки, кереки, нивхи, удэгейцы, нганасаны, теленгиты (заметные группы православных имеются только среди коряков и нивхов). Последователи традиционных культов есть и среди народов Поволжья (в первую очередь, среди марийцев). В постсоветский период



Русский старообрядец в России

произошло оживление традиционных языческих верований и у сильно христианизированных народов Сибири и Поволжья.

Получив возможность свободной деятельности, многие религиозные организации России стремятся позитивно влиять на процессы, происходящие в российском обществе. Это нашло отражение в разработке специальных документов. Так, в 2000 г. были приняты «Основы социальной концепции Русской православной церкви», отразившие ее взгляды на различные социально значимые проблемы. В 2001 г. были приняты «Основные положения социальной программы российских мусульман». Документы, содержащие социальные доктрины, были разработаны и другими российскими конфессиями. Многие российские конфессии существенное значение придают социальному служению, благотворительности, укреплению института семьи и повышению нравственности населения.

В последние годы религиозные организации стали играть активную роль в сфере миротворчества. Так, в 2000 г. в Москве по инициативе Русской православной церкви прошел первый межрелигиозный миротворческий форум, в котором участвовали представители многих распространенных в России религий. В июле 2006 г. Московский Патриархат стал организатором Всемирного саммита религиозных лидеров, на который съехались более ста глав и представителей религиозных общин из различных стран. Участники

этого форума в своем послании призвали всех верующих планеты «уважать и принимать друг друга, невзирая на религиозные, национальные и иные различия». В последние годы стало также принято сотрудничество Русской православной церкви и других религиозных организаций с государством в области благотворительности, развития совместных социальных программ, сохранения мирового культурного наследия, науки и творческой деятельности, противодействия распространению псевдорелигиозных структур и охраны окружающей среды.

Огромный резонанс в обществе вызывают факты возвращения или демонстрации святынь русского православия. Появились новые или возродились старые места поклонения, которые постоянно посещают большое число верующих.

Наряду с увеличением числа убежденных верующих в России сохраняется внешняя религиозность, увлечение мистикой, теософией, оккультизмом. Традиционные религии и официальная церковь во всех странах осуждают эти явления. В России в сфере религиозности людей можно также наблюдать слияние традиционных религиозных представлений и различных нетрадиционных увлечений – астрология, хиромантия и т.п.

Очередь к могиле святой Матроны Московской
на Даниловском кладбище Москвы (фото автора, 2010 г.)

В духовной жизни человека и общества религиозная идентичность может играть разную роль в зависимости от характера самой религии, исторической и политической ситуации. В модернизированных и развитых государствах религиозная идентичность не занимает главного места по сравнению, скажем, с гражданским самосознанием. В протестантских странах Северной Европы она выражена значительно слабее, чем в католических Италии или Польше. Сильная религиозная идентичность характерна для жителей ряда мусульманских стран, где она может доходить до фанатизма. *Религиозный фанатизм* был очень распространен в прошлом (вплоть до кровавых религиозных войн), но религиозные фанатики имеются и в современных религиях. В России, например, недавними проявлениями фанатичного религиозного сознания были коллективный уход в подземелье сектантов в Пензенской области и совершение актов террора со стороны исламских фундаменталистов ваххабистского направления в исламе.

Таким образом, религиозные верования и повседневная деятельность современных россиян разных поколений (крещение младенцев и ношение детьми нательных крестиков, религиозные праздники для всех поколений) стали всеобщим явлением среди русских и представителей других народов. Ислам стал частью повседневной жизни, что отражается в пищевых запросах, гендерных отношениях, в стиле одежды части населения, включая школьников. Все это есть компоненты, которые входят в самосознание разных групп российского народа: они одновременно укрепляют ту или иную этническую идентичность (например, русскую или чеченскую), но в тоже самое время они есть неотъемлемая часть росийскости, включая не только православное христианство и тот вариант ислама, которому традиционно следуют верующие россияне-мусульмане.

[1] Об этом см.: *Мчедлов М.П.* Религиоведческие очерки: Религия в духовной и общественно-политической жизни России. М., 2005; Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России // Отв. ред. С.Б. Филатов. СПб., 2002.

[2] Подробнее см.: *Логинов А.В.* Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005.

[3] Религиозная идентичность и воцерковленность. Опрос населения 24.04.2008 // http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0816/do81623/printable/ (05.05.2008).

[4] *Шмырев А.* Истина где-то рядом. Социологи узнали, что думают россияне о религии // НГ-Религия. 2008. 19 марта. С. 3.

Глава 19

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И СВЕТСКОСТЬЮ

Вопрос о возвращении религии в жизнь российского общества сводится не только к восстановлению храмов, религиозной жизни части верующего населения, соблюдению религиозных обрядов и обычаев, церковного календаря и т.д. Это также вопрос о том, как в целом россияне осмысливают, переживают и относятся к религиозной вере, к отношениям государства и церкви и как можно оценить самосознание россиян в мировоззренческом плане между двумя его полюсами: светским, либеральным и религиозным, традиционалистским. Данная глава основана на масштабном исследовании, которое было выполнено под моим научным руководством Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в сотрудничестве с Агентством социальных технологий «Политех» в 2011 г.* Методом телефонного анкетирования опрашивались респонденты в возрасте старше 18 лет, проживающие в 149 городах 74 субъектов Российской Федерации. Всего было опрошено 1800 респондентов. Кроме массового опроса был проведен ряд экспертных интервью с представителями религиозных объединений, религиоведами, общественными деятелями. Также были проанализированы публикации в СМИ и документы объединений традиционных российских религий.

Использовалась многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная выборка. В одну страту объединялись субъекты РФ, расположенные в одном экономико-географическом регионе**, сходные по этническому составу, миграционным и социально-экономическим показателям. Крупнейшие мегаполисы – Москва и Санкт-Петербург рассматривались самостоятельно. Калининградская область и Республика Калмыкия также составляли отдельные страты. Всего было выделено 30 страт.

---

* Руководители социологического исследования М.В. Романов и В.В. Степанов.

** Традиционно принято объединять в один кластер регионы, принадлежащие к одной экономико-географической территории. При проведении данной стратификации в большинстве случаев все субъекты РФ, входящие в один кластер, относились к одному и тому же экономико-географическому региону. Однако в отдельных случаях в кластер входили соседние субъекты РФ, относящиеся к различным регионам.

Число респондентов в каждой страте было пропорционально суммарному числу городского населения субъектов РФ, попавших в данную страту. Внутри страт для каждой из четырех категорий городов, различающихся по численности населения (менее 50 тыс., 50–100 тыс., 100–500 тыс., более 500 тыс.) для проведения опроса случайным образом отбирался ряд городов. Число респондентов, проживающих в населенных пунктах с определенной численностью жителей, соответствовало доле городского населения данной страты, проживающей в городах с соответствующей численностью населения. Отбор телефонных номеров в каждом городе проводился по простой случайной выборке. Для каждой страты выборка квотировалась по полу и возрасту в соответствии с половозрастной структурой населения. Для того чтобы получить статистически значимые данные по последователям ислама и буддизма, выборки в регионах со значительной долей мусульманского (республики Татарстан и Башкортостан, республики Северного Кавказа, Астраханская и Оренбургская области) и буддийского населения (республики Калмыкия, Бурятия, Тыва) были увеличены. Также в ряде городов были опрошены представители иудейских общин. К категории последователей традиционных российских религий (православие, ислам, буддизм, иудаизм) были отнесены респонденты, идентифицировавшие себя как верующие последователи соответствующей религии. Если иное не оговорено специально, то на диаграммах обозначены доли (в процентах) от всех опрошенных, либо от групп населения, представленных на диаграмме.

На протяжении последнего десятилетия в российском обществе активно ведется дискуссия о морали, свободе и правах человека. В ней принимают участие религиозные лидеры, светские общественные и политические деятели, представители научного сообщества. Если либерально мыслящие граждане считают, что права человека – это важнейшее завоевание цивилизации, то религиозные лидеры призывают переосмыслить доминирующее светское понимание с учетом традиционной нравственности. Приведем на этот счет выдержки из документов традиционных российских конфессий:

«Слабость института прав человека в том, что он, защищая свободу выбора, все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни» («Основы учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека». Раздел II, п. 2).

«По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом. При этом охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия» («Основы социальной концепции российского иудаизма». Глава 12).

«Если права и свободы человека рассматриваются вне понятия вечной жизни, даруемой Аллахом, а именно – лишь как средство достижения благ земной жизни, то в этом случае нет объективного критерия, по которому могут быть четко проведены границы человеческой свободы, за которыми начинаются аморальность, произвол, анархия и тирания» («Основные положения социальной программы российских мусульман». Раздел II).

Право на жизнь декларировано и во всех светских документах, касающихся свобод и прав человека. «Каждый имеет право на жизнь» – записано в Конституции РФ (ст. 20, п. 1). В документах религиозных организаций также провозглашается право на жизнь. Православие не приемлет и осуждает терроризм, вооруженную агрессию, криминальное насилие, равно как и все другие формы преступного отнятия человеческой жизни» («Основы учения РПЦ…». Раздел IV, п. 2).

Вроде бы налицо совпадение религиозной и светской позиций. Однако остается широкое поле для интерпретации – что считать нарушением права на жизнь? Еще одним источником противоречий между религиозно-традиционалистским и либерально-демократическим взглядами на права и свободы человека является понимание нравственности. С религиозной точки зрения нравственность выше прав человека, и соответственно, права человека ограничены в первую очередь именно нравственными требованиями. «С точки зрения Православной Церкви, политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и содействовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью» («Основы учения РПЦ…». Раздел III, п. 5).

Либеральное мировоззрение также не отрицает нравственность, однако настаивает на том, что права человека принадлежат всем людям независимо от нравственной оценки. Противоречия порой возникают при ответе на вопрос – что считать нравственным, а что безнравственным? Например, для религиозного человека нетрадиционная сексуальная ориентация – вопиющая аморальность, а ее публичная демонстрация – нарушение права жить в нравственном обществе. В рамках светского либерального мировоззрения нетрадиционная сексуальная ориентация считается личным делом человека, а связанные с ней ограничения считаются дискриминацией и нарушением прав человека. Верующие люди часто говорят о том, что в современном светском либеральном обществе под упаковкой толерантности и защиты прав человека обществу навязывается аморальность и безнравственность.

В то же время, критикуя религиозные взгляды, либералы говорят, что свободы и права человека могут быть ограничены ради соблюдения прав других людей, но не ради тех или иных идей, в том числе идей религиозного плана. Например, соблюдение свободы выражения в либерализме важнее, чем неприкосновенность религиозной святыни. Единственная мировоззренческая основа либерального понимания прав человека – равноправие людей. Вопросы политики, традиции или веры выносятся за скобки. Поэтому концепция, основанная на конкретном вероучении, не принимается либералами как источник права. Также следует отметить, что в рамках либерального мировоззрения «свобода от греха» или «право жить в среде, свободной от пороков», – это ценности, заслуживающие признания, но не умаляющие права человека и свободу выбора как необходимую рамку существования общества. Таким образом, *и в традиционном религиозном, и в либеральном мировоззрении в равной степени признается значимость прав человека, но противоречия по конкретным вопросам порой носят принципиальный и острый характер.* Подобные расхождения имеют место по отношению к широкому кругу вопросов биоэтики, сексуальной ориентации, гендерной идентичности, религиозного образования в светских учебных заведениях, контроля за нравственностью в СМИ и т.д. Именно по этим ключевым вопросам и было выполнено исследование, результаты которого кратко излагаются[1].

Руководители российского государства неоднократно заявляли, что именно в религии видят источник нравственности российского общества, а религиозные объединения (в первую очередь Русскую православную церковь) считают хранителями нравственных устоев. Еще в период своего первого президентства В.В. Путин говорил: «При решении управленческих вопросов, при формулировании управленческих задач мы, конечно, прежде всего должны руководствоваться здравым смыслом. Но этот здравый смысл должен быть основан на моральных принципах. Нет и не может быть, на мой взгляд, в сегодняшнем мире морали и нравственности в отрыве от религиозных ценностей»[2]. Д.А. Медведев также в должности президента страны сказал: «Мы должны находить в себе достаточно энергии и воли, чтобы продвигать традиционные для нашего государства ценности… И хранителем таких непреходящих ценностей для нашей страны, непреложных истин в нашем государстве выступает Православие… Наше государство, которое является светским по своей природе, заинтересовано в привлечении церкви и к воспитанию детей, и к воспитанию молодежи, к созданию новых образцов для подражания»[3].

Исследователи, критически настроенные к церкви, говорят о том, что религиозность не обязательно влечет за собой конкрет-

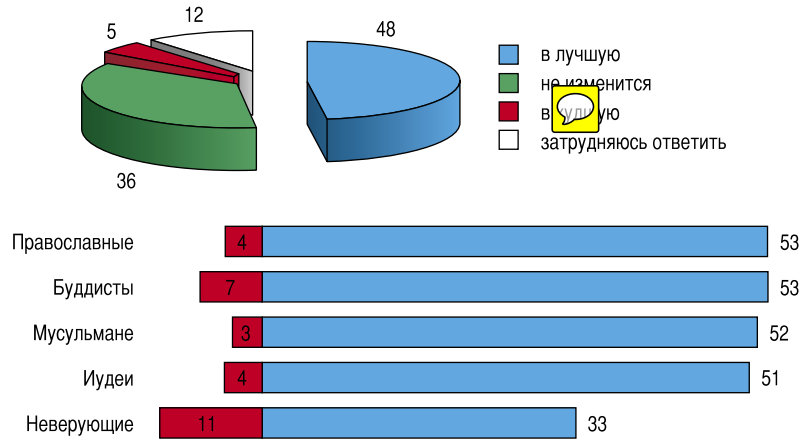
ные моральные обязательства[4]. В либеральной среде распространено мнение, что реализуемая сегодня в России форсированная десекуляризация (называемая часто клерикализацией) вызывает протестную реакцию[5]. Вопрос этот сложный и для автора книги. В 2006–2008 гг. я был руководителем Комиссии по толерантности и свободе совести Общественной палаты Российской Федерации и непосредственно вместе с членами комиссии – лидерами российских конфессий вырабатывал позицию палаты по вопросу о преподавании религии в школе, вокруг которого шли острые споры. Затем с моим участием в издательстве «Просвещение» готовился первый комплект школьных учебников для пилотной апробации курса «Основы религиозных культур и светской этики» в 21 регионе России[6]. И все же что преподавать, как преподавать, кому преподавать и некоторые другие вопросы оставались до конца неясными, ибо плохо изученным был вопрос – а каков общественный запрос на эту исходящую от церкви инициативу и что собой представляет отношение современных россиян к религии и участию религиозных организаций в разных сферах нашей жизни, включая образование. Некоторые ответы были нами получены благодаря проделанной работе экспертами Сети этнологического мониторинга[7] и нашими партнерами по исследованию.

* * *

Согласно результатам настоящего опроса, половина россиян считают, что *российское общество изменится в лучшую сторону, если государственные деятели станут руководствоваться принципами религиозной нравственности* (см. график 1). Подобного мнения придерживаются не только половина представителей всех традиционных религий, но и каждый третий неверующий россия-нин. Число респондентов, сказавших, что вследствие внедрения религиозной нравственности российское общество изменится в худшую сторону, было крайне незначительно не только среди последователей традиционных российских религий, но и среди неверующих респондентов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для россиян понятия религия и нравственность в определенном смысле тождественны: «Респонденты в данном опросе продемонстрировали некое традиционное понимание религии, отождествляя ее с нравственностью. Однако религиозное мировоззрение “автоматически” не создает нравственные устои» (эксперт М.А. Аствацатурова). В то же время ряд участников опроса полагали, что если чиновники начнут следовать религиозной нравственности, то это не даст положительных результатов, а только добавит в обществе лицемерия. Подобное мнение высказывали

График 1

Если государственные деятели станут руководствоваться принципами религиозной нравственности, как изменится российкое общество?



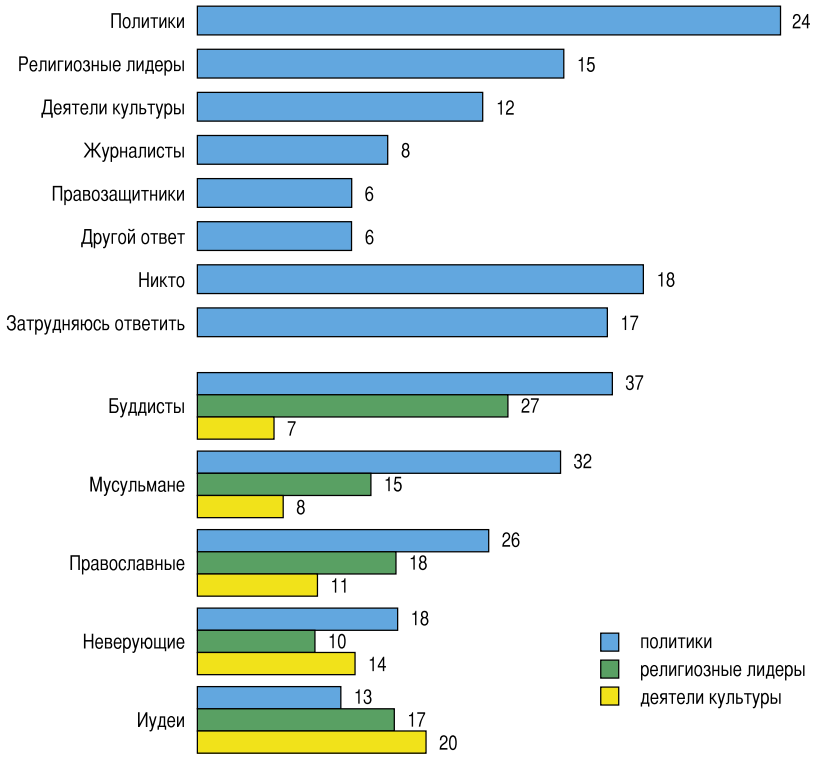
как неверующие, так и верующие респонденты. Также некоторые респонденты выражали опасение, что *насаждение религиозной нравственности в органах государственной власти может отбросить общество к состоянию средневековья.*

Участников исследования спрашивали, кто сегодня является нравственным авторитетом для россиян (см. график 2). Многие респонденты говорили, что сегодня в России нет общенациональных нравственных авторитетов. При ответе на этот вопрос чаще всего выбирались политики. В то же время респонденты, назвавшие нравственными авторитетами тех или иных политиков, как правило, негативно отзывались об их политических оппонентах: «Депутата такого-то я уважаю, он о людях печется, а остальные политики только о себе думают». Таким образом, даже те респонденты, которые назвали нравственными авторитетами политиков, как правило, имели в виду конкретного человека, а к политической сфере в целом относились скептически.

Результаты опроса свидетельствуют, что деятели культуры не являются сегодня нравственными авторитетами для россиян на общенациональном уровне. По мнению экспертов, это свидетельствует об упадке современной российской культуры, по крайней мере той культуры, которая доступна большинству россиян: «Низкая доля респондентов, считающих, что нравственными авторитетами для россиян являются деятели культуры, свидетельствует о кризисе культурной жизни в стране, засилье низкопробных образцов мас-

График 2

Кто сегодня в наибольшей степени является нравственным авторитетом для россиян?



совой культуры» (эксперт Т.Б. Смирнова). Эксперты отмечали, что среднему россиянину сложно назвать имена современных деятелей культуры, создающих произведения, которые могли бы служить нравственными ориентирами. Еще сложнее назвать имена таких деятелей, которые идентифицировали бы себя с какой-либо религией (в особенности, с буддизмом и исламом). Религиозные лидеры в данном рейтинге заняли второе место. Тот факт, что за них проголосовал лишь каждый шестой участник опроса, свидетельствует о том, что религиозные лидеры не воспринимаются сегодня россиянами как национальные лидеры. Многие респонденты, в целом высоко оценивая религиозную нравственность, не отнесли религиозных лидеров к нравственным авторитетам, так как посчитали, что те не обладают достаточным влиянием.

Несмотря на религиозный «ренессанс», переживаемый российским обществом, авторитет лидеров конфессии не столь вы-

сок, поскольку они, по мнению ряда экспертов, проигрывают «в силу оторванности от современности, так как используют традиционные практики, которые не всегда имеют успех у населения, в частности, у молодежи». Также представляется, что ответы респондентов отражают стереотипы атеизма советского периода, который как мировоззрение вполне имеет право на существование. В этом плане закономерно, что неверующие отдают первенство «нравственных вожаков» деятелям культуры, произведения которых содержат нравственные принципы, образы и категории. Мнение экспертов относительно молодежи подтверждается и результатами настоящего опроса. Если 17% респондентов в возрасте старше 30 лет назвали нравственными авторитетами религиозных лидеров, то для молодежи до 30 лет этот показатель составил лишь 8%.

Последователи ислама называли нравственными авторитетами политиков чаще, чем представителей всех других категорий вместе взятых. Эксперты высказали предположение, что невысокая позиция в рейтинге религиозных лидеров «может быть обусловлена тем, что сегодня ислам в мире, в России, особенно на Северном Кавказе, отождествляется с радикальными практиками» (М.А. Аствацатурова), что «отсутствие единой централизованной организации, особенности института священнослужителей в исламе приводят к предпочтительной ориентации мусульманского населения на политиков как нравственных авторитетов» (эксперт Н.С. Мухаметшина).

Респонденты буддисты, назвавшие нравственными авторитетами религиозных лидеров, как правило, называли фигуру Далай-ламы. Эксперты указывали на высокий авторитет Далай-ламы среди российских буддистов: «За высоким показателем нравственной авторитетности религиозных лидеров среди буддистов может скрываться прежде всего отношение к Далай-ламе XIV, который воспринимается как пример исключительных духовных и личных качеств. Он является духовным лидером всех буддистов мира, и в то же время длительное время он был политическим лидером тибетского народа. Отсюда – понимание высокой роли духовных лидеров (буддийской сангхи)» (эксперты В.С. Кан, Д.К. Тулуш). Авторитет политических лидеров обусловлен сохраняющейся у буддийских народов традицией чинопочитания. Мнение буддистов о том, что особая нравственная роль принадлежит политикам, исходит из неконфликтности буддизма как философского учения и его особой лояльности власти. «При ответе на вопрос буддисты в данном исследовании, по-видимому, исходили из того, что идущие в политику (а следовательно, во власть) и преуспевшие в политической карьере изначально не могут быть безнравственными людьми» (В.С. Кан, Д.К. Тулуш).

Последователи иудаизма реже других категорий респондентов нравственными авторитетами называли политиков и чаще – деятелей культуры. Это связано с традиционным для российских евреев высоким уровнем образования и значительной численностью деятелей культуры – этнических евреев – писателей, драматургов, музыкантов. В целом же *примечательна высокая степень признания верующими (исключая иудеев) в качестве нравственных авторитетов политиков.*

* * *

Громкие заявления религиозных деятелей по злободневным вопросам, с критикой морально-нравственного состояния современного российского общества, как правило, делаются с позиций традиционной нравственности. На протяжении 2011 г. наибольший резонанс вызвали заявления председателя Синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина о педофилии и внешнем облике россиян. В прессе эти заявления называли заявлениями о «православном дресс-коде» и писателях Набокове и Маркесе. Приведем высказывания протоиерея Чаплина:

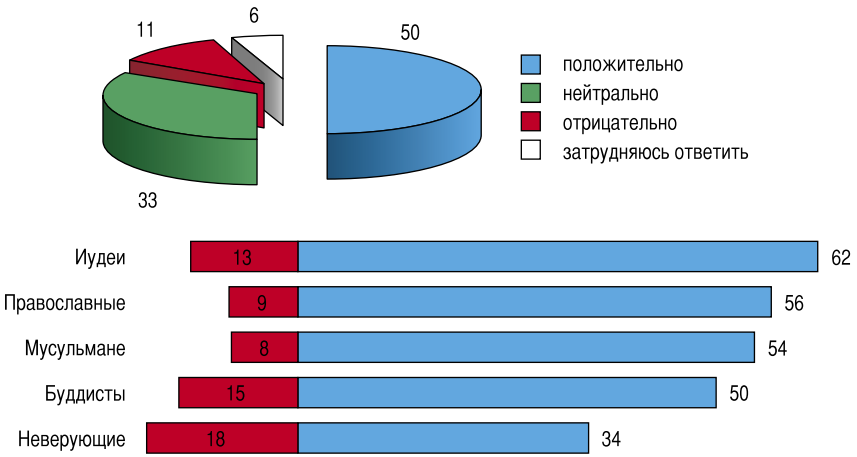
«Нужно обсудить вопрос, насколько эти произведения [речь идет о романах «Лолита» и «Сто дней одиночества»] оправдывают педофилию. Дело в том, что в свое время отношение к ним было достаточно негативное в целом ряде западных стран. Потом это отношение изменилось под давлением определенных сил. Наверное, стоит обсудить, насколько эти произведения несут благо или зло»[8].

«Во все времена, у всех народов внешний вид человека не считался на сто процентов частным вопросом. Как женщины ведут себя в публичных местах, в институте, на работе – не только их “личное дело”. Кстати, мужчин это не в меньшей мере касается. Тип, одетый посреди большого города в шорты и майку, в треники и тапочки, точно так же не достоин уважения… Неплохо, что сейчас компании, вузы, школы вводят у себя дресс-коды. Хорошо бы и общероссийский дресс-код придумать… Думаю, доживем мы и до тех времен, когда из приличного места неприлично одетую особу или того самого типа в трениках будут выводить… Думаете – утопия? Да нет, скоро придется привыкать»[9].

В либеральной среде реакция на заявления была негативной. Председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева заявила: «В Чечне в общественные места женщин не пускают без платков. Это мусульманский дресс-код. Теперь предлагают православный дресс-код. Потом еще какой-нибудь дресс-код придумают… Но кому какое дело, как человек одевается? Хватит стеснять свободу людей»[10].

График 3

Как вы относитесь к тому, что представители традиционных российских религий делают публичные заявления по злободневным вопросам?



В ходе настоящего опроса респондентов не спрашивали об их отношении к конкретным заявлениям тех или иных священнослужителей. Выяснялась позиция россиян по вопросу, стоит ли представителям религиозных организаций делать громкие заявления по сугубо светским темам. По результатам исследования можно утверждать, что *активное участие священнослужителей в дискуссиях на злободневные светские темы не вызывает негативной реакции у большинства россиян* (см. график 3). Каждый второй участник опроса сказал, что положительно относится к активной гражданской позиции религиозных лидеров: «Я считаю, что еще больше надо делать заявлений»; и лишь каждый десятый – отрицательно. Даже среди неверующих респондентов процент тех, кто негативно относится к подобным заявлениям, невелик.

Как правило, позитивное отношение к участию священнослужителей в острых дискуссиях респонденты связывали с надеждой на то, что нравственная позиция религиозных деятелей сможет восполнить острый дефицит нравственности в современном российском обществе: «Если не церковь, то кто же тогда о нравственности говорить будет?» Многие эксперты говорили, что сегодня в обществе существует дефицит публичных лидеров, выступающих с позиций нравственности. «Преобладание положительных оценок респондентов в данном опросе может быть связано с тем, что люди ожидают публичных высказываний авторитетных

людей о верховенстве нравственности, о необходимости снижения уровня насилия – в реальной жизни, в массовом искусстве. Политики же (не оппозиционные) – больше молчат» (эксперт И.И. Бойко).

Чаще иных категорий положительное отношение к заявлениям священнослужителей высказывали последователи иудаизма. Некоторые эксперты считают, что «иудеи поддерживают участие конфессиональных лидеров в современной общественной жизни потому, что иудаизм – во многом религия практико-ориентированная, в том числе и на достижение общественных статусных позиций его деятелей» (М.А. Аствацатурова). Отметим, что для иудейских и этнических еврейских организаций России в последние годы характерна активная общественная позиция по важным вопросам государственной политики. Представители еврейских и иудейских общин, как правило, входят в общественные советы при администрациях муниципального и регионального уровней, в общественные палаты, действуют национально-культурные автономии. В целом *все категории респондентов положительно отнеслись к участию священнослужителей в острых общественных дискуссиях.* В то же время респонденты негативно отзывались об участии религиозных деятелей в политических процессах: «Если заявления по болевым точкам страны, то положительно отношусь. Но не должно быть там политики».

Наиболее ярко расхождение между традиционным религиозным и либеральным мировоззрениями проявляется по вопросу применения современных биомедицинских технологий, многие из которых лидеры конфессий называют аморальными и безнравственными. Это относится к таким технологиям, как клонирование, фетальная терапия, эвтаназия, суррогатное материнство, некоторые аспекты пренатальной диагностики и т.д. Сторонники же либерального мировоззрения подобные обвинения называют попыткой остановить прогресс и считают недопустимыми запреты на применение современных биомедицинских технологий, не запрещенных действующим законодательством.

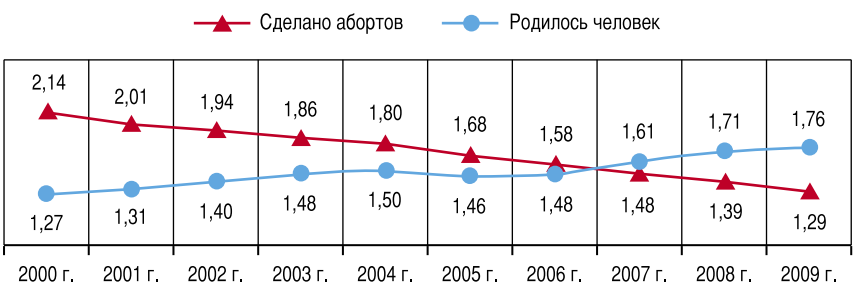
Не менее остра и проблема абортов. В современном мире отношение к ним в разных странах варьируется от полного запрета до отсутствия каких-либо ограничений. До Октябрьской революции аборты в России были запрещены и наказывались тюремным заключением, как для женщины, так и для врача. В СССР одно время аборты также были под запретом. Сегодня в российском обществе эта операция – явление обыденное. Общее число абортов, сделанных россиянками, на протяжении последних лет остается большим и сопоставимым с числом родившихся детей

(см. график 4). В то же время следует отметить, что в последние годы в России идет сокращение числа абортов – с 2000 по 2009 г. на 40%. Однако, по мнению ряда экспертов, реальное количество абортов в России значительно превышает официальные данные, а сокращение официально зарегистрированных абортов связано с ростом числа медикаментозных абортов, а также сделанных в частных клиниках. По мнению академика В.И. Жукова, «наша статистика не очень точно отражает параметры этой беды. На самом деле в нашей стране ежегодно делается не 1,3 млн абортов, а от трех до четырех миллионов»[11]. В то же время независимые исследования показывают, что данные официальной статистики достаточно точно отражают положение дел. «Сравнение результатов выборочных опросов женщин в 1988/1989, 1996 и 2000 гг. с официальными данными за те же годы показало очень близкие значения, что позволяет оценивать российскую официальную статистику как достаточно достоверную»[12].

В рамках либерального светского мировоззрения доминируют два основных тезиса: первый – что аборт это плохо и крайне нежелательно, и второй – что все решения в этой сфере должна принимать семья или сама женщина, но не государство. Соответственно, основному тезису традиционалистов – праву плода на жизнь (pro-Life) – либералы противопоставляют свободу выбора родителей (pro-Choice), во главу угла ставится право женщины распоряжаться собственным телом. Все традиционные религии России на первое место ставят право нерожденного ребенка на жизнь и осуждают аборт, приравнивая его к убийству. Аборт допускается только в крайних случаях, когда беременность представляет опасность для жизни матери.

График 4

Число сделанных абортов и число человек, родившихся в России, млн человек*



* По данным Федеральной службы государственной статистики России.

«С древнейших времен Церковь рассматривает намеренное прерывание беременности (аборт) как тяжкий грех. Канонические правила приравнивают аборт к убийству» («Основы социальной концепции РПЦ». Раздел XII, п. 2).

«По шариату совершать аборт позволяется в случае, если это может принести непоправимый вред здоровью матери. Причем такую процедуру можно делать только до четырех месяцев беременности женщины. В более поздние сроки такое действие совершенно запрещено», – заявил председатель Центрального духовного управления мусульман Таджуддин[13].

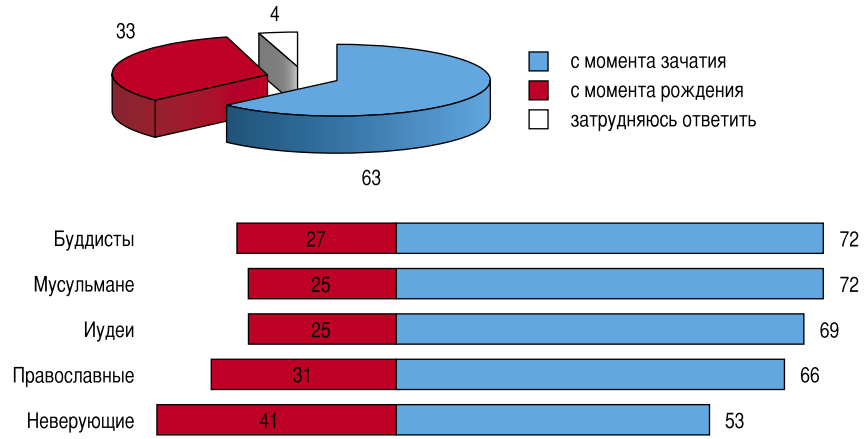
«В своей оценке намеренного прерывания беременности (аборта) мы придерживаемся традиционного для христианской церкви взгляда, приравнивающего аборт к преднамеренному убийству человеческого существа, созданного по Божьему образу и подобию» (Социальная позиция протестантских церквей России. Раздел 7).

«Широкое распространение и оправдание абортов в современном обществе синагога рассматривает как угрозу будущему человечества и явный признак моральной деградации. Верность библейскому учению о святости и бесценности человеческой жизни от самых ее истоков несовместима с признанием "свободы выбора" женщины в распоряжении судьбой плода» («Основы социальной концепции российского иудаизма». Глава 22).

По результатам нашего опроса большинство россиянок (74%) считают, что жизнь человека начинается с момента зачатия, противоположного мнения придерживается лишь каждая четвертая (24%) жительница России. Мнения мужчин по данному вопросу разделились примерно поровну. Абсолютное большинство верующих вне зависимости от их религиозной принадлежности полагают, что жизнь человека начинается с момента зачатия. Однако среди верующих людей также значителен процент тех, кто считает, что человеческая жизнь начинается лишь после рождения (см. график 5). В то же время половина (51%) россиян считают, что делать аборты допустимо. Чаще всего подобное мнение респонденты мотивировали стандартной формулировкой: «Зачем плодить нищету?». Эксперты также говорили, что именно материальные проблемы и социальная незащищенность заставляют российских женщин делать аборты. Эксперт, проводивший большое количество исследований в регионах Северного Кавказа и юга России, говорил о подчиненности религиозного и традиционного сознания давлению социально-имущественных причин: «Религиозный фактор не является главным при принятии решения об аборте для большинства молодых представительниц разных конфессий. Основными факторами выступают наличие

График 5

С какого момента начинается человеческая жизнь?



жилья и материальное положение семьи и женщины. Проблему сокращения абортов может снять оказание государственной поддержки малоимущим семьям, имеющим детей: обеспечение жильем, денежные пособия, детсады и пр. (эксперт Л.Л. Хопёрская). Эксперты подчеркивали, что «в современной России, в отличие от развитых капиталистических стран, забота о детях практически полностью ложится на плечи родителей (государственная политика “материнского капитала” пока не является ведущим фактором). К тому же многие семьи являются неполными, множество браков не зарегистрированы – с “приходящими” папами. В сложившихся условиях большинство респондентов вне зависимости от религии допускают производство абортов» (эксперт В.С. Воронцова). По-видимому, причиной широкого распространения абортов являются не сами по себе материальные проблемы, а то, что женщина (семья) остается с этими проблемами один на один без поддержки со стороны. Подтверждением такого мнения является более нетерпимое отношение к абортам в мусульманской среде, где значительную роль играют родственные и земляческие связи.

Согласно результатам настоящего исследования, *в наибольшей степени традиционное религиозное неприятие абортов свойственно иудеям и мусульманам.* Относительно иудеев эксперты связывали неприятие абортов с тем, что последователи иудаизма нередко ориентируются на нормы многодетности, существующие в современном иудаизме и реализованные нормы в Израиле. Кроме того,

данная часть населения обладает традиционно высоким уровнем образования. Относительно мусульман эксперты сошлись во мнении, что неприятие абортов во многом обусловлено развитыми родственными и земляческими связями и существующими установками на многодетность. «Ценность крепкой многодетной семьи поощряется исламской традицией» (эксперт А.В. Мартыненко). Также в этой связи эксперты отмечали, что у мусульман и иудеев принято поддерживать малоимущих: «В России существуют устойчивые традиции благотворительности и социальной работы внутри религиозных общин» (эксперт В.П. Клюева).

* * *

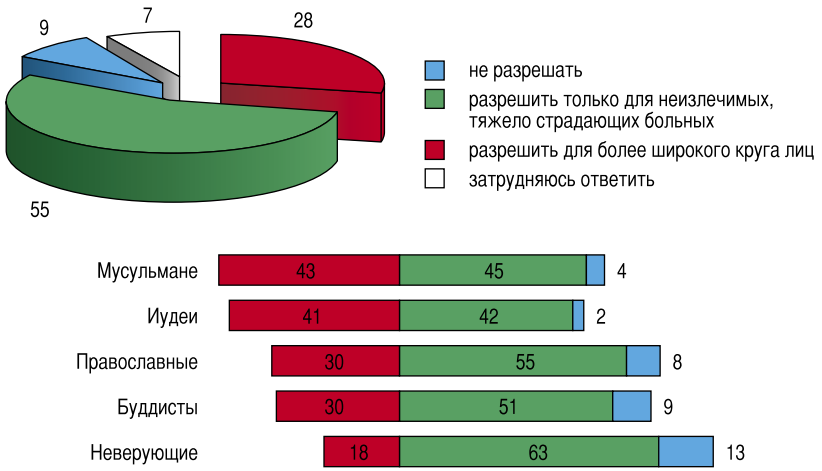
В большинстве стран мира эвтаназия запрещена, однако она разрешена в Бельгии, Нидерландах, Люксембурге, Швеции, Швейцарии, Японии. В России эвтаназия законодательно запрещена. В первую очередь сторонники эвтаназии говорят о сострадании к больному. Кроме того, они считают, что в ситуации крайнего страдания или нефункционирования сознания ценность жизни пропадает. Выдвигается также аргумент безусловного права человека на распоряжение своим телом, включая самоубийство. «Человек имеет право на жизнь, и это право подразумевает также, что человек самостоятельно определяет, имеет право определить, в какой момент и каким образом он может прервать эту жизнь»,– заявлял в эфире секретать либерального движения «Российские радикалы» Николай Храмов[14]. Традиционное религиозное мировоззрение осуждает эвтаназию, приравнивая ее к самоубийству, либо убийству. «Церковь осуждает самоубийство, поскольку совершающий его не приносит себя в жертву, а отвергает жизнь как дар Божий. В связи с этим неприемлема легализация так называемой эвтаназии – содействия уходу из жизни людей, которое представляет собой сочетание убийства и самоубийства» («Основы учения РПЦ…». Разд. IV, п. 2).

«Ислам к эвтаназии относится отрицательно. Жизнь дается Всевышним, и только он имеет право ее отнимать. Если даны страдания человеку, значит, они предписаны Всевышним. И вмешательство человека недопустимо»,– говорит Талгат Таджуддин[15].

«Эвтаназия является формой убийства или самоубийства, то есть тяжким грехом перед Богом. Вместо того чтобы относиться с уважением к человеческой жизни, сторонники эвтаназии зачастую ставят ударение на социальные преимущества от элиминации “непродуктивных” сограждан до избежания “ненужных медицинских затрат”. Будучи уверенными в том, что сверхъестественное исцеление возможно в любое время, мы считаем, что за неизле-

График 6

Ваше отношение к эвтаназии



чимо больных необходимо молиться, а также делать все, что в наших силах, чтобы облегчить их физические страдания» («Социальная позиция протестантских церквей России». Раздел 7).

«Нельзя признать нравственно приемлемыми попытки легализации так называемой эвтаназии, т.е. намеренного умерщвления безнадежно больных. Ибо эвтаназия является формой убийства или самоубийства, в зависимости от того, принимает ли в ней участие пациент» («Основы социальной концепции российского иудаизма». Глава 22).

В итоге опроса за легализацию эвтаназии высказались большинство (64%) участников, против – каждый четвертый (28%) респондент (см. график 6). Отношение к эвтаназии значительно зависит от религиозных убеждений. Если против легализации эвтаназии высказался каждый третий (30%) верующий, то среди неверующих данный показатель составил 18%.

В целом последователи всех четырех традиционных российских религий реже, чем неверующие респонденты, высказывались за легализацию эвтаназии, что естественным образом следует из основных положений этих религий о том, что человек не вправе распоряжаться ни своей, ни чужой жизнью.

Практически все эксперты отмечали, что религиозность большинства россиян, идентифицирующих себя как людей верующих, сегодня весьма поверхностна. Этот вывод подтверждается результатами настоящего опроса. По словам одного из экспертов,

«общественное приятие идеи эвтаназии – еще одно подтверждение эффективности пропаганды “новых” ценностей. Религиозные нормы под их давлением отступают даже в самых вопиющих случаях. Признание возможности эвтаназии в принципе несовместимо с любым вероисповеданием». Приведем высказывания экспертов.

«Значительное число сторонников эвтаназии среди российских верующих вступает в явное противоречие с запретом на убийство человека, существующим во всех этих религиозных учениях (от христианского “не убий!” до индо-буддийской ахимсы). Это связано с низким уровнем воцерковленности (в отношении мусульман – “уммизации”) большинства российских верующих. В России многие позиционируют себя в качестве православных или мусульман или представителей иных конфессий, но соответствующие религиозные предписания соблюдают частично или не соблюдают вовсе» (А.В. Мартыненко).

«В православной традиции жизнь человека неприкосновенна. Но, судя по ответам респондентов, назвавших себя в данном опросе православными, они не знают либо знают поверхностно основы вероучения, поскольку признавать эвтаназию, значит впадать в тяжкий грех уныния» (Н.С. Мухаметшина).

Если для последователей авраамических религий позитивное отношение к эвтаназии – следствие поверхностной религиозности, то для буддистов ситуация не столь однозначна. Терпимое отношение к эвтаназии многих буддистов связано с тем, что при существующем общем запрете на добровольный уход из жизни в буддизме существуют некоторые исключения, например, для так называемых архатов (достойных). Следует отметить, что мусульмане, проживающие в северокавказских республиках, относятся к эвтаназии значительно хуже, чем мусульмане, проживающие в Татарстане и Башкортостане. Если для поволжских мусульман доля респондентов, сказавших, что эвтаназию разрешать не следует (34%), не отличается от соответствующего показателя для православных, то для кавказских мусульман данный показатель выше и составляет 58%. Позитивное отношение неверующих россиян к эвтаназии эксперты оценили как вполне ожидаемый результат. В современном нерелигиозном мировоззрении ценностью обладают либеральная свобода выбора (в том числе право освободиться от страданий ценой собственной жизни) и гедонистическое стремление к удовольствиям. Страдания в нерелигиозном мировоззрении самостоятельной ценностью не обладают.

«Лояльное отношение к легализации эвтаназии, выраженное многими неверующими, вероятно, исходит из индивидуалистского

восприятия жизни (в отличие от верующих), более прагматичного толкования жизни как земного существования, связанного с получением удовольствия, счастья, определенных благ» (В.С. Кан).

«Неверующие люди свободны от религиозных традиций и запретов, для них свобода выбора является важнейшим жизненным приоритетом, поэтому для большинства из них ближе точка зрения о легализации эвтаназии. А для последователей любой авраамической религии суицид является одним из самых тяжких грехов, поэтому среди верующих, значительно выше доля лиц, выступающих за полный запрет эвтаназии» (В.С. Воронцов).

«На самом деле многие из респондентов не являются верующими. Соответственно они делали выбор, исходя из гуманистических, но не религиозных представлений. При этом во всех религиях существует установка на то, что человек не может распоряжаться собственной жизнью и все, что с ним происходит, является либо наказанием/воздаянием; либо за страдания он будет вознагражден после смерти, но при этом смерть должна наступить “естественным путем”. Тогда как неверующие считают, что могут распоряжаться своей жизнью сами. Отсюда среди опрошенных – неверующих и верующих – высока доля согласных с использованием эвтаназии» (В.П. Клюева).

Верующие противники эвтаназии достаточно редко давали религиозное обоснование своей позиции. Высказывания типа «Аллах против этого, а мы не должны делать против Аллаха» встречались редко. Как правило, так же, как и неверующие, верующие респонденты говорили о высокой вероятности криминала. Пожилые респонденты чаще, чем молодежь, высказывались против легализации эвтаназии. Возможно, эта зависимость обусловлена тем, что пожилые люди чаще «примеряют» на себя роль жертвы криминальной эвтаназии. Особо следует подчеркнуть, что негативное отношение к эвтаназии (в том числе верующих респондентов) чаще было обусловлено не религиозным мировоззрением, а оценкой морально-нравственного состояния российского общества – респонденты были убеждены, что распространение в обществе получит криминальная эвтаназия, организованная родственниками больного человека. Таким образом, и *по отношению к производству абортов, и по отношению к эвтаназии большинство россиян (как неверующих, так и последователей традиционных российских религий) не разделяют традиционных религиозных взглядов.*

* * *

По отношению к гомосексуальности между традиционным религиозным и современным либеральным мировоззрением существуют разногласия. Среди либералов негативное отноше-

ние к гомосексуальности рассматривается как предрассудок, а соответствующая пропаганда или призывы к дискриминации ЛГБТ* перечисляются в одном ряду с аналогичными по форме проявлениями расизма и религиозной нетерпимости и обозначаются терминами «гомофобия» и «трансфобия». Международные организации, многие правозащитники и, конечно, ЛГБТ-активисты требуют вести информационно-разъяснительную работу по развитию толерантности к ЛГБТ. Либеральное отношение к ЛГБТ начало распространяться из США и стран Западной Европы, постепенно было принято в ОБСЕ и Совете Европы. В российском законодательстве сексуальная ориентация, в отличие от пола, не рассматривается как основание для дискриминации. Таким образом, на уровне международного права ситуация применительно к России неоднозначна: обязательств по защите ЛГБТ не существует, но Совет Европы (членом которого является Россия) рекомендует взять на себя такие обязательства. Какие-либо законодательные запреты на пропаганду гомосексуальности в российском федеральном законодательстве отсутствуют. Однако они существуют на региональном уровне – в Архангельской и Рязанской областях. В 2011 г. Законодательное собрание Санкт-Петербурга приняло закон о запрете пропаганды гомосексуализма и педофилии среди детей. О намерении принять аналогичные законы заявили депутаты Московской городской думы. О возможности принятия аналогичного закона на федеральном уровне заявила председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко: «Если бы я была депутатом Законодательного собрания, то я поддержала бы этот законопроект. Потому что никто не имеет права вовлекать ребенка в такое. Если этот закон будет иметь свое позитивное воздействие, то можно рассмотреть вопрос о перенесении этой инициативы на федеральный уровень»[16].

Практически все религиозные объединения России негативно относятся к гомосексуальности, что отражено в официальных документах объединений и в многочисленных заявлениях религиозных лидеров.

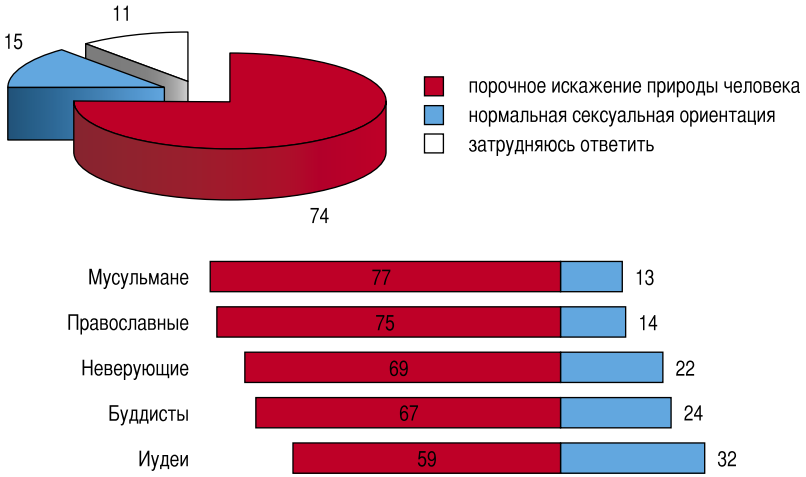
По результатам настоящего опроса *абсолютное большинство россиян считают гомосексуальностъ неприемлемой* (см. график 7). Подобного мнения придерживаются и неверующие, и последователи всех традиционных российских религий. Негативное отношение к гомосексуальности россиян (в том числе верующих) коренится в первую очередь не в религии, а в российской традиции; кроме того, в советский период гомосексуализм преследовался в уголовном порядке.

---

* ЛГБТ – лесбиянки, гомосексуалисты, бисексуалы и трансгендеры.

График 7

Ваше отношение к гомосексуальности

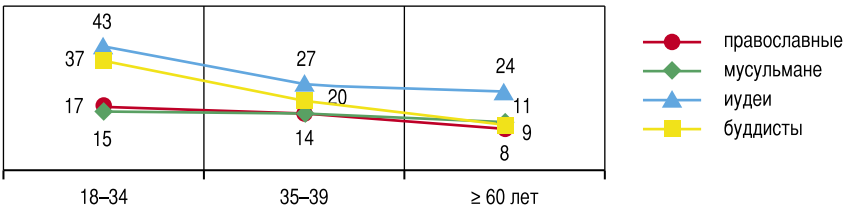


Отношение респондентов к гомосексуалистам зачастую было негативно-сочувственное, как к несчастным больным людям: «Это больные люди, такие же как наркоманы или алкоголики». Крайне негативное отношение, как правило, респонденты выражали, скорее, не к самой гомосексуальности, а к открытой ее демонстрации. Респонденты, считавшие гомосексуальность нормой, как правило, говорили о том, что «гомосексуализм создан самой природой, никуда от этого не денешься». Следует отметить, что, выражая негативное отношение к гомосексуальности и выступая против ее пропаганды, практически никто из участников опроса не говорил, что за гомосексуальность следует преследовать. В целом такой взгляд соответствует взглядам РПЦ. «Относясь с пастырской ответственностью к людям, имеющим гомосексуальные наклонности, церковь в то же время решительно противостоит попыткам представить греховную тенденцию как “норму”» («Основы социальной концепции РПЦ. Разд. XII, п. 9).

Наибольшую толерантность к гомосексуальности проявили последователи иудаизма и отчасти последователи буддизма. По мнению ряда экспертов, относительно высокая толерантность иудеев к ЛГБТ обусловлена рядом обстоятельств. Последователи иудаизма зачастую обладают широкими социальными связями в странах Запада, имеют родственников в странах Европы и Северной Америки, сами часто ездят в эти страны. Подобные связи приводят к восприятию либерального западного мировоззрения. Среди иудеев выше

График 8

Процент респондентов, считающих гомосексуальность нормальной сексуальной ориентацией



доля лиц с высшим образованием, соответственно больше либеральной терпимости. Российские иудаисты сами являются меньшинством, им знакомы ситуации прямой или косвенной дискриминации, поэтому они более терпимы к другим формам меньшинств.

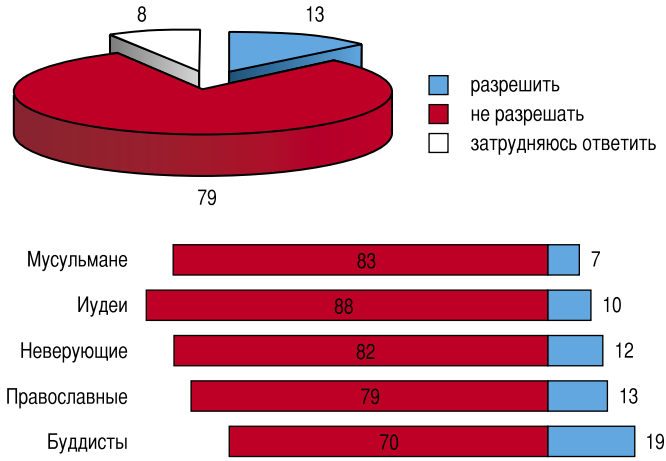
Относительный либерализм буддистов объясним спецификой самого буддизма, в котором жестких табу меньше, чем в авраамических религиях. Для буддистов характерна высокая степень терпимости к любым проявлениям инаковости, в том числе к секс-меньшинствам: «Сравнительно лояльное отношение буддистов в этом вопросе определяет философия терпимости, непротивления и смирения (принятие человека таким, каков он есть)» (В.С. Кан). Так же, по мнению ряда экспертов, толерантное отношение буддистов к гомосексуальности является следствием постулата буддизма о перерождении. Данный постулат подразумевает, что в одних своих жизнях человек может быть мужчиной, в других – женщиной, так что в его глубинной природе оказываются как бы совмещенными оба гендерных начала, проявление которых способно иметь разные варианты, в том числе порой отклоняющиеся от общепринятых.

Молодые россияне относятся к гомосексуальности более терпимо, чем люди среднего и старшего возраста. Данная закономерность наблюдается для последователей каждой из четырех традиционных российских религий. Для мусульман данная закономерность крайне слаба и не превышает статистической погрешности (см. график 8).

Практически все религиозные объединения России считают практику заключения однополых браков неприемлемой. «Поскольку Бог установил брак как союз мужчины и женщины, а также, исходя из того, что Библия осуждает гомосексуальное поведение как противоестественное и унижающее лучшее творение Бога, мы не считаем приемлемой для России регистрацию “браков” гомосексуальных пар. Не приемлем мы и “усыновление” детей подобными “семьями”» («Социальная позиция протестантских церквей России». Раздел 7).

График 9

Следует ли в России разрешить однополые браки?



По итогам опроса абсолютное большинство россиян считают, что однополые браки в России разрешать не следует (см. график 9). Такого мнения придерживаются и неверующие, и последователи всех традиционных российских религий. Негативное отношение к однополым бракам связано с заботой о детях, которые могут попасть на воспитание в подобные семьи. В то же время некоторые респонденты, в том числе высказавшиеся против разрешения однополых браков, говорили, что для гомосексуалистов следует юридически признать отличную от собственно брака форму совместного проживания. Результаты опроса показали, что каждый пятый респондент (21%) среди проживающих в Москве и Санкт-Петербурге высказался за разрешение однополых браков. Для остальных городов показатель составляет лишь 11%.

Эксперты указали, что важнейшую роль неприятия однополых браков играет традиционное для России восприятие семьи как социальной ячейки, основное предназначение которой – рождение детей. Экономическая составляющая института семьи в российском обществе всегда рассматривалась как второстепенная. Например, до последнего времени в России отсутствовали брачные контракты. Не случайно в российском (и советском) законодательстве расторжение брака, в котором имеются несовершеннолетние дети, возможно только по судебному решению.

* * *

В первой половине XX в. доминировала точка зрения, что роль религии в обществе снижается. Однако тезис о том, что секуляризация приведет к утрате религией своей социальной значимости, был опровергнут жизнью. Даже в самых современных обществах число верующих остается высоким, и современная эпоха является столь же религиозной, как и любой предыдущий исторический период[17]. В России религиозные организации играют все более заметную роль в различных сферах общества. В общеобразовательных школах началось преподавание курса «Основы религиозных культур и светской этики», в армии внедряется институт воинских и флотских священнослужителей, в исправительных учреждениях функционируют храмы и молельные комнаты, действуют религиозные печатные и электронные СМИ. Эти тенденции признаются всеми экспертами, но воспринимаются они по-разному. Одни видят в этом нравственное возрождение, другие, напротив, говорят: «С нарастающим беспокойством мы наблюдаем за все возрастающей клерикализацией российского общества, за активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни»[18].

Одновременно с возрастанием активности религиозных организаций растет и религиозность населения России. Большинство россиян сегодня идентифицируют себя как людей верующих.

Об этом свидетельствуют результаты опросов, проведенных различными социологическими центрами (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля россиян,
относящих себя к последователям соответствующей религии, %*

Конфессии	ФОМ (2008 г.)**	ВЦИОМ (2010 г.)***	Левада-Центр (2011 г.)****	Опрос ИЭА РАН
Православные	59	75	69	66
Мусульмане	6	5	5	5
Другие христианские конфессии	2	2	1	2
Другие религии	2	3	1	1
Затрудняюсь ответить	5	6	4	8
Неверующие	26	8	22	18

* Социологические центры использовали различные формулировки вопроса, а также различающиеся шкалы ответов, но эти различия не принципиальны.
** Сайт ФОМ (http://bd.fom.ru/report/cat/cult/rel_rel/rel_/d081623).
*** Сайт ВЦИОМ (http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13365)
**** Сайт Левада-Центр (http://www.levada.ru/press/2011090801.html)

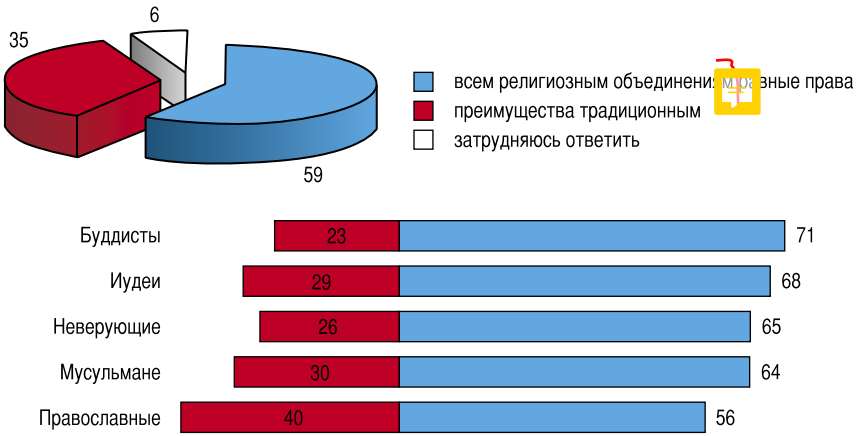
В то же время тенденции к росту религиозности в России нельзя преувеличивать. Большинство россиян, хотя и идентифицируют себя как верующие, остаются людьми далекими от религиозной жизни. Самоидентификация их как православных, мусульман, либо последователей иных религий зачастую носит исключительно культурно-исторический характер. Например, согласно данным Левада-Центра[19] лишь 20% россиян, идентифицировавших себя как православные, причащаются не реже одного раза в год. О неглубокой религиозности многих верующих россиян говорят и сами религиозные лидеры: «То, что произошло в связи с посещением этой святыни [пояса Богородицы] нашей земли, являет яркое свидетельство нашему народу, еще во многом пребывающему в безверии, и даже будучи формально крещеным, далеко отстоя от церкви, силу Божественной благодати»[20].

Россия, как и большинство современных стран, является светским государством, что закреплено в статье 14 Конституции РФ: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». То же самое повторяется в ст. 4 федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Либералы и сторонники светского государства считают, что принцип равенства религиозных объединений перед законом способствует реализации более фундаментальных конституционных принципов – равноправия граждан по признаку отношения к религии (включая членство в разных объединениях) и невмешательства светского государства в религиозную жизнь. Поэтому сторонники светского государства осуждают попытки законодательно закрепить привилегии «традиционных религий» (не говоря уже о возможности воссоздания статуса государственной религии). Также либералы считают, что в соответствии с принципом равноправия объединений даже малые или «непопулярные» религиозные объединения, если они действуют легально, должны обладать теми же правами, что и организации основных религий. Последнее, впрочем, не исключает возможности для государства заключать соглашения по каким-либо вопросам с конкретными религиозными организациями[21].

Большинство участников нашего исследования, вне зависимости от вероисповедания, высказались за равенство всех религиозных объединений (см. график 10). В то же время велика доля высказавшихся за предоставление преференций традиционным российским религиям. Эксперты по этому поводу высказали мнение, что, несмотря на законодательное закрепление равноправия

График 10

Каким религиозным объединениям следует предоставить преимущества?



всех религиозных объединений, повседневная практика демонстрирует особое положение тех или иных религиозных объединений на общефедеральном уровне и в регионах России. «На федеральном уровне должно сохраняться юридическое равенство прав всех религиозных объединений. Однако сегодня на региональном и местном уровнях фактически существует культурное доминирование тех или иных конфессий, что отражается на характере взаимоотношений с ними органов власти» (Л.Л. Хопёрская). Также эксперты отмечали, что отчасти желание предоставить преимущество традиционным религиям продиктовано негативным отношением к деятельности новых для России религий: «Значительная доля респондентов, считающих, что традиционные религии должны иметь преимущества, обусловлена широким распространением в последние десятилетия новых религиозных движений, активная (даже агрессивная) миссионерская деятельность которых вызывает опасения» (Т.Б. Смирнова). Православные респонденты реже, чем последователи иных религий, высказывались за равенство всех религиозных организаций. И даже те православные респонденты, которые заявили о равенстве всех религиозных объединений, зачастую уточняли, что православие все же должно быть «первым среди равных».

Некоторые эксперты указывали на то, что де-факто существующее сегодня привилегированное положение Русской православной церкви находит свое отражение и в убежденности части православных, что такое положение должно быть закреплено и де-юре: «В за-

конах можно прописать любое равенство, которое, однако, трудно осуществить. Например, ежегодная трансляция по общероссийскому телевидению о сошествии святого огня в храме Господнем в Иерусалиме, присутствие в храме российского президента и руководителей государства. Эти передачи смотрят миллионы потенциальных избирателей, и это воспринимается как преимущества православия. Но от этой уже закрепившейся традиции очень трудно отступить» (И.И. Бойко).

В случае с буддистами налицо проявление терпимости, уважительное отношение к иным верованиям, что подразумевает позицию в пользу равноправия, отказ от идей преференций по отношению к одним религиям и ограничений – к другим (эксперт В.Л. Волгин). Несомненно, респонденты-протестанты высказались бы в таком опросе за равные права для всех. «Необходимость обеспечения равенства религий – один из постоянно повторяющихся тезисов в выступлениях российских протестантов, в их обращениях в государственные органы» (эксперт И.В. Симонов). В целом результаты, аналогичные результатам нашего опроса, были получены опросами ФОМ с 2001 по 2011 г. (табл. 2). Некоторые отличия от данных ФОМ объясняются тем, что в настоящем опросе альтернативой «всеобщему равенству религиозных объединений» была представлена не особая роль РПЦ, а привилегированное положение объединений четырех традиционных религий.

Половина участников опроса высказались за государственное финансирование социальной деятельности религиозных организаций, представляющих традиционное российские религии (см. график 11). При существующем сегодня отделении государства от религии во многих российских регионах на практике власти финансируют

Таблица 2

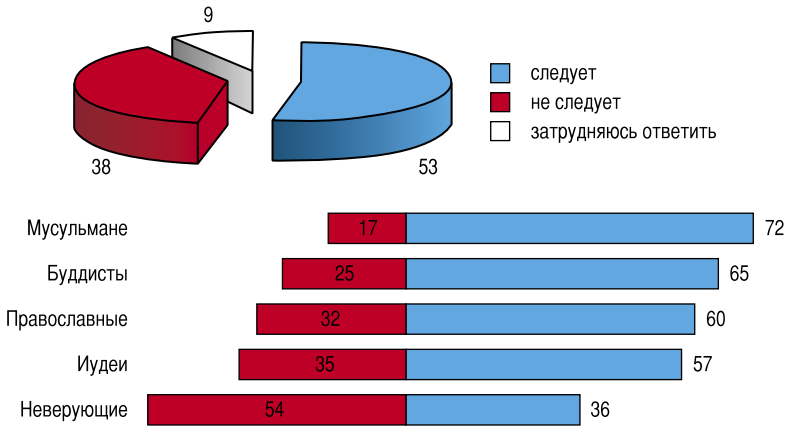
Как вы считаете, православие должно стать государственной религией в России, или церковь должна быть отделена от государства? (данные ФОМ)*, %

Ответы	2001 г.	2008 г.	2011 г.
Православие должно стать государственной религией	29	25	30
Церковь должна быть отделена от государства	53	45	48
Затрудняюсь ответить	18	30	23

* Православие как государственная религия? – результаты опроса // Православие и мир. 2011. 14 июня.

График 11

Следует ли государству финансировать социальную деятельность традиционных российских религиозных организаций?



деятельность религиозных организаций. Эксперты высказали мнение, что верующие имеют опыт участия в социальных проектах религиозных организаций и что они лучше, чем государственные органы, могут справиться с подобной работой. Однако опыт показывает, что при всех плюсах социально-религиозного волонтерства его определенным минусом являются скромные финансовые возможности. Скорее, речь должна идти о софинансировании социально значимых проектов государством и религиозными организациями, например, – оказывать содействие детским домам или приютам для престарелых могут религиозные организации всех конфессий.

Большинство неверующих участников опроса высказались против государственного финансирования религиозных организаций. Данная категория опасается, что подобная мера будет шагом к сближению церкви и государства и к потере светского характера Российского государства. Однако среди респондентов, высказавшихся против финансирования религиозных организаций, было и значительное число людей верующих. Подобная позиция часто была обусловлена опасениями, что прямое финансирование приведет к контролю религиозной жизни со стороны государства. Зачастую негативное отношение к государственному финансированию религиозных организаций было обусловлено убеждением, что «у церкви и так с деньгами все в полном порядке».

В начале XX в. РПЦ принимала участие в выборах и имела делегатов во всех четырех государственных думах. Некоторые свя-

щеннослужители активно участвовали в политическом процессе. Например, отец Иоанн Кронштадтский состоял членом одной из правых политических организаций – «Союз русского народа». В советское время начиная с сентября 1943 г. священнослужители были представлены в Верховном Совете СССР. Избирались они и в первые российские парламенты после 1991 г. Однако современное российское законодательство запрещает религиозным объединениям участвовать в избирательных кампаниях. «В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства религиозное объединение не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления; не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь» (федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Ст. 4, п. 5).

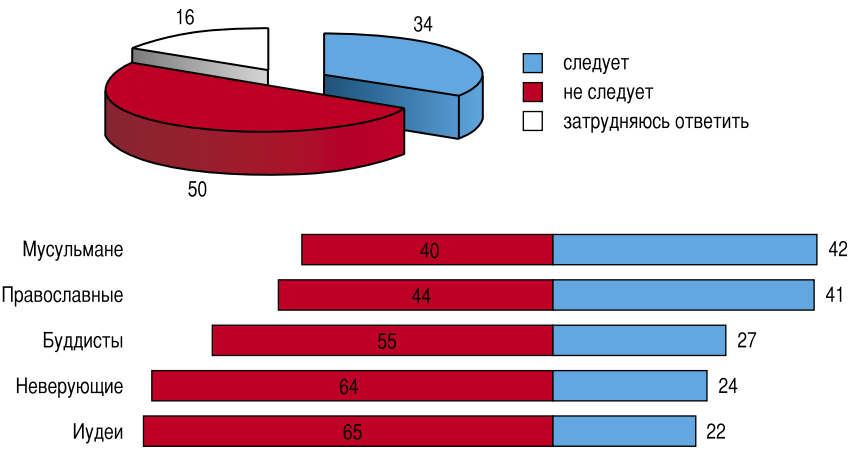
Представители Русской православной церкви также не раз заявляли, что церковь должна быть дистанцирована от политики и не должна превращаться в часть государственного аппарата, брать на себя функции светской власти, подменять собой государство или формировать некую политизированную идеологию[22]. Об этом многократно говорилось в решениях синодов и архиерейских соборов. «Священнослужители и монашествующие не имеют права заявлять о поддержке всей церковной полнотой какого-либо государственного строя, какой-либо политической доктрины, какой-либо партии или политического лидера»[23].

В то же время российское законодательство не запрещает участвовать в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления членам религиозных объединений и священнослужителям как частным лицам. РПЦ приветствует участие православных мирян в политической деятельности и создание православных политических партий и объединений. «Существование христианских (православных) политических организаций, а также христианских (православных) составных частей более широких политических объединений воспринимается церковью как положительное явление, помогающее мирянам сообща осуществлять политическую и государственную деятельность на основе христианских духовно-нравственных принципов. Упомянутые организации, будучи свободны в своей деятельности, одновременно призываются к советованию с церковным Священноначалием, к координации действий в области осуществления позиции церкви по общественным вопросам» («Основы социальной концепции РПЦ. Раздел V, п. 4).

Российские мусульмане всегда пытались активно участвовать в политике и в выборах, особенно в тех регионах Российской

График 12

Следует ли в России создавать религиозные политические партии?



Федерации, где проживет значительное количество мусульман. Так, в Татарстане в 1990-е годы действовали более десяти партий, апеллирующих к исламу. На общероссийском уровне можно назвать Всероссийский исламский конгресс, Меджлис, Нур, Рефах, Хак-Справедливость, Иттифак, Союз мусульман России, Евразийская партия России, Исламская партия возрождения, Исламский комитет России[24]. Движение «Рефах», даже было представлено несколькими депутатами в Государственной думе РФ III созыва.

Половина участников опроса высказывалась против создания религиозных политических партий, за их создание был лишь каждый третий респондент (см. график 12). Большинство респондентов считают, что в советском государстве главными функциями религиозных организаций являются духовная, нравственная, просветительская и т. п. Выполнение этих функций не должно зависеть от политических процессов и режимов. Также негативное отношение к созданию религиозных партий обусловлено опасениями, что «Россия и так расколота, а такие партии еще сильнее расколют». Подобные опасения послужили причиной того, что большинство неверующих участников опроса, а также респонденты буддисты и иудеи высказались против создания религиозных партий, так как увидели опасность, что в случае прихода к власти православной (или на региональном уровне исламской) политической партии, они могут стать гражданами «второго сорта».

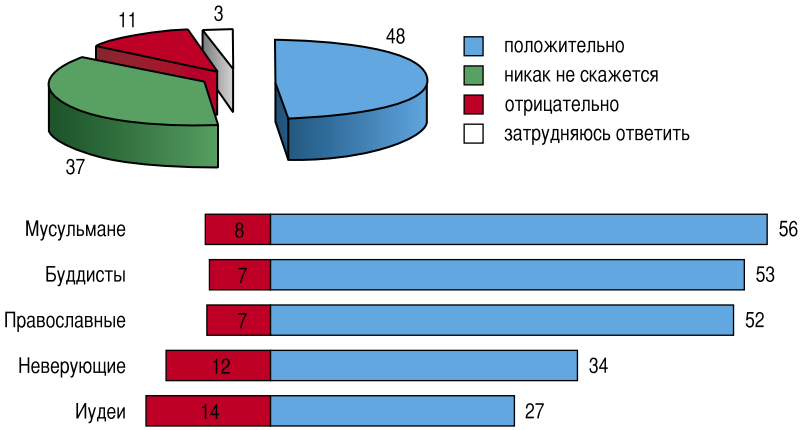
Эксперты и респонденты высказывали опасения, что при условии создания религиозно-политических партий довольно вы-

сок риск их радикализации. Негативное отношение к возникновению партий по религиозному принципу может быть также связано с опасениями, что это приведет к возникновению межрелигиозных и межэтнических конфликтов. Эти же причины лежат в основе отрицательного отношения к созданию религиозных партий со стороны иудеев. Историческая память о деятельности ряда дореволюционных политических организаций, апеллирующих к православию и практикующих активный антисемитизм (например, пресловутая «Черная сотня»), заставляет последователей иудаизма негативно относиться к созданию религиозных партий в России. Представители религиозного меньшинства, как и неверующие, сомневаются в созидательной силе религиозных партий, полагая, что их деятельность в конечном итоге будет направлена против тех, кто не разделяет соответствующих религиозных убеждений. Мнения православных и мусульман по данному вопросу разделились примерно поровну, т. е. идея создания политических партий не нашла безоговорочной поддержки даже у тех, от чьего имени выступали бы подобные партии. Вместе с тем 41% одобрения среди православных и 42% – среди мусульман представляется значительным уровнем поддержки. Безусловно, нельзя говорить о том, что за православную политическую партию проголосовал бы 41% православных россиян, но можно ожидать, что религиозные партии имели бы в России устойчивый электорат.

В первые постперестроечные годы священнослужители принимали участие в выборах и избирались, в том числе депутатами Государственной думы РФ. Однако к середине 1990-х годов позиция священноначалия РПЦ изменилась. В принятом в 1994 г. на Архиерейском соборе документе «Определение “О взаимоотношениях церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время”» говорилось: «Одобрить, как весьма своевременное и мудрое, Определение расширенного заседания Священного Синода от 8 октября 1993 года, предписывающее священнослужителям воздержаться от участия в выборах в Федеральное собрание Российской Федерации в качестве кандидатов в депутаты. Распространить действие этого Определения на участие в будущем священнослужителей Русской православной церкви в выборах любых органов представительной власти стран СНГ и Балтии, как на общегосударственном, так и на местном уровне. Считать также крайне нежелательным членство священнослужителей в политических партиях, движениях, союзах, блоках и иных подобных организациях, в первую очередь ведущих предвыборную борьбу». Эта позиция была закреплена в принятом в 2000 г. документе «Основы социальной

График 13

Если в депутаты Государственной думы кроме светских политиков будут избраны также и священнослужители, как это скажется на ее работе?



концепции РПЦ»: «Невозможно участие церковного Священноначалия и священнослужителей, а следовательно, и церковной Полноты, в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, таких, как публичная поддержка участвующих в выборах политических организаций или отдельных кандидатов, агитация и так далее. Не допускается выдвижение кандидатур священнослужителей на выборах любых органов представительной власти всех уровней» («Основы социальной концепции РПЦ. Часть V, п. 2). Сохраняя запрет на участие священнослужителей в политической деятельности, РПЦ допускает подобное участие «в том случае, когда избрание иерархов или духовенства в законодательный (представительный) орган власти вызвано необходимостью противостоять силам, в том числе раскольническим и иноконфессиональным, стремящимся использовать выборную власть для борьбы с Православной церковью»[25].

В современном российском исламе никаких ограничений на участие в политике нет. Напротив, исламские лидеры нередко выдвигают свои кандидатуры для участия в разного рода выборах. Самым успешным политическим проектом мусульман были выборы в Государственную думу в 1999 г., когда были избраны пять представителей «Рефах», в том числе его председатель Абдул-Вахед Ниязов. На выборах в 2003 г. переизбраться они не смогли.

Половина участников опроса высказали мнение, что присутствие в Государственной думе священнослужителей положительно скажется на ее работе (см. график 13). В первую очередь участ-

ники опроса говорили о том, что священнослужители смогут восполнить существующий в работе парламента дефицит нравственности. Каждый третий неверующий респондент также сказал, что присутствие священнослужителей в думе положительно скажется на ее работе, противоположного мнения придерживались лишь 12% неверующих респондентов.

Если православные, мусульмане и буддисты в целом положительно относятся к идее присутствия священнослужителей к Государственной думе, то отношение неверующих и иудеев, скорее, можно назвать неоднозначным. Неверующие опасаются, что депутаты-священнослужители могут своей деятельностью изменить светский характер государства. Относительно небольшая поддержка идеи «хождения во власть религиозных лидеров» со стороны иудаистов объясняется тем, что с их точки зрения во власть в основном попадут православные священнослужители, в ряде регионов – мусульманские, и это будет провоцировать дополнительные дискуссии и проблемы (Н.С. Мухаметшина). Положительное отношение буддистов к появлению депутатов-священнослужителей эксперты объясняли, тем, что таким образом в деятельности Госдумы удастся в большей мере руководствоваться принципами толерантности (В.Л. Волгин). Среди протестантов по данной проблеме мнения разделились. С одной стороны, у многих респондентов-протестантов вызвали опасения депутаты-православные и мусульманские священнослужители, которые могут инициировать законопроекты, направленные на ограничение религиозных меньшинств. С другой стороны, возможно, была выражена надежда на прохождение в думу депутатов-протестантов.

* * *

В последние годы в российском обществе довольно остро встал вопрос о преподавании основ религии в школе. До 2008 г. религиозные предметы в школьной программе присутствовали только в виде регионального компонента в некоторых регионах РФ. Однако после обращения в июле 2009 г. лидеров традиционных религий России[26] к Президенту РФ Д.А. Медведеву в последней четверти 2009/10 учебного года в школах 21 региона Российской Федерации началась апробация комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Курс включает в себя шесть самостоятельных учебных модулей: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики». Апробация проводилась в последней четверти учебного года

График 14

Какой вариант вы бы выбрали – чтобы вашему ребенку (внуку) в школе преподавали одну (по выбору семьи) религиозную культуру, или общий курс по различным религиям, или светскую этику?*

четвертого класса и в первой четверти пятого класса общеобразовательной школы. Перед началом обучения родители могли выбрать для своего ребенка один из шести указанных модулей. Этот эксперимент был признан удачным, и с 2012/13 учебного года преподавание курса началось по всей стране в четвертом классе общеобразовательной школы.

Последовательные сторонники светского характера государст-ва выступают против любых форм присутствия религии в государственной системе образования. Это относится и к школе (речь идет о предметах типа «Основ православной культуры» (ОПК)), и к университетам (речь о теологии). Аргументация в первую очередь основана на недопустимости ослабления светского характера образования как одного из ключевых институтов государства. Но приводятся также и другие аргументы – об опасности культивирования религиозных различий между учащимися и о связи мировоззрения, передаваемого учебниками ОПК, с этнической ксенофобией и консервативными настроениями в целом[27]. Сторонники этой точки зрения, как правило, выступают за преподавание еди-

ного курса по истории всех основных религий. Собственно либеральный подход ставит во главу угла не принцип светскости, а право учеников и их родителей выбирать те или иные варианты образования. Это означает и возможность создания вариативного блока предметов, так или иначе касающихся религии[28]. Именно по этому пути пошел эксперимент, начатый в 2009 г. Однако эксперимент выявил его главный недостаток – выбор слишком часто навязывается образовательными учреждениями[29].

Участников опроса спрашивали, какой из модулей ОРКСЭ они бы выбрали для своего ребенка (внука). Чаще всего респонденты выбирали общий курс по различным религиям (см. график 14). Подобный выбор был обусловлен желанием дать ребенку всестороннее образование. Вторым по популярности оказался модуль светская этика. Среди респондентов, выбравших светскую этику, были принципиальные противники религии в школе. Но большинство выбравших данный модуль полагали, что преподаваться будет этикет: «Должны дети знать, как вилку с ножом держать, как вести себя правильно». Суммарно же за неконфессиональные модули (светская этика и общий курс) проголосовало большинство (68%) участников опроса. Это почти полностью совпало с реальными цифрами распределения учащихся по модулям как в ходе эксперимента, так и при начале преподавания предмета по всей стране.

Последователи православия, принявшие участие в опросе, чаще, чем последователи иных религий, выбирали конфессиональный модуль. Этот выбор, как правило, был обусловлен желанием приобщить ребенка к православным традициям: «Мы православные, пусть наши дети православие учат, а мусульмане пусть ислам учат». Но все же большая часть православных респондентов выбрали неконфессиональные модули. Подобный выбор чаще был обусловлен желанием дать ребенку максимально широкое образование. Однако негативное отношение к изучению своей религии в школе некоторые верующие участники опроса объясняли сомнениями в качестве профессиональной подготовки учителей.

Следует отметить, что *в настоящем исследовании большинство последователей всех представленных религий выбрали один из светских модулей.* Кроме широты образования многие респонденты говорили о том, что изучение конфессиональных предметов способно привести к разделению детей по религиозному и этническому признаку: «И так отношения между людьми сложные, зачем еще и в школе детей разделять». Подобные опасения редко высказывались православными респондентами, но часто последователями иных религий.

Практически все респонденты-буддисты выбрали неконфессиональный модуль. Эксперты объясняли это следующим образом:

«Один из постулатов буддизма гласит, что страдания людей проистекают из их невежества. В этой связи неудивительно, что буддисты в большей степени, чем кто-либо, высказались за общий курс по различным религиям и за светскую этику. Эти предметы способны дать детям больше знаний, нежели изучение только одной религиозной культуры» (В.Л. Волгин). Также следует отметить, что ряд респондентов говорили, что они одновременно являются и буддистами и православными: «Мы когда в Сибири жили, когда нас туда выслали, я в церковь ходила православную. Я вообще-то буддистка, но и в буддийский храм хожу, и в православный».

Невысокий процент мусульман, желающих, чтобы их дети в школе изучали ислам, эксперты связывали с широкими возможностями изучения ислама вне школы не только в регионах с традиционным распространением ислама, но и в других российских регионах. Однако в охваченной экспериментом Чечне подавляющее большинство изучало основы исламской культуры.

Относительно иудаизма была выявлена следующая отмеченная экспертом тенденция: «Численность российских евреев сократилась в последние 20 лет в разы, а оставшиеся, как правило, расселены дисперсно. Поэтому в отличие от более многочисленных групп им сложнее "собирать" детей для внешкольного изучения религиозных традиции. В сложившейся ситуации для последователей иудаизма предпочтительней является преподавание в школе основ иудейской культуры» (В.С. Воронцов).

* * *

Не меньшую дискуссию в свое время вызвал вопрос о присутствии священнослужителей в армии. В современном мире институт военных священнослужителей распространен достаточно широко. В армиях стран Европы и Америки военные священнослужители (капелланы) являются органичной частью армии, их служба финансируется государством. Конкретная форма службы капелланов зависит от национальных традиций и конфессионального состава армии. В настоящее время в Российской армии сложилась практика закрепления священнослужителей за воинскими частями на внештатной основе, но планируется вводить штатное военное духовенство. В июле 2009 г. лидеры традиционных религий России[30] обратились к Президенту РФ с предложением рассмотреть вопрос о введении в Российской армии института военных священнослужителей. Предполагается, что военное духовенство будет представлено священнослужителями четырех традиционных религий: православия, ислама, иудаизма и буддизма. На встрече с Патриархом Кириллом, представителями епископата, духовенства РПЦ и цер-

ковной общественности в рамках X церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь – к Дню народного единства» Д.А. Медведев призвал действовать в этом направлении более активно. В то же время попытки введения института военных священнослужителей встречают значительное сопротивление, и реальные шаги в этом направлении практически отсутствуют.

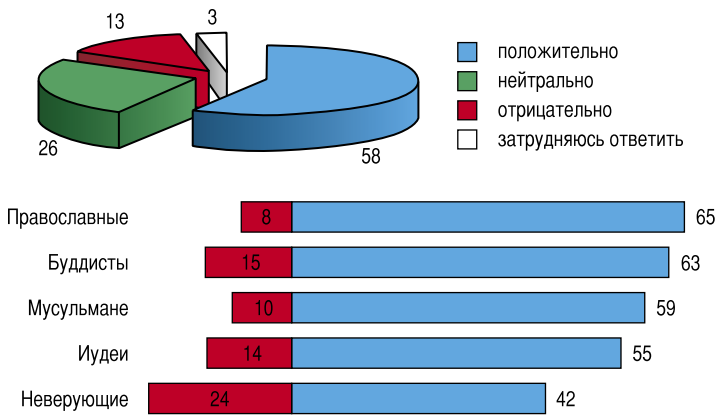
Сторонники введения института военных священнослужителей в пользу своей позиции приводят следующие доводы: сегодня религиозные, в первую очередь православные, традиции в России становятся основой государственно-патриотической идеологии; большинство россиян (в том числе военнослужащих) идентифицируют себя как верующие и должны иметь возможность принимать участие в богослужебной деятельности; воинские священнослужителей будут способствовать гуманизации внутриармейских отношений. Наоборот, сторонники светского характера государства выступают против присутствия священнослужителей в армии уже исходя из того, что армия является одним из основных государственных институтов. Противники введения института воинских священнослужителей также говорят, что в Российской армии неизбежно будут нарушаться права военнослужащих на свободу совести, в частности, права последователей религий, не обладающих значительным числом исповедующих ее[31]. Против введения данного института высказываются некоторые ученые и общественные деятели, придерживающиеся традиционного религиозного мировоззрения. Например, по мнению профессора Российской академии государственной службы при Президенте РФ М. Шахова, «введение института полковых священников в армии и другие формы принудительно-казенного насаждения православия, как и в прошлом, но в еще худшем виде приведет одновременно к профанации и к росту антицерковных настроений в обществе»[32].

В нашем случае большинство участников опроса положительно отнеслись к идее введения института военных священнослужителей (см. график 15). Многие респонденты связывали с появлением в частях священнослужителей надежды на искоренение таких негативных явлений, как «дедовщина». Эксперты отметили, что доминирование среди всех групп опрашиваемых вне зависимости от их отношения к религии мнения о том, что в Россий-ской армии нужны военные священнослужители, свидетельствует о «ненормальной морально-нравственной обстановке в армии, деградации офицерского корпуса, неспособности решить проблему “дедовщины”» (В.С. Воронцов).

Близкие результаты были получены в ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в феврале 2010 г.[33] На вопрос: «Как Вы считаете,

График 15

Как вы относитесь к идее ввести в Российской армии институт военных священнослужителей?



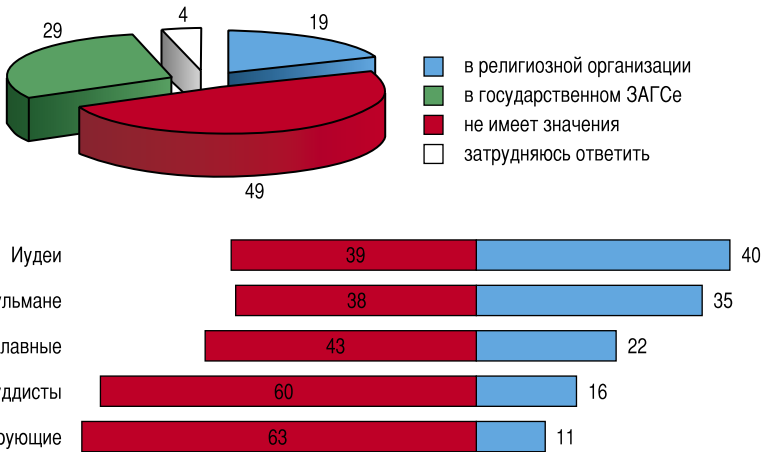
нуждается ли современная Российская армия в военных капелланах?» 45% ответили утвердительно, 19% – отрицательно, 18% затруднились ответить, 17% выбрали ответ «и да, и нет». Таким образом, *российское общество в целом поддерживает введение института священников в армии как механизм психологической поддержки военнослужащих и гуманизации отношений в армейских коллективах.*

* * *

Сегодня в одних странах (например, во Франции, Германии, Бельгии, Японии) официально признается только брак, зарегистрированный в государственных органах. В других странах (например, в Италии, Испании, Великобритании) наряду с гражданской существует и церковная форма заключения брака. В ряде стран допускается исключительно религиозное оформление браков (Израиль и некоторые исламские страны). До Октябрьской революции браки в России регистрировались конфессиями, к которым принадлежали лица, вступавшие в брак. Исключение составляли лишь браки раскольников, получавшие юридическое признание после их регистрации в полицейских органах[34]. В современной России ни церемония бракосочетания в церкви, ни брак, заключенный по местным или национальным обрядам, не являются браком с юридической точки зрения и не порождают никаких правовых последствий. К венчанию в церкви допускаются лишь те лица, у которых уже

График 16

Если бы сегодня в России религиозным организациям предоставили право регистрировать браки, как бы вы предпочли зарегистрировать брак (ваш, ваших детей, внуков)?



зарегистрирован брак в органах ЗАГСа. Если у пары официально брак не зарегистрирован, то им отказывают в церковном венчании. Церковь полагает, что выполнение гражданского семейного права – это тот минимум, который необходим для верующих. Если существуют какие-либо препятствия к гражданской регистрации брака, то церковь полагает несомненным наличие препятствий и к браку с точки зрения церковного права[35]. Аналогичную позицию занимают сегодня и другие религиозные организации.

Каждый второй участник нашего опроса пожелал зарегистрировать брак (свой, своих детей, внуков) в государственном ЗАГСе и лишь каждый пятый – в религиозной организации (см. график 16). В то же время предпочтительное отношение к форме регистрации брака существенным образом зависит от религиозной принадлежности респондента. Если неверующие, буддисты и православные, как правило, высказывались за государственную регистрацию, то среди иудеев и мусульман ни религиозная, ни светская форма регистрации брака не получила явного преимущества.

Предпочтение государственной регистрации брака, выраженное большей частью опрошенных, во многом связано с легкостью его расторжения при общем ослаблении института брака в обществе и, как следствие, распространенностью разводов и так называемых гражданских браков. В то же время значение религиозного брака является более высоким, его сложно расторгнуть, поэтому

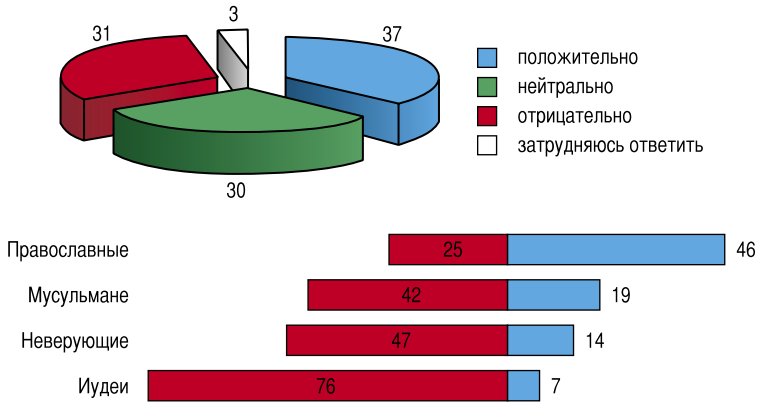
такая форма имеет большое значение для мусульман и иудеев в связи с более глубокой интеграцией религии с обыденной жизнью. Многие православные верующие участники опроса, в целом считая, что религиозный брак обладает несомненными преимуществами, все же юридическое оформление предпочитали доверить государству. Православные респонденты говорили, что хотели бы одновременно участвовать в религиозной церемонии и зарегистрировать брак в государственном органе. Нужно учитывать, что религиозная регистрация браков де-факто в России давно существует, особенно это касается мусульманского населения ряда регионов Северного Кавказа. В этих регионах все шире входит в практику, особенно среди молодежи, регистрация брака в религиозной организации без регистрации в государственных органах. Эксперты отмечали, что среди мусульман Поволжья и Урала, особенно в случаях второго брака, проводится только религиозное заключение брака.

При опросе никто из респондентов напрямую не говорил о принятом, например, в исламе многоженстве. Однако эксперты высказали предположение, что некоторые респонденты-мусульмане, предпочитая религиозную регистрацию брака, имели в виду именно многоженство. Эксперты отмечали, что введение практики религиозной регистрации брака может создать юридически крайне противоречивую ситуацию: «Равенство государственного и религиозного браков, если таковое будет иметь место, будет способствовать укреплению института многоженства, принятого у ряда конфессий, а следовательно, нарушению конституционного принципа равенства полов» (Л.Л. Хопёрская). Желание зарегистрировать брак в религиозной форме многие респонденты-иудеи связывали с тем, что в Израиле не существует светской регистрации браков: «В Израиле только религиозные браки. Так у нас принято». Сдержанное отношение буддистов к идее регистрации браков религиозными организациями эксперты связывали с отсутствием среди них подобной традиции.

Средства массовой информации и правозащитники внимательно отслеживают и подвергают критике случаи проникновения религии в сферы не только государственной власти, но и в частный бизнес. Например, в 2010 г. предметом широкого обсуждения в СМИ стали действия президента агрохолдинга «Русское молоко» Василия Бойко-Великого, предписавшего своим сотрудникам обвенчаться со своими супругами, не делать аборты и пройти курс основ православной культуры. Освещавшие эту историю СМИ подчеркивали, что «с правовой точки зрения заявление бизнесмена – это дискриминация по религиозным признакам, которая запрещена трудовым кодексом и Конституцией»[36]. Против дейст-

График 17

Если бы у вас на работе во всех помещениях повесили иконы, как бы вы отнеслись к этому?



вий руководства «Русское молоко» выступила и Московская Патриархия. Столь экстремальные ситуации не являются типичными. В российских госучреждениях не принято размещать религиозные атрибуты в служебных помещениях. В то же время такая практика, например в отношении икон, на частных предприятиях получила распространение. В ответах на этот вопрос участники исследования разделились на три примерно равные части (см. график 17). Каждый четвертый православный респондент высказался против размещения икон в рабочих помещениях, что обусловлено не негативным отношением к религиозности, а мнением, что «размещение икон на работе просто неуместно». Некоторые респонденты говорили о том, что иконы в рабочих помещениях могут неадекватно восприниматься верующими иных религий. «У мусульман или иудеев иконы запрещены. Поэтому это будет ущемлять их. А надо, чтобы всем было комфортно. Если в специальных помещениях… но не в каждой комнате».

* * *

Российские религиозные объединения ведут разнообразную социальную работу. Она направлена на группы, требующие особого внимания и заботы: неимущие, малообеспеченные, попавшие в трудную жизненную ситуацию, склонные к девиантному поведению. Конфессии организуют помощь старикам, инвалидам, людям, страдающим тяжелыми заболеваниями, посещают детские дома и дома престарелых, раздают гуманитарную помощь, организуют

питание бездомных и т. п. В докладе Патриарха Кирилла на епархиальном собрании Москвы в 2010 г.[37] были приведены следующие цифры: в 2010 г. в Москве насчитывалось 63 группы милосердия, 53 пункта приема и распределения пожертвований, 25 групп помощи заключенным. Благотворительные столовые имеются при 22 храмах, помощь алкоголикам и наркоманам оказывают 20 московских приходов и монастырей, патронажные службы имеют 12 храмов, церковных детских домов – 4.

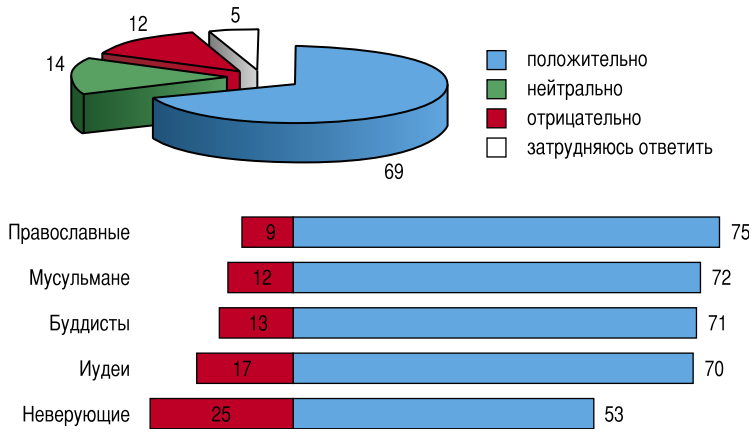
Исламские организации также уделяют большое внимание благотворительной помощи нуждающимся мусульманам, в основном престарелым и больным людям, а также семьям, имеющим 10 и более детей. В мечети нередко обращаются беженцы из бывших республик СССР, дети-сироты, люди без определенного места жительства, освобожденные из мест заключения. Им оказывается помощь из пожертвований, собранных во время пятничной молитвы и мусульманских праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам[38]. Мечети и общины мусульман выполняют немаловажную роль по социальной адаптации трудовых мигрантов-мусульман. Эта работа ведется Советом муфтиев России совместно с Федеральной миграционной службой. «Имамы в мечетях ведут воспитательную работу, звучат обращения к иностранным рабочим, призывы соблюдать лучшие традиции поведения, предписанные исламом, являющиеся и общегуманистическими нормами. Мы ведем занятия по русскому языку для мигрантов, знакомим их с азами правовой грамоты»[39].

Развита социальная работа в религиозных организациях российского иудаизма. Во многих городах России действует сеть благотворительных столовых, в которых нуждающиеся евреи получают бесплатные обеды и продуктовые наборы. При еврейских общинных центрах работают пункты бесплатного распределения одежды среди малоимущих, выделяются дотации на лекарства и лечение, оказывается помощь в организации похорон[40]. Активную социальную работу ведут и протестантские церкви. В качестве примера можно сказать об активной работе с наркозависимыми и алкоголиками. По словам начальника отдела по работе с общественными и религиозными организациями аппарата полпреда Президента РФ в ЦФО М. Белогубовой, количество реабилитационных центров для наркоманов, созданных на базе евангельских общин, многократно превосходит число аналогичных центров, организованных православными[41]. В то же время среди религиозных и светских деятелей есть как сторонники, так и противники широкой социальной деятельности религиозных организаций.

Больным является вопрос о детских домах и приютах. В настоящий момент в Российской Федерации насчитывается 69 пра-

График 18

Как вы относитесь к идее передать часть детских домов под управление традиционных российских религиозных организаций?



вославных детских домов и приютов[42], где проживают, получают образование и воспитываются дети, оставшиеся без попечения родителей. Обычно в этих негосударственных образовательных учреждениях проживают от 12 до 25 детей в возрасте от 6 до 17 лет. Чаще всего православные детские дома/приюты организуются при каком-либо храме (или в них обустраивается свой домовый храм), поэтому всегда имеется духовник. Иногда детей забирают в семьи прихожане. Дети чаще всего посещают обычную, находящуюся поблизости школу. Помимо изучения Закона Божьего, организуются разнообразные внешкольные занятия: рисование, пение, лепка, театральные студии, спорт, столярное и швейное дело и т. п. Воспитанники ездят в паломнические поездки к православным святыням. Российские иудеи оказывают поддержку государственным детским домам и приютам. В Москве имеется еврейский детский дом, в котором воспитывается около 30 детей[43].

Большинство участников опроса положительно отнеслись к идее передать часть детских домов под управление религиозных организаций (см. график 18). Как правило, позитивное отношение к религиозным детским домам было обусловлено мнением, что система государственных детских домов работает неудовлетворительно. Значительное преобладание даже среди неверующих тех, кто относится положительно к передаче детских домов под управление церкви, свидетельствует о том, что государство плохо справляется со своими обязанностями материального и духовного обеспечения

детей, оставшихся без попечения родителей. Эксперты отмечали, что данные результаты являются тревожным сигналом: «Когда абсолютное большинство верующих и неверующих поддерживают идею о передаче части детских домов под управление религиозных организаций – это серьезный повод задуматься. Значит, в обществе возникли сомнения в способности государства защищать своих несовершеннолетних граждан» (В.С. Воронцов). Кроме негативной оценки мер социальной защиты со стороны государства результаты опроса свидетельствуют, что в россий-ском обществе высок уровень доверия к религии как к «институту, транслирующему духовно-нравственные ценности, поэтому респонденты могут предположить, что именно в религиозных детских домах детям будет хорошо» (В.П. Клюева).

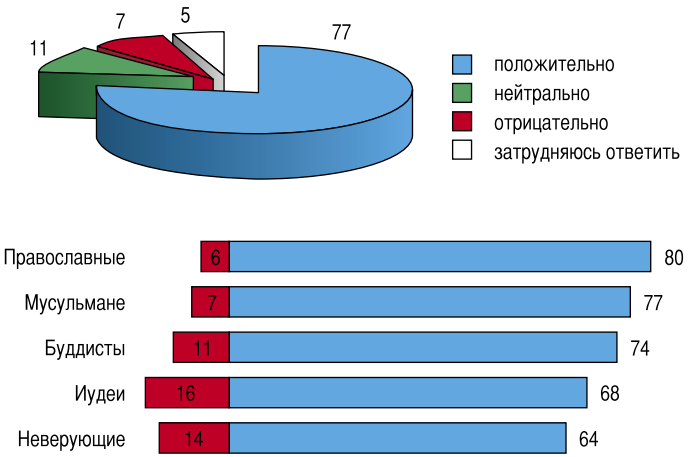
Относительно часто (25%) против организации религиозных детских домов высказывались неверующие респонденты: «Не надо передавать. В мусульманских детских домах они будут шахидов воспитывать, а в православных – овец растить». В то же время половина неверующих участников опроса высказались за организацию религиозных детских домов. Со своей стороны эксперты выразили предположение, что «положительное отношение значительного числа респондентов, возможно, связано с тем, что и ранее – в дореволюционной России существовала подобная практика. Сказывается информированность (через СМИ, кино- видеопродукцию) о современной западной традиции устройства приютов и детских домов при монастырях и храмах» (В.С. Кан, Д.К. Тулуш). По мнению экспертов, россияне хорошо осведомлены о том, что религиозные организации активно работают и в других сферах, не относящихся к образованию, но имеющих отношение к воспитанию – в местах лишения свободы, с беспризорниками и нищими, с наркоманами. В этих средах наиболее активно действуют протестантские организации – баптисты, пятидесятники, адвентисты (Т.Б. Смирнова).

Абсолютное большинство участников опроса положительно отнеслись к идее передать под управление религиозных организаций дома престарелых (см. график 19). Эту идею поддержали последователи традиционных российских религий и неверующие участники опроса. Немногочисленные противники передачи домов престарелых религиозным организациям говорили о том, что опасаются насильственного вовлечения людей в религиозную жизнь. В целом же *россияне считают, что социальная деятельность религиозных организаций приносит российскому обществу значительную пользу, и высказываются за ее расширение.*

В этой главе на основе социологического опроса и сопоставления результатов с реальными практиками и документами мы попы-

График 19

Как вы относитесь к идее передать часть домов престарелых под управление традиционных российских религиозных организаций?



тались выявить важнейшую составляющую самосознания россиян, а именно – как соотносятся между собой две части граждан (верующие и неверующие) и две идеологии (светская и религиозная) применительно к ряду важнейших аспектов нормативно-нравственной и общественно-политической жизни. Можно сделать следующие основные выводы.

Мировоззрение большинства россиян одинаково далеко как от либерального, так и от клерикального. Скорее *россиян можно назвать светскими традиционалистами.* Россияне высоко ценят традиционную религиозную нравственность, но желают жить в светском обществе. Россияне считают, что современное российское общество испытывает значительный дефицит нравственности, и религиозные объединения, с их точки зрения, играют роль хранителей традиционных нравственных устоев. Россияне приветствуют участие религиозных лидеров в жизни общества в качестве нравственных арбитров, которые следят за тем, насколько российское общество соответствует традиционным морально-нравственным эталонам. Россияне считают, что общество изменится к лучшему, если государственные служащие будут следовать религиозной нравственности, а в Государственной думе среди депутатов будут представлены священнослужители. Также они приветствуют участие религиозных лидеров в острых общественных дискуссиях. В то же время *многие россияне не разделяют точку зрения, что нравственность может быть исключительно религиозной.*

По вопросам современных биомедицинских технологий большинство россиян, в том числе многие последователи традиционных российских религий, не разделяют традиционные религиозные взгляды. Большинство россиян (64%) считают, что эвтаназию следует легализовать для неизлечимых тяжело страдающих больных; по мнению половины (51%) россиян, аборты по социальным показателям допустимы.

Что касается государственно-конфессиональных отношений и сферы политики, то *россияне хотят жить в светском обществе и не приветствуют форсированное внедрение религии во многие сферы, управляемые государством*. Большинство (68%), в том числе многие верующие, предпочли, чтобы в государственных школах их детям (внукам) преподавали не конфессиональные, а светские предметы – историю религий, светскую этику. Также россияне не хотят, чтобы религиозные организации замещали государство в таких сферах, как, например, юридическая регистрация браков. Большинство участников настоящего опроса (59%) высказались против идеи предоставления традиционным российским религиям законодательно закрепленного особого статуса.

Положительно к идее создания религиозных политических партий отнесся лишь каждый третий (34%) участник опроса, отрицательно – каждый второй (50%). Отношение к идее создания религиозных партий в значительной степени зависит от религиозности и конфессиональной принадлежности. Неверующие россия-не, а также буддисты и иудеи относятся к созданию религиозных политических партий негативно. В то же время среди православных и мусульман число сторонников идеи создания религиозных политических партий достаточно велико (41% среди православных и 42% среди мусульман).

Что касается социальной миссии, то большинство россиян не разделяют точку зрения, что религиозные организации должны ограничиваться лишь богослужебной деятельностью. *Россияне приветствуют широкую социальную деятельность Русской православной церкви, исламских и иных религиозных организаций* в надежде, что это поможет преодолеть социальные недуги российского общества, эрозию морально-нравственных устоев.

[1] Подробнее см. издание для Общественной палаты Российской Федерации: Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды / Под ред. М.В. Романова и В.В. Степанова. М., 2012.

[2] Интервью журналу «Time». 2007. 19 дек.

[3] Выступление на встрече с патриархом Кириллом, представителями епископата и духовенства РПЦ и церковной общественности в рамках X Церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь – к Дню народного единства». 2011. 5 нояб.

[4] *Дубин Б.* «Легкое бремя»: массовое православие в России 1990–2000-х годов // Религиозные практики в современной России. М., 2006. С. 69–86.
[5] Клерикализация открывает «ящик Пандоры» // ReligioPolis. 2011. 18 фев.
[6] См.: Основы религиозных культур и светской этики: Книга для учителя / Под ред. В.А. Тишкова и Т.Б. Шапошниковой. М., 2011.
[7] Перечень экспертов и ссылки на их фамилии в цитатах см.: Религия в российском обществе…
[8] *Чаплин В.* Произведения Набокова и Гарсиа-Маркеса необходимо проверить на пропаганду педофилии // Эхо Москвы. 2011. 28 сент.
[9] *Чаплин В.* Ответ авторам обращения к патриарху Кириллу по поводу женского дресс-кода // Интерфакс-религия. 2011. 18 янв.
[10] Людмила Алексеева встретила идею «православного дресс-кода» в штыки // Там же.
[11] В России совершается 3–4 млн абортов ежегодно и более половины супругов разводятся // Интерфакс. 2011. 29 июня.
[12] Перейдет ли Россия от аборта к планированию семьи // Демоскоп. weekly. № 465–466. 2011. 2–22 мая.
[13] Мусульмане поддержали инициативу по запрету абортов // Башинформ.ru. 2011.17 янв.
[14] Эвтаназия: разрешить или запретить // Эхо Москвы. 2004. 11 дек.
[15] В*ерховный муфтий Талгат Таджуддин*. Права общества выше прав отдельной личности // Известия. 2006. 3 мая.
[16] Дядя, отойди от тыквы! // Московский комсомолец. 2011. 19 нояб.
[17] См.: *Бергер П.* Религиозный плюрализм в эпоху плюрализма / Пер. с англ. Е. Унанянц (http://www.projectsundicate.org/commentary/berger1/Russian). См. также: *Узланер Д.А.* Секуляризация как социологическое понятие (по исследованиям западных социологов) // Социс. 2008. № 8. С. 65–66.
[18] Открытое письмо 10 академиков РАН Президенту РФ В.В. Путину от 24 июля 2007 г.
[19] В России 69% православных и 5% мусульман – опрос о религии // Сайт Левада-Центр. 2001. 8 сент.
[20] *Святейший Патриарх Кирилл.* Принесение Пояса Пресвятой Богородицы позволило увидеть горячую, искреннюю веру миллионов людей // Патриархия.ru. 2011. 27 нояб.
[21] *Себенцов А.* Дух закона и правда жизни // НГ-Религии. 2007. 19 сент.
[22] *Прот. Чаплин В.* Церковь не старается подменить собой государство // Православие и мир. 2011. 14 июля.
[23] Практика заявлений и действий иерархов, духовенства, монашествующих и мирян во время предвыборных кампаний. Проблема выдвижения духовенст-вом своих кандидатур на выборах. Документ принят 2 февраля 2011 г. Архиерейским собором РПЦ.
[24] Подробнее см.: *Логинов А.В.* Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005; *Силантьев Р.А.* Ислам в современной России: Энциклопедия. М., 2008. С. 71–95.
[25] Практика заявлений и действий иерархов…
[26] Обращение Святейшего Патриарха Кирилла и лидеров традиционных религий России к Президенту РФ по вопросу преподавания в средних учебных заведениях основ религиозной культуры // Официальный сайт московского патриархата. 2009. 22 июля.
[27] Открытое письмо 10 академиков РАН Президенту РФ В.В. Путину; В защиту светской России // Коллективное действие. 2007. 1 авг.

[28] В*ерховский А.* Что вызывает опасения в проникновении религии в школу и что из этого следует // Центр «Сова». 2005. 25 февр.
[29] Общественный совет обсудил итоги апробации учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики // Сайт Общественного совета Министерства образования и науки. 2011. 8 нояб.
[30] Обращение Святейшего Патриарха Кирилла…
[31] *Мозговой С.* Взаимоотношения армии и церкви в Российской Федерации // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2005. № 3 (http://pipss.revues.org/index390.html).
[32] *Шахов М.О.* Клерикализация России: миф или реальность? //Национальные интересы. 2002. № 5 (22).
[33] Армия и вера. Пресс-выпуск № 1436 // Сайт ВЦИОМ. 2010. 24.02.
[34] *Косова О.Ю.* Фактические браки и семейное право // Правоведение. 1999. № 3.
[35] См.: *Цыпин В., прот.* Церковное право. М., 1994.
[36] Сотрудники компании «Русское молоко» обязаны будут обвенчаться со своими супругами до 14 октября // Эхо Москвы. 2010. 12 авг.
[37] Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на епархиальном собрании г. Москвы. 2010. 22 дек.
[38] Благотворительные программы Совета муфтиев России // Сайт СМР (http://www.muslim.ru).
[39] Выступление Председателя СМР Равиля Гайнутдина на встрече Президента РФ Д.А. Медведева с руководителями мусульманских организаций России. 2011. 7 июля.
[40] Социальные программы Федерации еврейских общин России // Сайт ФЕОР (http://www.feor.ru)
[41] Аппарат полпреда президента в ЦФО признал социальную работу протестантов самой эффективной // Credo.ru. 2005. 25 марта.
[42] См.: База данных по социальному служению на сайте Синодального отдела по церковной благотворительности РПЦ (http://www.miloserdie.ru/database).
[43] Сайт Российского еврейского конгресса (http://www.rjc.ru).

Глава 20

МОЛОДЫЕ РОССИЯНЕ: НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ?

Настоящая глава посвящена проблеме молодежного самосознания в России. Почему мы выделяем молодежную когорту, а не взрослое население? Потому что молодые граждане страны не обременены советской идентичностью, если не считать выученную от взрослых романтизированную ностальгию по «рожденным в СССР». Исследования социологов показали, что российское самосознание среди современной молодежи всех национальностей является доминирующим[1]. Хотя молодежь не отличается более массовым в сравнении с другими группами населения чувством российской идентичности, но ее уровень очень высокий и не ниже, чем среди молодежи других развитых наций мира (немцев, испанцев, британцев, французов).

По последним замерам российских социологов примерно 80–95% опрашиваемой молодежи заявляют, что считают себя россиянами и ощущают свою связь с Россией. Более того, российское самосознание выражено у молодых россиян очень интенсивно: до 70% опрашиваемых отвечают, что ощущают сильную связь с гражданами России. Это очень высокий показатель, особенно если учитывать, что десятилетие тому назад эта цифра составляла всего 30%. Российская молодежь отличается тем, что сильнее, чем в других группах населения, национальная (гражданская) идентичность основана именно на чувстве принадлежности к единому государству, и она в настоящее время заметно сильнее, чем этническая идентичность. При этом, как подтвердится и нашим опросом, среди молодежи меньше таких, кто разделяет позицию «Россия – общий дом всех народов» (40% против 47% по массиву опрошенных в целом). Зато среди молодых больше приверженцев позиции «Россия должна быть государством русских людей» (20% против 14% по всем опрошенным). Наконец, свыше 80% молодежи разделяют позицию «Нужно быть патриотом России». Это смешение русского национализма с общероссийским патриотизмом довольно характерно для идеологии именно русского национализма[2]. Драматичность ситуации состоит в том, что новая идентичность молодого поколения оказалась к большой неожиданности для многих обременена значимыми настроениями национализма и ксенофобии. Открытость российского общества последних двух

десятилетий, возможность для десятков, если не сотен тысяч, молодых людей выезжать на учебу в западные страны, путешествия по миру оказались недостаточными, чтобы уберечь молодежь от влияния ультранационалистических и даже нео-фашистских идей, от поклонения идеологии нетерпимости, от создания «групп ненависти» и участия в насилии.

По нашему первичному убеждению, за этим стояло прежде всего воздействие взрослых агитаторов – сторонников националистических взглядов, включая пораженных бытовой ксенофобией и антилиберализмом учительско-профессорский состав многих российских школ и вузов. Знамя консерватизма как основы университетского образования уже давно было вывешено над вузовским сообществом, хотя, казалось бы, должно было быть наоборот. Про представителей средств массовой информации и литературно-киносценических интерпретаторов вообще все ясно: они почти дословно повторяют многие годы в публицистической и художественной форме примитивную пропаганду кризиса и распада, хотя почти поголовно все переселились из литфондовских и других скромных пансионатов в дорогие интерьеры своих квартир и особняков.

Российская молодежь и не могла быть другой в среде всеобщих стенаний и обличений. Поворот к национализму и антизападничеству стал проявляться еще в конце 1990-х годов и расцвел в полной мере примерно через десятилетие. И все же необходимо было какое-то более обстоятельное исследование для подтверждения нашей предконцепции, особенно после того, как в декабре 2010 г. в Москве на Манежной площади случился массовый митинг типа уличного бунта. Некоторые взрослые идеологи объявили это происшествие началом новой русской революции и моментом рождения новой русской нации, предрекая сотни новых «кондопог» и «манежек» как принципиально новых массовых практик со стороны русского народа. Как писал профессор МГИМО В.Д. Соловей, «в основе событий на Манежной площади лежат два фактора. Первое – это этнический протест русских, протест против ряда национальных группировок, которые пытаются русским, в русской столице, на русской земле диктовать свои правила игры нагло и бесцеремонно. И второе – это гражданский протест против власти, это стремление к справедливости»[3].

На самом деле никаких подобных «массовых практик» пока не случилось, но сама проблема молодежных настроений и поведения, восприятие молодыми россиянами своей страны и ее народа представляют огромную важность. Тем более, что фактор так

называемого «молодежного навеса» (youth bulge)* вполне серьезно рассматривается специалистами как один из тех, которые могут привести то или иное общество в состояние кризиса и даже коллапса[4]. Несмотря на то что мною в свое время был подвергнут критике этот американский проект за его слабую верификацию и за эффект предписательности (особенно это касалось итогового списка стран с предположительно высоким риском распада), тем не менее невозможно отрицать первичную роль именно молодой когорты (особенно мужчин) в радикальных проектах и в массовых выходах из правового пространства, как невозможно отрицать противоречивую роль поголовного получения молодежью высшего образования в формировании завышенных социальных ожиданий и протестных настроений.

В контексте вышесказанного под моим научным руководством в конце 2011 г. Агентством социальных технологий «Политех» совместно с Сетью этнологического мониторинга (EAWARN) по заказу Общественной палаты Российской Федерации было проведено социологическое исследование в рамках подготовки слушаний на тему «Молодежный националистический экстремизм: причины и следствия»[5]. Исследование проводилось в крупных городах. В Российской Федерации, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 12 городов имеют численность постоянного населения более миллиона человек. Именно в крупных городах происходят чаще массовые беспорядки молодежи, когда при больших скоплениях людей трудно предупредить противоправные действия молодежи. Опрос проводился среди молодежи Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Челябинска. После декабрьских молодежных выступлений в Москве в этих городах имели место те или иные молодежные акции в поддержку выступления на Манежной площади. Исследование было выполнено методом телефонного анкетирования, и всего было опрошено 1600 респондентов в возрасте от 15 до 30 лет, в Москве – 350 респондентов, в остальных городах – по 250. Отбор телефонных номеров проводился по простой случайной выборке. Внутри каждого города выборка квотировалась по полу и возрасту в соответствии с половозрастной структурой населения. Также были проведены экспертные интервью с представителями правоохранительных органов, специалистами сферы государственного управления, учеными.

---

* Речь идет о чрезмерно большой доле среди населения той или иной страны лиц в возрасте от 15 до 29 лет, создающих проблему справедливого доступа к ресурсам и статусным положениям, вызывая тем самым кризисы и революционные потрясения.

* * *

Декабрьские 2010 г. выступления молодежи в связи с убийством спартаковского болельщика Егора Свиридова, вылившиеся в беспорядки на Манежной площади в Москве и прокатившиеся по некоторым российским городам, вызвали большой общественный резонанс. Спектр суждений был самым широким – от осуждения «националистического путча» и «фашистского погрома» до восторгов по поводу *«пробуждения русского народа»* и *«начала становления истинного гражданского общества»*. Вне зависимости от отношения к этим выступлениям нельзя не признать тот факт, что тысячи молодых россиян стояли под националистическими плакатами и скандировали националистические лозунги. А по результатам настоящего исследования большинство молодежи, проживающей в крупных российских городах, в той или иной степени сочувствуют этим лозунгам, и они не вызывают отторжения у подавляющей части российской молодежи. Именно с этого времени националистические призывы и лозунги стали заметным атрибутом социального пространства, а в СМИ были выпущены одуревшие от восторга главные теоретики ксенофобии и национализма. Ярким проявлением этого в 2012 г., в частности, стала программа на НТВ «Реакция Вассермана» с участием Егора Холмогорова. Также фактом является и то, что значительная часть общества не увидела в этом ничего предосудительного, а передача получила высокий рейтинг.

В опросе, который был проведен агентством «Политех», каждый третий (34%) респондент сказал, что к выступлениям на Манежной он относится с сочувствием, однозначное осуждение высказал лишь каждый пятый (20%) участник опроса. 29% респондентов заявили, что относятся к событиям на Манежной «нейтрально» или затруднились с ответом. Принимая во внимание тот факт, что речь идет о массовых столкновениях с властями, а представители власти обещали выявить и наказать участников беспорядков, «нейтральное» отношение, а также нежелание отвечать следует рассматривать как скрытую форму поддержки. Таким образом, явное большинство городской молодежи (76%)*, как минимум, не осуждают декабрьские события (см. график 1).

По отношению к событиям на Манежной различия между городами состоят лишь в степени информированности. Процент осуждающих (среди тех, кто знает о декабрьских волнениях) в разных городах примерно одинаков и варьируется от 20,4% до 29,8% (см. график 2). Тот факт, что отношение к декабрьским

---

* Процент от тех, кто осведомлен о событиях на Манежной.

График 1

Как вы относитесь к декабрьским выступлениям на Манежной площади?
% от всех опрошенных

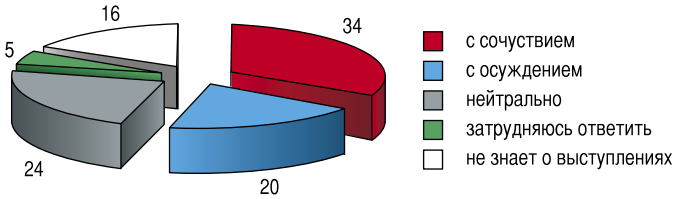
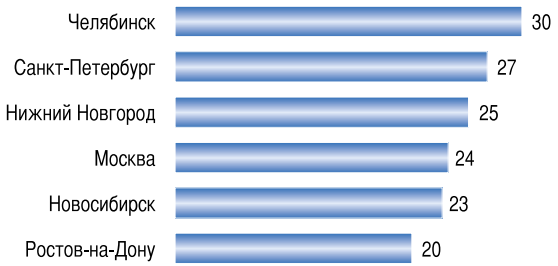


График 2

Число респондентов, осуждающих выступления на Манежной площади,
% от респондентов из соответствующего города, знающих о выступлениях на Манежной



волнениям в городах, удаленных друг от друга на тысячи километров, практически идентично, говорит о том, что на площади молодежь вывели не только действия «зачинщиков» и не только возмущение конкретным преступлением. Причины гораздо глубже и отражают отношение молодых россиян к состоянию современного российского общества.

Показательным представляется тот факт, что отношение к событиям на Манежной респондентов – русских и представителей других национальностей* практически идентично. Эти результаты заставляют взглянуть на декабрьские выступления не в упрощенных координатах «межнационального конфликта», а более адекватно – с точки зрения доминирующих социальных процессов,

* Опрашивались представители всех национальностей, кроме представителей Кавказа. В опросе приняли участие представители следующих национальностей: русские, башкиры, белорусы, евреи, казахи, калмыки, курды, молдаване, немцы, поляки, сербы, таджики, татары, турки, туркмены, украинцы, чуваши, якуты.

которые формируют молодежный радикализм и соответствующее отношение к государству, власти и обществу в целом.

Отдельного и более внимательного изучения и учета требует проявивший себя со всей очевидностью фактор быстрых массовых мобилизаций через систему социальных сетей в Интернете и через популярные информационные Интернет-порталы. Современный феномен массовых практик пополнился организованными и, как правило, внеправовыми акциями типа флэш-мобов (несанкционированность в данном случае является сутью самого действия), когда становятся важны не столько содержание лозунгов и планирование кампании или акции, сколько демонстрация возможности собрать в одном месте под одним и обычно простым лозунгом большую толпу молодежи, желающей реализовать свое стремление испытать чувства сопричастности к громким событиям и к «большому делу». Идеологи и практики национализма шовинистического толка с огромным воодушевлением восприняли данные молодежные выступления как долгожданное для них торжество «русского дела» и его «силы» или же как доказательство врожденного криминалитета «кавказцев» и других «чужаков». Однако суть дела, как явствует из социологического исследования, заметно отличается от этих упрощенных оценок. Причем следует учитывать, что данное исследование не анализирует саму акцию и мотивы ее участников, а отношения к ней среди российской молодежи. Это отношение основано не на лично пережитом опыте или на прямых свидетельствах (участники акции не попали в число опрашиваемых), а на медийных и на бытовых интерпретациях того, что произошло в Москве в декабре 2010 г. В этой связи важно отметить, что в дни этих событий и вскоре после них на телеэкранах и в радиоэфире «отметились» почти все лидеры радикально-националистических групп и их идеологические наставники, которые пытались узурпировать трактовку произошедшего в свою пользу и которые частично в этом преуспели. Перед этой якобы наступающей «грозной силой» дрогнули даже некоторые высокие государственные деятели, не говоря уже о генералах, чья миссия была обеспечивать порядок, а не пасовать перед погромщиками в масках. Только с учетом вышеназванного имеет смысл рассмотреть более подробно молодежную реакцию в крупных российских городах.

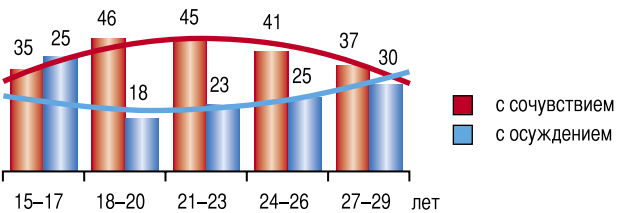
В целом учащиеся средних специальных учебных заведений относятся к выступлениям на Манежной с большим сочувствием, чем учащиеся вузов. Аналогичная зависимость наблюдается для старшего молодежного возраста (от 25 до 29 лет) – чаще всего с осуждением о декабрьских событиях говорили респонденты с высшим образованием. Практически никто из респондентов со

График 3

Число респондентов, осуждающих выступления на Манежной площади,
% от респондентов из соответствующей группы, знающих о выступлениях на Манежной*

График 4

Как вы относитесь к декабрьским выступлениям на Манежной площади?
% от респондентов из соответствующей группы, знающих о выступлениях на Манежной



средним и неполным средним образованием не осуждал участников декабрьских беспорядков. Наиболее проблемной представляется возрастная группа от 18 до 20 лет (см. графики 3 и 4). В этой группе больше всего сочувствующих событиям на Манежной и меньше – осуждающих. Отношение к беспорядкам на Манежной никак не зависит от таких социально-демографических показателей, как пол респондента и его доход.

Таким образом, наибольшее влияние на отношение к декабрьским событиям оказывает фактор образования. Видимо, следует обратить внимание на то, что лица, миновавшие обучение в старших классах общеобразовательных школ и продолжившие обучение в учреждениях среднего специального образования, настроены более радикально. Следует высказать предположение, что гуманитарные дисциплины в средних специальных учебных заведениях преподаются на низком уровне, и данное упущение приводит к дефициту толерантности в этой среде. *В свете тенденции усиления внимания государства к техническому образованию вывод о необходимости поддержки именно гуманитарного образования для сохранения социального и межнационального мира представляется особенно актуальным.*

Для выявления причин возможной противоправной массовой активности молодежи (в том числе националистического характера) важно понять, почему молодежь в современном мегаполисе способна на крайние формы протестного поведения или по крайней мере почему молодежь выражает поддержку подобным выступлениям. Одни эксперты считают, что события на Манежной были националистическими по форме и по сути, другие, – что национализм был лишь формой, в которую воплотился социальный протест. По результатам опроса можно утверждать, что характеристики этих событий как «акций протеста» или как «националистических выступлений» в целом не противоречат друг другу. Разница состоит в расстановке акцентов. События на Манежной были проходившей под откровенно националистическими лозунгами акцией протеста против преступности и коррумпированности правоохранительной системы.

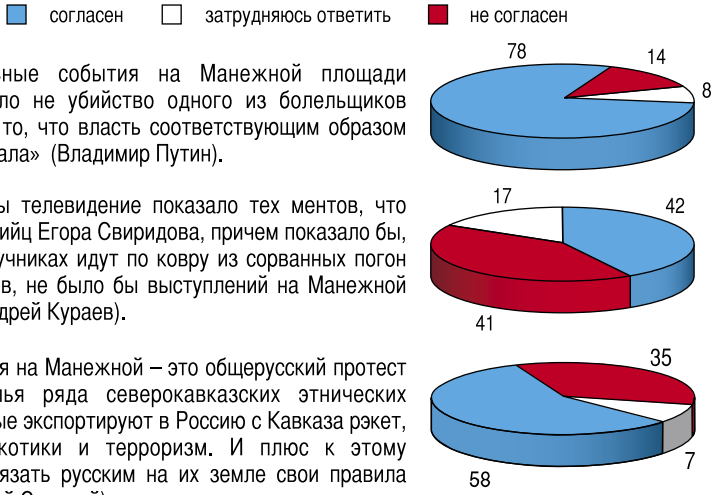
* * *

Большинство политиков и общественных деятелей события на Манежной называли «акцией протеста» против этнической преступности и коррумпированности правоохранительной системы. Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин сказал, что трагедию с одним из болельщиков "Спартака" спровоцировало то, что власть соответствующим образом не отреагировала, и получилось так, что людей, которые причастны к убийству, отпустили. Схожая оценка последовала от известного религиозного деятеля Андрея Кураева: «Протест на Манежной лишь по виду национализм. По сути это крик боли и отчаяния от того, что те, кто призваны нас защищать, нас же и предают. Погром всегда – реакция беззащитных, которые устали надеяться на защиту со стороны властей. Это уродливая реакция на уродство тех,

График 5

Согласны ли вы со следующими утверждениями...*

% от респондентов, знающих о выступлениях на Манежной



1. «Печальные события на Манежной площади спровоцировало не убийство одного из болельщиков "Спартака", а то, что власть соответствующим образом не отреагировала» (Владимир Путин).

2. «Если бы телевидение показало тех ментов, что освободили убийц Егора Свиридова, причем показало бы, как они в наручниках идут по ковру из сорванных погон их начальников, не было бы выступлений на Манежной площади» (Андрей Кураев).

3. «События на Манежной – это общерусский протест против засилья ряда северокавказских этнических кланов, которые экспортируют в Россию с Кавказа рэкет, насилие, наркотики и терроризм. И плюс к этому пытаются навязать русским на их земле свои правила игры» (Валерий Соловей).

* Для использования в телефонном опросе цитаты были незначительно отредактированы.

кто вроде бы должен был в цивильной форме сдерживать зло и наказывать его, но отчего-то именно этого и не делает»[6].

Обвинения в адрес власти в системном попустительстве по отношению к так называемой «этнической» преступности в определенной степени разделили и участники массового опроса. По мнению большинства респондентов (70%), правоохранительные органы часто отпускают преступников за деньги или по указанию «сверху». Многие респонденты также квалифицировали выступления на Манежной именно как акцию протеста: «Если бы у нас народ почаще выступал, то может что-нибудь и изменилось бы…». Абсолютное большинство респондентов (78%) согласились с высказыванием Путина, указавшего в качестве причины волнений бездействие правоохранительных органов (см. график 5).

Относительно высказывания Андрея Кураева мнения респондентов разделились поровну. Многие из них, признавая основными виновниками правоохранителей, сомневались, что волнения можно было остановить, просто показав по телевидению задержанных сотрудников правоохранительных органов. Большинство участников опроса (58%) согласились с трактовкой декабрьских событий В. Соловья как протеста против разгула этнической

преступности. В то же время некоторые из них видели противоречивость и даже абсурдность действий митингующих.

Как правило, политики и общественные деятели трактовали выступления как акцию протеста футбольных фанатов, к которой впоследствии примкнули националистические организации, придавшие выступлениям националистический характер. Некоторые оценили события как спланированную акцию неонацистских организаций: «Это не восстание, не выступление, а погром. По-моему, это был неонацистский погром, это были разбушевавшиеся банды ублюдков, которые ловили в центре Москвы людей, избивали их, руководствуясь своими представлениями о национальности… Это были погромщики, а случившееся было настоящей попыткой националистического путча»[7]. Примерно так же оценил события директор Московского бюро по правам человека А.С. Брод: «Эта драка была спланирована и подготовлена радикальными националистическими организациями, которые уже неоднократно использовали криминальный инцидент, переводя его в плоскость межнациональной розни. Радикальные националистические организации в связи с убийством футбольного болельщика накачали ненавистью толпу и направили ее на мигрантов, спровоцировали перекрытие улиц, беспорядки, драки и агрессию в городе»[8].

Относительно трактовки событий на Манежной площади как националистического путча мнения респондентов разделились примерно поровну. Одни говорили о том, что все это было специально организовано, другие – о том, что на Манежной участвовали самые обычные горожане. При этом одни респонденты соглашались с предложенной трактовкой и осуждали участников выступлений, а другие признавали сам факт участия в выступлениях радикальных националистов, но не считали их роль решающей и в целом относились к событиям без осуждения. Следует отметить, что и среди тех, кто считал события на Манежной акцией националистов, и среди тех, кто не разделял подобного мнения, были как сочувствующие, так и осуждающие события на Манежной. Иными словами, отнюдь не все респонденты участие в событиях националистических организаций считали «отягчающими обстоятельствами». Почти половина участников опроса согласились с оценками Шевченко и Брода, что беспорядки были организованы националистическими организациями, и одновременно с этим к самим выступлениям отнеслись без осуждения (см. график 6). По мнению абсолютного большинства городской молодежи, основной причиной декабрьских выступлений были в первую очередь попустительство власти по отношению к преступникам, а во-вторых, – этническая преступность. Участие в декабрьских событиях

График 6

Согласны ли вы со следующими утверждениями...
% от респондентов, знающих о выступлениях на Манежной

График 7

Число респондентов, соответствующим образом определивших причины выступлений на Манежной площади,
% от респондентов, знающих о выступлениях на Манежной

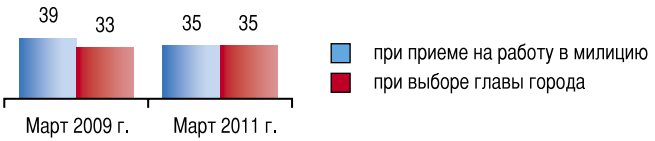
националистических организаций респонденты также признавали, но считали их роль второстепенной (см. график 7).

Итак, абсолютное большинство городской молодежи (в том числе и те, кто выступления не поддерживает) считают, что на Манежную молодежь вывел не заговор узкой группы националистов, а реальные и очень серьезные проблемы современного российского общества, в первую очередь – разгул преступности (прежде всего этнической), который происходит при попустительстве со стороны правоохранительных органов.

Напомним, что в марте 2009 г. Агентством социальных технологий «Политех» при поддержке Института этнологии и антропологии РАН была выполнена работа «Причины распространения межэтнической нетерпимости». По результатам был построен индекс толерантности. Для построения индекса использовалось 20 показателей, относившихся к различным аспектам межэтнических отношений: бытовому, этнополитическому, этноязыковому, межгрупповым отношениям. Наибольший уровень корреляции (более 0,65) с интегральным индексом наблюдался у таких показателей,

График 8

Число респондентов, считающих, что национальности следует придавать большое значение...
% от всех опрошенных



как отношение к учету национальности при выборе главы города и приеме на работу в милицию. Таким образом, ответы на соответствующие вопросы можно рассматривать как показатель межэтнической терпимости в целом. Результаты настоящего исследования позволяют утверждать, что за последние два-три года уровень межэтнической терпимости в городской молодежной среде не изменился (см. график 8). Можно говорить о том, что если после декабрьских выступлений всплеск националистических настроений и был, то он быстро сошел на нет.

Вместе с тем отсутствие динамики уровня межнациональной терпимости говорит о том, что готовность к выступлениям, аналогичным декабрьским, была уже два года назад. А сами волнения и, что важнее всего, отношение к ним большинства городской молодежи не являются результатом локального всплеска ксенофобии в Москве, а, по всей видимости, отражают состояние общественного сознания во многих российских городах и на протяжении длительного периода.

Участникам опроса задавали вопрос, примет ли кто-либо из их знакомых участие в подобных выступлениях, если таковые произойдут в их городе. «Прямая» форма вопроса о личном участии респондента была заменена на «косвенную» – об участии знакомых потому, что представители власти различного уровня неоднократно обещали выявить и наказать всех участников выступлений, а в дальнейшем максимально жестко пресекать подобные беспорядки. По всей видимости, подобная «смягченная» формулировка дала заниженную оценку протестного потенциала. Однако и в этом случае полученный показатель представляется значительным – каждый третий респондент (37%) сказал, что его знакомые могут принять участие в выступлениях, подобных произошедшим на Манежной площади. Представленные на графике 9 данные не говорят о том, что в подобных выступлениях, если таковые последуют, примет участие каждый третий молодой горожанин. Но с уверенностью можно сказать, что вовлечены в них будут

График 9

Если выступления, аналогичные выступлениям на Манежной, произойдут в будущем, примет ли в них участие кто-либо из ваших знакомых?

% от респондентов, знающих о выступлениях на Манежной

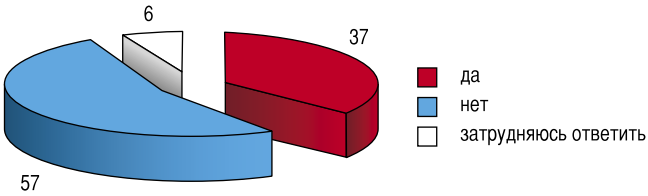
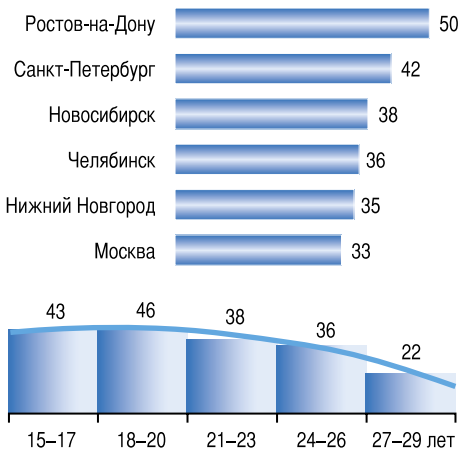


График 10

Число респондентов, по мнению которых их знакомые примут участие в выступлениях, аналогичных выступлениям на Манежной площади,

% от респондентов из соответствующей группы, знающих о выступлениях на Манежной



широкие слои городской молодежи. При этом участники опроса выражали уверенность, что события, подобные выступлениям на Манежной, наверняка будут повторяться.

По результатам настоящего исследования наибольший протестный потенциал существует в Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону. При этом по данному показателю города, не принявшие активного участия в декабрьских выступлениях, лишь незначительно отличаются от городов, в которых эти выступления собрали тысячи людей (см. график 10).

Чаще всего о том, что знакомые респондентов примут участие в выступлениях, аналогичных декабрьским (если таковые состоятся), говорили опрашиваемые в возрасте до 20 лет. При этом каждый пятый участник опроса в возрасте от 27 до 29 лет также высказался подобным образом. Можно ожидать, что в выступлениях, аналогичных декабрьским (если таковые произойдут), примут участие не только подростки. Выступления, подобные событиям на Манежной площади, могут происходить при совпадении ряда факторов (резонансный повод, наличие «организационных структур» и прочее). Вне всяких сомнений, *если подобное выступление состоится в каком-либо крупном российском городе, оно будет с сочувствием воспринято в этом городе и в большинстве других крупных российских городов.*

* * *

В последнее время первые лица европейских государств делали громкие заявления о «крахе мультикультурализма» в их странах. Об этом говорили главы Германии, Великобритании, Франции. В то же время российские политики заявляли, что мультикультурализм – это не только важная часть внутригосударственной политики, но и естественное состояние России. Приведем высказывание на этот счет президента Д.А. Медведева: «В Европе стало модно говорить о крахе политики мультикультурализма. Дескать, это не тот курс, который направлен на гармоничное развитие разных культур в одной стране, где существует ведущий этнос… Я считаю, что для нашей страны это было бы весьма существенным упрощением, несмотря на колоссальную роль, которую имеет русская культура, о чем я говорил недавно. Конечно, основополагающие традиции страны необходимо уважать. Все приезжающие в наше государство должны знать наш государственный язык, то есть русский язык. Но в то же время, и мы это отлично понимаем, в нашем государстве, как ни в каком другом, подчеркиваю, существует уникальный опыт совместного проживания и развития различных этносов и культур, которые взаимно обогащали друг друга, помогали друг другу в самые драматические периоды своего развития, включая военный период»[9].

Итоги настоящего опроса подтверждают такую точку зрения. По результатам исследования можно говорить о том, что молодые россияне вполне толерантно относятся к представителям других религий, к людям, выглядящим по-другому, придерживающимся иных традиций и говорящим на других языках. Широко распространено мнение, что отношение к той или иной национальной группе в значительной степени обусловлено культурными

или иными различиями. То есть люди негативно относятся к тем национальностям, которые значительно отличаются от них по внешности, бытовому поведению, религиозной принадлежности и т.д. Для того чтобы проверить справедливость подобных суждений, в ходе проведения настоящего опроса отношение к различным национальным группам сопоставлялось с показателями, отражающими отличия этих национальных групп от русских. Респондентов (в данном случае только русских) спрашивали, как бы они отнеслись к проживанию по соседству с представителями ряда национальностей. Всего изучалось отношение к 17 национальностям*. Процент респондентов, негативно отнесшихся к соседству с представителями определенной национальной группы, в дальнейшем считался показателем нетерпимости по отношению к данной группе. Для различных национальностей данный показатель варьировался от 6% до 67%.

Для того чтобы оценить степень отличия по различным показателям национальных групп от русских, был проведен ряд экспертных интервью с учеными-этнологами и социологами из 8 субъектов федерации. Экспертов просили оценить отличия** по таким параметрам, как «религия и религиозность», «внешние различия», «особенности поведения», «обособленность», «возможность говорить по-русски», «материальная обеспеченность». Среднее арифметическое (по всем экспертам) считалось итоговым показателем. В некоторых регионах итоговые экспертные оценки были получены не как средние, а на основе консенсуса. В своих оценках эксперты учитывали данные этнографии, лингвистики, других дисциплин, мнения специалистов по конкретным вопросам, а также стереотипы общественного мнения. Таким образом, для каждой из 17 национальностей были получены, во-первых, показатель, характеризующий степень нетерпимости русской городской молодежи по отношению к данной национальности, и, во-вторых, ряд показателей, характеризующих степень отличия этих национальностей от русского населения.

Широко распространено мнение, что межэтническая нетерпимость в значительной степени обусловлена религиозным фактором. Однако среди национальностей, воспринимаемых респондентами наиболее позитивно, представлены не только православные, но также мусульмане, иудеи, буддисты. Подобная закономерность

---

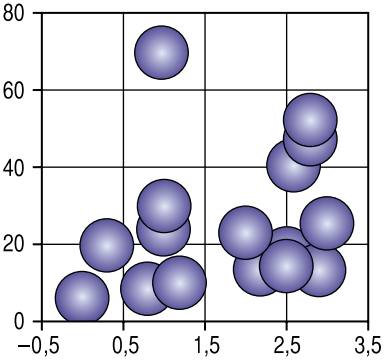
* Список национальностей был составлен таким образом, чтобы в нем был представлен максимально широкий этнический спектр. В то же время список должен был быть не слишком большим, чтобы соответствовать методике проведения исследования.

** Экспертам предлагалось оценить различия по следующей шкале: 0 – нет различий, 1 – минимальные различия, 2 – некоторые различия, 3 – существенные различия.

заставляет усомниться в том, что религиозная принадлежность существенно влияет на межэтническую терпимость. В частности, эти данные опровергают расхожее мнение о «тотальной» распространенности в крупных российских городах исламофобии. На графике 11 (и далее на всех графиках в настоящем разделе текста) каждый круг соответствует одной из 17 национальностей, представленных в настоящем исследовании. По горизонтальной оси отложен показатель религиозных различий (экспертная оценка), по вертикальной оси – процент респондентов, не желающих жить по соседству с представителями соответствующей национальности. Данные показатели не коррелируют между собой, и можно утверждать, что *религиозные различия не влияют на отношение к той или иной национальности.*

График 11

Зависимость отношения к различным национальностям от степени религиозных отличий

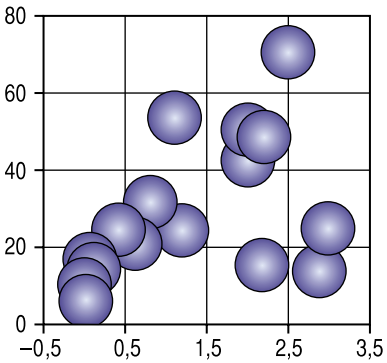


Тот факт, что религиозные различия не влияют на уровень межнациональной терпимости, свидетельствует о значительном потенциале толерантности в обществе. Религиозное просвещение и воспитание межрелигиозной терпимости, безусловно, задачи крайне важные в поликонфессиональном российском обществе. Однако представленные выше данные говорят о том, что *воспитание межрелигиозной терпимости само по себе не может привести к заметному повышению уровня межэтнической терпимости.*

Стандартным обывательским суждением является то, что отношение к людям формируется в зависимости от «национальной внешности». Однако, как показало исследование, для молодежи российских мегаполисов подобная форма бытового расизма не характерна. Безусловно, респонденты подмечают некие отличительные «признаки» (физиономические, жестикуляцию, манеру одеваться и проч.), которые, по их мнению, указывают на принадлежность к той или иной этнической группе. Но подобные «отличия» играют незначительную роль при формировании отношения к людям. При опросе, в частности, выяснилось, что отношение к иностранным студентам (более всего отличающимся по внешним признакам от окружающего населения) можно охарактеризо-

График 12

Зависимость отношения к различным национальностям от степени внешних различий



вать как однозначно положительное. Негативное отношение к ним высказали только 8% респондентов. Положительно к иностранным студентам зачастую относились даже те респонденты, кто по иным критериям показал значительную степень нетерпимости. На графике 12 по горизонтальной оси отложен показатель внешних различий (экспертная оценка), по вертикальной оси – процент респондентов, не желающих жить по соседству с представителями соответствующей национальности. Внешние различия и отношения к национальностям не коррелируют между собой. Таким образом, можно утверждать, что *внешние различия не влияют на отношение к той или иной национальности.*

В последнее время много говорится о необходимости этнографического образования в общеобразовательных школах и вузах. Так называемый этнографический ликбез часто воспринимается как своего рода панацея при профилактике молодежного радикализма. Однако приведенные выше данные показывают, что в действительности *этнографическое образование может играть лишь второстепенную роль и само по себе не сможет существенно улучшить ситуацию в сфере межэтнических отношений.*

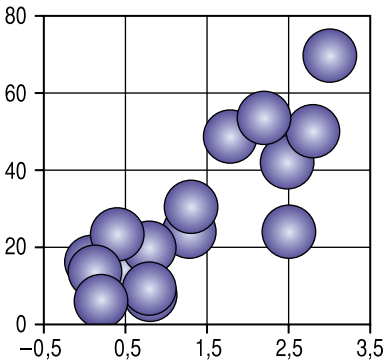
Общественные представления о том, что люди тех или иных национальностей различаются по определенной манере поведения, распространены довольно широко. Исследование показало, что подобные стереотипы оказывают влияние на показатели межэтнической нетерпимости. Если поведенческие «отличия» (от доминирующего населения) кажутся значительными, то и вероятность отрицательного отношения респондентов к такой группе тоже велика. При опросе выяснялось отношение к поведению различных групп молодежи в общественных местах. Оказалось, что среди различных групп* неприятие вызывают прежде всего «молодые кавказцы». На графике 13 по горизонтальной оси отложен показатель, характеризующий степень выраженности поведенческих особенностей (по экспертным оценкам), по вертикальной оси –

* В вопроснике были указаны следующие группы: «иностранные студенты», «“золотая” молодежь», «молодые кавказцы».

процент респондентов, не желающих жить по соседству с представителями соответствующей национальности. Между этими показателями наблюдается сильная (r = 0,85) корреляционная связь. Таким образом, *отношение к той или иной национальности сильно зависит от степени поведенческих особенностей данной национальной группы.* Соответственно, уважительное отношение приезжих к нормам принимающего населения – крайне важный аспект сохранения межнационального мира.

График 13

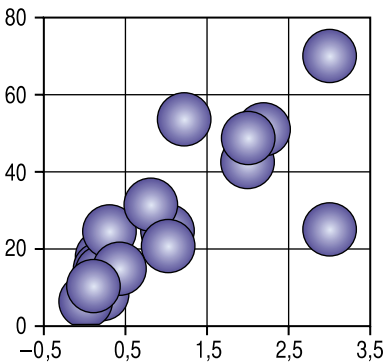
Зависимость отношения к различным национальностям от поведенческих особенностей



Если, с точки зрения общественного мнения, этническая группа ведет себя отчужденно (обособленно), то высока вероятность негативного отношения к такой группе. Картину усугубляют представления о группе как отличающейся от остального населения в культурно-бытовом отношении, по формам занятости, по склонности к переселениям, по уровню взаимной семейной и земляческой поддержки. Выраженность перечисленных признаков для большинства респондентов является раздражающим фактором. На графике 14 по горизонтальной оси отложен показатель обособленности этногрупп (по экспертной оценке), по вертикальной оси – процент респондентов, не желающих жить по соседству с представителями соответствующей национальности. Между этими показателями наблюдается сильная корреляционная связь (r = 0,79).

График 14

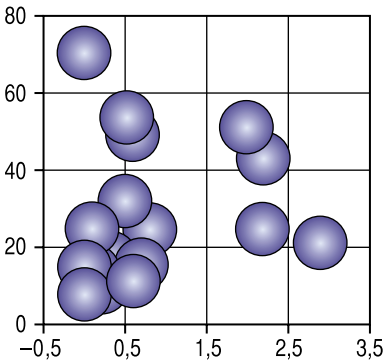
Зависимость отношения к различным национальностям от степени обособленности национальных групп



Результаты исследования говорят *о необходимости целенаправленных усилий по преодолению гражданской разобщенности,* которая очевидна. Молодежь российских мегаполисов, при своей относительно высокой мобильности и коммуникабельности, все же довольно остро ощущает

График 15

Зависимость отношения к различным национальностям от степени владения русским языком

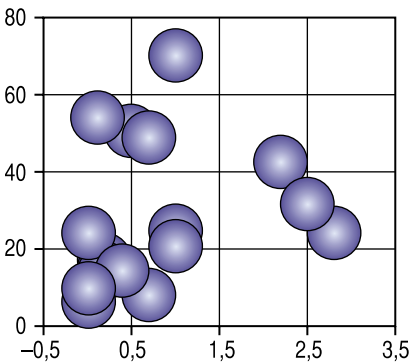


разобщенность по этническому признаку. Дефицит взаимных контактов порождает взаимную предубежденность и фобии.

Часто можно встретить мнение, что неумение отдельных групп, в особенности иностранных трудовых мигрантов, в достаточной мере изъясняться по-русски вызывает неприязнь у местного населения. На графике 15 по горизонтальной оси отложен показатель, характеризующий степень владения представителями соответствующей национальности русским языком (по экспертным оценкам), по вертикальной оси – процент респондентов, не желающих жить по соседству с представителями этой национальности. Данные показатели не коррелируют между собой, и можно сделать вывод, что невладение русским языком не является для общественного мнения заметным раздражителем или источником неприязни. Данный факт свидетельствует о значительном потенциале толерантности в обществе. Неприязнь как раз характерна по отношению к тем национальностям, представители которых в достаточной мере владеют русским языком. Отсюда следует, что языковая политика государства должна прежде всего преследовать «технические» цели – обеспечивать возможности коммуникации и соблюдать языковые права различных групп населения, а не рассматриваться как основное средство профилактики межэтнических конфликтов. Позитивный результат опроса не умаляет значимости воспитания у молодежи терпимого отношению к языковым меньшинствам.

График 16

Зависимость отношения к различным национальностям от степени материальной обеспеченности



Мнение о том, что различия в уровне материальной обеспеченности являются непосредственной причиной межэтнической нетерпимости, широко распространено в обществе и в научных кругах. Часто высказывается мнение, что именно за-

висть по отношению к более успешным и адаптированным к современным условиям национальным группам и является причиной межэтнической розни. На графике 16 по горизонтальной оси отложен показатель материальной обеспеченности национальных групп (по экспертным оценкам), по вертикальной оси – процент респондентов, не желающих жить по соседству с представителями соответствующей национальности. Данные показатели не коррелируют между собой, и можно сделать вывод, что *«социальная зависть», если и присутствует в сознании российской молодежи, тем не менее не служит побудительным мотивом межэтнической неприязни.*

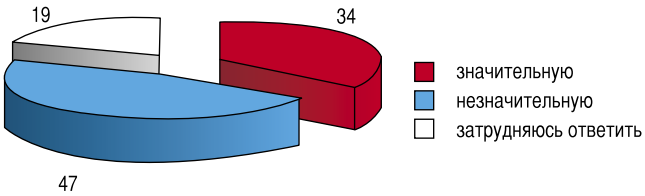
* * *

Практически все эксперты отмечали, что, как правило, «детонатором» этнических волнений становятся тяжкие преступления, совершенные «членами диаспоры». Так, к волнениям на Манежной привело убийство москвича, совершенное при участии выходцев из Карачаево-Черкесии и Дагестана; к волнениям в Кондопоге – убийство двух местных жителей, совершенное чеченцами; к волнениям, произошедшим в декабре прошлого года в Ростове, – убийство русского студента выходцем из Ингушетии. Трансформации криминального инцидента в межэтнический конфликт способствуют различные факторы, такие, как социальная напряженность, провокации со стороны националистических организаций, неадекватные действия властей. При этом нельзя не признать, что сами преступления с «этническим компонентом» играют существенную роль в разжигании конфликтов.

После декабрьских выступлений руководители страны, видные политические и общественные деятели стали публично говорить об «этнической» преступности и коррупции как о мощных факторах, способствующих распространению межэтнической розни. Один из тогдашних руководителей администрации президента России В.Ю. Сурков сказал: «Беспорядки, ставящие под угрозу жизнь москвичей, и нападения на милицию нельзя оправдать. Ничем. Точно так же нельзя оправдать ничем убийство Егора. Те, кто его убил, должны сидеть в тюрьме. Так долго, чтобы мы в нашем городе их больше никогда не видели. Те, кто приезжает сюда работать, учиться, должны быть защищены, и государство несет здесь полную ответственность. А те, кто пополняет ряды этнических преступных группировок и по нашим мальчишкам стреляет, – будут искореняться»[10]. Привычно-эпатажное заявление последовало от В.В. Жириновского: «Они [кавказцы] приезжают сюда на охоту. Для них, как в Африку, едут охотиться на слонов, так с Северного Кавка-

График 17

Какую часть от общего числа преступлений совершают кавказцы в вашем городе?
% от всех опрошенных

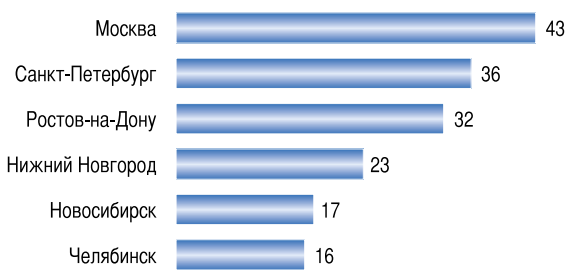


за приезжают вооруженные банды поохотиться на русских. Так что надо думать об этом. Думать, не закармливать Кавказ деньгами – это бесполезно. Чем больше денег даете – тем больше у них "Мерседесов" и оружия. И эти деньги они поворачивают на взятку русской милиции. И получается, мы, задабривая Кавказ деньгами, пустили коррупцию по всей стране»[11].

В ходе настоящего исследования респондентов спрашивали, насколько, с их точки зрения, велик «вклад» кавказцев в криминализацию современного российского общества. Половина участников опроса (47%) считают, что представители Кавказа совершают незначительную часть от общего числа преступлений, противоположного мнения придерживается только треть опрошенных (34%) (см. график 17). Чаще всего мнения, что кавказцы совершают значительную часть преступлений, придерживаются москвичи. Однако следует отметить, что и в столице так считает менее половины молодых горожан (см. график 18). То, что более половины

График 18

Число респондентов, считающих, что в их городе кавказцы совершают значительную часть преступлений,
% от респондентов из соответствующего города

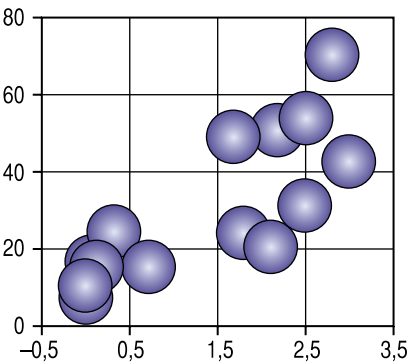


молодых респондентов не заражены предубеждениями о «виновности» кавказцев в большинстве совершаемых преступлений, хотя об этом часто упоминают СМИ, свидетельствует о значительном потенциале молодежной толерантности. Это тем более примечательно, что опрос проводился по следам «антикавказских выступлений» на Манежной.

В российском обществе распространено мнение, что межэтническая нетерпимость в определенной мере обусловлена так называемой «этнической преступностью». В рамках данного исследования можно было проверить соответствующую гипотезу. Методика проверки гипотезы аналогична методике, использованной при определении зависимости терпимости от характеристик национальности. На графике 19 по горизонтальной оси отложен показатель, отражающий активность «этнической» преступности (экспертная оценка), по вертикальной оси – процент респондентов, не желающих жить по соседству с представителями соответствующей национальности. Между этими показателями наблюдается сильная корреляционная связь ($r = 0{,}82$). Таким образом, можно утверждать, что *активность преступников той или иной национальности сильно влияет на отношение к национальности в целом.* Эта зависимость не может не вызывать тревогу, так как показывает, что в общественном сознании существует принцип «коллективной ответственности», т.е. в определенной мере негативное отношение к преступникам перекладывается на всех представителей этой национальности. «Неэтническая» преступность, безусловно, приносит горе конкретным людям и вред обществу в целом не меньше, чем так называемая «этническая». Но при этом следует подчеркнуть, что именно «этническая» преступность приводит к росту межнациональной напряженности. Следовательно, *необходимо не только вести борьбу с преступностью, но и проводить воспитательную и разъяснительную работу среди населения с тем, чтобы противостоять предрассудкам и распространению ксенофобии.*

График 19

Зависимость отношения к различным национальностям от активности «этнической» преступности

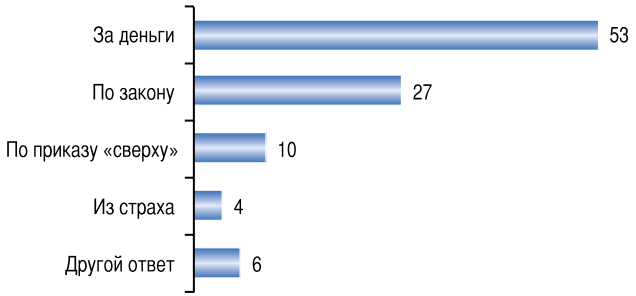


Ряд экспертов считают, что главная причина распространения межнациональной нетерпимости в современной России –

График 20

После убийства Егора Свиридова милиция задержала шестерых выходцев из республик Северного Кавказа, однако следователь отпустил пятерых из них. Почему следователь принял такое решение?

% от респондентов, знающих о выступлениях на Манежной



это коррупция. Как пишет Э.А. Паин, «коррупция и есть главная причина той формы межэтнических противоречий, которая складывалась в России прошлого века и еще больше – в нынешней. Тотальная коррупция ведет к тотальному недоверию, а оно легче всего облачается в образ этнического врага. Почему милиционеры выпустили людей, подозреваемых в убийстве Егора Свиридова? Неужели из-за большой любви к кавказцам? Коррупция создает условия для так называемой этнической преступности. Дело в том, что к закрытой коррупционной среде лучше адаптируются группы, сохраняющие патриархальную замкнутость и внутреннюю солидарность»[12]. Адаптивность этнических сообществ к коррупционной среде создает у многих россиян впечатление, что именно национальные меньшинства «виновны» в коррумпированности государственных структур и в частности правоохранительных органов. Убежденность в коррумпированности правоохранительной системы заставляет молодежь искать иные способы борьбы с преступностью, обладающей «этническими» чертами. Уверенность в том, что правоохранительные органы действуют заодно с кавказцами, трансформируется в межэтническую нетерпимость, и национализм воспринимается как естественная форма «борьбы за свои права».

Участников опроса спрашивали, почему, по их мнению, следователь отпустил кавказцев, принявших участие в драке, в которой был убит Егор Свиридов. Каждый второй участник опроса (53%) был уверен, что участников драки отпустили за деньги (см. график 20). Лишь каждый четвертый участник опроса считает, что следователь отпустил задержанных в соответствии с требованием за-

кона. При этом многие респонденты, полагающие, что следователь действовал по закону, также относились к этому решению негативно. Абсолютное большинство респондентов (70%) считает, что ситуация, когда преступников отпускают за деньги или по указанию «сверху», является типичной (см. график 21). Наиболее коррумпированными, по мнению респондентов, являются правоохранительные органы в крупнейших мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге. Следует отметить, что первые три места в приведенном рейтинге занимают те города, в которых в декабре 2010 г. прошли наиболее массовые выступления.

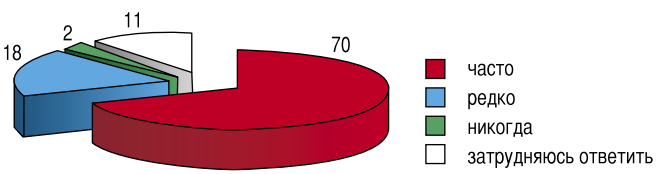
Многие эксперты и специалисты высказывали мнение, что в целом межэтническая нетерпимость в современной России имеет социальную основу. Член Общественной палаты РФ и председатель ее профильной комиссии Н.К. Сванидзе высказался следующим образом: «Молодые люди, мальчишки из спальных районов сталкиваются с жизнью, которая их ни в коей мере не может удовлетворить. Они видят жизнь с ее изнанки… Они видят не официозные лозунги, призывы, они видят страшную, всепроникающую коррупцию… Они видят совершенно ошалевших от денег чиновников, которые едут мимо них на своих дорогих машинах… Они видят бесправие и избирательность правосудия в судах. Видят отсутствие перспектив, пьянство, драки и мат как единственный способ выражения своих мыслей с пеленок. Они знают и признают единственную идентификацию – национальную… Это все, конечно, склоняет к агрессии, к поиску врагов»[13].

О том, что выступления на Манежной имеют социальные корни, говорили политики и общественные деятели, принадлежащие к различным сегментам политического спектра – от коммунистов до либералов-западников. «В нашем обществе накопилось очень много ненависти. И в данном случае это не было проявлением ненависти к кавказцам. Это была ненависть к несправедливости как таковой. А у нас практически все вопросы решаются несправедли-

График 21

Как часто правоохранительные органы в вашем городе отпускают преступников за деньги или по указанию «сверху»?

% от всех опрошенных



во. И несправедливость достигла критических пределов»[14], – писал редактор газеты «Завтра» А. Проханов. «Итак, что случилось на Манежной площади 11 декабря 2010 года? Мы увидели общество, которое заявляет о своем принципиальном несогласии с положением дел в правовой сфере, с этнической политикой в Москве, с отношением к русскому большинству, с социальной несправедливостью, обступающей со всех сторон. Одним словом, обществу не нравится статус-кво. При этом оно точно не знает, чего хочет. Но кристально ясно, оно не хочет того, что есть. То есть, называя вещи своими именами, это бунт (пока в форме черновика)»[15], – высказался профессор МГУ А.Г. Дугин.

В ходе проведения настоящего исследования респондентов спрашивали, справедливо ли устроено современное российское общество. Большинство опрошенных высказали мнение, что современное российское общество устроено несправедливо (см. график 22), что во многом обусловлено безработицей, которая является следствием миграционного притока иностранной дешевой рабочей силы. Интересно, что мнение о справедливости современного российского общества не связано с личным благосостоянием участников опроса. Респонденты с высоким и с низким доходом, считающие, что современное российское общество устроено несправедливо, несколько чаще выбирали нетерпимые по отношению к другим национальностям варианты ответов. Таким образом, *гипотеза о том, что мнение о несправедливости окружающего мира может приводить к межэтнической нетерпимости, подтвердилась.* Вместе с этим зависимость нетерпимости от оценки справедливости российского общества невелика. Таким образом, можно говорить о том, что *суждение о несправедливости российского общества – это не основная причина роста межэтнической нетерпимости.* Большинство респондентов (66%) высказали мнение, что в их городе

График 22

Современное российское общество устроено справедливо, или несправедливо?

% от всех опрошенных

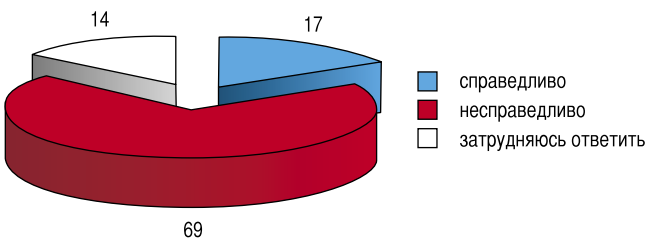
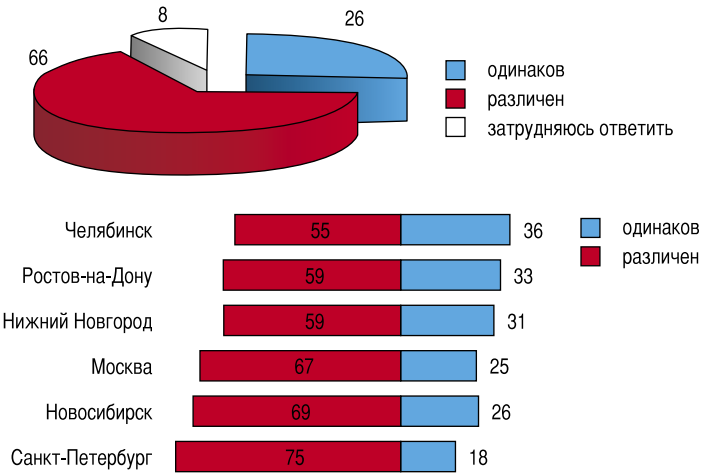


График 23

Уровень жизни людей разных национальностей в вашем городе одинаков, или представители одних национальностей живут лучше, а другие – хуже?

% от всех опрошенных



представители одних национальностей живут лучше, других – хуже (см. график 23). Такое убеждение создает условия трансформации социального недовольства в межэтническую нетерпимость. Подобные стереотипы получили наибольшее распространение в Санкт-Петербурге. Однако и в остальных городах мнение, что одни национальности живут лучше других, также является преобладающим.

* * *

Наиболее проблемная зона межэтнических отношений в современной России – это отношения к кавказцам. Об этом же говорят данные социологических опросов*. Иные аспекты межгрупповой нетерпимости (антисемитизм, мигрантофобия, расизм и т.д.) сегодня значительно уступают кавказофобии по негативному потенциалу. Почему растет кавказофобия? Не думаю, что у нас есть какая-то

* Например, ВЦИОМ с 2005 по 2010 г. задавал респондентам вопрос: «Назовите, пожалуйста, нации и народы, представители которых вызывают у вас чувство раздражения, неприязни?». На протяжении всего периода кавказцы стабильно занимали «первое место» в рейтинге нелюбимых национальностей.

ненависть к кабардинцам, черкесам, аварцам, даргинцам или к осетинам. Все-таки это отголоски чеченской войны. По всем опросам именно чеченцы и ингуши стоят на первом месте по негативным эмоциям. Есть родственники погибших, есть раненые, есть люди, которые были вынуждены покинуть Грозный, потеряв все свое имущество или же подвергнувшись унижениям. Плюс – миграция с Северного Кавказа в другие регионы страны и более манифестное, вызывающее поведение кавказских молодых мужчин. Еще один фактор – социальное расслоение. Большая подготовленность среди жителей Кавказа к зарабатыванию денег и к созданию бизнеса – честным или нечестным путем – привела к тому, что бедных кавказцев в Москве почти нет, а состоятельных достаточно много. И, конечно, продолжающийся терроризм в большой степени связывают с Кавказом.

Многие эксперты говорят о том, что ксенофобия не имеет широкого распространения среди россиян, а негативное отношение к кавказцам – это, скорее, исключение из правил. Об этом же свидетельствуют и результаты ряда социологических опросов*. Подобный взгляд соответствует и результатам настоящего исследования. В то же время стереотипы кавказофобии получили сильное распространение среди городской молодежи. Респондентов спрашивали, какие чувства у них вызывают кавказцы – положительные, отрицательные, или не вызывают никаких. Задавался также вопрос об их отношении к ряду социально-профессиональных групп, отношение к которым (согласно проведенным ранее исследованиям**) варьируется от однозначно позитивного (учителя, врачи) до негативного (чиновники). Таким образом, в зависимости от того, какое место на данной «шкале» занимают кавказцы, можно говорить о том, как к ним относится городская молодежь. По результатам настоящего исследования кавказцев можно отнести к «нелюбимым» группам населения. При этом следует отметить, что негативное отношение к ним высказал каждый третий участник опроса (39%), а большинство респондентов либо равнодушны, либо относятся к кавказцам положительно (см. график 24). Таким образом, *проблема кавказофобии существует, но она не носит тотального характера.*

Отношение к группе «иностранные рабочие» можно охарактеризовать как смешанное. Каждый четвертый молодой горожанин относится к ним положительно, каждый пятый – отрицательно,

---

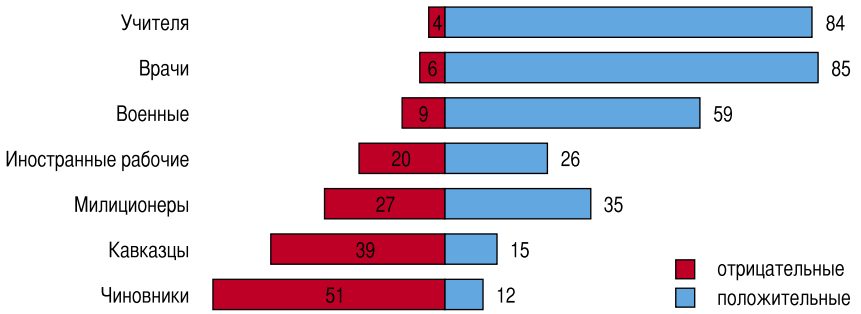
* Согласно результатам упоминавшегося здесь исследования ВЦИОМ, для каждой из представленных в исследовании национальных групп (за исключением кавказцев) процент россиян, негативно относящихся к данной группе, не превышает 6%.

** «Отношение москвичей к трудовой миграции и трудовым мигрантам». Агентство социальных технологий «Политех». 2010.

График 24*

Какие чувства вызывают у вас следующие социальные, профессиональные и национальные группы?

% от всех опрошенных



* На данном графике не представлены респонденты, выбравшие вариант ответа «не вызывает никаких», а также затруднившиеся с ответом.

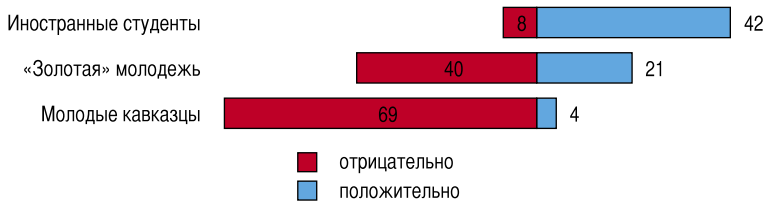
остальные – нейтрально. В целом же отношение к иностранным рабочим соответствует средним показателям терпимости в российском социуме. Есть группы, к которым молодые горожане относятся заметно лучше (учителя, врачи, военные), но есть и группы, отношение к которым значительно хуже (чиновники). Следует отметить, что отношение к иностранным рабочим заметно лучше, чем отношение к кавказцам. При этом среди иностранных рабочих достаточно велика доля кавказцев из Азербайджана и Армении.

Ряд общественных деятелей считают, что отношения к кавказцам во многом есть следствие отношения некоторых представителей кавказских народов к русскому населению. Заслуживает особого внимания высказывание патриарха Кирилла: «Межэтнические отношения – это сообщающиеся сосуды. Нельзя показывать пальцем на одну сторону этого сосуда, игнорируя его другую сторону. Возникновение радикализма в этнически солидарных группах, особенно возникновение криминальных этнических группировок, провоцирует реакцию большинства. От этого страдают прежде всего простые люди… когда я увидел израненных, ни в чем не повинных людей, которые были избиты только потому, что у них другой цвет лица и другая внешность, когда понимаешь, что это совершенно добропорядочные и добрые люди, которые бок о бок живут с нами, то, конечно, горько и стыдно за то, что происходит. Но одновременно понимаешь, что они пали жертвой, в том числе действий этнических радикальных групп»[16]. В ходе опроса респонденты также

График 25*

В общественных городских местах можно видеть различные группы молодежи. Как по-вашему их воспринимают окружающие?

% от всех опрошенных



* На данном графике не представлены респонденты, выбравшие вариант ответа «не вызывает никаких», а также затруднившиеся с ответом.

высказали мнение, что негативное отношение к кавказцам есть реакция на негативное отношение некоторых кавказцев к русским.

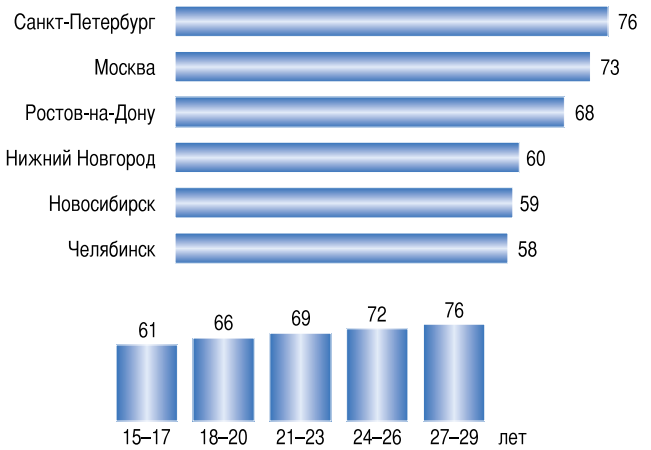
По мнению многих экспертов, негативное отношение к кавказцам во многом обусловлено бытовым поведением кавказской молодежи, например, вызывающим раздражение населения исполнением лезгинки на улицах российских городов. Для обозначения подобного поведения кавказской молодежи часто используется термин «манифестное поведение». Респондентов спрашивали, как, по их мнению, окружающие воспринимают различные группы молодежи, которые можно встретить в общественных местах города (см. график 25). К иностранным студентам горожане, по мнению респондентов, относятся положительно. Таким образом, расизм в своих примитивных формах чужд российской молодежи. «Золотая» молодежь, безусловно, является социальным раздражителем, и к ней однозначно негативное отношение. Однако отношение к «золотой» молодежи, скорее, можно назвать смешанным.

Отношение к кавказской молодежи можно охарактеризовать как однозначно негативное. Как правило, респонденты объясняли это *вызывающим поведением кавказцев.*

Наиболее негативно к молодым кавказцам относятся в столичных мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге. В то же время следует отметить, что негативное отношение преобладает во всех представленных в настоящем исследовании городах (см. график 26). Наблюдается прямая корреляционная зависимость – чем старше респонденты, тем более негативно они оценивают поведение кавказской молодежи в общественных местах. Исходя из полученной зависимости, можно предположить, что горожане среднего

График 26

Доля респондентов, считающих, что в общественных городских местах окружающие негативно относятся к группам молодых кавказцев,
% от респондентов из соответствующей группы



и старшего возраста относятся к поведению молодых кавказцев еще хуже. Зависимости от образования в данном случае не наблюдается.

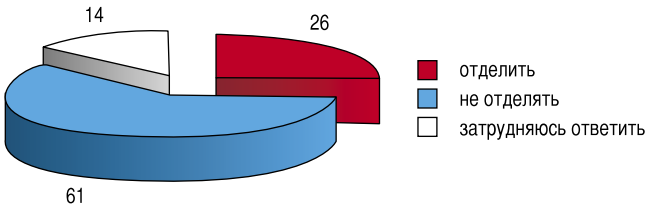
Тема отделения Северного Кавказа редко обсуждается в крупных средствах массовой информации. Однако в Интернете на общественно-политических сайтах, в особенности на сайтах националистической направленности, – это одна из самых горячих тем. Учитывая, что респондентами в настоящем исследовании были молодые жители крупных городов, в большинстве своем являющиеся активными пользователями Интернета, данная тема для них не была новой и неожиданной. Большинство респондентов (61%) негативно отнеслись к идее отделения Северного Кавказа. В то же время каждый четвертый участник опроса (26%) сказал, что хотел бы, чтобы Северный Кавказ был отделен от Российской Федерации (см. график 27). Следует отметить, что вопрос задавался в несбалансированной форме. В самой формулировке респонденту указывалось на опасность отделения Северного Кавказа. Таким образом, можно предположить, что если бы формулировка вопроса была более сбалансирована и не указывала на то, что отделение Кавказа может привести к развалу страны, число сторонников отделения было бы несколько большим.

Многие респонденты свое желание отделить Кавказ объясняли страхом перед терактами и нежеланием вести постоянные военные действия. Высказывавшиеся против отделения, как правило, гово-

График 27

Следует ли отделить Северный Кавказ от Российской Федерации или нет?

% от всех опрошенных



рили о сохранении целостности страны. Следует подчеркнуть, что никто(!) из участников опроса не высказался в том духе, что на Кавказе живут «братские народы», а отделение Кавказа – это разрушение единой российской нации. Респонденты, которые не имели четкой позиции, как правило, поддерживали идею отделения Северного Кавказа, но сомневались в действенности подобной меры. Таким образом, по результатам настоящего опроса число сторонников отделения Северного Кавказа среди молодых жителей крупных российских городов составляет около 40%. Процент респондентов, высказавшихся за отделение Северного Кавказа, в различных городах практически одинаков и варьируется от 21% до 27%. Наиболее проблемными группами являются возрастная группа от 18 до 20 лет и учащиеся средних специальных учебных заведений. Среди респондентов старшего молодежного возраста (от 25 до 29 лет) реже всего за отделение высказывались имеющие высшее образование (см. график 28).

* * *

Участников опроса спрашивали, как они относятся к деятельности ряда молодежных объединений (см. график 29). В список помимо таких объединений, как «Наши» и «Молодая гвардия», также были включены запрещенные, но широко известные националистические РНЕ* и ДПНИ**, а также откровенно криминальные скинхеды. Наилучшее отношение респонденты продемонстрировали к ДПНИ. Однако значительная часть, положительно оценивших деятельность ДПНИ и РНЕ, реально не была знакома с ука-

---

* Русское национальное единство.

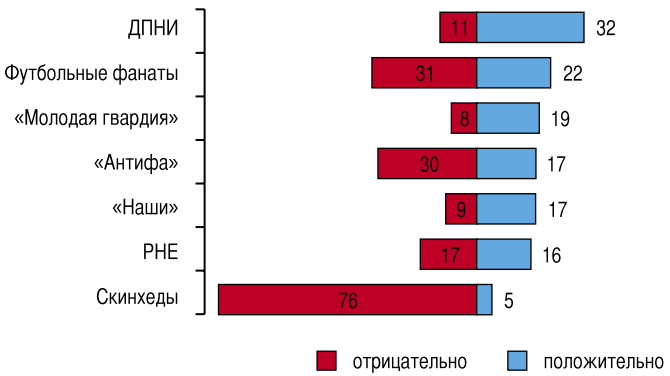
** Движение против нелегальных иммигрантов.

График 28

Число респондентов, считающих, что Северный Кавказ следует отделить,
% от респондентов из соответствующей группы

График 29*

Я перечислю несколько молодежных и общественных объединений. Как вы относитесь к их деятельности?
% от всех опрошенных



* На графике не представлены респонденты, выбравшие вариант ответа «нейтрально», «впервые слышу», а также затруднившиеся с ответом.

занными организациями, а ориентировалась исключительно на названия. То же самое можно сказать и об «Антифа». Многие респонденты, заявившие, что они положительно относятся к данной организации, реально ничего не знали о ее деятельности.

Следует отметить, что отношение к «официальным» молодежным организациям («Наши» и «Молодая гвардия») не лучше, чем к РНЕ, и заметно хуже, чем к ДПНИ. Позитивное отношение к прокремлевским организациям респонденты зачастую связывали не с их конкретной деятельностью, а с отношением к верховной российской власти. Абсолютное большинство молодежи (76%) негативно относится к откровенно маргинальным скинхедам. При этом некоторые респонденты высказывали осуждение с оговорками. Следует подчеркнуть, что каждый шестой участник опроса (15%) к «бритоголовым» относится нейтрально, а 2% затруднились ответить. «Нейтральное отношение» в данном случае, как правило, было связано с тем, что респонденты смутно представляли, чем занимаются скинхеды: «что-то я про них слышал, вроде они за русских». Безусловно, указанные 15% «нейтральных» нельзя считать сочувствующими скинхедам, но эта цифра представляется крайне тревожной, так как демонстрирует низкий иммунитет молодежи по отношению к национализму.

Таким образом, если судить по отношению молодежи к различным молодежным объединениям, национализм (за исключением откровенно маргинальных форм) большинством молодежи воспринимается как явление допустимое. При этом зачастую положительное отношение к националистическим организациям обусловлено не конкретной деятельностью, о которой респондентам часто ничего не известно, а самим продекларированным в названии намерением представлять интересы русских (РНЕ), либо заявленным намерением решать проблему притока иноэтнического населения (ДПНИ). Указанная тенденция представляется крайне опасной и свидетельствует о том, что реализуемая сегодня этнонациональная политика не находит поддержки по крайней мере у молодежи крупных российских городов. Можно сказать, что *сегодня наблюдается состояние неустойчивого равновесия: с одной стороны, городская молодежь демонстрирует определенный уровень межнациональной и межрасовой терпимости (например, положительное отношение к иностранным студентам, терпимое отношение к иностранным рабочим), а с другой, – отсутствие иммунитета к использованию националистических лозунгов.*

Что касается политики согражданства и взаимной терпимости, то, несмотря на критику и явные неудачи в некоторых странах Западной Европы, для Российской Федерации, опирающейся на многовековой опыт совместного проживания и развития народов и культур, мультикультурность (или многонациональность, как по Конституции) является не только естественной, но, пожалуй, единственно возможной формой существования государства.

[1] См., например, специальный раздел о молодежи в обобщающем труде: *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011, а также другие работы российских социологов – А.С. Запесоцкого, Д.Л. Константиновского, Ф.Э. Шереги, Ю.А. Зубока, В.И. Чупрова, в том числе: *Дробижева Л.М.* Российская идентичность и межэтнические отношения // Двадцать лет реформ глазами россиян. М., 2011.

[2] См., например: *Холмогоров Е.* Русский националист. М., 2006.

[3] Валерий Соловей против Гейдара Джемаля // Телеканал РБК. 2011. 22 янв.

[4] См. материалы проекта «Несостоявшиеся государства» (Failed States Project) по раннему предупреждению конфликтов и планированию внешней политики США, который был выполнен еще в конце 1990-х годов: *Easty D.C., Goldstone J., Gurr T.R., Harff B*. et al. Failed States and International Security: Causes, Prospects, and Gonsequences. 1998. 25–27 February (http://www.comm.uscb.edu/faculty/mstohl/failed_states/1998/papers/gurr.html).

[5] Его полные результаты были представлены в докладе для Общественной палаты РФ и в статье основных авторов исследования: *Романов М.*, *Степанов В.* Беспорядки на Манежной площади в восприятии молодежи // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М., 2011. С. 22–31.

[6] Протест на Манежной – это крик боли и отчаяния, заявил протодиакон Андрей Кураев // Православие.ru, 2010. 13 дек.

[7] *Шевченко М.* Манежная – это попытка националистического путча // Newsland. 2010. 15 дек.

[8] *Брод.* Драку на Манежной площади подготовили радикальные националисты // РИА «Новости». 2010. 11 дек.

[9] Выступление на заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия в Уфе, состоявшемся 11 февраля 2011 г.

[10] *Сурков В*. Гении всегда в меньшинстве // Известия. 2010. 16 дек.

[11] *Жириновский В*. Наши органы нужно назвать «праворазрушительными» // Вести ФМ. 2010. 13 дек.

[12] На смену Николаю II должен прийти Кеннеди // Новая газета. 2011. 26 янв. № 8.

[13] Мальчики из спальных районов видят ошалевших от денег чиновников и идут искать врагов // Комсомольская правда. 2010. 23 дек.

[14] Беспорядки в Москве: Отчего фанатские волнения выливаются в бунт // Комсомольская правда. 2010. 12 дек.

[15] Звонок, которого никто не услышал // Информационно-аналитический портал «Евразия». 2010. 22 дек.

[16] *Святейший Патриарх Кирилл*. Нужно создать невыносимые условия для деятельности любых радикальных групп // Официальный сайт Московской Патриархии. 2010. 14 дек.

Глава 21

РОССИЙСКИЙ НАРОД И ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ

> Европа – многонациональное единство, неполное без России; Россия – европейская нация, неспособная вне Европы достигнуть полноты национального бытия.
>
> *В. Вейдле*

Историко-культурный смысл Евразии как геопространства и как интеллектуально-политического проекта представляет собой постоянный сюжет в отечественной общественной мысли. В какой-то мере этот сюжет стал частью российского национального самосознания и вечной темой в изысканиях российских обществоведов[1]. В стране вышли сотни книг и статей, слово «Евразия» стало названием журналов, международных и общественных организаций, компаний и банков, брэндом для современной туристической и развлекательной индустрии. В России появилось и активно действует «международное евразийское движение» с молодежным радикальным крылом, которое под черными знаменами с подобиями фашистских символов выслеживают и травят «оранжевых», западников, либералов, «грантососов» и прочих, кто не с ними.

В этой главе я остановлюсь на некоторых проблемах евразийства главным образом в аспекте цивилизационной миссии российского народа на евразийском континенте. Чисто географическое понимание термина «Евразия», обозначающее территорию от Бретани на западе до Чукотки на востоке и включая Индостан на юге[2], в общественной мысли часто уступает место *исторической Евразии*. Под последней понимается совокупность смежных территорий, населенных разными по происхождению народами, но в большей или меньшей степени связанных общностью исторических судеб, общими интересами, сходством культур. В географическом плане это прежде всего территория Восточной Европы, Западной и Северной Азии. Но и это понимание не является общепринятым. Смыслы Евразии меняются как для исследователей в зависимости от эпохи и проблемы, так и для политиков в зависимости от идеологии, интересов и геополитических задач. *В любом случае под исторической Евразией чаще всего имеется в виду не пространство, а общность.* С большими оговорками, но

можно согласиться с инициаторами создания современного журнала «Вестник Евразии» С. Панариным и Д. Раевским, что «евразийская общность – не миф и не чисто логический конструкт, она на деле выявляется методами научного наблюдения, существует как объективная данность, хотя направление и интенсивность связей между составными частями Евразии заметно менялись от эпохи к эпохе»[3]. Самой важной нашей оговоркой является условие понимать под «объективной данностью» в том числе и дискурсивные практики, т.е. евразийские представления, их бытование и воздействие на общественную жизнь. С точки зрения современной эпистемиологии, Евразия как миф также есть объективная данность, хотя за пределами этого мифа не менее объективной данностью являются география, экономика, политика и другие ипостаси.

В регионе Евразии на протяжении тысячелетий шли процессы оформления первичных языковых ареалов древнего населения, а также его адаптационных и популяционных (расовых) характеристик. В глубинах Центральной Азии формировались и перемещались многочисленные племенные образования, которые стали со временем предками восточных славян и тюрок. Тюрки и славяне как два этнокультурных конгломерата обрели религиозную отличительность в лице православного христианства и мусульманства и создали со временем две большие империи, просуществовавшие несколько веков, – Российскую и Османскую. В XV–XVI вв. османы и московиты положили начало длительной внешней экспансии по созданию евразийских держав. Российское государство расширялось преимущественно на Восток, в том числе и в пределы обитания автохтонных тюркоязычных народов, сокрушив их государства в лице Казанского, Астраханского и Сибирского ханств.

Собственно этнические различия, т.е. различия по языку, хозяйственным типам, социальной организации, бытовым традициям, обрядам и мировидению, имеют не менее древнюю историю. Они стали складываться повсеместно в процессе человеческой эволюции. Малые человеческие коллективы на ранних стадиях истории должны были быть более культурно гомогенны, в любом случае говорить на одном языке и вести один тип хозяйства. На этой же основе, вероятно, складывались групповые этнические идентичности, выражавшиеся в языке, в групповых самоназваниях, а в социальной сфере – в собственной солидарности по отношению к иноэтничным «другим». Но даже самые древние из социальных коллективов за пределами семейно-родственных групп и тем более из числа раннегородских и протополитических образований имели сложный этнический состав и даже «конфедеративный» характер наподобие

Академики РАН С.П. Карпов, П.П. Толочко, В.А. Тишков (справа налево) в Великом Новгороде на праздновании 1150-летия российской государственности

славяно-скандинавского характера доновгородских поселений Северного Приильменья и племенного союза славянских и угорских племен, образовавших Новгород-скую республику[4].

На территории Евразии формировалась и менялась разнообразная этническая мозаика культур. Эта сложная природа этнических культур и взаимосвязей проходит на протяжении многих веков истории. Она обладает собственной групповой устойчивостью, которая определяется воспроизводством сходных хозяйственных практик, совместным территориальным проживанием и культурно-языковой системой коммуникации. Однако на относительно устойчивую этническую мозаику оказывали постоянное воздействие более мощные государственно-политические и религиозные системы,

не позволявшие воспринимать этническую общность как некий цельный организм в прошлом и тем более в настоящем. В целом в Евразии сам *феномен этнокультурных взаимодействий в истории следует воспринимать как постоянное воспроизводство культурной сложности*, при которой трудно выделить дискретные коллективы с неизменяемой тысячелетней историей. Уже в XIX и особенно в XX в. технологические нововведения, печатное слово, образование, война и армейская служба, чиновничество, торговцы и миссионеры, пропагандисты и политические ссыльные делают пространство таких государств, как Россия, все более связанным, а его население все более схожим.

Новейшая история Евразии – это прежде всего драматическая история российского/советского государства как одного из крупнейших государств мира и его конец в XX в. Это – история новых государств со своими собственными процессами нациестроительства в системе постсоветского культурного взаимодействия и новых геополитических соперничеств. Наконец, это новейшая история Российской Федерации. Наша страна осталась единственной из больших держав, чья европейская родовая принадлежность подвергается сомнению слишком многими и по многим причинам. Разброс мнений среди российских обществоведов чрезвычайно велик вплоть до ернической метафоры «Азиопа», которая с полной серьезностью обсуждается экспертным сообществом[5].

Как известно, давняя традиция отечественной мысли, связанная с философской публицистикой раннего евразийства и с дискуссией о евразийском характере России и ее особой миссии в истории, обрела известность в 1920-е годы среди российской эмиграции. Если до этого среди поздних славянофилов можно было обнаружить идею самодовлеющего «российского мира», увязанную с решением «всеславянских» задач (дележ Европы и среднеземноморских акваторий), то после установления Версальской системы, оградившейся от России балтийско-балканскими кордонами, Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий сформулировали «понимание России как страны, способной рассматриваться вне европейских структур и проблем»[6].

Мне представляются важными попытки классических евразийцев осмыслить Россию как национальное государство, а российский народ определить как *многонародную нацию*. Как писал Н.С. Трубецкой в 1927 г., «национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая особым национализмом (подчеркнуто мною. – *В.Т.*). Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством»[7].

Евразийцы сформулировали идеи, которые активно и с разной долей успеха разрабатывают их современные российские и зарубежные последователи. Научная критика «классического» евразийства и неоевразийства уже давалась в нашей литературе[8]. Центральным моментом этих дебатов является идея, что Россия не является чисто славянским государством, а представляет собой некий синтез двух историко-культурных потоков: славянско-арийского и туранского (тюркского, монгольского и финно-угорского), создав отличительную цивилизацию. Савицкий дополнительно подчеркивал соединение культур оседлых земледельческих образований и степных кочевников, а также важную роль исторического периода татаро-монгольского господства в формировании российской политической традиции.

* * *

В принципе эти подходы мало изменились в представлениях наиболее известных авторов, писавших на эту тему в последние годы. Многочисленные писания «основателя российского международного евразийского движения» А.Г. Дугина по сути своей есть перепев классических евразийцев с коррективами на современные реалии. Если Трубецкой считал злейшим врагом романо-германский мир с его культурой (Гитлер тогда уже был у власти в Германии), то Дугин главным врагом Евразии считает «атлантистов» (НАТО с его расширением в Восточную Европу): «Логика истории постоянно на самых различных уровнях навязчиво высвечивает основополагающий дуализм – США и СССР, Запад и Восток, Америка и Россия. В экономике, политике, геополитике, богословии, культуре ясная, пугающе ясная антитеза – как наглядно развернутый перед нами промысел о драме мира, о двух полюсах континентальной дуэли, о великой войне континентов, физических и духовных»[9].

Однако опасным является то, что *в неоевразийстве нет места России*, а есть воспаленный вопль-призыв к сокрушению и всеобщему очищению, что по своему смыслу и стилистике свойственно идеологии и механике тоталитарных сект. Если почитать тексты публичных лекций и манифестов Дугина, то они напоминают по своей форме проповеди в тоталитарных сектах, под влияние которых попадают не только молодые, но и взрослые люди. Приведу цитату из дугинского манифеста под названием «Россия-3» (под этим номером имеется в виду будущая Евразия-империя на месте России): «Пусть это ничейная пока земля – Россия-3 – но она есть, и она вне бледной немочи России-1 (имеется в виду вариант эпохи Ельцина. – *В.Т.*) или оранжевой мерзости России-2 (имеется в виду вариант России позднего Путина. – *В.Т.*). Россия-3 – баррикады

острых лучей, армия невылупившихся волшебных зародышей, безумное напряжение пробивающейся из последних бездн бесконечной энергии, момент настоящей вертикальной любви, океан власти. Последнее прикосновение к стремительно остывающему миру трансцендентного перста. Мы ставим там знамя всеобщего сбора. Подаем прощальный сигнал. Мы вскроем ваше чрево, и оно рассядется с иудиным позором, и ваша пустота вывалится наружу, и нас никто более не обманет. Вы, коллеги, еще не видели этого. Вот это праздник, скажу я вам!»[10]

Всякие Билли Грэхемы и Асакары плакали – они пигмеи перед подобными разрушительными пророчествами. А те, кто подвергает дугинские призывы сомнению, в их адрес следует прессинг на основе метода Евразийского союза молодежи, который члены союза называют «ненасильственное насилие». Катехизис членов ЕСМ гласит: «Ты должен быть господином… Ты рожден править Евразией… У тебя одна Родина – мать Евразия… Ты больше, чем человек… Наша цель – абсолютная власть… Мы – господа земли… Мы все вернем назад. Таков белый завет Евразии». Как видим, нынешняя Россия – это «оранжевая мерзость», и на ее место должна прийти «мать Евразия». Штурмовики ЕСМ уже действуют в этом направлении, устраивая шумные пикеты-спектакли против респектабельных государственных институтов и уважаемых в стране людей. Оболваненные своим лидером, молодые люди не ведают, что творят, но именно это и опасно для страны. Еще хуже, что идеологическая эволюция Дугина от откровенно расистских воззрений до смеси национализма и евразийского империализма постоянно находит поддержку у части политического истеблишмента. По крайней мере американских шпионов среди российских ученых неоевразийцы ищут совместно с бывшими и, возможно, с нынешними представителями специальных служб.

Смысл и политические заданности о содержании Евразии критически оценил в дебатах директор Института истории Национальной академии наук Татарстана Р.С. Хакимов, но уже с позиции другой крайности: отрицания российской национально-культурной целостности и с позиции утверждения так называемой тюрко-татарской цивилизации: «Идеология противопоставления себя Западу и Востоку загоняет Россию в исторический тупик. Многим представляется, что Россия соединяет в себе Запад и Восток, поскольку страна одновременно находится и в Европе, и в Азии. Но эта география обманчива. Культура не тождественна географии. Россия от Востока отошла, а к Западу не дошла. Как православная цивилизация, она точно не Восток, а по нормам жизни, менталитету ее нельзя назвать Западом. Она ничего не соединяет, она стоит на

перепутье… Евразию определенно можно толковать как территорию славяно-тюркского симбиоза. В этом случае в ее ареал надо включить Турцию, что не входило в предмет исследования классических евразийцев, которые рассматривали только территорию бывшей Монгольской империи. И сегодняшние евразийцы готовы на включение в Евразию Монголии, хотя она не является частью тюркской цивилизации, но не в коем случае не имеют в виду Турцию. Логика культурных факторов не срабатывает в существующих определениях Евразии… Турция явно прозападная страна и совершенно не ощущает себя частью евразийского континента. Поэтому определение территории Евразии остается весьма субъективным делом»[11].

По большому счету концепт «Евразия» был и остается для части российских гуманитариев одним из компонентов в объяснении становления, развития и характера государственности, прежде всего с точки зрения «Центра», центристско ориентированной мысли, т.е. какой была и есть Москва и сфера ее власти в прошлом и настоящем, а также какова была история контролируемого Москвой или же находящегося под влиянием Москвы пространства. Современное неоевразийство представляет собой некий ущербный (изоляционистский и мобилизационный) вариант историософии и одновременно – одну из неудачных форм рождающегося российского национализма. Неудачность в том, что в основе его не «многонародная нация» Трубецкого и Ильина, а самодовлеющая цивилизация (российская православная цивилизация как не Запад и не Восток). Кстати, Г.П. Федотов – историк, философ и богослов, изгнанный из России на «философском пароходе», в своей статье 1923 г. «О национальном покаянии» резонно считал религию (именно православие) существенным компонентом национального сознания («без религии – это не нация, а человеческое месиво, глина»), но в тоже самое время он резко осуждал евразийские конструкции («Евразия – это синоним гибели России, лишенной единого стержня»)[12].

И хотя речь в евразийстве, как правило, идет о войне на два фронта и об изоляции от мира в самодостаточном пространстве, но на самом же деле *культурной сущностью евразийства является позиционирование себя по отношению к Европе в качестве европейской страны с европейскими культурой и ценностями*. Не случайно, во всех вариантах из Евразии исключаются все народы и страны, не прошедшие европеизацию в рамках российской колонизации или советской модернизации, в частности, например, Турция. Но только сами евразийцы в этом никогда не признаются, а многие из них даже не осознают своей глубоко европейской сущности.

В достаточно маргинальной для российской общественной мысли теории евразийства действительно есть слабые места и неразрешимые противоречия, которые используются не только для критики, но для выстраивания более серьезных оппозиций сторонниками других миров и цивилизаций в пределах Евразии. Как считает Хакимов, «вопрос взаимодействия православия и ислама в России евразийцами не решен, но тогда основной их тезис о наличии российской цивилизации оказывается под вопросом. Бесспорным является существование русской православной цивилизации, доминирующей в России, но весьма спорен тезис о российской цивилизации, якобы соединяющей славян и тюрков, христиан и мусульман. Их удерживает вместе государство, а не цивилизация… В самом деле, в мире существует тюркская цивилизация. Татары, башкиры, якуты, чуваши и другие народы являются ее неотъемлемой частью. Существует мусульманская цивилизация. Татары не только часть этого огромного мира и не просто исповедуют эту религию, они – самый северный форпост ислама. Ограничение татар в рамках некоей российской цивилизации практически невозможно, ибо это ставит препятствие на пути его развития и в конечном итоге ослабляет Россию»[13].

Русский философ
Георгий Петрович Федотов

Интересно, что до какого-то исторического момента евразийский дискурс в значительной мере был чужд представителям «азиатских» народов России, ибо, как мы уже отметили, евразийство было централистской идеей, своего рода аргументом в объяснении центральной власти и ее роли в историческом российском государстве. Однако ситуация изменилась в последние два десятилетия. Идея Евразии стала популярной среди многих интеллектуалов и политиков за пределами Москвы и Петербурга. Она обрела новые смыслы и новые политические проекции. В представлениях, скажем, бурятских, якутских, татарских, а тем более казахстанских ученых и политиков «Евразия» – это уже не то, что имеют в виду московские или петербургские ученые. Эти *провинциаль-*

ные евразийцы появились в Российской Федерации с конца 1980-х годов, причем не только среди этнических элит российской «внутренней Азии», но и среди представителей российских регионов, которые не имеют этнического статуса, например, Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Как мы уже отмечали, в 1990-е годы возник вариант отечественного евразийства, построенного на отрицании российскости как таковой и ее базовой европейской сущности. Это евразийство как бы обращено в другие пространства политического воображения: мировая цивилизация и культура, Европа и Азия, тюркский мир и другие варианты. Приведу пример идеологии татарского этнонационализма, ключевым моментом которого является отторжение российской историко-культурной общности и российской государственности. Как пишет Хакимов, «Россия изначально сущностно содержит в себе два мира, два разных мироощущения, два культурных ареала: русско-православный и тюрко-исламский, которые мало взаимодействуют друг с другом, умудряясь жить при этом в непосредственной близости, в одном пространстве… Татары должны работать в тюркском мире, как это было и сто и двести лет назад. Это наша экономическая и культурная ниша, в этом наше преимущество»[14].

Если современное евразийство среди татарских историков и политиков – это вариант скорее сепаратистского толка, среди уральских, сибирских и дальневосточных авторов – это другой вариант, содержащий в себе интеграционистскую установку. Процитирую коллективный труд уральских ученых о геополитической и цивилизационной динамике Азиатской России: «Вклад Азиатской России в развитие Российского государства огромен и многосторонен, как велики и разнообразны исторические риски, сопутствовавшие врастанию России в Азиатский континент – в свое новое, еще не до конца освоенное геополитическое и цивилизационное измерение. Уже одно это сопоставление заслуг и жертв, достижений и их цены заставляет рассматривать Азиатскую Россию не как “осколок” или случайный “придаток” Российского государства, но как важнейший оплот и резерв его развития»[15].

Если исключить крайние варианты периферийного этнонационализма (особенно татарского и якутского[16]), то при всех различиях провинциальных евразийцев есть одна объединяющая мысль, которую разделяют как представители малых народов Сибири, так и те, кто выражает регионалистские (областнические) интересы и ценности. *Это поддержка тезиса о цивилизационной общности между самыми отдаленными частями страны и ее жителями с остальным ее населением*. Это также взгляд на территорию

северной Евразии, как бы обусловленную самой историей быть великой империей, будь она под началом татарских ханов, русских царей или советской власти. *Этот взгляд открывает возможность для каждой региональной культурной традиции и для культур малых народов искать и определять свой неповторимый вклад в общие судьбы и ценности Евразии.* Это означает определение вклада и идентификацию части с целым в рамках исторического российского государства.

Нам этот аспект в провинциальном (точнее сказать – региональном) российском евразийстве представляется особенно значимым. Важно в научном и в общественно-политическом смыслах изучать и демонстрировать историко-культурную роль регионов Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока не только как магистральных пространств, где переплетались культурные потоки, и не только как исторических форпостов «освоения» или «приращения России», но и как оригинальных производителей культуры и самостоятельных акторов истории, заложивших или определивших общероссийские характеристики. Эту мысль можно пояснить на современном примере фундаментальной российской науки. Если в 1960-е годы создание Академгородка под Новосибирском было актом «приращения», то современная сибирская наука – это уже российский брэнд мирового значения. И таких примеров можно привести множество из разных сфер жизни: если создание в 1930-е годы косторезной мастерской в чукотском поселке Уэлене было реализацией плана Академии художеств СССР по развитию социалистических художественных промыслов, то в итоге появилось и живет косторезное искусство мирового уровня – одна из визитных карточек России как арктического государства.

Не очень порой ясно, что все-таки сегодня составляет не только пространство, но и содержание понятия «Евразия». Отчасти эта сумятица была произведена конструкциями Л.Н. Гумилева, который воссоздал туманные и малообоснованные концепты союзов между славянами и степными народами, формообразующей природной среды, решающего воздействия «пассионарности этносов» в создании государственных образований. В то же самое время (в парадоксальном противоречии) он пытался утвердить некую естественнонаучную (природно-биологическую) основу для возникновения, существования и исчезновения этнических общностей. Из книг Гумилева черпали свои аргументы как русские, так и казахские, якутские и другие этнонационалисты. Несостоятельные и общественно опасные заблуждения обрели ауру академической легитимности. «Великий евразиец» стал интеллектуальным гуру и одновременно исторической личностью, к памятнику кото-

Образец современного чукотско-эскимосского косторезного искусства
(фото М.Б. Лейбова, 2000 г.)

рого в Казахстане российский президент В.В. Путин возложил венок, объявив евразийство новой идеологией новой России. Вслед за этим на 1000-летний юбилей Казани в этом городе появился еще один памятник историку. Тем самым не только казахстанским, но и российским интеллектуалам был придан мощный стимул видения российской истории, построенной на эмоциональных и ценностных интерпретациях, никогда не существовавших как социально-политические целостности, со своими победами, героями и поражениями. Как писала известный британский антрополог К. Хэмфри, в такой ментальной ситуации «обсуждение текущих вопросов социальной и политической организации (как, например, формы правления или налогообложения) фактически невозможно, его обволакивают трансцендентные понятия наподобие “степных цивилизаций” или “национальной судьбы”»[17]. Я разделяю это полезное замечание. Отечественным большим политикам и управленцам нужно быть более осторожными с разными теоретиками и гуманитарными лоббистами. Одним удается затащить президента страны в Аркаим как придуманное в коммерческих целях средоточие мировых силовых пучков и прародину всех культур, другим – представить президенту страны старую Ладогу как «первую и самую древнюю столицу России», что более чем сомнительно, но оказывается выгодным для развертывания археологических раскопок.

* * *

В национальном самосознании российского народа помимо евразийского дискурса есть еще так называемый цивилизационный компонент, а именно – Россия трактуется не как национальное или многонациональное государство, а как отдельная и уникальная цивилизация. Здесь же чаще всего и говорится о цивилизационной миссии российского (еще чаще употребляется – русского) народа на евразийском пространстве и даже для всего мира. Не углубляясь в далекие времена, напомню, что в ежегодном послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации 2005 г. была использована следующая фраза: «Безусловно и то, что цивилизаторская миссия российской нации на евразийском континенте должна быть продолжена»[18]. Зарубежные комментаторы отозвались на эту заявку очень сердито, а отечественные – просто не заметили, ибо им опять нужно было признавать вслед за президентом несуществующую, по их мнению, новую нацию. А между тем эта заявка представляется мне более чем достойной размышления.

Я не могу судить обо всем евразийском континенте, но применительно к территории бывшего СССР это положение о цивилизационной миссии (под этим следует понимать не мессианизм, а общекультурную и культуртрегерскую роли) представляется верным, хотя сами по себе слова «цивилизация» и «миссия» не из строгого научного языка. Заявление президента противостоит утвердившемуся в умах и языке жителей новых государств объяснительному концепту распавшейся «советской империи», которая якобы угнетала и сдерживала историческое развитие этнической периферии, а русские выступали в роли ассимиляторов. Отметим, речь идет не о миссии русских, а о миссии российской нации, которая всегда включала в себя людей разной этнической и религиозной принадлежности. Так, например, российские (прежде всего казанские) татары играли важную роль в дореволюционной колонизации региона и в советской культурной модернизации населения Средней Азии. Российские украинцы, сибирские татары, буряты и якуты составляли значительную часть первожителей и нынешних насельников Восточной Сибири и особенно Дальнего Востока, оказывая влияние на развитие этих территорий, включая малочисленные аборигенные народы. В этой связи замечу, что со времен правления Петра I российская элита усвоила западное отношение к кочевникам и азиатам не просто как к язычникам или грабителям, а как к отсталым народам и объектам для цивилизующей миссии[19].

Что составляет содержание миссии? Цивилизаторская миссия российской нации, включая ее государство в лице Российской

империи и СССР, содержит в себе несколько направлений и два аспекта – *миссия для себя* и *миссия для внешнего мира*. Миссия для себя – это все те хозяйственные, этнокультурные, политические взаимодействия в исторической Евразии, которые происходили в рамках российского народа, пространственные границы и этнорелигиозный состав которого постоянно менялись, это – хозяйственное освоение и промышленное развитие больших территорий Евразии, распространение европейских норм права и культурных ценностей до берегов Тихого океана, включая берег американской Калифорнии, где с 1812 по 1841 г. существовало постоянное поселение Крепость Росс[20].

Британский историк Д. Ливен справедливо пишет: «Имелись фундаментальные различия между Российской империей на пограничных с Европой территориях и на азиатском "южном поясе" – другими словами, на Кавказе, в казахских степях и в Средней Азии. Российское правление в Азии во многом было схоже с методами управления европейской экспансии на восток, осуществляемой, как правило, за счет нехристианских и часто кочевых народов. Экспансия России базировалась на применении европейских экономических и политических технологий – иначе говоря, армий, индустрии, железных дорог и правительственных институтов, организованных по современным европейским принципам»[21]. Скажу даже больше, что при всех деформациях советского закона он был единокровен кодексу Наполеона, а не конфуцианскому праву или же иранским и суданским законам шариата. *Коммунизм и сталинские деформации – это своего рода стилевые различия и разногласия с остальной Европой, но, тем не менее, это различия и разногласия внутри Европы*.

Цивилизаторская миссия российской нации состояла в распространении на большой части территории Евразии (Европейский Север, Поволжье, Сибирь и Дальний Восток) норм двух мировых культурных систем и в приобщении к ним местного населения. Одна из них – это христианство в форме православия. Как пишет В. Кантор, «Русь, расположенная на перекрестке Запада – Востока, Европы – Азии, имела возможность выбора религии. Она обратилась к Византии, с которой ее связывали торговые и иные отношения, бывшей в то время самой цивилизованной частью христианского мира»[22]. Цивилизаторская миссия православия затрагивала не столько последователей других мировых религий (буддизма и ислама), которые также издавна исповедовала часть населения, составившего российский народ, сколько не обращенное в большую веру население, придерживавшееся так называемых традиционных верований. Аналогичную роль христианство сыграло и в других регионах мира, особенно в Америке в отношении аборигенного населения.

Советский период отличался антицерковной политикой, но православная вера и церковь оставались духовной опорой для миллионов людей разной национальности в трудных жизненных условиях, включая время лишений и военных тягот. Возврат Русской православной церкви в российское общество с конца 1980-х годов был впечатляющим и показательным в смысле общественной потребности иметь христианскую веру как одну из цивилизационных основ на огромной территории России и за ее пределами. Более 20 тыс. новых православных храмов за 20 лет, включая построенный и освященный в 2007 г. храм на Курильских островах, – это безусловное свидетельство духовной миссии россиян для самих себя и для всего христианского мира. Нынешнее присутствие 10 тыс. православных приходов на территории от Финляндии до Владивостока под управлением Московской епархии РПЦ обозначает достаточно обширное общественное пространство в духовно-нравственной сфере, чтобы продолжать свою наставническую миссию. Отмечу также, что, как и русский язык, для большинства верующих россиян православие составляет важный компонент не только духовной жизни, но и национальной российской идентичности.

Некоторые российские философы задают вопрос: возможно ли православию, которое отрицает религиозную и культурную жизнь Европы после раскола христианской церкви, быть носителем цивилизующего начала? «Может ли сегодня стать орудием духовного раскрепощения эта религия, всегда бывшая в тесном союзе с властным государством, с тем, кто сильнее!»[23], – спрашивает В. Кантор и отвечает на этот вопрос отрицательно. Мой ответ, скорее, положительный, ибо христианские постулаты остаются общими для всех ветвей этой мировой религии, и они несут огромный заряд гуманности и терпимости, которых так не хватает россиянам. Религия в России, если брать народную веру, а не узкий круг церковников, не была частью власти, по крайней мере в советский период. Репрессиям и унижениям подвергались не только простые верующие, но и священнослужители. Но самое главное не в этом. В эпоху средневековья Русь после ее завоевания Ордой не стала мусульманской страной и осталась частью европейского мира именно благодаря православию. В XXI в. пока не очень ясно, чем закончится нынешнее *сближение – отталкивание* (термин В. Кантора) христианства и ислама – этих двух крупнейших цивилизационных миров. В любом случае именно русское православие оказывается своего рода пограничной зоной взаимодействия. Его миссия сохранить границы влияния христианства и преподнести миру урок мирного взаимодействия двух мировых религий в рамках одного государства. Эта миссия по своим масштабам может быть сравнима с миссией Древней Руси, остановившей монгольские орды на подступах Европы.

Православный собор в г. Сан-Франциско
(фото автора, 20212 г.)

Вторая культурная система – это система на основе русского языка и русскоязычной культуры, включая мировое достояние – русскую литературу. Русская словесность – это один из конструктов российской нации. Неслучайно известный философ М.К. Мамардашвили говорил «о рождении из творчества писателей целой страны, России»[24]. Русский язык и российская/советская культура (от А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя до М.А. Шолохова и Ч. Айтматова) сыграли выдающуюся цивилизаторскую миссию на евразийском континенте, не ограничиваясь только территорией исторического Российского государства. Русский язык был и остается языком культурного взаимодействия и взаимообогащения

представителей разных этнических культур в рамках российской национальной культуры. Он был и остается языком достижений мировой цивилизации для территории бывшего СССР, ибо *через русский язык большинство населения большинства новых государств продолжает приобщаться к мировому культурному достоянию и к современной массовой культуре, а также транслирует в мир собственные культурные достижения*.

Российская нация внесла неизмеримый вклад в культурное наследие народов Восточной и Западной Европы. Без российского культурного компонента нет европейской культуры в прошлом, и этот вклад в более ограниченном варианте (уже без новых национальных культур стран бывшего СССР, которые когда-то входили в российскую и советскую культуры) будет сохраняться в будущем. Одно из моих этнографических наблюдений в пользу данного тезиса – это содержание месячной репертуарной афиши театра «Ла Скала» в Милане за февраль 1998 г.: из примерно 25 имен композиторов, балетмейстеров, исполнителей половина были русские имена! Стоявший рядом со мною итальянский профессор, только что доказывавший мне, что Россия – это не Европа, а Турция – это Европа, никак не мог объяснить мне, почему на этой визитной карточке высокой европейской культуры были русские, а не турецкие имена!

После распада СССР цивилизационная миссия российского народа *для себя* стала меньше, а для внешнего мира она выросла, ибо уменьшилась сама Россия, и за счет бывших республик, а ныне новых государств увеличился внешний мир в орбите ее культурного влияния. В этом отношении президент Путин прав, говоря об евразийском континенте, имея в виду прежде всего территорию бывшего СССР за пределами России. Эта миссия была, и она есть сегодня, как бы ни принижали значение современного культурного производства нынешние отрицатели России. Достаточно посмотреть, какие книги и журналы читают, какую музыку слушают и на каком языке разговаривают между собой граждане и политические лидеры новых государств. В самые последние годы признания великой роли русской культуры и языка прозвучали в выступлениях целого ряда руководителей новых постсоветских государств. Конечно, содержание и оценочный смысл цивилизационной миссии исторически меняются, и далеко не всегда это исключительно позитивный и односторонний процесс. Далеко не всегда он одинаково рассматривается представителями разных поколений и разных ареалов в зоне культурных взаимодействий и влияния. *О цивилизационном воздействии в рамках миссии для себя имеют основания говорить не только носители русской или*

даже русскоязычной культуры. Российский народ по мере включения в свой состав носителей разных культур и по мере развития контактов с внешним миром вбирал в себя многое из опыта других. Некоторые входившие в состав российского культурно-цивилизационного арсенала компоненты были сами по себе результатом длительной эволюции, включавшей опыт исторической государственности, письменности, религии многих народов и регионов (Закавказье, Средняя Азия, Балтия, Молдавия, Бурятия).

Эти достойные культурные традиции и их носители вступали в сложные взаимодействия с доминирующим русским культурным компонентом и с центральной властью. Многое утрачивалось или разрушалось, но не более, чем при формировании германской нации на основе прусского, британской на основе английского, китайской на основе ханьского компонентов. Тем более, не может быть плоской аналогии цивилизационной миссии российской нации в Евразии с миссиями внешних колониальных империй, где также содержался цивилизаторский компонент, но характер отношений был основан не на взаимодействии (пусть и не всегда равнозначном), а на жесткой схеме господства–подчинения по четкой схеме метрополия–колонии. Масштабное включение в господствующие нации человеческого материала и религиозно-культурных компонентов бывших субъектов колониальной цивилизаторской миссии происходит сегодня через массовую миграцию в метрополии жителей бывших колоний, которое сопровождается большими социально-культурными коллизиями.

Как возможно осуществить упомянутое в послании президента «продолжение миссии»? Будущая цивилизаторская роль России и российского народа в чем-то уже предопределена, в чем-то только просматривается, а что-то мы не в силах предугадать. И все же почему миссия должна быть продолжена и нет ли здесь бравады «провалившейся страны», каковой многие отечественные и зарубежные эксперты считают Россию? Предопределенность заключается хотя бы в том, что *российская нация остается на будущее распорядителем очень значительной части земных ресурсов, и по крайней мере на континенте Евразии без этих ресурсов человеческая цивилизация не сможет существовать и развиваться.* Одни только озеро Байкал с его 20% мировых запасов пресной воды, сибирские леса и нефтегазовые ресурсы накладывают на российский народ мировую ответственность за их сохранение и использование.

Российская нация остается единственным хранителем до сих пор значимой для Евразии культурно-ценностной системы на основе русского языка, кириллического письма и христианского православия, хотя в российском народе сохраняются и бу-

дут воспроизводиться другие культурные системы, в том числе и общемирового масштаба (иудео-христианские, евроисламские, буддистско-монгольские, аборигенно-арктические и другие). Забвение этой части цивилизационной миссии означало бы утрату собственной отличительности и огромный ущерб для мировой культуры. Судя по состоянию ресурсной экономики, интеллектуального потенциала и культурного производства, миссия по сохранению этих двух культурных систем (русскоязычной культуры и православия) вполне реализуема. Предлагаемый некоторыми моими коллегами отказ от кириллицы в пользу латиницы[25] есть также цивилизационное отступление, не говоря о возможном ущербе для российской идентичности. Скорее, подобные смены графики в пользу латиницы как мирового интегратора можно ожидать от носителей малых и изолированных культур – грузин или армян, но почему-то таких предложений никто не делает.

Есть еще один новый смысл в продолжении евразийской миссии России на ближайшие десятилетия. Это сохранение памяти и идентичности жителей бывшего СССР, связанных с принадлежностью к советскому народу, а также исполнение роли страны-реципиента для тех, кто продолжает чувствовать свою причастность к России и даже предпочел бы трудиться и жить в России. В ежегодном президентском послании 2005 г. говорится о необходимости избавиться от въевшегося в поры политиков и обывателей антимиграционизма и ксенофобии в отношении бывших соотечественников. Быстро развивающиеся экономика и рынок труда в России, а также ее сокращающееся и стареющее население ставят перед страной сложную проблему воспроизводства населения. Точно перед такой же проблемой стоят другие страны Западной Европы. Но 25 стран Евросоюза, например, в 2003 г. увеличили свое население на 1,9 млн человек, и 90% этого роста обеспечили иммигранты. Россия же последние годы проводит политику свертывания миграции из стран бывшего СССР, подрывая тем самым собственную национальную безопасность.

В послании президента не сказано, что привлечение миграции из стран бывшего СССР должно быть задачей и оценочным критерием деятельности миграционных служб. Но зато отмечено, что страна заинтересована в притоке квалифицированных, легальных трудовых ресурсов и что «в конечном итоге каждый легальный иммигрант должен получить возможность стать гражданином России». Заметим, что нынешние закон, процедура и коррупция фактически не позволяют вновь прибывшему стать «легальным иммигрантом». В последнее десятилетие российский народ и его государство исполняют неприглядную миссию отторжения и сверхэкс-

плуатации своих бывших соотечественников, в то же самое время получая от их труда огромные выгоды. Здесь образовался большой пробел по части «цивилизаторства», вызванный не только узким политическим расчетом и соображениями безопасности, но и корыстными мотивами, а отчасти мстительными эмоциями за инициативу «ухода» от России.

Напомним, что в Советском Союзе наиболее притягательной для внутрисоюзных миграций была территория РСФСР, т.е. нынешней России. Из РСФСР в другие союзные республики также был большой выезд. В своей основе это была трудовая миграция, наполненная зачастую пропагандистским смыслом и молодежной романтикой. В миграционном обмене также заключался один из компонентов цивилизационной миссии, ибо квалифицированные кадры из центра страны и «русских регионов» создавали хозяйственно-культурный потенциал, который составил основу независимой государственности при распаде СССР. Обученные в центральных вузах местные кадры и ехавшие в республики «по распределению» специалисты выполняли важнейшую культуртрегерскую миссию, соединяя богатую местную традицию с достижениями советского профессионального искусства и культуры. В последние десятилетия в РСФСР прибывало больше советских граждан, чем выезжало. Это были главным образом молодые специалисты, работники больших строек, а также военнослужащие, пожелавшие после демобилизации остаться в России, найдя работу и подругу жизни. Служба в Советской армии на территории РСФСР или в других регионах играла большую роль в культурно-образовательном развитии сельских и городских жителей союзных республик.

Тот факт, что после распада СССР миграция в Россию продолжилась, не представлял собой нового явления. Более того, за период между переписями 1979 и 1989 гг. количество переехавших в РСФСР из других республик было больше, чем между переписями 1989 и 2002 гг. Другое дело, что в последнее десятилетие почти прекратился выезд из России в новые государства. Притягательность России для наших бывших соотечественников будет сохраняться еще долго, по крайней мере до тех пор, пока уровень жизни, рынок труда и карьерные возможности будут здесь лучше, чем в других странах. Но эта ситуация не может длиться вечно. Дискриминация, обман, издевательства и насилие, которые испытывали все эти годы иммигранты в России, уже отбили охоту у многих подвергать себя таким рискам и повернули потоки мигрантов в сторону Восточной и Западной Европы, Турции и даже Китая.

Несмотря на продолжающееся сокращение населения и растущий рынок труда, а также осознание малой частью государственной бюрократии необходимости и полезности иммиграции

Новая граница на замке

для развития страны, миграционные и другие службы продолжают работать по части «миграционных инспекций» и депортации «нелегалов». При сокращении населения России на 700 тыс. в 2004 г. власти только в официальном порядке выслали из страны 90 тыс. потенциальных работников и граждан, затратив на это более 100 млн руб. бюджетных средств. Не меньше людей были вынуждены уехать под угрозой депортации и насилия. В 2007 г. уже при объявленных коррективах в миграционной политике и программе привлечения соотечественников на переезд в Россию правоохранительные органы отобрали более 30 тыс. паспортов у временных и постоянных жителей России, приехавших из стран бывшего СССР. Эти люди оказались в положении людей без прав и без перспектив, кроме депортации в страны исхода.

Как видим, по этой части цивилизаторской миссии россий-ской нации результаты довольно противоречивые. С одной стороны, полтора десятка лет наша страна была и остается местом приложения труда и услуг, а также источником жизнеобеспечения для миллионов граждан государств нового зарубежья. С другой стороны, Россия позволила себе поставить этих людей в унизительное положение, ограничить число желающих жить в России и их возможности. В итоге страна растеряла исторический шанс забрать часть населения бывших союзных республик после распада,

руководствуясь утопичными представлениями, что некие «этнические россияне» должны вернуться на свою «историческую Родину», а другие остаться в «своих государствах». Не было учтено, что цивилизаторская роль России в отношении всех бывших сограждан сделала их во многих отношениях не просто советскими людьми, но именно россиянами, независимо от этнической принадлежности (русской, молдавской, украинской, татарской, узбекской, киргизской или грузинской). Россия слишком неосмотрительно решила отказаться от этой миссии, и к ней следует вернуться.

[1] См. итоговую монографию по Программе фундаментальных научных исследований РАН: Этнокультурные взаимодействия в Евразии / Под ред. А.П. Деревянко, А.И. Молодина, В.А. Тишкова: В 2 т. М., 2006.

[2] Такое широкое понимание Евразии, включающее Японию, Китай, Индию, обе Кореи, государства Юго-Восточной Азии, Пакистан и Иран, существует в российском обществознании, особенно среди специалистов-востоковедов. В рамках вышеупомянутой программы, в частности, был выполнен проект Института востоковедения и Института Дальнего Востока, по итогам которого издана монография именно с таким широким географическим охватом (Народы Евразии: проблема межцивилизационных контактов / Отв. ред. В.С. Мясников. М., 2005).

[3] *Панарин С., Раевский Д.* Предисловие // Евразия. Люди и мифы: Сборник статей из журнала «Вестник Евразии» / Сост., отв. ред. С.А. Панарин. М., 2003. С. 10.

[4] *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселение Северного Приильменья. СПб., 2005; *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Новгород, 2001.

[5] Одними из первых рассуждения по поводу «Азиопы» начали идеолог либеральной партии СПС А.А. Кара-Мурза, а с противоположного фланга – автор расистских построений В.Б. Авдеев. Теперь эта категория стала распространенным поводом для обсуждения «неевропейского» характера нашей страны (см. многочисленные материалы в Интернете: http://asiopa.ru, а также: *Авдеев В.Б.* Метафизическая антропология. М., 2002 (раздел «Сначала Евразия, теперь Азиопа»).

[6] Там же. С. 23.

[7] Евразийская хроника. Вып. VII. Париж, 1927.

[8] См.: *Шнирельман В.А.* Интеллектуальные лабиринты: Очерки и идеологии в современной России. М., 2004.

[9] *Дугин А.Г.* Абсолютная родина. М., 1999. С. 666–667.

[10] *Дугин А.Г.* Россия-3: Манифест Международного евразийского движения // www.eurasia.ru

[11] *Хаким Р.* Метаморфозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). Казань, 2005. С. 274–275.

[12] *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: В 2 т. СПб.; София, 1991. Т. 2. С. 42–43.

[13] *Хаким Р.* Указ. соч. С. 269–270.

[14] Там же. С. 284–293.

[15] *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. С. 586.

[16] Якутский этнонационализм начала 1990-х годов вообще отрицал европейский компонент в собственном политическом самосознании. Как писала У.А. Винокурова, «якуты и Якутия исчерпали в себе европейскость и все больше осознают

себя как часть большой Азии» (*Винокурова У.А.* Сказ о народе Саха. Якутск, 1994). Это прямо противоположный вариант европейски ориентированному татарскому этнонационализму, но только оба они как бы «минуют» Россию в своих историко-культурных конструкциях.

[17] *Humphrey C.* «Eurasia», ideology and political imagination in provincial Russia // Postsocialism: Ideals, ideologies and practices in Eurasia / Ed. C.M. Hann. L.; N.Y., 2002. P. 263.

[18] Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации. М., 1995.

[19] См.: *Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994.

[20] См. об этом публикацию архивных документов: Россия в Калифорнии. Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийские связи. 1803–1850 годы. Т. 1. М., 2005; Т. 2. М., 2012.

[21] *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 349.

[22] *Кантор В.К.* «…Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историософские очерки. М., 1997. С. 18.

[23] Там же. С. 21.

[24] *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1990. С. 187.

[25] А*рутюнов С.А.* Всеобщий переход на латиницу неизбежен // Независимая газета. 2001.7 авг.

Часть IV

РУССКИЙ МИР

Глава 22

ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО МИРА

Феномен исторической российской диаспоры актуализировался в нашей жизни с эпохой горбачевской либерализации и с открытием России для внешнего мира и внешнего мира для России. После распада СССР обрела драматическое политическое и гуманитарное содержание проблема новой российской диаспоры, поскольку образовалась огромная масса связанных с Россией людей уже не столько за счет эмиграции, сколько по причине изменения границ и сокращения территории Российского государства. Еще в начале 1990-х годов эти люди получили название «российские соотечественники» или «соотечественники за рубежом», хотя с правовой точки зрения эта дефиниция была и остается уязвимой, ибо под соотечественниками обычно имеют в виду носителей одинаковых паспортов. Тем не менее всем более или менее ясно, о чем и о ком идет речь в данном случае. Речь идет о людях, которые по культуре и по идентичности сохраняют свою связь с Россией, а многие из них действительно имеют российское гражданство и считают себя россиянами, хотя временно или постоянно проживают за пределами России. Понятие «русский мир» появилось в российском общественно-политическом дискурсе сравнительно недавно*. Оно чаще всего используется для обозначения мира русского зарубежья или российской диаспоры и больше носит исторический и культурно-языковой характер, но во многом это понятие совпадает с понятием зарубежных соотечественников.

За последние годы опубликовано много справочных изданий, документальных публикаций, исследований и публицистики на тему русского зарубежья[1]. Проводятся многочисленные конференции по этой тематике. Лидерами изучения и поддержки русского

*В настоящий момент мы не смогли решить вопрос более адекватного правописания выражения «русский мир». В ряде цитируемых документов выражение пишется с заглавной буквы, в тексте президентского послания с маленькой. Мы придерживаемся последнего варианта как менее амбициозного.

зарубежья выступают созданная А.И. Солженицыным Библиотека-фонд «Русское зарубежье», научно-исследовательские институты РАН, Научный совет РАН по русскому зарубежью, специальные исследовательские группы и центры. В Интернете сложилась целая сеть русских ресурсных сайтов (более 2 млн сносок в системе «Google» на запрос «русское зарубежье»)[2], а запрос на тему «русские в Америке» также дает почти 2 млн ссылок в Интернете. Не меньший интерес ученых и политиков вызывает проблема так называемого нового русского зарубежья, а точнее ситуация с русским населением и судьбой русского языка и русской культуры в новых независимых государствах. На эту тему уже опубликовано несколько десятков научных монографий и сотни, если не тысячи статей [3]. Что касается политических высказываний и разных спекулятивных рассуждений, то их огромное количество. Нет сомнений, что мы имеем дело с *явлением, у которого давняя история, но которое сегодня обрело другие конфигурации и смыслы, став как частью культуры новых сетевых сообществ, так и частью государственной политики и межгосударственных отношений*.

Поскольку проблемы диаспоры и русского населения в странах бывшего СССР исследовались мною ранее[4], я решил написать эту главу в контексте как самой идеи «русского мира», так и с целью показать более широкие границы российской идентичности, которая не ограничивается территорией государства. Цель моей работы – это анализ научного и политического смысла доктрины русского мира; изложение истории российской/русской диаспоры, реального содержания и перспектив так называемого русского мира; оценка отношений России с русским миром.

* * *

Сначала рассмотрим вопрос о русском мире как современном политическом проекте. Пионерами разработки темы в его проектно-философском варианте можно назвать группу российских интеллектуалов, среди которых ведущую роль сыграли Глеб Павловский, Петр Щедровицкий, Сергей Чернышев, Ефим Островский, Максим Шевченко, Сергей Градировский и другие. Некоторые из них были связаны своими корнями с Украиной и Крымом и более остро ощущали проблему распада государства и проблему поиска новой идентичности для людей русской культуры и самосознания, которые оказались в разных странах и в разных ситуациях. Именно в начале 1990-х годов появляется гуманитарно-политическая идея «возобновления русского», как ее определил Глеб Павловский в своей переписке из Одессы с С. Чернышевым: «Есть трудность быть русским. Говорить по-русски, даже зваться русским – труд-

но, и эта трудность все нарастает, громоздится на повседневное, и невозможно жить, не именуя и самому при этом не именуясь. Крушение СССР, утянув в Лету "советское", не вернуло русскому его прежних прав. В этом имени сегодня звучит не столько идентичность, сколько забота об идентичности. В нем нет простодушия, сплошной вызов – именем потерянного достоинства. Фактом стала сама эта потеря, и она больше отличает русского, чем старое имя; отличает, но не роднит…»[5].

Нет сомнений, что для русских интеллектуалов из Одессы, как Павловский, или из других мест бывшего СССР, оставшихся вне России, проблема российского и русского самоопределения была гораздо более значимой и острой. Были и такие, как, например, профессор Тартуского университета Ю.М. Лотман, которые попытались принять новые самоопределения бывших советских меньшинств и даже стать их частью, но это были единицы, а попытки – почти всегда неудачны из-за этнонационализма титульных групп населения. В этой ситуации переезд в Россию был избран многими (но не большинством!) наиболее приемлемым жизненным вариантом. Некоторые из них стали яркими политиками и политическими трибунами в пользу русскоязычного населения в странах бывшего СССР, как, например, К.Ф. Затулин – выпускник исторического факультета МГУ, или создали формальные и неформальные группы типа мозговых центров, которые оказывали значительное влияние на высокую политику, главным образом через экспертное обеспечение высшего эшелона российской власти. Не все и не сразу проекты воплощались в реальную политику, но значительная их часть состоялась или по крайней мере была объявлена на государственном уровне. К таковым относится и проект «Русский мир», который более десяти лет разными путями пробивал себе дорогу в реальную политику. И уже сама история этого проекта заслуживает отдельного анализа.

В 1993 г. в Москве был учрежден Русский институт вместе с «Русским журналом», которым руководил Глеб Павловский. С 2000 г. под руководством П. Щедровицкого и С. Градировского начинается сетевой проект «Русский мир» с Интернет-порталом «Русский архипелаг», в котором ныне собрано большое число полезных публикаций[6]. По этим материалам можно восстановить возникновение идеи и ее эволюцию начиная с середины 1990-х годов. По словам П. Щедровицкого, «идея возникла в период между 1993 и 1997 гг., постепенно кристаллизируясь от предпонимания, аморфного ощущения нужной формы до законченного имени». Свою доктрину русского мира как «геокультурного проектирования» Щедровицкий изложил так: «…социальный, культурный, вообще че-

ловеческий мир является единством воли и представлений. Если за идеей РМ не будет ничего, кроме слов, если не будет никаких действий, не будет волевой компоненты, то и Русского мира, конечно, не будет. Точно так же, если бы десятки, потом сотни, а потом тысячи людей не стали бы формировать Большую Европу, то ее, естественно, и не возникло». Русский мир в его понимании представляет собой «сетевую структуру больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке»[7]. «Признание существования русского мира позволяет нам говорить о *русском капитале*, совокупности культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выразимых в *языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах* русского языка. Энергия воли различных этнокультурных групп, думающих и говорящих на русском языке, позволяет актуализировать эти потенциалы и превратить их в ряд *образов будущего…*»[8]. Русский мир – это не агрессивный, а прогрессивный мир, не стремящийся к территориальным расширениям, но присутствующий в культурном пространстве, в сознании людей, размещенных по всей территории Земли. «Создавать новый имидж России – страны, которой не было,– означает участвовать в происходящем пере-Деле мира, осуществить Бархатный Реванш после поражения нашей страны в третьей мировой – холодной войне»[9], – писал Щедровицкий в 1999 г.

Я опускаю некоторые усложненные рассуждения этого известного «методолога», увлеченного «великим ученым Л. Гумилевым», особенно его идеей пассионарности в деятельности человеческих коллективов – этносов и их возможного комплиментарного поведения по отношению друг к другу. Но не могу не процитировать одно разъяснение П. Щедровицкого в его интервью под многозначительным названием «Кто и что стоит за доктриной Русского Мира?»: «За “доктриной Русского Мира” стоит одно фундаментальное предположение о *комплиментарности нашей культуры* по отношению к мировому развитию. То есть мной утверждается следующая вещь, что в силу специфики языка – принципиальной выразимости и невыразимости в различных языках различных аспектов смыслов и содержаний – для решения глобальных проблем развития нужны разные языки и культуры. И в этом смысле разные способы думания (что за собой влечет разные способы действия). Они нужны для того, чтобы, столкнувшись с глобальными проблемами, мы могли бы выстроить кооперацию и коммуникацию культур. Излагаемая мной доктрина опирается на предположение, что XXI век будет веком мультикультурного диалога»[10]. А раз это будет диалог и соперничество культурных систем, тогда что может предложить Россия после холодной войны. «Есть ли у России гуманитарно-тех-

нологическое обеспечение внешней политики?», – спрашивали Е. Островский и П. Щедровицкий в статье «Россия: страна, которой не было». Это обеспечение в более простом варианте называется созданием образа (имиджа) России, который представляет собой не «роскошь для богатых», а «ничем не заменимый инструмент внешних политик нового поколения… необходимое условие существования России в мире миров XXI столетия»[11].

Парадигма несостоявшейся модернизации России (до начала президентства Путина) прочно вошла в сознание отечественных экспертов, и авторы русского мира оказались не исключением. Но рецепт выздоровления страны они видят иначе, чем, скажем, националисты-изоляционисты или имперские реваншисты. «Государственная форма, возникшая на территории РФ на рубеже 90-х годов, не стала адекватной формой включения российского общества в мировой исторический процесс. Вместо более-менее конкурентоспособного научного и инженерного сообщества, производившего $^{2}/_{3}$ всех мировых изобретений и открытий, создан совершенно неконкурентоспособный псевдоолигархический класс и общество мелких лавочников, являющихся питательной средой для экстремистских партий»[12].

По мнению авторов, этот процесс современной социальной деградации был компенсирован процессами формирования в течение всего XX в. масштабной русской диаспоры в мире. Они считают, что сегодня уже более половины русских проживают вне России, в том числе и целый ряд мировых профессиональных сообществ, как, например, программисты, рекрутируется во многом из русских эмигрантов. «Поэтому уже сегодня можно говорить о возможностях формирования модели своеобразного «гамака», где территория РФ как бы подвешена в сетке связей и отношений, крепление которой находится вне страны»[13]. Авторы не ушли и от распространенной в политологии идеи больших противостояний, полагая, что за одной большой битвой в мире обязательно должна следовать другая. После трех мировых войн (третья – это холодная война) наступает четвертая мировая война – это война за наследство СССР и Восточного блока. Эта война не за новые пространства, а за расширение систем связей между государствами-участниками и людьми, населяющими Мир Миров. «Сегодня решается, войдет ли наша Страна в XXI в. “великой державой” или ее территория и ресурсы (материальные и интеллектуальные) выступят при этом просто как одна из ставок, достающихся победителю… Создать имидж России сегодня означает построить новую систему связей между русскими – Русский Мир в контексте геоэкономики и мировой культурной политики»[14].

Авторы и участники этого изначально интеллектуального проекта разъясняли его суть: речь идет не о «русском геополитическом мире» в образе СНГ, не об «евразийском континентальном блоке» в версии А. Дугина и его сторонников и не о каком-либо ином военно-стратегическом альянсе в целях обеспечения безопасности и позиций России на постсоветском пространстве. Проект не принимает как свою цель изоляционистский вариант «возвращения к цивилизационной самобытности» России (проект «Острова России» Вадима Цымбурского) или вариант тривиальной интеграции нашей страны с западной цивилизацией, вхождения в ее культурно-историческое и политическое ядро. Но тогда о чем идет речь? А речь идет о том, что, по-мнению П. Щедровицкого, «на смену уходящим субъектам мирового развития – национальным государствам и ТНК приходят новые, в числе которых *мировые диаспоры, крупные трансрегиональные объединения или стратегические альянсы стран, мировые города* (инфраструктурные узлы мировой геоэкономической сети) *и антропоструктуры* (сплоченные группы и ассоциации, использующие сетевые формы организации деятельности и культурную политику для активного участия в мировых процессах)»[15].

Вся эта метафоричная публицистика оказала свое влияние на многих как молодых людей, вовлеченных в проекты «Русского журнала», так и на часть политиков и на более традиционных исследователей. Идея, что не национальные государства, а диаспоры как сетевые сообщества ныне будут главными мировыми игроками, отразилась позднее во многих книгах и даже в некоторых околомидовских и московских программах[16], связанных с проблемой зарубежных соотечественников. Идея своего рода предначертания, или «миссии Русского Мира», оказалась воодушевляющей на фоне примитивных националистических, изоляционистских конструкций, и этот момент сохраняет свой эмоционально-этический смысл до сих пор. Особенно он значим для разного рода программных документов, необходимых, в свою очередь, для создания организационных структур. А такие организации русского мира стали появляться в 1990-е годы. В статье-интервью под названием «Миссия Русского Міра» сопредседатель Международной ассоциации «Русская культура» и руководитель ее центра в Эстонии Б. Круминг-Сухарев разъяснял, что создание «Русского Міра» нацелено на «несение миссии – расширение ареала распространения русского языка и сохранение русского народа: через его общую деятельность, его численность, его качество»[17].

Кроме этого, русскому миру предписывались задачи содействия экономическому и культурному сотрудничеству России и стран,

где находятся русские диаспоры. Авторы проекта называли это «геоэкономической направленностью», т.е., согласно концепции русского мира, диаспоры русскоязычных людей призваны обеспечить «подключение» России к технологическому и финансовому резервуару западного социума. Результатом сознательных усилий россиян в этом направлении должно стать укрепление положения нашей страны в глобальной экономике и, соответственно, в мировой политике. «Чем большее число мировых проблем получит свое выражение, а возможно, и решение в рамках русского языка, – писал П. Щедровицкий, – тем более востребованными будут культурные и человеческие ресурсы русского мира. Парадокс сегодняшней ситуации состоит в том, что любая страна, претендующая на статус мировой державы, стремится не только к удовлетворению интересов своих граждан, но и к работе в интересах граждан иных государств и стран. Чем большему числу отдельных граждан других государств нужна Россия, тем устойчивее позиции России в мире. Основы своей устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах Русского Мира, в политике конструктивного развития его *мировых сетей*»[18].

Помимо западной направленности, сформулированной в самом начале обсуждения концепции, в ней не менее важным является аспект нового зарубежья. Он был сформулирован С. Градировским и Б. Межуевым в 2003 г. следующим образом: «Русский Мир, взятый в предлагаемой нами геокультурной рамке, оказывается нацелен на интеграцию нашего государства со *странами-источниками* миграционных потоков в Россию (а не странами-приемниками эмиграции из России), иначе говоря, с потенциально или актуально Третьим миром. В этом смысле проектируемый нами Русский Геокультурный Мир окажется родственен постимперским образованиям стран Европы – Британскому содружеству наций, объединению иберо-американских государств, “окормляемых” Испанией, сообществу франкофонных государств и иным аналогичным по своей природе формированиям»[19]. Это видение проекта как своего рода «бремени метрополии» в отношении бывших колоний было также изначальным, и оно основывалось на двух не самых корректных посылах: СССР был империей, а новые страны (бывшие советские колонии) – это ареал развивающихся стран, т.е. так называемый третий мир. На самом деле модернизированная советская периферия, – от стран Балтии до Казахстана и Кыргызстана – никак не могла быть отнесена к третьему миру. Между ними и Афганистаном или странами Африки лежала социально-культурная пропасть. Но сами примеры франкофонного мира и их опыт оказались в данном случае более чем корректными и даже практически полезными.

Первый конгресс соотечественников в Москве
(фото Т.В. Таболиной)

Интеллектуальная дискуссия затронула вопрос о границах и критериях русского мира, о «конструкторской» работе в области его идентичностей. По мнению некоторых авторов концепции, «русский язык не может и не должен быть единственной границей Русского Геокультурного Мира». Как пример полиграничности приводилась испаноязычная Мексика, которая посредством миграционных потоков все в большей мере втягивается в культурное пространство англоязычных США, причем для интеграции «латинос» именно североамериканцы вводят у себя двуязычие. Это означает, что к русскому миру, если он сможет быть более плюралистичным в своих манифестации, могут притянуться и те, кто, например, не говорит на русском языке и не исповедует православие, но сохраняет другие значимые для человека российские привязанности. То есть *это не просто объединение разделенного границами русского народа*, как Круминг-Сухарев определял для русского мира его миссию. Все эти интересные идеи и разработки в форме интеллектуальных дебатов 1990-х годов отразились в современной российской политике. Серьезный повод говорить о том, что метафора русского мира воплотилась в политический проект, появился во время первого президентства В.В. Путина.

В октябре 2001 г. на I конгрессе зарубежных соотечественников в Москве В.В. Путин объявил о задаче консолидации и структури-

Потомок П.А. Столыпина Н. Случевский
на конгрессе соотечественников

рования «единого русского мира» как важнейшего экономического, политического и интеллектуального ресурса России и предложил сделать это одним из приоритетов государственной политики. Но уже на следующий год из администрации президента вышел законопроект о гражданстве, который был принят Государственной думой как закон «О гражданстве Российской Федерации». Он перечеркнул многие надежды российских соотечественников на особые связи и поддержку со стороны России. По этому закону упразднялись все преференции или особые условия в предоставлении российского гражданства для иностранных граждан бывшего СССР и лиц, которые оставались со старыми советскими паспортами и не оформили нового гражданства какого-либо государства после распада СССР. Незадолго до этого был принят закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», который вводил этнически избирательный принцип определения соотечественников и скрыто ксенофобский принцип преференций только для тех, у «кого нет своей государственности за пределами Российской Федерации» (т.е. «соотечественники» без евреев, украинцев, армян, грузин и т.п.).

Интересно, что на конгрессе был создан Международный совет российских соотечественников под почетным председательством

IV Ассамблея Русского мира, Москва, 2012 г.

мэра Москвы Ю.М. Лужкова. В октябре 2003 г. этот совет организовал международный форум «Зарубежная диаспора – интеллектуальный ресурс России», в котором приняли участие представители 58 стран. На нем было принято обращение участников к президенту В.В. Путину, в котором ученые, деятели культуры и образования, общественные активисты российского зарубежья заявили о своей готовности «способствовать созданию позитивного образа новой России» и разработать «концептуальные основы Русского мира, объединения российской диаспоры». Но самое важное в этом обращении была просьба «конструктивно переработать» два вышеназванных закона. Позднее в закон о гражданстве были внесены поправки, но они не изменили недружественную направленность этого акта в отношении бывших российских сограждан. Форум принял также резолюцию о деятельности Международного совета и его региональных ассоциаций, о поддержке образования на русском языке и для русскоязычных людей, об изданиях и телевещании и даже о проведении Собрания старинных дворянских родов русского зарубежья[20]. В 2005 г. прошел II конгресс российских соотечественников, но уже без особой эйфории по причине фактического закрытия доступа в Россию иммиграции из стран бывшего СССР.

Новый интерес к теме в 2007 г. был вызван рядом обстоятельств. Прежде всего событием объединения Русской православ-

ной церкви за рубежом с Русской православной церковью Московского патриархата и объявлением указом президента Российской Федерации 2007 года как «Года русского языка». В ежегодном послании Федеральному собранию 2007 г. президент В.В. Путин снова обратился к понятию «русский мир» и сказал в этой связи следующее: «Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого российского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий. В этом году, объявленном Годом русского языка, есть повод еще раз вспомнить, что русский – это язык исторического братства народов, язык действительно международного общения. Он является не просто хранителем целого пласта поистине мировых достижений, но и живым пространством многомиллионного "русского мира" – который, конечно, значительно шире, чем сама Россия. Поэтому, как общее достояние многих народов, – русский язык никогда не станет языком ненависти или вражды, ксенофобии или изоляционизма»[21].

23 июня 2007 г. Указом Президента Российской Федерации был создан фонд «Русский мир» «в целях популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также для поддержки программ изучения русского языка за рубежом». Учредителями фонда стали Министерство иностранных дел и Министерство образования и науки Российской Федерации. Исполнительным директором фонда был назначен В.А. Никонов. А уже в октябре в Брюсселе прошел первый Европейский русский форум на тему «Русскоязычное сообщество Европы и его роль в отношениях ЕС – Россия». По линии научного сообщества Российская академия наук провела международную научную конференцию «Русский язык в странах СНГ и Балтии»[22], а 19 декабря на Общем собрании РАН была обсуждена тема «Русский язык в современном мире». Материалы этих обсуждений были использованы автором при подготовке главы.

* * *

Каковы исторические факторы и динамика русского мира и откуда растут его корни? Разговор о русском мире необходимо начинать с российского народа, который создал самое обширное по территории государство в мире и входит в число десяти самых крупных по численности народов мира. У российского государства много выдающихся достижений, и вклад его в мировую цивилизацию и в мировую культуру более чем примечателен. Далеко не всем государствам и народам удается породить феномен глобального масштаба, который можно было бы назвать «миром», т.е. *трансго-*

сударственным и трансконтинентальным сообществом, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльностью к его культуре. Такими мирами обладают наряду с Россией только Испания, Франция и Китай. Возможно, Ирландия вместе с Великобританией.

«Мир» или диаспора – это не просто сумма эмигрантов, выехавших с территории исторического государства в разные эпохи и в разные страны. Это близкие, но не совпадающие явления. Ясно, что без массовой эмиграции невозможно возникновение культурно-родственного населения за пределами государства. Но само по себе большое число не гарантирует возникновение за рубежами Родины *родственного внешнего мира*. Эмигрантов может быть очень много, как, например, выехавших из Индии, внешняя миграция которой самая большая в мире. Но расовая, языковая, кастовая разнородность в момент исхода и быстрая ассимиляция в новых местах в случае с Индией не создали такого феномена, который можно было бы назвать «Индийским миром» наподобие «Мира хуацяо» (выходцы из Китая) или «Русского мира» (выходцы из России).

Почему более корректно говорить, что российский (а не русский) народ породил русский (а не российский) мир, хотя эмиграция из России и те, кто когда-то был частью России, имеют столь же многоэтничную природу, как и собственно российский народ? Потому что, *во-первых*, в диаспоре часто теряется этническая актуальность. Мигранты воспринимаются принимающим обществом как гомогенные (культурно одинаковые) выходцы из определенной страны: с давних пор выходцы из России назывались и до сих пор называются русскими, как прилагательное от названия страны и не более того. Как правило, мигранты сами следуют этому упрощенному восприятию, хотя в ряде ситуаций и по ряду причин они могут отвергать русскость и объявлять, что они евреи, цыгане, чеченцы, черкесы, финно-угры и т.п. Строго говоря, перевод слова «Russion» на русский язык должен быть «россиянин», как переводится название страны «Russian Federation» – «Российская (а не “русская”) Федерация». И тогда действительно для внешнего мира мы все – «россияне», а не «русские».

Скажем, для французов или американцев важнее, что кто-то в их стране – выходец из России и он говорит по-русски, а то, что он может быть чувашом или осетином, в дальнем мире уже не имеет такого значения. С этим соглашаются и мигранты, ибо им сложнее объяснять, что в России есть еще чуваши и осетины и еще много разных национальностей. Упрощенное восприятие выходцев из других стран – это общая норма: для россиян также все выходцы из Китая – китайцы, а из Испании – испанцы, а из Великобритании –

англичане. В самой же России этнические различия среди россиян остаются более значимыми («за рубежом мы все русские, а дома уже разные» – одна из распространенных сентенций среди соотечественников). Здесь уже сказывается не только мировая норма, но и отечественная специфика сугубо примордиальной трактовки этничности.

Во-вторых, диаспора становится именно русской диаспорой, а не тривиальной миграцией или совокупностью всех выходцев из страны потому, что она осознает и воспроизводит свое единство во внешнем мире на основе главной культурно-отличительной черты – а именно на основе русского языка. Утратившие эту черту, как правило, теряют свою принадлежность к русскому миру. Литовские татары, иорданские черкесы или косовские адыги не являются частью русского мира, хотя они есть часть исторических российских соотечественников за рубежом и по федеральному закону о государственной поддержке соотечественников и по программе содействия добровольному переселению соотечественников в Россию имеют право на поддержку государства. Равно как ассимилировавшийся в языковую и в социальную среду других стран потомок русских или евреев, выехавший из России до или вскоре после революции 1917 г., также не являются в полном смысле частью русского мира, даже если желание совершить акт благотворительности или заработать легкие деньги в реформируемой России толкало его вспомнить и объявить свою русскость при основании совместной фирмы или при заключении деловых контрактов. Подобное мы наблюдали в большом количестве в начале 1990-х годов. Один из таких потомков, почти не говорящий по-русски, Б. Иордан одно время возглавлял телевизионный канал НТВ и организовал крупный бизнес в России. И таких примеров «возвращения в русскость» после 1991 г. можно привести очень много. Многие из «возвращенцев» действуют не только по сугубо деловым соображениям, но конструируют в себе также эмоциональные и культурные привязанности.

Важным историческим моментом восстановления связей России с русским зарубежьем и символическим актом хотя бы частичного примирения с прошлым стала целая серия перезахоронений выдающихся деятелей страны, которые прожили и скончались в эмиграции после Гражданской войны. Этот момент как и акт захоронения останков расстрелянной большевиками царской семьи имели большое значение для наполнения российского самосознания теми утраченными и трагическими страницами прошлого, без которых память росссиян была бы явно неполной и даже ущербной.

Зато бесспорной частью русского мира являются те, кто выехал из страны в разные исторические периоды и сохранил право-

Перезахоронение А.И. Деникина с супругой и И.А. Ильина с супругой в Москве (фото Т.В. Таболиной)

славную веру, знание русского языка, а вместе с ними – в разной степени лояльность и привязанность к России. Русские [illegible]коборы в Канаде или [illegible]ование в Румынии – давние выходцы из Р[illegible]ийской империи – о[illegible]тся частью русского мира, хотя их среда обитания далеко не способствовала сохранению русской идентичности, а тем более – русского языка. Бывшие жители СССР, выехавшие в страны Европы и Америки в последние два десятилетия и продолжающие играть в известную телевизионную игру КВН («Клуб веселых и находчивых») на русском языке, составляют часть русского мира, даже если по своему этническому происхождению они могут быть не только русскими, но армянами, грузинами, украинцами, а их родственные корни находятся сегодня не только в России, но уже в новых независимых государствах. Формальным гражданством и политической лояльностью они могут больше принадлежать Украине, Грузии или Армении, а в культурно-языковом отношении сохранять сильную ориентацию на Россию и русскую культуру. Это подтверждает не только пример с КВН, но и наблюдаемая мною среди жителей Нью-Йорка (особенно района Брайтон-Бич), Сан-Франциско и Лос-Анджелеса (особенно районы университетских кампусов и IT компаний) жизнь выходцев из региона бывшего СССР. Их личное общение, источники информации, читаемая лите-

ратура, бытовые нормы и интересы во многом реализуются через русский язык и вращаются вокруг России как некоего культурно-референтного магнита (самое частое выражение – это «как в России» или «не как в России»).

Именно русский язык и русскоязычная российская/советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир. Связь с Россией в смысле лояльности и привязанности остается важнейшей чертой русского мира, но эта связь может быть изменчивой и иметь противоречивые смыслы и направленности. Здесь главное – это сам факт ощущения связи и демонстрируемое отношение к России, будь это потомки русских эмигрантов, сохраняющие Форт Росс в Калифорнии, или же борцы против «кремлевских режимов», проживающие как политические эмигранты в Лондоне. Таким образом, *русский язык, русскоязычная культура и демонстрируемый интерес к Родине отличают принадлежность к русскому миру.*

Если брать критерий русского языка, тогда о каком множестве можно вести речь сегодня? По данным Летнего лингвистического института и другим источникам, русский язык в начале XXI в. был родным языком для 147–150 млн человек, а еще 113–120 млн владели им как вторым языком. Общая оценка знающих и использующих русский язык составляла 260–280 млн человек[23]; в России и Беларуси – 97%, в странах Балтии, Украине – около 80%, в Молдове, Казахстане, Кыргызстане, Грузии и Армении – около 70% населения говорят или могут говорить на русском языке. По степени распространенности (числу носителей языка) русский язык является пятым языком в мире. По ряду причин масштаб его распространения не увеличивается, а сужается в последние два десятилетия. В 1990-е годы в новом зарубежье закрыто несколько тысяч русских школ, а число обучающихся в русских школах сократилось более чем на 2 млн человек. Тем не менее школьное обучение на русском языке помимо России (97% обучающихся) продолжается в большинстве постсоветских государств: в Беларуси – 75%, Казахстане – 41%, Украине – 25%, Кыргызстане – 23%, Молдове – 21%, Азербайджане – 7%, Грузии – 5%, Армении – 2% учащихся обучаются на русском языке.

География распространения русского языка за пределами России крайне обширна. Помимо новых стран бывшего СССР русскоязычные люди проживают в странах Европы (около 3 млн), в США (примерно 3 млн), Израиле (750 тыс.). По переписи 2000 г. в США для 706 тыс. человек русский язык был первым языком домашнего общения[24]. В 1990-е годы русскоязычное население США увеличилось почти в три раза! Однако было бы ошибкой объявлять всех

этих людей русскими. Как же быть в таком случае с русской этничностью, которая является отличительной характеристикой, когда под русским миром имеют в виду прежде всего 25 млн русских в постсоветских государствах и несколько мил-лионов в дальнем зарубежье?

В более давние (досоветские) времена и в более отдаленных странах выезда россиян этничность трудно определить как главную отличительную черту русского мира. Собственно русские (великороссы) были в явном меньшинстве и остаются таковыми в дальнем русском мире. Так, например, в США только 25% русскоговорящих – это этнические русские. В Европе две трети русскоговорящих – это российские немцы, греки, евреи, армяне, украинцы и другие нерусские мигранты из СССР и постсоветских государств. Например, только из Казахстана и России в 1990-е годы в Германию выехали около миллиона российских немцев, для которых русский язык был родным языком. В некоторых странах, особенно в европейских, ситуация достаточна неясная. Так, например, в Финляндии 33,4 тыс. русскоговорящих, из них 5 тыс. – это потомки старых эмигрантов, выехавших или оставшихся в Финляндии в момент ее полного отделения от России. Остальные – это постсоветская эмиграция. Кто они: русские, карелы, белорусы? Скорее всего, в большинстве своем это русские люди, ибо Финляндия примыкает к русскому Европейскому Северу. Но так далеко не во всех странах. В других Скандинавских странах, в Великобритании, Франции, Польше, Чехии сегодня проживают десятки и даже сотни тысяч русскоязычных эмигрантов из России, которые представляют самые разные национальности. Достоверной статистики по этому вопросу не существует. Поэтому к *русскому миру можно относить и нерусских, но тех, для кого русский язык является родным или основным языком общения*.

Но как быть с самоотнесением людей к русскому миру? Все ли русские и русскоговорящие могут считаться (в случае, если сами они не считают себя) частью русского мира, скажем, в Латвии и Эстонии, где некоторые из них стояли в 1989 г. вместе с прибалтами в людской цепи с требованием независимости, а в последние годы поддерживали перенос памятника советскому солдату в Таллинне или закрытие русских школ в Риге? Это – трудный вопрос. Русская этническая принадлежность может привязывать таких людей к русскому миру даже против их политико-идеологических и гражданских идентичностей, ибо им не определено достойное место в эстонском и в латвийском сообществах. Для этого необходимо перестать быть русским и стать эстонцем или латышом. Но со временем русская молодежь, выучившая эстонский язык и не

забывшая русский, надевшая по своему гражданскому долгу военную форму НАТО, уже едва ли может считаться частью русского мира, как того мира, который интеллектуально конструировали авторы проекта.

Аналогичную *тенденцию ухода от русского мира с сохранением русского языка* и даже культурного российского наследия как своего рода личного и коллективного капитала отметил в своем очерке об Одессе известный российский философ А.С. Ципко – сам родом из русской Одессы, каковой она была до 1960–1980-х годов прошлого века, но которая ныне, по мнению автора, уходит из русского мира в сторону новой украинской государственности и Запада[25]. Эту новую динамику русского мира нельзя не учитывать, чтобы не оказаться в радикальном разладе с нынешними ориентациями тех, кого мы считаем русскими людьми и хотели бы их принадлежности к русскому миру. *Таким образом, вопрос о русской этнической принадлежности важен для поздних (советских и постсоветских) волн эмиграции и для новых диаспор без эмиграции, как православие было важно для более ранних (досоветских) волн эмиграции, но даже русская этничность не всегда может быть бесспорным доказательством принадлежности к русскому миру.* Для постсоветских эмигрантов и для тех, кто никуда не уезжал, а от кого «мигрировали» границы собственной Родины, доминирующими факторами идентификации с русским миром являются язык, этничность и гуманитарные связи с Россией. Последние гораздо более актуальны в ситуациях дискриминации и попыток принизить статус или унизить русских или «русскоязычных» со стороны «титульных» этнонационалистов стран бывшего СССР. Религия в этом случае играет меньшую, хотя и все возрастающую роль. *При всех отмеченных многовариантностях, ситуативности и мифологичности русский мир есть реальность, он проявляет себя в самых разных ипостасях, в большинстве своем значимых для России и ценимых россиянами.*

* * *

Обратимся к феномену, который я назвал «старым русским миром» и который имеет особое воздействие на российскую идентичность постсоветского времени. Россия за последние полтора века была мощным поставщиком эмиграции, а значит, и потенциальной диаспоры, хотя не все выехавшие из России – это состоявшаяся диаспора или всегда диаспора. В дореформенной России наблюдались интенсивная пространственная колонизация и преимущественно религиозная эмиграция (русские старообрядцы). И хотя переселенцы XVIII – первой половины XIX в. почти все оказались

в составе расширяющей свои границы России, часть их поселилась в Добрудже, вошедшей в состав Румынии и Болгарии с 1878 г., и на Буковине, отошедшей с 1774 г. к Австрии. Еще раньше, в 70–80-е годы XVIII в., имел место отток более 200 тыс. крымских татар в пределы Османской империи: в европейской части Турции (Румелии) в начале XIX в. проживали 275 тыс. татар и ногайцев[26]. В 1771 г. примерно 200 тыс. калмыков ушли в Джунгарию (калмыки – пример множественной диаспорной идентичности: для многих из них родина – это каждая предыдущая страна исхода или несколько стран сразу в зависимости от ситуации и личностного или группового выбора[27]).

В пореформенные десятилетия XIX в. пространственные движения населения значительно увеличились. Свыше 500 тыс. выехали в 1860–1880-е годы (в основном поляки, евреи, немцы) в соседние государства Европы и небольшая часть – в страны Америки. Но особенность этой волны эмиграции в том, что она не привела к образованию устойчивой российской диаспоры, еще раз подтверждая тезис, что не каждое переселение на новое место ведет к образованию диаспоры. А причина здесь в том, что по своему этническому, религиозному составу и социальному статусу эта эмиграция уже была диаспорой в стране исхода, а более позднее появление «настоящей исторической родины» (Польши, Германии и Израиля) исключило возможность выстраивания диаспорной идентичности с Россией. Потомки таких первых переселенцев из Российской империи, которых мне приходилось встречать и интервьюировать, проживают во многих странах мира. Но свои корни или диаспорную идентичность они связывают с Польшей, Израилем, а сейчас – странами Балтии, Украиной или Белоруссией, или вообще не имеют никаких диаспорных идентичностей.

Другими причинами того, что ранняя эмиграция из России не стала базой для образования диаспоры, могли быть сам характер миграции и историческая ситуация в принимающей стране. Это была неидеологическая (трудовая) эмиграция, поглощенная сугубо хозяйственной деятельностью и экономическим выживанием. В ее среде еще было недостаточно представителей интеллектуальной элиты и этнических активистов, которые взяли бы на себя труд политического производства диаспорной идентичности. *Без интеллектуалов как производителей субъективных представлений нет диаспоры, а есть просто мигрантское население*. Возможно, свою роль сыграл также антимонархический содержательный момент ранних российских эмиграций, но этот аспект следует специально изучать. Скорее, это был второстепенный момент для большинства неграмотного населения, вовлеченного в переезд.

В последние два десятилетия XIX в. эмиграция из России резко возросла. Уехали примерно 1,1 млн человек, в основном в США и Канаду. Особую группу составили «мухаджиры» – жители преимущественно западной части Северного Кавказа, покинувшие территории своего проживания в ходе Кавказской войны. Они переселились в разные регионы Османской империи, но больше всего – на Среднем Востоке. Современная численность потомков этих эмигрантов, по разным источникам, составляет до 3 млн человек только в одной Турции[28]. Именно они составили основу для черкесской диаспоры, которая в момент происхождения не была российской, а стала таковой уже после включения Северного Кавказа в состав России. Есть основания полагать, что в ряде стран эта часть переселенцев осознавала и вела себя как диаспора: действовали ассоциации, политические объединения, существовали печатные органы и солидарные связи, предпринимались направленные меры по сохранению культуры и языка[29].

Однако вклад страны-донора в сохранение диаспоры, помимо первичного выброса населения, был минимальным, особенно в советский период. Не только осуществлять связи, но даже писать о мухаджирах в советских научных трудах было почти невозможно. Родина надолго, а для многих и навсегда исчезла из идеологического комплекса диаспоры. Кавказ был где-то там, за «железным занавесом», и питал диаспору слабо. Единственное обратное воздействие происходило через идеологическую и политическую миссию борьбы с СССР и коммунизмом, но этим занимались только единицы, как, например, Абдурахман Автурханов – чеченский политолог и публицист, проживавший в ФРГ. Его представление о родине было столь смутным, что описание Автурхановым истории депортаций чеченцев и ингушей строилось на убеждении, что вайнахский народ исчез в горниле сталинских репрессий. Отсюда и родилась метафора «народоубийства».

По причине исторической давности и изоляции от родины черкесская диаспора или таяла, или оставалась обычным иммигрантским населением, подвергавшимся местной интеграции и ассимиляции. Ее актуализация произошла в самые последние годы именно под воздействием родины, когда в СССР, а затем в России и других постсоветских государствах осуществлялись глубокие и драматические трансформации. Новая родина вспомнила о диаспоре раньше, чем сам диаспорный материал, ибо последний был нужен для целого ряда новых коллективных, групповых стратегий. *Во-первых*, наличие соотечественников (соплеменников) за рубежом помогало советским людям осваивать внезапно открывшийся для них внешний мир. *Во-вторых*, новые формы деятельности, например,

предпринимательство, порождали надежды на «богатую диаспору», члены которой могут помочь в серьезном бизнесе или хотя бы в организации шоп-туров в Турцию, Иорданию, США и другие страны. *В-третьих*, мифические миллионы эмигрантов, якобы готовых вернуться на свою историческую родину, могли поправить демографический баланс и пополнить ресурсы для тех, кто, пребывая в меньшинстве, задумал образовать «свое» государство в ходе «парада суверенитетов».

Первыми предприняли усилия добавить к своей численности зарубежных соплеменников абхазы. За ними последовали казахи, чеченцы, адыгейцы и некоторые другие группы. Например, война в бывшей Югославии возродила образ российской Адыгеи как родины для тех косовских адыгов, которые не смогли остаться в Косово или эмигрировать в более благополучные страны. В Республике Адыгея был принят специальный закон о репатриации адыгов, но его результатом было переселение всего двух десятков семей косовских адыгов. Случай черкесской диаспоры, скорее, свидетельствует о том, что *давние миграции и изоляция от родины редко создают устойчивые и полнокровные диаспоры, как бы на этот счет ни фантазировали энтузиасты «зарубежья» в самой стране исхода.*

Возможно, аналогичная ситуация сложилась бы и с преимущественно восточнославянской эмиграцией из России конца прошлого века, если бы не происходила ее мощная подпитка в последующее время. В первые два десятилетия XX в. эмиграция из страны еще более усилилась. До Первой мировой войны Россию покинули еще около 2,5 млн человек, переселившихся в основном в страны Нового Света. Всего примерно за 100 лет с начала массовых внешних миграций до 1917 г. из Российской империи выехали 4,5 млн человек. Можно ли считать всех выходцев (точнее – их потомков) из дореволюционной России диаспорой или частью русского мира? Наш ответ: конечно, нет.

Во-первых, территориально большинство эмигрантов того периода поставляли Польша, Финляндия, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина (Волынь). Тем самым Россия создавала диаспорный материал в значительной мере для других стран, которые исторически возникли в последующие периоды. Хотя многие из эмигрантов культурно были сильно русифицированы и даже считали родным языком русский, едва ли можно соратника Адольфа Гитлера Альфреда Розенберга, который был выходцем из Литвы и лучше говорил по-русски, чем по-немецки, считать представителем русской эмиграции. Между тем политические спекуляции историков позволяют создавать подобные конструкции. Так, в книге американского историка Уолтера Лакера[30] именно пример

с гитлеровскими соратниками из российской Прибалтики был положен в основу конструкции происхождения фашизма в России. При этом выражение «российские корни фашизма» (Russian Roots of Fascism) в неточном (но часто встречающемся) обратном переводе (как «русские») оказалось откровенно провокационным.

Во-вторых, этнический состав этой эмиграции также повлиял на судьбу последней в плане ее возможности стать российской диаспорой и именно в этом качестве интерпретироваться историками. В числе дореволюционных российских иммигрантов в США (общая численность 3,3 млн человек) 41,5% были евреи. Среди 1,6 млн иммигрантов в первое десятилетие XX в. евреи составляли 44%, поляки – 27%, литовцы – 9%, финны – 8%, немцы – 6%, русские – 5%[31]. Погромы и сильная дискриминация евреев в России, а также нищета обусловили у них глубокий и длительно сохраняющийся, отчасти до сих пор, отрицательный образ родины. Успешная интеграция этой части эмигрантов в американское общество (не без проблем и дискриминации вплоть до середины XX в.) также обусловила быстрое забывание «российскости», а тем более «русскости». Встреченные мной в США, Канаде и Мексике многие потомки этой части эмиграции (несколько десятков только одних коллег-обществоведов!) почти никак не сохранили и не ощущали сопричастность к России. А значит, они не являются ее диаспорой.

Из 4,5 млн эмигрантов из дореволюционной России только около 500 тыс. считались «русскими», но на самом деле и среди них были также украинцы, белорусы, часть евреев. Перепись США 1920 г. зафиксировала 392 тыс. «русских» и 56 тыс. «украинцев», хотя это были явно завышенные цифры, так как среди них были представители других этнических групп, особенно евреев. Статья «Русские» в Гарвардской энциклопедии этнических групп в США предупреждает, что под этой категорией в американских переписях 1910, 1920, 1930 гг. значатся не только великоросы, украинцы и белорусы, но и считавшие родным языком русские евреи, прибалты и карпаторусы из Галиции[32]. В Канаде перепись 1921 г. также зафиксировала почти 100 тыс. «русских», однако на самом деле в эту категорию оказались включены почти все восточные славяне и евреи, выехавшие из России. Таким образом, всего за годы дореволюционной эмиграции Россия поставила 4,5 млн человек в качестве диаспорного материала для разных стран, из которых только не более 500 тыс. были русские, украинцы и белорусы. Кто из многочисленных потомков этих людей ощущает сегодня свою связь с Россией, сказать трудно, но это малая часть.

* * *

Исторический отсчет традиционной для современности российской диаспоры начинается с миграционными процессами после

1917 г. В 1918–1922 гг. большого размаха достигла политическая эмиграция тех групп населения, которые не приняли советскую власть или потерпели поражение в Гражданской войне. Размер так называемой белой эмиграции определить трудно (примерно 1,5–2 млн человек), но ясно одно: впервые подавляющее большинство эмигрантов составили этнические русские. Именно об этой категории населения можно говорить не только как о диаспорном человеческом материале, но и как о манифестной (в смысле жизненного поведения) диаспоре с момента возникновения этой волны мигрантов. *Именно эта миграция ознаменовала рождение русского мира*. Объясняется это рядом обстоятельств, подтверждающих тезис, что диаспора – это явление прежде всего политическое, а миграция – социальное. Элитный характер мигрантов, а значит, более обостренное чувство утраты родины (и имущества), в отличие от трудовых мигрантов «в овечьих тулупах» (известное прозвище славян-иммигрантов в Канаде), обусловили гораздо более устойчивое и эмоционально окрашенное отношение к России. Эта эмиграция вобрала в себя все данные выше характеристики диаспоры, в том числе и производство параллельного культурного потока, который ныне частично возвратился в Россию. Именно эта эмиграция не имела и не имеет никакой другой конкурирующей первородины, кроме России во всех ее территориальных конфигурациях XX в. Именно к этой эмиграции в последние два десятилетия оказались больше всего направлены симпатии и политический интерес страны исхода.

Ностальгией оказалась охвачена не столько диаспора, сколько ее современные отечественные потребители, желавшие увидеть в ней некую утраченную норму, начиная от манер поведения и заканчивая якобы сохраненным «чистым русским языком». Русская (российская) диаспора как бы родилась заново, обласканная вниманием и извиняющей щедростью современников на исторической родине. На наших глазах историки сконструировали миф о золотом веке русской эмиграции, с которым еще придется разбираться с помощью новых более спокойных прочтений.

Было бы несправедливо забыть то обстоятельство, что «белая эмиграция» существовала и сохранилась не просто в силу своего элитно-драматического характера, но и потому, что продолжала получать пополнение в последующие исторические периоды. Во время Второй мировой войны из почти 9 млн пленных и вывезенных на работы к 1953 г. в СССР вернулись около 5,5 млн человек. Многие были убиты или умерли от ран и болезней. Однако не менее 300 тыс. так называемых перемещенных лиц остались в Европе или уехали в США и другие страны. Не только культурная близость

Ритуальный барабан с берега Маклая – дар Мишутушкина Российской академии наук

со старой эмиграцией, но и идеологическое сходство в отторжении СССР позволили более интенсивное смешение этих двух потоков (в сравнении с ситуацией враждующей диаспоры), а значит, и поддержание языка и даже мизерных связей с родиной уже в эпоху Хрущева. Мой американский информант Семен Климсон, молодым человеком вывезенный немцами из Белоруссии, остался после войны на Западе, женился на Валентине – дочке белого эмигранта (родственника генерала Краснова и теософки Блаватской). Валентина Владимировна во время нашей последней встречи в их доме в Вирджинии летом 1998 г. призналась, что со своим французским образованием чувствует себя больше француженкой (выросла во Франции), но остается русской и сохраняет язык «только из-за Семена, который так и остался русским».

Еще более идеологической была небольшая, но политически громкая эмиграция из СССР в 1960–1980-е годы в Израиль, США, затем в Германию и Грецию. В 1951–1991 гг. из страны выехали около 1,8 млн человек (максимально в 1990–1991 гг. – по 400 тыс.), из них почти 1 млн евреев (две трети – в Израиль и треть – в США), 550 тыс. немцев и по 100 тыс. армян и греков. Эмиграция продолжалась и в последующие годы, но несколько меньшими темпами. Место эмиграции заняли туристические визиты, обучение

в университетах и временное проживание, в том числе на собственной жилплощади где-нибудь в Лондоне или Париже. Последняя волна российской эмиграции на Запад представляет собой самую мозаичную по составу диаспору, разнообразную по устремлениям и с конгломератной идентичностью. О ней речь пойдет ниже.

Таким образом, выходцы из России не только сформировали российскую диаспору, но и создали основные этнические общности в двух странах (США и Израиль), которые сегодня входят в так называемое основное население. Еврейская миграция во все эпохи составляла существенную часть мигрантов из России, а в конце XX в. это было большинство всех уехавших из СССР и Российской Федерации. Формально российские евреи и немцы совершали акт воссоединения или возвращения на историческую Родину, но по сути это был отъезд из страны русских по культуре людей. Они уезжали по разным причинам – экономическим, идеологическим, профессиональным, гуманитарным. Давние эмигранты-евреи успешно адаптировались в новых обществах, многие потеряли язык и какую-либо связь с Россией, в том числе и эмоциональную. Потомки первого премьер-министра, выходца из Одессы, Голды Меир в Израиле едва ли могут быть отнесены к представителям русского мира, как и десятки встреченных мною американских профессоров русско-еврейского происхождения, дедушки и бабушки которых приехали из России.

Но далеко не все евреи «воссоединились» или «вернулись» и тем более далеко не все евреи отвергли Россию. Перестройка и открытие страны позволили не отвергать страну исхода. Отныне не обязательно было стараться освоить иврит и забыть русский, а также прекратить все контакты с родственниками и друзьями в России. Отныне можно было сохранить квартиру и даже работу, а недавно выехавшие в Израиль евреи ныне контролируют значительную часть деловых связей между двумя странами. Здесь сохраняется мощное русскоязычное информационное поле. Русскоязычные культура, наука, пресса и телевидение сегодня в Израиле превосходят по своей роли арабский компонент и сразу же следуют за официальной ивритоязычной сферой коммуникации[33]. Похожая ситуация, но с гораздо большей степенью аккультурации в пользу доминирующей американской культуры складывается среди новейшей еврейской эмиграции из России в США. Эту часть мирового еврейства также можно условно относить к русскому миру, особенно если эту принадлежность не понимать как эксклюзивную. Современный человек может пребывать сразу в нескольких культурах и принадлежать нескольким культурно-цивилизационным сообществам. Поэтому во многих случаях было

бы неверно проводить этническую различительную линию между зарубежными соотечественниками-эмигрантами из России.

В какой-то мере вопрос о трудных случаях принадлежности к русскому миру касается также российских немцев. Один миллион выехавших за последние двадцать лет из России и Казахстана на историческую родину во многом продолжает принадлежать в русскому миру. Русскими считают их местные немцы, да и они сами. Может быть, только дети, научившиеся говорить без акцента на немецком языке и забыв русский язык, перестанут соотносить себя с Россией и отойдут тем самым от русского мира. Неоднозначных и подвижных ситуаций можно было бы привести много, что говорит о том, что *русский мир – это не просто статистическое множество лиц – мигрантов из России. Это – одна из форм культурного поведения и идентичности*.

Если из общего числа исторических выходцев из России и их потомков исключить тех, кто полностью ассимилировался и не владеет языком предков, кто считает себя французом, аргентинцем, мексиканцем или иорданцем и никакого чувства связи с Россией не испытывает, тогда все равно число «соотечественников за рубежом» остается не только большим, но и трудноопределимым по неким «объективным» характеристикам. Тем более, если эти характеристики относятся к сфере самосознания и эмоционального выбора, что тоже следует считать объективными факторами.

Нынешняя сложность с определением диаспоральной принадлежности состоит в привычной опоре на акт миграции человека или его предков из одной страны в другую и на сохраняющуюся связь с исторической родиной. Однако не все так просто даже в случае традиционной диаспоры. Объясню эту теоретико-методологическую трудность с определением личностной принадлежности к диаспоре на одном примере. Я был знаком с ныне покойным Джорджем Игнатьевым – известным канадским дипломатом и ректором колледжа Святой Троицы при Торонтском университете. Он ощущал себя не просто канадцем, а именно «русским канадцем» (так его воспринимал и Н.С. Хрущев при встрече в ООН и во время приезда Игнатьева в СССР в 1955 г. в составе официальной канадской делегации). Граф Игнатьев, безусловно, мог считаться представителем российской диаспоры. Спустя почти 20 лет я встретился с его сыном Майклом Игнатьевым – известным английским журналистом и писателем, который с юности жил в Великобритании, не знает ни слова по-русски и, скорее, считал себя представителем канадской диаспоры в Англии («Для меня быть канадцем, – говорил он, – просто одна из тех привилегий, которые я получил по праву рождения»). Объективистская категоризация молодого Игнатьева

в числе представителей российской диаспоры была бы явной узурпацией по отношению к его самосознанию и жизненному поведению. В 1987 г. М. Игнатьев написал чудесную книгу «Русский альбом. Семейная сага о революции, гражданской войне и изгнании»[34]. Это было путешествие автора в детство, к которому он уже больше не возвращался, и обращение к семейным реликвиям.

Для российского читателя книга – это своего рода историко-культурный документ, порожденный представителем русской диаспоры, и подобное восприятие трудно подвергнуть сомнению, даже если сам М. Игнатьев с этим может не согласиться. Однако во время моей встречи с ним в его квартире в старом Лондоне в январе 1997 г. он не смотрелся как представитель русской диаспоры в отличие от отца, которого я наблюдал в Торонто. Хотя и об отце Майкл написал достаточно интересные слова: «Вместе с тем он всегда держался особняком от русской эмиграции, ее фракционных интриг и допотопной политики. В детстве он казался мне скорее канадцем, чем русским. До сего дня он остается более патриотичным и сентиментальным канадцем, чем я сам. Для него Канада стала страной, давшей ему новую жизнь»[35]. Мне же М. Игнатьев сказал, что прежде всего он – англичанин, ибо его мать была англичанкой. Однако в 2006 г., когда он решил баллотироваться на место премьер-министра Канады от Либеральной партии, его *канадскость* была им объявлена единственной и бесспорной идентичностью. Кто, когда и где из двух Игнатьевых был в диаспоре и кто из них принадлежал к русскому миру? Строго ответа на эти вопросы дать невозможно. *Дрейф идентичности на уровне отдельной личности и даже группы может быть ситуативным и в любом случае динамичным. Это в полной мере относится и к русскому миру. Здесь очень многое зависит от инструменталистских (личностных) расчетов, а также от экономических и политических воздействий таких важных акторов, как страна исхода и страна пребывания.*

* * *

А теперь о современном дальнем русском мире. Распад СССР не привел к массовой эмиграции из России в более обустроенные страны Запада. Тем не менее этот отъезд после 1991 г. был достаточно масштабным, особенно в первой половине 1990-х годов. Всего, по российским данным, за период с 1989 по 1999 г. из России в страны дальнего зарубежья выехали на постоянное местожительство 1046 тыс. человек, а основные направления эмиграции (97% всех выехавших) – это США, Канада, Израиль, Германия, Финляндия[36]. К этой же части эмиграции можно отнести достаточно многочисленные русские общины, которые образовали в 1990-е годы

Потомки Л.Н. Толстого на встрече в Москве
(фото Т.В. Таболиной, 2009 г.)

выходцы из России и других стран бывшего СССР в странах Восточной Европы (Чехия, Польша).

Русские в Америке – это самая мощная и во всех отношениях (экономическом, политическом и культурном) самая значимая для России диаспора или часть русского мира. Демографически *русские американцы* (т.е. русскоязычные выходцы с территории бывшего СССР) составляют около 10% всех нынешних мигрантов в США со средним возрастом 32,5 года[37], и это молодая и динамичная часть населения. Основные районы проживания – район большого Нью-Йорка (24% всех мигрантов), Калифорния (16%), Иллинойс (16%), Пенсильвания (10%), Массачусетс (8%), Флорида (7%). Это наиболее успешное в смысле жизненного преуспевания сообщество среди всех других зарубежных русских сообществ и по сравнению с другими этническими общинами США. Средний доход семей русских американцев составляет 50,5 тыс. долл. США в год, 53% имеют степень бакалавра, т.е. высшее образование, 57% живут в собственных домах (41% для других этнических групп), 67,5% работают в сфере управления, являются профессионально-техническим персоналом, заняты другим квалифицированным трудом (45,6% среди других этнических групп). В последние годы в США родился многочисленный частный

бизнес, принадлежащий "русским американцам": в Денвере – 300 фирм и других предприятий, в районе Сан-Франциско – 700. В 1999–2000 гг. сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Г.А. Комарова провела исследование среди русских жителей Большого Бостона, общая численность которых в 2000 г. составляла около 20 тыс. человек. Один из ее выводов состоит в том, что русскоязычная община в этом городском конгломерате сохраняет и воспроизводит себя, включая специфические ниши трудовой занятости и коммуникации, благодаря прежде всего русскому языку, а утрата языка и идентичности не касается новой иммиграции[38].

В целом проблема современной русскоязычной диаспоры в дальнем зарубежье (главным образом в странах Европы и Северной Америки) представляет несомненный интерес своей постоянно меняющейся социально-культурной динамикой и политическими ориентациями. На сегодняшний день русский язык – это язык домашнего общения и коммуникации для нескольких миллионов выходцев из бывшего СССР, которые ныне проживают и большинство из них останется проживать постоянно на Западе. Русским языком пользуются и на работе те, кто связан с Россией деловыми интересами, или в тех коллективах, где большая концентрация русскоязычных. Этничность, язык, гражданская идентичность и профессиональные интересы здесь часто находятся в сложном конгломерате («конгломератная идентичность»). *Конец холодной войны и новый облик России разгрузили русский язык и русскую культуру от многих негативных коннотаций и эмоций, хотя этот процесс сильно тормозится некоторыми проявлениями современной российской политики и сохраняющимся в западном сообществе взглядом на Россию как на главного врага демократии и стабильности*. При всей противоречивости и изменчивости политической ситуации *дальний русский мир не будет сужаться, в отличие от ближнего русского мира*, о котором речь пойдет ниже. Постоянная демографическая подпитка, демократические гарантии в пользу этнокультурного многообразия в западных странах, высокий социально-культурный статус носителей русскоязычной культуры будут сохранять русский мир в странах Запада.

* * *

Что случилось с «новым русским миром», который возник после 1991 г.? Распад СССР дал нетитульному населению (главным образом русским и русскоязычным людям) *три варианта жизненной стратегии: ассимиляция в титульную культуру и язык, отъезд в Россию и отстаивание равного статуса в новом сообществе*. Большинство специалистов и политиков рассматривали только

первые два варианта – самые неестественные с точки зрения рациональных человеческих выборов и самые труднореализуемые. Как и в начале 1990-х годов, моя позиция сохраняется в пользу равностатусности и двухобщинности ряда новых независимых государств и в пользу гарантированных культурно-языковых прав национальных меньшинств из числа российских соотечественников в тех государствах, где равностатусность практически невозможна. При этом мною разделяется вопрос о статусе нетитульного населения или национальных меньшинств и вопрос о статусе русского языка, который касается обеспечения языковых прав значительной части основного (титульного) населения ряда государств.

События последних двадцати лет существенно изменили положение русских и ситуацию с русским языком в новых независимых государствах. Это неизбежно внесло некоторые коррективы и в мою научную позицию, особенно в оценке возможностей российской политики и исторической перспективы для ближнего русского мира. Еще недавно мне представлялось, что ассимиляция русских в новых странах невозможна при наличии русского этнического ядра по-соседству в России и мирового статуса русского языка как языка модернизации и жизненного преуспевания для многих жителей новых независимых государств (ННГ). Некоторые из моих оценок нашли подтверждение, а некоторые – нет. В частности, ассимиляция русских, в том числе языковая, оказалась возможной, хотя и в незначительном масштабе. *Но главным культурным процессом после образования новых государств стала дерусификация титульного населения, в том числе переход от русского языка в пользу титульных (национальных, государственных) языков. Это своего рода процесс языкового «усыхания» русского мира*. Повторится ли в пространстве бывшего СССР феномен сохраняющегося франкофонного или англофонного мира после ухода Франции и Англии из своих колоний? Или же будет вариант постимперской ситуации, характерный для региона бывшей Австро-Венгрии и Османской империи, когда ни австрийский, ни венгерский, ни турецкий языки не стали языками типа *лингва франка*, а новые национальные культуры почти ничего не оставили в своем багаже от прошлой имперской государственности?

Как и в случае с дальними и старыми мирами, я называю «новым русским миром» не географическое пространство, а воображаемое (конструируемое) социокультурное сообщество, состоящее не только из этнических русских. К русскому миру по языку и демонстрируемой связи с Россией относятся представители других этнических общностей, включая даже часть представителей титульных национальностей, многие из которых никакого

другого языка, кроме русского, не знают, и которые продолжают связывать свою судьбу с Россией. К русскому миру относятся не только русские духоборы, проживающие в Богдановском районе Грузии, но и те карабахские армяне, которые не знают армянского языка. К русскому миру относится значительная часть русскоговорящих белорусов, украинцев, казахов, киргизов, узбеков, православных и русскоговорящих гагаузов в Молдове, русскоговорящих татар Литвы, «сибирских» латышей, среднеазиатских корейцев и некоторые другие группы. Но демографическую и социокультурную основу нового (ближнего) русского мира составляют этнические русские. Причем в гораздо большей степени, чем в дальнем русском мире, где все русскоговорящие просто считаются «русскими».

Приведем данные о демографической основе нового русского мира, т.е. о численности этнических русских в странах СНГ и Балтии в сравнении с советской переписью населения 1989 г. (см. табл.). Изменения за 13 лет между переписями говорят о многом.

Таблица

Численность русских в странах СНГ и Балтии, 1999–2004 годы

Страна	1989 г., тыс. человек	Постсоветский учет, тыс. человек		Убыль, %
Россия	119865,9	115868,5	2002 г.	–3,3
Украина	11356	8334,0	2001 г.	–26,6
Казахстан	6228	4479,6	1999 г.	–28,1
Узбекистан	1653	1362,0	оценка	–17,6
Беларусь	1342	1141,7	1999 г.	–14,9
Латвия	906	703,2	2000 г.	–22,4
Кыргызстан	917	603,2	1999 г.	–34,2
Эстония	475	351,2	2000 г.	–26,1
Литва	344	219,8	2000 г.	–36,1
Молдова	562	198,1	2004 г.	–64,8
Туркменистан	334	156,8	оценка	–53,1
Азербайджан	392	141,7	1999 г.	–63,9
Таджикистан	388	68,2	2000 г.	–82,4
Грузия	341	67,7	2002 г.	–80,1
Армения	52	15,0	2001 г.	–71,2
Всего	145155,9	133710,7		–7,9
Без РФ	25290,0	17842,2		–29,4

Мы видим, что общее число русских ближнего русского мира сократилось после 1989 г. почти на 7,5 млн человек (30%), хотя в Россию их переехало примерно 2,5–3,5 млн и около 0,5 млн эмигрирова-

Православный храм в Алма-Ате, Казахстан
(фото автора, 2009 г.)

ли в дальние страны[39]. Куда делись не менее 3,5 млн русских людей, прежде всего в Украине (откуда уехали в Россию около 0,5 млн, а число русских сократилось на 3 млн!) и в Казахстане (откуда уехали около 1 млн а число русских сократилось на 2 млн!). Если интерпретировать данные переписей только как данные о механическом движении населения (рождаемость, смертность, миграции), тогда в Украине в 1990-е годы произошло что-то наподобие «голодомора» русских, унесшего не менее 2,5 млн ибо из 3 млн исчезнувших только 0,5 млн можно отнести на естественную убыль населения, которая у русских была примерно такой же, как и у украинцев.

Однако дело обстояло не так. Никто в 1990-е годы в Украине от голода не умирал. Сокращение количества русских произошло прежде всего в результате смены идентичности гражданами (главным образом людьми смешанного происхождения или из смешанных семей) с русской на украинскую. Это не была ассимиляция в ее классическом виде, ибо записавшиеся украинцами сочли это более комфортным и политически выгодным в независимой Украине, при этом не теряя знания русского языка и оставаясь людьми смешанной или двойной идентичности. Аналогичная массовая перезапись, но только из украинцев в русские произошла на Украине между переписями 1926 и 1937 гг., дав политически ангажированным историкам аргумент добавить несколько миллионов украинцев в жертвы голода 1932 г.[40] Специалисты-демографы называли также и другие факторы и механизмы, которые занижали численность русских и русскоязычных в ходе последней переписи населения, в частности на территории Крыма.

В Казахстане на сокращение численности русских смена идентичности не могла оказать такого воздействия, ибо русскому записаться казахом гораздо труднее по ряду обстоятельств – не та степень этноязыковой, религиозной и даже фенотипической близости. Но в Казахстане перепись проходила в 1999 г. в разгар казахского национализма и ожидания получения решающего демографического большинства казахами, которые уже имели подавляющее большинство в структурах власти и в других общественных сферах, кроме промышленного производства. По свидетельствам очевидцев, перепись населения проводилась при слабом энтузиазме переписчиков и населения в крупных городах страны, что привело к недоучету прежде всего русского населения, среди которого больше горожан, чем среди казахов. Однако массовый отъезд русских прекратился, и экономическое состояние страны внушает большие надежды. Русские пытаются закрепить свои права и свой статус, но их уже фактически нет, хотя самая большая ирония в том, что в парламенте президент Назарбаев выступает по

важнейшим вопросам на русском языке, на нем же ведется дискуссия. В некоторых постсоветских государствах русскому языку придумали неопределенный статус «языка межнационального общения». Вопрос о русском языке обрел в Казахстане большое гуманитарное и политическое значение.

[1] Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Материалы международной научной конференции: В 2 ч. М., 2003; *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство. Альтернативы интеграции. 2-е изд. М., 2010.

[2] См. статью на эту тему: *Попов А.В*. Русское зарубежье в Интернете // История белой Сибири. Тезисы IV научной конференции. Кемерово, 2001. С. 251–257.

[3] Назову только несколько наиболее известных книг: *Laitin D*. Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca; London, 1998; *Kolstoe P.* Russians in the Former Soviet Republics. L., 1995; *Савоскул С.С*. Русские нового зарубежья. М., 2001.

[4] См. главу «Теория и политика диаспоры» в кн: *Тишков В.А*. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003, а также статьи в кн.: Этнология и политика. М., 2004. В серии рабочих тетрадей Института этнологии и антропологии РАН «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» мною были опубликованы в 1993 г. две работы: Русские как меньшинства (пример Эстонии) (Документ № 52); Русские в Средней Азии и Казахстане (Документ № 51).

[5] Из деловой переписки Г. Павловского и С. Чернышева // К возобновлению Русского. М., 1995.

[6] http:/www.archipelag.ru/ru_mir

[7] Там же.

[8] *Щедровицкий П.* Русский мир и транснациональное русское // Там же.

[9] *Он же.* Страна, которой не было // Там же.

[10] *Щедровицкий П*. Кто и что стоит за доктриной Русского Мира? // Там же.

[11] *Островский Е., Щедровицкий П*. Россия: страна, которой не было // Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] См.: *Полоскова Т.В*. Современные диаспоры: Внутриполитические и международные аспекты. М., 2002; *Полоскова Т., Скринник В.* Русский мир: Мифы и реалии. М., 2003.

[17] *Круминг-Сухарев Б*. Миссия Русского Мира // http://www.archipelag.ru/ru_mir

[18] Там же. См. также: *Градировский С.*, *Межуев Б*. Русский Мир как объект геокультурного проектирования // http://www.archipelag.ru/ru_mir/histori2003/gradirovsky-russmir

[19] *Градировский С., Межуев Б*. Указ. соч.

[20] Международный форум «Зарубежная диаспора – интеллектуальный ресурс России». Информационный бюллетень. М., 2003.

[21] Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации. 2007. 27 апр.

[22] См. материалы конференции: Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция / Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. М., 2007.

[23] См.: *Crystal D.* The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge, 1987; Ethnologue: Languages of the World (15th ed.) / Ed. R.G. Gordon. 2005. Electronic

version: SIL International. Retrieved September 11, 2007, from http://www.ethnologue.com/show_language.asp?code=rus

[24] The U.S. Census Bureau, Census 2000, Summary File 3, Table PCT 10. Internet release data: February 25, 2003.

[25] *Ципко А.* Интересная чудачка. Одесса как зеркало нынешней колонизации русского мира // Российская газета. 2007. 29 сент. С. 9.

[26] О формировании российских мигрантских сообществ см.: *Брук С.И., Кабузан В.М.* Миграции населения. Российское зарубежье // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.

[27] См.: *Guchinova E.-B., Lewis D.* The Kalmyks. L., 2006.

[28] Language, Culture and Curriculum. 1995. Vol. 8. № 2.

[29] См.: Адыгская (Черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М.А. Кумахов. М., 2006.

[30] *Лакер У.* Черная сотня: Происхождение фашизма в России / Пер с англ. М., 1994.

[31] *Davis J.* The Russian Immigrant. N.Y., 1922. P. 8; *Патканов С.К.* Итоги статистики иммиграции в Соединенные Штаты Северной Америки из России за десятилетие 1900–1909. СПб., 1911. С. 26, 58; *Нитобург Э.Л.* Русские трудовые иммигранты в США (конец XIX в. – 1917 г.): адаптация и судьбы // Отечественная история. 2002. № 5.

[32] The Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge, Mass. 1981. P. 885.

[33] См. исследование израильских антропологов: *Еленевская М., Фиалкова Л.* Русская улица в еврейской стране: Новые эмигранты в Израиле: В 2 ч. М., 2005.

[34] См. русское издание с богатыми историческими примечаниями А. Вознесенского: *Игнатьев М.* Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996.

[35] Там же. С. 10.

[36] Demoscope Weekly. 2007. 16–31 December.

[37] Данные по Интернет-сайтам на тему «Русские в Америке».

[38] *Комарова Г.А.* Русский Бостон. М., 2003.

[39] *Тишков В.А., Зайончковская Ж.А., Витковская Г.С.* Миграции в странах бывшего СССР. М., 2000.

[40] *Тишков В.А.* Демографические голодоморы // Родина. 2007. № 7.

Глава 23

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

В СССР русский язык был языком государственной и партийной бюрократии, системы образования, печати, армии, науки и высокой культуры. А самое главное – это был язык многофункционального общения советских людей разных национальностей. Это был родной язык (в смысле как *основной язык знания и общения* или как *первый выученный в детстве язык*) не только этнических русских, но и десятков миллионов нерусских людей. Накануне распада в СССР кроме русских в качестве родного языка называли русский язык около 19 млн человек других национальностей и 69 млн человек указали, что свободно владеют им в качестве второго языка. При этом советские переписи занижали число нерусских граждан, назвавших родным русский язык, ибо вопрос о родном языке задавался без уточнения языковой компетенции. Очень многие считали родным язык своей национальности, хотя им не владели. Таким образом, миллионы русскоязычных советских людей ответили, что их родным языком является белорусский, украинский, молдавский, киргизский и другие, зачастую не пользуясь и даже не зная этих языков. Этот факт был, в частности, установлен мною во время полевых исследований в Усть-Ордынском автономном округе Иркутской области летом 1989 г. (вскоре после переписи населения). Тогда почти все опрашиваемые мною местные русскоязычные буряты сообщили, что указали бурятский язык в качестве родного языка себе и своим детям, даже если последние еще не умели разговаривать вообще. «Раз указали национальность бурят, то как-то неудобно было называть родным языком русский, а не бурятский», – был обычный ответ.

Можно высказать предположение, что если бы были известны реальные цифры распространения и использования русского языка жителями союзных республик, то было бы гораздо труднее осуществить столь масштабную языковую репрессию в отношении его носителей в новых независимых государствах. Речь идет о том, что около половины населения таких новых государств, как Украина, Латвия, Казахстан, Кыргызстан, треть населения Молдовы, Эстонии, Грузии (если считать с Абхазией и Южной Осетией) были лишены фундаментального права на государственный статус своего родного языка. *Исключительно по причине дистанцирования от России и отстранения русскоязычных от власти*

и ресурсов была осуществлена эта узурпация языковых прав, поддержанная так называемым международным сообществом.

После распада СССР впервые в истории появились государства, где русские и другие русскоязычные на территории своего постоянного проживания и даже рождения оказались в статусе апатридов, т.е. лиц без гражданства. В Латвии они составили половину, а в Эстонии – треть населения и большинство населения одной из столиц – города Риги. Так называемая натурализация (или интеграция) в пользу новых государственных сообществ и национальных культур (латышской и эстонской) заняла уже более 20 лет и продолжается до сих пор с разной долей успеха. Не была достигнута главная цель политики исключения – вызвать отъезд русских в Россию. Русские в своем подавляющем большинстве остались в странах Балтии и стали одним из уникальных компонентов русского мира. *Эта уникальность прежде всего состоит в необходимости жесткой борьбы за достижение статуса равноправия и за сохранение своей культурной идентичности перед вызовом самой мощной и последовательной попытки ассимиляции, с которой когда-либо встречались русские*. По-разному, но также не в пользу русского языка и русской идентичности развивалась ситуация в странах СНГ, хотя этот язык и был признан официальным языком Содружества Независимых Государств, а Россия всячески пыталась воздействовать на языковую политику новых государств и по возможности поддерживала русскоязычное культурное и информационное пространство.

Напомню, что при всеобщем распространении и использовании, тем не менее в 1989 г. русский язык в СССР не знали около 20 млн человек, главным образом это были жители Средней Азии и Азербайджана. Спустя 18 лет ситуация сильно изменилась в сторону сокращения носителей русского языка и масштабов его использования (см. табл.).

В таблице представлено число жителей стран СНГ и Балтии, которые в 2004 г. считали русский язык родным или активно им владели, а также тех, кто не знает его (остальные – это пассивно владеющие русским языком). Очевидно, что русский язык сохраняет мощное присутствие, несмотря на дискриминацию и приниженный статус как языка межнационального общения или как языка меньшинств (миноритарный язык). Государственным он объявлен только в Беларуси, а официальным – в Казахстане и Кыргызстане (после ухода президента Акаева этот статус фактически отменен). В Беларуси 97%, в странах Балтии, Украине около 80%, в Молдове, Казахстане, Кыргызстане, Грузии и Армении около 70% населения говорят или могут говорить на

Таблица

Статус русского языка и численность им владеющих (2004 год), млн человек

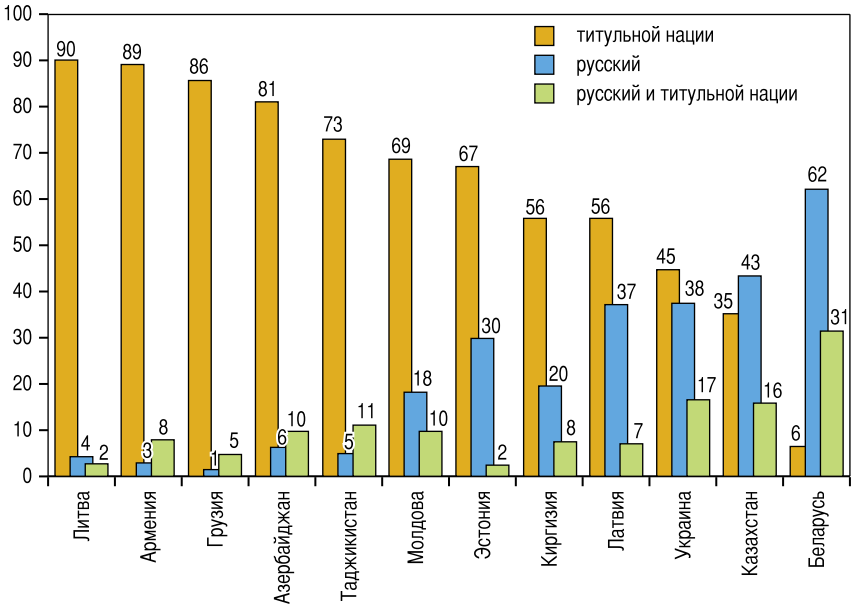
Страна	Статус языка	Население	Считающие родным	Активно владеющие	Не владеющие
Азербайджан	иностранный	8,2	0,25	2,0	2,7
Армения	иностранный	3,2	0,015	1,0	1,0
Белоруссия	государственный	10,2	3,2	8,0	0,2
Грузия	иностранный	4,5	0,13	1,7	1,8
Казахстан	официальный	15,1	4,2	10,0	2,8
Киргизия	официальный	5,0	0,6	1,5	1,5
Латвия	иностранный	2,3	0,96	1,3	0,3
Литва	иностранный	3,4	0,25	0,5	0,5
Молдова	межнац. общения	3,4	0,45	1,9	0,5
Таджикистан	межнац. общения	6,3	0,09	1,0	3,3
Туркменистан	межнац. общения (иностранный)	4,8	0,15	0,1	3,8
Узбекистан	межнац. общения	25,0	1,2	5,0	10,0
Украина	язык нацменьшинства	48,0	14,4	29,0	8,0
Эстония	иностранный	1,3	0,47	0,5	0,3
Итого		140,7	26,4	63,6	37,7

русском языке. Общее число считающих русский язык родным составляет 26,4 млн человек, активно им владеющих – 63,6 млн, а не владеющих – 37,7 млн – примерно в два раза больше, чем было в 1989 г. Как и в прошлом, не владеют им многие жители в странах Средней Азии и Казахстане, а также в Украине и Грузии. Что касается двух последних государств, то, возможно, что люди исходили здесь из политических соображений, ибо трудно поверить, что 8 млн в Украине и 1,8 млн человек в Грузии не знают русский язык. Однако такое возможно, ибо известно, что языковая ситуация может меняться довольно быстро, т.е. в течение полпоколения люди могут забывать или осваивать тот или иной язык.

В новом зарубежье произошло огромное по масштабам и темпам сокращение преподавания на русском языке и обучения русскому языку в школе, почти тотальный перевод государственно-бюрократических машин на титульные языки и резкое сужение русскоязычного информационного пространства. Только в 1990-е годы в новом зарубежье были закрыты около 20 тыс. русских школ, а число обучающихся в русских школах сократилось

График 1

Язык общения в семье, дома, %



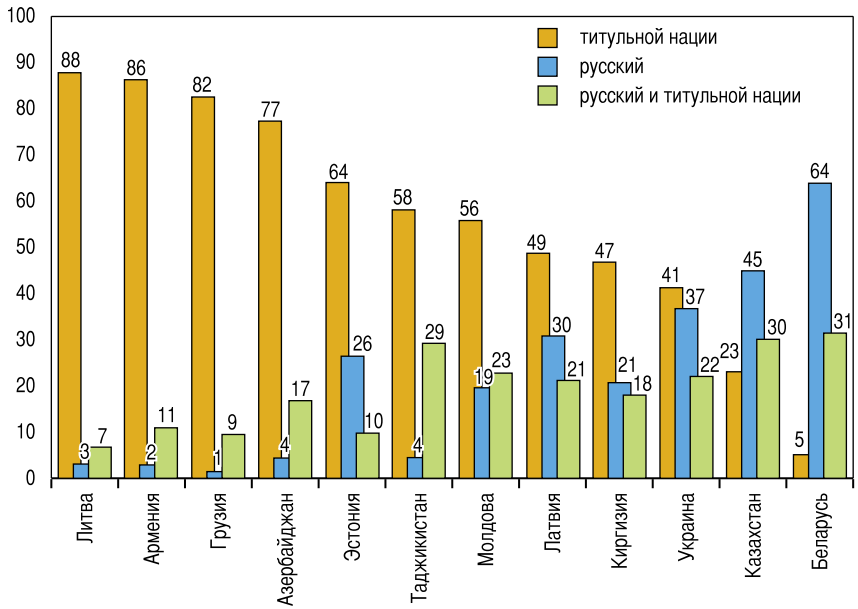
более чем на 2 млн человек. После 2000 г. этот процесс продолжался, хотя в некоторых странах он в последние годы замедлился. На сегодняшний день школьное обучение на русском языке помимо России (97% обучающихся) продолжается в большинстве постсоветских государств: в Беларуси – 75%, Казахстане – 41%, Украине – 25%, Кыргызстане – 23%, Молдове – 21%, Азербайджане – 7%, Грузии – 5%, Армении – 2%.

Реальную ситуацию с русским языком в странах бывшего СССР демонстрируют результаты социологического опроса, проведенного в октябре 2007 г. организациями «Евразийский монитор» и «Наследие Евразии» через социологическую службу «Циркон» с привлечением авторитетных социологических служб в ННГ. Это данные по 12 странам (без Туркмении и Узбекистана), и это был опрос 15 тыс. человек (от 1 до 2 тыс. человек в каждой стране по общей выборке).

Один из важных показателей присутствия языка в обществе и его реального, а не официального статуса – это данные об языке домашнего общения. Как показано на графике 1, примерно в половине стран (Литва, Армения, Грузия, Азербайджан, Таджикистан плюс Туркменистан и Узбекистан) русский язык фактически перестал был языком, на котором люди разговаривают дома. Един-

График 2

Язык общения с друзьями, знакомыми, вне работы, %

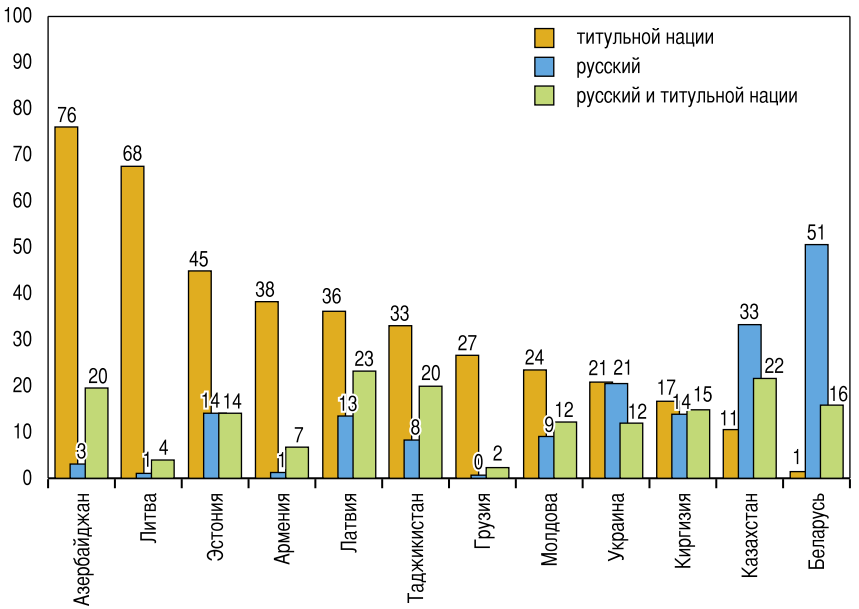


ственное сомнение у меня как этнографа, который верит включенному наблюдению не меньше, чем социологическому опросу, есть насчет Грузии. Не может быть такого, чтобы в местных семьях русский язык использовался в 5–6 раз реже, чем в Азербайджане или Таджикистане. Здесь возможно ситуативное политическое воздействие (так же, как в России, опросы показывают, что для россиян Грузия – это сегодня один из главных врагов в мире). Наоборот, в Беларуси, Казахстане и Украине большинство или половина населения говорит дома по-русски или на двух языках, а на титульных языках общается меньшинство населения. В Молдове, Эстонии, Кыргызстане и Латвии на русском дома разговаривают от 20 до 40% граждан. Аналогичные данные получены по языку внесемейного общения (см. график 2).

В общении с друзьями и знакомыми вне работы русский почти не используется в странах Закавказья, Литве и в Таджикистане. Опять же трудно поверить, что только 1% людей в Грузии используют русский в общении вне дома. Для этого достаточно побывать на улицах и в общественных местах Тбилиси и послушать звучащую там речь. Но в целом эта картина вполне адекватная, и она впечатляет высокой степенью использования русского языка в половине

График 3

Язык общения на работе / по месту учебы, %



стран СНГ и Балтии. В Украине русский почти не уступает украинскому, а в Беларуси все население говорит вне дома на русском.

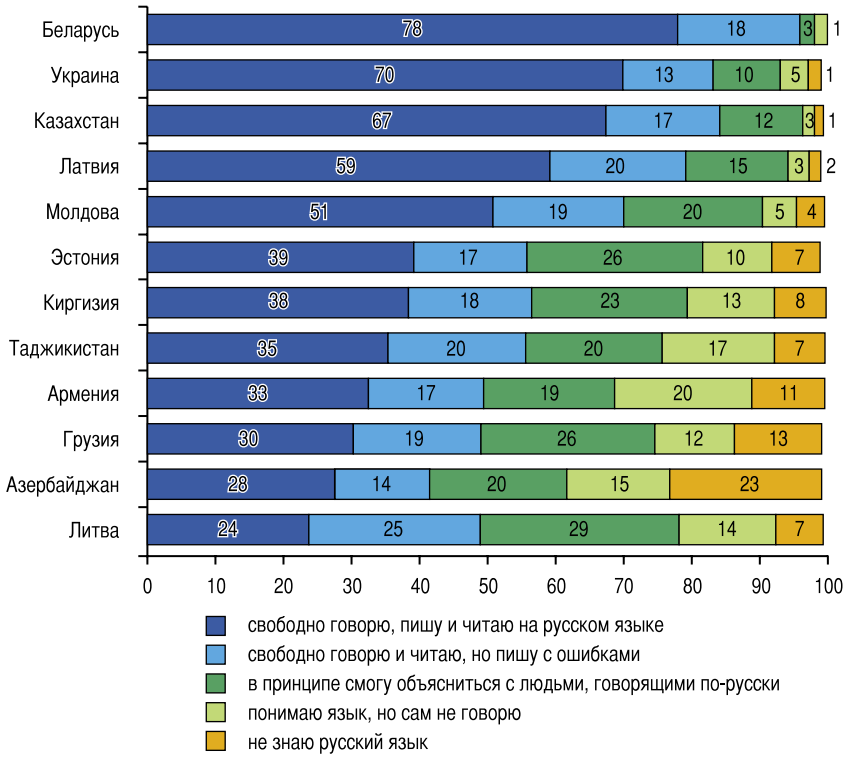
Больше всего языковой дерусификации подверглись сферы государственных учреждений, образования, а также бизнеса и трудовых коллективов (см. график 3). Но даже в таких репрессивных для русского языка сферах, как учеба и работа, русский сохраняет равные с титульными языками позиции в Кыргызстане и Украине и стоит выше титульного в Казахстане и Беларуси.

Наконец, самый прямой вопрос, который был задан жителям, – это вопрос о владении ими русским языком (см. график 4). Опрос показал, что в Украине, Казахстане, Латвии, Молдове, Эстонии, Кыргызстане, Таджикистане, Армении, Грузии, Литве от 50 до 84% населения активно владеют русским языком, а Беларусь находится на уровне России – 96%.

Убедительными оказались данные о потреблении информации на русском языке (см. график 5). Если прессу и книги на русском языке люди читают примерно на таком же уровне, что и используют его дома и на работе, то более доступное русскоязычное телевидение оказывается безусловным лидером среди поставщиков информации. Все это говорит о том, что культурно-языковая

График 4

Степень владения русским языком, %

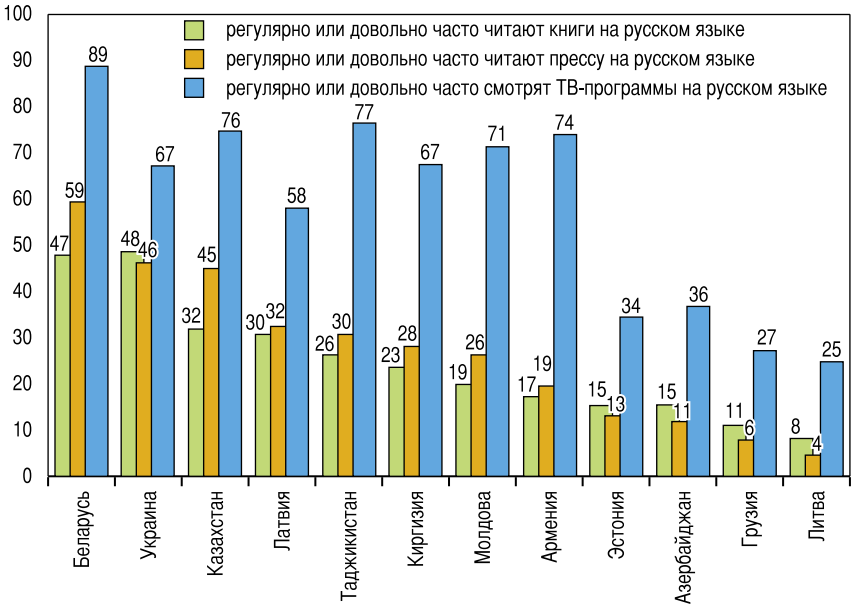


дерусификация, совершив мощный рывок в начальный период нациестроительства, сегодня замедлила свой темп. *Русский язык все больше начинают связывать не с колониальным прошлым, а с модернизационными перспективами. Антирусский компонент в постсоветских национализмах заметно ослабел, но он далеко не исчез и продолжает составлять один из основных компонентов идеологии и общественно-политической практики новых национальных сообществ*.

Но какова языковая ситуация среди самого русского населения ННГ? Данные Института диаспоры и интеграции (бывший Институт стран СНГ), которые были получены в 2007 г. в итоге масштабного исследования в шести странах содружества, показали реальные возможности использования русского языка и потребности в нем. Они же позволяют судить о степени языковой ассимиляции среди русских. Как показывают данные о степени

График 5

Потребление информации на русском языке, %



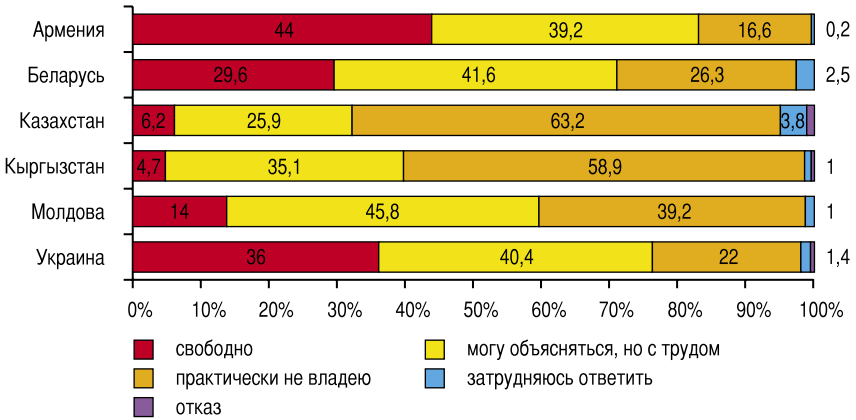
владения русскими государственных языков стран проживания (см. график 6), ситуация в ряде стран выглядит вполне оптимистичной. По крайней мере она не хуже, а лучше, чем была спустя 30 лет после введения официального двуязычия в Канаде и программ обучения французскому языку англофонов. Там затраченные миллиарды долларов на обучение французскому языку англоязычных госслужащих и обслуги принесли очень скромные результаты.

Несмотря на ограниченные возможности изучения и морально-политические установки «бывшего большинства», русскоязычные жители осваивают титульные языки, хотя и медленно, и только их малая часть делает это в странах с большой культурной дистанцией, где другая религия и совсем несхожие языки (Казахстан и Кыргызстан). Однако больше всего оказался доступным для русских армянский язык по той причине, что русских в Армении мало и нет другого выхода, как учить армянский, чтобы жить в Армении. Вполне естественно, что более 70% русских владеют белорусским и украинским языками по причине близости восточнославянских языков. В остальных обследованных случаях (Кыргызстан, Казахстан, Молдова) титульный язык знают от 5 до 14%. По стра-

График 6

Степень владения языком титульной нации,

% от числа опрошенных соотечественников



нам Балтии процесс освоения русскими титульных языков идет более энергично без утраты русского языка. Здесь у русских мало шансов противостоять государственной машине и местным элитам.

Одной из мощных опор в сохранении русского языка среди русского населения является сфера образования и работы, хотя этот ресурс сильно сократился. Причина слабого освоения титульных языков в ряде стран состоит в том, что подавляющее большинство соотечественников продолжают пользоваться русским языком на работе и в учебном заведении (см. график 7). Здесь политика и экономика будут определять будущую ситуацию гораздо в большей степени, чем сфера домашнего общения. Показательными являются данные о том, на каком языке обучаются дети и внуки опрошенных русских людей в шести странах СНГ (см. график 8).

Дети и внуки у многих также обучаются на русском языке, но ситуация здесь уже не такая благополучная. Половина русских соотечественников в Украине вынуждена обучать своих детей и внуков на украинском языке. Еще хуже положение русскоязычных жителей в странах Балтии. Через 10–15 лет ситуация изменится не в пользу русского языка. *Массовая языковая ассимиляция русских или по крайней мере массовое двуязычие как наиболее приемлемая стратегия могут стать реальностью нового русского мира*.

Специалисты в области социолингвистики высказывают в последнее время точку зрения, что в ННГ будут формироваться национальные варианты русского языка, как это имеет место, на-

График 7

Язык общения на работе, в учебном заведении,

% от числа опрошенных соотечественников среди работающих и учащихся

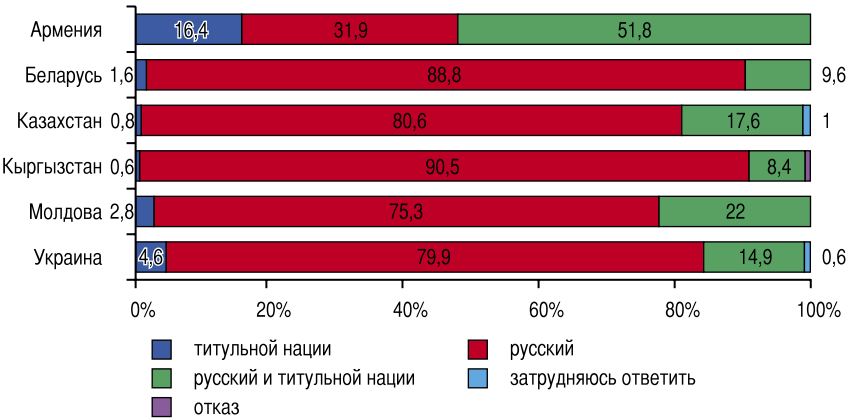
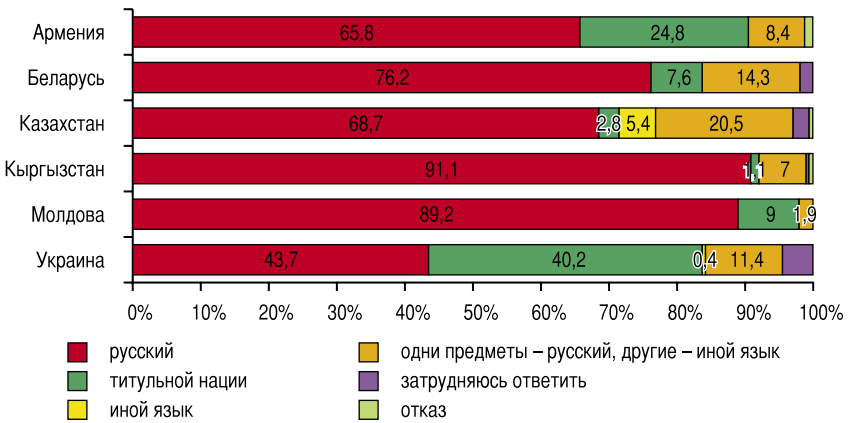


График 8

Язык преподавания в школе,

% от числа опрошенных соотечественников, у которых есть дети и внуки



пример, с арабским, испанским, французским или английским языками в разных регионах мира. Ныне никто из Великобритании не предписывает нормы английского языка для США или Канады, и там сложились свойственные этим странам варианты английского языка. Имеются варианты испанского языка в странах Латинской Америки. Существует отдельный французский язык в Канаде. Что-то подобное может происходить и с русским языком. Как пишет

украинский филолог Ю.В. Дорофеев, в Украине есть два варианта будущего русского языка: как диалекта украинского и как национального варианта русского языка. «Первый вариант – маловероятен, хотя его нельзя совсем исключить. Второй вариант развития русского языка – это путь самостоятельного развития, итогом которого станет украинский национальный вариант русского языка. Это вариант представляется более вероятным и более перспективным, поэтому мы полагаем необходимым обратить внимание лингвистов на те тенденции, которые уже сегодня свидетельствуют о возможности формирования в будущем национальных вариантов русского языка»[1].

В Литве уже сегодня заметно влияние литовского языка на русский, и под этим воздействием формируется региональный вариант русского языка, отличного как от языка метрополии, так и от русской речи в других регионах мира. В.Ю. Михальченко из Института языкознания РАН пишет о языковой ситуации в этой стране: «Некоторые языковые общности, например, русские, лишены помощи нормализаторов языка, так как нет органов, людей, аргументирующих употребление локальных заимствований, закономерности их замены русскими соответствиями. В связи с этим возникает опасность потери данной языковой общностью русского литературного языка и его замены другой формой существования языка – местным просторечным вариантом русского языка»[2]. Но это позиция российского исследователя, которая продиктована своего рода языковым моноцентризмом. У русиста из Симферополя взгляд на проблему отличается от московского подхода, и Ю.В. Дорофеев считает, что на территории бывшего СССР сложились объективные условия для формирования разновидностей бывшего единого литературного русского языка в соответствии с «потребностями и традициями отдельной нации, использующей русский язык наравне со своим национальным языком»[3]. Эти разновидности являются закономерными в силу действия лингвистических законов и обусловлены статусом русского языка как средства общения населения РФ и близлежащих государств, так как русский язык в процессе своего функционирования неизбежно варьируется, приобретая на территории отдельных стран свои особенности, которые проявляются как в устной, так и в письменной речи.

Интерференция языков в процессе их функционирования неизбежна, и «в современном мире национальные варианты языков складываются не под влиянием отдаленности двух социумов, говорящих на одном языке, а вследствие интенсивного взаимного общения различных наций и в еще большей степени всей совокупности условий самостоятельного существования национально-государственных общностей людей, которые говорили изначально на едином языке»[4]. Это означает, что национальные

варианты русского языка обретают самостоятельность и поддерживаются в рамках отдельного социума, где этот вариант используется. В отличие от иерархических отношений между литературным языком и диалектом все национальные варианты языка в принципе должны быть равноправны, хотя безусловно существует и признается исходный русский литературный язык. Однако реализовать принцип сосуществования вариантов единого полинационального языка трудно прежде всего по культурно-политическим и даже эмоционально-психологическим причинам. Так, например, в Великобритании до сих пор бытует мнение, что национальные варианты английского языка – это «испорченный» английский, а французы называют вариант французского языка в Канаде презрительной кличкой *жуаль* (деревенский). А в России научное и политическое сообщество, включая лингвистов, жестко отстаивает языковую норму «на Украине», не желая признавать уже существующую параллельную норму «в Украине». Языковой ригоризм российские лингвисты демонстрируют и в отношении других нововведений в русскоязычные нормы в новых государствах, как, например, переименование названий народа и страны (кыргызы вместо киргизы и Кыргызстан вместо Киргизия), трактуя это как нарушение языковых норм русского языка.

Какова же наиболее оптимальная стратегия языковой политики в отношении русского языка в странах бывшего СССР? Мне представляется, что новые постсоветские нации сохранят в своем культурном арсенале русский язык в форме его национальных вариантов (украинский русский, казахстанский русский, молдавский русский и т.д.), развитие которых будет идти параллельно. При этом постоянное взаимодействие России и других ННГ будет обеспечивать общие, наднациональные тенденции в языковой нормализации и нивелировку различий между языковыми вариантами без их полного слияния[5]. Региональные языковые ситуации, духовная и материальная культура каждой полиэтничной гражданской нации, а также политические установки будут постоянно обеспечивать условия и основания для существования национальных вариантов русского языка. В этой ситуации Россия не может выступать исключительным собственником русского языка, но она была и останется страной-истоком и страной-базой русскоязычного культурного производства. И она должна быть готова исполнять эту культурологическую и политически полезную для нее мировую миссию.

* * *

Некоторые специалисты приводят достаточно веские аргументы в пользу того, что русский язык, несмотря на утрату многих своих позиций, останется в статусе так называемых мировых языков.

Напомним, что мировое распространение русского языка продолжалось до конца 1980-х годов, а в середине десятилетия всплеск интереса к нему был стимулирован горбачевской перестройкой. Пик распространения русского языка в мире пришелся на 1990 г., когда им владели в той или иной степени 350 млн человек в более чем ста странах[6]. В 1990-е годы в области распространения русского языка произошли обвальные изменения. В течение нескольких лет русский язык утратил свой статус первого иностранного языка во многих вузах мира, прекратилось его преподавание в школе во многих странах (Болгария, Польша, Восточная Германия, Венгрия, Куба, Вьетнам). В 2000 г. число людей, владеющих русским языком, сократилось до 320 млн[7]. Как мы уже видели, половина этой утраты приходится на новые независимые государства – бывшие советские республики.

Отступление русского языка на мировой арене было связано с распадом СССР, упадком международного статуса и сокращением внешнеполитической активности России (прекратили свою деятельность зарубежные дома дружбы, культурные центры, бесплатные языковые курсы при посольствах). Сильно сократилось число иностранных студентов, обучающихся в России. Место русского языка в некоторых регионах и сферах, как правило, занимал английский язык, который существенно потеснил в конце XX в. не только русский, но и другие языки международного общения[8]. В ННГ место русского языка занимали государственные языки, которыми повсюду стали в единичном варианте языки титульных этнических групп.

Положение снова стало меняться в пользу русского языка в 2000-е годы. Одной из первых стран, где русский язык вернулся в систему школьного образования, была Польша. Все эти годы между Польшей и Россией, а также Польшей и пограничными районами Беларуси, где население говорит на русском языке, идет интенсивная торговля. Экономические факторы оказались важнее политических установок не только в Польше, но и в других странах Восточной Европы, с которыми у России установились обширные экономические и торговые связи. В приграничную и мелкооптовую торговлю и шоп-туризм оказались втянутыми крупные страны Азии и Востока – Китай, Вьетнам, Индия, Турция. Сотни тысяч торговцев и рабочих-мигрантов из Китая, Вьетнама и Турции выучили за последние годы русский язык. Кстати, более 70 тыс. человек в России (по переписи 2010 г.) ныне владеют китайским языком. В западноевропейских странах также прекратилось сокращение позиций русского языка, а в США и Японии отмечается рост интереса к его изучению.

В последнее десятилетие такие страны, как Германия, Франция, Италия, Испания, Греция, Турция, Египет, Болгария, Хорватия, Черногория, Чехия, получили огромные потоки русскоязычных

туристов из России, Украины, Беларуси и других стран СНГ. Десятки тысяч сотрудников туристических фирм, сферы торговли и обслуживания стали овладевать русским языком, и это во многом определяет новую волну в распространении русского языка в мире. Как пишет Т.Б. Крючкова, «конечно, горничные, официанты и бармены не учат русский язык в университетах или Институте русского языка имени Пушкина, а овладевают им в объеме, соответствующем их коммуникативным потребностям на каких-то не вошедших в официальную статистику курсах или каким-то другим образом. Но они используют русский язык в качестве языка-посредника, возможно, гораздо более интенсивно, чем люди, изучавшие его когда-то в гимназии или университете под влиянием моды, левых взглядов или академического интереса»[9].

Помимо экономики, которая сменила идеологические факторы, мощным ресурсом для распространения и бытования русского языка в Европе стала новая русскоязычная эмиграция. Принципиальное отличие представителей последней волны от предыдущей миграции состоит в том, что они сохраняют язык и связи с Россией. Свой вклад в поддержку русского языка вносят мигранты из других стран, которые не являются этническими русскими. Для этих мигрантов характерна многоступенчатая или конгломератная самоидентификация, но объединяющим фактором для них является русский язык, благодаря которому все они в той или иной степени принадлежат к культурной модели, которая некогда доминировала на пространстве бывшего СССР[10].

За последние 15–20 лет страной с крупными русскоязычными анклавами стала Германия. Здесь знание русского языка востребовано и даже дает преимущества на рынке труда. В 2000 г. в стране выходили 15 газет на русском языке, существуют русские радиостанции и телевидение. Значительная часть русскоязычных эмигрантов стремится к тому, чтобы их дети знали русский язык, т.е были двуязычными. В Германии несколько школ, где преподавание всех предметов ведется на русском и немецком. Имеются общественные организации типа «Общество русскоязычных родителей и педагогов Берлина»[11]. Во Франции запрос на русский язык сильно вырос со стороны новых иммигрантов, смешанных семей, выходцев из республик бывшего СССР, а также со стороны потомков старых эмигрантов. В 2006 г. был создан «Союз русофонов во Франции», деятельность которого направлена на поддержку русского языка и культуры в среде выходцев из СССР и России.

В Европе языковая диверсификация поддерживается многими неанглоязычными странами, и русский язык все чаще называется среди языков, которые требуют поддержки и распространения в международных структурах, ибо на нем общается большое число европейских жителей, прежде всего новых и потенциальных

членов европейского сообщества. Русский язык называется языком мировых цивилизационных достижений, и необходимы усилия по преодолению негативных стереотиов как в отношении России, так и самого языка. Эта позиция была, в частности, выражена в ноябре 2003 г. в докладе о преподавании иностранных языков во Франции, который был обсужден на парламентской сессии Сената Франции[12]. Следует отметить важную роль распространения в Европе идеологии лингвокультурного многообразия, которая работает в пользу русского языка.

Таким образом, *русский язык, несмотря на неблагоприятную для него ситуацию в ННГ, имеет реальную перспективу сохранить и расширить свое мировое присутствие и свою роль в мировой культуре, экономике и политике*. Это не только открывает некоторые новые возможности для России, но и накладывает на нее дополнительные международную ответственность и обязательства. За последние годы Россия осуществила ряд программ и проектов в пользу русского языка и в поддержку интересов и запросов русскоязычных жителей за рубежом. Активно действуют государственная организация Росзарубежсотрудничество и Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), в которой ведущие позиции занимают российские ученые. Более активно действует МИД РФ по сохранению позиции русского языка как мирового в различных международных организациях (последняя инициатива – сделать русский язык одним из рабочих языков Всемирной продовольственной организации). В Год русского языка (2007) было проведено около 800 конференций, олимпиад, встреч, посвященных пропаганде русского языка и поддержке тех, кто его преподает и изучает. В мае 2007 г. в Москве прошла конференция по статусу русского языка за рубежом, на которой вице-премьер Правительства РФ заявил: «У нашей страны сегодня достаточно ресурсов и возможностей для укрепления статуса русского языка в мире и решения проблем, с которыми сталкиваются русскоязычные граждане стран ближнего и дальнего зарубежья»[13]. В декабре прошло Общее собрание Российской академии наук на тему «Русский язык в современном мире».

Что касается укрепления статуса русского языка, то здесь действительно есть российские ресурсы, которые можно было бы добавить к уже выделенным, ибо сегодня Британский совет на продвижение английского языка за рубежом расходует 765 млн евро в год, а Институт Гёте тратит на поддержку немецкого языка 250 млн евро. Почти столько же выделяется Францией, Канадой и Бельгией на программу франкофонии. В 2006 г. из российского бюджета было выделено на поддержку русского языка за рубежом 8,5 млн

евро. С 2008 г. эта цифра была увеличена в несколько раз, и программы фонда «Русский мир» отныне достаточно обеспечены финансово. Однако для «решения проблем русскоязычных граждан стран ближнего и дальнего зарубежья» у России не хватит никаких ресурсов, и для этого нет достаточных правовых и других возможностей. *Эти проблемы должны прежде всего решать те государства, налогоплательщиками которых являются русскоязычные граждане и не граждане, а также сами жители НИГ*. А проблем таких там действительно много.

* * *

Рассмотрим более конкретно положение и перспективы с российской диаспорой в четырех новых независимых государствах с точки зрения проблем и перспектив существования ближнего русского мира, основанного на русском языке и российской идентичности.

Эстония и Латвия. Сецессия этих двух советских республик была оформлена и легализирована международным сообществом как восстановление независимой государственности, которой обладали эти территории до 1940 г. Главный смысл такого варианта самоопределения заключался в том, чтобы лишить статуса гражданства русское и другое не титульное население, вынудив его уехать в Россию или ассимилироваться. Несмотря на свою явную антидемократичность, так называемый нулевой вариант гражданства был осуществлен в Эстонии и Латвии при международной поддержке, главным образом со стороны стран Северной Европы. Поскольку массовый исход русскоязычного населения не состоялся, государственные машины Эстонии и Латвии через систему организации переписей населения и политику ассимиляции попытались сократить численность русских в своих странах. Как заявила бывший президент Латвии В. Вике-Фрейберг, «проблема русских в Латвии в том, что их слишком много». В какой-то мере это удалось сделать, и нынешняя демографическая оценка уже определенно перевела русских в статус меньшинств, а титульное население в статус большинства, хотя к моменту распада СССР русскоязычное население в Латвии составляло не менее 50%, а в Эстонии – более одной трети.

Напомним, что русские проживают на территории Латвии и Эстонии с древних времен. В Российской империи Латвия была одним из важнейших центров православного старообрядчества, в период независимого существования между двумя мировыми войнами это была территория русско-немецко-латышского трехъязычия, а в советский период – республикой с русско-латышским

двуязычием[14]. В Эстонии было широко распространено эстонско-русское двуязычие. В обеих республиках позиции национальных языков были очень сильными: языковой ассимиляции в пользу русского среди латышей и эстонцев фактически не было (исключение – «сибирские» латыши, вернувшиеся из сталинской ссылки). В поздний советский период на национальных языках получили развитие печать и телевидение, энциклопедические издания, театр, литература, музыкально-певческая культура. Русский язык и национальные языки в советское время существовали как средства коммуникации параллельно существующих языковых сообществ и их институтов[15]. По мнению авторитетных ученых, миграционная политика советского «центра» не преследовала цель «сознательной русификации», а тем более «этнических чисток, колонизации или других мер геноцида», как это представляют местные политики и ученые в рамках «особой балтийской теории жертвы»[16].

Социально-культурная ситуация резко изменилось после распада СССР. В течение всех последних лет в Латвии и Эстонии проводилась борьба с русским языком и с русским культурно-историческим наследием. Проанализирую только один сюжет такой борьбы в Эстонии – это изменение топонимики с целью убрать русские и другие связанные с Россией географические названия. Это довольно известный в истории метод реконструирования идентичности населения, ибо пространственные названия составляют одну из ориентационных матриц коллективного и индивидуального сознания. Кстати, в самой России этот вопрос вставал в 1991–1992 гг., и тогда произошла массовая смена названий с целью демонтажа советско-коммунистического наследия. Потом вопрос был снят с повестки дня из-за негативной реакции населения к упразднению советских названий, т.е. названий недавнего прошлого, продолжающих быть в повседневном арсенале людей.

Хотя по общему правилу топонимы/географические названия должны быть на эстонском языке, принятый в 2003 г. в Эстонии новый закон о географических названиях допускает исключения «по историческим и культурологическим причинам». Если местное самоуправление выбрало неэстонский топоним, требуется утвердить это решение у министра регионов с учетом мнения Совета по географическим названиям и того, *на каком языке говорило большинство населения конкретного места в 1939 г.* Напомню, что в Эстонии географические названия менялись неоднократно. До начала XX в. многие официальные топонимы были немецкими, и именно в таком виде они вошли в русский язык. В период первой независимости официальная топонимика была радикально эстонизирована, хотя в быту широко использовались «немецкие»

и «русские» названия городов и населенных пунктов. Тогда же были эстонизированы и названия многих русских деревень в приграничном с Россией регионе и на побережье Чудского озера. Например, деревня Казапель окончательно превратилась в Kasepaa, Кикита в Kukita, Алексеевка в Nomme, Раюша в Raja, Тихотка в Tiheda, Олешницы в Alajoe и т.п. Во многих случаях речь шла о населенных пунктах, которые были основаны и заселены русскими крестьянами и где русское население до сих пор составляет большинство. Интересно, что вопрос о реставрации русских топонимов на территории Эстонской ССР не стоял, ибо русское население чувствовало себя в своей собственной стране, независимо от места проживания, а степень низовой общественной активности была минимальной.

Хотя закон о географических названиях не запрещает обратное переименование этих населенных пунктов, на практике подобное трудно осуществимо. Во втором отчете о выполнении Рамочной конвенции ОБСЕ по защите национальных меньшинств правительство республики указывает другую предусмотренную в законе возможность: установление для когда-либо переименованных мест второго официального названия. Использование второго («параллельного») названия призвано сохранить у места «иноязычное название», если у него уже есть название на эстонском языке (или наоборот). Подобные решения могут приниматься местными властями по согласованию с министром регионов, который обязан посоветоваться с Советом по географическим названиям. Насколько мне известно, до сегодняшнего дня параллельные названия были установлены лишь для нескольких исторических шведских деревень на западе Эстонии.

Попытку восстановить историческое русское название предпринял город Калласте. 27 июня 2005 г. городское собрание Калласте решило подать ходатайство об установлении параллельного исторического названия «Красные горы». Поселение с таким названием основали перебравшиеся в начале XVIII в. из России в Эстонию русские рыбаки-староверы. На картах того времени приводилось как русское, так и немецкое (Krasnogor) и эстонское (Kallaste) названия. В конце XIX в. официально использовалось русское название деревни. В 1920-е годы деревня стала поселком уже с эстоноязычным официальным названием. В 1938 г. Калласте получил права города. Кроме Калласте только еще один эстонский городок – Муствеэ (русское название Черное) разросся из «русского» поселка. Хотя городское собрание Калласте приняло решение ходатайствовать о «параллельном названии» еще в июне 2005 г., никакого позитивного решения так и не было принято по этому, казалось бы, очевидному вопросу.

С русскими топонимами связана еще одна проблема. В своем втором мнении по Эстонии (24 февраля 2005 г.) Консультативный комитет ОБСЕ по Рамочной конвенции отмечал, что малый интерес в Причудье к установлению двойных названий может быть связан с требованием писать «параллельные названия» только латиницей. По мнению комитета, разрешение использовать русский алфавит для двойных названий может увеличить интерес к использованию русских топонимов в регионе. В отношении использования кириллицы для параллельных русских названий эстонские власти ответили несогласием. Никаких открытых недовольств или других общественных реакций со стороны русского населения не было. Видимо, этот вопрос не является столь эмоционально значимым, как перенос памятника советскому солдату в Таллинне, или же русскоязычное население малых городов и деревень недостаточно организовано политически и не имеет своих общественных организаций, не говоря уже о властном представительстве. Мои русские информанты сообщают, что русские в Эстонии продолжают в повседневной жизни и в разговорном языке между собой использовать русские названия. Возможно, что это оказывается достаточным для их этнокультурных запросов на данном этапе и в данной ситуации. У представителей русского мира в Эстонии, возможно, есть другие более важные дела. Но тогда какие? Одно из них – это сохранение той части советской идентичности, которая связана с победой во Второй мировой войне над фашизмом, ибо эти усилия направлены одновременно против балтийского реваншизма и неофашистских проявлений. Местные русские уже не поддерживают прокоммунистические настроения и силы, как это было десять лет тому назад, но они хотят сохранить часть своей национальной коллективной гордости. Следующим по значению идет вопрос о сохранении русского языка в системе образования, который стал особенно острым в Латвии.

Украина. В Украине, где этнический украинский национализм сохраняет доминирующие позиции и где подавляющее число членов российской диаспоры – это этнические русские, утверждение в самой России русского варианта идентичности может оказаться более предпочтительным. Русских в Украине не беспокоит самочувствие и интересы венгров или поляков в стране их проживания или чувства и интересы татар или чувашей в России. Их беспокоит сохранение собственной русской идентичности, в том числе и через политику утверждения русскости в России. Вот почему часть радикальных русских националистов в России – это выходцы из Украины или люди, связанные с Украиной.

В соответствии с обязательствами, взятыми на себя при вступлении в Совет Европы, Украина должна присоединиться к Хар-

тии региональных языков или языков меньшинств. Закон Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» был принят в 1999 г. Тем не менее, согласно решению Конституционного суда Украины от 12 июля 2000 г., данный закон был признан неконституционным и прекратил свое действие. Тем самым был создан прецедент внепарламентской денонсации ратифицированного международного договора. Вопрос вновь возник в 2002 г., когда Президент Украины Л. Кучма вынес на ратификацию Верховной рады Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств. В законопроекте о ратификации говорится, что положения хартии применяются к таким языкам национальных меньшинств Украины, как белорусский, болгарский, гагаузский, греческий, еврейский, крымскотатарский, молдавский, польский, немецкий, русский, румынский, словацкий и венгерский. Это означает, что язык, на котором разговаривает фактически половина населения страны, был низведен до статуса миноритарных языков.

Согласно Конституции государственным языком в Украине является украинский. Кроме того, гарантируется «свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины». Этой проблеме посвящены также другие законодательные и нормативно-правовые акты: Закон Украины о национальных меньшинствах в Украине, Декларация прав национальностей Украины, Концепция развития культур национальных меньшинств Украины. Согласно Закону Украины о национальных меньшинствах, в Украине государство гарантирует всем национальным меньшинствам право на использование и изучение родного языка в государственных начальных образовательных учреждениях или через национальные культурные общества. Государство также обязуется готовить специалистов для педагогических, культурно-просветительских и других образовательных учреждений. Положения о гарантиях государства содержатся также в статье № 3 Декларации прав национальностей Украины: «Украинское государство гарантирует всем народам и национальным группам право свободного пользования родными языками во всех сферах общественной жизни, включая образование, производство, получение и распространение информации».

Таким образом, на законодательном уровне в стране созданы условия для реализации и защиты прав национальных меньшинств. Украинское законодательство в этой сфере не противоречит международно-правовым нормам и многими международными экспертами оценивается как одно из наиболее демократичных. Тем не менее остается фундаментальная языковая проблема, вызывающая напря-

женность в общественной жизни страны, проблема, которая может стать источником открытого конфликта и раскола страны. Она связана с самим фактом установления дискриминационного статуса русского языка как языка меньшинств, а не как одного из двух основных языков большинства налогоплательщиков страны. Русский язык в Украине не может быть приравнен к гагаузскому языку, ибо подавляющее большинство самих гагаузов являются русскоязычными гражданами страны. Учитывая их православную веру и языковое поведение, гагаузы могут считаться частью русского мира, по крайней мере в нынешней ситуации, когда украинский язык очень слабо распространен среди этой части населения страны, а культурно-духовная связь с Россией ощущается очень сильно.

Дискуссии о статусе русского языка в Украине в последнее время вышли на уровень принятия решений региональными властями об использовании русского языка наряду с государственным. В декабре 1996 г. Харьковский городской совет решил использовать русский язык в документообороте органов местного самоуправления наряду с государственным. Это решение было опротестовано прокуратурой, однако городской совет отказался удовлетворить протест, после чего законность решения Харьковских депутатов рассматривалась в судебных органах. В 2001 г. Верховный суд Украины признал, что горсовет превысил свои полномочия, принимая решение о двуязычии, однако горсовет отказался исполнять решение суда и провел в городе консультативный референдум об официальном использовании русского языка. В ходе консультативного опроса горожане должны были ответить на вопрос: «Считаете ли вы, что в Харькове русский язык должен применяться наряду с государственным во всех сферах общественной жизни?». В ходе опроса, который проводился методом голосования 31 марта 2001 г. в ходе выборов, выяснилось, что более 533 тыс. чел. (82% респондентов) высказались за использование русского языка наряду с государственным.

Вслед за Харьковым в сентябре 2002 г. Днепропетровский областной совет и коллегия Днепропетровской областной государственной администрации предложили провести всеукраинский референдум о придании русскому языку статуса государственного. Проблема статуса русского языка обсуждалась в Луганском областном совете, где 21 ноября 2002 г. было принято Обращение к Верховной раде Украины с предложением придать русскому языку статус государственного. На заседании крымского парламента в 2002 г. депутаты приняли обращение в Верховную раду с просьбой принять закон «О внесении изменений в Конституцию Украины о придании русскому языку статуса второго государственного».

За этим последовало Обращение Государственной думы Российской Федерации к Верховной раде Украины. Признание официаль-

ного статуса русского языка, по мнению российских парламентариев, укрепит многовековые традиции русско-украинского двуязычия, сложившиеся на Украине, а также позволит расширить участие молодого поколения в процессе интеграции, послужит дальнейшему развитию научных и культурных связей интеллигенции двух государств. В свою очередь, говорится в обращении, депутаты нижней палаты российского парламента будут всемерно способствовать развитию украинского языка в местах компактного проживания украинцев, обеспечивая тем самым права каждого гражданина, проживающего в России, на получение образования на родном языке.

Как видим, проблема статуса русского языка в некоторых регионах Украины приобретает политические очертания и становится одним из факторов политического процесса. Для этого существуют достаточно веские причины – а именно реальная степень распространения и использования русского языка в Украине, которая во всех советских и постсоветских статистических данных и научных разработках радикально занижалась из-за некорректной формы вопроса переписи о родном языке[17]. Формально этническое русское меньшинство в Украине составляет 11 млн 355 тыс. человек, что уже само по себе сравнимо с населением средней по территории европейской страны. При этом проблема статуса русского языка затрагивает не только интересы этнических русских, но и более многочисленную языковую группу, для которой русский является родным. В Украине эта часть населения насчитывает 17 млн человек, т.е. в нее входит каждый третий житель страны. По этническому происхождению ее составляют помимо русских украинцы (по заниженным данным переписи это 4 млн 578 тыс. человек), а также белорусы, болгары, евреи, греки, гагаузы и др., т.е. представители практически всех национальных меньшинств. Русскоязычное население сосредоточено во всех регионах страны. Однако на обширной территории, включающей девять восточных и южных областей – Сумскую, Харьковскую, Луганскую, Донецкую, Днепропетровскую, Запорожскую, Херсонскую, Николаевскую, Одесскую и Автономную Республику Крым, русскоязычное население составляет большинство. На этой территории проживают более 26 млн человек, из которых 14 млн – русскоязычные жители, т.е. 53% всего населения.

По данным социологических опросов, проведенных Институтом социологии Национальной академии наук Украины при участии Фонда «Демократические инициативы» и компании «Социс», родным языком считают русский 38% респондентов. Как показал опрос, доля респондентов, общающихся в семье только на русском языке, составила 37%. Такое же количество респондентов использует только украинский язык, а 26% опрошенных выбирают язык общения в семье в зависимости от обстоятельств. Представляет

интерес анализ ответов на вопрос: «Считаете ли вы необходимым придать русскому языку статус официального в Украине?». Положительный ответ на этот вопрос в 1995 г. дали 52% респондентов, отрицательный – 33%, затруднились с ответом 15%. В 2001 г. мнения по этому вопросу изменились несущественно: ответили «да» 47%, «нет» – 36%, затруднились ответить 16%. Анализ приведенных выше данных свидетельствует о *двуязычном характере населения Украины*. Основные проблемы возникают в сфере делопроизводства, научных исследований, отчасти в образовании.

Жесткая принудительная украинизация традиционно русскоязычных регионов, проводящаяся в последние годы, углубила поляризацию украинского общества и создала межэтническую напряженность. Государственная языковая политика в Украине должна будет рано или поздно формироваться с учетом этнокультурных и языковых традиций, сложившихся в обществе. *В соответствии с международными стандартами решения языковой проблемы в многоэтничных государствах целесообразно поддержать требования восточных регионов Украины о придании русскому языку статуса второго государственного*. Ответом на всю эту ситуацию стало принятие Верховной радой Закона «О региональных языках», по которому русский язык стал вторым языком в тех областях Украины, где русскоязычное население составляет не менее половины всех граждан. А это 17 из 30 областей страны! Закон был встречен жесткими выступлениями украинских националистов, но все-таки он вступил в силу. Тем самым Украина выполнила свои обязательства по Европейской хартии языков национальных и региональных меньшинств, которую она ратифицировала в 2001 г.

Узбекистан. По официальным данным (на январь 2000 г.) в Узбекистане проживали 71,4% узбеков, 8,3% русских, 4,7% таджиков, 4,1% казахов, 3,3% татар, 2,1% каракалпаков и 7% других национальностей. Русские в республике являются второй по численности этнической группой. Они испытывают психологический дискомфорт от осознания своего перехода из положения «национального большинства» (в рамках бывшего СССР) в состояние «национального меньшинства» в республике. Сложным оказался переход на государственный язык и связанные с этим трудности в служебной деятельности, получении образования, трудоустройстве. Большинство русского населения Узбекистана проживает в городах, составляя 36% 2,5-миллионного населения Ташкента. В республике действуют около 80 национально-культурных центров, объединенных в Интернациональный культурный центр Республики Узбекистан. В их числе и Русский культурный центр

Узбекистана, который находится в Ташкенте. Здесь же базируется Русский городской культурный центр. Практически во всех 11 областях и в автономной республике Каракалпакистан имеются областные русские культурные центры.

В отличие от стран Балтии и Украины русское население Узбекистана активно эмигрирует из страны. Основная часть мигрантов уезжает в Россию. Из российских регионов наиболее привлекательными является Московская, Воронежская, Саратовская, Тамбовская, Самарская, Нижегородская области и г. Москва. С 1996–1997 гг. миграционный поток в Россию сократился. Но в Россию идет немалый поток нелегальной или неучтенной миграции самих узбеков. Молодые люди едут на заработки, многие из них создают материальную базу для последующего переезда остальных членов семьи, другие сезонно – летом и осенью работают в России, а зимой живут в Узбекистане. Русские и русскоязычное население уезжают также в Казахстан. В результате внешней миграции Узбекистан за 1990-е годы потерял около одного миллиона человек, главным образом в пользу других стран СНГ. Среди них значительную долю составляет образованное население, имеющее профессиональную подготовку и высокую квалификацию, в основном это специалисты с высшим и средним специальным образованием. Их удельный вес среди выехавших из республики заметно выше, чем среди прибывших в Узбекистан. Большая часть кадрового потенциала перетекла за последние 10 лет в основном в Россию, а также в Израиль, США и другие страны. В числе выбывших из Узбекистана русские составляют около половины.

Отъезд русского населения во многом связан с экономическими причинами, а также с беспокойством за будущее детей. В немалой степени отъезду русских способствует и языковая ситуация. Закон Республики Узбекистан «О государственном языке» в новой редакции был принят в 1995 г. Заседания парламента и правительства проходят на узбекском языке. Узбекский язык как государственный функционирует практически во всех сферах жизни республики. Статья 3 Закона гласит: «Граждане имеют право по своему усмотрению выбирать язык межнационального общения». В городах, где компактно проживает русское население, языком межнационального общения остается русский язык.

Хотя закон не определяет его место и какие-либо права, русский язык в Узбекистане – это не просто язык общения между представителями разных национальностей. Мои наблюдения и некоторые косвенные данные позволяют говорить, что русский язык – это основной язык знания и общения (т.е. родной язык) практически всего неузбекского населения и около четверти

самих узбеков, среди которых также широко распространено двуязычие[18]. Например, среди узбеков Ташкента 14% назвали родным языком русский, среди татар – 34%, корейцев – 94%, казахов и таджиков – 10%[19]. Но эти данные явно занижают степень распространения русского языка в столице и в целом по стране, ибо на вопрос «На каком языке респонденты думают?» были получены следующие ответы: на русском языке – все русские, 28% узбеков, 76% татар, 98% корейцев, 30% казахов, 20% таджиков[20]. Ситуация с татарами и казахами в ходе опроса показала, что знание языка своей национальности (72%) и признание его родным языком (66%) не означает, что респонденты думают на этом языке (таковых только 24%)[21]. Все это означает, что *не только русские, но и татары и казахи в Узбекистане являются на сегодняшний день русскоязычным населением*. Что касается корейцев, то представители этой группы целиком перешли на русский язык еще два-три поколения тому назад. Языковые права этой группы нарушены даже более серьезно, чем русских, ибо для них фактически закрыты перспективы переезда в Россию. Мой информант русскоязычная кореянка Галина Шергай (ныне – Ан), родители которой были депортированы с Дальнего Востока в Узбекистан накануне Второй мировой войны, десять лет тому назад приехала в Москву в поисках работы и возможности остаться в России. Все ее и мои попытки решить эту проблему до сих пор оказались неудачными из-за правовых ограничений для граждан новых независимых государств.

Русскоязычное население Узбекистана болезненно воспринимают сужение сферы применения русского языка. Недовольство вызывают ограниченный доступ к российской и русскоязычной прессе, сокращение радио- и телевещаний на русском языке (4-й государственный и 30-й частный каналы вещают на русском языке), уменьшение часов на изучение русского языка и литературы в школьных программах. Несмотря на это, сфера использования русского языка остается обширной. Достаточно сказать, что подавляющее большинство ресурсов узбекского Интернета – на русском языке. В 2005 г. в Ташкенте было 315 общеобразовательных школ, из них в 163 преподавание велось на узбекском языке, в 53 – на русском, в 99 – на узбекском и русском языках. Всего в стране 121 школа с обучением на русском языке и 650 смешанных школ, где один из языков обучения русский[22]. Факультеты и отделения русского языка есть во многих вузах республики.

В отличие от Кыргызстана и Казахстана Узбекистан не собирается придавать статус государственного или официального русскому языку, поскольку в Узбекистане другая этнодемографическая и политическая ситуация. В советское время языковая

ассимиляция в пользу русского языка меньше затронула Узбекистан, так как большинство его населения – это сельские жители и здесь не было больших индустриальных строек или программ освоения целинных земель, как в советских Киргизии и Казахстане. Однако на практике русский язык используется в Узбекистане широко, даже в судебных заседаниях, как заявила мне юрист с многолетним стажем Л. Матыцина. По ее словам, незнание узбекского языка может быть причиной отказа приема на работу, хотя она не привела подобных примеров. «Фактом остается и то, что русские не стремятся к изучению государственного языка», – считает Матыцина. Что касается дискриминации русских, то, по ее мнению, она существует в основном на социально-бытовом уровне. Бытовой узбекский национализм присутствует достаточно сильно в этой стране, но он имеет также мощную идеологическую и политическую поддержку сверху, исходящую прежде всего от президента Каримова.

В Узбекистане проявления бытового национализма против русских имеют место в основном в областях и регионах страны со стороны приезжих мигрантов из кишлаков (деревень). Это связано с тем, что в условиях нехватки земли и безработицы в сельской местности большие города подвергаются мощному наплыву мигрантов-узбеков. Эти новожители городов отличаются от городского узбекского населения, в том числе и отношением к русским и представителям других национальностей. Из-за незнания русского языка они почти никак не контактируют с русскими и воспринимают их прежде всего как конкурентов и как бывших колонизаторов.

После распада Советского Союза и провозглашения независимости Узбекистана начался процесс вытеснения русских с руководящих должностей. Как правило, в управленческом аппарате на всех уровнях русские занимали вторые должности. Сейчас доступ к большинству мест в государственном секторе (госаппарат, налоговая, таможенная службы, правоохранительные, судебные органы) русским и русскоязычным затруднен. Но на крупных наукоемких производствах, где требуется высокая квалификация, русские занимают первые должности. Генеральные директора флагманов узбекской промышленности – Ташкентского авиационного завода, Алмалыкского металлургического комбината, горно-металлургического комбината в г. Навои – русские, они же составляют 90% рабочих и инженерно-технического персонала. В то же время расширились возможности русского населения заниматься частным крупным и мелким бизнесом. Если узбеки преобладают в торговом, строительном, «челночном», а также транспортном бизнесе, то русские заняты в «интеллектуальном» бизнесе – это компьютеры, интер-

нет-технологии, ремонт оргтехники и другой сложной аппаратуры. Хотя в последнее время русские активнее проявляют себя в мелком и в торговом бизнесе. Например, в Ташкенте и в других крупных городах книжный бизнес и торговля аудио-видео продукцией, компакт-дисками стали прерогативой русских. Эти виды бизнеса сегодня в Узбекистане достаточно популярны и дают высокий и стабильный доход.

В какой-то степени Узбекистан и г. Ташкент являются духовным центром русского и русскоязычного населения всего Центральноазиатского региона. Здесь находится Среднеазиатское Епархиальное управление русской православной церкви Московского патриархата. Владыка Владимир, архиепископ Среднеазиатский и Ташкентский, считает, что в Узбекистане активно развивается межрелигиозный диалог между традиционными религиями – исламом и православием. В 1995 г. в городе была выделена территория и начато строительство административного центра православной церкви Среднеазиатской и Ташкентской епархии. Впервые в Центральноазиатском регионе открыта духовная семинария, где будут готовить православных священнослужителей. Если до независимости православные приходы существовали только в Ташкенте и в Самарканде, то сейчас они открыты в областных центрах республики: Бухаре, Навои, Карши, Сырдарье, а также в городах Зарафшане, Учкудуке, где компактно проживает русское население. Открыты также мужской и два женских монастыря. Впервые епархия начала издавать свою газету «Слово жизни». На вопрос «Что больше всего беспокоит сегодня русское и русскоязычное население?» отец Владимир ответил: религиозный фанатизм и экстремизм.

Русское население, как и узбекское, сегодня больше волнуют вопросы безопасности, чем социально-экономические проблемы. Из-за боязни религиозно-экстремистских группировок и активизации радикально настроенных исламских организаций русское население поддерживает президента И. Каримова, который принимает жесткие меры против радикалов. Во время последних президентских выборов русское население активно проголосовало за действующего президента. В узбекском парламенте – Олий Мажлисе – 250 депутатов. Русское население представлено 8 депутатами. Для сравнения: каракалпаков – 7, казахов – 3, таджиков – 2, по одному от украинцев, корейцев, армян. Председатель русского культурного центра Узбекистана С. Зинин является депутатом парламента и руководителем парламентского комитета по науке и культуре.

В целом перспективы русскоязычного населения и русского языка в Узбекистане выглядят следующим образом: *это будет государство с постоянно растущим доминированием титульного*

населения, но русское присутствие сохранится в нем на уровне влиятельного, но этнически неконсолидированного меньшинства. Воздействие России на Узбекистан, как и на другие государства Средней Азии может быть только минимальным, но и оно будет, скорее, в пользу переезда этнических русских и татар в Россию, а не в пользу укрепления их позиций в Узбекистане.

* * *

В заключание этой главы отметим особую роль диаспоральных, в данном случае русскоязычного, сообществ в современном мире, в том числе их роль в сохранении идентичности по стране исхода, а значит, речь идет и о таком внешнем компоненте российской национальной идентичности. Кстати, в истории и в сегодняшние дни известны случаи, когда страновая идентичность не просто подпитывалась, но буквально опиралась на феномен диаспоры. Диаспоры могут иметь сильную заинтересованность в том, как внешняя политика родного государства влияет на будущее этого государства. Диаспорам не безразлично, какая, на их взгляд, осуществляется политика правительствами стран исхода: укрепляет ли она безопасность и благополучие их родины или, наоборот, оказывает разрушительное воздействие. Это важно для диаспор, ибо во многих случаях сохраняется расчет на возможность переезда (возвращения) в родную страну, если условия в стране пребывания будут ухудшаться, а в стране исхода – улучшаться. Даже безотносительно возможного переезда присутствует также символический интерес – иметь в качестве родины благополучную страну с позитивным имиджем, чтобы через этот имидж лучше поддерживать и отстаивать собственную идентичность перед вызовами ассимиляции в стране пребывания. В прошлом неблагоприятный имидж России снижал стремление российских эмигрантов заявлять себя как «русские» в странах пребывания. Естественно такое внешнее отрицание ведет к внутренней коллизии по поводу идентичности: стоит ли пестовать в себе то, чем трудно гордиться открыто, что не помогает, а наоборот, мешает. По этим мотивам диаспора может пытаться изменить политику родных государств, как им представляется, к пользе для себя и для этих государств. Работа на благополучие и на позитивный имидж родного государства – это наиболее распространенный и, казалось бы, вполне естественный вариант поведения диаспоры. Но это далеко не всегда так.

В случае с Россией существует феномен, когда многие выехавшие из страны в разное время и на разной основе сохраняют достаточно скептическое и даже отрицательное отношение к родине. Если речь идет о политических миграциях времен революции

и гражданской войны, периода сталинских репрессий или брежневских гонений диссидентов, то здесь можно найти аргумент в пережитой травме и в несогласии с режимом и его политикой. Но почему отношение сохраняется, когда уже нет репрессий, когда имеет место добровольный выезд и когда в принципе страна исхода сделала очень много для выехавшего (дала образование, стартовый капитал, богатую историю, культуру и язык)?

Здесь имеет место воздействие общественной среды и политики принимающей страны. Имидж России и русских (как собирательный образ россиян) остается низким и намеренно таковым сохраняется (не без помощи отечественных экспертизы, СМИ и политиков). Сохраняется отчасти по инерции холодной войны, отчасти из-за неизжитой потребности иметь большого врага и угрозу как средство консолидации собственных обществ. Россия выполняет для многих стран роль такой большой внешней угрозы, или же эта возможность держится про запас, даже при личной дружбе президентов. Диаспора реагирует на эту ситуация и выбирает вариант негатива, а не позитива в отношении к России. Иногда от этого проигрывает, но чаще выигрывает, ибо в стране пребывания такая позиция поощряется работой, грантами и сочувствием, а в стране исхода не наказывается. Человек может самым жестоким образом критиковать Россию и ее политику, или трудиться на академической, радиовещательной и прочих нивах по развенчанию России как авторитарного государства или новой мини-империи, но, возвратившись, встретить вполне хороший прием и даже стать героем. Ибо отрицание России – в моде и в самой России. Какой здесь возможен вариант воздействия, кроме старых советских, как, например, отказ в выдаче виз, которым до сих пор иногда пользуются такие страны, как Украина или Казахстан, в отношении «недружественных» комментаторов порядков в соответствующих странах?

В ряде стран, в том числе в странах Балтии, для России русскоязычное сообщество до сих пор не стало политической опорой и едва ли сможет стать таковой. Гораздо вероятнее, что местные молодые русские, овладев эстонским и латышским языками, а также английским, будут служить в вооруженных силах страны НАТО, поставив свою гражданскую ответственность выше этнокультурной идентичности. По крайней мере такова мировая практика диаспорального поведения. Страны Балтии не могут быть исключением. Такой же мировой нормой будет одновременный отказ от ассимиляции русских в пользу латышей и эстонцев – миноритарные культуры и языки по сравнению с русским языком и русской культурой. Это драматическое противоречие еще предстоит преодолевать в будущем. Его исход в настоящее время для меня не ясен, но, скорее

всего, он будет решаться на основе равностатусной двухобщинности населения Латвии и Эстонии.

По причине реальной языковой ситуации и международно-признанных языковых прав русский язык имеет основания быть официальным в тех странах, где для значительной части налогоплательщиков это основной язык знания и общения. Руководствуясь международно-правовыми нормами и заботами о русском языке, Россия не должна снимать вопрос об официальном двуязычии для ряда стран бывшего СССР (Казахстан, Украина, Латвия, Молдова, Кыргызстан). Если равностатусность за русскими не будет признаваться, тогда Россия может поддерживать обе формы внутреннего самоопределения культурно-отличительных групп: этнотерриториальную через федерализацию ряда постсоветских государств, где есть более или менее гомогенные ареалы проживания русских, или через экстерриториальную культурную автономию, которая уже практикуется в ряде ННГ.

Обычно диаспорные сообщества играют роль гуманитарных и деловых мостов в отношениях «исторической Родины» и страны проживания, представляя собой одновременно политическое лобби и культурную карточку страны исхода. Россия только сейчас осознает важность проблемы конструирования дружественного и влиятельного русского мира как ресурса формирования позитивного облика страны и решения проблем внешних отношений. Но как сделать русский мир дружественным для России и влиятельным в остальном мире, где проживают его представители? Вопросов здесь очень много, и только тривиальным методом «поддержки зарубежных соотечественников» или «содействием их добровольному переселению» такую проблему решить невозможно.

Один из нынешних активных комментаторов перевернул смысл минрегионовского слогана из социальной рекламы («народов много, страна одна») на формулу «стран много – народ один», имея в виду существование «разделенной русской нации» между многими государствами, что требует своего воссоединения. Это неверный лозунг. Но верно то, что за пределами России есть целый мир, связанный с ее языком, культурой, историей, личностными судьбами. И составляющие этот русский мир далеко не все этнические русские, и если они называют себя привычным для иностранцев словом «Russians», то для себя имеют в виду «россияне». А это могут быть (перечисляю только из числа тех, с кем я лично встречался и беседовал в последние 20 лет во многих странах) армяне, грузины, евреи, горские евреи, калмыки, мордвины, чуваши, узбеки, гагаузы, чеченцы, косовские адыги и даже сирийские черкесы. И уж если мы хотим сохранить верность словам Ф.М. Достоевского «о всемирной отзывчивости русского человека», то избирательно-со-

бирательный принцип здесь никак не подходит. Русский мир на основе русского языка и чувства связи с Россией останется разноликим, слабым и блестящим, покоряющим и отталкивающим, разноверным и разнолояльным, но это мир нашего внешнего самосознания, который мы не хотим терять и хотим, чтобы он был лучше для России.

[1] *Дорофеев Ю.В.* Русский язык в Украине: Диалект или вариант? // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 312.
[2] *Михальченко В.Ю.* Функционирование и взаимодействие литовского и русского языков //Русский язык в странах СНГ и Балтии. С. 363. См. также: *Авина Н.* Язык русской диаспоры в современной Литве //Отечественные записки. 2005. № 2 (23).
[3] *Дорофеев Ю.В.* Указ. соч. С. 314.
[4] Там же. С. 316.
[5] Об этом см.: *Домашнев А.И.* Концепция национального варианта языка в трудах академика Г.В. Степанова //Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. М., 1990. С. 4–17.
[6] *Крючкова Т.Б.* Сохранит ли русский позиции мирового языка в XXI веке? //Русский язык в странах СНГ и Балтии. С. 103.
[7] *Dalby D.* The Linguasphere: A New Window on the World's Languages //The Linguist. 2000. August.
[8] По этому вопросу см.: Доклад МИД РФ «Русский язык в мире». М., 2003 (http://www.learningrussian.gramota.ru/book/mid/rulang2003.htm).
[9] *Крючкова Т.Б.* Указ. соч. С. 106–107.
[10] *Скопина-Парадиас В.Л.* Адаптация русскоязычных иммигрантов в Греции и Израиле // Русский язык за рубежом. 2007. № 1; *Бунин М.А.* Русские? Русскоговорящие? «Русофоны»? О русском языке эмиграции во Франции // Там же. 2004. № 1; *Жуковский И.В.* Говорят ли по-русски в Европе? // Там же. 2006. № 4; *Крутилина Э.В.* Русская школа в Милане // Там же. 2004. № 3; *Никипорец Г.Ю.* Русский язык в Японии: Проблемы и перспективы // Там же. 2004. № 1; *Соколов В.* Преподавание русского языка как иностранного во Франции // Там же. 2004. № 2.
[11] *Бельчикова Р.* Русский язык в Германии // Там же. 2007. № 1.
[12] http./www.senat.fr/rap/r03–06 31.pdf.
[13] Российская газета. 2007. 30 мая.
[14] *Диманте И.В.* Русский язык в Латвии: История и перспективы // Русский язык в странах СНГ и Балтии. С. 177–187.
[15] *Zaslavsky V.* The Evolution of Separatism in Soviet Union under Gorbachev // From Union to Commonwealth: Nationalism and Separatism in the Soviet Republics / Ed. G.W. Lapidus. N.Y., 1992.
[16] *Wiegandt M.H.* The Russian Minority in Estonia // International Journal on Group Rights. 1995. No. 3. P. 117.
[17] Об этом см.: Этнография переписи – 2002 / Под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М., 2003.
[18] *Саидов А.Х.* Узбекистан на стыке веков: Динамика и тенденции развития межэтнических отношений // Межнациональная толерантность в Узбекистане. Ташкент, 2004. С. 18–20; *Назаров Р.Р., Ралиева В., Юнусов Ж.М.* Русский язык в современном Узбекистане // Русский язык в странах СНГ и Балтии. С. 170–176.
[19] *Назаров Р.Р.* и др. Указ соч. С. 174. Данные этносоциологического исследования Института истории АН Республики Узбекистан в 2006 г. (300 опрошенных среди 6 групп по 50 человек по квотной выборке).
[20] Там же. С. 175.
[21] Там же.
[22] Этноконфессиональный атлас Узбекистана. Ташкент, 2005. С. 67.

Глава 24

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Стали банальностью утверждения об уникальности нашей страны – Российской Федерации, причем не столько в ее бесспорно неповторимых географическом и геополитическом аспектах, сколько в аспекте этнокультурного многообразия и гипотетической неспособности стать национальным государством, т.е. стать нацией-государством, а также в некой неизбывной соборно-имперской избранности. Последняя есть главное препятствие на пути современной модернизации, которая якобы противопоказана России, а тем более в ее рыночно-глобалистском варианте. Главное препятствие на пути модернизации – это некий культурно-цивилизационный код русского народа, ломка которого реформаторами последних трех десятилетий обернулась историческими драмами вплоть до «геноцида народа». Этот плоский культурный фундаментализм настолько густо разлит по отечественному обществознанию, а за ним и в медийно-политическом пространстве, что нет смысла приводить ссылки на книги, цитировать ученых или политиков. Конечно, подобные утверждения мощно влияют на современное национальное самосознание россиян. Образы мира (или мировидение) – это прежде всего образы себя: соотнося, противопоставляя или изолируя себя от окружающего мира и даже от части собственной страны и собственного народа, мы создаем то, что у психологов называется «Мы – концепция». Выбирая из внешнего мира кажущееся нам значимым, мы тем самым конструируем собственный образ или же говорим: «Мы – не такие», что также есть создание собственного образа. Так, например, лихорадочно переводя и громогласно цитируя западных маргиналов типа немца Сарацина или американца Бьюкенена, а теперь еще и сумасшедшего Брейвика, тем самым утверждаем в своем ментальном и политическом капитале установки на изоляционизм и культурно-расовую чистоту. К сожалению, мы не замечаем, что после критики политики мультикультурализма та же Меркель назначила министром труда этнического турка, а вице-канцлером Германии стал этнический вьетнамец.

В этой связи в данной главе рассматривается вопрос о том, как увеличивающаяся культурная сложность современных наций и мира в целом влияет на организацию общества, политику

его управления, включая вопрос формирования сложной и не взаимоисключающей идентичности членов современных наций. Для России это имеет огромное значение: или мы погрязнем в своем мессианистско-изоляционистском примитиве, или мы все-таки будем утверждать качественное видение общества и государства и продолжим равноправный диалог с остальным миром.

Понятие *культурной сложности* широко используется в современной общественно-политической практике. Эта категория меняла свое содержание, и сегодня само явление обозначается по-разному: *культурное разнообразие, многонациональность*, *мультикультурализм*, *полиэтничность*, *мозаика культур* и т.д. За этими обозначениями скрываются не просто разные научные взгляды и предпочтения политиков. На этом поле идут жесткие дебаты, распространены упрощенные лозунги-суждения, именно здесь действуют разного рода экстремисты и процветают группы ненависти. Только у последних в арсенале другие обозначения для феномена культурных различий: *несовместимость культур, конфликт цивилизаций, генетический код, этнический баланс, культурные дистанции* и т.д.

Для ученых, как и для политиков, эта тема далеко не нова, ибо с момента образования современных (национальных) государств присутствует коллизия между доктриной формирования наций на основе населения, которое находится под юрисдикцией суверенного государства, и установкой на существующие групповые отличия на основе культуры, религии, исторической и региональной специфики как основы для существования наций. Нужно честно признать, что радикально эта коллизия до сих пор не разрешена ни в науке, ни в политике, но есть некоторые наработки в отечественном и мировом опытах, от которых уже уйти не удастся.

Безусловно, что культурной основой формирования политических (гражданских) наций чаще всего служат культура и язык доминирующего большинства, но это всегда условность, ибо любое государство и заключенное в его границах общество всегда имели и имеют сложный этнический состав. В России так было со времени Новгородской республики, которая представляла собой своего рода конфедерацию славянских, финно-угорских и скандинавских племенных групп. Основой централизованного российского государства могло стать одно из русских княжеств, и совсем не обязательно Московское, но по ряду причин именно Москва стала центром большой страны, а московский вариант русского языка стал основой литературной нормы. Похожее произошло при формировании французского государства и французской нации: «заслуживший мессы» Париж и вариант языка провинции Иль-де-Франс стали политической и культурной основой страны

и ее нации. При формировании наций на переселенческой основе ядро составляли исторически более ранние и политически более сильные (обычно связанные с метрополией) группы населения (белые англофоны в Австралии и Канаде, англосаксы протестантского вероисповедания – в США и т.д.), но история изменяла иерархию этих групп и даже меняла их местами, а государство, тем не менее, сохранялось и даже укреплялось.

С самого начала существования национальных государств культурная, а тем более социальная однородность наций была своего рода идеей и политической доктриной. Эта доктрина воплощалась в политику ассимиляции и культурной переплавки неоднородного населения в некий желаемый «национальный тип». Со времен Французской революции и до Второй мировой войны ассимиляционные и интеграционистские модели вместе с принципами гражданского равноправия доминировали в нациестроительстве. Но демократия и равноправие даже в зоне евроатлантической цивилизации распространялись далеко не на всех. Дискриминация и сегрегация так называемого цветного и аборигенного населения существовали длительное время в странах Западного полушария. В других регионах мира господствовал колониализм через систему так называемого косвенного управления. О признании культурного разнообразия и прав меньшинств, а тем более о нациях в колониальной периферии вообще не было речи. Права меньшинств как категория права и политики появились только в эпоху Первой мировой войны и Лиги Наций в целях государственного обустройства пространства распавшихся Австро-Венгерской и Османской империй.

Во второй половине XX в., в условиях ликвидации мировой колониальной системы, образования десятков новых государств, массовых миграций, глобализации и демократизации, сложились новые доктрины самоопределения, нациестроительства, гражданства, индивидуальных и коллективных прав. Они включали целый набор национальных и международных механизмов по борьбе против расовой и других форм дискриминации, защите прав лиц, принадлежащих к этническим, расовым, религиозным и языковым меньшинствам. В науке и политической практике появились доктрины единства в многообразии, многокультурности, права на различия и идентичность и т.д. В СССР и зоне его влияния при разных политико-идеологических режимах реализовывалась схожая политика «расцвета и сближения социалистических наций», интернационализма и дружбы народов. В 1970-е годы она дополнилась концептом единого советского народа – общности, которая была реальностью как форма идентичности на основе общей истории, культуры и идеологической индоктринации жителей страны.

В конце 1970-х и в 1980-е годы в странах западной демократии утвердилась политика *мультикультурализма* в разных ее вариантах – от Канады и Австралии до Франции и Германии. Общим для всех вариантов было признание неоднородности современных гражданских наций, признание и поддержка культурных различий, включая не только так называемые исторические меньшинства, но и разные по культуре и религии группы иммигрантов, ставших во многих случаях гражданами стран нового пребывания. Все более популярной становится концепт коллективных прав и так называемой *консосиальной демократии* (демократии согласия), который отходил от формального личностного равноправия в пользу членов групп меньшинства с приниженным положением из-за дискриминации и других прошлых и настоящих несправедливостей.

Эта политика дала позитивные результаты, но она заключала в себе риск ужесточения межгрупповых границ и возможность «дискриминации наоборот», т.е. ущемления прав большинства и его ответной реакции в форме ксенофобии и шовинизма. О противоречивом характере мультикультурализма и необходимости его дополнения политикой формирования общегражданской идентичности мы писали по итогам международной конференции на тему мультикультурализма, прошедшей в Москве в 1999 г.[1] Схожий анализ и оценки концепции мультикультурализма были сделаны западными учеными, в том числе философом и политологом турецкого происхождения Сейлой Бенхабиб. В своей переведенной на русский язык книге она писала о проблеме усиления влияния культурного фактора на политические процессы под воздействием массовой международной миграции и глобализации в целом. Опираясь на рассмотрение существующих в разных странах форм взаимодействия традиций и норм, обычаев и права, С. Бенхабиб попыталась ответить на вопрос, в какой мере и каким образом возможно совместить притязания культур на сохранение своей самобытности с основополагающими либеральными ценностями западной демократии – свободой и равенством граждан[2]. Что касается Российской Федерации, то и после распада СССР заложенные в Конституции 1993 г. концепт «многонационального народа», принципы равенства представителей российских национальностей и поддержки их культур были в центре строительства нового демократического государства. Политика поддержки *многонациональности* (или полиэтничности) проводилась в России, несмотря на то что периферийный этнический национализм поставил страну под угрозу нового раунда дезинтеграции. В 1990-е годы он проявился в «параде суверенитетов» российских автономий и вооруженном сепаратистском конфликте в Чечне.

В середине 1990-х годов в России и в мире была позитивно воспринята программа ЮНЕСКО «Культура мира», которую инициировал тогдашний гендиректор Федерико Майор. Эта же организация объявила 1995 г. Годом толерантности, и в России на эту тему стали проходить конференции и школьные уроки, учреждаться вузовские кафедры, писаться научные труды и учебные пособия. В начале 2000-х годов Министерство образования и науки РФ исполняло Федеральную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». В рамках программы исследовательскими группами из институтов РАН и Российской академии образования были подготовлены научные разработки, значимость которых сохраняется[3]. После закрытия этой программы аналогичные программы сохранялись в правительстве Москвы, а также в ряде российских регионов. В частности, по московским программам было издано несколько книг с практическими рекомендациями, в том числе и по актуальным проблемам молодежных субкультур и экстремизма в мегаполисах[4]. Заслуживает позитивной оценки опыт работы Общественной палаты Российской Федерации, созданной в 2006 г., где в первом составе действовала Комиссия по вопросам толерантности и свободы совести (затем переименована в Комиссию по проблемам межнациональных отношений и свободы совести). Первое тематическое пленарное заседание Общественной палаты 14 апреля 2006 г. было посвящено проблеме противодействия экстремизму и ксенофобии и утверждения гражданского согласия в российском обществе. Затем на эту же тему были проведены общественные слушания и еще одно из пленарных заседаний. Рекомендации пленарных заседаний и материалы слушаний[5] используются общественными организациями страны, научными работниками и преподавателями, хотя новые когорты чиновников каждый раз пытаются все начинать с нуля, подминая под себя распределения средств и возможную славу «исправителей прежних ошибок». Эта логика неофитов в среде чиновничье-политического класса хорошо известна.

В последние годы российскими учеными были выполнены многочисленные исследования по проблемам межэтнических отношений, миграции, толерантности и ксенофобии. Конечно, уровень отечественного обществознания в данной области оставляет желать лучшего, ибо часто трактовка проблем базируется на отсталых представлениях об этническом и национальном, на упрощенных взглядах на основы государственного строительства и государственной политики в полиэтничных обществах. Реанимированные из прошлых эпох биологизаторские и этнонационалистические подходы дополнились идеологией и практикой

нового расизма, который основан на неприятии культурных различий[6]. Эта тенденция свойственна и для части западного научного сообщества, не говоря уже о политиках крайне правого и ультранационалистического толка. Именно здесь начался неоконсервативный поворот, который избрал предметом своей критики либеральную концепцию многокультурности и политику признания культурного разнообразия и культурной свободы. *Это была своего рода реакция не только на издержки либеральной экономической модели, но и на неспособность западных демократических обществ найти адекватный ответ на социально-культурные последствия массовой иммиграции в свои страны в период послевоенного развития*. Особо острую реакцию принимающих обществ вызвала проблема трудной интеграции мигрантских групп мусульманского вероисповедания. Появилась когорта публицистов и политических активистов, которые стали не только проповедовать ультраправые, ксенофобские взгляды, но и пытаться возрождать идеи насильственной ассимиляции или депортации «чужаков», а также формулировать новую форму расизма, который получил название *культурного расизма*.

К сожалению, в России труды представителей консервативной и расовой мысли типа американцев С. Хантингтона и П. Бьюкенена переводятся и издаются быстрее, чем работы действительно авторитетных авторов. Проповедники цивилизационных подходов с их химерами «архетипов», «ментальностей», «генофондов», культурной несовместимости и непреодолимых конфликтов оказали сильное воздействие на российскую общественную мысль и отрицательно повлияли на настроения и взгляды многих россиян. Разговор ведущих экспертов по всем этим проблемам давно назрел. Ибо, *несмотря на разочарование политикой мультикультурализма и толерантности, реальная политическая практика и большинство интеллектуальной элиты в странах либеральной демократии признают необратимость происшедших перемен под воздействием массовой иммиграции, включая выходцев из стран мусульманского культурного ареала. Речь идет о том, как улучшить управление в современных государствах, а не как переиграть прошлое или похоронить демократию.*

С интервалом в десять лет, сначала в Московском центре Карнеги в 1999 г., а затем в Институте философии РАН в 2009 г., прошли две международные конференции, на которых видные европейские и российские ученые обсудили проблемы мультикультурализма в трансформирующихся обществах и современные тенденции в общественной практике и научных изысканиях[7]. Как отмечает один из организаторов этих конференций, российский философ В.С. Малахов, «сегодня актуален вопрос не о том, допустимо или

недопустимо проявление культурных различий в публичной сфере, а вопрос о том, как организовать демократическое общежитие в условиях плюрализации социального пространства»[8]. Ежегодный доклад ООН о человеческом развитии за 2004 г. также избрал центральной темой проблему культурной свободы в современном мире. Его авторы во главе с нобелевским лауреатом Амартией Сеном взяли под защиту принципы культурного разнообразия и толерантности как условия успешного развития национальных государств и мира в целом[9].

* * *

Демократическое и стабильное устройство многоэтничных обществ составляет сегодня проблему мирового значения, ибо для современных государств и для мировой системы в целом всеохватный характер имеют не только проблемы ресурсов и экономики, безопасности и окружающей среды, но и проблемы культуры и самосознания (идентичности). Именно проблемы понимания и управления культурным разнообразием на уровне регионов, государств, местных сообществ и даже отдельной личности оказались сегодня одни из наиболее труднорешаемых. Получилось это оттого, что в них вовлечены не материальные ресурсы и их денежные аналоги, по которым почти всегда можно договариваться, а ценностные и мировоззренческие вопросы. В случае конфликтных ситуаций эти вопросы не так легко поддаются разрешению на основе количественных расчетов, торга или обмена, а требуют более тонких гуманитарных технологий. Ценностные и мировоззренческие вопросы труднее поддаются и компромиссным решениям. По этой причине *конфликты на основе культурных (этнических, расовых, религиозных, языковых) различий могут обретать исключительно жестокий характер, а посеянная ими ненависть изживается зачастую через поколения.*

Рассматриваемая проблема имеет важнейшие проекции в политику на всех ее уровнях: на геополитическом и континентальном, на национальном (государственном), на уровне регионов и мест внутри государств, на трансгосударственном. *Самое важное в политических функциях этничности, культуры в ее широком смысле – это выработка адекватной каждому обществу и каждой конкретной ситуации формулы управления культурным разнообразием, выработка механизмов обеспечения гражданского согласия и предотвращения конфликтов*. Другими словами, каковы должны быть государственная политика и позиция общества в данной сфере, чтобы общество и страна не были вовлечены в межгрупповые распри, чтобы они не были поражены отравой ксенофобии и ненависти одних

людей по отношению к другим по той причине, что они выглядят иначе, говорят на другом языке, молятся другому Богу? Казалось бы, простой вопрос, но сколько он заключает в себе непримиримых убеждений, труднопреодолимых узости мысли или жестокого расчета!

В центре нашего анализа проблема понимания и управления многоэтничными обществами в контексте современной политической ситуации, когда часто за кризисом понимания следуют преждевременные похороны политики мультикультурализма, а вместе с этим предпринимаются попытки дискредитировать толерантность – важнейшую духовную и моральную ценность, один из ключевых компонентов зрелой и эффективной государственной политики и общественных установок. Проблема толерантности и ксенофобии не является новой. Однако само человеческое бытие существенно и быстро меняется, вместе с ним меняются научные подходы и политические приоритеты. Заметим, *традиционный взгляд понимает под культурной сложностью наличие в обществе составляющих его культурных единиц, самостоятельных и целостных в своей самости и обладающих схожими структурами-свойствами, но отличающихся своим содержательным проявлением*.

Откуда и по какой причине в российской общественной и научной мысли расцвела одержимость культурным партикуляризмом и вместе с этим утвердилось игнорирование реально существующей культурной схожести? По мнению некоторых политологов, именно по причине этнического разнообразия и цивилизационных различий в России нет и общей нации. Отрицатели российской идентичности ссылаются также на то, что в России нет гражданского общества и демократических институтов, а значит, и нет гражданской нации. Как и в некоторых других европейских странах, в нашей стране доктрине полиэтничности (многонациональности) и российскому проекту нациестроительства противостоят как леволиберальный тезис о гражданских равенстве и свободах, так и правоконсервативный взгляд на преимущественное право большинства без особого внимания к малым группам и культурам («если хотят жить в России, тогда пусть все считают себя русскими»). Как можно демонтировать эти несостоятельные взгляды и как выстроить новое видение полиэтничных обществ, а вслед за этим обновить политику и систему управления? В первых главах мы уже разобрались с пониманием *этнического и национального*. В последние годы к еще живучим старым представлениям об этих субстанциях добавились свежесконструированные межгрупповые границы, связанные с миграцией и переселенцами из стран бывшего СССР. Появились почти признанные «коренные» и «пона-

ехавшие», «черные» и «азиаты», «лица кавказской национальности» и т.п. Все это расализированные категории, т.е. им придается не только культурно-этнический, но и расовый смысл.

* * *

Итак, неотъемлемой чертой современных человеческих сообществ и даже условием их развития является феномен культурной сложности. Эта сложность воспроизводится под воздействием разных факторов, вызывая проблемы межкультурных коммуникаций, межэтнических отношений, этнических конфликтов. И все же *культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, т.е. культурную смерть человечества. Именно поэтому мы изучаем разные культуры, культурные различия и взаимодействия. Не для того, чтобы уничтожить, а для того, чтобы сохранить культурное разнообразие.* Тогда в чем же уязвимость традиционных подходов в данном вопросе? В том, что мы склонны рассматривать культурные системы как своего рода коллективные тела или как карту-атлас, которая при всей ее наполненности и украшенности этнографическими типажами есть только условное и статичное отражение неповторимого богатства рельефа. Внешне, казалось бы, приближенный к реальности *примордиалистский* подход, построенный на обращении к норме (часто эту норму называют *традицией*) и на «реальности этноса», не улавливает и не отражает явление культурной мозаики. Он не объясняет конкретные ситуации, пренебрегая полевым материалом и жизненными примерами[10].

Взгляд на культуру как на архетип, а на этническую идентичность – как на биосоциальный организм отрицает движение и развитие культурных форм, игнорирует роль проектной деятельности людей, политических предписаний и управленческих процедур. Например, содержание слов «русский» и «татарин» так менялось в разные эпохи, что все историко-демографические таблицы и карты мало что могут дать, если не учтен сам фактор смысловых перемен. Античная и средневековая мозаика названий племен и народов, почти полная смена их номенклатуры в новое и новейшее время, перемещение названий (этнонимов) в пространстве далеко не всегда обозначают «вымирание этносов» или «великое переселение народов». На самом же деле путешествуют ментальные карты, воображение и наблюдения путешественников, а сама этнографическая реальность может оставаться той же самой. И наоборот: заключенный в понятие культурной единицы материал частично или радикально меняется, а понятие продолжает существовать.

Культурный поток можно организовать по-разному и даже повернуть вспять, если для этого есть достаточные аргументы

и ресурсы. Напомним, как киевский историк Грушевский в конце XIX – начале XX в. своими трудами фактически сконструировал национальную версию для малороссов. С тех пор она стала украинской, о чем он сам писал достаточно убедительно после выхода его труда «История Украины–Руси». В этом сочинении было отчетливо проведено отделение украинцев от русских. Грушевский сделал это намеренно, разъяснив следующим образом: «Литературное возрождение XIX в. принимает название “украинского” для обозначения… новой национальной жизни… в последнее время все шире употребляется и в украинской, и в других литературах простой термин “Украина”, “украинский”, не только в применении к современной жизни, но и к прежним ее фазам, и это название вытесняет постепенно все прочие… это обстоятельство принудило украинское общество в последнее время твердо и решительно принять название “Украины”, “украинского”»[11].

До эпохи социалистического нациестроительства в России татарами называли все тюркские народы, включая азербайджанцев. Затем казанские татары (*казанлы*) забрали в свою исключительную собственность самоназвание *татары*, хотя в стране сохранялись сильно от них отличающиеся сибирские татары и крымские татары, не говоря уже о кряшенах. С 1980-х годов среди части татар возникло движение с целью перейти к новому-старому самоназванию «булгары». До сих пор пока удалось только переименовать теплоход «Украина» в «Булгарию» (с трагическим исходом), но не саму нацию татар. В конце 1980-х и начале 1990-х годов в России были сторонники восстановления старой категории «великоросс», но этническое понимание русскости не уступило свои позиции. Зато произошло много других акций-новаций и ретроакций (*саха* вместо *якутов*, *саамы* вместо *лопарей* и т.д.). Возникло много новых или возрожденных групповых идентичностей. В России количество национальностей выросло за двадцать лет с 128 (1989) до 182 (2002), и в переписи населения 2010 г. еще добавилось около десятка наименований. Почти удвоился список коренных малочисленных народов, имеющих некоторые групповые права.

Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или в сторону воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой. Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, возникли феномен и концепты культурной гибридности или *меланжа*. Процесс этот имеет глобальный и, скорее всего,

необратимый характер. Те страны и регионы, которые найдут адекватные политические ответы,– выиграют, те, кто будет пятиться назад,– проиграют. А если это так, тогда по-другому нужно смотреть и на социально-культурную природу современных наций – самых всеохватных и мощных социальных группировок людей. Речь идет о сообществах, заключенных в рамках государств, которые обычно называют народами или нациями (китайцы, индийцы, россияне, бразильцы, канадцы и т.д.). Попытки разделить страны на «национальные государства» и «многонациональные» только затуманивают проблему, ибо в международном праве и в серьезной академической науке такие категории просто не существуют. Именно сообщества по государству (многоэтничные сограждан-ства), а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах».

Созданные национальными сообществами экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и общественные организации, высокая (профессиональная) культура и многое другое являются ключевыми факторами сохранения (или разрушения) этнических, языковых, религиозных и других культурно-отличительных систем в рамках национальных сообществ. В последние десятилетия к защитным факторам добавились международные механизмы, но они также создаются представителями наций-государств и существуют на их денежные взносы. Что представляют собой современные нации? В отечественном обществознании по этому вопросу наблюдается методологическая путаница и политизированные дискуссии. В России, в отличие от большинства стран, долгое время существовало и сохраняется понимание нации исключительно в этническом смысле. Предложенное пятнадцать лет назад понимание и употребление этой категории в двойном (гражданско-политическом и этнокультурном) и взаимно не исключающем смысле только в самые последние годы стало в России признанным. Наиболее определенно в пользу российской гражданской нации выступили президенты Российской Федерации В.В. Путин и Д.А. Медведев. В 2007 г. был создан Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация», а с 2008 г. издается журнал «Вестник российской нации», в котором публикуются научные и практические материалы из отечественного и мирового опыта гражданского нациестроительства. И все же

это признание имеет зачастую вымученную форму, граничащую с интеллектуальной шизофренией. Идеологическая труха и конфликтогенные рецепты (например, учредить экстерриториальные «национальные советы» для всех этнонаций, включая русскую, вместо действующей по Конституции федерации с этнотерриториальным компонентом[12]) предлагаются с завидной настойчивостью, особенно в теледебатах и в Интернете.

В России как бы все стороны «национального бытия» и национального дискурса существуют: от экономики и здоровья/нездоровья нации вплоть до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно сложно. Одна из причин столь трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, идеальная нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями. Как видим, трудное признание современных концептов «что есть нация?» наблюдается и в других странах. Во многих из них ведутся споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай – это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций. В Китае, например, все официально признанные 56 национальностей, включая ханьцев и национальные меньшинства, не считаются нациями, а нацией (*джонхуа миндзу*) считаются все китайцы – граждане страны. Подобные запреты, однако, не мешают использовать самоназвание *нации* уйгурским, бенгальским, гавайским, квебекским, шотландским и другим этническим активистам и политикам. Поэтому случай отрицания и даже судебного запрета не является универсальным, а для России он не подходит вообще, ибо в нашей стране в ментальном и языковом смысле этнические общности (народы или национальности) давно «национализированы». Узурпировать эту самокатегоризацию исключительно в пользу общероссийского употребления бессмысленно.

Однако вернемся к Франции. Французская нация существовала и продолжает существовать прежде всего как доктрина, как правовая норма и как коллективная договоренность. Считается, что никаких этносов во Франции нет и все граждане есть один народ – французы при большом историко-культурном разнообразии территорий и мест, которые порождают свои собственные идентичности. Имен-

но эту истину пытался разъяснить генсек Французской компартии Жорж Марше генсеку КПСС Л.И. Брежневу в своей жалобе на Институт этнографии АН СССР, выпустивший в начале 1980-х годов этнодемографический справочник о странах мира. В нем, помимо французского народа-этноса, были указаны корсиканцы, бретонцы и эльзасцы как самостоятельные народы-этносы, а также «переходные группы» в лице мигрантов из разных стран и разных поколений. Тогда мне как новичку этнографического цеха казалось, что был прав автор справочника С.И. Брук. Сейчас, по моему мнению, прав был Ж. Марше. Иначе, по Бруку, получалось, что корсиканец Бонапарт не был французом, а уж бывший лидер нации Саркози тем более не принадлежит к ней! Если следовать Бруку, то мы отлучим от принадлежности к нациям целую когорту национальных лидеров. Но тогда что есть французы как нация? *Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, обладающая культурной сложностью, которая сжималась в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретала актуализированное старое и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций*. Во Франции актуализированное старое – это совсем не обязательно партикулярно-этническое (корсиканское или бретонское), хотя есть и это. Франция продолжает делиться по культурно-территориальному принципу, по местоположению или по малой родине (французский «терруар» на месте этничности[13]). Это разнообразие, или культурная гетерогенность французов в свое время сводила с ума Шарля де Голля, который в сердцах сказал: «Что это за нация, если в ней 450 сортов сыра!»

С того времени ситуация еще больше усложнилась. Сегодня 65-миллионную французскую нацию составляют не только «собственно французы», т.е. граждане, имеющие давнее французское происхождение, но и 13 млн граждан иного происхождения: 5 млн имеют европейские корни (итальянские, испанские, португальские, польские, русские и другие), 5 млн – это представители берберо-арабских народов, точнее, выходцы из этих групп, 0,5 млн – турки, 0,5 млн – североафриканские евреи, более 700 тыс. – французы – выходцы из французских колоний. Усложнилась религиозная ситуация во Франции: из 70% французов-католиков только 10% ходят в церковь и еще есть 22% агностиков и атеистов, и все это на фоне растущей численности активно верующих мусульман (5–10% населения).

Мы не обсуждаем перспективы французской нации, но отмечаем сам феномен усложнения этнорелигиозного состава, казалось бы, универсальной гражданской нации. И обращаем внима-

ние на то, что *монокультурность никогда не была реальностью этой страны*. Существовала только доктрина монокультурности, позволявшая не признавать так называемые *этнии*. В реальности антитезой этническим группам были регионально-местные культурные идентичности на основе разной специфики (от исторических и протогосударственных отсылок до марок вина и сортов сыра). От французской монокультуры остается, пожалуй, только язык, но и французский язык иногда кажется последним бастионом перед натиском иноязычной иммиграции. Этот бастион французскости охраняется специальным конституционным законом 1992 г. о защите языкового наследия и серией других государственных декретов. И все же представляется, что Франция более спокойно переживает проблемы хиджабов и погромов в парижских пригородах, чем это делают российские интерпретаторы событий в своей стране.

О США как о примере в российской аудитории говорить сложно, поскольку почти всегда следуют укоры по поводу якобы «подбрасываемых» либералами-западниками американских рецептов, негодных для уникальной России. Однако отметим, что и в США образ нации как интегрированного сплава был прежде всего актом речи и политической программой. Это представление воплощалось первоначально в доктрине плавильного тигля, хотя Америка никогда не была монокультурной, и тем более она никогда не была гражданski солидарной. В ней всегда существовало множество этнических и расовых групп и многоязычие, не говоря уже о прошлой и сохраняющейся дискриминации аборигенных жителей, афроамериканцев и иммигрантов. Но тогда в чем заключается растущая сложность американской нации, если не получились как переплавка, так и блюдо из разных ингредиентов (концепция салатной чаши также подвергается сегодня сомнению противниками мультикультурализма)?

Отвечаем на вопрос так: формула *единство в многообразии* (E pluribus unum), начертанная на американском гербе и монетах, в этой стране состоялась. Она уже давно составляет основу и условие существования американской нации. Культурная сложность американцев не уменьшается, а увеличивается (последнее полезное приобретение по этой части – переезд в США из Краснодарского края около 10 тыс. турок-месхетинцев). При этом массовая иммиграция происходит на фоне растущего американского национализма в экспансионистской (точнее – в мессионистской) форме и усиления религиозного фундаментализма среди американцев-христиан. *Усложнение американской нации проявляется в сохраняющейся приверженности иммиграции и возрастании доли населения*

иностранного происхождения. Такое впечатление, что американцы достигли такой степени этнической, религиозной и языковой мозаичности, что для них утратили смысл какие-либо политические разговоры и научные штудии по поводу «культурного ядра» (core culture), который якобы составляет основу американской нации. Разговоры про WASP (белых англосаксов-протестантов) и про 100-процентных американцев прекратились еще два-три десятилетия назад. Но сейчас нет разговоров и о каком-либо референтном (доминирующем) компоненте нации, а тем более – о ее государствообразующей части. Сегодняшние американцы – это нация меньшинств, нация культурной гибридности, или, как сказала Хиллари Клинтон во время прошлой президентской избирательной кампании, «мы – нация наций» (we are a nation of nations). Все это дополняется еще одним процессом усложнения, а именно – признанием множественной расовой принадлежности в дополнение к признанию множественной этнической идентичности (начиная с переписи населения 1980 г.).

Разберем еще один европейский пример, который ближе к российскому опыту и может быть понятнее отечественной аудитории. Напомним этнический и религиозный состав населения Великобритании и динамику ее национального развития как полиэтничного общества. Из 62,3 млн жителей страны собственно англичане составляют 83,6% (примерно как русские в России), шотландцы – 8,6%, уэльсцы – 4,9%, североирландцы – 2,9%. Остальные – это африканцы (2%), индусы (2%), пакистанцы (1,3%) и лица смешанного происхождения. О русских и о бывших советских достоверной статистики нет, хотя численность россиян и русскоязычных жителей возрастает быстрее других категорий (по некоторым данным, только студентов британских университетов и колледжей около 100 тыс.). Христиане разных исповеданий составляют 72% и мусульмане – 3%. Где здесь этнос и где здесь нация? И как называется эта нация? Или нации в Соединенном Королевстве Англии, Шотландии и Северной Ирландии не существует? Эта нация называется *британской*, а смена английскости на британскость произошла в результате общественных дебатов и деятельности в 1980-е годы специально назначенной Королевской комиссии по вопросу о национальной идентичности. Эту смену в обозначении национальной идентичности ни в коей мере не поколебали последние беспорядки в британских городах.

Современная сложность Великобритании как нации проявляется в нескольких измерениях; огромное этническое и религиозное разнообразие современного городского населения и рост так называемых региональных языков – явление крайне примечательное:

шотландским владеют около 30% населения Шотландии, шотландским гэльским – около 60 тыс. в Шотландии, уэльским – около 20% в Уэльсе, ирландским – около 10% в Ольстере, корнуэльским владеют около 3 тыс. человек. Вот такая сегодняшняя Англия с якобы моноязычной английской нацией! Интересно заметить: просвещенный публицист Л. Радзиховский однажды во время моего выступления в редакции «Известий» обронил реплику: «В Англии говорят на английском языке, и нация поэтому называется английской. В России говорят на русском, и нация должна называться русской». Казалось бы, чего проще. Однако в Великобритании этот вариант не проходит, как он не проходит и в России. В нашей стране единственно возможная формула: *Российский народ – это нация наций*.

* * *

Развитие и укрепление правовой системы государства создают предпосылки для укрепления нации как сообщества граждан, осознающих свое единство с государством, выступающим защитником прав человека, в том числе в этнокультурной сфере. Недоверие к государству в лице федеральной власти, напротив, чревато дезинтеграцией нации, когда более предпочтительными становятся региональные или этнические лояльности. В связи с принятой в России политикой поддержки этнических культур у части экспертов и политиков возникают опасения в том, что это может привести к ущемлению прав представителей каких-то народов, в том числе русских, т.е. к известной по опыту стран Запада позитивной дискриминации («дискриминации наоборот»). Поскольку российское общество по причинам сильного распространения ксенофобии и мигрантофобии не готово к политике преференций представителям миноритарных сообществ, важно соблюдение равенства и справедливого представительства в вопросах доступа к власти и к ресурсам граждан независимо от их национальной (этнической) принадлежности. Такой подход требует не только эффективного действия законов, но и практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, общественных кампаний, чтобы снять такие опасения.

В вопросе утверждения общероссийской идентичности и патриотизма нельзя забывать исторический опыт ассимиляционных процессов и этнически избирательных репрессий, из-за которых идея многоэтничной российской нации может восприниматься как новое издание концепта «советского народа» или как скрытая форма нивелировки этнических культур в пользу доминирующего русского большинства. Одновременно не меньшие усилия требуются и для противодействия этническому национализму шовинистического

толка, когда российский проект представляется как препятствие установлению статуса этнических русских в качестве государствообразующей нации, т.е. предоставлению особых прав одной этнической общности в ущерб остальным.

В условиях информационной открытости и растущей гражданской активности люди в некоторых полиэтничных странах (где этничности придается особое значение) остаются чувствительными к вопросу о том, кем является по национальности тот или иной администратор или политический лидер. К таким странам относится и Россия, хотя состав органов законодательной и исполнительной федеральной власти достаточно полно отражает полиэтничный характер российского общества. Учитывая наличие компонента этнического федерализма в форме республик и сложный состав населения большинства других регионов страны, этот вопрос представляется более важным на уровне власти в субъектах федерации и в органах местного самоуправления. Предпринимавшиеся до этого попытки законодательно ввести квотное представительство не принесли позитивных результатов, за исключением некоторых районов Севера и Северного Кавказа (Дагестан). Этнические квоты как принцип формирования власти в полиэтничных обществах не были приняты и в Европе. Они не дали позитивных результатов и в тех странах, где использовались (например, в Пакистане и Ливане). Для России представляется более эффективным создание органов общественного территориального самоуправления или общественных советов при органах власти, в полномочия которых будут входить в том числе вопросы этнокультурного развития и состав которых будет формироваться с учетом этнического состава населения региона.

Этот вопрос целесообразнее начать решать на уровне субъектов федерации, накопить соответствующую практику, а затем подумать о принятии соответствующих нормативных документов. В этом случае создается поле для действия так называемого местного права, сочетающего черты государственного и обычно-правового регулирования. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда возможно создание неофициальных правил поведения, которыми будут руководствоваться значительные группы населения, причем не в узких клановых интересах, а для «правовых решений жизненных ситуаций»[14]. Для полиэтничного общества правовой плюрализм (сочетание централизованного и обычного права) является вполне приемлемой нормой. Признанное правовое разнообразие и есть то самое единое правовое пространство, которым озабочены многие юристы.

Задачи законодательного регулирования этнокультурного развития заключаются в создании гарантий для равноправного развития

культур всех народов России, защите прав гражданина на удовлетворение его языковых и культурных потребностей. Для некоторых народов этнокультурное развитие тесно связано с доступом к ресурсам, с экологическими проблемами, с сохранением уникальных систем традиционного жизнеобеспечения, как, например, северное оленеводство. В этом случае культурная и этническая идентичности обретают экономические и общественно-политические параметры, а в ряде случаев – трансгосударственный характер. Нынешний аборигенный житель российского Севера может быть связан с собственной этнической группой, с местным или региональным сообществом, с государством и, наконец, с наднациональными образованиями типа Арктического совета и международных циркумполярных общественно-политических объединений для коренных малочисленных народов Севера. Такое положение характерно для современного развития аборигенных народов во всем мире, и Россия не является исключением. Более того, у России имеется большой позитивный опыт политики в отношении аборигенных малочисленных народов, которым она может поделиться.

Необходимо отметить, что государству и обществу часто не хватает гибкости в вопросах этнокультурного характера. *Мифологизированный смысл некоторых этнических коалиций, возможно, требует и адекватной политической реакции в такой же мифопоэтической форме без необходимой институализации субъектов этнополитики.* Длительные неудачи в попытках придать мифологизированному по своей сути казаческому движению в России государственно-бюрократический характер (вплоть до отдельного департамента в Администрации президента РФ и специального федерального закона) подтверждают этот наш вывод. Иначе получается, что, например, мифическое славянское единство и международные связи славянских народов всячески приветствуются, а в черкесских, финно-угорских или чукотско-эскимосских международных ассоциациях и связях зачастую видится только угроза национальной безопасности. По нашему мнению, развитие общественных этнокультурных организаций по пути открытости и кросс-этнического взаимодействия может способствовать формированию общероссийского самосознания и в большей степени интегрировать государство и общество.

В Российской Федерации помимо Конституции есть целый ряд федеральных законов, которые обеспечивают правовые гарантии этнокультурного развития и самоопределения в рамках общедемократических норм и гражданских прав. Обратим внимание на некоторые положения законодательства о культуре. Так, согласно статье 1 федерального закона «Основы законодательства Российской

Федерации о культуре», одной из задач данного законодательства является «создание правовых гарантий для свободной культурной деятельности объединений граждан, народов и иных этнических общностей Российской Федерации». Более подробно этот вопрос раскрывается в статье 6: «Российская Федерация признает равное достоинство культур, равные права и свободы в области культуры всех проживающих в ней народов и иных этнических общностей, способствует созданию равных условий для сохранения и развития этих культур, обеспечивает и укрепляет целостность российской культуры посредством законодательного регулирования федеральной государственной культурной политики и федеральных государственных программ сохранения и развития культуры».

Специальные статьи посвящены правам и свободам народов и иных этнических общностей в области культуры. Среди этих прав отметим следующие:

– *«право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания».* При этом отмечается, что политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях;

– *«право на культурно-национальную автономию всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности».* Здесь, к сожалению, повторяется уязвимый советский концепт «своей» и «не своей» государственности, якобы существующей в рамках одного сограждaнства, и этот концепт, конечно, следует устранить как из правовой мысли, так и из текстов законов. Тем не менее важно, что культурно-национальная автономия означает право представителей этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания культурных центров, обществ и землячеств. Этнокультурные центры, общества и землячества имеют право представлять в органы государственной власти и управления предложения о сохранении и развитии этнической культуры, проводить фестивали, выставки и другие аналогичные мероприятия, содействовать охране исторических и культурных памятников, созданию этнографических и иных музеев. Они могут создавать клубы, студии и коллективы искусства, организовывать библиотеки, кружки и студии по изучению этнического языка.

В 1996 г. был принят федеральный закон «О национально-культурной автономии». Согласно статье 1 этого закона,

«национально-культурная автономия в Российской Федерации (далее: НКА) – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». В законе были сформулированы права НКА, которые включали право получать поддержку со стороны органов государственной власти, необходимую для «сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры». К сожалению, позднее обязательство по государственной поддержке НКА было устранено из текста закона. За пятнадцать лет деятельности НКА в стране были созданы и действуют более 400 автономий разного уровня, в том числе 16 федеральных НКА. В России накоплен определенный опыт, который позволяет положительно оценить введение экстерриториальной формы внутреннего самоопределения наряду (а не вместо) с формой этнотерриториального самоопределения в виде республик и автономных округов. Этот опыт вполне соответствует опыту демократического устройства полиэтничных государств, который апробирован в других странах. Анализируя этот опыт, мы приходим к выводу, что *самой полной и эффективной формой самоопределения в сложных обществах является реализация права культурно-отличительных групп и сообществ на участие как можно в более широком общественно-политическом процессе*, т.е. не кантонизация, не экстерриториальные этнические курии, не сецессия, а действенное участие во всех сторонах жизни государственного сообщества – вот что означает современную и самую демократичную форму самоопределения.

Пока же этнополитика в России во многом носит верхушечный и патерналистский характер. По мнению некоторых специалистов, действующий ныне в России закон о НКА «должен говорить не о контроле государства над этническими организациями, а о взаимодействии с ними и их поощрении к общественно необходимым видам деятельности»[15]. Тем не менее принятием этого закона государство еще раз подчеркнуло протекционистский характер своей культурной политики. Об этом же свидетельствует статья 22 законодательства о культуре: «Российская Федерация гарантирует свой протекционизм (покровительство) в отношении сохранения и восстановления культурно-национальной самобытности малочисленных этнических общностей Российской Федерации посредством исключительных мер защиты и стимулирования, предусмотренных федеральными го-

сударственными программами социально-экономического, экологического, национального и культурного развития».

Важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании ответственного гражданина в современных государствах продолжает играть система образования, хотя роль общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта человека все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона[16]. Правовые гарантии такой политики были закреплены в федеральном законе 1992 г. «Об образовании», статья 2 которого среди принципов государственной политики в области образования называет в первую очередь «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, родине, семье… Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». По этому закону граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (статья 6).

На уровне федерального законодательства долгое время эти положения представлялись достаточными. Однако на уровне регионального нормотворчества в области образования возникли серьезные проблемы. В Республике Башкортостан, например, башкирский язык (меньшинства населения) стал обязательным школьным предметом для всех учащихся республики, что явно нарушает свободу выбора. Похожие ситуации предпочтительного статуса мест-ных языков и языков меньшинств возникли и в некоторых других республиках. Через «национально-региональный» компонент преподавались этноцентристские версии истории так называемых титульных наций. Российская молодежь получала недостаточные знания в области российской истории и русского языка, что ослабляло ее конкурентные возможности[17]. В конце 2007 г. и в 2009 г. были приняты поправки к закону «Об образовании», которые сделали региональный компонент образования более подконтрольным федеральной власти, а также расширили возможности самих школ пользоваться вариативностью в выборе программ и предметов. В ответ на озабоченности местных этнических элит было подчеркнуто, что реформа

в области образовательных стандартов создает больше возможностей для учета этнокультурных запросов разных групп населения, проживающих в том числе и в республиках. Несмотря на эти существенные коррективы, остается нерешенной проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным составом населения и в стране в целом. В России, например, до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу российского народа и вклад в историю страны представителей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая, русскоцентристская и новая, этнонационалистическая версии, что вызывает напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей.

В свое время ряд полиэтничных стран, а также страны Евросоюза произвели ревизию версий национальной истории в пользу более инклюзивных и мультикультурных образцов, а также в пользу демонтирования образов врага в лице других народов и государств. Проблема канона (стандарта) в области исторического образования стала частью глобальной повестки международного интеллектуального сообщества[18]. Россия в настоящее время также предпринимает шаги по созданию более объективных и менее конфликтогенных версий прошлого, в том числе это делается на уровне двусторонних комиссий историков из стран бывшего СССР, Финляндии, Германии и Польши. Это есть часть демократизации интеллектуального и образовательного пространства России и некоторых других стран.

* * *

За два последних десятилетия Россия пережила масштабные миграционные процессы. В 1990-е годы в страну, только по официальным данным, прибыли более 5 млн иммигрантов, из которых 3,3 млн составляли русские. Среди мигрантов около 1,2 млн были вынужденные переселенцы и беженцы. Общее число иммигрантов и среди них вынужденных переселенцев и беженцев в реальности было примерно в два раза больше[19]. На так называемых нелегальных (нерегистрируемых) мигрантов приходилось до 6 млн человек, а к середине 2000-х годов эти оценки уже составляли до 10 млн[20]. В 2010 г. в России, по данным Федеральной миграционной службы, находились около 5 млн иностранных граждан, из которых менее 1 млн человек трудились на законных основаниях. Первую волну мигрантов составляли выехавшие из зон вооруженных конфликтов в Закавказье (Азербайджан и Грузия) и Средней Азии (Таджикистан и Узбекистан). Это были в основном русские, армяне, турки-месхетинцы, южные осетины. Затем в первой половине 1990-х годов произошел массовый выезд русских в основном из Казахстана

и стран Средней Азии, Закавказья, с Украины и из стран Балтии. С середины 1990-х годов начинается массовая трудовая миграция, и доля русских в ней упала до минимума. Это были в основном временные трудовые мигранты с Украины и из Молдавии, Азербайджана и Грузии, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии[21]. За ними шли мигранты из Турции, Китая и Вьетнама.

В 2000-е годы заметно увеличилась доля трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Среди этой волны миграции преобладали выходцы из сельской местности, плохо знающие российскую культуру и русский язык. Именно эта часть мигрантов стала объектом особой эксплуатации, бытовой и политической мигрантофобии со стороны основного населения и заняла наименее престижные ниши на рынке труда, главным образом ими стали неквалифицированные работы в строительстве (40% мигрантов в 2009 г.), торговле (30%) и жилищно-коммунальном обслуживании, а также ремонтные и подсобные работы по найму юридических и физических лиц. Доля мигрантов перед финансово-экономическим кризисом 2008 г. составляла немногим более 1% трудовых ресурсов страны (реально данная цифра в несколько раз выше), что намного меньше, чем доля иммигрантов в трудовых ресурсах Швейцарии (22%), США (15%), Австрии (10%), Германии (9%). Что касается производимого трудовыми мигрантами совокупного продукта (стоимость произведенных работ, товаров и услуг), то он составляет от 7 до 10% ВВП России. Это во много раз превосходит объем отправляемых мигрантами в страны исхода денежных средств. Хотя именно последняя цифра в несколько сот миллионов долларов постоянно фигурирует в оценках миграции, и почти никогда не дается оценка результатов труда мигрантов для национальной экономики и обеспечения повседневной жизни россиян.

Миграция влияет на этнический состав населения страны, особенно регионов, куда переселились на постоянное жилье мигранты первой волны и где сосредоточено особенно много временных трудовых мигрантов. Так, в 1990-е годы заметно изменился состав населения южных областей и краев России. В Краснодарский и Ставропольский края и в Ростовскую область прибыло много мигрантов армянской национальности, а также десятки тысяч россиян из республик Северного Кавказа, районов Севера и Дальнего Востока. В центральные области России (Владимирская, Ярославская, Нижегородская и другие области) переехали и остались на постоянное жительство большое число азербайджанцев, армян, а также внутренних мигрантов из республик Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, дагестанцы). Наиболее ощутимо и болезненно воспринимались быстрые этнодемографические перемены в составе населения

за счет групп, которые до этого не проживали в данных регионах. Это касается как малых городских поселений, так и крупных городов. Особо алармистскими были оценки политиков и некоторых ученых в отношении Москвы, которую якобы заполонили иммигранты. В реальности изменения не были столь радикальными не только в Москве, но и в южных регионах России. Тем не менее иммиграция стала все чаще рассматриваться как негативный фактор, как угроза существующей культуре и образу жизни, а также в аспекте обеспечения национальной безопасности, борьбы с преступностью и терроризмом.

После принятия нового закона о гражданстве и передачи ФМС в подчинение МВД в 2001 г. смыслом и целью миграционной политики стала борьба с незаконной миграцией. Для оправдания этой политики создавался негативный образ мигранта как потенциального преступника, нежелательного конкурента и нахлебника, который пользуется возможностями России и услугами ее жителей. Это отвечало корыстным интересам многочисленных работодателей, ибо запугивание и унижение иммигрантов позволяло недоплачивать за их труд и не нести никакой ответственности за условия их жизни и состояние здоровья. Проблема миграции стала фактически морально-нравственной проблемой всего российского общества, которое по большому счету этот экзамен не выдержало. В 2000-е годы мигрантофобия в России достигла предельного уровня, включая многочисленные случаи насилия и жестокие убийства мигрантов. Этим занимались группы националистически настроенной молодежи под влиянием довольно известных политиков, журналистов и целой когорты появившихся самозваных специалистов по миграции и демографии. При этом уже не делалось особых различий между иностранными «гастарбайтерами» и российскими гражданами – выходцами из республик Северного Кавказа или Закавказья.

В антииммигрантской риторике одним из распространенных является положение о «нарушении межэтнического баланса», суть которого состоит якобы в размывании культуры и образа жизни автохтонного населения при превышении определенной доли жителей «пришлой» национальности в общей численности. Как считает В.А. Шнирельман, «это служит стержневой идеей культурного расизма, сторонники которого придерживаются эссенциалистского взгляда на культуру и считают, что, во-первых, человек едва ли не с молоком матери впитывает строго определенные культурные коды, во-вторых, они в неизменном виде сопровождают его на протяжении всей его жизни и он не способен что-либо изменить, в-третьих, он является носителем одной, и только одной, строго определенной культуры»[22]. Акцент на неизменности «культурных кодов»

приводит к идее о якобы неизбежном конфликте культур и цивилизаций и отсюда – о пагубности иммиграции. Здесь культурная идентичность рассматривается как главная в сравнении с гражданской и политической, а интересы личности подчиняются коллективу под названием «народ» или «нация».

С самого начала 1990-х годов в арсенале политических программ и научных исследований была проблема новых диаспор, зарубежных соотечественников и их сначала, казалось бы, неизбежной, затем – возможной и желательной «репатриации» на свою историческую родину. В качестве исторической аналогии чаще всего приводился пример Франции, когда в эту страну вернулось много французов после утраты колоний, особенно после войны в Алжире в 1950-е годы. В действительности этот пример с бывшими колониальными метрополиями Европы (Великобритания, Франция, Голландия) не вполне подходит для его сравнения с Россией после распада СССР. *Российская империя и СССР не были классическими колониальными империями, здесь не было метрополии как таковой с ее господствующей нацией и угнетаемой колониальной периферией.* Российский/советский народ представлял собой историческую и социально-культурную общность, а образовавшиеся после распада независимые государства представляли собой многоэтничные сообщества, в которых все население было «бывшими соотечественниками», русские же среди них представляли собой не служащих колониальных администраций, а в большинстве своем – старожильческое население этих стран и регионов. В Нарве и Тарту, Одессе и Севастополе, Барнауле и Гурьеве русские жили столетиями, и именно они были первожителями многих территорий и мест. Этнический национализм среди элит новых государств и желание так называемого международного сообщества, а по сути стран Запада, дистанцировать Российскую Федерацию от стран нового зарубежья и распространить на них собственное влияние объясняли морально-политическую и научно-академическую поддержку тезиса о распавшейся империи и о русских как об «оккупантах» и «колонизаторах». Эта поддержка и попустительство явной дискриминации больших групп населения по этническому признаку (вплоть до отказа в гражданстве рожденным в новых странах жителям) были одним из факторов, которые обострили проблему миграций в постсоветском пространстве. Выехавшие в Россию «этнические соотечественники» оказались затем среди наиболее резко настроенных против новых стран и их жителей, а тем более тех, кто прибыл в Россию в качестве трудовых иммигрантов.

Российская миграционная политика претерпела многие коллизии, особенно по части Федеральной миграционной службы и ее

руководителей, но одним из наиболее значимых ее поворотов стал 2002 год, когда по новому законодательству о гражданстве были введены фактически непреодолимые барьеры на пути легализации иммигрантов, расцвела коррупция со стороны чиновников и произвол со стороны правоохранительных органов и работодателей. Несколько миллионов уже находившихся в России мигрантов из стран бывшего СССР, в том числе и русских, теперь не могли легализовать свое положение и тем более – получить гражданство. В 2006 г. этот закон и миграционный порядок были несколько смягчены в части регистрации иммигрантов (уведомительный порядок), и доля нерегистрируемой (нелегальной) миграции сократилась (на миграционный учет были поставлены около 3 млн иммигрантов). Зато были введены квоты на иммигрантов по заявкам регионов и юридических лиц, т.е. представителей бизнеса, где использовался труд иммигрантов. Но эти квоты совсем не учитывали потребности физических лиц, иными словами – обычных граждан страны, миллионы которых постоянно используют труд иммигрантов при ремонте квартир и строительстве дач, уходе за детьми, престарелыми и больными, на дачных и других работах. Политика квот стала фактически фикцией.

Тем временем на протяжении второй половины 2000-х годов в России росли мигрантофобские настроения. Мигрантам по-прежнему предъявляли претензии в том, что они якобы отбирали у местного населения рабочие места, тормозили рост зарплаты и не позволяли в полной мере развиваться высокотехнологичным производствам, захватывали престижные квартиры и стремились к созданию «этнических анклавов». Мигранты якобы создавали непосильную нагрузку на социальную сферу, приносили болезни, составляли значительную долю преступлений, не хотели интегрироваться и пытались навязать свою культуру. Весь этот набор антимигрантских тезисов достаточно хорошо знаком и другим странам, которые принимают иммигрантов, но в России есть своя специфика в том, как на эти мифы, на недобросовестную и неквалифицированную информацию реагирует общество. Прежде всего в стране сложилась целая политическая *философия антимиграционизма*, в основе которой лежат расово-этнические аргументы и образы. Они придают негативный характер представителям целых этнических групп и даже используют тезисы коллективной ответственности, такие, как, например, депортация из страны всех грузин или всех таджиков. Эта политическая философия нового расизма имеет как экономическую (масштабная и приносящая многим членам общества большие и малые прибыли), так и социальную (реакция на трудную адаптацию самих россиян к конкурентной среде рыночной

экономики) природу. У этой философии есть и свой морально-психологический аспект, а именно: кризис идентичности россиян, его политической и интеллектуальной элиты, при котором место прежней межэтнической терпимости заняло ожесточение по отношению к новым суверенным соседям, откуда многим нынешним жителям пришлось уехать с моральными и материальными утратами. Но самое главное – антимиграционизм имеет также и криминально-коррупционную составляющую, ибо оправдывает неправовые действия и прямое насилие по отношению к временным жителям России и даже к собственным гражданам – переселенцам из других регионов страны.

Побочным, но опасным порождением политической философии антимиграционизма стали крайние формы ксенофобии и расизма, которые довольно быстро распространились в молодежной среде. Однако идеологами и наставниками экстремистских групп часто выступают представители образованной элиты, лидеры общественных организаций и политических партий. Правовые санкции и даже запреты на деятельность такого рода организаций и партий, а также издательств, интернет-сайтов и редакций изданий несколько улучшают ситуацию, как и судебные процессы против убийц и террористов из числа националистических и расистских экстремистов. Но в целом современная Россия столкнулась с проблемой, для эффективного решения которой пока не хватает компетенции и силы государства и необходимого потенциала толерантности в институтах гражданского общества.

Следует заметить, что в демократических странах ксенофобия и расизм практикуются в более мягких формах, чем в странах с тоталитарными режимами. Однако демократия не служит панацеей от расизма. Демократические нормы и свободы фактически допускают этнически избирательную дискриминацию, придавая первоначально части жителей страны статус культурно-отличительного сообщества (меньшинства или расы) через разные бюрократические процедуры (например, переписи населения) и политические декларации, затем наделяя эти сообщества образами «чужаков» и людей «другой крови» и, наконец, порождая расистские практики. Существующие в странах демократии и в Российской Федерации эти практики пока изучаются и обсуждаются недостаточно. Хотя речь идет о довольно разных вещах. Во-первых, это *бытовой расизм*, который не требует разработанной идеологии, но который распространен в разных социальных группах и оказывает свое влияние как в семейной среде, так и в повседневном общении людей. Во-вторых, это *политический расизм*, основанный на партийной идеологии, когда действующие во многих странах партии и другие организации кладут в основу

своих программ и деятельности открытые или скрытые формы этнорасовой непримиримости и вражды. В России в последние годы ряд таких организаций были запрещены судебными решениями, но произведенная ими программная продукция остается в общественном обороте через публикацию экстремистской литературы, неформальные коалиции, флешмобы и социальные сети в Интернете. В-третьих, существует *институциональный расизм*, присущий отдельным социальным институтам (армия, школа, медицинское обслуживание, социальная помощь, религиозные организации и пр.). По этой части в странах Запада в рамках многолетней политики политической корректности накоплен большой и позитивный опыт, который заслуживает внимания российских политиков и ученых.

Наконец, есть *государственный расизм*, который обнаруживает себя в законодательстве, принципах формирования государственных служб, некоторых санкционированных государством практик. В России конституционно-правовые нормы отвечают должным требованиям демократических обществ, но вот практики очень часто отстают от этих норм. Формирование расового мировоззрения и неорасистских практик в постсоветской России можно объяснить следующими факторами.

Во-первых, при всем интернационализме и дружбе народов как лозунгах коммунистическая этнополитика включала в себя практики, которые на Западе обоснованно считались расистскими, например, трактовка этничности не как формы идентичности, а как жестких коллективных тел (со своей территорией, государственностью, культурой и характером), иерархия народов и наделение их неравными политическими статусами. Крушение коммунистической утопии и переход от «реального социализма» к реальному капитализму расчистили дорогу расистским идеям и их политическим проявлениям. Этот наследованный от советского времени этнонационализм усилил свое влияние в последние советские десятилетия, когда марксизм стал окончательно догмой и «обслуживал» консервативную верхушку страны. Тогда этническая парадигма стала более привлекательной и даже обрела солидную академическую оболочку в виде теории этноса.

Во-вторых, распад СССР происходил на фоне своего рода «национального возрождения», т.е. мощного взрыва периферийного этнонационализма, который зачастую воспринимался частью отечественных политиков и ученых и, конечно, западным сообществом как «союзник демократии», как справедливая форма «национального освобождения» от советского колониализма. Именно в эти годы распада расцвели крайние формы этнического (основанного на «почве и крови») национализма, а вместе с ним – и шовинизма

(национализма большинства). Наконец, последовавшие после распада иммиграция и внутренняя миграция (например, из республик Северного Кавказа) воспринимались населением и описывались публично в культурных терминах как «столкновение культур» и как «культурная несовместимость».

В-третьих, либеральные реформы существенно подорвали статусы части интеллектуального слоя, работников военно-промышленной сферы и спецслужб и вызвали неуверенность в жизненных перспективах многих россиян, что не могло не породить настроения социального протеста. Многие из не принявших новый уклад или ушедших в сферу личного обустройства оказались восприимчивы к разного рода ксенофобской идеологии, которая стала обильно поставляться на книжный и информационный рынок, а также в сферу образования. Негативную роль сыграла часть профессуры старшего поколения, которая занималась индоктринацией молодежи по части «развала страны», «мировых еврейских заговоров», «агентов Запада» и т.д. Ксенофобия у молодежи подпитывалась примитивным патриотическим воспитанием и антизападническими, антиамериканскими проповедями через влиятельных комментаторов и политических харизматиков на предмет защиты страны от внутренних и внешних врагов. Последние стали чаще всего ассоциироваться с иммигрантами, которых так и стали называть «захватчиками», «оккупантами». Одновременно формировалась ненависть к либерально настроенным гражданам, к ученым и общественным активистам, которые сотрудничали с западными коллегами и пользовались поддержкой иностранных научных и других фондов. Объектами нападок для ксенофобов и лжепатриотов стали не только «чужаки», но и отечественные «грантососы», «западники», «агенты влияния», которых «лидер Международного евразийского движения», известный расист А. Дугин призывал «экстерминировать» (т.е. физически уничтожать): «В русское общество пробрались различные животные, называемые “либералами”, “западниками”, “агентами влияния” и т.д. Огромный выводок вирусов, который в течение десятилетий поражает российское общество. Эти люди поднимают вопрос о том, нужен или не нужен патриотизм, потому что они сами являются воплощением болезни. Их надо либо изолировать (если они заражены вирусом), либо экстерминировать (если вирусы – это они сами)»[23].

Расистские настроения, дискриминация по этнорасовым признакам и нападения на «расово чуждых» в России росли довольно быстро. Это отмечали российские эксперты, а также западные наблюдатели. В 2006 г. правозащитная организация «Международная амнистия» сделала вывод: «Ситуация с расизмом в России несовместима с тем местом, которое страна занимает на международной арене, что подрывает ее положение в мире»[24]. Специальный

докладчик Совета по правам человека ООН Дуду Дьен также отметил усиление в России влияния политических партий расистской ориентации, формирование расистской и ксенофобской культуры и рост насилия на этой почве[25].

Сегодня некоторые авторы объясняют ксенофобию социально-экономическим неблагополучием, негативными демографическими тенденциями и войной в Чечне с ее тяжелым «чеченским синдромом»[26], а также «оборонительной реакцией» русских на натиск чужеродных «торгашей» и «преступников»[27]. Но эти аргументы мало убеждают, ибо стремление ксенофобов выдать себя за жертву засилья «чужаков» известно очень давно. Оно распространено также и в других европейских странах. Российские социологи опровергают мнение о связи роста ксенофобии с ухудшением материального положения. В 2000-х годах экономическое положение страны и населения заметно улучшилось, но снижения ксенофобии не наблюдалось. Некоторые специалисты полагают, что именно динамика изменений благосостояния и радикальные различия воспринимаются людьми острее, чем положение устойчивого материального (благо) состояния. Ксенофобия и всплески массовой агрессии могут быть связаны с завышенными социальными ожиданиями или с разочарованиями в либеральных реформах, с нарастанием неотрадиционализма с его ностальгией по прошлому, с болезненным привыканием этнического большинства к своему новому положению после распада СССР[28].

Действительно, следует признать, что начало 2000-х годов было ознаменовано триумфом консервативной «националистической элиты»[29]. По крайней мере так все выглядело в общественно-политическом дискурсе, который был настроен на воспевание брежневских времен и дореволюционных консерваторов типа П.А. Столыпина. Общественные настроения в России (как и в ряде других стран) оказались под большим влиянием неотрадиционализма, испытывающего ностальгию по «доброму старому времени» и настороженно относящегося к переменам. Особенно эти настроения оказались распространенными среди представителей силовых ведомств, части технической интеллигенции и некоторых течений художественной культуры и поп-культуры. Немало российских интеллектуалов, охваченных идеей консерватизма, отчаянно ищут для нее надежную опору и находят таковую в «вечных ценностях», «народном менталитете», «традиционных устоях», «этнокультурном портрете», а некоторые ученые (особенно психологи и культурологи) всячески пытаются приписать им биологическую основу. Так, «биология становится символическим гарантом от новых потрясений»[30].

Я разделяю мнение тех социологов, которые подчеркивают, что *традиционалисты, ныне составляющие большинство населения, недовольны не столько самими по себе рыночными отношениями,*

сколько тем, что сами они не сумели получить от этого ожидаемой выгоды[31]. Поэтому объяснение высокого накала ксенофобии должно исходить из того, что речь сегодня может идти уже не о сопротивлении модернизации, не о разочаровании ее ходом и плодами, а о страхе упустить возможности для предоставляемых ею жизненного успеха и роста личного благосостояния. При этом угроза видится со стороны «чужаков», и, опасаясь их конкурентоспособности, люди пытаются обезопасить себя, опираясь на поддержку со стороны государства. Отсюда проистекает желание, особенно среди этнических русских, т.е. большинства населения, получить определенные преимущественные права, урезав в правах этнические меньшинства, «некоренных» и «иностранцев». Подспудно в этом может содержаться опасная идея передела собственности, которая ассоциируется в умах людей с неправовыми («прямыми») действиями. Именно передел собственности стал подоплекой печальных событий в карельском городе Кондопоге в 2007 г. Эти события, а также массовые беспорядки в Москве в декабре 2010 г. убеждают в серьезности проблемы, с которой столкнулась Россия и которая может стать помехой модернизации страны и ее развитию по пути демократии. Если не придет должное понимание ситуации и не будут найдены эффективные механизмы для так называемого хорошего правления (good governance).

[1] *Тишков В.А.* Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.

[2] *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2003.

[3] Толерантность и культурная традиция / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2002; Идентичность и толерантность / Отв. ред. Н.М. Лебедева. М., 2002; *Мартынова М.Ю.* Мир традиций и межкультурного общения: В помощь школьному учителю. М., 2004; Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М., 2003; *Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю.* Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности. М., 2003; *Мартынова М.Ю., Лопуленко Н.А.* В мире жить – с миром жить. Дружба и взаимопонимание в фольклоре народов России: Пособие для учителей. М., 2002.

[4] Молодежь Москвы: Адаптация к многокультурности / Под ред. М.Ю. Мартыновой и Н.М. Лебедевой.М., 2007; Молодые москвичи: Кросскультурное исследование / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М., 2008; *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М., 2007; Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д.В. Громов. М., 2009.

[5] См.: О толерантности и противодействии экстремизму в российском обществе: Рекомендации Общественной палаты Российской Федерации. М., 2006; Единство и многообразие России: Материалы Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по вопросам толерантности и свободы совести / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2007; За гражданское согласие – против нетерпимости и экс-

тремизма: (По материалам форума 22 апреля 2009 года) / Под ред. Н.К. Сванидзе и В.А. Тишкова. М., 2009.

[6] См.: *Шнирельман В.А.* Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма: В 2 т. М., 2011.

[7] Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002; Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире: Материалы международной научной конференции / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова, А.Ф. Яковлевой. М., 2011.

[8] Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. С. 8.

[9] Анализ доклада см.: *Тишков В.А.* Проблемы управления культурным многообразием // Хроника ООН. 2004. № 1. С. 41.

[10] См.: *Филиппов В.Р.* Советская теория этноса: Историографический очерк. М., 2010.

[11] *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913. С. 4–5.

[12] *Попов Г.Х.* Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 2011. 10 июня. С. 6.

[13] *Филиппова Е.И.* Территории идентичности в современной Франции. М., 2010.

[14] *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 107; См. также: *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995. С. 39–45.

[15] *Степанов В.В.* Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии в России // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 79–108.

[16] *Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. М., 2010. № 1. С. 39–46.

[17] Анализ ситуации в регионах см.: Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Под ред. В.В. Степанова. М., 2010.

[18] *Тишков В.А.* Новая историческая культура. М., 2011.

[19] Миграционная ситуация в странах СНГ / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 1999. С. 60, 168. См. также: Вынужденные мигранты: Интеграция и возвращение / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1999.

[20] *Рязанцев С.В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: Тенденции, последствия, регулирование. М., 2007. С. 135–136.

[21] Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1997; Миграция и рынки труда в постсоветской России / Под ред. Г.С. Витковской. М., 1998.

[22] *Шнирельман В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 19.

[23] Русский журнал. 2009. 21 апр. № 11(25).

[24] Цит. по: *Шнирельман В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 468.

[25] *Дьен Д.* Доклад специального докладчика Совета по правам человека ООН по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости 3 мая 2007 года.

[26] *Паин Э.А.* Между империей и нацией. М., 2003. С. 93–95.

[27] *Могилевский Р.* СССР развалился, а комплексы остались // Известия. 2005. 10 нояб. С. 6.

[28] *Паин Э.А.* Указ. соч. С. 90; *Он же.* Этнополитический маятник. М., 2004. С. 219.

[29] *Лапкин В.В.* Закономерности смены российских политических сезонов // Полис. 2004. № 1. С. 42–46.

[30] *Шнирельман В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 475.

[31] Российская идентичность в условиях трансформации / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М., 2005. С. 96–97.

Заключительная глава

И РУССКИЙ, И РОССИЙСКИЙ

Заключение к книге получилось из нескольких разнородных разделов, а я решил дать им подзаголовки. Прежде всего обращает на себя внимание реакция на растущий в последнее время в России этнонационализм в его наиболее радикальной форме неорасизма и неофашизма. Некоторые объясняют это всего лишь антилиберальным, неоконсервативным поворотом, который переживает Россия и ряд других стран мира. Однако суть дела от этого не меняется, а риск для российского проекта достаточно велик, несмотря на его, казалось бы, впечатляющую динамику. В постсоветской России противники российского проекта всегда были поборниками русского национального государства, воссоздания новой империи, развития российской цивилизации, осуществления лозунга «стран много – народ один» вместо «народов мно-го – страна одна». Но в последние годы обозначился более чем существенный поворот в пользу антилиберального, антизападного, ультранационалистического тренда в общественно-политическом дискурсе и в реальной политике. Медийная индоктринация усиленно и успешно утверждает представления, что страна погрязла в проплаченном извне «либеральном маразме», и какой-то единственный спортивный болельщик-провокатор подпортил благородно-патриотический образ российских футбольных болельщиков с их фашистскими жестами и символикой, с возгласами «русские, вперед!».

До президентских выборов 2012 г. и после них слово «россияне» стали обзывать «поганым словом», а новый парламент принялся подвергать сомнению первую главу Конституции на предмет того, кем создано наше государство, а наступление на его административно-государственное устройство (точнее – этнотерриториальные автономии) стало почти общим местом. При обсуждении проекта «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации» в Общественной палате прозвучала фальсификация о том, что большинство россиян, якобы, не желают считать себя членами российской нации. Короче говоря, ментальный разброд по поводу фундаментального вопроса «кто – мы?» и «что есть Россия?» не ослаб, а только усилился, несмотря на возросший объем повседневных свидетельств и научных разработок, которые подтверждают ведущее место российской идентичности среди других коллективных форм лояльности граждан. Однако начнем с критики наиболее последовательных противников российскости.

Один из параноидальных националистов, бывший депутат Государственной думы А. Савельев в своей книге о русской нации обратил «патриотические призывы» уже не к тем, кто считает себя русскими: «Считать нынешнее жалкое население России русскими просто невозможно. Это “россияне” – отбросы наслоившихся эпох»[1]. Желая создать политическую партию под названием «Великая Россия», Савельев обратился к тому малому меньшинству, которое, по его мнению, все-таки не «отбросы», с вопросом: «Готовы ли мы… к последней битве? Готовы ли мы пасть, как пали последние защитники Константинополя?»[2]. Через издательство «Книжный мир» автор объявил прямой призыв к насилию, к кровопролитию, усугубленный наставлением: «Убийство во спасение возможно, а иногда и необходимо, нравственно обязательно»[3]. Каким же русским суждено остаться в России живыми? Тем, кто пройдет через «цензовую демократию», чтобы права гражданства и вообще права не получили «варвары в лице эмигрантов, бомжей, врагов собственного демоса». Цензовый принцип «призван осуществлять элитный отбор, давать преимущества лучшим представителям общества», т.е. самому Савельеву, его сотоварищам и соавторам. Прав должны быть лишены все те «Петрушки» и «Прошки», из каковых, по его мнению, и состоит большинство русского народа[4]. Савельев и его соратники выступают за монархо-фашистскую диктатуру, когда лидер вместе с восставшим народом свергнет «ублюдочную иерархию». Вот тогда «русские люди начнут строить свою жизнь свободно, не признавая зависимость от оккупационной власти, они тут же начнут замечать друг друга и помогать друг другу»[5].

Зная по научным трудам и по личному опыту ситуации больших этнических коллизий во многих странах и регионах мира – от Кипра, Шри-Ланки, Ольстера до Хорватии, Южной Осетии, Карабаха и Чечни, могу сказать, что именно такого рода речи и книги «спецов по подрывному делу» становились прелюдией насилия и началом процессов саморазрушения. Казалось бы, в один из наиболее динамичных периодов по части жизненного обустройства российских людей такого рода коллизии не могут грозить современной России. Но эта уверенность обманчива, ибо слишком многим хочется видеть в нашей стране «сотни Кондопог» и ежемесячные «манежки». Слишком многие продолжают пребывать в плену кризисной парадигмы, и даже те, кто вполне преуспел, не могут мириться с коррупцией и сверхбогатством очень немногих. Ко всему добавляются откровенные противники власти и стойкие ненавистники России.

Когда я читаю напечатанные массовым тиражом зарегистрированным российским издательством слова автора, некогда обладавшего федеральным депутатским мандатом, что «Гитлер опирался на пробудившийся дух нации, Путин опирается на болвана Петрушку да вора Прошку», что «Гитлер побуждал к подвигу расу собственной нации, Путин русскую расу презирает, ненавидит и боится»[6], то это уже не просто изощренное оскорбление русских, а клевета и экстремистская провокация. Есть ли смысл в такой атмосфере и с такими авторами вести научные дебаты? Наверное, есть, как и есть необходимость использования правовых воздействий на теоретиков вражды и насилия.

Совсем немыслимые вещи вытворяют некоторые публицисты и журналисты, которые не только ничего не понимают в науке, но и не умеют писать. В газете «Завтра» появилась статья некоего А. Данилина, в которой без всяких ссылок были перепечатаны дословно, как собственные, около 60 строк из моей опубликованной работы об антироссийской деятельности западных экспертных центров, а вслед за этим последовало лживое заявление о моей якобы работе на эти центры[7]. Я почти полвека занимаюсь научной работой, но такого наглого плагиата и огульных обвинений не встречал! Мне представляется, что профессиональное сообщество российских обществоведов должно более внимательно и требовательно отнестись к тем авторам (часто с научными степенями и с университетскими позициями), которые называют себя «прошедшими элитный отбор русскими» или подобными «сверхчеловеками» других национальностей и целенаправленно насаждают в нашем обществе идеи культурной непримиримости и расовых войн.

Однако мою озабоченность вызывает не просто рецидив крови и почвы в трактовке российского прошлого и настоящего, а набравшее силу и перекочевавшее из вузовских сборников в солидные труды направление «этнотравматологов» и «этновиталистики» (определения С. Ушакина), которое представляет собой смесь породненной с математическими формулами и социологическими графиками метасхоластики по поводу цивилизационной уникальности, неспешности/успешности России. И как нашей стране преодолеть переживаемую катастрофу и достичь успеха к середине III тысячелетия (! – *В.Т.*), расправившись прежде всего с внутренними врагами. Для авторов исторических «этнотравм» троп «русской трагедии» стал организующей метафорой при реконструкции прошлого. Демонстрация якобы трагического положения русской нации позволяет выявить «не русский характер» институтов Советского Союза и России и «антирусскую» природу политических процессов, связанных с этими институтами.

Авторы «трагедии великого народа», сторонники мобилизации жизненных сил этноса как бы вырабатывают эмпирически проверенные законы этнического выживания и восстановления разрушенного культурного генотипа. Как пишет С.А. Ушакин, «четкой грани между этнотравматологами и этновиталистами нет, и некоторые авторы используют в своих текстах оба подхода». Оба взгляда отличают организмический характер этнотравматологических и этновиталистских текстов: метафоры коллективного тела, органа, организма выступают здесь своеобразным фильтром, сквозь который осуществляется репрезентация социальных отношений. Выбор «фильтра» задает последовательность интерпретационных шагов – от «рождения» этноорганизма к его «болезни», «смерти» и возможному «возрождению». Несмотря на свой очевидный постсоветский характер, большинство теорий наций и национализма в современной России обязаны своей лексикой тем концепциям, которые оформились в последние десятилетия советской академической и университетской наукой. Понятие «этнос» здесь является ключевым. Экстравагантные гумилевские идеи пассионарной этнической солидарности, укорененной в конкретном «месторазвитии», и терминологическая дифференциация «этнического» и «национального» развития, предпринятая в работах Бромлея, сформировали теоретическую основу для постсоветских концепций этничности. «Лишенная явных следов дискредитированного советского марксизма-ленинизма, эта дискурсивная смесь биологических терминов, географических описаний, исторических обобщений и психологических концепций стала востребованной в ситуации идеологического коллапса 1990-х годов для авторов “русской трагедии” и исследователей “жизненных сил” русского народа»[8].

Своего рода ответвлением от виталистских постулатов стала так называемая политическая аксиология – писания «гуманитаристов» (так внедисциплинарно себя идентифицируют наиболее активные авторы) о национальной идее и ценностях этноса, нации, государства, цивилизации. В их числе на первом месте разработки-публикации Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования под научным руководством весьма уважаемого В.И. Якунина. Фактически это только два, но очень плодовитых автора – В.Э. Багдасарян и С.С. Сулакшин. В их последней монографии мы находим изложение и применение, как они пишут, «витального подхода в методологии научного познания», который рассматривает «социальные системы как живой организм». Суть этого метода излагается следующим образом: «Предлагаемый авторами витальный подход позволяет приблизить гуманитаристику к канонам строгой научности, добиться методологического синтеза

(синергии) естественных и гуманитарных дисциплин». «И если, – цитируют авторы Л.Н. Гумилева, – историк или этнограф встанет на этот путь, он получит столь же блестящие перспективы, какие уже имеют биологи, геологи и географы»[9]. Далее авторы определяют «витальные основания национальной идеи», отталкиваясь не только от Гумилева, но и от еще более дальних предшественников (О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского и других), которые соответственно уровню познания в XIX в. метафорически писали о «жизненных силах» народов, и которые для нынешних авторов стали основанием для «нового понимания форм живой природы». «Национальная идея, как ценностный концентратор, в таком подходе рассматривается не традиционно – в виде некоей умозрительной конструкции, а в качестве жизненно важной функции сложного социального организма. В этом смысле ее определение есть не вопрос субъективного выбора, а жесткое диагностирование видовой специфики исследуемого национального государства. По аналогии с живыми организмами вторжение в социальный цивилизационно-ценностный генетический код государства, выражающееся, в частности, в имплементации иносистемных идеологем, приводит, как и при генетических мутациях в биологическом мире, к уродствам и гибели организма»[10].

Исследовав «катастрофы и прорывы» в истории России (конечно, 1990-е годы, а не советский период попали в разряд катастроф), авторы «в результате эмпирической проверки» четко зафиксировали «ряд антиценностей, одинаковых для каждой из катастроф. Это совершенно устойчивый набор:

– свобода и автономность индивидуума;

– идейная деавтаркизация, возрастание степени открытости в отношении Запада;

– региональная автономизация;

– гедонизм, ревизия прошлого, отрицание исторической преемственности;

– девальвация ценностей государственного служения;

– антисистема и контркультура»[11].

А вот что относят авторы к позитивным (высшим) ценностям России (понятий *российский народ* и *россияне* они избегают, и поэтому непонятно, к какой нации это имеет отношение применительно к России): религия и вера, коллективизм, ценности души и сердца, совести, добра, нестяжательства, труда, разума, патриотизма и защиты Отечества, семьи. Здесь трудно что-либо возразить, ибо аргументы авторы черпают из фольклорного материала, прежде всего из пословиц. Чтобы почувствовать уровень аргументации, процитируем, как авторы начинают объяснение темы «религия как ценностная основа государства»: «Фундаментальную ос-

нову жизнеспособности этносов составляет религия. Вера задает смысл их историческому существованию. Обессмысливание жизни для этносов смерти подобно. Все прочие элементы духовного развития этносов так или иначе генетически восходят к религиозному фундаменту»[12]. Примерно с таких же крайне упрощенных позиций рассматриваются и другие ценности.

Однако при всей ущербности методологических подходов и идеологических установок в работах Багдасаряна и Сулакшина (последний автор также написал многотомный труд под названием «Национальная идея») содержится богатый материал о том, что они называют национальной идеей. По сути ими рассматриваются хорошо известные исторические процессы нациестроительства в разных регионах и странах мира. Это США, страны Европы, Латинской Америки, Азии (Япония, Индия, Китай). В ряде мест достаточно адекватно показано, как складывались нации и как обеспечивалась национальная консолидация в разные эпохи и в разных исторических условиях. Даже делается корректный вывод: «идентичности формируются по принципу “матрешечного” сосуществования. Отождествление себя с собственной нацией – не единственный тип идентификации. Более широкой по отношению к национальной является цивилизационная идентичность, более узкой – региональная и этническая»[13]. Но абсолютизация самого феномена национальной идеи, которую авторы нашли у всех наций вплоть до государства Самоа, но не нашли только в одной стране – России, выглядит как ненаучная.

Ошибочны и страноведческие трактовки – от Англии и Испании до Индии и Китая, где, кстати, ни политики, ни ученые не знают, что такое «этнос», и тем не менее достаточно успешно конструируют нации как в социально-политическом, так и в ментальном смыслах. Только эти нации называются не английская, а британская, не кастильская, а испанская, не ханьская, а китайская, не индусская, а индийская и все они построены не на этносе, а на многоэтничных согражданствах. Известный канадский историк Уильям Килборн написал в свое время книгу «Строитель-ство нации» («The Making of Nation»), основное содержание которой – это история строительства (с помощью китайской рабсилы) с восточного до западного побережий Канады двух трансконтинентальных железных дорог, которые связали страну и сделали ее единой нацией. Вот и вся национальная идея, реализация которой сохранила разные религии, языки и традиции разных групп канадцев! А вот по части железных дорог (точнее – их отсутствия!) как скреп государственности действительно можно говорить об уникальности нашей страны. Сегодня системы коммуникации индонезийцев («нации тысячи

островов») лучше, чем системы коммуникации россиян. Возможно, только Индия и страны Африки пребывают на уровне России.

Моя задача в заключении не разоблачать народившееся и довольно многочисленное племя агрессивных и невежественных авторов, которые не чтят ни мать, ни отца, ни собственную страну и ее народ ради электорального или коммерческого успеха от реализации своих писаний. Я не ставлю цель навязать свою точку зрения в среде научного сообщества по поводу того, что есть этничность и национализм, расизм и экстремизм и каково должно быть к ним отношение. Но мне кажется, что поставленный в свое время С.А. Ушакиным[14] негативный диагноз российскому обществознанию может обрести выздоравливающую силу при всей, казалось бы, маловероятности этого. А диагноз этот был следующим: «Утрата монополии традиционных схем советского обществоведения привела не столько к осознанному плюрализму школ и точек зрения, сколько к стихийной методологической неразборчивости. Кажется, нет ни одного подхода или теории, которые не могли бы вместиться при помощи неизбежных “и др.” и “и т.д.” в “реальность” неклассического обществоведа. На фоне общего исторического нигилизма “передозировка идеями” (выражение Виталия Куренного) породила иллюзии о том, что возможно непосредственное восприятие идей, не обремененное знанием тех рамок, благодаря которым и стало возможным появление этих идей»[15]. В такой ситуации есть смысл не зацикливаться на дебатах по поводу дефиниций и на критике паранаучной схоластики и политизированной публицистики. Есть смысл позволить себе более свободный язык в науке и политике, который отражал бы как культурную сложность, так и временну́ю динамику современной России.

КАК КОГО НАЗЫВАТЬ?

Одним из ключевых вопросов в теоретико-методологической сумятице стал вопрос, кого как называть. Здесь русский и российский, казалось бы, чаще всего конфликтуют и тем самым, по мнению некоторых специалистов, это свидетельствует об отсутствии консенсуса в отношении понятия «российская нация». У крайних русских националистов типа Курьяновича или Савельева на этот счет уже давно имеется ответ: В России есть русские, а остальные – это россияне, которых придумал Ельцин. Но любопытно и то, что А.И. Миллер в дискуссии в журнале «Pro et Contra» по поводу российской нации со ссылкой на «обыденное говорение» также воздержался в отношении легитимности термина россияне и, как он выразился, «не стал приводить примеры критических или иронических высказываний в адрес “российскости” – их масса»[16].

Я в этой «массовости» сильно сомневаюсь, ибо на всех больших собраниях и демонстрациях наших граждан, начиная от дней городов, юбилейных и спортивных праздников и концертов, кончая студенческими и научными собраниями, никакой массовой иронии по поводу российскости, кроме брюзжания части плохо переучившейся профессуры или поверхностных журналистов, совсем не замечается. Более того, А.И. Миллер вместе с О.Ю. Малиновой также полагают, что в обыденном говорении часто слово «российский» становится не объединяющим термином, а маркером «нерусскости». Приводится пример про физиолога Павлова и военного Жукова, которых, как они считают, можно назвать «великим русским ученым» и «великим русским полководцем», «но вот про Гинзбурга, запнувшись, многие скажут “великий российский ученый”»[17]. Подобный аргумент против российскости просто чудовищный. В этом случае все энциклопедии с завтрашнего дня нужно переписывать, ибо имена великих русских/российских художников Айвазовского, Левитана, Серова, Врубеля, писателей Гоголя, Паустовского, Бабеля, композиторов и исполнителей Глинки, Шостаковича, Гергиева, Шнитке, ученых Вернадского, Ландау, Капицы, военоначальников Блюхера, Рокоссовского, Баграмяна, Малиновского и многие тысячи других выдающихся имен во всех сферах как будто бы «многие говорят с запинкой».

Кстати, не менее половины упоминаемых в книгах по отечественной истории и культуре имен, начиная с малоросса Феофана Прокоповича, также попадают под категорию «запнувшихся» имен. Без запинки получаются только Павлов, Жуков и Пушкин. Нет, стоп! И с Пушкиным не все так просто. Знаменитый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона называл его «великим российским поэтом», как и многих тех, кого уже в советских энциклопедиях стали обозначать как русский или украинский, или же двойной дефиницией «советский грузинский писатель», «советский еврейский», «советский якутский», «советский тувинский». Если деятель творил до и после революции, тогда придумывались другие обозначения: «русский дореволюционный, советский писатель», «российский, советский конструктор» и т.д. Кстати, с похожей трудностью разрыва или неясности в национальной идентификации встретилось и нынешнее издание «Большой российской энциклопедии», пойдя в ряде случаев по привычному пути этнически выборочной дефиниции. Эти споры, в том числе предложения просто заменить «российский» «русским» при условии, что русский станет обозначением общности, открытой для людей с любыми этническими и расовыми корнями[18], кажутся безответственным верхоглядством.

О чем все это говорит? О несостоятельности вносить этнический или расовый элемент в базовую дефиницию того или

иного национального деятеля и делить нынешних и даже прошлых, в том числе и очень древних, культурных героев по принадлежности к той или иной этнической общности. Ну, какой смысл спорить, чей художник Пабло Пикассо – французский, испанский или каталонский: он принадлежит все трем культурам, в том числе и двум национально-государственным, и он есть часть мировой культуры. Интересно, что в период прижизненного творчества подобные «запинки» возникают гораздо реже, чем среди позднейших интерпретаторов и составителей разных словарей и энциклопедий. Павлов, Жуков и недавно скончавшийся Л.И. Гинзбург, как и тысячи других, никаких неудобств от того, что их называли и продолжают называть русскими, советскими или российскими, не испытывали. Почему вдруг у А.И. Миллера выходит запинка с Гинзбургом? А как тогда быть с однофамильцем автора статьи – академиком петровской академии Г.Ф. Миллером и сотнями других ученых, генералов, путешественников, чиновников, не только не русского этнического происхождения, но и подданных других государств, которые вошли в историю России как россияне и как русские. Беринг, Крузенштерн, Коцебу, Крашенинников, Лисянский, Семенов-Тян-Шанский и добрая половина имен на географической и административной карте России – это все те самые имена, при произношении которых «многие запинаются»?

Это чистый академический вымысел, над которым можно только обливаться слезами по случаю пустоты его содержания. Или же испытывать более определенные чувства отторжения, как, например, это происходит при чтении некоторых недавно появившихся «этнических энциклопедий». Ну, кого только нет среди еврейских, осетинских, армянских, мордовских, чувашских, татарских и прочих этнических иконостасов. Даже император Фридрих Барбаросса, оказывается, был из осетин, потому что его имя содержит идиому «осса». На этот счет у меня есть предложение: мертвые – не имут: называйте ушедших от нас, как вам хочется, а живых – лучше спрашивать: если «русский» и «даже более чем русский», как говорил о себе известный российский политик Аман Тулеев, значит, так оно и есть. И не Курьяновичу с Савельевым устраивать Тулееву «элитный отбор».

Думаю, чтобы снизить градус лженаучных дебатов, полезно знать новейшие взгляды российских историков на происхождение русских и на начальные этапы формирования российской государственности. Академик В.Л. Янин в интервью газете «Известия» в серии публикаций по обсуждению «Нового русского проекта» рассказал простую и на нынешний день, видимо, самую достоверную историю происхождения русских: «Богатые данные раскопок

в Новгороде, изучение антропологических типов, обрядов, керамики, даже фортификационных сооружений подтверждают, что славяне проникли на северо-западные территории современной России с южных берегов Балтики. А Суздаль заселялся все-таки с юга России. В XIII–XIV вв. различие диалектов на русских землях постепенно стирается. Но откуда появилось название "русские"? На этих территориях в мирном соседстве жили угро-финские племена меря, кривичи, славяне. Еще в давние времена ими овладели варяги, наложившие суровую дань – с каждого мужчины по беличьей шкурке. Не выдержав насилия, племена прогнали варягов, но пальму первенства между собой не поделили и вновь решили позвать на княжение иноземцев… Решено было призвать тех варягов, что проживали на территории Северной Германии и Северной Польши и называли себя Русью. Таким образом, первый «русский» Рюрик с дружиной появился на наших землях в 859–862 гг., правил 14–15 лет и жил в Городище – Новгорода еще не было. Рюрик завещал правление этих земель своему родственнику Олегу, оставив ему на руках сына Игоря. Олег в результате конфликта с коренными племенами начал движение на юг и завоевал сначала Смоленск, потом Киев. В условиях политического вакуума племена стали стягиваться к месту пересечения торговых путей, где и возник Новгород. Таким образом, "русские" – это самоназвание одного из варяжских племен»[19].

Некоторых новообращенных этнонационалистов очень беспокоит, что названия российских народов представляют из себя существительные (татары, башкиры, якуты и т.п.), кроме названия русские, которое представляет из себя прилагательное. Тем самым русские как бы и не совсем сущая единица этнического бытия. Это есть абсолютно пустой разговор, ибо происхождение этнических названий и самоназнаний носит причудливый и разнообразный характер. Если брать этническую карту мира, то в большинстве случаев названия народов – это атрибутивные характеристики, данные впервые вступившими в контакт с более могущественными соседями. У других соседей может быть распространено другое название народа-соседа. Поэтому многие народы имеют по несколько названий. Самоназвание почти во всех случаях означает на родном языке той или иной группы понятие «люди», «настоящие люди» и т.п. Кстати, названия всех крупнейших народов мира также по сути своей являются прилагательными, и их лингвистическая природа мало отличается от слова русские.

БЫТЬ И РУССКИМ, И РОССИЯНИНОМ

На тему национального самосознания довольно мудро размышлял Г.П. Федотов, историк, философ и богослов с того самого «философского парохода». «Россия – не Русь, но союз народов,

объединившихся вокруг Руси». Если русские будут игнорировать их голоса, «то и останемся в одной Великороссии, т.е. России существовать не будет»[20]. Как считал Федотов, наше национальное сознание должно быть достаточно сложным и гибким, чтобы учитывать многонациональную специфику государства. Для народов великоросской ветви «это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским». В том случае, когда речь идет о малороссах, формула приобретает такой вид: малорусское, русское, российское. Учет единокровного сопутствует в этих формулах расширению национального сознания и его тяготению к заботе об общем для всех нас доме. Задача каждого русского состоит в том, «чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его "русскости") в сознание российское. Это значит воскресить в нем, в какой-то мере, духовный облик всех народов России»[21].

Более 80 лет тому назад отечественный мыслитель смог выразить простыми словами сложный характер национального сознания русских и россиян, когда эта сложность выстраивается как неразрывная иерархия двух или трех идентичностей. «Не русский я, но – россиянин», – может сказать российский гражданин башкирской национальности (это слова поэта Мустая Карима). «Я русский и я россиянин, – может сказать российский гражданин русской национальности». Сегодняшняя ситуация в принципе осталась той же самой, но несколько проще в смысле иерархии идентичностей. Для сегодняшних россиян русской и украинской этнической принадлежности один из трех этажей ушел из речевой практики в связи с тем, что исчезла категория великороссов и малороссов: первые стали называться русскими (т.е. взяли на себя некогда более широкую категорию), вторые стали называться украинцами (вместо малороссов) и тем самым перестали считать себя русскими, а широкая категория русского ушла из употребления, кроме как применительно к русскому православию и к официальному названию Русской православной церкви, которая когда-то называлась Российской православной церковью. Русское перестало быть почти синонимичным российскости, хотя уже и для времени Г.П. Федотова эта синонимичность не была признанной.

Выдающийся философ вполне точно выстраивал национальное сознание (идентичность) как множественное (тройное) и не взаимоисключающее, а как бы расширяющееся и включающее в себя все более высокие уровни вплоть до общегосударственного (российского). Чрезвычайно интересно, что классик отечественной этнографии Тан-Богораз, внесший огромный вклад в изучение культур арктических народов и в теорию этнографии, сам в личном плане демонстрировал пример множественной идентификации как по

линии двойной этничности, так и по линии гражданско-этнической. Вот что он писал в своей автобиографии: «С ранней юности я себя считал не только евреем, но также и русским. Не только россиянином, российским гражданином, но именно русским. Человек может прекрасно иметь два национальных сознания…»[22].

Множественные и не взаимоисключающие друг друга уровни национального и этнического сознания сохранились и в сегодняшней России. Сторонники величия и «целостности» своего народа вместе с учеными ортодоксами и политиками с трудом воспринимают эти простые вещи про то, «сколько всего во мне намешано». Но открыто и официально эта банальность до сих пор не признана! Какая замутненность мысли или злонамеренность могут противиться формуле сложного самосознания? Понять этого до конца я так и не могу. Скорее, здесь аргументы переходят в сферу эмоций и отношения к человеку, который выражает позицию.

Я противник определения черт национального характера, если речь идет об этнических группах, а не о народе страны, когда обычно и говорят о национальном характере. Но для тех, кого этот вопрос очень волнует, могу сказать, что одна из характерных черт русских людей, как мне представляется, это сочетание стыдливости и принципиальности, что начисто отсутствует у нынешних «профессиональных» русских, т.е. тех, кто объявил себя «чисто русскими» и войну врагам народа. Невозможно назвать хотя бы один их реальный поступок в поддержку русского народа и культуры, кроме бездумной белиберды, громких пикетов и заявлений для прессы. Если меня не устраивало правительство Гайдара–Ельцина начала 1990-х годов, главным образом из-за разногласий с советниками президента по национальному вопросу Г.В. Старовойтовой и Р.Г. Абдулатиповым (я был против дальнейшего огосударствления статуса нерусских народов и абсолютизации прав меньшинств), то после полугода пребывания в должности министра подал в отставку по собственному желанию. Это был редкий случай добровольной отставки ельцинского министра. Вот и учились бы молодые политики и общественные активисты честным «русским поступкам», чем своей ненавистью и ограниченностью утюжить Интернет или устраивать пикеты против ученых.

При отстаивании интересов русского народа совсем нет нужды отвергать российскость. Главные направления утверждения русской идентичности лежат не в том, чтобы унижать или «чистить» русских от нерусских, а в том, чтобы обустроить города, деревни и районы преимущественного проживания русских, чтобы статус русских был высоким и уважаемым, как в российских республиках, так и за пределами России, чтобы русский язык и русская культура звучали по всему миру вместе с российским гимном и с российским флагом. Чем не нравится этот вариант?

Будем искренними – провозглашая новогодний 2005 г. тост «За российский народ!», президент Путин действительно до сих пор сильно разочаровывал русских националистов. Но насколько сильна президентская позиция в утверждении российскости? «Пока еще не пришло время выводить русское дело на уровень президента», – сказал мне один из ответственных работников Администрации президента, когда речь шла о «новом русском проекте». Это реплика и некоторые другие явления в российском общественно-политическом дискурсе навели меня на мысль: а может быть, в стратегии этнонационализма действительно есть апробированный смысл? Ведь взывают же татарские, башкирские и прочие этнонационалисты в России, что им очень не хватает русского национализма. Точно также сокрушаются русские националисты, о чем уже шла речь в моей книге. Чем вызваны эти настроения и во имя какой цели? Я уверен, что не для того, чтобы поддержать русский народ и его интересы, а чтобы отыграть собственную программу даже с риском прихлопнуть российские единство и целостность.

Современная политическая теория показала, что инвестировать в национализм в целом не более целесообразно, чем инвестировать в любую другую политическую позицию или идею. В определенные моменты национализм может приносить дивиденты. Но определить, когда такие периоды времени заканчиваются, очень сложно. По части справедливости и силы этнонационалистических мобилизаций политики и аналитики часто ошибаются, делая неоправданные обобщения. Именно такой ошибкой чрезмерного обобщения на уровне, якобы, проявившейся мировой исторической закономерности была оценка националистических выступлений в советских республиках в период горбачевского правления. Именно социологи и этнологи квалифицировали переписывание этническими активистами друг у друга разных манифестов и программ и протестные акции как «национально-освободительные движения», «гражданские движения», а затем и как «революции». Сейчас нам предлагают поверить еще в один вариант «революции крови» – на сей раз русской революции. Только против кого, не очень понятно, но жертвой может быть опять Россия.

Если бы периферийные этнические национализмы (от грузинского до эстонского) не соединились со стремлением разноэтничных элит республик отделиться от Москвы, чтобы прибрать к рукам местные ресурсы и обрести выход на внешний мир, никаких «национальных революций» в СССР, скорее всего бы, и не произошло. Идиома свободы ради власти была сильнее идиомы нации. Но если

националистические стратегии еще сыграли свою роль на стадии распада СССР и при создании новых этнократий, то их последующая судьба по части государствостроительства была заблокирована именно этническим компонентом. Большая ошибка думать, что некая этническая украинская партия возьмет власть в стране и объявит украинцев государствообразующей нацией. Русские, поляки, крымские татары, евреи и другие граждане Украины такого не позволят, и такой моноэтничной украинской Украины никогда не будет.

Этнические националисты проиграли почти все выборные кампании 1990-х годов, но это не означает, что они не могут их выигрывать и даже проходить в парламенты. Бывают редкие случаи, когда этнонационалисты берут под контроль центральную власть. И вот тогда совсем получается плохо. Взявшим власть приходится воевать с теми, кто не соглашается с главным этническим народом-героем, который все совершил и которому все должны быть благодарны: создал государство, развил культуру, завоевал независимость и т.п. Такие варианты не прошли и закончились войнами и драмами в Югославии, Грузии, Молдове, Азербайджане. Не пройдут эти варианты и в других странах: русские не станут казахами в Казахстане и в Казахстане будет не казахская, а казахстанская нация в качестве держательницы государственности. И в Латвии будет не латышская, а латвийская нация. Как скоро? Гораздо быстрее, чем мы думаем, прежде всего в силу ограниченности аргументов и ресурсов казахского и латышского этнонационализмов.

Конечно, у националистической политики есть свои интересы, но эти интересы очень узкие, крайне неустойчивые и труднореализуемые. Одними манипуляциями и обещаниями здесь дело не выиграть. Этнонационализм требует определить свой субъект как группу на основе культурной отличительности. В России один из его основных лозунгов «Россия – для русских!». Попробуем начать с первых лиц, с членов российского правительства и региональных администраций. Сразу станет ясно, что книгу с таким названием написать можно. Можно даже выдвинуть такой лозунг на выборах, но в жизнь воплотить его нельзя, по крайней мере в современной России. Вот как видит русский националист с замашками тоталитарного сектанта следующего президента России: «Русская национальная идея – “русский национализм” – опасна для элит, которые держат реальные рычаги власти. И власть, и оппозиция в целом настроены “цивилизованно” либерально-демократически, тогда как огромная часть населения, напротив, настроена националистически. Русский народ и русская идея для меня священны. Русские не примут преемника без русской идеи. При росте реальных националистических

настроений и при невозможности их воплотить в политику русские могут сделать один жест (быть может, жест отчаяния) – это плюнуть в преемника …Путин дал на фоне разложившегося Ельцина и разлагающейся язвы Кавказа стране ясный русский жест, строгие желваки, холодный взгляд серых русских глаз. С ним все было понятно, и русский фактор был, не исключено, решающим. И харизма у Путина русская, и рейтинг у него русский… Менее "русского", чем Путин, я полагаю, люди просто не выберут, нужен как минимум столь же русский. В этом, быть может, и лежит самая серьезная политическая угроза со стороны русского национализма»[23]. А если бы президентом захотел стать один из самых любимых в народе политиков, который 20 лет тушил пожары и спасал население от разных катастроф, но у него нет «серых русских глаз», тогда что? А почему 10 лет тому назад на том же самом фоне народ вполне спокойно воспринимал как возможного кандидата в президенты Е.М. Примакова и принимал премьер-министра М.Е. Фрадкова, у которых тоже нет «ясного русского жеста» и «серых русских глаз»? Одно могу сказать, что подобными откровенно этнобиологическими аргументами эмоционально можно воздействовать и даже очень сильно. Можно даже решить частную проблему, но для национальной идентичности россиян это имеет разрушительное воздействие.

Еще раз подчеркиваю, что в Российской Федерации проживают представители нескольких десятков исторически сложившихся и считающих себя нациями этнических общностей (народов). По Конституции они составляют один многонациональный народ. Это – российский народ (россияне), который имеет общую историческую судьбу, общие культуру и язык, общие национальное сознание и патриотизм. Российская идентичность, т.е. осознание себя россиянами, является свершившимся фактом, а это означает, что российский народ представляет собой многоэтничную гражданскую нацию, а Россия является национальным государством.

НАРОД, ВЛАСТЬ И НАУКА В ПОЛЬЗУ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

История постсоветской этнополитики была мною описана в недавней коллективной монографии, посвященной этническому и религиозному фактору в истории российской государственности[24]. По этой причине в книге нет такого раздела, как и главы, по позднесоветскому периоду – времени масштабного утверждения национальной идентичности в форме концепта советского народа и советского патриотизма (по этому вопросу в том же самом труде сделан анализ Л.М. Дробижевой[25]). Тем не менее завершить книгу без оценки общественно-политических тенденций

последних лет и без упоминания самых последних событий в области того, что ныне можно назвать действительно «национальной политикой» (nation-building), было бы неправильно. 19 февраля 2013 г. в Москве прошло второе заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, созданного летом 2012 г. (первое заседание проходило в г. Саранске 24 августа[26]). Председательствовал президент В.В. Путин. Тема заседания – «Об укреплении единства многонационального народа России (российской нации)». Президент высказался за укрепление гражданского согласия среди многонационального народа России и прежде всего за укрепление таких важных механизмов формирования общероссийского самосознания, как русский язык и единые версии исторического прошлого на уровне школьных учебников, а также поддержка и развитие традиций, объединяющих наш народ. Среди них президент особо выделил народные виды спорта.

Выступления членов Совета были в поддержку и в развитие высказываний главы государства и положений Стратегии государственной национальной политики, которая была утверждена президентским указом 19 декабря 2012 г. Богатый материал содержался в информационно-аналитическом докладе, подготовленном для этого заседания[27]. Этот доклад был сделан на основе социологических и других научных разработок, а также содержал программу действий и рекомендации для органов власти и для институтов гражданского общества. Для нас особенно важна оценка тенденций и перспектив утверждения в России национальной идентичности (самосознания). К моему удовлетворению, приведенные в данной книге результаты замеров общественного мнения и оценки, касающиеся социологии российской нации, во многом совпали с материалами Совета, хотя наши выборки и масштабы опросов были скромнее, а сам я не считаю себя профессиональным социологом. Именно по этой причине полагаю возможным в последнем разделе заключительной главы кратко изложить содержание этих материалов.

Трудно не согласиться с констатацией, что гражданское и межнациональное согласие – это не один раз достигнутое и не на века предопределенное состояние общества. Это постоянная динамика, нередко характеризующаяся проявлением различных форм радикализма и экстремизма. Это кропотливая работа государства и общества, требующая взвешенной политики межэтнических отношений, способной обеспечить и «единство в многообразии», и «многообразие в единстве». Эффективность национальной политики зависит не только от того, насколько власть и в целом общество заинтересовано в сохранении этнической идентичности

и защите интересов населяющих страну народов, но также от того, насколько плодотворными будут меры по укреплению единства многонационального народа. То есть насколько эффективно гражданская российскость будет сочетаться с этнической русскостью, татарскостью, башкирскостью, якутскостью и т.д. Ныне очевидно, что государственная политика по поддержке и развитию этнокультурного разнообразия должна быть ориентированной не только на укрепление этнического самосознания граждан, но и на укрепление единства народов России и межэтнической солидарности, на интеграцию граждан различных национальностей в единое сограждданство, формирование российской гражданской идентичности. Ниже приведем выдержки из материалов общероссийских социологических исследований Института социологии РАН*, результатов опросов Левада-Центра, Европейского социального исследования (ESS) о соотношении и содержании российской и этнических идентичностей за последние два десятилетия. Исследования Института социологии показывали, что в 1990-е годы и в начале 2000-х годов у граждан России преобладало ощущение связи с людьми своей национальности, доминировала этническая идентичность. Но и российская идентичность утверждалась исторически довольно быстро. В 2002 г. она была зафиксирована у 63% населения. В 2006 г. 65% опрошенных идентифицировали свою общность с гражданами России. В 2011 г., определяя свою идентичность, уже 95% респондентов (по данным исследования ИС РАН «20 лет реформ» под руководством М. Горшкова[28]) в той или иной степени идентифицировали себя как «граждане России», 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени» (см. график 1). *К 2011 г. российская идентичность стала самой распространенной среди наиболее значимых идентичностей, а ощущение связи с гражданами страны – более сильным.*

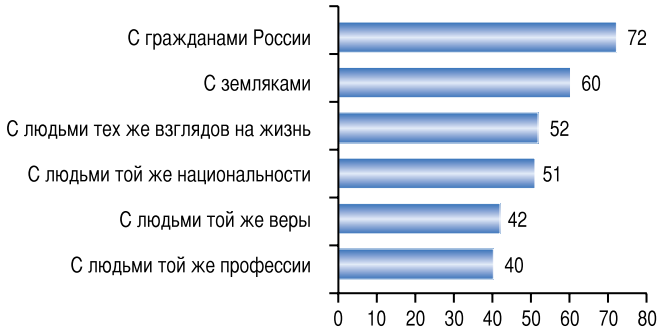
В 2000-е годы люди стали привыкать к новым очертаниям страны и ее месту в мировом сообществе. На смену критике советского прошлого, а затем «лихих 90-х» начало приходить понимание необходимости трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Давало результаты стимулирование чувства достоинства, самоценности граждан. Молодежь откликнулась на призыв «Россия, вперед!», начала проявлять интерес к исторической реконструкции знаковых событий прошлого (Невская битва, Бородинское сражение и др.), участвовать в воен-

---

* Исследование проведено при поддержке Фонда им. Ф. Эберта, охватывало 58 поселений, было опрошено 1750 респондентов.

График 1

С кем люди ощущают связь в значительной степени ?*, %



* Закрытый вопрос.

но-спортивных организациях («Десантник», «Военный десантник», «Русские витязи» и др.).

Почти полное совпадение принятия государственно-гражданской и этнической идентичностей (95% и 90%) дает основание предположить, что для многих, кто ощущал «сильную связь» как с людьми своей национальности, так и гражданами России, российская идентификация как бы наполнялась этническим содержанием. Хотя в реальности эти идентичности различаются. Раскрывая свое понимание российской идентичности, респонденты чаще говорят о государстве, месте России в мире, принадлежности к истории страны и достижениях в науке, культуре. Это подтвердили опросы в Саха (Якутии), Татарстане, Башкортостане. Понятие же этничности раскрывается через происхождение родителей, язык, обычаи, обряды, религиозную принадлежность[29]. Тем не менее, когда респондентам задавался уточняющий вопрос, кем вы себя чувствуете в большей мере, по общероссийскому опросу 25% ответили, что ощущают себя в равной мере теми и другими, но большая часть (47%) считала себя «скорее россиянами». При этом русские называли себя «скорее россиянами» чаще, чем представители других национальностей (48% против 39%). В республиках лица титульных национальностей считали себя прежде всего представителями своей национальности. За пределами республик разницы между русскими и нерусскими фактически не существует, но есть некоторые региональные различия. По данным Европейского социального исследования – ЕСИ (ESS), российскую идентичность чаще демонстрировали жители Дальнего Востока, Северного Кавказа,

Поволжья, в Центрально-Черноземном, Волго-Вятском районах и на Урале – 60,7–74,5%; на Северо-Западе – 59,7%, а в Западной и Восточной Сибири – 51,5–54,3% (по России на 2006 г. – 64,3%).

Исследование межрегиональных институтов общественных наук (МИОН) и Института социологии зафиксировало государственно-гражданскую идентичность у 90–95% респондентов в Воронежской, Свердловской, Томской областях, 82% – в Новгородской, Саратовской областях, 60–77% – в Калининградской области, Республике Бурятия, Приморском крае. В 2006–2008 гг. в Саха (Якутии) идентифицировали себя гражданами России 90% опрошенных среди и якутов, и русских. В Татарстане татары и русские чаще всего чувствовали себя и россиянами, и татарстанцами (63% и 71% соответственно).

Содержание представлений о российской идентичности зависит от ситуаций в регионах и от конкретных судеб людей. У одних превалирует идентификация по признаку государственной принадлежности, у других – это больше выполнение гражданского долга, обязательств перед своими согражданами. В первом случае российская идентичность выступает больше как идентификация с государственной общностью – как национально-государственная, политическая идентичность, во втором – как гражданская идентичность. *Гражданское общество еще только формируется, а историческая традиция больше акцентирует представления людей в сторону лояльности государству, нежели гражданской солидарности.* Поэтому даже при сходных показателях идентифицирующих себя с российскими гражданами значение и символы российскости у людей могут различаться. Относительно высокие показатели по Северо-Кавказскому региону, полученные в Европейском социальном исследовании, связаны больше именно с комплиментарным отношением к государству, желанием продемонстрировать лояльность при опросе. Каких-то заметных возрастных различий в идентификации себя как россиян и по этнической принадлежности не обнаруживается. *При таких высоких показателях распространенности и российской, и этнической идентичностей подтверждается их совместимость и теряет остроту вопрос их конкурентности, а тем более – взаимоисключающей сущности, как это пытаются представить противники российскости*.

Казалось бы, данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы об этнической разобщенности населения страны. Однако важны основания, на которых строится самосознание российской общности. Очевидно, что в обществе есть ценности и потребности людей, которые становятся цементирующими. Сама страна, Родина – ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который

именуется патриотизмом. «Что для Вас значит быть патриотом России?», – спрашивали в ходе опросов респондентов. Во всех поколениях были согласованные ответы: «любить свою страну» – 95–99%, «стремиться улучшить жизнь в стране» – 92–97%, «гордиться своей страной» – 91–97%. Это ответы на вопрос об абстрактных представлениях респондентов. Исследователи Левада-Центра задавали вопрос, относящийся к самому респонденту: «Гордитесь ли вы тем, что живете в России?». С 1996 г. они получали положительные ответы («определенно да», «скорее да») от более 70–80% опрошенных. Фиксируется устойчиво объединяющая идея – равенство возможностей для проявления способностей каждого – 60%. Эта ценность очевидна для молодежи в возрасте 18–30 лет. Она существенно выше, чем представления о необходимости равенства в доходах (68% против 30%). Устойчивой ценностью остается ценность свободы. Мнение «свобода – то, без чего жизнь теряет смысл» в 2001 г. выбрали 71%, в 2011 г. – 56% опрошенных. Для большинства свобода – это «возможность быть самому себе хозяином». При этом она часто сочетается с выраженным конформизмом («главное – материальное благополучие, а свобода второстепенна» – 41%). Важно, что ценность свободы не противоречит, а сочетается с патриотическими установками. 52–55% респондентов устойчиво придерживаются мнения «Родина у человека одна, нехорошо ее покидать».

В опросе Института социологии регулярно задавался вопрос: «Какая идея сегодня могла бы *вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей*?»* (респондентам предлагалось выбрать из 11 вариантов не более трех ответов). Наиболее характерные показатели ответов приведены в таблице.

Наибольшее число предпочтений (42%) в 2011 г. получила *идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы*. Идеи «объединения славянских народов», «решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством», «правового государства» набрали соответственно 13%, 26%, 38% ответов. Мнение об «особой исторической миссии России» разделяют не более 9% опрошенных. Скорее, идея величия – это компенсаторная потребность, и связана она с патриотическими настроениями. При этом какие-либо идейные течения не являются очевидно объединяющими, самая большая группа населения (56%) не привержена определенным идеологическим предпочтениям. Для поддержания единства принципиальное значение имеет восприятие России как общего дома для живущих в ней людей, в том числе людей разных национальностей. Мнение «Россия – общий дом для многих народов.

---

* Эти и последующие данные приводятся по результатам опросов ИС РАН 2011 г., 1750 единиц наблюдения.

Таблица

Что сегодня могло бы сплотить людей во имя общих целей?

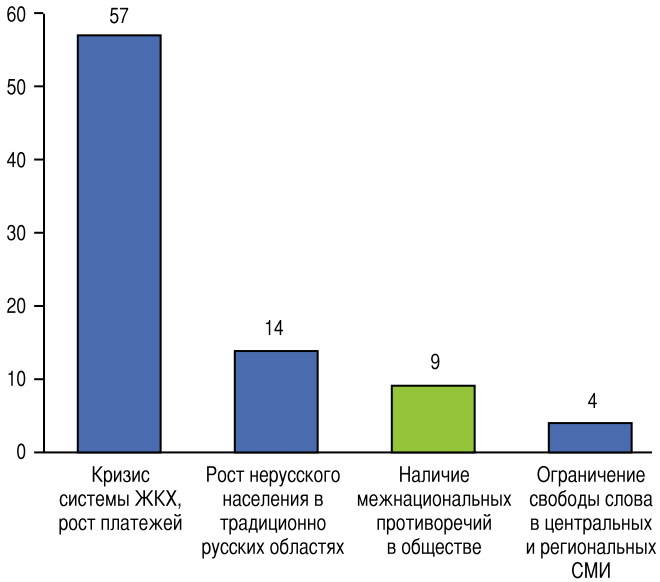
Варианты ответов	Год	%
Единение народов России в целях ее возрождения как великой державы	1995 2001 2011	41 48 42
Укрепление правового государства	1995 2001 2011	30 47 38
Объединение народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством	1995 200 12011	24 24 26
Объединение всех славянских народов	1995 2001 2011	9 15 13
Особая историческая миссия русского народа	1995 2001 2011	7 8 9
Очищение через православную веру	1995 2001 2011	6 8 9
Равенство возможностей для проявления способностей каждого	2001 2011	61 60
Россия – общий дом для многих народов. Все народы России должны обладать равными правами	1995 2001 2011	65 61 47

Все народы России должны обладать равными правами» разделяли в 1995 г. 65%, в 2001 г. – 61%, в 2011 г. – 47% респондентов. Причем среди старшего поколения доля людей с таким представлением чуть больше. В республиках это мнение поддерживалось еще более широким кругом людей – свыше 80–90% в Саха (Якутии), Татарстане, Башкортостане. Естественно важно, какое государственное устройство может объединять людей. Наиболее распространено мнение, что народы должны сохранять автономию внутри страны – 73%, среди нерусских – 79%.

По данным Левада-Центра в 2006–2010 гг. среди забот, которые осознают люди, наличие межнациональных противоречий отметили 9%, и эти заботы были на 14 месте из 20 перечисленных. Рост нерусского населения в традиционно русских областях как за-

График 2

Межнациональные отношения как заботы людей
(из 20 позиций, вызывающих тревогу опрошенных), %



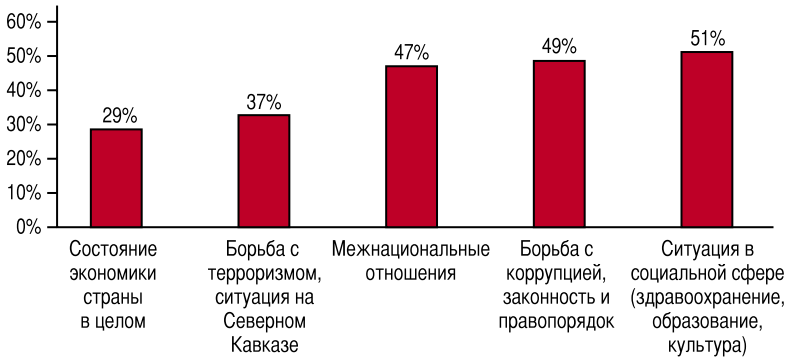
ботящую проблему назвали 14%, и этот фактор был на 13 месте (см. график 2).

О каком же государстве мечтают россияне?* За либерализацию всех сторон жизни высказались 28% граждан в возрасте до 55 лет, за государство со смешанной экономикой – 21%. О сильном государстве с социалистическими отношениями мечтают 57%. В идеальном государстве будущего для россиян важно чувство общности, коллективизм и жесткое управление – 54%. «Россия должна быть великой державой» – эту идею разделяет 66% россиян. Ее поддерживают не только государственники (72%), но и в либеральном сегменте общества (52%). Таким образом, *при реализации государственной национальной политики есть на что опереться как в деле укрепления единства российской нации, так и поддержания межэтнического согласия.* Особенно с учетом того, что 89% респондентов заявляют: «насилие в межнациональных отношениях недопустимо». Более того, общий порядок степени привлекательности объединяющих идей остается достаточно устойчивым. Таким

* Данные опросов ИС РАН 2012 г., 1750 единиц наблюдения.

График 3

Оценка ухудшения дел в различных сферах жизни российского общества (2011 г.), %



образом, ресурсом укрепления единства российской нации выступают следующие факторы и положения:

свыше 90% населения идентифицируют себя гражданами России;

устойчиво объединяющая идея – равенство возможностей для проявления способностей каждого, ценность свободы как «возможность быть самому себе хозяином», сочетающаяся с мнением «Родина у человека одна, нехорошо ее покидать»;

имеет место совместимость российской и этнической идентичностей большинства граждан России;

воспроизводится историческая память и идея единения народов России в целях ее возрождения как великой и сильной державы;

проявляются солидарные установки: Россия – общий дом для многих народов, все народы России должны обладать равными правами;

признаются интересы народов, дающих названия республикам, сохраняются общий взгляд на сложившееся федеративное устройство страны и желание жить вместе.

Вместе с тем оценить в целом состояние в межэтнических отношениях можно только в том случае, если представить положение с межэтнической нетерпимостью, т.е. с факторами риска. Социологические исследования по вышеупомянутым проектам показывают, что в межэтнических отношениях имеются серьезные проблемы. Среди ухудшений в различных сферах жизни в 2000-е годы 47% респондентов упомянули именно межнациональные отношения (см. график 3).

Нарастание напряженности в межэтнических отношениях отмечают представители всех возрастных групп, чаще его замечают люди с высшим образованием (36%). Острота проблемы нарастает с увеличением размера населенного пункта, достигая пика в Москве и Санкт-Петербурге, где обострение фиксируют 53%. По данным ВЦИОМ за 2010 г., на вопрос (закрытый вопрос, один ответ без подсказки), как, на ваш взгляд, за последний год изменились межнациональные отношения в России, получены ответы, характеризующие их как напряженные. В целом по России такого же мнения придерживаются от 29 до 35% респондентов.

Для определения перспектив утверждения гражданской идентичности важен молодежный срез социологического анализа. По данным опроса российских школьников ВЦИОМ*, 73% идентифицируют себя как граждане России и только во вторую очередь – как представители своей национальности (35%). Склонность идентифицировать себя с представителями своей национальности наиболее выражена у школьников Казани (40%), Москвы (42%) и Владивостока (43%). При этом степень актуализации этнической идентичности возрастает по мере взросления школьников. Так, если в 5–6 классах она уступает место самоидентификации по роду занятий (29% против 32%), то в 9–11 классах идентифицируют себя со своей национальностью уже 40% школьников.

Исследования свидетельствуют, что в ряде республик Северного Кавказа, Якутии существуют серьезные диспропорции этнического представительства в системе высшего образования. Подобные процессы приводят к снижению уровня образованности представителей русской молодежи и их конкурентоспособности на региональных рынках труда, а также к стимулированию их отъезда в другие регионы России, где получение высшего образования не сопровождается дискриминацией по этническому принципу.

В некоторых регионах высока доля тех, кому приходится сталкиваться с ограничением своих прав по национальному признаку. В столице Республики Тыва – Кызыле об ограничениях в свой адрес заявили 21% русских и 14% тувинцев. В Бурятии – обратная ситуация: об ограничениях по национальности и языку сообщили 6% русских в г. Улан-Удэ и 14% городских бурят. В Республике Алтай на 17% ущемленных русских пришлось 14% ущемленных алтай-

---

* В ходе исследования ВЦИОМ «Формирование общегражданских установок и этнических стереотипов в школьной среде» было опрошено 6800 учащихся средних общеобразовательных учебных заведений в 16 городах России. Тип выборки – квотная по полу и возрасту; в точках опроса в национальных республиках был введен дополнительный критерий квотирования – по национальности. Опрос проводился методом аудиторного анкетирования школьников по месту их учебы.

цев. Не упоминают о каких-либо ущемлениях прав русские в Карелии, Коми, Удмуртии, Мордовии, Марий-Эл.

Проживая с рождения или длительное время в республиках, русские скептически оценивают возможности быть избранными на региональных и местных выборах, указывая, что это в значительной мере зависит от их национальности. Две трети респондентов-русских в республиках Юга России и Северного Кавказа заявляют о неравенстве в части возможности быть назначенным на ответственный пост. На эту проблему указывают также свыше 45% представителей титульного кавказского населения. В Северной Осетии о таком неравенстве говорят 73% русских, среди осетин данное мнение поддерживают 53%; в Адыгее – 65% русских и 38% адыгейцев; в Карачаево-Черкесии – 84% русских, 87% черкесов и 45% карачаевцев; в Калмыкии о неравенстве в избирательной сфере заявили 71% русских. В Татарстане о соответствующих приоритетах по этническому признаку при избрании на ответственный пост указали 48% русских, живущих в Казани, а в Башкирии – 69% русских, проживающих в Уфе.

В исследовании Института социологии 2011 г. оказалась высокой доля испытывающих раздражение к представителям других национальностей – 68%. Левада-Центр, регулярно проводящий исследования межэтнических отношений, фиксировал, что враждебность со стороны людей других национальностей чувствовали часто и довольно часто в 2006–2010 гг. 10–16%, а 26% – редко. 10–19% респондентов сами испытывали такие чувства часто и довольно часто, а 30–25% из них – редко[30]. Таким образом, 10–19% – это группа риска, а четверть респондентов относятся к тем, установки которых неустойчивы и могут меняться. *Людей, испытывающих раздражение к людям других национальностей, в республиках меньше, и это является следствием как длительного общения, которое стало восприниматься как привычная необходимость и заинтересованность во взаимодействии, так и результатом образца поведения, который демонстрирует республиканская власть*. В республиках учитывается и опыт последствий межэтнических напряжений и реальных конфликтов и, наконец, там меньше иноэтничных мигрантов, прибывших за короткое время, как это наблюдалось в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и других крупных городах, где население было вынуждено быстро приспосабливаться к новому этническому окружению.

Есть и другой, подтвержденный опросом негативный симптом – солидаризация на этнической почве в немалой мере основана на обидах. 62% респондентов присоединились к мнению: «Люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди

русских это мнение разделяют больше людей, чем среди представителей других национальностей – 64% против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из СССР народов бывших союзных республик, за национальные движения, в ходе которых русских обвиняли в имперской политике, наконец, за критику пережитого прошлого. Отсюда такая чувствительность к вопросу о том, какое место должно занимать большинство в полиэтническом пространстве страны. За 20 лет эти обиды не ушли из сознания людей. Среди угроз, которые вызывают наибольшие тревоги, опрошенные на втором месте после терроризма назвали опасность «втягивания России в долгосрочный конфликт на Кавказе».

Не потерял остроты вопрос о том, является ли Россия общим домом для живущих в ней национальностей. Представление о том, что все народы, населяющие Россию, должны обладать равными правами, остается наиболее распространенным, но с каждым годом все меньше людей поддерживает этот вариант. В 1990-е годы это было мнение очевидного большинства (64–65%), в 2001 г. – 61%, а в 2011 г. – 47% респондентов. Зато это мнение по-прежнему поддерживает большинство населения в республиках (в Башкортостане, Татарстане, Саха (Якутии) 80–90% опрошенных). По общероссийской выборке увеличилась доля тех, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей» – с 25% в 1995 г. до 45% в 2011 г. В столицах же (Москве и Санкт-Петербурге) довольно высок процент «мягких националистов» (40% против 30–32% в других типах поселения), уверенных, что русские, как большинство, отвечающее за дела в стране, должны быть наделены бóльшими правами, чем другие народы. Наиболее радикально настроенные респонденты полагают, что государственное устройство следует изменить. Левада-Центр неоднократно получал данные о поддержке идеи «Россия для русских» – ее поддерживали до 50–56% населения. С этим лозунгом выходят демонстранты на «Русский марш». Среди сторонников идеи наделения русских бóльшими правами сильнее выражены установки на допустимость насилия «в случае нарушения справедливости в отношении моего народа» и готовность к отделению «неблагодарных» народов.

Рассмотрев как позитивные перемены, так и риски в сфере межэтнических отношений, можно сказать, что *ставшая массовой и достаточно сильной российская идентичность, цементирующая российскую политическую нацию, – безусловно, важный итог постсоветских десятилетий, но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм обид, фобий и переживаний*.

По оценкам Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям причинами распространения проявлений межэтнической нетерпимости являются:

неподготовленность представителей органов власти к деятельности по профилактике межэтнической напряженности и налаживанию межэтнического диалога;

недостаточная эффективность деятельности правоохранительных органов по пресечению противоправных действий, межэтнических конфликтов на фоне роста недовольства общества коррумпированностью сотрудников правоохранительных органов;

продолжающееся использование языка вражды в СМИ в отношении не только этнических меньшинств и мигрантов, но и русского народа;

невысокий культурно-образовательный уровень значительной части молодежи, не получившей соответствующего воспитания или, напротив, усвоившей в семье, школе или вузе негативные этнические стереотипы;

принижение в системе образования роли гуманитарного знания в деле изучения исторического опыта взаимодействия народов России, знаковых событий, раскрывающих истоки общероссийского единства и солидарности;

замкнутость мигрантских этнических сообществ при высокой степени социально-экономических и этнокультурных отличий от местного населения, их слабая интегрированность в общественную жизнь.

Общий вывод состоит в том, что *российская идентичность, устойчиво совмещаемая с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает раздражения и в некоторых случаях враждебности к представителям других национальностей, которая часто есть следствие недовольства системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливостей, неравенства, коррупции, беззакония.* Нужны усилия общества и власти по достижению того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию своим общим домом.

[1] *Савельев А.Н.* Время русской нации. М., 2007. С. 14.
[2] Там же. С. 15.
[3] Там же. С. 53.
[4] Там же. С. 513–514.
[5] Там же. С. 536.
[6] Там же. С. 516–517.
[7] *Данилин А.* Странности толерантности // Завтра. 2007. Август–сентябрь. № 35.
[8] *Ушакин А.С.* Жизненные силы русской трагедии: О постсоветских теориях этноса // Антропология социальных перемен / Под ред. Э. Гучиновой, Г. Комаровой. М., 2011. С. 134–138.

[9] *Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Высшие ценности Российского государства. М., 2012. С. 29.
[10] Там же С. 31.
[11] Там же С. 75.
[12] Там же С. 162.
[13] Там же С. 289.
[14] *Ушакин С.А.* Указ. соч. С. 129–170.
[15] См.: *Куренной В.* Заметки о некоторых проблемах современной отечественной философии // Логос. 2004. № 3–4. С. 23. Сходную дискуссию о состоянии отечественной антропологии см.: Антропологический форум. Специальный выпуск. 2005.
[16] *Миллер А.И.* Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra. 2007. Май–июнь. № 3. С. 12.
[17] Там же; *Малинова О.Ю.* Конструирование идентичности: возможности и ограничения // Pro et Contra. 2007. Май–июнь. № 3.
[18] См., например: *Соколов М.* Как уйти из грамматической ловушки // Эксперт. 2006. 13 нояб. № 42 (536).
[19] Известия. 2007. 7 сент. С. 10.
[20] *Федотов Г.П.* Будет ли существовать Россия? // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: В 2 т. СПб.; София. 1991. Т. 2. С. 181.
[21] Там же. С. 179–181.
[22] Деятели СССР и революционное движение в России / Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 442.
[23] *Дугин А.* Русский вопрос // Россия. 2007. 22–28 февр. № 7.
[24] *Тишков В.А.* Этнополитика в истории постсоветской России // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М., 2012. С. 380–444.
[25] *Дробижева Л.М.* Этничность в общественно-политических процессах СССР последних двух десятилетий // Там же. С. 332–379.
[26] См. мою статью в связи с этим мероприятием: *Тишков В.А.* Путь к себе / Российская газета. 2012. 24 авг.
[27] Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Информационно-аналитический материал «Об укреплении единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». М., 2013.
[28] 20 лет реформ глазами россиян / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2011.
[29] См. последнюю книгу Л.М. Дробижевой «Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации» (М., 2013).
[30] Общественное мнение (ежегодник). 2010. С. 90.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пространное введение .....

Часть I

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глава 1. Как понимать «народ» и «нацию» .....
Глава 2. Образ страны и национальная идентичность.....
Глава 3. Денационализация отечественного прошлого .....
Глава 4. Рождение российской национальности .....
Глава 5. Карамзин и Пушкин о российском народе .....
Глава 6. Национализм в пореформенной России .....
Глава 7. «Многонародное» государство с «национальным ядром»...
Глава 8. Восточное направление российской колонизации .....
Глава 9. Большая русская нация и российские окраины.....

Часть II

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

Глава 10. Временное правительство, автономизм и областничество ...
Глава 11. «Советский» вместо «российский».....
Глава 12. Территориализация этничности.....
Глава 13. Начало советского нациестроительства.....
Глава 14. Отечественная война и советский патриотизм .....

Часть III

СОЦИОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Глава 15. «Российский» вместо «советский» .....
Глава 16. Этнокультурный облик россиян.....
Глава 17. Этнорегиональная динамика идентичности.....
Глава 18. Религия в духовной жизни российского народа.....
Глава 19. Российская идентичность между религией и светскостью

Глава 20. Молодые россияне: национализм или социальный протест?
Глава 21. Российский народ и его цивилизационная миссия .....

Часть IV

РУССКИЙ МИР

Глава 22. История и география русского мира .....
Глава 23. Русский язык и русскоязычное население.....
Глава 24. Российская полиэтничность в мировом контексте.....
Заключительная глава. И русский, и российский .....

Научное издание

Валерий Александрович Тишков

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
В пяти томах
Том 4

Российский народ
История и смысл национального самосознания

Редактор *Е.Ю. Федорова*
Художник *П.Э. Палей*
Корректоры

Подписано к печати 00.00.2021. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл.печ.л. 00,0. Уч.-изд.л. 00,0
Тип. зак.

ФГУП Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: info@naukaran.com
https://naukapublishers.ru
https://naukabooks.ru

ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6